

Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых свещ. Иоанн Верюжский

Мне же зѣло честни Быша друзи Твои, Боже, зело утвердишися владычества их изочту их, и паче песка умножатся.

Псал. 138. ст. 17, 18.

Его преосвященству, преосвященнейшему Феодосию, епископу вологодскому и устюжскому, усерднейшее приношение.

Преосвященнейший Владыко, милостивейший Отец и Архипастырь!

Тебе принадлежит мысль собрать во едино для пользы потомства уцелевшие от времени и дошедшие до нас сказания о жизни и трудах святых угодников, подвизавшихся в стране нашей, одним из Твоих предместников по кафедре названной Фиваидою севера, – сказания и записи, тлеющие в архивах монастырей и церквей на тысячеверстном пространстве Вологодской епархии, и то рукою времени, то другими неблагоприятными обстоятельствами с каждым годом все более и более истребляющиеся и теряющиеся. По Твоему Архипастырскому благословению и указанию начать, при Твоем руководстве и содействии окончен труд сей. Воззри на него отечески, с обычаем Тебе, снисхождением, и прими милостиво, как жертву приносимую Тебе истинною преданностью и любовью.

Вашего преосвященства, Милостивйшего Отца и Архипастыря нижайший и усердный послушник священник Иоанн Верюжский.

Исторические сказания о жизни святых

Вологда, не отличающаяся ни качеством климата, ни красотой местоположения и далеко уступающая многим из губернских городов по своему устройству, промышленности и торговле, замечательна по своей древности и многочисленности в ней храмов Божиих, которых в ней и ныне насчитывается до 54, а прежде было и еще более, так что в этом отношении, принимая во внимание число ее жителей, она превосходит даже и Москву. Изыскатели древностей и любители отечественной истории также немало найдут для себя интересного на страницах ее многовековых летописей. Если допустить, что жители Печеры еще во время княжения святого Владимира были подвластны и платили дань Новгороду¹; то и начало Вологды, как места населенного и колонии и новгородской, надобно отнести к тому же, если еще не к более раннему временн. Ибо из Новгорода на Печеру не было другого пути, как только чрез Вологду, и нельзя было новгородцам завоевать и держать в подчинении столь отдаленный край, не овладев наперед местами, находившимися ближе, и не населив их своими соотечественниками, для надзора и управления местными жителями, Чудью белоглазой. По крайней мере в 1147 году, когда на месте нынешнего кремля Московского был дремучий лес и сырой бор, на берегах р. Вологды находились уже многолюдные посады с торговыми площадями и церковью. В 1260 году, когда еще никто в России и не думал об исправлении и улучшении естественных водяных сообщений, князь Глеб Васильевич близ Вологды положил тому начало, прорыв каналы на реках Вологде и Сухоне, доныне известные под названием «Княж Глебова прост». Долго Вологда служила единственным путем за море и в богатую мехами и золотом Пермь великую и Сибирь и многих из венцносцев России видела в стенах своих в самых разнообразных положениях. Василий Темный был в ней побежденным и жалким узником Шемяки, кровью вписавшего имя свое в историю Вологды; Иоанн III, бывши в ней в первый раз пленником вместе с отцем,

был и победителем мятежного князя Галицкого, возвращаясь из Кокшеньги; Василий Иванович приезжал в Вологду смиренным и набожным богомольцем, щедрою милостынею наделяя монастыри и испрашивая чадородие новой своей супруге Елене Глинской; сын его Грозный три раза приезжал в Вологду со всею пышностью и величием царским, и один раз прожил в ней три года и пять месяцев, выкопал Золотуху, построил собор, заложил каменную крепость (стену) вокруг города и хотел основать в ней свою резиденцию. После потешного плавания на прудах Пресненских и Переяславльском озере, из Вологды Преобразователь России начал шествие свое к морю на судах, чтобы уже серьезно заняться мореплаванием и заведением флота, и был в ней до пяти раз. Уцелел доныне дом, в котором он в последний раз останавливался, вместе с Императрицею, за несколько месяцев до своей кончины. Не мало и других замечательных событий горьких и радостных записано в многовековой летописи Вологды: Монголы и Татары, Литва и Поляки, Черкасские воры и Новгородская вольница, – все, и свои и чужие, с одинаковою жестокостью проходили по стране, пролагая себе путь огнем и мечем, и как бы стараясь превзойти друг друга в разорении жителей, убийствах, грабежах и пожарах. Более двух с половиною веков прошло с того времени, как уже нога неприятелей не бывала в стране Вологодской; но народ еще и поныне вспоминает «панов» и все останки древних земляных укреплений, валы, рвы и насыпи относит к их времени.

Еще более замечательна и должна быть дорога сердцу каждого русского, православного, страна Вологодская по множеству бывших в ней обителей иноческих и подвизавшихся в них великих угодников Божиих. Казалось, что дремучие леса и болота Вологодские только и удобны, что для жительства диких зверей; но в них отовсюду стремились искавшие себе уединения и безмолвия, и вся страна от берегов Нурмы и Комелы до Печеры и Вычегды, так сказать, усеяна была монастырями и уединенными кельями иноческими, так что по справедливости и без всякого преувеличения можно было назвать ее Фиваидою севера. «Куда ни посмотрю, везде вижу целые лики святых»,

говорит один из архипастырей Вологды², «Воззрю ли на восток? Там Прокопий Устюжский отводит молитвами своими каменную тучу, висящую над Устюгом; там Феодосий Тотемский среди славных источников открывает новый неиссякаемый кладезь соли духовной и сам соделывается солью земли Тотемской, спасающею от гниения души и сердца. Обращусь ли к западу? Здесь обители Св. Павла Обнорского, Св. Корнилия и Арсения Комельских высятся яко твердыни духовные в прибежище и оплот воинов Христовых, в отражение врагов видимых и невидимых. Посмотрю-ли на север? Тут, среди волн на скале каменной, вижу несокрушимее всех скал и камней раку святого благоверного князя Иоасафа, преподобных Петра и Василия. Приникну ли к югу? Там почивают, или лучше сказать, стоят на страже духовной святые основатели церкви Вологодской – священномученики Герасим, Иона и Питирим. Осмотрюсь ли кругом себя? Се Димитрий Прилуцкий! Се Галактион Спасокаменский! Се Герасим Киевский! Се, в самом храме сем, Антоний Вологодский!» Кроме Стефана, еще в детстве его матери нареченного епископом Перми и своими апостольскими трудами просветившего верою народ зырянский, кроме его святых преемников, собственною кровью запечатлевших свое служение евангельской проповеди, и других многих угодников Божиих, из различных званий и состояний, подвизавшихся в стране Вологодской и различными путями достигших царствия Божия – как плодоносны и благодородны были одни только дремучие леса Глушицкие, болота Комельские и голая каменная скала среди Кубенского озера! Как широко распространилась слава о их пустынных обитателях, сколько отовсюду привлекали они в себя выходцев, приходивших с востока и дальнего запада, и каких дивных подвижников благочестия породили и воспитали в себе! Юноши и старцы, бельцы и монахи, игумены и архимандриты, оставляя свои дома и обители, с одинаковым усердием и любовью стремились учиться жизни равноангельной в их пустынном безмолвии. Один идет из далекой Греции, другой из Перми, тот тайно оставляет родительский дом в Москве, иной – настоятельство в знаменитой лавре Сергиевской, князь меняет порфиру свою на

власяницу и мантию, богатый купец оставляет свои богатства и делается ничего неимущим и смиренным послушником; и какой многочисленный и светлый сонм святых составили они! Какими высокими подвигами веры и добродетели не ознаменовали себя? Они жили в той же стране, где и мы живем, под тем же небом, в тех же условиях почвы и климата, дышали тем же воздухом, пили ту же воду, а часто находились и в тех же обстоятельствах житейских, как и мы; ибо мир всегда был один и тот же, и в этом отношении верен сам себе; и потому жизнь их должна быть для нас предметом изучения, образцом и примером для подражания, руководством и наставлением нам к исполнению христианских обязанностей; в ней можно найти и указание на все возможные случаи и обстоятельства, в какие только поставлен бывает человек.

Жаль только, что время и обстоятельства не сохранили и не передали нам в целости этого наследства нашего, что многие подвиги святых угодников навсегда уже сделались для нас неизвестными, забыты самые места, где погребены святые и труженические тела их. Потому тем более мы должны дорожить и стараться сохранить и передать потомству хотя то немного, что уцелело от руки времени и дошло до нас. Это святой долг и неременная обязанность наша как пред святыми угодниками страны нашей, так и пред детьми и потомками нашими. Жизнеописания святых Вологодских должны быть настольною книгою каждого вологжанина. В них каждый из нас найдет себе необходимое наставление и пример для подражания; ибо в их более нежели семидесяточисленном сонме были люди всех возрастов и почти всякого рода жизни, звания и состояния. Это собственный наш, православно-христианский облак свидетелей веры и благочестия, подобный тому, какой указан Апостолом Павлом в лике праведников народа Еврейского. Это Ангелы хранители страны нашей, наши молитвенники пред Богом, покровители и защитники от врагов, наставники и руководители в деле спасения. Не знать их значит не знать своего лучшего и мучиться жаждою при самом источнике вод. С этою целью, по благословению Преосвященнейшего Феодосия, Епископа Вологодского и

Устюжского, я старался собрать все сказания о жизни святых, подвизавшихся в стране Вологодской, сличить их между собою и поверить по печатным и древнейшим письменным источникам, был лично во многих монастырях и церквях, где почивают их святые мощи, пользовался из рода в род переходящими о них преданиями народа и все, что мог найти и узнать, передаю в сей книге, смиренно прося себе извинения прощения, в чем погрешил. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!*

Священник Иоанн Верюжский. Вологда.

Киевский митрополит Евгений, во время бытности своей епископом Вологодским, (1808–1813) составил список всех угодников Божиих, почивающих в предлах Вологодской епархии, прославленных церковью, и местночтимых. По сему списку значится их 73 лица, в числе коих одна только женщина. Станным, на первый раз, может показаться такое неравенство между полами, когда мы знаем, что в церкви Христовой несть мужеский пол, ни женский, (Галат: III, 28) и видим по истории и на опыте, что лица женского пола не только не уступают мужчинам в благочестии и делах веры, но едва ли даже еще и не превосходят их. Причиною тому было: 1) самое положение у нас женщины, редко когда занимавшей видное место в обществе, и добродетели которой не были никому известны из посторонних, не принадлежавших к ее семейству. Потому, за малыми исключениями, в древних святцах значатся у нас только княгини и настоятельницы монастырей. 2) То, что грамотность тогда была только достоянием монастырей, и почти все жизнеописатели святых были иноки. Они и о лицах мужеского пола, до прибытия их в монастырь, писали очень мало, по незнанию того, что происходило вне стен монастыря, а о лицах женского пола, подвизавшихся в кругу своих семейств, могли знать и еще менее. Кроме того настроение духа иноков был таково, что мнение из них не согласились видаться и говорит с самыми близкими к ним по крови лицами женского пола, матерями, сестрами, решились ли же бы они описывать жизнь других женщин? Вероятно и та одна святая жена, которая значится в списке, внесена была в святцы потому только, что уже нельзя было умолчать о ней, как о виновнице обращений ко

Христу ее мужа, вместе с ним подвизавшейся, и благочестием своим известной всему городу. Далее по списку видим, что большая часть сих подвижников веры и благочестия, сих воинов Христовых, явились победителями мира в тиши пустынных кельй – в чине иноческом, что сложит лучшим свидетельством нравственной высоты тогдашнего монашества; пять из них воссияли на свещнице церкви – в сане епископом; пять достигли почестей вышнего звания, оставив честь и славу земного княжения.; одиннадцать благоугодили Богу высоким и трудным подвигом юродства Христа ради; сем кровью запечатлели свое служение и украсились венцами мученическими; трое были приходскими священниками, и один угодил Богу в ненавистной народу должности тиуна.

По времени их подвигов, начинающихся с первой половины XII, и продолжающихся до последней половины XVII столетия, большее число их жило в XV и XVI столетиях; местами их святой жизни и деятельности по преимуществу были: Вологда, Устюг и Тотьма, с их окрестностями. Для большей наглядности прилагается при сем топографический их список, составленный митроп. Евгением.

Топографический список святых Вологодских чудотворцев, с означением места жительства их, или нахождения их святых мощей.

По городу Вологде и Вологодскому уезду:

1) *Антоний*, Епископ Вологодский и Великопермский, коего мощи почивают под спудом в Вологодском Софийском соборе; поставлен был из игуменов Дорогобужского Болдина монастыря во епископа на Вологду, в 1586 году, преставился в 1588 году, Октября 26. Память его Октября 26.

2) Преподобный *Герасим*, игумен и начальник³ Троицкого монастыря, что на Кайсарове ручье, пришедший в Вологду из Киева в 1147, а преставившийся в 1178 году, марта 4. Мощи его исчисляются под спудом в приходской церкви при Кайсарове ручье. Память его Марта 4.

3) Преподобный *Галактион*, затворник и начальник Спасокаменского Духова монастыря, замучен от Литвы,

напавшей на Вологду в 1613 году, Сентября 24. Мощи его под спудом с монастырской церкви. Память Сентября 24.

4) Преподобный *Димитрий* Прилуцкий, игумен и начальник Спасо-прилуцкого монастыря. Преставился 1392 года, Февраля 11. Мощи его под спудом почивают в нижней монастырской церкви. Память Февраля 11.

5 и 6) *Князья*: Иван, а в монашестве *Игнатий*, и брат его Димитрий Андреевичи Углицкие, от великого князя Ивана Васильевича заточенные в Прилуцкий монастырь; оба тут скончались, Игнатий 1522 года, Мая 19, а Димитрий неизвестно когда. Мощи их под спудом в Прилуцком монастыре. Память Игнатия Мая 19.

7) Св. благоверный князь *Феодор Всеволодович*. Но когда скончался и где положен, неизвестно.

8) Преподобный Петр, чудотворец Спасокаменного монастыря, жил около начала XV века, а почивает в Спасокаменном монастыре на острове Кубенского озера.

9) Блаженный *Василий*, Юродивый, живший в братстве Каменного монастыря на Кубенском озере. Мощи его под спудом в нижней палатке там, под церковью.

10) Преподобный *Кирилл* пустынник, когда скончался и где положен, неизвестно.

11) Преподобный *Тимофей*, на Кубенском озере. Когда скончался и где положен, неизвестно.

12) Преподобный *Пахомий*, иже на езер. Когда скончался и где положен, неизвестно.

13) Святой *Иоасаф*, в бльцах Андрей Дмитриевич, князь Заозерский, постригшийся в Спасокаменном монастыре на Кубенском озере 1452 года и там преставившийся. Мощи его перенесены в Волгодский Духов монастырь и ныне там под спудом.

14) Преподобный *Кассиан*, Игумен Каменский, в житии Иоасафа.

15) Преподобный *Иосиф*, основатель Заоникиевской пустыни, скончавшийся в 1612 году, и преемники его:

16) *Антоний* и

17) *Иоанникий*. Мощи их под спудом почивают в Заонишевской пустыне.

В Грязовецком уезде:

18) Преподобный *Павел* Обнорский, основатель Павлова монастыря, в начале XV столетия; преставился 1429 г., января 10. Мощи его в Павлове монастыре под спудом. Память января 10.

19) Преподобный *Сергий*, Нуромский, основатель бывшего Нуромского монастыря, собеседник преподобного Павла Обнорского, преставился 1413 года, Октября 7. Мощи его под спудом в Нуромской приходской церкви. Память Октября 7.

20) Преподобный *Иннокентий*, основатель бывшего Иннокентьева монастыря, ученик, препод. Нила Сорского, преставился около 1511 года, Марта 19. Память Марта 19.

21) Преподобный *Стефан*, основатель Нивольского Озерского монастыря на Комеле реке, преставился 1542 г., июня 12. Мощи его под спудом в оставшейся донине монастырской над озером Нивольским церкви. Память июня 12.

22 и 23) Преподобные *Авксентий* и *Онуфрий*, основатели бывшей Перцовой пустыни, заведенной ими около 1499 года. Мощи их под спудом в приходской цервви.

24) Преподобный *Корнилий Комельский*, основатель Корнильева монастыря, преставился 1537 г. Мая 19. Мощи его под спудом в сем монастыре. Память Мая 19.

25 и 26) Преподобные *Кассиан* и *Лаврентий*, игумены Комельские, ученики и преемники преподобного Корнилия. Мощи их под спудом в Комельском монастыре. Лаврентий преставился 1547 г. Мая 16. Память Мая 16.

27 и 28) Преподобные *Авраамий* и *Коприй*, основатели бывшего Преображенского Печенгского монастыря около 1492 года. Мощи их под спудом в приходской Печенгской цервви.

29) Преподобный *Арсений*, игумен Комельский, основатель Арсениева монастыря на реке Леже. Преставился 1550 года, Августа 24. Мощи его под спудом в сем монастыре. Память Августа 24.

В Кадииковском уезде:

30) Преподобный *Дионисий*, игумен Глушицкий, основатель Покровского и Сосновецкого Глушицких монастырей, преставился 1412 года, июня 1. Мощи его под спудом в Сосновецком Глушицком монастыре. Память июня 1.

36) Преподобный *Амфилохий*, игумен Глушицкий, ученик Дионисиев, преставился 1422 г. Октября 14. Мощи его под спудом в Сосновецком Глушицком монастыре. Память Октября 14.

32) Преподобный *Макарий*, игумен Глушицкий, ученик, духовник и келейник Дионисия Глушицкого. Преставился Мая 13. Мощи его под спудом в Покровском Глушицком монастыре под церковью. Память мая 13.

33) Преподобный *Тарасий*, игумен Пермский, жившей десять лет на смирении прп. Дионисия Глушицком в Сосновецком его монастыре, а по кончине его вскоре преставившийся там же. Мощи его под спудом в Сосновецком монастыре.

34) Преподобный *Феодосий*, с Глушицком монастыре при Дионисии подвизавшийся. Мощи его в Сосновецком монастыре под спудом.

35) Преподобный *Григорий*, Пельшемский, игумен и основатель Лопотова монастыря. Преставился 1442 г. Сентября 30. Мощи его под спудом в Лопотове монастыре. Память Сентября 30.

36) Преподобный *Александр* Куштский, основатель бывшего монастыря на реке Куште над Кубенским озером, преставился 1439 г. июня 9. Мощи его под спудом в тамошней церкви. Память июня 9.

37) Преподобный *Евфимий*, основатель бывшего Спасоевфимиева монастыря на р. Сянжеме. Преставился около половины XV столетия. Мощи под спудом в приходской тамошней церкви.

38) Преподобный *Харитон*, преемник преп. Евфимию в Сянжемском монастыре, преставился 1509 г. Апреля 11. Мощи его под спудом в той же церкви. Память Апреля 11.

39) Преподобный *Марко*, пустынник, на острове Богоявленского Белавинского озера подвизавшийся. Мощи его

там под спудом.

40) Преподобный *Онуфрий*, строитель бывшего Катромского Николасвского монастыря при Катромском озере. Мощи его тамо под спудом; но когда скончался, неизвестно.

41) Преподобный *Филипп*, игумен, основавший в 1447 году Спасо-Казанский монастырь на р. Сухоне. Мощи его там на погосте под спудом. Память Ноября 15.

В Тотемском уезде:

42) Преподобный *Феодосий*, игумен Спасо-Суморина монастыря, преставился 1568 г. января 28. Мощи его обреты в 1796 году и почивают открыто в сем монастыре. Память января 28.

43) Преподобный *Вассиан*, пустынник, на Тиксне реке, основатель бывшей Тиксеснской пустыни, преставился 1633 г. Сентября 12. Мощи его под спудом в Тиксненской приходской церкви. Память 12 Сентября.

44 и 45) Преподобные *Григорий* и *Кассиан*, Авнежские чудотворцы, основатели монастыря бывшего Авнежского в Авнежских волостях. Они убиены Татарами и Вятчанами в 1392 году, июня 15. Мощи их под спудом в Авнежской приходской церкви. Память июня 15.

46) Блаженный *Максим*, священник Тотемский, юродствовал 45 лет, преставился в 1650 г. января 16. Мощи его в городской церкви, что у варниц. Почитание его началось с 1715 года. Мощи его под спудом. Память января 16.

47) Блаженный *Андрей*, Тотемский юродивый, уроженец Устья Толшемского, ученик преп. Стефана Галицкого, скончался 1674 года Октября 10, будучи 35 лет и 4 месяцев от рождения, а юродствовал 10 лет. Погребен в Тотемской Воскресенской градской церкви. Мощи его под спудом и почитаются издавна. Память 10 Октября.

48) Преподобный *Агалит*, основатель бывшего Маркушевского монастыря на речке Маркуше; убиен в 1584 году, мая 21. Мощи его под спудом в приходской Маркушевской церкви. Память мая 21.

В Вельском уезде:

49) Праведный *Прокопий*, Устьянский. Когда жил и скончался, неизвестно. А мощи его открыто почивают в Устьянской приходской церкви. Они свиден. Память июля 8⁴.

В Никольском уезде:

50) Преподобный *Тихон*, основатель Крестогорской Тихоновой пустыни при реке Вохне. Жил около половины XVII столетия. Мощи его там под спудом.

В г. Устюге и Устюжском уезде:

51 и 52) Праведные *Иоанн* и супруга его *Мария* Устюжские угодники, жившие в XII столетии. Мощи их под спудом в Вознесенской церкви на посаде.

53) Праведный *Прокопий* Юродивый, Устюжский чудотворец. Преставился в 1303 году, 8 июля. Мощи его под спудом в Устюжском Прокошевском соборе. Память 8 июля.

54) Блаженный *Иоанн*, Юродивый, Устюжский чудотворец, родом Устюжанин. Преставился 1494 г. Мая 29. Мощи его под спудом в Устюжском Иоанновском соборе. Память Мая 29.

55) Преподобный *Киприан*, строитель Архангельского Устюжского монастыря, живший в начале XIII века. Мощи его под спудом в сем монастыре.

56) Преподобный *Филипп*, пустынный на Сухоне реке, основатель Филипповского монастыря на Яицкой горе, жил около половины XVII века. Мощи его под спудом в сем монастырь.

57) Преподобный *Симон*, основатель Воломского бывшего монастыря, на верховье реки Киченьги в Устюжском уезде, убит 1641 г июля 12. Мощи его под спудом в приходской Воломской церкви. Память июля 12.

58) Преподобный *Леонид*, основатель Устьнедумского бывшего монастыря в Устюжском уезде, на р. Недуме, скончался 1654 г. июля 13. Мощи его под спудом в приходской Богородицкой церкви.

В г. Сольвычегодске и его уезде:

59) Блаженный *Фома*, Юродивый, в Введенском монастыре.

60) Блаженный *Иродион*.

61) Блаж, *Михаил*.

62) Блаж. *Иоанн* и 63.) Блаженный *Василий* Юродивые. Все были в г. Сольвычегодске, но о времени кончины и мощах их неизвестно.

64) Преподобный *Сергий*, Малопинезский, бывший при Малопинезской приходской церкви священником, а при кончине постригся в монашество. Мощи его там в часовне под спудом. Память 16 Ноября.

65) Преподобный *Петр* Черевковский, священник, бывший при Черевковской приходской церкви. Мощи его там под спудом. Почитание началось с 1661 года.

66) Преподобный *Логгин*, основатель Коряжемского монастыря в Сольвычегодском уезде, на Вычегде реке, скончался 1540 г. Февраля 10. Мощи его под спудом в сем монастыре. Память Февраля 10.

67) Преподобный *Симон*, сотрудник пр. Логгииа, основатель бывшей Преображенской Сойгинской пустыни на речке Сойге, в Сольвычегодском уезде. Преставился в 1562 году, Ноября 24. Мощи его под спудом в тамошней приходской церкви. Память Ноября 24.

68) Преподобный *Христофор*, ученик препод. Логгииа, основатель Христофоровой пустыни на речке Малой Коряжемке, в Сольвычегодском уезде. В 1570 году, оставив свой монастырь, скрылся безвестно.

В Яренском уезде:

69) Св. *Герасим*, Епископ Пермский, удушенный от одного слуги Вогулича в 1392 году,

70) Св. Питирим, Епископ Пермский, убитый от Вогуличей в 1455 году. Память Августа 19.

71) Св. *Иона*, Епископ Пермский, спончавшийся 1471 года. Всех сих трех Епископов мощи под спудом почивают в Устьвымской волости, в Благовещенской церкви, бывшей кафедральной Пермских епископов. А почитание их началось со времен царя Михаила Феодоровича. Первый же Пермский епископ.

72) Святый *Стефан*, почивает под спудом в Москве в Дворцовой церкви у Спаса на бору.

73) Преподобный *Димитрий*, основатель бывшей Цылибинской Архангельской пустыни на реке Вычегде. Мощи его под спудом почивают в часовне близ Цылибинской приходской церкви. О времени его жития и кончине неизвестно, а известно токмо, что память его почиталась еще до 1666 года. – В этот список святых не вошли еще почему-то опущенные м. Евгением:

74) Преподобный *Нифонт*, основатель Троицкого Телегова монастыря (1553 г.) в Устюжском уезде на реке Двине, и

75) Св. *Кирилл*, Вельский или Важеский, тиун Новгородских наместников, коего мощи долгое время открыто почивали в Вельске.

Тропарь, кондак и молитва святым чудотворцам вологодским

Творение Вологодского епископа Иннокентия

Тропарь, гл. 8

Православия наставница, благочестия и чистоты учителей, церкви Вологодской Богодарованное украшение, молитесь милостивого Бога, да вашим предстательством подается благодать и мир стране вашей, и душам нашим спасение.

Кондак, гл. 4.

Светоносный облак свидетелей веры и благочестия, осеняющий пределы страны нашей, утвердил еси Христе Царю на тверди церкви Вологодской, да взирающе на скончание жительства их и венец славы неувядаемый, терпением течем на предлежащий наш подвиг спасения.

Молитва

Припев: святити чудотворцы вологодские, молитесь Бога о нас.

О всеблаженнии и Богомудрии Угодницы, иже во временнем житии благочестие подвизавшиися, и святыми своими телесы в пределах Вологодской страны почивающи! Величаем ваши духовные подвиги, воины Христовы, терпением и мужеством своим врага до конца низложившии, и нас от прелести и козней его избавляющи. Ублажаем ваше святое житие, светильницы Божественнии, звезды светом веры и добродетели светящиеся и наши умы и сердца Богомудренне озаряющие. Прославляем ваши великие чудеса, кринове райстии в стране мраза прекраснее процветшии, и вонею дарований и чудес повсюду благоухающи. Умоляем вашу Богоподражательную любовь, предстатели наши и покровители, сохраните нас от всякого зла, и посетите нас в немощех наших благодатными дарованиями, имиже вас украсил и прославил есть Господь. – Благовернии князи! Испросите у великого Царя славы благоденственное царствование Благочестивейшему Императору нашему, и мир и тишину держав Его, да и мы проживем тихое и безмолвное житие, умерщвляя царствующий во плоти нашей грех, и написуя на скрижалях сердец наших закон царский. Святителие

Христовы! Молитвами вашими утвердите святую православную Церковь и упасите стадо свое в вере и добродетели, яко да и мы недостойнии и оскверненнии прославим в житии своем Отца нашего небесного. Преподобнии отцы! в терпении и подвигах сами пожившее, сохраните и нас от прелестей мира лукавого, да отвергшися себе и взявше крест последуем Христу, умерщвляя уды яже на земли, и распиная плоть свою со страстьми и похотьми. Блаженнии Чудотворцы! юродством небесной мудрости посрамите мудрость мира сего, возносящуюся на разум Божий и омрачающую спасительное буйство креста Христова, имже да сподобимся выну мудрствовати о Христе, горняя, а не земная помышляюще. О всечестный соборе всеблаженных и Богосветлых Ангелов наших, иже честными телесы на земли с нами водворяетесь, святыми же душами вашими пребываете на небеси, и с лики бесплотных покланяетесь дивному во святых своих Богу, помяните нашу немощь и уничижение, и священными молитвами вашими испросите у Христа Бога нашего, яко да и мы, безбедне преплывше житейскую пучину, и неврединно соблювше сокровище веры, в пристанище вечного спасения достигнем, и в блаженных обителях горнего отечества со всеми от века угодившими святыми водворимся, благодатью и человеколюбием Спасителя нашего и Господа Иисуса Христа, Емуже с Предвечным и Единосущным Отцем и с Пресвятым Духом подобает непрестанное славословие и поклонение от всех тварей в бесконечные веки.

Аминь.

На утрени: Евангелие Матф. гл. VI. стихи: 19, 20, 21, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 и 33.

На литургии: Апостол, зачало 103, стихи: 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и зачала 104, стихи: 12 и 13.

Евангелие от Иоанна, зачало 48, стихи: 12–19.

Эти тропарь, кондак и молитва Вологодскими чудотворцам написаны были преосвященным Иннокентием по случаю освящения во имя их крестовой церкви архиерейского дома, 5 Октября, 1841 года. До того времени Вологодским Чудотворцам,

по преобладающему в них числу иноков, отправляли службу Преподобническую по общей минее и пели следующие:

Тропарь, глас 8.

Яко светильницы всесветлии явистесь в пределах града Вологды, преподобные Отцы наши Вологодские Чудотворцы: вы бо крест Христов от юности своей на рамена взяли, усердно Тому последовали есте; чистотою Богови приближившись, от Него же и чудес дарованием обогатистесь; тем же и мы с верою к вам притекающе умильно глаголем: Отцы преподобные молитесь Христа Бога спасти нас дуцам нашим.

Кондак, гл. 2.

Волнений множество невлажно проходяще, бесплотные враги струями слез ваших крепко погрузили есте. Богомудрии и преподобные, и чудес дар приимше, молитесь непрестанно о всех нас.

Век XII. Преподобный Герасим Вологодский

Преподобный Герасим Вологодский. В семи верстах от Киева, в Лесниках⁵, доныне находится пещера, в которой преподобный Феодосий имел обыкновение ежегодно проводить дни святой чотыредесятницы в подвигах поста и молитвы, в совершенном безмолвии и уединении⁶. Пещера эта и известна под именем Феодосиевой. Она не осталась необитаемой и после блаженной кончины пр. Феодосия. Любители безмолвия из многочудной обители преподобного охотно селились на месте, освященном его подвигами, и таким образом составила в XII веке небольшая Глинецкая или Гнилецкая иноческая обитель с церковью Успения Пресвятой Богородицы⁷. В очаровательной местности, на возвышенном берегу Днепра, вдали от шума городского, Гнилецкая пустыня, окруженная со всех сторон лесами и кустарниками, как нельзя более удобна была для жизни созерцательной. Она служила тихим и мирным приютом для старцев киевопечерского монастыря, по примеру пр. Феодосия, искавших в ней уединения и безмолвия. В первой половине XII века, во время наибольшего процветания ее как в духовном, так и материальном отношении, пришел в нее из Киева один юноша, усердно прося пустынную братию принять его в свое сожитие. Согласились добрые старцы, видя его усердное желание и, после непродолжительного искуса, постригли 4 Марта в монашество. Юношу назвали Герасимом, именем празднуемого в тот день святого⁸. Весьма рад был новоначальный инок Герасим своему ангельскому образу. Под руководством опытных старцев он стал подвизаться, тихо и мирно проводя дни свои в совершенном послушании и непрестанных трудах. Постом смиряя тело и укрепляя душу молитвою, юный подвижник с каждым днем более и более совершенствовался в подвигах иноческих и восходил от силы в силу в жизни духовной. И какое чудное время было тогда для жизни иноческой! Еще свежи и живы были предания о жизни и подвигах Богоносных печерских

первоначальников, еще некоторые из братии Гнилецкой пустыни знали лично пр. Феодосия и как очевидцы рассказывали о его подвигах в их пещере, – а уже снова гремела слава о монастыре Печерском так, что владетельные князья за честь для себя считали быть его привратниками. Благословение святой горы, по молитвам преподобных первоначальников, видимо почивало над горами киевскими: в монастыре Печерском не только игумен и начальствующие, но и хлебопеки, гробокопатели и другие низшие служители творили чудеса, целыми десятками считались в нем подвижники, имевшие власть одним словом прогонять духов. Было у кого учиться, кому подражать молодым монахам. И инок Герасим вполне воспользовался их уроками. Подобно пчеле, собирающей мед различных трав и цветов, отовсюду он заимствовал себе наставления, старался проводить их в жизнь и осуществлять на деле то, что слышал о подвигах святых. Достигши возраста, потребного для сана священного, хотя и долго отрицался он по своему смиренно от этого сана, но из послушания братии должен был наконец принять на себя рукоположение во пресвитера. В сане пресвитера преподобный, помня слова Спасителя: ему же дано будет много, много изыщется от него (Лук XII, 48), старался не скрывать данного ему Богом таланта, но приумножить его сугубыми подвигами; уже и в это время он, подобно светильнику, поставленному на свещнице, светил всем, каждодневно принося бескровную жертву Богу с великим благоговением и страхом и часто проводя в пещере Феодосиевой целые ночи в Богомыслии и молитвенных подвигах.

Как орлиные птенцы дотоле только остаются в своих гнездах, пока не оперятся и не укрепятся силами, чтобы парить в воздушных пространствах и – самим приобретать себе пищу, – так и многие из духовных птенцов Антония и Феодосия дотоле только скрывались во мраке пещер и томили себя в тесноте затворов, пока не просветлело их внутреннее око, пока не возросли и не укрепились их духовные силы и сами они не достигли в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф IV, 13), чтобы быть в состоянии послужить

спасению других и умножению славы Божией на земле. Иные из глубины пещер взошли на высоту кафедр архиерейских, чтобы пасти церковь Божию и право править слово истины; другие, подобно отцу своему Феодосию, горя апостольским желанием просветить других светом православной веры, сделались проповедниками и распространителями ее между неверными; иные, искусившись сами в подвигах терпения и послушания иноческого, поревновали быть наставниками и руководителями к тому других, составить собственные братства и быть устроителями монастырей там, где их до того времени не было. Так и инок Герасим, после подвигов в пещере Феодосиевой, является первым насадителем иночества на дальнем севере.

Когда пр. Герасим вышел из Киева, как достиг Вологды, что побудило его оставить родину и место своего пострижения – любезную для его сердца пустыню Гнилецкую? Тяготили ли его уважение братии и слава о его добродетели, все более и более распространявшаяся? Или может быть он желал в дремучих лесах дальнего севера найти себе покой и защиту от начавшихся тогда смятений и неурядиц политических⁹? мы не знаем, и более можем сказать о благодатных чудесах и исцелениях, происходивших от гроба пр. Герасима, о благодеяниях, оказанных им уже из другого мира, нежели о трудах и подвигах его по пришествии в Вологду¹⁰. За всем тем, принимая в соображение тогдашнее состояние православной веры на севере и те немногие сведения о жизни преподобного, которые сохранили нам предания и память народная, кажется не погрешим против истины, если скажем, что пр. Герасиму было некое внушение свыше оставить Киев и идти в Вологду, в страну совершенно для него неизвестную, – что Промысл Божий, всегда воздвигающий потребных Себе делателей там и тогда, когда и где они были особенно необходимы – Сам вызвал Герасима в Вологду для утверждения православной веры в сердцах граждан – христиан еще недавних и для распространения ее между многочисленными язычниками – сельскими жителями; что в Вологде жатва была многа, а жателей не было, и что такой духовный деятель, как пр.

Герасим, был необходим на севере для окончательной победы христианства над язычеством.

Северные окраины России, богатые пушным товаром и другими дарами природы, давно известны были Новгороду под именем Заволочья. Населявшая их Чудь белоглазая, находившаяся в постоянных торговых сношениях как с Новгородом, так и с Ростовом (еще более близким и населенным ее соплеменниками) – могла услышать и познакомиться с христианством еще в конце X и никак не позже начала XI века, вскоре после того, как христианская вера распространилась и утвердилась в сих городах. Стремясь овладеть богатым и обширным краем, предприимчивые новгородцы везде, на лучших местах, старались заводить свои колонии, приобретая от местных жителей землю или куплею или силою. Оставляя навсегда родину для отыскания себе нового отечества на берегах Вологды или Сухоны, они, как христиане, без всякого сомнения приводили с собою и священников; овладев какою-нибудь местностью и срубивши на ней городок для защиты от нападений, они немедленно строили в нем или церковь или часовню. Таким образом, населяя страну, они в тоже время насаждали и распространяли в ней православную веру, – особенно в таких местностях, где они селились вместе с прежними жителями – идолопоклонниками. Но не любовь и усердие к распространению христианства, а жажда корысти и обогащения влекла новгородцев в дремучие леса севера, – они были более носителями цивилизации и торговли, нежели евангелия. Всеми силами стремясь к достижению материальных целей, новгородцы часто превосходили грубых язычников одною только смелостью и отвагою, ловкостью и опытностью в торговле и мало отличались от них нравственностью и образом жизни. По крайней мере не дошло до нас ни малейших сведений о каких-либо христианских подвигах и миссионерской деятельности этих первых колонизаторов края; а образ их жизни мало мог привлекать к христианству простые сердца сынов природы. Оттого православная вера, давно известная язычникам, не привлекала их к себе, распространялась медленно и слабо утверждалась в их сердцах. Неудивительно,

что между местными жителями много было христиан только по имени, что во многих отдаленных от города деревнях, особенно около Кубенского озера, даже в последней половине XIII века было весьма много язычников¹¹. В половине же XII века, пред самым началом и построением города Вологды, в нескольких, находившихся на месте ее, многолюдных селениях или посадах, где уже бойко начинала производиться торговля, была одна только небольшая церковь Воскресения Христова и не было никого, кто бы чувствовал потребность и имел заботу об умножении храмов Божиих. Сами жители-христиане, находясь долгое время среди язычников, вдали от центров христианской жизни, от надзора и руководства архипастырей, очень мало были проникнуты духом христианства. Жадные до наживы и приобретения, они слишком мало думали о требованиях исповедуемой ими религии и с одинаковою почти холодностью относились как к христианству, так и к язычеству¹². Чтобы согреть холодные сердца их любовью к Богу, утвердить в них православную веру, уяснить им превосходство и величие христианства пред язычеством и возбудить в них самих живое стремление к христианскому нравственному совершенству, – нужны были лица сердечно преданные и всецело посвятившие себя на такое высокое служение, нужны были люди, которые бы жизнью своею показали высоте образцы христианского самоотвержения и любви, твердости и терпения, люди с апостольскою ревностью к православной вере, с несокрушимой твердостью духа, с самоотверженною любовью к другим, с словом сильным и действенным. Таким именно и явился для Вологды пр. Герасим!

В 1147 г. Августа 19 дня, после продолжительного и трудного странствования по лесам, болотам и грязям, под палящим солнцем и проливным дождем, пр. Герасим достиг наконец берегов реки Вологды. Внутренний голос, вызвавший его из родной Украины, с зланных берегов величественного Днепра, и с юга доведший его до крайних пределов России на отдаленном севере, сказал ему, что здесь место, назначенное Промыслом для его подвигов, и конец его странствования. Первым делом утомленного путника была продолжительная и

усердная молитва к Богу в новой отчизне. Душевно рад был преподобный, увидевши в посаде церковь Воскресения Христова, – рад потому, что перешедши за Волгу, он не встречал еще ни одной и чем более удалялся ея север, тем менее имел к тому надежды. Обозревши местность, он избрал себе для жительства дремучий лес, отделявшийся от посада одним только небольшим ручьем Кайсаровым. Тут, в полуверсте от реки Вологды, среди лесной чащи, под ветвями столетних деревьев, он устроил себе хижину и в тиши уединения, ничем не развлекаемый и никому неведомый, весь предался Богомыслию и подвигам иноческим, дни и ночи проводил в псаломопении и молитве, со слезами псаломски взывая к Богу: скажи мне Господи путь, в онъ же пойду (псал. СХСII, 8) и настави мя на путь прав (псал. СVI, 7), помилуй мя Господи, яко к Тебе взял душу мою.

Когда лесная хижина пр. Герасима, но близости своей к посадам, стала известна жителям, тогда многие из них сначала из любопытства, а потом, – видя в преподобном старце опытного и искусного в слове Божиим, – и по христианскому чувству, один за другим стали посещать его для получения от него советов и наставлений. И сам пр. Герасим, несколько раз бывши в посаде то для слушания Божественной литургии в воскресенской церкви, то для приобретения необходимого пропитания, – ближе познакомился с жителями, увидел бедность душевного их состояния, недостаточные и младенческие понятия о вере и жизни христианской и узнал, что даже по близости к посадам в селах находится очень много язычников. Поболел преподобный душою о христианах и язычниках, возгорелся желанием послужить их спасению и решился построить храм во имя св. Троицы и при нем основать обитель иноческую. Из этой обители Троицкого Бога – свет истинной веры и жизни христианской, как из духовного просветительного центра, – должен был распространяться по окрестностям и напаять жаждущие сердца евангельским учением. Теперь становилось понятным преподобному давно овладевшее им желание чего-то неизвестного, не дававшее ему покоя в Гнилецкой обители, то непреодолимое стремление к

северу, в страну отдаленную и совершенно для него неведомую; он ясно видел свое назначение быть орудием Промысла для просвещения язычников и насадителем иночества в стране, мало еще просвещенной светом христианской веры. С юношеским воодушевлением и с неутомимым усердием пр. Герасим начал рубить лес и очищать место для построения храма и обители. Но когда он сказал о том своим посетителям и стал просить у них себе помощи и содействия, то странным и неудобоисполнимым показалось им его желание и намерение, так как не было у него ни денег, ни имения, ни связей и знакомства с людьми влиятельными и богатыми, которые могли бы ему помочь. Не было также никого, кто бы захотел поселиться с ним и принять на себя иночество, потому что на севере России не было еще тогда ни одной обители иноческой, и для жителей Вологды казалось это дело новым и неслыханным. Оттого на первый раз преподобный не только не нашёл в жителях никакого сочувствия своему предприятию, но еще встретил противодействие. Когда один из жителей, не оказывая содействия, по крайней мере не препятствовали ему в строении, некто Пятышев, богатый землевладелец и христианин, пожалел места для храма Божия, заявил права свои на землю и начал о ней спор с преподобным, хотя земля та не приносила ему никакой выгоды и, по тогдашнему времени, не имела почти никакой ценности.

Тяжело было пр. Герасиму видеть в христианах такую холодность к православной вере и вместо помощи встретить сопротивление. Но такова твердость духа у святых, что чем более представляется им препятствий и затруднений, тем более усиливается в них ревность и возрастают их силы и мужество; трудностей предприятия они как бы не примечают и видят только его пользу и святость. И пр. Герасим не только не пал духом и не отчаялся в успехе своего предприятия от встретившегося ему противодействия; но, вооружившись терпением, возложил всю надежду свою на Бога и, в полной уверенности в скорой от Него помощи, усердно продолжал начатое, трудясь с утра до вечера. Когда приходили к нему посетители, он старался дать им понять, что трудится так не

для себя самого, а для их пользы, что храм Божий и обитель иноческая более необходимы для них, нежели для него, что ему для себя не было бы надобности строить их, так как в Киеве, на его родине, много и церквей и монастырей. Вологжанам нечего было сказать в ответ на кроткие и справедливые слова старца. Когда Пятышев, чтобы извинить себя и прикрыть жадность свою к обогащению, объяснял свой поступок бережливостью и благоразумным старанием избежать бедности и нищеты, – преподобный отвечал, что напрасно Пятышев опасается впасть в нищету из-за уступки малого участка земли, не приносящей ему никакого дохода, и тогда же пророчески предсказал, что сколько бы он ни старался о приобретении, никогда не сделается богачем, что не только он сам, но и весь род его, «станет жить не богато, но и голо не порато,» и отечески советовал как ему, так и прочим более думать о душе и стараться о приобретении богатства духовного и благ вечных, нежели гоняться за тем, что скоро проходить и пропадает. Кая польза человеку, аще и мир весь приобрящет, со слезами повторял он слова Спасителя, да душу свою отщетит? (Мф. XVI, 26). Ищите прежде царствия Божия и правды Его и сия вся приложатся вам (Мф. VI, 33). Как принял это предсказание Пятышев, поверил или нет словам преподобного – неизвестно; но оно в точности исполнялось в продолжение семи сот лет до прекращения рода Пятышсвых, которые всегда жили ни бедно, ни богато и никогда не числились в купечестве¹³.

Между тем слух о намерении преподобного построить храм Божий и при нем иноческую обитель распространился по окрестности. Строго подвижническая жизнь пр. Герасима, его кротость и терпение казались необыкновенными и изумительными; его отеческие беседы и наставления, дышавшие искренностью и любовью, более и более привлекали к нему слушателей и наконец, тронули сердца многих. Нашлись желающие не только содействовать ему в строении, но и разделять с ним пустынные труды и под его опытным руководством учиться иноческой жизни. Таким образом, вскоре был устроен пр. Герасимом храм живоначальной Троицы и

восприял начало первый и древнейший в северных пределах России Троицкий Кайсаровский монастырь.

Не дошло до нас никаких сведений о жизни и подвигах пр. Герасима по устройении им храма и обители до самой блаженной кончины его, последовавшей в 1178 году, 4 Марта, в день его иноческого тезоименитства. Но эта, более нежели тридцатилетия, жизнь, без всякого сомнения, исполнена была многих трудов и подвигов и ознаменована чудесами, так как немного времени спустя после его кончины уже написаны были житие его и чудеса, а на день преставления его составлена была церковная служба с полиелеем, как великому угоднику Божию и чудотворцу. Без всякого сомнения, в эти тридцать лет, как светильник, поставленный на свещнице, светил он стране вологодской светом своих добродетелей и учения евангельского, распространял в ней веру Христову, привлекая к ней одних и утверждая ее в сердцах других. Единственно из любви к Богу оставив дом и отечество сам, не мог же он столько времени оставлять других в неведении Его и быть безмолвным свидетелем совершению треб идольских близ своей обители, в окрестных селениях; не мог не жалеть о гибели множества душ человеческих и не стараться об обращении язычников в веру православную. Подтверждением этого служить то, что распространение христианства было общою задачею всех древних наших обителей и целью устройства их вблизи городов и селений, что пример этому уже показан был иноками Киево-печерского монастыря и что наконец в самой службе пр. Герасиму прямо приписывается ему апостольская деятельность: «просветил еси верою приходящие к тебе» (кондак преподобному).

Более 400 лет процветала обитель св. Троицы, привлекая множество богомольцев к цельбоносному гробу своего основателя, подававшего исцеления всем, с верою к нему прибегавшим, – пока в 1612 г., в Сентябре месяце, при нападении неприятелей на город Вологду, она не была совершенно опустошена и разорена так, что не только не уцелело и не сохранилось в ней никаких записей о жизни, подвигах и чудесах пр. Герасима, но невозможно уже было

найти в ней даже место его погребения. Жители разоренной Вологды, по удалении неприятеля, занялись возобновлением и устройством собственных домов, а об обители преподобного забыли; или по неимению средств и времени, или по нерадению и беспечности, они не спешили приступить к ее возобновлению. Сам пр. Герасим позаботился о том, чтобы место, освященное его трудами и подвигами, не пришло в совершенное забвение: он чудесно открыл и указал, где покоятся его св. мощи, и чрез то снова открыл для страны неисчерпаемый источник благодатных даров и исцелений. Одна старая женщина города Вологды, из мироносицкого прихода, была совершенно слепою 12 лет. Явившись ей во сне, пр. Герасим сказал: «вели себя вести ко мне, в прежде бывший Троицкий монастырь, в верхнем посаде, и над гробом моим отслужи панихиду; если исполнишь это, будешь здорова». Видение было столь живо и поразительно, что женщина тотчас же пробудилась от сна и сказала преподобному: «Угодник Божий! как могу я узнать место, где ты почиваешь? Я слепа, да и место твое святое, по грехам нашим, при нашествии иноплемеников, разорено». Преподобный отвчал ей: «если истинно веруешь, то увидишь ты это место» и потом, попросив и взявши у нее платок, присовокупил: «на котором месте завтра найдешь свой платок, на том и проси отслужить панихиду». На другой день рано утром женщина велела вести себя в бывший Троицкий монастырь и, нашедши свой платок в углу монастыря, с северной стороны, просила тут отслужить панихиду по пр. Герасим и по совершении ее тотчас же прозрела. Чрез это чудо снова сделалось известным место погребения преподобного «и начаша приходить мнози исцелений ради недуг своих и по малу времени возградиша над мощами святого малу часовню и раку устроиша и икону пядинцу во имя святого написаша, говорит Фома, писатель чудес преподобного.

За этим первым чудом потекли многие другие благодатные исцеления от гроба преподобного: вода, освященная в гробовой часовне, земля с его могилы мгновенно облегчали болезнь и возвращали здоровье страждущим. Не только все, приходившие в часовню с верою на поклонение гробу преподобного,

получали просимое и выходили из нея здоровыми; но часто преподобный сам являлся больным, совершенно о нем не знавшим, и приказывал идти к своему гробу, обещая им исцеление от болезней. Явление преподобного всегда сопровождалось облегчением болезни, а когда медлили исполнять его приказания, тогда болезнь снова поражала и усиливалась более прежнего, что иногда повторялось по несколько раз дотоле, пока удостоившиеся явления преподобного не приходили к его гробу. Угодник Божий поддерживал чрез то в немощных их слабую веру и побуждал их обращаться к милосердию Божию и принимать исцеления молитвами Его угодника. Но так как при часовне не было постоянного, определенного священника и некому было ни спрашивать приходивших о случившемся с ними, ни записывать их показания, то чудеса те и не дошли до нас. Впоследствии, когда постоянное стечение народа к гробу преподобного и молва о происходивших от него исцелениях побудили граждан построить близ часовни церковь во имя св. Троицы, в память бывшего Троицкого монастыря – открылась и возможность записывать чудесные исцеления, совершавшиеся от мощей преподобного. Так 6 июля 1649 г., при священнике троицкой церкви Григорий Алексеев Попов, архиепископ вологодский и великопермский Маркелл сам собственноручно и официально засвидетельствовав одно случившееся тогда чудесное исцеление больного, не владевшего ногами, приказал с тех пор записывать все последующие чудеса и собирать достоверные известия о прежде бывших. Вследствие этого распоряжения Преосвященного за время с 1649 по 1666 год включительно записано их тридцать семь. По обветшании деревянной церкви, в 1717 г. с благословения Павла епископа вологодского и белозерского, на месте часовни заложена была новая каменная Троицкая церковь, в которой и находятся ныне мощи пр. Герасима под спудом, в северо-западном углу ее, под ракою и балдахинном. Служба, отправляемая ныне преподобному, составлена уже после разорения монастыря, около половины XVII века.

В сказании о чудесных исцелениях, происходивших при гробе пр. Герасима, составленном по распоряжению архиепископа Маркелла, многие чудеса записаны очень кратко¹⁴, а другие несколько подробнее. Приведем некоторые из описанных боле подробно.

Вологодского уезда, Оларевской волости, деревни Бардихи из-за Маеги, крестьянин Яков Савелов сын долгое время был столь нездоров ногами, что боле 30 недель не мог двинуться с места и сколько ни лечился и ни призывал к себе лекарей и знахарей, пользы ни от чего не было. Когда больной не имел уже ни малейшей надежды на свое выздоровление; – ему является пр. Герасим и говорит: «Иаков, вели детям своим вести тебя ко мне в часовню, в Троицкий монастырь, у гроба моего отслужи панихиду и милостью Божиею будешь здоров от твоей скорби». После явления преподобного Иаков тотчас же почувствовал облегчение своей болезни и полагая, что уже совершенно освободился от нее, не счел нужным исполнить повеление преподобного и ехать к его гробу, – но не прошло и двух недель, как снова сделался нездоров и гораздо более прежнего. Когда страдания привели его в чувство, в сознание виновности пред преподобным и он начал раскаяваться и жалеть о своем не послушании, тогда в десятый день вторичной его болезни – снова явился ему пр. Герасим, повелевая немедленно исполнить свое прежнее приказание. На этот раз Иаков поспешил исполнить волю преподобного и когда, по совершении панихиды, приложился к его иконе, находившейся на гробе, – испил освященной воды и потер болящие ноги свои землею из раки, тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и в благодарность за свое исцеление положил обещание написать икону преподобного и ежегодно, в день его памяти, приходить на поклонение к его гробу. (Чудо 1-е).

В 157 (1649) году июня 11 дня житель Вологды с Золотухи, Аникий Иванов, был нездоров глазами и более полуторах лет не мог никуда выходить по причине своей слепоты. Мать его Антонина, по обещанию больного приведши его в церковь св. Троицы, просила священника отпеть панихиду при гробе преподобного и когда, по совершении ее, слепец приложился к

иконе, находившейся на гробе, покроплен был освященною водою, и землю из раки потер глаза свои, тотчас же прозрел и возвратился домой здоровым, не требуя вожатого и благодаря пр. Герасима. (Чудо 4-е).

В 160 (1652) году 8 Октября живший на посаде, на ленивой площади, Каргопольский уроженец Игнатий, Антониев сын, находясь в лесу на работе, почувствовал нестерпимую зубную боль; мучимый ею он принужден был оставить работу и возвратиться домой. Идя домой, обратился он с молитвою к пр. Герасиму и обещался сходить на поклонение к его гробу и – болезнь мгновенно прошла. Получивши исцеление и возвратившись домой, Игнатий, в течение троих суток не вспомнил о своем обещании и не позаботился об исполнении его. На четвертый день опять заболели у него зубы и так сильно, что все лицо его запухло и сердце давила тоска невыносимая и он, павши ниц, лежал безгласен, как мертвый. Увидвши в таком положении своего мужа, жена его Варвара бросилась к нему с плачем и слезали и поднимая его причитала, как над мертвым. «Забыл ты, кормилец мой», причитала она между прочим, «обещание свое пр. Герасиму и прогневал тем Господа». При этих словах как бы от сна пробудившись и пришедши в сознание, больной опять почувствовал облегчение и, не медля нимало, тотчас же решился идти к Троице, чтобы исполнить свой обет. Дорогою пришло ему на ум, что напрасно трудится он, едва ли будет ему какая польза от угодника; но лишь только подумал он это, как болезнь опять стала усиливаться. Тогда Игнатий понял, что не случайно подвергается он болезни, что враг старается искусить его и влагает в его сердце сомнение для того, чтобы лишить его благодатной помощи пр. Герасима. Вздохнув из глубины сердца, он старался побороть свои мысли и утвердиться верою в угодника Божия, со слезами призывая его на помощь. К Троицкой церкви он пришел во время вечерни и по окончании ее просил священника отправить панихиду в часовне, при гробе пр. Герасима. Когда панихида была отслужена и он приложился к иконе преподобного, окроплеи был освященною водою и испил ее, – тогда тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и, вместо прежнего

сомнения и неверия, стал рассказывать другим и прославлять Чудотворца. (Чудо 10-е).

Старица Софья, жившая при церкви Воскресения Христова, что в Ракулеве, была нездорова глазами и ничего не видела более 30 недель. Однажды ночью явился ей во сне пр. Герасим и велел ехать в бывший Троицкий монастырь и отнять панихиду при его гробе, общая ей зато исцеление. Пробудившись, старица не придавала веры своему видению, почитая его сонным мечтанием, но в третью ночь снова повторилось ей то же видение и тогда она немедленно велела вести себя в город, к Троице. В часовне преподобного, падши пред его иконою, она со слезами просила себе исцеления; когда отпета была панихида, старица окроплена святою водой и потерла больные глаза свои землею от раки преподобного, она тогда же прозрела и возвратилась в дом свой совершенно здоровою (Чудо 15).

В 174 (1666) году, 7 Марта, вологодского уезда, брюховской волости, церкви Рождества Христова священник Фома Андреев, прибывши к Троицкой церкви, просил местного священника Григория отслужить в часовне, над гробом пр. Герасима, панихиду и по совершении ее объявил, что в прошлом 173 г. он был нездоров и ничего не видел правым глазом боле 5 недель. Услышав о чудесах, совершающихся при гробе пр. Герасима, стал он призывать его к себе на помощь и когда однажды вечером, ложась спать, положил обещание сходить для молебствия ко гробу преподобного, то поутру пробудился совершенно здоровым. Священник Фома просил записать в книгу случившееся с ним чудо преподобного и запись утвердил своим подписом, обещаясь ежегодно приходить к Троицкой церкви на память пребодобного.

В древней описи вологодского архиерейского дома упоминается «грамота Андрияна патриарха о свидетельстве мощей пр. Галактиона и Герасима вологодских, написанная в 7199 (1691) году; но были ли свидетельствованы мощи и с которого времени вместо панихид стали отправлять пр. Герасиму молебны, неизвестно.

**Век XIII. Праведные Иоанн и Мария
устюжские, преподобный Киприан
устюжский**

Праведные Иоанн и Мария устюжские

В несчастное для России время татарского ига, когда пред дикими кочевниками раболепно преклонялись владетельные русские князья, – положение народа было самое бедственное. Вся русская земля была обложена податью в пользу хана. Даже в самые отдаленные пределы русской земли на далеком севере, не испытавшие татарского погрома, в великий Устюг послан был Батыем баскак для сбора податей в ханскую казну. Тяжелы были для народа эти баскаки, или сборщики: много они делали различного рода несправедливостей, обид и притеснений гражданам, под видом ханской дани обогащали себя и не знали меры своему корыстолюбию и самовольству.

Таков был и устюжский баскак Буга, или Багу, татарин по происхождению, по вере язычник. Он не уступал другим баскакам ни в сребролюбии, ни в деспотизме. Воля этого татарина, последнего прислужника ханского, грубого, корыстолюбивого и необузданного дикаря, сделалась для устюжан законом. Можно себе представить, с каким нерадостным чувством встречен был Буга устюжанами, уже наслышавшимися о безчиниях ханских баскаков, как тяжело им было подчиниться баскаку и сносить дикие проявления его воли. Глухой ропот слышался в народе, злоба и ненависть к Буге накапливали в душе граждан, не привыкших сносить татарского деспотизма и поругания над христианским народом поганого язычника. Буга не замечал народного недовольства и, видя покорность жителей, становился еще более необузданным и дерзким. Но скоро над ним разразилась гроза и привела баскака в трепет и ужас.

Однажды Буга увидел дочь одного почтенного гражданина Марию и грубый язычник пленился девственной ее красотой. Не зная другого закона, кроме своей воли, татарин насильно взял ее себе в наложницы, не смотря ни на ее вопли и слезы, ни на просьбы и дары родителей. Терпеливо переносили устюжане поборы и грабительства баскака, но такого насилия и своеволия не могли снести. Узнавши о том, что поганый татарин

осмелился осквернить христианскую девицу, дочь их согражданина, устюжане запалили гневом на дерзкого баскака и, когда не далеко уже было до восстания народа против власти ненавистных завоевателей, вдруг приходит¹⁵ в Устюг известие о победе в. князя над татарами. Радостная весть быстро распространилась по всему городу, народ заволновался и стал говорить, что надобно убить баскака, что в Ростове, Суздале и Владимире уже убили их и что будто бы сам в. князь Александр желает того и велел изгонять и избивать их. Ужаснулся Буга, услышавши от Марии о волнении народа и о намерении убить его. Чтобы избежать предстоявшей ему опасности, он, по совету Марии, решился принять крещение и вступить с нею в христианский брак. Бог не хочет смерти грешника, но еже обратится и живу бытии ему: принятием св. крещения и вступлением в брак Буга примирился с правосудием Божиим, успокоился и народ, видя, что он законным браком загладил свое преступление. В св. крещении Буга назван был Иоанном, в честь св. мученика Иоанна воина, празднуемого 30 июля¹⁶.

Без всякого сомнения не превосходство христианства пред язычеством, но один только страх смерти побудил баскака принять св. крещение, Господь явил Себя не искавшему Его и открылся не вопрошавшему о Нем, но воспитанная в христианском благочестии добрая жена его своими советами и убеждениями и особенно примером своей высоконравственной жизни, скоро тронула его сердце и заставила полюбить принятую им русскую веру. Дикий сын степей с умилением слушал рассказы любимой им женщины и чем более знакомился с догматами и требованиями православной веры, тем более прилеплялся к ней сердцем. Скоро он сделался примерным христианином и своими добродетелями и набожности приобрел всеобщую любовь и уважение граждан. Так Господь различные случаи и обстоятельства, даже самые беды и несчастья, встречающиеся в жизни человека, направляет к его пользе и спасению.

По тогдашнему обычаю богатых людей однажды Иоанн ездил с соколом на охоту. Когда он поднялся на лежавшую близ города так называемую соколью гору, то, утомившись от езды,

сошел с коня, привязал его к дереву, сокола посадил на луку седла, сам же прилег, отдохнуть и, как время было полуденное, а день жаркий, то скоро и уснул. Во сне является ему дивный, величественный муж и говорит: «на этом месте поставь церковь в мое имя». Иоанн не знал, кто говорит с ним, но не решался и спросить явившегося об имени. Заметив то, дивный муж сам сказал ему: «поставь церковь рождества Иоанна Предтечи». Сновидение было так живо и явившийся внушал к себе такой страх и благоговение, что Иоанн тотчас же пробудился, не будучи и сам уверен в том, на яву или во сне он видел такого чудного мужа. Поспешно возвратившись домой, Иоанн рассказывает жене своей о бывшем ему сновидении и спрашивает ее, кто такой Иоанн Предтеча? Мария объяснила ему, что это великий пророк и угодник Божий; затем показав на иконе изображение Иоанна Крестителя, она советовала своему мужу поспешить исполнением того, что ему было приказано в сновидении. То же самое внушали ему друзья и знакомые, узнавшие о чудесном видении, и новопросвещенный Иоанн, следуя общему совету жены, друзей и знакомых, вскоре построил на месте бывшего ему видения церковь во имя рождества Иоанна Предтечи, отчего и самая гора, вместо соколей, стала называться Ивановскою. Благодетельные супруги богато украсили храм и снабдили его всем нужным для богослужения. Проводя чистую и святую жизнь, они и сами старались сделаться живыми храмами Богу.

В Устюге в то время подвизался пр. Киприан, начальник и основатель устюжского Архангельского монастыря. Вместе с прочими гражданами с любовью и уважением относился Иоанн к пр. Киприану, как к истинному рабу Божию, удивлялся его великим трудам и терпению и приходил в умиление и восторг от рассказов о подвигах преподобного, ибо он не слыхал ничего подобного на своей родине. Еще более благотворное влияние оказывал на благочестивую чету, на ее утверждение в вере и добродетели, другой избранник Божий, скрывавший в себе духовную мудрость под покровом безумия. Пр. Прокопий, рожденный и воспитанный хотя в христианстве, но вне православия и, подобно Буге, принявший св. веру уже в

совершенных летах, много лет проходил в Устюге высокий и трудный подвиг юродства ради Христа. Этот самопроизвольный мученик, обрекший себя на неприятности и лишения всякого рода, нередко заходил в дом Иоанна и Марии. Оставляя на время юродство, он любил с ними беседовать от всего сердца, укреплял и утверждал их в благочестии и сам утешался их верою и смирением. Праведные супруги почитали праздником тот день, когда заходил к ним юродивый, и рады были бы послужить ему чем-нибудь из своего имения, но Прокопий, оставивший свое собственное богатство Бога ради и решивший терпеть до конца, не хотел пользоваться удобствами их жизни, хотя и любил их. Для него дорого было только то, что он по временам мог отдохнуть у них сердцем и утешиться в душеполезной с ними беседе.

Благочестивые супруги Иоанн и Мария, проводя воздержную и чистую жизнь, с каждым годом восходили от силы в силу в жизни духовной, снискали от граждан всеобщую любовь и уважение и оставили после себя добрую память, еще при жизни получив от современников название праведных. Не дошло до нас никаких сведений о их блаженной кончине, кроме того, что они скончались уже в старости, в летах преклонных, каковыми и изображаются на иконах, и были погребены при градской Вознесенской церкви. Впоследствии времени, при построении новой Вознесенской церкви, место погребения их вошло внутрь здания храма, над гробницей устроена была рака и отправлялось им празднование по особо составленной службе. В писцовой книге 1683 года, в описании Вознесенской церкви, о месте погребения их сказано: «образ на гробнице святых, праведных Иоанна и Марии, писаны на краске, а на том гробе покров середина – камва красная, пол – тафта зеленая, в середине крест серебряный, кружило кованое; подложен покров киндяком алым; на том же гробе покров ветхой, дарагие красные, в средний крест вышит серебром; образ святых праведных Иоанна и Марии писаны на листовом золоте, а на том образе во облаче писан Спасов образ, а на Спасителев образ и на Иоаннове и Марии венцы серебряные, басмянные золочены». Гробница находилась в тесном придельном храме

Воздвижения креста, близ северной стены, под единственным окном, освещающим церковь. Ныне, после многократных перестроек Вознесенской церкви то после пожаров, то вследствие других причин, единственным памятником места погребения их служить образ праведных Иоанна и Марии, стоящий над окном, на внешней стороне стены, в нише, за слюдой.

В древних рукописных святцах праведные Иоанн и Мария называются начальниками древнего Устюга. Описание о российских святых XVIII в. в Московск. академии, то же библиотека Киево-софийск. собора.

Преподобный Киприан устюжский

Издавна, едва ли не с самого основания древнего города Гледена, находился в нем монастырь св. Троицы. Тут в первых годах XIII века один богатый землевладелец двинской трети, устюжской волости, презрев прелести мира, решился посвятить себя иноческой жизни и принял пострижение с именем Киприана. Достигший исполнения своего задушевного желания, новый инок со всем усердием предался подвигам поста и молитвы, безропотного послушания и труда. После всех пришедши в монастырь, он хотел сравняться в подвигах с поседельными старцами и усвоить себе все их добродетели. Такая жизнь не могла не обратить на Киприана всеобщего внимания жителей, и слава о молодом подвижнике быстро начала распространяться в окрестности. Благочестивые граждане Гледена привыкли посещать монастырь св. Троицы и находить для себя утешение в душеполезных беседах с иноками. Но в то время река Юг стала подмывать Гледенскую гору и горожане вынуждены были переселиться на Черный Яр, за реку Сухону, и построить нынешний Устюг. Посещение Троицкого монастыря, от которого они были теперь отделены большой рекой, сделалось для них неудобным. Жалея о трудности посещать любимое место своего богомолья и желая иметь иноческую обитель вблизи нового места своего жительства, устюжане стали просить пр. Киприана устроить монастырь близ их нового города. Предлагая ему любое место близ города для построения обители, граждане желали посещать новый монастырь вместо Троицкого и в тишине иноческой ограды отдыхать и успокоиваться от забот и тревог житейских. Устрашился сначала смиренный подвижник предложения граждан, долго отказывался он, считая себя и недостойным и неспособным для такого дела, но не мог устоять против усиленных просьб устюжан и согласился наконец принять на себя этот труд для общей пользы. Обойдя город и осмотрев места, – удобные для иноческой жизни, он избрал место при озерах, за Острожную осыпь или валом города, поставил

себе здесь малую кельицу и стал подвизаться в ней в непрестанных трудах, посте и молитве. Тяжела однако была для подвижника жизнь без храма Божия и без участия в общественном Богослужении, поэтому в 6720 (1212) году, при ростовском князе Константине Всеволодовиче пр. Киприан начал строить храм и обитель в честь Введения во храм Богородицы и Архистратига Михаила. Граждане обрадовались и стали помогать ему в этом богоугодном деле, приносить все нужное для устройства и содержания обители, а иные стали и жить вместе с ним. Пр. Киприан с радостью принимал каждого, с отеческою заботливостью и любовно помогал устроиться и приобрести необходимое для кельи, примером же собственной жизни учил тому, как достигать спасения души и избавиться вечных мук. Чтобы успокоить братию и дать им возможность всецело посвятить себя духовным подвигам, преподобный отдал обители все свое имущество, села, деревни, пахотную и сенокосную землю, которая была у него в устюжской и других волостях, так что с того времени его монастырь не имел ни в чем нужды и стал распространяться и умножаться числом братии. За такие пожертвования на пользу братии и особенно за свою строго подвижническую и святую жизнь пр. Киприан был признан иноками единогласно начальником и пастырем собранного им Христова стада.

Принявши на себя управление обителью, пр. Киприан всего себя посвятил исполнению этой трудной обязанности, непрестанно заботился о назидании и успокоении братии, для которой часто лишал самого себя покоя и довольства. Давно уже глава его покрылась сединами, тело иссохло от поста и трудов, а он по-прежнему каждый день трудился с охотою новонаначального инока, как будто это был первый день его подвига, – оканчивал труды свои всегда так, как бы уже не надеялся трудиться более, как будто это был уже последний день его жизни. И это продолжалось не год и не два, но более 60 лет, как светильник, поставленный на свещнице, сиял он добродетелями и светил и братии и современникам. Еще доныне сохраняется в обители тот дикий камень, который то служил ему возглавием, то был в руках его во время всенощных

подвигов, чтобы и невольно не предаться дремоте и бодро молиться духом. Изумительны для нас такие необыкновенные подвиги, такая ничем несокрушимая твердость воли, такое постоянство и редкое смирение, по которому он, будучи основателем и начальником обители, оставался простым монахом и не принял на себя священного сана, – но сам старец все это считал малым и недостаточным, он постоянно молился и оплакивал свою греховность. Как бы заживо похоронив себя в обители и не выходя сам даже за ее ограду, пр. Киприан любил принимать к себе гостя и друга Прокопия, после каждого посещения юродивого, лице старца казалось веселее и радостнее. Но напрасно странноприимный хозяин старался иногда хотя чем-нибудь успокоить и утешить блаженного. Часто посещая обитель и проводя с Киприаном в беседах по несколько часов, Прокопий не принимал от него ничего и не хотел пользоваться никакими мирскими благами.

«В дето от Рожд. Хр. 1276, Сентября в 29 день, в Субботу¹⁷, в 6 часу дня преставился сей Архангельского монастыря начальник, монах Киприан, и погребен в том же монастыре, близ св. врат, а по времени над гробом его создана каменная церковь во имя Преполовления Господня; гроб же его внутрь церкви, за левым клиросом при стене и над ним устроена гробница, которая и доныне всеми видима»¹⁸. Гробница над могилою пр. Киприана каменная, на ней положено писанное на холсте его изображение. Дикий камень, служивший ему возглавием, величиною с большую человеческую голову, лежит в возглавии гробницы; от него отскабливая малые частицы, многие врачуются от недугов. Из вещей, прииадлежавших пр. Киприану, доныне сохранился в обители небольшой деревянный напрестольный крест с литым серебряным распятием, по концам обложенный серебром¹⁹.

В 1621 году однн из монастырских послушников, возвращаясь из Верхотурья, под Пыскорским монастырем неосторожно грыз корень какого-то растения, данный ему в виде лекарства, и оттого сделался так болен желудком, что его едва живого с трудом могли довести до монастыря. Здесь оп целый год лежал больным, переиспытал разные лекарства и ни от чего

не получая пользы, обратился наконец с усердною молитвою к пр. Киприану, обещаясь отслужить в часовне над гробом его панихиду и положить покров на гробницу. Лишь только отслужена была панихида и положен был покров, больной Иоанн стал так здоров, как бы никогда и не был больным.

**Век XIV. Св. прав. Прокопий Устюжский,
преподобные Григорий и Кассиан
Авнежские, Димитрий Прилуцкий, Св.
Стефан Епископ Пермский**

Праведный Прокопий устюжский Христа ради юродивый

В первой половине XIII века, во дни славы и могущества Новгорода, когда вольные его жители, обогащаемые выгодной торговлею с ганзейскими городами, с уверенностью говорили: кто против Бога и великого Новгорода? в числе заморских торговых гостей, приезжавших ежегодно во множестве, прибыл однажды в Новгород с богатым грузом товаров немецкий купец Прокопий. Какого он был рода и племени и из какого города – неизвестно. Без всякого сомнения ему, подобно другим его товарищам, и на мысль не приходило долго пробыть, а тем более остаться навсегда в суровой и холодной России. Все его мысли и желания вероятно были сосредоточены единственно на том, чтобы дороже продать свои товары, набрать на них побольше дорогих мехов и новгородских рублей и поскорее возвратиться на родину. Но *от Господа исправляются стопы мужу: смертный же како уразумеет пути своя* (Прит. XV, 24)? Господь судил иначе и указал Прокопию неизвестный до того времени в России путь юродства Христа ради. Кто мог думать, что этот молодой купец, воспитанный в довольстве и роскоши и с младенчества напитанный враждебным Православию католическим учением – решится добровольно на всю жизнь подвергнуть себя всевозможным лишениям и страданиям, что при видимом скудоумии он сохранит мудрость и чистоту сердца, достигнет высоты нравственного совершенства, сделается украшением Православной церкви, великим чудотворцем, защитником и покровителем своего нового отечества? Истинно *сила Божия в немощи совершается* (2Кор. XII, 9). Дивны дела Господни, *дивен Бог во святых своих!*

Древний Новгород доныне славится множеством и красотой церквей и монастырей, а в эпоху его процветания их было еще больше. Когда Прокопий прибыл в Новгород, то невольно был поражен их множеством и красотой, доброгласным звоном многочисленных колоколов, набожностью и усердием народа к церковным службам, – чего он никогда не

думал встретить между людьми, не повинующимися римскому первосвященнику. А когда молодой человек, по своей любознательности, посетил храм св.Софии и другие церкви и монастыри, услышал стройное пение ликов, увидел чинное и благоговейное служение, торжественность и благолепие обрядов Православной церкви, то благодать Божия коснулась его сердца. Он умилился до глубины души, так что не захотел уже более возвращаться на родину, решился принять Православие и стал искать человека, который бы мог научить его догматам веры и уставам Православной церкви. Ему указали на Хутынский монастырь, не задолго (1192) пред тем основанный и славившийся строгостью устава и святостью жизни своих иноков. В то время там подвизался старец Варлаам Прокшинич²⁰, старавшийся во всем подражать пр. Варлааму Хутынскому, основателю обители. К нему обратился Прокопий и, припавши к ногам, со слезами просил научить его истинной вере. Удивительным показалось старцу, что молодой и богатый иностранец, приехавший в Новгород для торговли, ищет Православие, которое едва только увидел, и решается оставить веру, в которой воспитан, и – усумнился старец в истинности слов пришельца. Но когда преподобный убедился в искренности желания Прокопия, то с отеческою любовью принял его к себе и стал учить заповедям Божиим, уставать и чиноположениям Православной церкви, подавая в то же время пример строгого их исполнения²¹. Старец подвижник, собственным опытом познавший ничтожество земных благ и отрекшийся от них, советовал и Прокопию последовать его примеру, ради любви Божией отвергнуться себя, взять крест свой и последовать Спасителю. *Кая польза человеку, аще и мир весь приобрящет и отщетит душу свою, или что даст человеку измену за душу свою? (Мф. XVI, 26). Не уполюзуют имения в день ярости, правда же избавить от смерти (Прит. XI, 4)*, говорил наставник и в доказательство истинности своих слов приводил много примеров из отеческих писаний, житий святых и собственных наблюдений. Не напрасны были наставления и труды мудрого подвижника: Прокопий с охотою их слушал и старался запечатлеть в своем сердце. Особенно

трогали его жития преподобных и Христа ради юродивых, добровольно подвергавшихся различным лишениям и трудам, и при этом еще старавшихся скрывать свои подвиги от людей; когда старец читал или рассказывал Прокопию о таких подвижниках, он не мог удерживаться от слез. Вот, думал он, как люди трудились и терпели для спасения своей души, вот примеры, которым я должен подражать, – и с каждым днем более и более стал чувствовать отвращение от мирской жизни и возгораться любовью к Богу. Наконец он раздал все свое имение и богатство частью нищим, частью на сооружение храма в Хутынской обители и, решительно ничего не оставив себе, стал жить в обители как один из странных, ежедневно посещая все церковные службы и усердно служа братии. Избавившись от всех попечений и житейских забот, Прокопий ощутил спокойствие в своей душе, новый образ жизни сердечно ему понравился и он желал всю свою жизнь провести в тишине уединенной кельи под мирным кровом святой обители. Но, когда лукавый и во зле лежащий мир оставлял кого-нибудь в покое от своих козней? Кого люди или не преследовали злословием и клеветой, или не смущали и не беспокоили своими почестями и похвалами? Узнавши о том, что Прокопий принял святую веру и раздал все свое имение – новгородцы стали хвалить и превозносить его: этот человек велик пред Богом, потому что от зловерия перешел в Православие, все свое огромное богатство раздал бедным и смотрите, в какое сам пришел смирение и нищету, говорили они. Много каждый год приезжает в Новгород иностранцев, но никто из них еще не принимал нашей святой веры и не раздал нищим своего имения, а все стараются только о том, чтобы обогатиться. Некоторые даже нарочно приходили на Хутын, чтобы только видеть Прокопия, потому что слава о нем распространилась во всех концах города и пятинах новгородских.

Тяжело было Прокопию слышать о себе такие разговоры; людская слава, лишившая покоя его смиренное сердце, сделалась для него невыносимым бременем. Опасаясь из-за нее лишиться славы небесной, он открыл старцу Варлааму свою душевную скорбь и стал просить у него совета и

благословения удалиться куда либо, где бы его никто не знал. Старец сперва удерживал его, советуя лучше не выходить из обители и даже заключиться в затвор, но непреклонно было желание Прокопия, как будто что влекло его из обители и сколько Варлаам ни старался, не мог остановить его. Трогательно было расставание ученика с наставником: оба плакали, зная, что это последнее их свидание в сей жизни; преподавши наставление старец с молитвою и благословением отпустил своего ученика в путь.

Без всяких средств к жизни, не взявши ничего даже на дорогу, в бедной и раздранной одежде Прокопий вышел из монастыря, он спешил оставить новгородские пределы и устремился в неизвестные ему восточные страны, тогда еще негусто населенные и покрытые дремучими лесами и болотами. Часто усталому путнику после длинного перехода и целодневного труда и на ночь приводилось оставаться без пищи, спать на улице под дождем и ветром, если не встречалось сострадательного человека, который бы вызвался накормить и успокоить странника: ибо Прокопий, сколько бы ни был голоден, никогда ничего не просил и представлял из себя глупого. Много насмешек и оскорблений, ругательств и побоев перенес он на пути от грубых людей, находивших себе удовольствие в том, чтобы издеваться и мучить беззащитного юродивого; много привелось ему в своем ветхом рубище потерпеть и от летнего жару и насекомых и от зимних вьюг и трескучих морозов. Но он не упывал и не падал духом, зная, что каждый день добровольных его злостраданий, каждый шаг по этому узкому и истинно крестному пути приближает его в вечному покою и небесной отчизне. Юродствуя днем, повсюду встречая насмешки и оскорбления, он и ночью не давал себе покою, проводил ее в коленопреклонениях и молитвах, вспоминая слова Апостола: *многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие* (деян. XIV, 22), и стараясь утешать себя тем, что все земные скорби, как бы они ни казались нам велики и тяжки, ничто в сравнении с небесными за них наградами (Рим. XIII, 18). Переходя таким образом из страны в страну, из города в город и все далее и далее углубляясь на

восток, Прокопий дошел до Устюга и здесь усталый и голодный нашел себе пристанище в верхнем конце города, в одной ветхой хижине.

Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами в руках²² и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей; он и здесь скоро сделался предметом насмешек и поругания людей грубых, которые не стыдились даже и бить его без всякой с его стороны причины. Особенно избалованные дети не давали ему проходу; видя его беззащитность, они толпами гонялись за ним, бросали в него грязью, палками и камнями. Несмотря на все это, город поправился блаженному и он решился навсегда остаться в нем. Так Устюг сделался местом, назначенным ему Промыслом, где он должен был проводить и кончить свой многотрудный подвиг. Оттого Прокопий не только не раздражался и не гневался на тех, которые оскорбляли и били его, но еще молился за них и просил Бога, чтобы Он не поставил, им этого в грех. Представляясь безумным и юродствуя днем на улицах города, он каждую ночь обходил все городские церкви, припадал на колени и со слезами молился в открытых папертях их; когда же изнуренное постом и бдением тело его отказывалось служить и требовало отдохновения, он на краткое время ложился где попало, в некрытом сарае, на куче навозу, на голой земле или на камне, не смотря ни на какую погоду и летом и зимой, хотя изодранное его рубище едва прикрывало некоторые члены его тела и он был почти наг, и бос. Если сострадательные и добрые люди подавали ему милостыню, он принимал с любовью и благодарностью, но не каждый день и никогда не брал ничего от богачей, нажившихся неправдою, хотя был голоден, а нередко и по несколько дней оставался совершенно без всякой пищи. Это был мученик, из любви к Богу добровольно обрекший себя на скорби и лишения всякого рода И как он возлюбил Господа всею душою, для Него оставил все свое богатство и предал себя изумительным подвигам самоотвержения, так и Господь возлюбил его и, подобно древним св. пророкам, даровал Своему избраннику дар предведения и пророчества.

Долго скитаясь по городу, везде гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий избрал, наконец местом постоянного своего жительства угол паперти огромного высокого соборного храма Успения Божией Матери. Здесь стал он пребывать лето и зиму, не опуская ни одной церковной службы, ночи проводил, в молитвах, а днем юродствовал по улицам города. Однажды в какой-то праздник, когда много народу шло в собор, к вечерней службе, блаженный Прокопий увидел трехлетнюю девочку Марию, идущую в церковь вместе с своими родителями, – подбежавши, он поклонился ей в ноги и сказал: «вот идет мать великого Стефана, епископа и учителя пермского!» Удивились богомольцы, слыша слова юродивого, и едва ли кто из них принял их за пророчество и поверил им. Одни говорили: может ли быть епископ в Перми, когда нет там ни одной христианской души? другие смялись и считали снова юродивого бредом безумного. Но эта девица Мария, впоследствии вступившая в супружество с Симсоном, клириком соборной церкви, действительно и была матерью Стефана, апостола зырян.

Много и других опытов духовной мудрости и прозорливости показал блаженный Прокопий во время многолетнего юродствования своего в Устюге. Когда он беседовал с людьми благочестивыми, пред которыми не считал нужным скрываться, то каждое его слово и действие было наставлением и предостережением; когда же юродствовал и казался помешанным, многие поступки его для людей внимательных имели смысл пророческий: замечали например, что когда он бегал по городу и, размахивая своими кочергами, держал их головами кверху, то в тот год бывал хороший урожай на хлеб и плоды; если же оборачивал кочерги головами книзу, то бывал неурожай и во всем недостаток, так что приходилось невольно всем смиряться.

Важнейшим из многих пророческих его предсказаний и чудес, прославивших его, было избавление Устюга от истребления каменно-огненной тучей. Это было в 1290 году, за 13 лет до его кончины.

Бог наш – Бог милости и любви, бывает за грехи наши и Богом отмщения, – мор и голод, трус и потоп и другие бедствия

постигают людей за их нечестие. Но Отец небесный и во гневе своем милостив и, когда наказует, не перестает жалеть и любить наказуемых. Он некогда обещал пощадить виновные города для десяти праведников, но удерживает праведный гнев Свой и для одного великого праведника. Это ясно выразилось в жизни блаженного Прокопия. В один воскресный день, когда много народа было за службой в соборе, юродивый вдруг обратился ко всем с таким увещанием: «приближается гнев Божий, покайтесь, братия, во грехах ваших, умиловите Бога постом и молитвою, иначе город погнбнет от града огненного». – Он не в своем уме и никогда не говорит ничего дельного, что его слушать? сказали устюжане и не обратили никакого внимания на слова праведника. Любвеобильному сердцу Прокопия тяжело было встретить в гражданах такую беспечность и легкомыслие в то время, когда страшная опасность, угрожавшая им, уже висела над городом. От печали и горести сердца он едва мог достоять до окончания литургии и, вышедши на паперть, удалился в свой угол, зарыдал и, обливаясь слезами, пронлакал весь тот день и ночь, да и на другой день не переставал плакать. Некоторые сострадательные люди, видя его неутешный плач, спрашивали его: «что с тобою, Прокопий, что ты непрестанно плачешь? что у тебя за печаль на сердце?» Обливаясь слезами, он отвечал им словами Спасителя: *бдите и молитесь, да не внидите в напасть* (Мф. XXIV, 41). – На третий день вышед из паперти, блаженный Прокопий пошел по всему городу проповедывать покаяние жителям, со слезами всем и каждому он говорил: «плачьте, други, плачьте о грехах ваших, гибель близка, молитесь, чтобы избавил вас Господь от праведного своего гнева и не погубил вас, как Содом и Гоморру, за беззакония ваши». Но и эта вторая проповедь осталась бесплодною, ожестевшие во грехах устюжане оказались хуже виновитян: они не только не думали каяться; но еще смеялись и издевались над проповедником, как над безумным. Молитвенником за погибающий город остался один Прокопий, печально возвратившийся с своей угол на паперти. – В следующее воскресенье, в полдень (25 июня) явилось на небосклоне черное облако, приближаясь к городу, оно стало

расти более и более, так что наконец день превратился в темную ночь. Молнии бегали огненными полосами и страшные грохоты грома раскатывались в воздухе, не прерываясь ни на минуту; от громовых ударов тряслись стены зданий и от оглушительных звуков неслышно было людского голоса. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и поверили ему. И стар и млад, и нищие и богатые – все бросились в храмы, особенно же в соборный храм Богородицы. Прокопий был уже там и, падши пред иконою благовещения Богородицы, с горькими слезами молился, чтобы Мать Божия была ходатайцею за людей преступных. И весь народ с рыданием молился о спасении от гнева Божия, мужи и жены, дети и дряхлые старики, все единогласно зывали: «Владычица, спаси нас!» Долго молился блаженный, не поднимая головы своей от полу и орошая его своими слезами, и вот от иконы Богородицы потекло ручейком миром и по храму разлилось благоухание. В то же время произошла перемена в воздухе: не стало более удушливого зноя, тучи с громами приняли направление в сторону от города и скатились вдаль, в пустые места. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в Котовальской волости, упали с градом раскаленные камни, раздробили и уничтожили множество лесу, но люди и скот остались целы. – Между тем миром от святой иконы истекло столько, что им наполнили церковные сосуды, мазавшиеся им получали исцеление от различных болезней, а две бесноватые женщины освободились от своего лютого мучителя. Общая радость заступила место печали и распространилась по всему городу. Это чудное избавление города от неминуемой и явной гибели обратило было внимание граждан на Прокопия, но он приписал его милосердию и хода тайству Божией Матери и по прежнему продолжал свой подвиг и юродством закрывал от людей обильную благодать в нем обитавшую. Любимым местом, где он часто и долго сживал – был камень на берегу реки Сухопы, неподалеку от собора. Здесь, смотря на плавающих в малых стружках и лодках чрез большую реку, он молился, чтобы они не потонули, и убедительно просил мимоходящих погребсти его тут. «Положите здесь мои кости, на

этом месте, а камень сей, на котором сижу ныне, положите на моей могиле, и воздаст вам Господь благое в день праведного суда своего», говорил, о устюжанам. Когда Прокопий пришел в Устюг, были еще в живых престарелые супруги Иоанн и Мария, заслужившие от современников название праведных. Юродствуя по городу, он иногда заходила, к ним в дом, беседовал с ними о пользе души, что доставляло старцам несказанное удовольствие, так как и тот и другие, хотя и различными путями, стремились к одной и той же цели. Но особенным другом и собеседником его был пр. Киприан, основатель устюжского Архангельского монастыря, – при всем том ни у Иоанна и Марии, ни у Киприана самопроизвольный мученик не искал покоя для своей плоти и не хотел пользоваться никакими удобствами земной жизни. После их блаженной кончины ближе других к юродивому был благочестивый клирик соборной церкви Симеон, впоследствии родитель св. Стефана пермского. В продолжение многих лет Симеон был очевидным свидетелем пребывания Прокопия на соборной паперти и умел усмотреть в нем под кровом юродства великую духовную мудрость и обилие благодати Божией. Ему мы обязаны приведением в известность и сохранением для потомства следующего дивного события из жизни блаженного Прокопия.

В Устюге, как и вообще на севере, зимою бывает очень холодно, чему не мало способствует и то, что он находится на возвышенной и открытой местности. В последний год жизни Прокопия зима была столь жестока и сурова, что такой не запомнили старожилы. Сильная вьюга, продолжавшаяся две недели, занесла снегом дома даже внутри города, а мороз и северный ветер так были резки, что птицы падали мертвыми и много погибло скота, людей же, особенно нищих и странных и по дорогам и в городе замерзло и занесло снегом столько, что на Ивановской горе у предтеченской церкви наполнено было ими несколько убогих домов. Можно представить себе, каково было в этот лютый мороз нагому Прокопию, который обыкновенно проводил ночи на высокой, холодной соборной паперти и кроме ее не имел нигде себе пристанища.

Ослабевший от старости и терзаемый нестерпимым морозом, он вышел было из паперти и пытался найти теплый угол, чтобы хотя сколько нибудь погреться, но когда это не удалось, принужден был возвратиться на прежнее место и здесь, забытый и оставленный всеми, переносил невероятные страдания. Когда вьюга унялась и стало несколько теплее, юродивый вышел из паперти и направился за церковь, в угольный дом, к любимому им клирику Симеону. Как бы нисколько не пострадав от мороза, с светлым лицом и приятным смехом он вошел в комнату, спрашивая хозяина. Изумился Симеон, увидевши у себя юродивого, ибо думал, что он уже замерз во время столь лютого и продолжительного мороза и, обнявши его со слезами, с радостью спешил приветствовать и принять дорогого гостя. Когда они сели и начали разговаривать, Прокопий спросил Симеона: «для чего ты, брат мой, так скорбел и сетовал обо мне и теперь плачешь? Не унывай, приготовь трапезу, чтобы нам вместе вкушать сегодня пищи». Симеон обрадовался неожиданному предложению и не знал, как и благодарить за него гостя. Между тем, пока готовили и собирали на стол, блаженный Прокопий опять спросил Симеона: «скажи мне искренно, добрый брат мой, ты много пожалел обо мне – странном челивеке, думая, что я уже замерз от этой лютой стужи? Что же бы было тогда с братьями моими – нищими? Нет! Хранит Господь любящих Его, близок к сокрушенным сердцем!, и спасает смиренных пресвятым Своим Духом. Если ты и впредь будешь любить меня, то получишь много утешения для души. Не проливай же более о мне слез, ибо великая радость бывает человеку, который скорбит всею душою и всем сердцем своим уповает на Бога и в сем веке, и в будущем». Из этих слов блаженного Симеон понял, что что-нибудь дивное случилось с ним во время гтрашного мороза, и, дружески обнимая и целуя его, стал спрашивать блаженного о его терпнии; заклинаая Богом, он просил Прокопия ие таить благодати Божией и не скрывать от него, как обнаженное старческое тело его в течение стольких дней и ночей могло перенести такую страшную стужу? Долго молчал блаженный Прокопий, как бы о чем размышлял, и,

вздыхнув из глубины сердца, сквозь слезы отвечал: какую пользу хочешь ты, брат мой, получить от меня нечистого и юродивого, валяющегося по стогнам, на гноище и в смраде грехов своих? Но что делать! Великая любовь твоя ко мне побуждает!, меня поведать тебе мою тайну. Заклинаю тебя однако же Богом, Создателем и Спасителем нашим Иисусом Христом, что пока я жив, ты никому не откроешь того, что я поведаю теперь любви твоей». Симеон поклялся сохранить тайну и блаженный Прокопий открыл ему следующее». Когда впервые поднялась эта страшная вьюга, ужаснулся я и уже отчаялся в жизни, думая, что не в силах буду перенести се в моей наготе, без всякой одежды, без теплой хранины, где бы мог, хотя на время подклонить голову. Малодушествовал я и вышел ночью из паперти соборной, из под крова Божией Матери. Сперва устремился я к стоящим напротив собора малым хижинам убогих людей, надеясь обрести у них хотя краткий покой и укрыться от стужи, но они не только не пустили меня, а еще, выскочив из хижин, палками прогнали меня, как какого-нибудь пса, ругаясь и крича мне в след: прочь, прочь отсюда мерзкий юродивый! Не взвидев пути, в страхе побежал я от них уже и сам не знаю куда, дорогою мысленно молился и говорил сам с собою: буди имя Господне благословенно отныне и до века, лучше умереть мне Христа ради и Господь вменить мне то в праведность. Не видя от вьюги пред собою ничего, набрел я дорогою на пустую хижину, в углу которой лежало несколько собак, загнанных морозом; я лег было подле них, чтобы хотя сколько-нибудь от них согреться, но они, увидев меня, все вскочили и бросились вон. Тогда я подумал: вот до чего я мерзок и грешен, что не только нищие, но и псы гнушаются мною. Ибо и нищие, гонясь за мною, кричали мне: иди и умри, лживый юродивый, нет нам в тебе никакой пользы и нужды, – самые бессловесные животные, собаки, не захотели лежать со мною и убежали. Тогда пришла мне на сердце такая мысль: люди отвергли меня, никому я не нужен, возвращусь на мое старое место, пусть будет что угодно Богу, если и умру, так по крайней мере в святом месте, под кровом Божией Матери, и, собравши последние силы, побежал обратно к церкви.

Вошедши на паперть, я сел в углу, скорчившись от жестокого холода, все члены мои дрожали, дыхание спиралось, глаза смежались, а я, взирая на икону Спасителя и Божией Матери, плакал и молился, молился уже не о сохранении своей жизни, а о спасении души, ибо уже жить не надеялся, а ежечасно ожидал себе смерти и каждый вздох мой казался мне уже последним, так как тело мое совсем оцепенело и посинело. Когда я наконец начал забываться и терять сознание, вдруг почувствовал какую-то необыкновенно приятную теплоту; открыв уже смежившиеся глаза, я увидел пред собою прекрасного юношу, лице которого было так светло, что невозможно было смотреть на него, как будто горел на нем луч солнца. В руке у него была чудная ветвь, разцветшая всякими цветами и белыми и алыми, испускавшими из себя чудные ароматы, не мира сего тленная ветвь, но райская. Взглянув на меня, он сказал: Прокопий, где ты ныне? – Сижу во туй и сени смертной, оковав железом, сказал я ему в ответ. Тогда юноша ударил меня цветущею благовонною ветвиею прямо в лице и сказал мне: «прими ныне неувядаемую жизнь во все твое тело и разрешение оцепенения, постигшего тебя от мороза». И вдруг, посреди невыносимой зимней стужи, благовоние весенних цветов проникло в мое сердце и наполнило меня всего. Как молния блеснул и скрылся от меня небесный посланник, но жизнь, данная им оцепеневшим моим членам, приразилась мне и я жив доселе. Брат мой, вот что случилось со мною грешным юродом в это страшное время, но ты помни свою клятву и никому не поведай о том ранее моей смерти. Сказавши это, блаженный Прокопий поспешно вышел из дому Симеона и возвратился на соборную паперть, чтобы продолжать свои подвиги непрестанной молитвы к Богу и юродства пред людьми.

Прибывши в Устюг еще в лучшей поре своего возраста, блаженный Прокопий достиг глубокой старости и давно уже покрыт был единою, хотя по прежнему был бодр духом и с юношеским жаром продолжал свои изумительные подвиги, так что никому из граждан и на мысль не приходило, что великий подвижник доживает уже последние свои дни и что скоро они должны будут расстаться с ним. Однажды, когда праведник

ночью молился на паперти, явился ему ангел Божий и возвестил о скором окончании его подвига, об отшествии его к Богу, назначив и самый день его кончины. С величайшей радостью услышал о том Прокопий и еще более предался подвигам самой пламенной молитвы, в течение нескольких дней он не отходил от храма Пресвятой Богородицы, готовясь к своему исходу. На 8-е июля ночью вышел он наконец из соборной паперти и направился к обители покойного друга своего Киприана. Там, пред святыми вратами праведный Прокопий встает на колена и в последний раз возносит пламенную молитву к Богу, благодаря Его за все благодеяния, которыми Господь наградил его в жизни от первых дней юности, до старости, призвав его от мрака заблуждения к свету истины и из страны далекой приведши в богоспасаемый град Устюг, под кров дома Пресвятой Богородицы. Праведник мысленно прошел в молитве всю свою жизнь, за все прославлял и благодарил Бога. Отошедши от святых ворот на конец моста, Прокопий возлег тут и, оградив себя крестным знаменiem, сложил крестообразно руки на груди и с молитвою испустил дух. Как бы для того, чтобы святое и многострадальное тело его не осталось без покрова, в ту же ночь, не смотря на летнюю пору, выпал снег и покрыл землю на две четверти, а над мощами блаженного Прокопия снежною бурей навеяло сугроб в две сажени вышины. Изумились устюжане, вставши по утру и видя дома и улицы города покрытия снегом; погибли, думали они, весь хлеб и овощи, но настал жаркий, солнечный день и к вечеру снег растаял, не повредив растительности. Между тем соборные священнослужители заметили, что против постоянного обычая, какого блаженный держался в течение многих десятков лет, его не было в церкви на утреннем пении и начали о нем спрашивать горожан, но никто его не видал и ничего не мог о нем сказать. Тогда стали искать его по всему городу, обошли все церкви и опять нигде не могли найти. Только на четвертый день обрели святое тело блаженного на конце моста к монастырю, лежащее на голой земле и покрытое сугробом снега, который служил ему покровом и все еще не растаял, тогда как в других местах везде было уже сухо. С

благоговением и слезами священно-служители подняли тело блаженного трудника и всем собором, с пением псалмов, свечами и фимиамом, на головах своих перенесли его в соборную церковь и оставили там дотоле, пока все граждане не соберутся на погребение. На том месте, где было обретено тело его, в память события водрузили деревянный крест, а потом, по времени, заменили его каменным²³ и построили часовню.

Сошелся весь народ великого Устюга с женами и детьми в соборную церковь Божией Матери и началось надгробное пение среди всеобщего плача и рыдания. Со слезами благодарности воспоминали граждане отечения заботы юродивого о их спасении, его предсказания и проповедь пред нашествием гнева Божия, чудное избавление города от, огненной тучи и многие другие знамения бывшие от блаженного. Многие неутешно плакали и скорбели о том, что, по своему невежеству и грубости, считали его безумным, смеялись и оскорбляли его. По совершении надгробного пения тело блаженного с великою честью отнесено было на берег реки Сухоны, на то место, где он любил сидеть на камне и молиться о плавающих по реке и где просил похоронить его. Там и предали тело его земле, а камень положили на его могилу, начертав на нем год, месяц и число его кончины. Это было 1303 года²⁴. По наружному виду праведный Прокопий был средовек, волосы на голове у него были русы, борода Космина, рубище дико-багряное с правого плеча спустилось, в левой руке у него три кочерги, сапоги разодранные, без подошв, колена голые, каковым он большею частью и изображается на иконах и каковым вероятно прибыл в Устюг. Но другим, позднейшим подлинникам, он стар и сед²⁵.

Устюжане, не умевшие понять и оценить человека Божия при жизни, не умели сохранить и передать потомству подробностей чудного его жития хотя он прожил в их городе более полувека и был известен каждому. «Многострадальное же житие того и прозорливство не бе предано писанию исперва, но токмо повествованиями сказовашеся от древних последним», говорит св Димитрий ростовский²⁶. Уже много лет спустя после блаженной кончины праведника, когда множество полученных от него чудесных исцелений побудило устюжан построить над

могилою его храм в его имя и установить день празднования его памяти, они собрали и записали о житии блаженного Прокопия то, что еще сохранилось в предании народа и рассказах отцев и дедов, – из многого малое. То же самое надобно сказать и о благодатных чудесах и исцелениях, происходивших от гроба праведного Прокопия, и ты более, что многие из них не только не были никем записаны, но даже и не приведены в известность по простоте получивших, не считавших того и нужным. Их стали записывать уже тогда, когда была построена церковь во имя праведного Прокопия, и первым из них поставлено то, которое послужило побуждением к ее построению.

Прошло более 150 лет после кончины блаженного Прокопия, а место его погребения оставалось ничем не огражденным, кроме одного лежавшего на нем камня. Поскорбел душою об этом один нищий, пришедший из Москвы, по имени Иоанн, и в 1458 году построил над могилою блаженного Прокопия небольшую деревянную часовню и поставил в ней его образ. «Но великие соборные церкви Пресвятой Богородицы иереем и диаконом вниде в сердце лукавый помысл, и не восхотеша они того ведети и слышати и память сотворяти блаженному Прокопию и того предреченного мужа Иоанна от тое поставленные часовни отгнаша и часовню блаженного Прокопия сломаша и врознь разметаша»²⁷. В 1471 году, по повелению в. князя Иоанна III со всех сторон собирались ратники для похода на Казань, между прочим и из Устюга. Устюжский отряд, долгое время стоявший заставою в Нижнем Новгороде, подвергся тяжелой, повальной болезни «трясавице и чревной». Во время этого бедствия многим из них начал являться блаженный Прокопий во сне и внушать: «положите вы на сердце своем обет, еже бы вам поставити на Устюге великом церковь во имя св. праведного Прокопия, Христа ради юродивого, и болезни избудете». Это было началом его прославления, – ибо все те, которые поверили видениям и положили обет построить церковь, вскоре выздоровели и благополучно возвратились на родину, а которые явления святого сочли сонною мечтою и не поверили – умерли от болезни. Спасшиеся столь чудесно от неминуемой смерти

ратники, по возвращении в Устюг, действительно построили церковь, но не в его имя, а в честь св. Благоверных князей Бориса и Глеба и великомученика Георгия. Когда эта церковь, как бы в наказание за преслушание повеления праведного Прокопия, 1 Августа 1490 года сгорела от молнии, тогда устюжане, в другой раз ходившие для защиты Нижнего от татар, при возвращении домой нарубили на берегу Сухоны лесу, приплыли на нем в Устюг и в 1495 году построили из него новую церковь уже во имя праведного Прокопия (в 192 году после его преставления). Достоинно внимания то, что еще прежде того времени уже начертан был образ этой будущей церкви на том самом камне, на котором блаженный Прокопий любил сидеть при жизни и который находился на его могиле. Тогда же устроили в церкви и гробницу над местом погребения его и написали на ней его изображение, украсив ее драгоценными павлоками²⁸, а 8 июля стали торжественно совершать его память. С этого времени чаще стали являться исцеления и чудеса от его гроба. Первое исцеление из числа записанных совершилось над устюжским гражданином Григорием, который страдал огневицей и, будучи в совершенном расслаблении, просил, чтобы его отнесли ко гробу чудотворца. В малой ладье привезли его к церкви и, когда отпели молебен и приложили его к раке угодника, то больной тотчас же почувствовал себя совершению здоровым и без помощи других возвратился домой.

Окольничий в. князя Иоанна III – Владимир, заведывавший делами Устюга, был тяжело болен, все тело его было покрыто язвами и никакие лекарства ему не помогали. Один из устюжских граждан, явившись к боярину по делам в Москву и видя его в крайнем изнеможении, сказал ему: «не прогневайся на нас, честный боярин, мы хотим указать тебе доброго врача, который может исцелить тебя от твоей тяжелой болезни. Был у нас на Устюге за много лет пред сим юродивый Прокопий, в его имя ныне у собора на площади есть церковь и от мощей его во множестве получают разные исцеления». Услышав об устюжском чудотворце, боярин послал в Устюг нарочного отслужить молебен праведному Прокопию о своем

выздоровлении и, как только посланный возвратился и вошел в комнату больного с освященной водою и с иконою праведного Прокопия, больной тотчас поднялся с одра болезни, а выслушав молебен пред иконою, стал совсем здоров.

У боярина Михаила Семеновича Воронцова, управлявшего великоустюжскою областью, внезапно занемог любимый слуга Пантелеймон столь тяжкою болезнью, как будто все телесные составы были у него сломаны. Когда родные, уже отчаявшиеся в его жизни, сидели однажды около его постели, они к удивлению своему заметили, что больной не узнает никого, а между тем все как будто с кем-то разговаривает. Еще больше изумились они, когда больной вдруг, как бы проснувшись от сна, громко воскликнул: «о чудный и блаженный Прокопий, помоги мне грешному рабу твоему!». Пришедши в сознание, больной рассказал родным свое видение. «Братья, я видел блаженного Прокопия, который, приблизившись к моей постели, сказал мне: брат Пантелеймон, подойди ко мне и скажи хоть одно слово, я вижу, что ты крепко болен. Я отвечал ему: ей, господин мой блаженный, изнемогаю и страдаю я сильно. Позади блаженного стоял пресвитер в ризах и держал в правой руке крест, а в левой чашу со святой водою. Явившийся святой велел мне встать с одра, и взявши меня за руку, поднял, а пресвитеру приказал осенить меня честным крестом и покропить святою водою, после чего сказал мне: отселе будешь здоров и не будь не верен, но верен. И так молю вас, братья, отнесите меня к гробу чудотворца, где хочу исполнить обет свой». Обрадовался боярин и немедленно велел нести отрока своего в церковь праведного Прокопия. Здесь, когда отпели молебен угоднику, больной получил исцеление и в служившем священнике узнал того, который являлся ему вместе с св. Прокопием.

В ряду чудес праведного Прокопия особенно замечательно следующее. У великоустюжского наместника, боярина Семена Борисовича был служитель, которого он весьма любил. Этот, надеясь на расположение к себе боярина, творил устюжанам очень много зла и разных пакостей, худой христианин, он умер не но христиански, не удостоившись исповеди и причастия св. Таин. Боярин велел похоронить любимого своего служителя

близ собора и построить над его могилою палатку. Воля боярина была исполнена, но в ту же ночь палатка была разметана; боярин приказал построить новую, но и та, в следующую ночь, была так же разметана. Тогда боярин рассердился, думая, что это делается кем-либо по неудовольствию на него, и только слова одного из граждан утишили его гнев. «Успокойся, сказал он боярину, и не гневайся ни на кого напрасно, честный боярин. Никто из живых людей не трогал палатки и не имел намерения оскорбить тебя. Но я слышал от прадедов моих, что тут лежит праведный Прокопий, Христа ради юродивый». Боярин понял правду, велел перенести тело служителя в другое место и со слезами помолился: «прости меня блаженный Прокопий, грешного и неразумного раба твоего, что осмелился положить вблизи святых твоих мощей нечистого слугу своего».

В малолетство царя Иоанна IV казанские татары не редко делали набеги на восточные и северные области России. Один раз они дошли до Устюга, все предавая огню и мечу, и в числе других пленных захватили одну бедную женщину Соломонию. Много лет томилась она в Казани, в тяжелой неволе, постоянно думая о своей далекой родине. Перебравши в уме все средства к своему освобождению и находя их или недостаточными, или недоступными для себя, она вспомнила о праведном Прокопии и, осенив себя крестным знаменем, начала молиться и призывать его к себе на помощь. «Если вынесет меня Бог из татар на Русь, говорила она, и дойду я до Устюга и увижу своими очами чудотворный гроб блаженного Прокопия, то положу покров на гробницу его сколько силы моей будет». Давши такой обет, Соломония почувствовала в себе необыкновенную решимость, немедленно отправляется из Казани и, не будучи ни кем из встречавшихся ей на пути ни спрошена, ни остановлена, благополучно достигает русских пределов. По возвращении на родину она исполнила свой обет и рассказала клиру и народу о своем чудесном избавлении от плена.

Домитиан, священник устюжского собора, имевший великое усердие и веру к праведному Прокопию, впал однажды в столь тяжкую и сильную болезнь огневицы, что лежал как

бездыханный; домашние же, отчаявшись в его выздоровлении, плакали по нем, как по умершем. Раз ночью, когда больной находился один в комнате, ему является святолепный муж и, подошедши к его постели, говорит: «вижу, что ты сильно болишь». – Изнемогаю и приближаюсь к смерти, отвечал ему священник, никогда не приключалось со мною такой тяжелой болезни. – Тогда явившийся сказал: «вот я пришел к тебе ради прежнего добродетельного жития твоего и усердия ко мне; хочешь ли я одену тебя своею одеждою? и, снявши с больного одежду, положил ее у его ног, а на него надел принесенную им новую одежду и сказал: отселе будешь здоров. Больной спросил: кто ты, скажи мне твое имя? Вижу, что ты человек сильный и так трудишься ради меня грешного! – Я раб Божий Прокопий устюжский и послан к тебе на помощь от Господа, отселе прощает тебя Господь». Сказавши это, явившийся стал невидимым, а больной почувствовал себя совершенно здоровым, тотчас же встал с одра, благодаря Бога и прославляя своего исцелителя.

При державе царя Иоанна IV, при митрополите Макарии и ростовском архиеп. Никандре, в 1548 г., в устюжских пределах, в обители страстотерпцев Бориса и Глеба, в городе Выборе случилось следующее чудо.

Много лет в тамошней церкви находилась икона пр. Варлаама и праведного Прокопия и от времени пришла в ветхость. В день памяти Прокопия ее вынесли из церкви и поставили на торгу для народного чествования. Один убогий из Усоли (Сольвычегодска) Иоанн, четыре года лежал в больнице Богарадной избы, мало видя, тяжко слыша и едва говоря языком; ради милостыни он иногда сам ползал на локтях и коленях, иногда другие возили его на санках. Услышав, что граждане хотят плыть в Устюг, он просил их взять его с собою ко гробу св. Прокопия, но никто не согласился. Оставленный на берегу, он дополз до торгу и усердно стал молиться пред иконою св. Прокопия, стenal сердцем и плакал, призывая умом на помощь угодника; и призываемый явился, дважды сотворил над ним крестное знамение, взял его за руку и сказал: вот тебе здоровье! иди целуй мой лик на иконе и будешь здоров. Св.

Прокопий стал невидим, а Иоанн почувствовал в себе укрепление сил, поднялся с помощью двух посохов и подошел поцеловать икону. Изумился народ, видя Иоанна ходящим, и, обступив его, спрашивал: как он исцелился? Это было в субботу вечером, на кануне памяти св. Прокопия. На другой день, по просьбе правители города, которому было донесено о чуде, Борисоглебске игумен отслужил всенародный молебен угодинику на месте события, а по совершении молебна сам при народе расспрашивал Иоанна о его исцелении.

Московский собор 1547 г. причислил праведного Прокопия к лику святых и установил праздновать ему 8 июля. Стихиры и канон ему составлены еще при Иоанне III, когда в Устюге начали праздновать его память. – В Устюге и его окрестностях пред днем памяти св. Прокопия многие благочестивые люди и доныне соблюдают недельный пост. Мощи его почивают под спудом в каменном его имени соборном храме, за левым клиросом, близ северной стены. Нынешняя гробница, устроенная в 1833 г., вызолочена по полименту и состоит из 4-х мраморных досок с позолоченными надписями. На гробнице находится образ св. Прокопия, украшенный серебряно-вызолоченною ризою и жемчужною гривною²⁹. Гробница осенена резным золоченым балдахином на столпах. При входе в собор у южных дверей положен на пьедестале камень овальной фигуры, привезенный 1 ноября 1638 г. из котовальской волости – из числа выпавших в 1290 году. Икона Благовещения Божией Матери, источившая миро (в 1290 г.), с 1567 года перенесена в Москву и находится ныне в Успенском соборе, по правую сторону царских врат. В 1818 г. уссрдием устюжских граждаи сделана на нее тяжелая серебряная, позолоченая риза.

Преподобные Григорий и Кассиан Авнежские

Когда пр. Стефан, пострижник Киево-Печерской Лавры, устраивал свою обитель Махрищкую³⁰, недалеко от того места жил богатый землевладелец Григорий, от юности научившийся грамоте и довольно образованный по тогдашнему времени. Он часто посещал пр. Стефана, слушал его беседы, присматривался к образу жизни старца и наконец, видя в нем истинного раба Христова, пожертвовал ему земли и все свое имение на устройство обители и сам постригся в ней. Руководимый опытным наставником, новый инок всецело посвятил себя на служение Господу, дни проводил в трудах на пользу братии, ночи в бдении и молитвах. Пр. Стефан полюбил Григория как родного сына, приблизил его к себе и немало радовался успехам его в жизни духовной. Отличая Григория от других иноков, для которых он по своей жизни служил уже примером, пр. Стефан послал его к суздальскому епископу Алексию, прося святителя рукоположить его во пресвитера. Григорий был рукоположен и с еще большею ревностью продолжал усовершенствоваться в иноческой жизни. Но не на Махре, близ его родины, а в другой далекой стороне Промысл готовил Григорию место для проведения подвигов.

Братья Юрковские, жившие недалеко от монастыря, опасаясь, что земли, которыми они владели, отданы будут Стефану, пользовавшемуся благоволением в. Князя и известностью в Москве, подняли на преподобного самое злостное гонение, нагло бранили его и грозились убить, если он не уйдет из их стороны. Напрасно блаженный старец со всею кротостью уговаривал их одуматься, они не стыдясь в слух говорили, что убьют Стефана. Всегда кроткий и смиренный Стефан, давая место гневу, поручил свою обитель заведыванию старца Илии и ночью, взявши с собою одного только ученика своего Григория, вышел из монастыря. И пошли странники в неведомую для них страну, искать себе места для водворения. Пр. Стефану же не в первый раз приводилось странствовать и бегать злобы людской. Иго литовское и притеснения папистов с

благословенного юга привели его в дремучие леса сурового севера и поселило на Махре; здесь, как для пришельца, для него было все чуждо; но для Григория разлука с родиной естественно не могла не быть неприятною и тяжелою: навсегда он оставлял тут все, что бывает мило и дорого сердцу человека. Впрочем блаженный Григорий, однажды отрекшись своей воли и всецело преданный воле своего наставника, на столько уже отрешился от земных привязанностей, что готов был идти за Стефаном хоть на край света. Переходя из пустыни в пустыню, из дебри в дебрь и углубляясь все далее и далее к северу, странники дошли до глухих лесов и топких болот вологодских. После многих дней странствования по вологодским лесам, они остановились в Авнежском княжестве, не подалеку от реки Сухоны, что ныне в тотемском уезде вологодской губернии. Здесь в 1370 году у потока, называвшегося Юрьевым, они срубили небольшую церковь святой Троицы, а вскоре за тем и другую во имя великомученика Георгия, себе же построили около и них кельи. Мало по малу стали к ним приходить люди, искавшие иноческой жизни, и таким образом, с благословения ростовского владыки, устроился монастырь. Скорому его устройству много способствовал своими щедрыми подаяниями местный богатый землевладелец Константин Дмитриевич. Он не жалел своего богатства на украшение храмов, созданных пустынноиками, на приобретение всего необходимого для братии и на заведение общежития. Сам Константин любил посещать старцев-пустынников, слушать их назидательные, духовные беседы, и чем ближе знакомился с ними, тем более прилеплялся к ним, тем сильнее возгоралось в нем желание иночества, так что наконец он решился оставить мир и просил у пр. Стефана пострижения. Блаженный старец, провидя в нем доброго инока, исполнил благочестивое желание Константина и, назвавши его при пострижении Кассианом, поручил руководству ученика своего Григория. Новый инок во всем подражал своему руководителю и показывал такое усердие к подвигам, что казалось старался скорее догнать и сравняться по жизни с своим руководителем. Оба, и ученик и учитель, много радовали пр. Стефана и служили примером для братии.

Вследствие стройного порядка, заведенного пр. Стефаном, отеческой его заботливости и мудрого управления, скоро Авнежская обитель пришла в цветущее состояние, сделалась любимым местом богомолья для окрестных жителей, слава о ней распространилась далеко и дошла до Москвы. Великий Князь Димитрий Иоаннович, услышавши, что знакомый ему старец Стефан устроил себ пустыню в вологодских пределах, послал ему книги и другие пожертвования для обители; но самому Стефану велел явиться в Москву и затем возвратиться в обитель Махрицкую. Ученики преподобного как громом поражены были этою вестью, много пролили слез о предстоявшей им разлуке с учителем, не хотели даже расстаться с ним и отпустить его от себя, но не смели противиться воле державного. Оставляя Авнегу, пр. Стефан назначил вместо себя настоятелем любимого ученика своего иеромонаха Григория, а исправление келарской должности поручил иноку Кассиану, заповедав им заботиться о братии и ни в чем не изменять заведенного им в обители порядка. Новые начальники монастыря свято исполняли завет своего учителя, прилагая труды к трудам и восходя от силы в силу в жизни духовной, так что обитель и после Стефана не переставала процветать. К несчастью скоро разразился над нею страшный удар, повергший обитель на долгое время в запустение.

Промыслу Божию угодно было, чтобы, кроме труженического пота и слез, которыми пр. Григорий и Кассиан непрестанно себя орошали, они обагрены были еще и собственною кровью, чтобы к небесным наградам, уготованным им, они увенчались еще и мученическими венцами. Спустя шесть лет по оставлении пр. Стефаном Авнеги, в 1392 году толпы вятчан и казанских татар, грабившие и опустошавшие вологодские пределы, внезапно 15 июня напали на Авнежскую обитель и предали ее пламени. Кто мог, спасся бегством, а пр. Григорий и Кассиан были убиты варварами. Чрез несколько дней после страшного их набега, окрестные жители, возвратившись из лесов, где спасались от варваров, с честью похоронили тела преподобных на месте их смертного подвига, на церковном пепелище. Так как место это считалось

собственностью Махрицкого монастыря и небезопасным от нападений врагов, то оно и не было занято никем из окрестных жителей, и по кончине преподобных подвижников совсем запустело и заросло лесом.

В 1524 голу при державе в князя Василия Ивановича, когда иго татар было уже свергнуто и окраины России успокоились от их набегов, Авнежский крестьянин Гавриил вырубил себе в лесу подсеку для посева хлеба на том самом месте, где за 132 года ранее находился монастырь. Но когда он стал жечь подсеку, чтобы очистить место и приготовить его для посева, то увидел, что небольшое пространство земли на середине подсеки осталось нетронутым от огня, несмотря на то, что оно густо было покрыто сухим лесом и хворостом, материалом самым удобосгораемым. Несколько раз принимаясь зажигать его и все понапрасну, Григорий вздумал употребить последнее средство пропалить это место. Он наносил на него большую грудку хворосту и оставшихся на подсеке головень, но когда, на следующий день, пришел зажигать хворост, то к удивлению своему нашел его разметанным по всей подсеке и принужден был оставить то место незасеянным. Вскоре после этого он передал свою подсеку другому крестьянину Феодору, который и поселился тут в оставленной Гавриилом избе. На том месте, которого не мог выжечь Гавриил, Феодору каждую ночь стали казаться огни, как бы свечи горели. Полагая, что тут лежит клад, Феодор ночью, тайно от своих домашних, отправился добывать клад, раскопал землю на том месте, где светился огонек, но к удивлению и ужасу своему, вместо ожидаемого клада, нашел два гроба, еще совершенно целых. Крестьясь и творя молитву от страха, Феодор, не осмеливаясь открыть, поспешил снова закидать их землею. Тут был лес, думал растерявшийся крестьянин, поспешно удаляясь от страшного места, и никто не помнить, чтобы на том месте было когда-либо жительство или кладбище; откуда же взялись гробы? И если эта покойники похоронены давно, в незапамятные времена, и лес вырос уже после, то отчего же гробы их целы? Видно, тут что-нибудь неспроста, рассудил крестьянин, входя в свою избу. Когда он лег спать, во сне является ему старец среднего роста с русыми

волосами, широкою окладистою бородою, одетый в священнические ризы, и велит ему в первые три воскресные дня сходить к трем ближайшим церквам, объявить священникам и народу, чтобы на том месте, где он нашел гробы, построена была церковь св. великомученика Георгия³¹. На вопрос Феодора явившемуся: «кто ты?» старец назвал себя Григорием и велел ему в первое воскресенье идти к Троицкой церкви к игумену Мисаилу и к управляющему князя Симеона Ивану Рылу, во второе к Никольскому священнику Иерофею и к управляющему князя Петра Ивану же, а в третье воскресенье к Никите, священнику церкви Пророка Илии и к его прихожанам³². Чрезвычайно дивился Феодор своему чудному сновидению, которое так было ясно и живо, что и не походило на сон: святолепный вид старца и все слова его так отчетливо запечатлелись в его памяти, что ему казалось, будто он действительно видел и говорил со старцем. Не зная чему приписать свое необыкновенное сновидение, Феодор, после долгих размышлений, пришел к той мысли, что ему велено было по три дня ходить с объявлением к церквам потому, что по значительности расстояния церквей сделать этого в один день было невозможно; воскресные же дни назначены были старцем от того, что в простое время не бывает у церквей народа. Дождавшись назначенного времени, Феодор исполнил в точности все, ему приказанное, но сколько он ни старался убеждать, ни священники, ни народ не поверили его словам. Не более веры к словам Феодора обнаружили и владельцы той местности князья Авнежские Симеон и Петр. Правда, они, услышавши об обретении Феодором гробов и о бывшем сновидении, нарочно сами приехали на место и приказали ему раскопать землю над гробами, чтобы увериться в истине его слов, но не осмелились открыть самых гробов и, приказавши священнику отправить над ними панихиду, снова велели зарыть могилу землею и вскоре после того отправились в поход против неприятелей. Спустя немного времени самому княжескому управителю Ивану Рылу явились во сне уже два старца и повторили то же приказание, что и Феодору, присовокупив, что они не хотят более оставаться в пустом месте. Когда же

управляющий стал отговариваться тем, что князей нет дома, а он, без их приказания, ничего не может сделать, тогда явившиеся сказали: если этого не сделаете, то хотя освятите место, покротив над нашими гробами освященною водою, потому что когда на том месте был лес, тут жили волки и лисицы и другие звери. Мы надеемся, что Бог не оставит места сего и здесь будет монастырь. Пробудившись, управляющий не мало дивился своему сновидению, но не поверил ему и вскоре забыл о нем. Но когда с того времени заболели у него глаза и когда вскоре болезнь усилилась до того, что больной не мог уже ничего видеть, он вспомнил о своем сновидении. Раскаиваясь в своем неверии, Иван тотчас приказал вести себя к Троицкому игумену Мисаилу. рассказал ему свое сновидение и просил его устроить на указанном старцами месте гробницу и покротив ее освященною водою. Игумен Мисаил долгое время страдал головною болью и лежал в постели, однако приказал своим людям устроить гробницу, что и было исполнено в один день, и, лишь только гробница была поставлена, управляющий прозрел. Услышав о том, игумен Мисаил, не смотря на тяжкую свою болезнь, отправился в следующий воскресный день к гробнице и, совершив водосвятие, окропил ее и все то место святою водою. С великим трудом возвратился он в свою келью и по причине болезни не вкушая ни пищи ни питья, лег в постель и скоро заснул. Во сне является ему монах высокого роста с русыми волосами и небольшой бородой, держа в руках блюдо с святою водою, он подходит к его постели и спрашивает: «болишь ты, Мисаил»? Когда больной отвечал ему, что он тяжело страдает и никто не помогает ему, явившийся сказал: «исцеляет тебя великомученик Христов Георгий и пр. Григорий» «Кто же ты сам»? Явившийся назвал себя Кассианом, товарищем Григория, и начал кропить его святою водою, потом приказал Мисаилу снять с головы скуфью, вылил ему воду на голову, отчего тот вздрогнул и проснулся, не чувствуя уже никакой боли.

У Феодора, который обрел мощи преподобных, оставался в деревне брат Косма, одержимый беснованием. Долго и тяжело страдал он, раздирал на себе одежду, кричал, скрежетал зубами

и бросался на людей, вследствие чего и держали его всегда скованным и связанным; но он часто ломал железа, разрывал самые крепкие веревки и едва несколько человек с трудом могли его сдерживать. Когда домашние его услышали об обретении Феодором мощей преподобных и о последовавшем вскоре за тем исцелении управляющего и игумена, то, связавши покрепче бесноватого, привели его к гробнице преподобных, помолились угодникам об исцелении его и затем, по случаю позднего времени, отправились с ним ночевать в дом Феодора. Так как бесноватый постоянно был свиреп и бросался на всех, то, чтобы он не наделал каких-либо бед, связали ему на ночь руки на онако³³, за спиною, положили в избе на лавку, к которой и привязали его крепкою веревкою, обмотавши ее по всему телу, узел веревки завязали под лавкой, чтобы бесноватый не мог достать его и развязаться, сами же ушли спать в другую комнату. Когда на другой день поутру пришли они в ту избу, где был бесноватый, то к величайшему своему удивлению увидели, что он уже пришел в себя и развязанный спокойно сидел на лавке. На вопрос их, как он развязался? Косма радостно отвечал, что его разрешил пр. Григорий и обстоятельно затем рассказал, как преподобный явился ему и каков он был видом. Слушая рассказ Космы о наружности пр. Григория, Феодор со своей стороны подтвердил, что и он, в своем сновидении, видел его таким же.

Такие дивные исцеления, совершившиеся над лицами, известными всем в той местности, не могли не обратить на себя внимания народа и остаться в забвении. Слава об обретении мощей и о чудесах преподобных начала быстро распространяться в окрестности, множество больных стали притекать к их гробнице и по вере своей получали исцеление, возвращаясь домой здоровыми, они славили Бога и Его угодников Григория и Кассиана. Но нашлись люди, которые отнеслись к тому совершенно иначе. Крестьянин Гавриил, по прозванию Ушак, тот самый, который вырубил лес на месте бывшей обители, считал это место своею собственностью, как им распаханное, и только на время уступленное им Феодору. Когда при гробнице преподобных стали совершаться чудеса, в

корыстолюбивой душе Гавриила родилось опасение, что если чудеса не прекратятся и слава о них все более и более будет распространяться, то легко может тут возобновиться монастырь и он принужден будет лишиться своей запашки. Не зная что начать для достижения своей цели и не решаясь один разрушить гробницу и устроенную над нею небольшую часовню, он пригласил к себе глушницкого игумена Иоакима³⁴ и иеромонаха Иринарха, прося их совета и помощи. Подаривши игумену медвежью шкуру, а иеромонаху 100 сребряников, Гавриил начал их угощать вином и, когда они значительно угостились, уговорил их сломать ненавистную ему часовню и разметать гробницу преподобных, что они втроем и сделали. Но Бог поругаем не бывает. Несчастный корыстолюбец дорого поплатился за свою безумную дерзость. Вскоре после разрушения часовни на Гавриила напал такой страх и ужас, что он лишился ума и как дикий зверь бродил по лесам, пока чрез 10 месяцев пришедши в сознание, не исповедал своего греха и не испросил себе прощения при гробе преподобных.

Но и это столь страшное наказание, постигшее Гавриила за разрушение гробницы преподобных, не удержало от оскорбления святыни другого подобного ему корыстолюбца, действовавшего впрочем более по невежеству и суеверию. Крестьянин Онисим, узнавши о том, что Феодор много раз по ночам видел огни над могилою преподобных, что у невежд считалось несомненным признаком присутствия в том месте клада, подумал, что тут действительно находится клад. Онисиму было известно, что и Феодор, ища клада, докопался до каких-то гробов и что от этих гробов происходило много чудесных исцелений, но ослепленный страстью к деньгам, он не хотел ничего более знать и не верил никаким чудесам. Все это от того, рассуждал он сам с собою, что клад положен неспроста, а с колдовством и приговором и решился попытать счастья достать клад. Для этого он заказываст кузнецу железный прут длиною более сажени с заостренным концом и, подговорив с собою двух товарищей из бродяг, таких же суеверных искателей кладов, как и сам, Онисим тайно от домашних отправляется с ними на поиски. Достигши могилы преподобных, они изо всей

силы стали втыкать прут в землю, разрыхленную от недавней раскопки, надеясь по звуку узнать, в котором месте находится клад. Когда же они попали прутom в гроб одного преподобного, прокололи его и коснулись самых святых мощей, то внезапно впали в такое расслабление, что тут же попадали на землю и лежали как мертвые, не имея силы ни говорить, ни пошевелиться руками и ногами. Дети Описима, не зная, куда девался их отец, долго искали его, пока наконец не нашли его с товарищами лежащими неподвижно на земле при могиле преподобных. Недоумевая о том, что бы такое могло с ними случиться, дети положили отца на лошадь, как мешок, и, поддерживая его с обеих сторон, один за голову, а другой за ноги, с великим трудом, едва живого привезли домой. Два года и шесть месяцев находился Онисим в безнадежном, расслабленном состоянии, наконец раскаявшись, на том самом месте, где искал клад, нашел исцеление для тела и души. Продолжительная болезнь вразумила его и он, слыша о совершавшихся тогда многих чудесных исцелениях при гробе преподобных, стал призывать их к себе на помощь, горько сокрушаясь в своем безумном и дерзком поступке. По желанию отца, который по-прежнему не владел ни одним членом, дети с большим трудом посадили его на лошадь, держа за руки и за ноги, привезли его ко гробу преподобных и здесь положили его на землю. Во время совершения молебствия, когда сам Онисим и его дети со слезами молились угодникам Божиим, расслабленный внезапно почувствовал себя совершенно здоровым, тотчас сам встал на ноги, громогласно стал прославлять Бога и благодарить Его угодников Григория и Кассиана; с радостью возвратился он домой на собственных ногах, не нуждаясь в посторонней помощи. В 1560 году, уже по возобновлении Троицкой Авнежской обители, когда мптрополитом Макарием послан был туда для собрания сведений о жизни и чудесах преподобных игумен Московского Данилова монастыря Иоасаф, он видел и разговаривал с этим Онисимом, тогда уже столетним старцем, постригшимся под именем Антония. От него, как от современника и свидетеля,

Иоасаф узнал многие подробности об обретении мощей и о чудесах преподобных.

С великим огорчением игумен Мисаил и Иван Рыло узнали о разрушении гробницы и часовни, устроенных ими над мощами преподобных, и дивились дерзости людей, решившихся на такое святотатственное дело. Посоветовавшись между собою, они, чтобы не подать повода злоумышленникам к повторению злодеяния, решились не возобновлять сами собою ни гробницы, ни часовни, а отправились в Прилуцкий монастырь к игумену Мисаилу³⁵ и подробно донесли ему о всем случившемся. Игумен приказал возобновить гробницу и часовню, снова их освятить, а ближайшему священнику велел совершать молебствия при гробе преподобных для приходящих больных и народа, начавшего во множестве собираться к часовне, особенно в воскресные и праздничные дни.

Некто Александр, поселившись в одной деревне близ реки Сухоны, снискивал себе пропитание тем, что будучи грамотен, читал и писал крестьянам разные бумаги, кому что было нужно, и жил безбедно. С ним случилась ломотная болезнь столь тяжкая, что все тело его начало гнить и покрываться ранами. Три года лечился он в деревне от знахарей, и не получив от них пользы, велел вести себя к лекарям в Вологду. Но и здесь лечившись не мало времени, только усилил свою болезнь и пролечился до того, что едва имел средства возвратиться к месту своего жительства. К довершению несчастья хозяева квартиры, видя его крайнее изнеможение и не желая выносить нестерпимого зловония, происходившего от гнойных его язв, не стали держать его у себя на квартире. Находясь в такой крайности, Александр начал раскаиваться и сожалеть о том, что напрасно издержал все свое имение и теперь, находясь при смерти, не имеет ни крова, ни средств к жизни, ни возможности возвратиться на родину. С горькими слезами обратился он к Богу, на Него одного возложив теперь всю свою надежду и от всего сердца прося Его о помощи. И Господь, близкий всем, призывающим Его, не оставил несчастного. После молитвы Александра начало клонить ко сну и едва он смежил очи, является ему монах высокого роста с небольшой бородою,

держа в руках блюдо и кропило. «Александр! от тебя такой смрад, что нельзя подойти к дверям комнаты, но велика милость человеколюбия Божия, не презрел Господь слез твоих и послал меня посетить тебя. Поди в Авнежскую волость, где находятся гробы пр. Григория и Кассиана, помолись Богу у гробов их и получишь исцеление». Говоря это, явившийся покропил его из блюда, которое держал в руках. Пробудившись, Александр обонял в комнате необыкновенное благоухание и, чувствуя некоторое облегчение от болезни, перевязал свои раны и, опираясь на трость, отправился в Авнегу. Через два дня, к великой радости своей, он дошел до пустыни, где находились гробы преподобных, и, когда, припадая к ним со слезами, молился о своем исцелении, внезапно спали с него перевязки с струпьями и он почувствовал себя совершенно здоровым. Когда наступил вечер, Александр лег ночевать близ гробов преподобных. Ночью, во сне, явились ему оба угодника и сказали ему: «Александр! не уходи отсюда, останься при гробах наших, пока Бог устроит на этом месте монастырь». Три года прожил он, не отходя от гробов святых, и при возобновлении монастыря постригся в монахи под именем Алексея и долгое время служил пономарем.

Преподобные Григорий и Кассиан еще при самом обретении святых мощей их, в явлениях своих Феодору и Ивану Рылу, требовали устройства церкви над их гробами, они и впоследствии выражали желание и надежду на возобновление своей обители. Но потому ли, что место считалось собственностью Махрицкой обители, а она не имела средств на возобновление отдаленной и забытой пустыни, или потому, что Авнежские жители, некогда удалившие от себя пр. Димитрия Прилуцкого из опасения за свои земли, и ныне, по тем же причинам, не желали и противодействовали устройению церкви и монастыря, только прошло еще более тридцати лет, в течение которых мощи преподобных по прежнему охраняла одна малая часовня, хотя от мощей постоянно совершались благодатные исцеления. Уже когда слава о них дошла до Москвы и имя преподобных, по выражению жизнеописателя, повсюду, яко некое освящение, обношашеся, царь Иоанн Васильевич послал

Варлаама, игумена Махрицкого монастыря, для возобновления обители. Он дал ему для этого средства из своей царской казны, послал с ним богатый покров на гробницу преподобных и приказал построить церковь во имя св. Троицы и великомученика Георгия, как было при жизни преподобных. Игумен Варлаам поспешил исполнить волю Государя и в 1560 году построил церковь. Совершая молебствие при заложении церкви, он был свидетелем чудесного исцеления крестьянина Акакия, страдавшего умоисступлением и помешательством; в благодарность за свое исцеление Акакий присоединился к рабочим, трудившимся над постройкою церкви. Митрополит Макарий, получивши донесение о том, что церковь построена и монастырь основан, снова послал игумена Варлаама освятить их и вместе поручил ему собрать самые точные и верные известия об обретенных мощей и о чудесах преподобных, что он и исполнил. При многолюдном стечении народа со всем окрестным духовенством Варлаам освятил церковь в том же году в праздник Покрова Богородицы, при чем был свидетелем нового чуда преподобных. Некто Михаил, два года ничего неслышавший, во время самого священнодействия внезапно получил исцеление от своей болезни, о чем тотчас же громогласно и заявил всем, радуясь и благодаря пр. Григория и Кассиана. По освящении церкви сын игумена Мисаила Троицкий священник Иоанн, столетний старец Антоний с пономарем Алексеем и со многими другими, подучившими исцеления от преподобных, на спрос Варлаама обстоятельно и подробно рассказали ему как об обстоятельствах обретенных мощей, так и о бывших от них исцелениях, призывая Бога в свидетели истины своих показаний. – Но великий ревнитель прославления отечественных угодников Божиих митрополит Макарий, не довольствуясь донесением Варлаама и руководясь благоразумной осторожностью, приказал местному велико-пермскому епископу Иоасафу, жившему тогда в Вологде³⁶, отправиться в Авнежский монастырь, самому лично поверить показания о чудесах и освидетельствовать мощи преподобных. Получив такое приказание, Иоасаф распорядился, чтобы настоятели монастырей его епархии прибыли в назначенное им

время в Авнежский монастырь, и сам немедленно отправился туда со своею свитою. Все настоятели, желая поклониться мощам преподобных и считая величайшим для себя счастьем видеть их, с радостью спешили исполнить приказание архипастыря; один только Иларион, игумен Лопотова монастыря, не веря, почему-то святости преподобных и чудесам, происходившим от их мощей, с неудовольшием отнесся к распоряжению архипастыря. Он почитал напрасным и бесполезным для себя путешествие в Авнегу и хотя отправился в путь, по единственно потому, что не захотел ослушаться приказа архиерейского. Когда он уже подъезжал к Авнежскому монастырю, всегда смирный и любимый конь его внезапно взбесился, сшиб с себя игумена и так сильно ударил его о землю, что его замертво подняли и отнесли в монастырь. В келье Иларион пришел в чувство и, раскаиваясь в своем неверии, со слезами стал просить помощи преподобных и скоро действительно на столько почувствовал облегчение от болезни, что на другой день мог участвовать в служении литургии с архиереем. По совершении же литургии Иларион объявил преосвященному и всем сослужившим с ним, что по молитвам преподобных он чувствует себя совершенно здоровым. Так неверовавший святости преподобных Григория и Кассиана сам сделался проповедником чудес их! Тогда преосвященный Иоасаф велел раскопать землю, где находились мощи преподобных, «и обретоша гроб цел и открывше обоняша благоухание велие и видеша мощи-составы нерушимы и не имуща дебелства тела, яко кожа присохла бе к костям и светяшеся яко снег; другой же гроб рушим, якоже и прежде писахом», говорит писатель жития и чудес игумен Иоасаф, то есть когда искали клада, «тогда в нощи смесиша мощи с перстью». Открытие св. мощей ознаменовалось новым чудом. Когда епископ Иоасаф с благоговением осматривал и целовал св. мощи, монах Иеремия, много лет бывший в исступлении ума, прикоснулся к ним и сделался здоров и смыслен.

Епископ Иоасаф, бывший очевидным свидетелем чудес пр. Григория и Кассиана, о всем виденном и слышанном им немедленно донес митрополиту Макарию, который,

посоветовавшись с епископами, установил праздновать память преподобных 15 июня, в день их страдальческой кончины, а донесение о чудесах их, доставленное ему епископом Иоасафом, повелел присоединить к прежнему описанию чудес игумена Варлаама. – Не мало было чудес от мощей преподобных и после их освидетельствования. В рукописном житии преподобных описано 35 чудес, последним значится исцеление от падучей болезни отрока Матфея, случившееся в девятую пятницу через год после установления празднования памяти преподобных. – По возобновлении Авнежский монастырь состоял сперва за Махрицким и управлялся посылаемыми оттуда игуменами и строителями, а в 1612 г. приписан был к Троицкой лавре. В 1756 году вместо обветшавшей деревянной церкви над мощами преподобных построена была каменная с престолами во имя св. Троицы и великомученика Георгия, как было и в деревянной и пр. Григория и Кассиана Авнежских чудотворцев, где под благолепной ракой почивают и мощи их под спудом. В 1764 году Троицкий Авнежский монастырь был упразднен, а церковь обращена в приходскую.

Преподобный Димитрий Прилуцкий

Великий угодник Божий чудотворец св. Димитрий родился в начале XIV века в Переяславле-Залесском от благочестивых и богатых родителей купеческого звания и под их бдительным присмотром провел свои юношеские годы. Родители его естественно смотрели на своего сына как на будущего купца, которому они передадут свои капиталы, а он будет продолжать их торговлю. Такими надеждами они могли утешаться тем более, что Димитрий еще мальчиком отличался благонравием и отец с матерью может быть не один раз горячо благодарили в душе Бога за своего сына, за то, что собранный ими капитал – труд всей их жизни – перейдет в надежные руки и не изгинет прахом. С этой целью они отдали его учиться грамоте, которой он выучился скоро, и старались передать ему познания, необходимые в их звании. По купеческому обычаю Димитрий вероятно рано стал знакомиться с торговлею под руководством отца, которому и помогал, как мальчик толковый и грамотный. Не удивительно, если родители утешались, глядя на своего сына и с отрадным чувством смотрели на будущее, возлагая на сына все свои надежды. – Ожидания их однако не сбылись, хотя сын и не промотал отцовского состояния. Иной, высшей цели посвятил себя Димитрий и ее преследовал в течение всей своей жизни.

Благочестивые родители, желая дать своему сыну сколько возможно лучшее воспитание, старались прежде всего вселить в его сердце страх Божий, как начало премудрости и источник временного и вечного счастья. Таким образом религиозная настроенность с самых ранних лет глубоко западала в душу отрока, быстро в нем развивалась и не замедлила отразиться на всем его поведении. С самого детства он показывал в себе несвойственную детям сдержанность, удалялся детских игр и забав и не требовал, по примеру других детей богатых родителей, чтобы слуги ухаживали за ним и раболепно угождали ему. Изучение грамоты, пробуждая мысль мальчика и питая его любознательность, в то же время с одной стороны

возбуждает в нем сознательное отношение к себе и ко всему окружающему, с другой – дает новый, сильнейший толчок развитию его религиозного чувства. Отрок с жаром предается чтению священного писания, стараясь проникать в смысл его, извлекая из него для тебя уроки и примеры для подражания; но чем более он знакомился с священными книгами, тем менее чувствовал в себе склонности к торговым делам. Слово Божие раскрыло и показало ему всю непрочность земных благ, тщету и опасность для душевного спасения мирских привязанностей, оно возвысило и очистило его представления о настоящей, скоро-преходящей, суетной человеческой жизни, о ничтожности земных благ, удовольствий и наслаждений, которые все не в состоянии удовлетворить человеческого духа в его стремлении к бесконечному добру, счастью и блаженству. Вместо скоротечных благ и мимолетного счастья оно раскрыло пред отроческими очами Димитрия красоту вечных благ и полноту небесного счастья, представило и облак живых свидетелей (Евр. XII, 1.), которые презирали все земное, посвятили себя единственно на служение Богу и шли по избранному ими пути, безропотно перенося всевозможные лишения и страдания. Высокие примеры св. подвижников, богодухновенных пророков и апостолов озарили душу юноши новыми, неизвестными ему идеалами, в сравнении с которыми настоящие его занятия с отцом торговлею показались ему ничтожными и бесцельными. Чистое сердце отрока устремилось к иной – духовной купле, жаждало сокровищ и богатств вечных, их же ни червь, ни тля тлит, ни татие подкапывают и крадут (Мф. VI, 19). Достигши юношеских лет, Димитрий на столько изменился в своих взглядах, привычках и образе жизни, на столько охладел в торговле³⁷, богатству, к тому положению, какое занимал в семье³⁸ и в обществе, и к той карьере, какая его ожидала, – что вероятно сами родители поняли несбыточность своих надежд и бесполезность увещаний отклонить сына от того идеала жизни, к какому он стремился со всем увлечением и горячностью молодости³⁹. Сам Димитрий более и более возгораясь любовью к Богу⁴⁰, возвышается до решимости оставить все и всецело посвятить себя на служение Ему⁴¹. В цветущие годы жизни

молодой человек прекрасной наружности, сын почтенных и богатых родителей, умный и благовоспитанный⁴², блестящий жених, обращавший на себя внимание девиц и матерей, – неожиданно к общему удивлению отказывается от родительского наследства в пользу своего брата, оставляет отцовский дом и принимает пострижение в Нагорном Борисоглебском монастыре⁴³.

Самозван сый Димитрий всего себя посвящает в монастыре исполнению иноческих обетов, не токмо власы главы своея постригает, но и вся соблазны, суеты и любление и сласти мирские отсекает, токмо единого Христа приобретае и того стопам последуя, свою волю отменяет, на братию служаше с повиновением, и паки много потрудився на добродетель, трезвением и молитвою чистою и смирением последним и любовью духовною ко всем и оттуду обреете плод спасения, поучаяся в законе Господни день и ночь, трудолюбный и присный богоугодный подвижник и целомудрием и чистым сердцем взыскав Бога и просто реши ангельское житие имея. Послушание его настоятелю было совершенное, служение братии – усердное, пост столь строгий, что все дивились его терпению; за его простоту и ангельское незлобие все и монахи и бельцы любили его и почитали, как угодника Божия. Слух о его добродетелях скоро дошел до архипастыря и сколько преподобный ни отказывался, ссылаясь на свое недостойнство, он был удостоен сана священства. Как верный раб Владыки, принявши великий талант, преподобный усугубил свои подвиги, сияя во обители яко звезда пресветлая.

Неизвестно, долго ли пр. Димитрий украшал собою место своего пострижения – монастырь Нагорный, но так как не только в нем, но почти во всех монастырях на севере России не было общежития, то преподобный, ревнуя о славе Божией и стремясь к жизни более безмятежной и всецело преданной одним только заботам о спасении души, решился основать новый монастырь со строгим уставом общежития. Испросив благословение архипастыря, пр. Димитрий при помощи добрых людей, так как сам решительно не имел ничего, кроме одной монашеской рясы и власяницы, вскоре поставил храм во имя святителя Николая и

устроил при нем общежительный монастырь. С Нагорного преподобный переселяется теперь на Болото, не только духом, но и самым местом жительства стараясь унизиться и смириться, чтобы приблизиться к Богу. Не привлекательна была местность новой обители, устроенной за городом, на сыром и болотистом месте, в одной версте от Плещеева озера, – но преподобный не был разборчив в избрании места и мало обращал внимания на то, что прямо не относилось к единственной его цели – спасению души. Не смотря на такое невыгодное положение монастыря, на бедность и незатейливость монастырского строения, на отсутствие сел и угодий, на то, что обитателям его неминуемо предстояли труды и лишения, – пример преподобного и его влияние на переяславское общество были столь сильны, что едва только Димитрий поселился в основанном им монастыре, во множестве стали приходить к нему и монахи из других монастырей и бельцы из городов и селений, желая с ним сожительствовать и иметь его своим руководителем ко спасению. Как отец чадолюбивый, преподобный с любовью и радушием принимал всех и, возведенный в сан игумена, так заботливо, с таким смирением и незлобием направлял ко спасению вверенное ему стадо, умел поставить себя в такие отношения к братии, что все смотрели на него, как на ангела Божия, и во всем с охотой и любовью повиновались ему, как самому Христу. Стоило только игумену приказать что-нибудь одному из братии, и семеро готовы были тотчас же исполнить повеленное. Особенности случаи и обстоятельства, обнаружившие в пр. Димитрии присутствие благодати Божией и силу чудотворений, не мало способствовали установлению тех отношений, в каких иноки, по духу монастырского устава, должны были находиться к своему игумену. Рассказывают, что одаренный необыкновенною красотою⁴⁴ и опасаясь, как бы она не послужила кому-нибудь во вред и искушение, преподобный хотя и старался уничтожить и увядить ее постом и суровою жзнно, – но от поста лице его еще более просвещалось и делалось прекраснее, подобно тому, как цвели здоровьем и красотою лица трех отроков в Вавилоне. Поэтому Димитрий, когда случалось ему беседовать с

мужчинами, закрывал лицо своим монашеским куколем, а с женщинами никогда не беседовал, так что очень не многие видали его лицо. Так поступать пр. Димитрий вынужден был особенно потому, что его монастырь посещали очень многие из горожан. Мужчины, женщины и дети, привлекаемые частью уважением к самому игумену, частью близостью монастыря от города, благоговением и стройностью совершения всех церковных служб, в большом числе любили приходить к монастырскому богослужению в воскресные и праздничные дни. Одна из знатных переяславских жен, наслышавшись о необыкновенной красоте молодого игумена, сделалась усердною посетительницею монастыря. Долгое время старания ее увидеть пр. Димитрия были безуспешны, и вот она, подстрекаемая пустым женским любопытством, забыв приличие и стыд, подкрадывается к его келье, припадает к окну и смотрит на игумена. В это время преподобный готовился в своей келье к Божественной литургии и, не предполагая, чтобы кто-нибудь мог быть близ кельи и видеть его, имел лицо свое открытым. Лице подвижника сияло необыкновенным светом, он показался ей не человеком, а ангелом и она до того была поражена его строгим взглядом, что от страха упала на землю и во всем теле своем почувствовала совершенное расслабление и изнеможение. Крик ужаса и рыдания привлекли к ней некоторых из братьев, проходивших в это время в церковь. Обливаясь слезами, она рассказала им о своем дерзком и безумном поступке и умоляла их испросить ей прощение у преподобного. Братья сжалились над ее бедственным положением и просили своего настоятеля простить ей вину. Тронутый слезами и раскаянием несчастной, он с кротостью упрекнул ее: «для чего ты, неразумная, захотела видеть грешника, уже умершего для мира?» Затем, преподавши ей наставление о том, как женщине должно вести себя дома и в церкви, стараясь отличать себя более скромности, стыдливостью и целомудрием, нежели богатством и пышностью нарядов, простил и благословил ее, сотворив над нею крестное знамение. Тогда расслабленная, к удивлению всех бывших тут, почувствовала себя совершенно здоровою и отправилась в свой дом, славя Бога и благодаря Его угодника.

Важным событием для пр. Дмитрия, во время его игуменства в Никольском монастыре, было личное свидание и знакомство его с пр. Сергием Радонежским, обратившееся потом в искреннее дружество. В то время, когда пр. Дмитрий, подобно светлой звезде, сиял из своего Болота светом своих добродетелей и назидал жителей Переяславля и братию своим учением и примером, в 60 верстах от Переяславля, в дремучих лесах радонежских, восходило другое светило, Богоносный Сергей, отец и руководитель иноков для всего севера. Другьям Божиим свойственно любить друг друга и радоваться духовному преуспеянию единоправных с ними трудников, как своим собственным. Давно слышал пр. Дмитрий о чудном и равноангельском житии великого Сергия и желал утешиться его лицезрением и душеполезными с ним беседами. Желание естественное и понятное; оба они стремились к одной цели – славе Божией, оба одинаково были озабочены учреждением иноческого общежития и спасением собранной ими братии, у обоих в подвижнической жизни могли быть опыты и наблюдения, случаи и обстоятельства, взаимное сообщение и обсуждение которых было полезно для того и другого, и вот Промысл Божий, для обоюдной их пользы, не замедлил доставить им случай к свиданию. Это было в 1354 году, когда во время пребывания св. Алексея в Царьграде, делами митрополии управлял владимиристо-волинский епископ Афанасий, живший в Переяславле. С некоторыми из братий пр. Сергей пришел к нему в Переяславль, чтобы испросить игумена для своей пустыни, но сколько преподобный ни отрицался и ни старался отклонить от себя избрание, должен был повиноваться воле архипастыря и принять посвящение в сан пресвитера и начальство над братией. Как два родные братья с любовью встретились единоправные подвижники, прося взаимно друг у друга благословения и молитв, – как тот, так и другой, по глубокому смирению, считая себя худшим, а собеседника своего лучшим, взаимно просили друг у друга советов и наставлений. Отходя из Переяславля, пр. Сергей просил Дмитрия навещать его, и пр. Дмитрий, когда только было можно, любил ходить в пустыню радонежскую для духовного собеседования и

совокупной молитвы с великим ее основателем. Свидание их в пустынной обители для обоих было праздником и духовным торжеством. Умилительно было видеть, как преподобные – гость и хозяин совершали всенощные бдения в малом и убогом храме св. Троицы, читали псалмы по берестяным книгам при тусклом свете и треске горящей лучины, как усердна и пламенна была их молитва, бесчисленны поклоны и коленопреклонения, с каким благоговением и воодушевлением соединяли они преподобные гласы свои с голосами поющей братии, с каким вниманием слушали чтения и как, после продолжительных подвигов поста и молитвы, в тесной и убогой келье Сергия садились они за скудную трапезу – сухой хлеб и воду, услаждая себя назидательными разговорами и со смирением прося друг у друга наставлений и молитвенной помощи. Всецело преданные заботам о снискании благ грядущих, они не замечали недостатков и скудости настоящего и, их постнические лица – от благодатного света и радости сердечной – сияли довольством и веселием.

И в XIV веке, когда люди были бесспорно гораздо набожнее нынешнего, когда было почти всеобщее стремление к иноческой жизни, когда в таких небольших городах, как Переяславль, было по несколько монастырей⁴⁵ и еще строились новые – такая строгая и нестяжательная жизнь, какую вели пр. Сергий и Димитрий, такие подвиги терпения и самоотвержения были не часты. Много было монастырей и монахов, но не все монашествующие были мертвыми для мира и свободными от его привязанностей и только не многие обладали даром прозорливости и чудес, вот почему слава о св. Димитрии быстро распространилась повсюду, так что он сделался известным и самому в. князю Донскому. Набожный Димитрий Иоанович уважал пр. Димитрия и столько дорожил его молитвами и благословением, что, вызвав его к себе в Москву, упросил быть восприемником одного из своих сыновей; самую победу над Мамаем в. князь приписывал молитвам его и Сергия. При таком расположении государя к Димитрию, на смиренного игумена бедной переяславской обители смотрели в Москве как на ангела Божия; благочестивый государь и бояре, богато одарив

преподобного и давши ему все необходимое для обители, с честью отпустили в Переяславль, прося не забывать их в молитвах⁴⁶. Сделавшись кумом государя и приобретши всеобщую любовь и уважение, пр. Димитрий легко мог украсить и обогатить свой монастырь, построить в нем величественные храмы и здания, выпросить села и угодья, чем еще более мог бы заслужить от людей почета и похвал и что непременно сделали бы другие на его месте, – но Димитрий был весь Божий (Быт. X, 19). Преподобный боялся человеческой славы, считая ее опасною для себя, и то, чем другие стали бы утешаться и хвалиться, причиняло беспокойство и скорбь смиренной его душе. Знакомство и дружба с богатыми и славными мира, слава и почести были, по его мнению, для инока то же самое, что сеть для птицы, искусно расставленные тенета для серны, одно прикосновение к которым может быть губительно. Еще Арсений великий советовал монахам бегать людей, посему и пр. Димитрий, во избежание людской славы, задумал оставить родину и обитель свою и удалиться куда-нибудь в глухие, безвестный места, чтобы там в совершенном безмолвии, неведомо от людей служить Богу. На обратном пути из Москвы, посоветовавшись о том с другом своим Сергием, преподобный, придя в Переяславль, немедленно объявил братии о своем намерении. Напутствуемый слезами и молитвами иноков, пр. Димитрий вышел из Никольской обители в сопровождении одного только любимого ученика своего Пахомия, не захотевшего с ним расстаться, и направил путь свой на север, тогда еще не густо населенный, в пределы вологодские. Проходя по дремучим лесам и обширным болотам, странники пришли на реку Лежу и устроили себе хижину неподалеку от впадения в нее речки Великой, верстах в 30 от г. Вологды. Полюбилось им это место, окруженное со всех сторон лесом и удаленное от селений. Здесь надеялись они тихо и безмолвно проводить свои дни в служении Богу и своими руками вдвоем поспешили построить небольшую церковь в честь Воскресения Христова. Но сколь ни умеренны и ни святы были их желания, не суждено было им исполниться. Избраннику Божию Димитрию надлежало искушену быть по всяческим (Евр. IV, 15),

победоносно вышедшему из борьбы с прелестями и обольщениями мира, испытать еще вражду и гонение от него, чтобы быть опытным руководителем других и насадителем общежития на севере.

Невежественные и грубые жители соседней Авнеги, услышавши, что в лесах их на Леже поселились старцы и построили уже и церковь, вместо того, чтобы радоваться и благодарить Бога за то, что Он послал им молитвенников и руководителей ко спасению, пришли в смущение и страх за свои земли. Опасаясь, что старцы, устроивши монастырь, не только овладеют их землями и угодьями, но и их самих подчинять своей власти, они стали роптать, сердиться, и наконец, собравшись толпою, пришли к преподобному с грубостью и угрозами требуя, чтобы он оставил их сторону и шел в другое место. Отче, неужто есть нам твое здесь пребывание, говорили они. Требование невежд было неожиданно и прискорбно для преподобного тем более, что опасения авнежцев были совершенно неосновательны, так как пр. Димитрий намеревался проводить здесь жизнь в уединении и безмолвии, не думая строить обители, поэтому ни села ни угодья ему не были нужны. Преподобный мог конечно отказать авнежцам в их требовании; мало того, стоило только ему выразить свое желание пред в. князем и тогда действительно не только поля и угодья, но и всю Авнегу Димитрий Иоаннович почел бы за удовольствие и счастье приписать к пустыне своего кума. Но привыкши всегда сообразовать свою жизнь с волею Божию и во всем случающемся с ним видеть указание Промысла, пр. Димитрий из несправедливая и грубого требования авнежцев заключил, что избранное им место и род жизни неуютны Господу; поэтому он немедленно оставил свое пустынное жилище, не только не оскорбившись незаслуженною враждою и ненавистью крестьян, но еще весьма довольный тем, что ему удалось построить храм там, где он был крайне нужен, так как в стране той было тогда еще очень мало церквей, отчего и народ был крайне груб и невежествен. С пустынных берегов Лежи и Великой пр. Димитрий с единственным

спутником и учеником своим Пахомием прибыд в Вологду. Это было летом 1371 года.

Еще в XII веке, когда, по малонаселенности края, земли в Вологде не имела почти цены и когда во всех вологодских посадах была только одна небольшая церковь, вологжане сперва мало показали сочувствия намерению пр. Герасима построить церковь и даже спорили с ним из-за места под нее. Теперь же вследствие умножения народонаселения земля была уже в цене, церквей в городе было много, был и монастырь и уже трудно было ожидать сочувствия граждан к строению новых церквей и монастырей, в которых не было необходимости. Оттого казалось, что и здесь безвестные старцы-странники найдут себе прием не лучший, чем в Авнеге, но случилось совершенно напротив. Как бы в утешение и награду за обиду и оскорбление, причиненное пр. Димитрию на Леже, вологжане приняли его с великим радушем и любовью. Не желая расстаться с ним, жители усердно просили преподобного поселиться в их стране, построить общежительный монастырь, какого еще не было тогда ни одного во всех северных пределах, начиная с Волги, и избрать для того место, где он хочет, обещаясь помогать и содействовать ему в строении. Такое радушие народа тронуло преподобного, полюбился ему и город, украшенный множеством храмов Божиих, и хотя сердце его горело желанием пустынного уединения, с какою целью он и оставил Переяславль, но в этой всеобщей любви к себе народа, в сильном желании граждан удержать его при себе и видеть основателем общежительного монастыря, преподобный не мог не видеть указания Промысла, предназначавшая ему образ жизни и место подвигов. Поэтому пр. Димитрий, давно отрекшийся своей воли и всегда старавшийся поступать только по воле Божией, решился исполнить желание граждан и духовную их пользу предпочел исполнению собственного желания. После усердной и продолжительной молитвы он пошел осматривать окрестности города, чтобы найти удобное место для основания обители. Такое место скоро нашлось. Проходя по левому берегу р.Вологды, преподобный дошел до поворота (луки) к северо-западу и остановился на засеянном

рожью поле, принадлежавшем двум богатым крестьянам ближайшего села Прилуцкого, в 3-х верстах от города на северо-восток. Полюбилось пр. Димитрию это место, владельцы которого благонамеренный муж Илья с другом и соседом Исидором Выпрягом оказались такими добрыми людьми, что не только с радостью уступили ему свою землю и просили как можно скорее приступить к строению храма и обители, но и сами вытоптали свою ниву, чтобы только не откладывать начатия святого дела до уборки хлеба, который тогда был уже в колосе. Тронутый усердием поселян, пр. Димитрий со слезами умиления и благодарности к Богу преклонил колена на потоптанной ниве, прося Господа благословить место и соделать его нивою плодов духовных; затем, в знак основания обители собственными руками устроив крест и водрузив его, приступил к сооружению храма⁴⁷. Такое же усердие возгорелось как в гражданах города Вологды, так и в жителях окрестных селений, когда они услышали о заложении пр. Димитрием храма. Чудное зрелище представилось тогда очам наблюдателя: «бысть тогда видети дивно и радости исполнено во граде и по селом во всех людех. Вси малии и велиции, богатеи и убозии, друг друга предваряюще, течаху, яко некий бисер бесценный купити, благословение от святого приятии и своя имения тому вручити, кийждо по силе своей, ин деньги, ин древеса, ов же другая потребная церкви и монастырю». При таком усердии граждан и поселян в скором времени был воздвигнут храм и 1 Августа того же 1371 года был освящен в честь Происхождения древ животворящего креста Господня на освящение водам. Посвятить храм животворящему кресту побуждало пр. Димитрия с одной стороны то обстоятельство, что по недавности установления этого праздника в России⁴⁸, еще не было в Вологде ни одного храма в честь его, с другой то, что сам преподобный, от юности взявший на себя крест Христов, имел особенное благоговение и веру в силу животворящего креста, как страшного и непобедимого орудия на врагов, и столько почитал св. крест, что не хотел никогда расстаться с ним, нося его с собою даже и в путешествиях своих. Тогда же построено было несколько келий для братии и

все другие необходимые для общежития службы, таким образом основалась первая на севере обитель с строгим-иноческим общежитием, скоро наполнившаяся подвижниками. Не только многие из жителей города и окрестных селений пожелали учиться иноческой жизни под руководством пр. Димитрия, но не мало приходило к нему иноков и из прежнего его Переяславского монастыря, лишь только достигла до них весть об устройении пр. Димитрием монастыря в Вологде. Сам державный кум его рад был услышать, что любезный ему святой старец оставил безвестные места и строит монастырь близ Вологды и поспешил послать ему пожертвования на строение. Скоро новоустроенный монастырь то щедротами в. князя, то усердными приношениями вологжан и в особенности Илии и Исидора Выпряга, получил обеспечение в своем содержании. У монастыря было уже и небольшое поле для посева хлеба, в двух верстах от него, пожертвованное едва ли не теми же добрыми землевладельцами. Часто приходил сюда преподобный наблюдать за удобрением и обработкою земли, и этот небольшой участок, возделываемый одним только пахарем Григорием, по молитвам святого столько доставлял хлеба, что его довольно было для содержания братии в продолжение целого года. По новости монастыря не так много было в нем только книг для чтения⁴⁹. Однажды, когда некоторые из братии, увлекаясь любознательностью, напомнили своему игумену об этом недостатке их обители, мудрый старец, сам любивший книги, чтобы показать им, что монахи более должны заниматься очищением своего сердца и молитвенным собеседованием с Богом, нежели заботиться об образовании и увлекаться любознательности, отвечал: «довольно, братия, и тех утешительных для души книг, какие у нас есть, аще без лености хвалим по ним Бога, яко труба Божия вопиющи на всяк день и ночь, от чиста сердца, с духовною любовью и смирением». Поучая так братию словами, преподобный своею жизнью представлял им самый лучший образец иноческих подвигов и разительный пример для подражания. Как отец чадолюбивый, заботясь о всех, всех стараясь утешить и успокоить, пр. Димитрий был всегда первым в трудах на пользу братии,

первым и в церкви на молитве, неперестававшей исходить из его уст. Для того, чтобы беспрепятственно и всецело предаваться молитве, он устроил в церкви для себя место, по левую сторону алтаря, огородив его досками, и тут, никем невидимый, изливал пред Богом свою душу, орошая лицо свое слезами и не переставая от воздыханий и коленопреклонений. Пост его был таков, что часто по целым неделям он не принимал никакой пищи и даже в праздники, когда по церковному уставу, полагалось инокам разрешение на то или другое и некое утешение, сам он питался одною просфорой с теплою водою, подаваемою ему келарем в малом глиняном сосуде. Во всем монастыре ни на ком не было одежды хуже, как на самом игумене: это был ветхий, заскорузлый тулуп из жестких овчин, который зимою не защищал его от холода и от которого летом он постоянно обливался потом, под этою одеждою на голом теле пр. Димитрий всегда носил еще железный крест с тяжелыми цепями.

Предки наши любили посещать монастыри, а так как молва о жизни и подвигах пр. Димитрия широко уже распространилась, да и монастырь его был недалеко от города и на самой дороге в Устюг, Пермь великую и Белоозеро, то посетителей из горожан и из проезжавших купцов бывало в монастыре довольно. Однако преподобный был столько чужд всякого лицепрятия и человекоугодия, что ни для чиновных лиц, ни для именитых купцов никогда не изменял и не оставлял своего молитвенного правила, не старался заискивать их расположения, чтобы получить чрез то более пожертвований. По своему смирению не ища ничего от других, преподобный в то же время считал себя должником пред всеми и потому в обители его все находили себе приют, успокоение и никому ни в чем не было отказу. Мало того, что в своем монастыре пр. Димитрий старался помочь каждому по мере его нужды, ухаживал за больными и молитвами своими возвращал им здоровье, одевал и кормил бедных, прощал им долги, платил за них другим заимодавцам, но нередко сам ходил в город, чтобы защищать невинных и ходатайствовать пред судьями за угнетенных. Наслышавшись о щедрости преподобного, нищие толпами приходили в

монастырь, так что на милостыню им хлеба требовалось более того, сколько выходило на братию, отчего преподобный, чтобы не возбудить неудовольствия и ропота братии, старался подавать милостыню тайно. Смиренный старец, непрестанно сокрушаясь о грехах и почитая себя недостойнее и хуже всех, тем не менее никогда не опускал случая преподать наставление другим, как братии, так и приходящим, не стеснялся высказывать истину и даже обличать, когда того требовала нужда и польза слушающих. Самым друзьям своим и благотворителям обители пр. Димитрия преподавал иногда такие наставления, которые были для них вовсе неожиданны и потому не могли не удивлять и не поражать их, глубоко запечатлеваясь в сердце. Так, когда известный уже нам и любимый преподобным Илья принес однажды, по своему обычаю, щедрое подаяние для братской трапезы, пр. Димитрий не хотел принять принесенного, кротко сказав Илье: «отнеси это в дом свой и напитай прежде домочадцев твоих, да не томятся они голодом и жаждою, – остатки же, если будут, принеси нашей нищете, да будеши совершен милостивец». Только слезы и обещание Ильи быть всегда милостивым к своим слугам, побудили старца отменить свое решение и принять принесенное. Этому Илии, за его усердие к обители, преподобный много делал добра, а однажды избавил его своими молитвами от великой беды.

Подвигами поста и молитвы, самоотверженной любви и терпения пр. Димитрий достиг наконец высокого духовного совершенства и как сказал апостол: елико внешний наш человек тлеет, толико внутренний обновляется (2Кор. IV, 16), так и он, чем более изнурял себя строгостью жизни, тем свободнее становился дух его, тем яснее и чище делалось его духовное зрение, так что он не только созерцал совершавшееся в странах отдаленных, но прозревал и будущее. Дошли до нас два случая его прозорливости. – Родной брат пр. Димитрия, наследовавший богатое отцовское имение и занимавшийся торговлею, от неудачных торговых оборотов, впал в крайнюю нищету и неоплатные долги. С глубокою скорбью пришел он в монастырь к брату и просил у него благословения идти в Сибирь

к языческим племенам Югре и Печере, чтобы меховую торговлю с ними поправить запутанные свои дела. Благословил преподобный обнищавшего брата и он возвратился из Сибири с таким прибытком, что мог уплатить все свои долги. На следующий год он снова просил у брата благословения на то же путешествие и, получив его, благополучно возвращается домой с большим богатством. Страсть к барышам овладела купцом и через год он в третий раз является к брату за благословением в знакомый путь». Довольно брат, сказал ему преподобный на этот раз, можешь прожить и с тем, что приобрел, не ходи более, не погибнуть бы тебе от зверских людей». Брат не послушался и уже более не возвращался домой. – В другой раз весной, трудясь вместе с братею над церковной пристройкой, пр. Димитрий прослезившись с глубоким вздохом сказал: «мы, братия, строим теперь земные вещи тленные, а благоверный в. князь Димитрий Иоаннович от сего дне уже не печется с нами о суетном сем житии,» и тотчас же начал вслух братии молиться об упокоении души его. Слова преподобного показались братии странными, так как в. князь был не очень стар и не было никакого известия о его болезни; но чрез несколько дней действительно пришла из Москвы печальная весть, что в. князь скончался и именно в тот самый день и час, когда говорил о его смерти преподобный. Это было в 1389 году, уже только за три года до смерти самого Димитрия.

От самой юности шествуя путем тесным и скорбным, пр. Димитрий, проведши около 20 лет в Прилуцком монастыре, достиг маститой старости, лета покрыли сединою его главу, посты, бдения и труды изнурили телесные силы его, предвестники смерти – недуги чаще и чаще стали его удручать, старец Божий видимо угасал, с каждым днем становясь слабее и слабее; – но и теперь он не хотел изменить своего правила, ослабить подвиги и хотя сколько нибудь дать успокоения утружденному своему телу. Как в лета молодости, так и ныне, хотя часто уже и через силу, все еще по прежнему старался он везде быть первым и в церкви и на работе. Только уже предчувствуя близость кончины и желая, чтобы и после него в

монастыре неизменно соблюдался тот же чин и порядок, какой был им учрежден, пр. Димитрий решился заблаговременно сам назначить себе преемника. Для этого, собравши всю братию, он возвещает им скорое отшествие и благословляет быть вместо себя игуменом сотруднику своему Пахомию, вместе с ним пришедшему из Переяславля. «Аз уже изнемогаю и по делом моим худшим, от жития сего временного отхожу, паче всех человек грешен сый», говорил смиренный старец, желая до конца жизни утаить свои подвиги. Слова старца, как гром, поразили всю братию, никто не мог удержаться от слез и рыданий о предстоящей им тяжелой разлуке. «Не плачьте, братья, продолжал старец, вам благословляю я на свое место игуменом быти моему брату и сыну духовному Пахомию, повинуйтесь ему во всех добрых делах, якоже отцу своему». Когда некоторые из братии спросили пр. Димитрия где погребсти его тело, он отвечал: «извлеките грешное мое тело в болото и затопчите его там ногами». Долго еще пр. Димитрий беседовал и поучал братию, благословил, простился со всеми и затем уединившись начал готовиться к своему исходу, молитвенно беседуя с одним Богом. В ночь на 11 Февраля 1392 года во всех кельях иноки вдруг ощутили необыкновенное благоухание и тотчас же поспешили к келье преподобного, но нашли его уже отшедшим. Душа преподобного отлетела уже в горные селения, оставив на убогом одре постническое тело его как бы спящим; самая же келья исполнена была чудным благоуханием. Братия с благоговением поклонились и облобызали св. останки, затем с великой честью, с псалмами и песнями духовными, заглушаемыми и прерываемыми всеобщими рыданиями, предали их земле в созданной им церкви, позади правого клироса. Кончина пр. Димитрия случилась при державе в. князя Василия Димитриевича и при московском митрополите Киприане.

Скоро Господь прославил своего угодника. Как при жизни своей, так и по, кончине пр. Димитрия не переставал заботиться о благе своей обители и помогать всем, приходившим к нему с верою; не только гроб его сделался неисчерпаемым источником благодатных чудес и исцелений, но и одно призывание имени

святого прогоняло бесов и прекращало неизлечимые болезни. В древнем сказании о жизни и чудесах преподобного, написанном игуменом Макарием⁵⁰ и находящемся в Прилуцком монастыре, записано их 33. Приведем некоторые из них.

Чрез 16 лет после кончины пр. Димитрия, в 1409 году, странная и страшная болезнь⁵¹, свирепствовавшая тогда во многих местах России, появилась и в Вологде. Болезнь была столь мучительна, что невозможно было без ужаса смотреть на одержимых ею. Она сопровождалась сильными корчами, так что в руки больных вынуждены были давать палки, чтобы они в корчах держась за них, не делали себе вреда. Много таких страдальцев было привезено ко гробу преподобного; здесь, валяясь в муках корчей, они призывали на помощь св. Димитрия, по его молитвам получали исцеление и, возвращаясь домой, во свидетельство милости Божией к ним, полагали при гробнице угодника свои палки. По миновании болезни этих палок оказалось столько, что два или три человека едва могли вынести их вон из церкви. В повествовании игумена Макария это чудо значится первым; но очевидно, что и до него были многие чудеса и исцеления от гроба пр. Димитрия, уверившие народ в его благодатной помощи, без чего конечно не были бы принесены к нему и одержимые корчами.

В 1417 году Вятчане напали на Вологду и вошли в Прилуцкий монастырь, тогда еще не огражденный стенами; более наглые не постыдились грабить даже и в храме, а один из них, сдирая ризы и пелены с святых икон, коснулся даже гроба преподобного, желая снять с него покров. Дерзкий святотатец тотчас же невидимою силою был брошен на пол и умер в страшных муках. Это так устало грабителей, что они поспешили отпустить пленных и возвратить обители все, награбленное в ней, не многие из них достигли своей родины. Долго помнили вятчане это чудо и раз с прилуцким иноком Закхеем, случившимся в их стране, прислали в обитель богатую милостыню.

Галичский князь Димитрий Шемяка, воюя с в. князем, однажды зимою неожиданно напал на Вологду, когда в ней не было ни воеводы, ни войска. В первый же день, окружив со всех

сторон город, он начал приступать к его стенам, которые были ветхи и ненадежны. Граждане находились в великом страхе от жестокости неприятеля, уже начавшего нещадно грабить и раззорять окрестности. По благоговению к преподобному Шемяка не велел трогать одного только Прилуцкого монастыря. В это бедственное для вологжан время, прилуцкий священник Евфимий, окончивши свое вечернее правило, лег спать. Когда Евфимий находился еще в неопределенном состоянии между сном и бодрствованием, внезапно является ему пр. Димитрий, сияя чудным светом, и говорит: «помолимся, брат, Спасу нашему Владыке Христу за город и живущих в нем людей и пособим им, понеже бо без вины найде рать сія». В ту же ночь, в самом городе, в девичьем монастыре, одна благочестивая монахиня видела такое видение: ей представился город, окруженный необыкновенным светом, – по дороге из Прилуцкого монастыря идет к нему святоленый старец, на встречу ему выходят из скудельницы, где погребали странных, два световидные белоризца и каждый из них нес на плечах большие бревна. Стены города колебались и готовы были пасть. Белоризцы и старец, которого они называли Димитрием, обошли кругом стен, подперли их деревьями и стали невидимы. В ту же ночь и то же самое видел один из бельцев, живших в троицком монастыре, в конце посада. На другой день граждане тучею стрел и глиняными ядрами отразили сильный приступ Шемяки, так что он, простояв понапрасну несколько дней под стенами города, принужден был удалиться к Галичу, но и там потерпел поражение.

Две церкви, одна после другой, сгорели в Прилуцкой обители, но в тот и другой раз гробовая рака преподобного осталась целою. Когда начали строить третью церковь, время было самое скудное для обители и оттого работа шла медленно. Игумен был в больном затруднении, недоумевая, где взять лесу для строения и хлеба для прокормления рабочих, которых было 200 человек. Случилось в то время одному больному иноку лежать у себя в келье в сильном жару. Вдруг ему представилось, что он стоит пред монастырскими воротами, а седой благообразный старец с берегу реки носит на

себе в монастырь целые бревна, стоявшие же с ним у ворот говорили между собою: «посмотрите, сам пр. Димитрий носит нам лес для церкви». С того времени работа пошла успешнее и вскоре церковь была построена. По освящении церкви тому же иноку было другое видение. Он видит, что в новосозданной церкви около стен стоят благообразные иноки, украшенные постническими сединами; смотря на них, инок думал сам с собою, что тут в числе подвижников должен быть и пр. Димитрий чудотворец, и старался узнать его. Вдруг из алтаря раздается голос, подобный грому: «ты ищешь Димитрия? ныне он в Казани». Тотчас же после того инок почувствовал себя совершенно здоровым. В тот год в. князь Иоанн III посылал под Казань свое войско, при котором находилась икона пр. Димитрия, взятая из Прилуцкого монастыря; войско одержало победу над татарами в то самое время, когда было видение иноку, в самый же час, победы и в. князь видел явившегося ему преподобного. По возвращении войска из похода икона пр. Димитрия богато украшенная и с большою милостынею возвращена была Иоанном III в монастырь. Она была принесена в Вологду 3 июля 1503 года и оттуда, с крестным ходом препровождена была епископом Никоном⁵² в обитель, в память чего и доныне 3 июня совершается крестный ход из города в монастырь.

При Варлааме, архиепископе вологодском и великопермском и при прилуцком игумене Питириме между архиерейском домом и Прилуцким монастырем произошел спор, о земле на лежском волоку и реке Великой. Для разрешения спора и правильного проведения межи между спорными дачами, положено было призвать постороннего человека из местных старожилов и по его указанию провести межу. Архиепископ и игумен с общего согласия избрали для этого дела многолетнего старца Иннокентиева монастыря Мисаила, как человека, хорошо знакомого с местностью. Но он, желая снискать расположение архиепископа и получить от него какую-нибудь выгоду, повел межу так, что значительная часть земли отходила от монастыря к архиерейской даче. Чтобы указать межу, Мисаил пошел вперед и зашел в такую лесную

дебрь и непроходимое место, что уже не мог возвратиться к своим спутникам. Архиепископ игумен, долго не видя возвращения своего вожатая, послали наконец людей искать его и те нашли его в лесной дебри едва живого, лежавшего под колодою. Когда привели его к архиепископу, то он начал каяться во грехах своих и со слезами просить у него прощения. «Прости меня, владыко, согрешил я пред пр. Димитрием чудотворцем, хотел подружить тебе и отмежевать земли от монастыря, когда же с этою целью пошел вперед, объяла меня такая тьма, что я ничего не мог видеть пред собою, явился мне святолепный старец украшенный седины: повергши меня в дебри под колоду и держа под ней своими руками, он начал бить меня своим жезлом и приговаривать: «почто калугер⁵³ не право междуешь?» Выслушав старца, архиепископ послал его для покаяния в Прилуцкий монастырь, а между между владениями велел провести как было прежде.

В 1609 году вологодский воевода писал в Москву: «здесь в Вологде пр. Димитрий явил свою милость, обещался стоять с нами против врагов государевых. Он явился духовному старцу у гробницы и велел перенести свой образ с гробницы в Вологду. Архиепископ и воевода со всеми вологжанами и иногородними, сретив тот образ с великою честью, 4 Января со слезами и молебным пением поставили на вологодской площади, в церкви всемилостивого Спаса. Ныне сей образ стоит для уверения и поклонения всем христианам. Говорят, что сей образ пр. Димитрия писал пр. Дионисий Глушицкий. В Вологде хотят построить на площади храм во имя пр. Димитрия. С твердым упованием на всемилостивого Спаса и Пречистую Богородицу, на пр. Димитрия и всех святых, решились мы смело стоять против врагов государя и всего православного христианства». Действительно, храм пр. Димитрию вскоре был поставлен, на площади, против земской палаты⁵⁴, но вокруг его настроили лавок и завели торг, отчего происходил тут постоянный шум, божба и брань, часто заглушавшие церковное богослужение. Поэтому пр. Галактион, когда выходил из земской палаты, то, остановившись пред этим храмом и указывая на него гражданам, сказал: «сей святой великий чудотворец Димитрий

просит у Спаса милости нашему городу, а ныне и его прогневали тем, что вокруг его святылища настроили лавок и завели торг. Так знайте же, православные, что этот храм первый, прежде других разорится». Предсказание святого скоро исполнилось.

Отличаясь в молодости необыкновенною красотою, пр. Димитрий и достигши честной, маститой старости и украсившись святолепными постническими сединами, не утратил своего благообразия; власи его беша мали и не усовершенны белостью концы имуще, лице кругло, очи смиренни, – внешний вид старца был как бы отражением внутренней его красоты. Мощи его почивают под спудом в арке среди нижней церкви, посвященной его имени. Над ними устроена деревянная гробница, обитая медными позлащенными листами, на гробнице лежит образ преподобного, писанный в рост и украшенный серебряной ризой. В ногах гробницы, в стеклянном шкафе, висят его железные вериги. Из вещей, принадлежавших преподобному, сохранились в обители: деревянный, осмиконечный крест, сделанный им собственноручно и водруженный при избрании места для обители; другой крест, называемый киликийским, принесенный им из Переяславля; образ Божией Матери страстной, келейный преподобного; фелонь шелковой атласной материи синяя с красными цветами, оплечье рытого бархата, на крашенинной подкладке, – дар. Донского; черный деревянный костыль с железным наконечником, обвитый красым бархатом и золотым кружевом; наконец деревянные четки, с перламутровыми в некоторых местах, вставками. Служба пр. Димитрию составлена в царствование Иоанна Грозного.

Святой Стефан, Епископ Пермский

Однажды праведный Прокопий Устюжский поклонился в ноги трехлетней девочке Марии и при этом воскликнул: «вот идет мать великого Стефана, епископа и учителя Пермского». Странными и несбыточными показались тогда слова св. Прокопия устюжанам, но их удивляло не то, как мог знать юродивый, что у девицы младенца будет сын епископ, а казалось совершенно несбыточным, чтобы зыряне приняли веру христианскую и чтобы в грубой языческой Перми был когда-либо православный епископ. Устюжане потому и не верили предсказанию святого, что хорошо знали⁵⁵ как низко было умственное и нравственное развитие зырян, как слепо и горячо они преданы были самому грубому идолопоклонству и какую власть имели над ними волхвы и кудесники, непримиримые враги всего русского, православного, из собственных выгод державшие зырянский народ во тме язычества. Для нас такое мнение устюжан о зырянах всего яснее показывает, какие трудности надлежало превозмочь тому, кто решился бы просветить зырян светом христианской веры, какую он должен обладать мудростью и даром слова, чтобы на грубом и бедном языке передать и впечатлеть в умах и сердцах дикарей высокие евангельские истины и отклонить их от их вековых чтилищ; сколько проповеднику надобно было иметь самоотверженной любви и терпения, чтобы не изнемогнуть и не отступить перед многочисленностью фанатических противников, перед всевозможными препятствиями и опасностями. Истинно для этого нужен был апостол! И он явился зырянам в лице Стефана, еще задолго до рождения предназначенного к тому Промыслом.

Просветитель зырян родился в торговом и богатом Устюге, от родителей хотя не богатых, но благочестивых, уже по самому званию имевших более других возможности дать своему сыну надлежащее образование книжное, редкое тогда даже между богатыми и знатными. Отец его Симеон, по прозванию Храп, «бедный клирик соборной церкви», а материю его была та девица Мария, к которой относилось предсказание св. Прокопия

о рождении Стефана епископа зырян. К утешению и радости благочестивых родителей, дитя с самого младенчества начало обнаруживать в себе блестящие способности и любовь к книжному учению, не по летам оно начало успевать в грамоте и скоро превзошло в ней всех своих сверстников: после одного только года ученья Стефан мог исправлять должность канонарха в соборной церкви и сделался потом соборным чтецом. «Быстропамятно бо сущи отроча скоро учаешься, яко до года и канонархати возмоше и бяше преуспевая паче всех разумом и благодатью и точию в Божии слове упражняшеся, Писания святого разумению прилежа и книгам всего себе вдав не общаешься с текущими в суету», говорит о нем современник. Богобоязненный и даровитый юноша как бы предчувствовал свое назначение и старался скорее приготовиться к нему изучением священного Писания; в то же время, по какому-то тайному влечению сердца, он сам собою начал прилежно учиться зырянскому языку, искал случая встретиться с зырянами, когда они приезжали в Устюг, разговаривал с ними, спрашивал у них названия того или другого предмета и таким образом скоро не только стал понимать их язык, но и говорить с ними, как природный зырянин. Такое странное сближение богобоязненного юноши с грубыми язычниками благочестивой матери его Марии не раз приводило на память предсказание юродивого и показывало, что уже с детства почивала на нем благодать Божия и неисповедимые пути Промысла заранее готовили его на многотрудный апостольский подвиг.

Достигши юношеских лет и не чувствуя привязанности ни к чему мирскому, Стефан дни и ночи проводил над чтением священных и отеческих книг, но чем более он занимался ими, тем яснее сознавал, как еще малы и недостаточны его познания. Жажда познаний возрастала в нем более и более, так что наконец Стефан, не видя возможности удовлетворить ей в Устюге, решился оставить родину и идти в Ростов-кафедральный город своей страны, где надеялся довершить свое образование; такому решению не мало способствовала и склонность Стефана к иноческой жизни. — К южной стороне древнего многоглавого и многобашенного ростовского кремля

примыкает продолговатый, обнесённый стенами, четвероугольник, на западном конце которого донныне стоит одиноко высокая, пятиглавая церковь, ещё крепкая по виду, но уже с закладёнными дверями, не доступная для посетителей по ветхости внутреннего своего устройства печальный памятник так называемого затвора или монастыря св. Григория Богослова, известного в древности богатством своей библиотеки и образованностью иноков⁵⁶. Сюда-то, достигши Ростова, и устремился молодой Стефан, увлекаемый желанием просвещения и подвижнической жизни. Принятый в число братии он с неустоймимой ревностью занялся чтением книг, в то же время строго исполнял все требования иноческой жизни, так что, не смотря на молодость, вскоре удостоился при ростовском епископе Парфении⁵⁷ иноческого пострижения от руки Максима Калина, игумена Иоанно-Богословской обители, находившейся тут же в епископии⁵⁸. Здесь любознательному уму молодого инока открылось обширное поприще благочестивого мышления, обильная догматическая пища, которой он так усердно желал. С ревностью углубляясь в чтение книг, Стефан старался сам по себе отыскивать в них истолкование того, что прежде казалось ему неудобовразумительным, изучил греческий язык с целью уяснить себе все, трудно понимаемое в славянском переводе, и наконец чрез самостоятельное изучение христианских истин и частые беседы с учеными братьями, приобрел основательное звание истин православной веры. С писатель жития его Епифаний, живший в то время вместе с Стефаном в Затворе, с утешением воспоминает, как бывало спорили они между собою то о каких-либо событиях, то о слове, то о каком-нибудь стихе или строке. В богословском монастыре Стефан написал своею рукою много книг, которые долго служили памятниками его богомыслия и трудолюбия. В тишине Затвора, при пламенной любви к просвещению, блаженный Стефан не уступал никому и в иноческих подвигах, совершенствуясь более и более в жизни духовной. Прежде всех являясь в церковь к богослужению и после всех выходя из нее, он дни и ночи проводил в посте, молитве и коленопреклонениях, обучал себя смирению, кротости, терпению и любви, чтобы переносить все

неприятности и скорби для Господа, без вреда делу веры и спасению своей души. Смиренному сердцу подвижника, пламеневшему горячею любовью к Богу, все это казалось малым и недостаточным, он желал всего себя принести Ему в жертву, желал, чтобы вся жизнь его служила к прославлению имени Божия.

И вот однажды, когда он усердно молился об этом, как бы в ответ на его прощение, пришла ему благая мысль сделаться просветителем зырян, знакомых ему с детства и косневших во тме самого грубого язычества. Слезы радости оросили лицо блаженного, как бы от обретения какого великого сокровища. Вспомнил он и предсказание юродивого⁵⁹ и ему стало понятно странное влечение его с самого детства к зырянам и желание изучить зырянский язык; он увидел теперь, что Промысл Божий назначает его именно к этому подвигу. Занимаясь прежде зырянским языком без всякой цели, ради одной любознательности, он стал теперь заботиться о том, как передать высокие истины христианского учения диким детям природы на родном и понятном для них наречии. Хотя Стефан хорошо был знаком с зырянским языком и бойко на нем говорил, но и задача предстояла ему великая и трудная, и нельзя не удивляться терпению, неутомимости и искусству блаженного, с какими он старался на необработанном и бедном зырянском языке, неимевшем не только литературы, но и слов для выражения многих предметов и отвлеченных понятий выражать и передавать высокие истины христианской веры. Надобно было изобрести азбуку для выражения звуков их грубой речи, составлять слова, которых у зырян не было, и притом так, чтобы они были им понятны неточности выражали понятие о предмете. Надобно было многое, недовольно ясно изложенное по-славянски, переводить с греческого, но необыкновенные способности и трудолюбие Стефана превозмогли все; плодом его ученой деятельности был перевод на зырянский язык нескольких богослужебных книг⁶⁰. Около десяти лет провел он в монастыре св. Григория Богослова в ученых трудах, приготавливая себя на подвиг евангельской проповеди⁶¹. Запасшись зырянскими переводами необходимых

богослужебных книг, и чувствуя себя уже довольно подготовленным к делу проповеди, блаженный Стефан отправился в Москву, чтобы у первосвященника русской церкви испросить его благословения, а так же советов и наставлений на свое многотрудное предприятие. По прибывши в Москву, он уже не застал в живых великого святителя и поборника русской церкви-митрополита Алексея. Духовник в. князя, симоновский архимандрит Михаил (Митяй), как нареченный митрополит, управлял тогда делами русской церкви и хотя он был горд, самонадеян и заносчив даже пред епископами, но благосклонно принял смиренного иеродиакона. Как человек умный⁶², он сразу понял всю важность и пользу его предприятия, испросил Стефану у в. князя охранные грамоты и послал его к коломенскому епископу Герасиму для рукоположения в иеромонаха, приказав снабдить его и всем необходимым для великой его миссии. «Благослови меня, владыко, идти в страну языческую Пермь, сказал Стефан, припадая к ногам Герасима, хочу учить святой вере людей неверных, я решился или привести их ко Христу, или сложить у них голову за Христа моего». Преосвященный Герасим, старец уже многолетний, подивился апостольской ревности и дерзновению Стефана, но видя в нем особенное призвание к апостольской деятельности, много беседовал с ним, одушевляя его на подвиг. «Чадю Стефан, во св. Духе сын и сослужебник нашего смирения, иди с миром и благодатью Божией, да сопутствует тебе Сам Господь славы и даст ти глагол, благовествующему силою многою. Облекись по апостолу во всеоружие Божие, прими щит веры и шлем спасения и меч духовный-глагол Божий; иди и да будет слово твое солью растворено, живо и действенно и Дух святой да внушит тебе когда и что говорить, да наставит где как поступать, чтобы обратить к свету веры сердца неверных говорил святитель. Рукоположив Стефана в иеромонаха, он снабдил его св. антиминсами, св. миром, частицами, мощей и другими священными вещами и отпустил с молитвою и благословением. Обеспечив таким образом свое предприятие как со стороны церковной так и гражданской власти и напутствуемый благожеланиями и дарами вещественными,

блаженный Стефан отправился из Москвы к месту своей миссионерской деятельности. По прибытии в Вологду он отправился водяным путем по Сухоне до Устюга, отсюда по Северной Двине до впадения в нее Вычегды, где начинались тогда поселения зырян. Это было осенью 1379г. Сописатель его жития Епифаний так говорит о начале проповеднической деятельности своего духовного брата и сподвижника: «и нача яко овча посреде волков, посреде рода строптива и развращенна ходити и проповедывати Христа, истинного Бога, и учити христианской вере». Такой характеристический отзыв современника о зырянах дает уже близкое понятие о нравственных их свойствах. Много трудов и борьбы, лишений и скорбей надлежало перенести Стефану, много преодолеть препятствий и всякого рода опасностей, пока проповедь его увенчалась некоторым успехом. Здесь впервые христианство в лице одинокого пришельца должно было столкнуться с язычеством зырян и десятилетия приготовления Стефана должны были выдержать первую пробу. От успешного или неудачного начала зависело многое, почти все. Успех проповеди отверзал Стефану доступ в страну, давал ему спутников и помощников и пролагал путь к дальнейшему благовествованию. Напротив при неудаче первой проповеди дело приняло бы совсем другой оборот и зыряне может быть еще надолго оставались бы во тьме языческой. Так думал и сам проповедник и впоследствии день своего прибытия в зырянскую страну и первой проповеди к язычникам (8 Ноября), ознаменовал построением храма в честь архангелов, благодаря блаженных духов за победу, одержанную им над духами лестчими.

Чтобы яснее видеть и лучше оценить величие и трудность апостольского подвига Стефана при распространении евангелия среди зырян, укажем вкратке на те многочисленные и разнообразные препятствия, какие его ожидали в этой дикой стране, на умственное, нравственное и гражданское состояние того народа, среди которого он стремился насадить евангельскую истину.

Финское племя зырян, жившее в стране дикой и суровой, не пользовалось выгодами бдагоустроенного правления, любило проводить жизнь в шумных и гнусных оргиях; буйное и сварливое оно, презирало узы родства и дружбы и не терпело ограничения своей дикой вольности. Умственное развитие зырян стояло на самой низшей степенн, – язычество, которому они были слепо преданы, как вере отцев своих, потворствовало их диким страстям, а волхвы и кудесники, имевшие огромное влияние на народ, из своекорыстных видов поддерживали невежество и суеверия в народе. Главные божества зырян Войнел и Иомала⁶³ не требовали от них ни поста, ни воздержания, ни других каких-либо нравственных качеств и умиловлялись дарами вещественными, – а прочие боги были и того снисходительнее: за шкурку лисицы, куницы или за какой-нибудь десяток белок готовы были простить все. Правда, что зыряне, поклоняясь и боготворя все: солнце, огонь воду, камни, деревья и животных, верили и в духов добрых и злых и даже знали единого великого Духа Ен, но по их мнению добрые духи, насаждая в мире добро, не требуют зато никакой mzды, почему они и не были почитаемы, а великого Духа-Ен зыряне считали не доступным для поклонения, не смели ни изображать его, ни приносить ему дары. Волхвы и кудесники пользовались глубоким уважением и суеверным почтением, как провозвестники воли богов, действовавшие от их лица; они были полновластными распорядителями богатств кумирниц и всего приносимого в дар богам, чем и пользовались для собственной выгоды. Онн-то и оказались злейшими врагами Стефана, которого преследовали с ненавистью фанатиков. При таком религиозно-нравственном состоянии, невежественные, неразвитые и суеверные зыряне очевидно слишком мало были подготовлены к тому, чтобы понимать возвышенность и превосходство христианства. Не менее неблагоприятны были для деятельности Стефана условия и гражданского положения зырян. Много веков они были данниками Новгородцев. Эта зависимость была для них не только не обременительна, но во многих отношениях даже полезна, потому что новгородцы не входили в управление страну, не вмешивались во внутренние

их дела и довольствовались одною только данью. Со своей стороны зыряне тем охотнее платили им дань, чем более получали выгод от торговли с новгородскими купцами⁶⁴ и чем менее обижали их, как своих подданных, новгородские ушкуйники. Но незадолго до прибытия к ним Стефана с проповедью евангелия, Москва отняла их у новгородцев и подчинила себе; педоставив им никаких особенных выгод и благодеяний, московское правительство увеличило с них поборы и подати. «Тивуны, доводчиви и приставники» великокняжеские в короткое время так надоели и опротивели зырянам, что все исходившее из Москвы казалось им подозрительным и враждебным, и только один страх великокняжеского гнева удерживал их в повиновении. Уже одно то, что Стефан пришел из Москвы и принес с собою великокняжеские грамоты, должно было оттолкнуть от него зырян и поселить в них недоверие к нему. Такова была почва, на которой пришлось Стефану сеять слово Божие.

По-видимому не легко было найти время более неблагоприятное и слушателей менее способных и подготовленных, но, горя апостольскою ревностью, блаженный Стефан не посмотрел ни на что и с твердым упованием на небесную помощь тотчас же приступил к делу. Первое зырянское селение, в которое он прибыл, было Пырас, нынешний Котлас, при впадении реки Вычегды в Двину, в 60 верстах от Устюга. Жители этого селения, по своей близости к Устюгу и частым сношениям с русскими, были несколько более других развиты и понимали по русски. Когда же они услышали, что он говорит с ними на их язык и так хорошо, как природный зырянин, то приняли его с особенным радушием и охотно вступали с ним в рассуждения. Долго впрочем проповеднические труды его здесь не имели никакого успеха. Когда Стефан начал им проповедывать о ложности их богов и о святости христианской религии, грубый и преданный идолопоклонству народ сначала не хотел и слушать и отверг все кроткие увещания проповедника. Не будучи в состоянии оспорить Стефана, они старались выжить, прогнать его от себя, наносили ему разные оскорбления и обиды, а один раз

наметали костер дров и наносил и соломы, чтобы сжечь его живого. Блаженный Стефан, не смотря на такие препятствия и опасности, с невозмутимой кротостью и терпением продолжал увещевать своих слушателей оставить тьму идолопоклонства и обратиться к Богу истинному, которого они называют Ен, творцу неба и земли, со слезами просил их спасти свою душу и наконец тронул грубые сердца их. Мало по-малу жители начали уверяться в истине слов проповедника, понимать ничтожество идолов, сознавать свое заблуждение и уже не только охотно слушали его беседы, но и сами стали просить Стефана научить их христианской вере; таким образом весь Пырас оставил идолопоклонство и крестился. Только самые закоренелые язычники отказались принять христианскую веру и удалились в многолюдное селение Гам, где была главная кумирница, наполненная уважаемыми народом идолами, и где преимущественно жили главные их жрецы; во множестве стекался сюда издалека народ для поклонения своим богам. Со слезами радости Стефан возблагодарил Бога за первый успех проповеди, водрузил среди селения крест, устроил часовню и, утвердив в вере новопросвещенных людей, он избрал некоторых из них в спутники себе и отправился с ними далее, вверх по течению Вычегды, берега которой наиболее были населены зырянами. Проходя лежавшие на пути деревни, он везде среди разных препятствий и опасностей проповедывал имя Христово, ставил кресты и часовни, как самые понятные для простых людей символы новой веры, и в короткое время обратил ко Христу всех жителей от Пыраса до Гама на пространстве слишком 200 верст. В Гаме уже знали о появлении в Пырасе московского проповедника, который хулит богов и веру, вследствие чего жрецы и тупы постарались вооружать народ против Стефана и сами с яростью, подобно голодным волкам, у которых отнимают добычу, приготовились дать ему жестокой отпор. Знал и блаженный Стефан, что идолопоклонники собирают против него свои силы, что его ожидают здесь немаловажные препятствия со стороны как возбужденного против него народа, так особенно жрецов, раздраженных успехами его проповеди, знал, что дело

проповеди подвергается здесь новому, опаснейшему испытанию и может, в случае нерешительности и нетвердости проповедника, кончиться сокращением и тех, которые уже обращены ко Христу и – горя апостольскою ревностью о просвещении заблуждающихся, ободряемый и прежними успехами проповеди, в которых он видел несомненную себе помощь Божию, – Стефан решился на подвиг, хотя и угрожавший ему величайшею опасностью, но за то могший показать народу все ничтожество, бессилие идолов и обманы корыстолюбивых жрецов. Блаженный решился или победить или умереть. Лишь только он вступил в Гам, народ, подстрекаемый злобными жрецами и тунами, кинулся на него с неистовым криком и угрозами, так что ему невозможно было ничего сказать в свою защиту. Приветствий его не слушали, миролюбивых воззваний и предложений не хотели понять, смиренным оправданиям не внимали, оставалась одна только надежда на Бога и Бог сохранил его. Хотя в минуту гнева бешеная толпа, поджигаемая волхвами, готова была убить его, но когда гамичи увидели кроткое лицо, добрый и смиренный вид пришельца, нестаравшегося ничем воспротивиться им, припадки ярости у них прошли, а кроткие речи, с которыми обратился к ним Стефан, прося себе внимания и снисхождения, трогательный, дышавший любовью убеждения его, произносимый пришельцем на их родном языке, совершенно их обезоружили. Нашлись между ними и такие, которые решились оказать ему гостеприимство. Но Стефан видел, что народ в Гаме слишком предан идолам и пока они не будут истреблены, проповедь его не может иметь большого успеха. Поэтому выбравши время, когда никого из язычников не было близ кумирницы, находившейся отдельно от селения и окруженной заповедною рощею, Стефан зажег ее, и сам сел близ нее на одном возвышенном месте, ожидая прибытия идолопоклонников. Гамичи, заметив дым и пламя, устремились к кумирниц, уже со всех сторон объятай пламенем; близ нее они увидали виновника ея сожжения, спокойно их ожидавшего и – были поражены страхом и недоумением, не зная, что делать. Их удивляла неустрашимость Стефана, не бежавшего и не

скрывавшегося от них. Обступив его со всех сторон с дикими воплями, они замахивались на него топорами и дубинами, осыпали ругательствами и угрожали смертью, но не смели коснуться его. Стрешно было гамичам поднять руки на того, кого не поразили сами боги. Толпе заволновалась иначе и разделилась, одни говорили: надобно убить или изгнать его, он истребит всех наших богов; другие говорили: как бить посла московского?⁶⁵ пусть сами боги поразят его, иные говорили: та беда, что он сам не нечинает, вот если бы он хотя однажды начал, давно бы мы растерзали его. В это время блаженный Стефан, воздевши руки к небу, в слух народа со слезами молился Богу о просвещении гамичей, потом, обратившись к ним и указывая на догоревшую кумирницу, старался показать им ничтожество идолов, немогших защищать себя от огня, и убеждал их веровать Богу истинному. Не многие, более кроткие, послушались его убеждений и уверовали, а большая часть народа, хотя и не сделала ему ни какого зла, но осталась в ожесточении при своих кумирах и волхвах. Как голубице Ноева, не обретши покоя ногам своим на земле еще влажной от вод потопных, возвратилась в ковчег, так и блаженный Стефан принуждке был на время удалиться из селения, еще полного смрада от идольских жертв, потому что не ожидал большого успеха них надеялся утвердиться в нем в то время. Поэтому поучив новообращенных вере, с спутниками своими отправился далее вверх по Вычегде и остановился при впадении в нее реки Выпи, там, где тогда было главное гнездо зырян и откуда простирались они далее по Вычегде, Выми и Сысоле. Здесь, в центре зырянского края, Стефан с особенною ревностью стал проповедывать небесные истины. Простые сердцем с изумлением слушали нового проповедника и крестились, хотя с большим трудом и медленно расставались с своими суевериями. Предметом самого высокого благоговения служила для зырян «прокудливая береза», громадная по толщине (в три обхвата) и высоте, стоявшая на возвышенном месте, неподалеку от селения. К ней собирались зыряне с разных сторон и приносили в жертву лучшую добычу звероловства. Стефан, поставивший себе келью невдалеке от березы,

пользовался собраниями к ней народа и не опускал ни одного случая, чтобы поучить кого-нибудь истинам христианской веры. Но так как эта прокудливая⁶⁶ береза, давно чтимая, держала в очаровании умы и сердца суеверного народа и была самым сильным препятствием успехам его проповеди, то св. Стефан, помолившись Богу, решился рассчитаться с прокудливом духом, обитавшим в ней, по представлению народа. С надеждою на Бога Стефан начал рубить березу и к удивлению своему за каждым ударом секиры слышал раздававшиеся в воздухе жалобные крики и вопли мужские и женские, старческие и младенческие: «Стефан, Стефан, зачем ты нас гонишь отсюда, здесь наше древнее пребывание!» за каждым ударом струились из дерева ручьи смрадной крови. В поте лица весь день трудился Стефан, но по огромности березы не мог ее подрубить и, оставив вонзенную в нее секиру, удалился в свою келью. На другой день, когда он опять приступил к работе, то с изумлением увидел, что секира его лежит на земле, а береза стоит целою без всяких знаков вчерашней его работы. С молитвою начал он опять рубить дерево и едва мог свалить и сжечь его на третий день. Он понимал, что возбудить тем злобу фанатиков, но предал себя в волю Божию. Действительно язычники, узнав о гибели своего божества, сбегались, готовые убить Стефана, который, не отвечая ни на брань, ни на угрозы их, молитвою приготавливал себя к предстоявшему подвигу. Спокойствие и кротость, с какими встретил он зырян, грозивших ему смертью, поразили одних из них, других же удержал от убийства страх пред Москвою. Когда волнение несколько утихло, Стефан обратился к народу с проповедью. «Судите сами, говорил он, сильны ли ваши боги, когда они не могут защитить себя от огня? Боги ли они, когда так немощны, когда они не имеют не только смысла, но и слуха и зрения? И от меня слабого не умело и не могло защитить себя божество ваше. Не таковы ли и все другие боги ваши? Сволько я один истребил и сжег их и ни который из них не воспротивился мне? Не таков Бог христианский. Он все видит, все знает и все может, Он создал весь мир и о всем промышляет. И как Он благ, особенно к знающим Его! Я желаю вам добра, проповедуя вам истинного

Бога. Он будет любить вас, будет благодетельствовать вам, когда станете почитать Его искренно». Эта проповедь, сильная поразительной очевидностью, обратила сердца многих зыряр к святой вере и так как около Стефина уже образовалось значительное общество христиан, то он приступил к сооружению христианского храма для приношения в нем бескровной жертвы и причащения новопросвещенных, чего до того времени не было по неимению церкви. Эту первую православную церковь между зырянами Стефан соорудил на возвышенном холме на берегу Выми, при впадении ее в Вычегду, и освятил во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Благовещения, в начаток просвещения пермской земли, якоже и благовещение спасения нашего бы начало. Неумолимо заботясь о насаждении св. веры между язычниками и о духовном просвещении юной паствы, Стефан учредил при церкви училище, в котором сам был первым наставником и руководителем, учил детей часослову, псалтири и другим церковным книгам, еще в Ростове переведенным им на зырянский язык. В этой школе из своих учеников он образовывал пастырей и учителей из природных зырян, которые, после его смерти, долго управляли словесным его стадом. Богослужение было совершаемо на зырянском языке, чтобы народ мог яснее понимать его и учиться догматам православия. Не мало любопытных приходило в устроенную им церковь и, слыша христианское богослужение на родном языке, не могли не отдать ему преимущества пред своим языческим. В первом зырянском храме, по началу, конечно не могло быть особенного благолепия в украшениях, но грубые язычники, не видавшие ничего лучшего, кроме своих безобразных идолов, всегда были поражаемы неземным выражением ликов св. угодников на иконах, они казались им живыми, кроткими, радостными и как бы призывали их к себе. При взгляде на них зыряне чувствовали восторг и умиление, чего не случалось с ними в их кумирницах, и потому говорили друг другу: пойдем енэс видзедны, т. е. видеть, смотреть Бога. Но такова сила вековой привычки, что многие не хотели принимать св. крещения и оставались в язычестве только потому, что оно было древнее, принятое ими от отцов, а более грубые готовы были даже убить

Стефана, не смотря и на грамоты Московские, последние с намерением делали Стефану и новообращенным христианам разного рода оскорбления и обиды с целью вызвать их на ссоры и драки. Но учитель христианской любви и кротости и сам благодушно переносил все, и учеников своих учил тому же. Это спокойное перенесение неприятностей сильно поражало зырян, они собрались наконец в большом числе и в общем совете решили, что Стефан – чудный учитель, за обиды и оскорбления платит любовью и прощением, как не слушаться его? Не мог бы он разорить кумирниц наших и истребить стольких богов, если бы не был служителем великого Духа Ен, Бога, сотворившего небо и землю. После этого совещания народ еще болне начал собираться к проповеднику и просить у него крещения; блаженный Стефан с радостью принимал всех, приходящих к нему, и учил их христианской вере. Зная же, какое опасное влияние могут иметь идолы на недавних язычников, Стефан старался и сам истреблять их, сожигая вместе с ними богатые приношения, состояния из мехов, – и другим советовал делать то же и по его внушениям уверовавшие зыряне ревностно принялись истреблять предметы прежнего своего поклонения, рубили священные деревья, сокрушали идолов, а богатые меха лисиц, куниц и соболей, какие зыряне приносили в дар своим божествам, представляли Стефану. Но он не хотел ничем пользоваться и все предавал огню, дозволяя только полотно и пелены, бывшие при кумирах, употреблять служившему при нем зырянину Матфею, в поругание идолам, на онучи для обертывания ног. Дивились зыряне нестяжательности Стефана, видя, что он ничего не берет себе и все предает пламени, особенно же дивились тому, что никакие их заклинания и волхования нисколько ему не вредили. В то время, когда язычник, осмелившийся прикоснуться к идольским приношениям, развешенным в кумирницах и по лесам, по действию дьявольскому, внезапно поражаем был ужасом, корчами и припадками беснования, Стефан оставался совершенно невредим, что еще более возвышало его в глазах язычников и привлекало к нему сердца парода, как к учителю

бескорыстному, не похожему на их кудесников и находящемуся под особенным покровительством своего Бога.

Когда народ, после совещания, начал целыми толпами принимать св. крещение и Благовещенская церковь не могла уже вмещать в себе всех верующих, блаженный Стефан приступил к построению другой, более поместительной, избравши для этого то самое место, где стояла прокудливая береза⁶⁷, и посвятил ее имени св. Архангелов. По мере того, как возрастало и умножалось духовное стадо Стефана, умножалось и число учеников в его училище, неутомимый труженик успевал везде и на все находил время: в церкви объяснял богослужение и учил народ вере, в училище учил грамоте иермстей, разбирая учащихся по способностям с тем, чтобы «овых в попы поставить, овых в диаконы». В благодарность Богу за успехи своей проповеди в Устьвыме Стефан соорудил еще храм во имя святителя Николая, в день памяти которого он пришел туда. – Заботясь о духовном просвещении страны, он, как мудрый хозяин и попечительный отец, не опускал из виду и внешнего благосостояния и безопасности своих пасомых. Так как зыряне нередко подвергались нападениям диких соседей своих вогуличей и не менее их жестоких новгородских ушкуйников, то, чтобы оградить церкви от разрушения и доставить жителям безопасное убежище на случай внезапного нападения врагов, он приказал оба холма, на которых находились церкви, укрепить и обнести валами и канавами, что по тогдашнему времени могло служить достаточною защитой.

Надобно было ожидать, что распространение христианства и построение церквей в Устьвыме, самом средоточии Перми, возбудить зависть и злобу в сердцах волхвов и тунов, а равно и в остававшихся закоренелых язычниках. Доселе встречавшиеся Стефану волхвы не в состоянии были ему противиться и каждый раз, как только начинали с ним состязаться, были посрамляемы и побеждаемы. Но в Княж-погосте, где еще доныне видны следы древних укреплений, жил старейшина Вымичей и главный жрец и начальник всех волхвов и тунов пермских, знаменитый Нам сотник. Большую часть времени он проводил в глубине дремучих лесов, окруженный поседевшими

в чарах и волхвованиях тунами и кудесниками. Зыряне верили, что вся пермская земля управляется его волхвованиями и беспрекословно повиновались ему, почитая все слова его божескими, все имели к нему такое уважение и благоговение, что только в одних самых важных и крайних случаях осмеливались беспокоить его. Давно уже знал он о прибытии в Пермь проповедника новой веры и негодовал, на него за сожжение кумирницы в Гаме, но когда услышал, что Стефан не мог утвердиться в Гаме и скоро был принужден выйти оттуда, не счел нужным беспокоиться, предоставляя победить и прогнать москвитянина местным волхвам. Весть, что Стефан не только не прогнан из Перми, но уже достиг Устьвыма, построил, в нем церкви и почти всех жителей обратил ко Христу, привела его в гнев и ярость, он тотчас же стал собираться в путь для единоборства с Стефаном, похваляясь сразу посрамить его и угрожая, посредством своих волхвований, предать страшным мучениям как самого проповедника, так и всех, последовавших его учению. Ужас распространился в новопросвященном народе при вести о скором его прибытии, прежняя слепая вера в его силу и могущество невольно закралась и неутвержденные еще сердца и привела их в тяжелое смущение. Один только Стефан, полный надежды на Бога, не падал духом и, укрепляя народ в вере, спокойно ожидал врага. Скоро прибыл в Устьвым и нетерпеливо ожидаемый язычниками Пам и начал явно и тайно совращать новообращенных. «С чего, говорил он, вы оставляете веру отцов ваших и не приносите богам жертв? Как можете вы слушаться человека, пришедшего из Москвы, которая угнетает вас податями? Разве от Москвы может быть вам какое добро? Не оттуда ли тиуны и приставники, дани и насилие? И кого слушаете? молодого и неизвестного москвитянина, который годится мне во внуки, тогда как я и по годам ваш отец и вашего роду? Не слушайте юнаго пришельца и укрепляйтесь в вере отеческой, чтобы боги не прогневались на вас». Народ отвечал ему: «Старик, не страшен нам гнев богов твоих, они пали от руки Стефановой и уж не встанут более, иди, состязайся с ним о вере и победи его, если хочешь, чтобы мы по-прежнему верили тебе». «Пойду и посрамлю вашего учителя,

с гневом сказал им волхв и вступил в жаркий спор с св. Стефаном». «У вас христиан один Бог», говорил Пам, а у нас много помощников и на суше и на воде, подающих нам счастливую ловитву в лесах, так что избытками ее мы снабжаем и Москву, и орду, и дальные страны. Боги сообщают нам в волхвовании дальние вести и тайны, недоступные вам. У нас один ходит на медведя и убивает его при помощи наших богов, а у вас на одного медведя идут десять, да и тут часто не только не убивают, но и сами бывают им растерзаны». Не трудно было блаженному Стефану дать ответ волхву, показать ему превосходство христианства пред язычеством, и опровергнуть все возражения Пама, так что наконец он остался безгласен. Хитрый кудесник видя, что ему не победить Стефана словами, вздумал устроить его и обманом присвоить себе победу. После долгих споров Пам в оправдание своей веры вдруг вызвался пройти сквозь огонь и воду, требуя того же и от Стефана. Пам был вполне уверен, что Стефан никогда не решится на такое безумное предприятие, и тогда победа останется за ним. Каково же было его изумление и страх, когда Стефан принял его предложение и сказал: «я не повелеваю стихиями, но христианский Бог велик, иду с тобою». Затрепетал от страха поседевший в обманах Пам, но превозмог себя и не показал виду, что трусит, думая, что и Стефан только на словах соглашается, чтобы устроить его, а на самом деле никогда не решится на это. Между тем Стефан приказал сделать на Вычегде дв проруби на льду и зажечь одну хижину, отдельно стоявшую от селения; когда пламя обняло ее, он, помолившись Богу и благословив предстоящих, взял Пам за руку, чтобы, по взаимному условию, вместе идти в огонь. Тут только волхв увидел, что далеко зашел в своих обманах и, оцепенев от страха, начал порываться назад и в глазах всего народа отказываться от своего предложения. Напрасно звал и понуждал его Стефан, влача за одежду, чародей трепетал и просил избавить его от верной смерти. Не согласился он также и спуститься в одну прорубь в воду, чтобы выйти в другую прорубь. Тогда Стефан сказал ему: не сам ли ты избрал сей род испытания веры, думая устроить меня? и обратясь к народу

спрашивал, чем считать теперь Пама, когда он сам, потребовав, решить спор о вере огнем и водою, теперь отказывается от него и креститься не хочет? Что с ним делать? «Обманщика предать смерти, закричал весь народ, он неисправим, если оставить его в живых, то он наделает тебе пакостей». Нет, отвчал блаженный Стефан, Христос не послал меня предавать людей смерти, а учить. Пам не хочет принять спасительной веры, пусть его упорство и накажет его, а не я. Но чтобы он не развращал народа своим лжеучением и не сеял плевел на чистой ниве Божией, его следует удалить из здешней стороны». Народ одобрил решение Стефана и Пам с бсщестием был выгнан и удалился с сообщниками своими на берега Оби, где между береговыми Остяками основал селение Алтым. Благодарный Богу за победу над волхвом Стафан построил храм св. Николаю на Вишере.

После посрамления и позорного бегства Пама везде, куда только не достигала о том весть, все народонаселение, как бы от сна пробудившись, спешило в Устьвым принять христианскую веру, проповедываемую таким необыкновенным и святым учителем. Стефан ласково принимал всех, кроткими речали убеждал слушателей в ничтожности языческих богов, знакомил их во время продолжительных всенародных бесед с христианством, не жалел для этого ни трудов, ни времени и таким образом доводил их до познания Творца вселенной. Забывая о собственном покое, он днем и ночью допускал к себе приходивших зырян, состязуясь с противящимися и сомневающимися, наставляя и утверждая в вере послушных. Любимым местом его проповеди был холм пред церковью. Слезы умиления орошали лице Стефана и высокою духовною радостью наполнялась его душа, когда, восходя на холм для проповеди, он видел тысячи народа, жаждущего слышать слово Божие, и с глубокм смирением просящего у него крещения. Реки Вымь и Вычегда ежедневно были купелью для множества крещаемых. Ревность новообращенных к вере выразилась в построении ими двух новых церквей, особенно же, после бегства Пама, в обильных приношениях для приобртения нужной церковной утвари из великого Устюга, процветавшего

тогда торговлею и богатством жителей. Успехи Стефана в обращении зырян привели им на память предсказание о нем праведного Прокопия, вследствие чего богатый и убогий спешили послать свои лепты на украшение пермских храмов. Многие духовные лица, услышав об апостольских подвигах своего земляка, пошли в Пермь, желая быть его учениками и сотрудниками. С помощью их Стефан получил возможность отправлять богослужение во всех созданных им храмах, так как по многолюдству верующие уже не могли помещаться в одном и сам проповедник более мог посвящать времени на наставления своих пасомых, что конечно не мало способствовало успехам проповеди. Семь лет провел блаженный Стефан в своих апостольских трудах, терпеливо перенося все обиды и заботясь только о том, как бы кого обратить от тьмы идолопоклонства к свету Христовой веры. Он имел утешение видеть, что св. вера распространилась по всему пространству обширной (малой) Перми, так что уже невозможно стало ему одному удовлетворять духовным потребностям всех верующих и иметь над ними пастырский надзор. «Той же (Стефан) идола сокруши и крести тамо еще с в же понех люди многие, яко до тысящи»⁶⁸. Первые три года он подвизался совершенно один, пока не приготовил себе спутников и учеников из обращенных зырян и пока не пришло к нему из Устюга несколько духовных лиц, услышавших об успехе его проповеди.

Видя умножение своей паствы, расселенной по всему обширному пространству Перми, блаженный Стефан решился идти в Москву испросить для новообращенных епископа⁶⁹. В 1383 г. прибыв в Москву, он рассказал в. князю Димитрию Иоанновичу и митрополиту Пимену об успехе своей проповеди среди зырян, представляя, что для дальнейшего распространения христианской веры и для наблюдения за новопросвещенными необходим особый епископ, по дальности Перми от Ростова. Когда о деятельности Стефана узнали в Москве, то лучшие люди радовались и с уважением отзывались о проповеднике, а другие напротив говорили: для чего было изобретать новые письма? Прежде не было грамотности в

Перми, к чему эта новизна теперь? Если же и нужна грамотность, то довольно русской, и называли блаженного Стефана не иначе как Хравом. Но так толковали только люди, скудные смыслом и гордые своим невежеством, а в. князь был в восторге от подвигов Стефана. Жатва многа, а делателей мало, сего ради помолимся Господину жатвы, да изведет делателей на жатву свою, да будет наставник и руководитель делателем, а я буду ему усердный сослужебник и соработник на всякое дело благое, говорил смиренный проповедник в. князю и митрополиту. Но ни князь, ни митрополит с собором епископов не нашли никого достойнее самого Стефана занять епископскую кафедру в Перми. Посвящение совершилось во Владимире зимою того же 1383 года к великой радости благочестивого князя, весьма любившего и уважавшего смиренного Стефана, давно ему известного. Великий князь так высоко ценил личные его качества, что предоставил ему особенные преимущества пред другими владыками по управлению епархией и в делах судных, отдал всю устьвымскую волость с богатыми лугами и пашнями в вотчину ему с правом безпошлинной торговли для туземцев и предоставил ему же дан⁷⁰ с приезжавших в Пермь купцов и промышленников. Наделенный в Москве богатыми дарами в пользу новоустрояемой епархии, епископ Стефан на обратном пути везде был радостно встречаем народом по городам и селам и видел общую к себе любовь бояр, духовенства и черни. Все спешили принять его благословение и принести ему от своего имущества дары на устройство церквей. Полный смирения и кротости, чуждый мирской суеты и земного величия, блаженный Стефан глубоко был тронут этим непритворным изъявлением народной любви и в умилении сердца благодарил Бога за благочестивое настроение чувств своих современников, не отказывался от жертв, приносимых на устройство и благолепие церквей, но не принимал даров, лично ему предлагаемых. Простота и строгая нестяжательность были всегдашними спутниками его подвижнической жизни и только усиленные просьбы и опасение огорчить отказом приносящих, могли иногда побудить его принять что-либо и то на случай непредвиденных нужд и несчастий духовных детей своих в

стране суровой и малонаселенной. Задерживаемый в городах многолюдным стечением к нему жителей, Стефан, после долгого странствования, достиг наконец пределов своей родины – Устюга, где с нетерпением ожидало его все народонаселение и заранее приготавлилось к радостной встрече. По отдаленности Устюга от Ростова жители весьма редко имели случай видать своих архипастырей, а теперь приближался к ним святитель, рожденный и воспитанный в их городе и прославившийся своими апостольскими подвигами в стране языческой. Потому общее влечение к нему народа возрасло до того, что опустели окрестный деревни, оставлены были домашние работы, забыты недуги и болезни, и стар и млад проживали в городе, нетерпеливо ожидая прибытия замляка – владыки, чтобы получить его архипастырское благословение.

Наконец настала минута нетерпеливо ожидаемой встречи: торжественный звон колоколов всех устюжских церквей возвестил жителям прибытие пермского архипастыря. Не смотря на зимнее время, все устремились за город, чтобы скорее узреть его, духовенство на городской черте ожидало его с хоругвями и иконами, граждане с хлебом и солью. Клики восторга заглушали церковное пение и звон колоколов, народ в избытке радостных ощущений, слезами выражал свои сердечные чувства и приветствия. В святительской мантии, окруженный духовенством в блестящих ризах, смиренный Стефан, благословляя народ, медленно шел в тот самый собор, в котором некогда был причетником и где, руководимый своим отцом, учился он церковному чтению и пению. Войдя в него, он увидел пред собою те же св. иконы, пред которыми в юности молился с отцом своим, те же пред ними лампы, который сам возжигал; в предстоявшем ему духовенстве узнал многих из тех, при которых начал свое служение церкви, минувшее воскресло в его памяти и слезы умиления оросили его лицо. Выходя из собора, он до земли поклонился на том месте соборной паперти, где некогда, без малого за сто лет праведный Прокопий, остановив младенца – мать его, произнес о нем свое пророчество, назвав епископом Перми. С теплою молитвою припал он к прославленному уже гробу юродивого и

благоговейно лобызая его св. икону, усердно просил его молитвенного к Богу ходатайства за себя и за свою паству. Посетил он и осиротелый родительский кров, места любимые в детстве, обошел монастыри и церкви, служил, проповедывал, навещал больных, утешал печальных, исцелял страждущих и благодетельствовал повсюду. Не было в Устюге человека, который не считал бы своим долгом уделить часть своих избытков на нужды и устройство новой кафедры, богатый и бедный одинаково просили Стефана принять их приношения. Между тем в Перми, считая недели и дни, с нетерпением ожидали его ученики и, промедлив на родине более, нежели предполагал, Стефан поспешил отправиться к своей пастве. Умилительна была радость зырян, его встречали как отца и благодетеля, все плакали и целовали его одежду. Вместе с Стефаном, по его избранию и приглашению, прибыло в Устьвым, с сего времени называемый владычным городом, несколько духовных лиц, чтобы помогать ему в распространении и утверждении православной веры между остававшимися еще среди зырян язычниками. Прибыв в Устьвым, Стефан первоначальную Благовещенскую церковь назвал своим кафедральным собором, а Архангельскую сделал домовою или крестовою церковью великопермских архиереев, близ которой все они жили до самого перенесения кафедры в Вологду. Построив при ней несколько келий для братии, Стефан основал тем первый монастырь в Перми, называвшийся Архангельским и существовавший до 1764 г., и принимал в него престарелых зырян и сам служил для них примером подвижнической жизни. Способных из учеников своих он посвящал в причетники, диаконы и священники, так что не только в соборе и монастыре, но впоследствии и во всех новоустроенных церквях духовенство было природное, зырянское. И попове его, говорит Епифаний, пермским языком служажу обедню, заутреню же и вечерню, и канонархи его по пермским книгам канонархаху, певцы же всяко пение пермски возглашаху.

Святителю надлежало еще осмотреть свою обширную паству, чтобы видеть, как живут в вере вновь обращенные, и если можно, содействовать новым успехам веры. Поэтому,

устроив дела в Устьвыме, он поспешил отправиться в путь. Во время путешествия вместе с догматами истинной веры он преподавал правила семейной и гражданской жизни, миролюбиво решал споры, защищая слабых от сильных, и своею благотворительностью и кроткими беседами более и более привязывал к себе народ. Руководимые в своих начинаниях его мудрыми советами, зырные сами видели, что они наслаждаются таким спокойствием, довольством и безопасностью, какими не пользовались при прежних правителях. Дань не казалась обременительною, потому что тиуны, вирпики и даньщики не смели обременять их излишними налогами, не смели по-прежнему никого обижать и притеснять безвинно, так как Стефна, имея право участвовать в гражданском делопроизводстве и управлении краем, готов был всегда явиться на помощь и защиту угнетенных. Во многих местах добрый пастырь с утешением видел благие плоды своей проповеди: искреннюю набожность и усердие к вере, мир и любовь во взаимных между собою сношениях у тех, которые еще недавно были так злы и дики. Христианство видимо переродило их и сделало лучшими. Но не везде приводилось встречать ему одно приятное. Жители Гама, так недружелюбно принявшие его в первый раз и едва не убившие за сожжение кумирницы, и теперь были так же грубы и недружелюбны, хотя уже и не смели делать ему никаких дерзостей. И те немногие, которые приияли тогда св. крещение, быв совращены кудесниками и тунами, нагло смеясь говорили ему, что они опять «едят белок». Больно было слышать это святителю. Слепой народ! Пусть будет Гам слепым, сказал он со скорбью. С того времени поныне волость эту называют слепой Гам; мало того жители Гама поныне близоруки, подслеповаты и известны также под именем «слепородов». Другой случай, бывший во время этого путешествия Стефана, поразителен в другом отношении. В селе Тулиме, в 25 верстах ниже Яренска, одна женщина, видя худую обувь праведника, дала ему новые портянки. Святой, благословляя простосердечную благотворительность, предсказал!., что это место будет

торговым, и, несмотря на недостаток удобств для торговли, оно действительно сделалось таким.

Завидуя счастью земляков, вогуличи, непримиримые враги христианства, побуждаемые волхвами и тунами, убежавшими к ним от проповеди Стефана, сделали хищническое нападение на пермскую землю. Опустошив верхне-вычегодские и сысольские селения, они многочисленными ватагами устремились к Устьвыму с намерением разрушить и предать пламени все, устроенное Стефаном. С зверскою лютостью убивали они беззащитных поселян, зорили поля, резали скот, грабили и жгли дома, так что уstraшенный народ, оставив все и спасая свою жизнь, в ужасе толпами бежал в Устьвым. Это было в 1385 году, на третьей год епископства св. Стефана. При первой вести о нападении вогуличей Стефан тотчас же отправил гонца в Устюг с требованием немедленной присылки ратных людей для отпора врагам и сделал нужные распоряжения для защиты и обороны церквей. Он велел жителям сносить все свое имущество на два укрепленные холма к собору и монастырю и с оружием в руках ожидать тут неприятеля, а сам совершал в то же время моление о помощи Божией и с крестным ходом обошел весь владычный город, ободряя и воодушевлял народ. Готовый положить душу свою за своих духовных детей, он не стал ожидать нападения врагов, но облекшись в святительскую одежду, совсем духовенством и с некоторыми из зырян сам поплыл на лодках вверх по Вычегде на встречу врагам. Вогуличи издали заметили ладью Стефана, грозным показалось им лицо его, как бы огнеы горело никогда невиданное ими святительское его облачение, а сам он казался им как бы мечущим в них огненные стрелы. Более дерзкие, нежели мужественные, суеверные язычники, приняв его за страшного волхва, в ужасе бросились бежать, оставив все награбленное у зырян, и с тех пор во всю жизнь Стефана ни однажды не смели подходить и нападать на Устьвым, боясь могущественного «туна-чернеча Стэпэ» и беспокоили только одних отдаленных верхневычегодских зырян.

Но едва только удалились вогуличи с верховьев Вычегды, как в том же году противоположная сторона ее, более

населенная и богатая, подвергалась нападению других врагов-ушкунников. Новгородская вольница ограбила и раззорила большую часть нижевычегодских селений. Ревностный пастырь поспешил в стан буйной ватаги и то умолял их словами евангельскими, то устрашал гневом Божиим. Вольница каялась, возвращала награбленное, платила за убытки и удалялась. Но не успевал еще народ оправиться и загладить следы опустошения, как являлись другие шайки Новгородцев, снова грабили те же селения, и опять Стефан должен был увещевать грабителей и защищать свою паству. Частые набеги их побудили наконец Стефана отправиться в Новгород и ходатайствовать у веча о воскрещении ушкунникам нападать на пермские земли. Посещая Новгород в первый раз и не имея в нем никаких знакомых, Стефан думал, что ему трудно будет приобрести расположение веча, часто неуступавшего великим князьям, и получить от него просимое, но к изумлению своему он везде встречал общее к себе уважение. В Новгороде давно знали о подвигах святителя и владыка новгородский, посадники и бояре с радушием приняли апостола Перми, как дорогого гостя св. Софии, и постарались расположить к нему вече, которое и постановило: удовлетворить справедливые жалобы епископа, представить виновных на суд веча, а всей новгородской вольнице воспретить касаться впредь пределов устьвымской епархии. Возвращение его из Новгорода было радостным днем для его паствы. Тем, что получил Стефан по решению веча в вознаграждение за раззорения ушкунников и что дали ему в дар посадники и бояре-он наделил пострадавших почти в такой же мере, в какой они потерпели. С помощью доброго архипастыря народ завел прежний хозяйственный быт и почти забыл прежний раззорения. Этим не кончились однако заботы Стефана о благосостоянии своей паствы: приближался другой враг, более страшный и неумолимый – голод, как бы для испытания веры новопросвещенных и для обнаружения во всем блеске неумолимой деятельности и отеческой заботливости св. Стефана о пасомых. В 1386 г. озимовой хлеб во всей Перми вызяб от продолжительной и холодной весны, поля в другой раз были засеяны яровым, чрез что истощились запасы хлеба, но

продолжительная холодная погода и ранние осенние морозы не дали созреть и яровому, так что народ еще с осени остался совершенно без хлеба, без всякой надежды на будущее, так как поля не были засеяны. Торговцы, пользуясь случаем стали продавать хлеб по неслыханно – дорогой цене. Вопли голодных терзали душу святителя он открыл свои житницы, одним давал хлеб безденежно, других ссужал деньгами, но несчастье не уменьшалось, голод усиливался с каждым днем и в дальних деревнях достиг плачевной крайности. Многие оставили свои дома и гложя древесную кору чуть живыми достигали Устюга, другие помирали с голоду на дороге. Святитель употреблял все, что мог для уменьшения страшного бедствия, несколько раз выписывал хлеб из Устюга, а когда и там не стало хлеба для продажи, то посылал за ним в Вологду. Естественно, что вследствие голода зыряне не в состоянии были платить подати, который вымогали у них тиуны и даньщики великокняжеские. Стефан отправил послание к в. князю, в котором, изобразив, постигшее Пермь бедствие и свои против него меры, просил временной льготы для бедного народа, даньщиков же убеждал до получения ответа государя на свое прошение остановиться сбором податей. Послание Стефана не застало в. князя в Москве, он ходил тогда наказывать Новгород за самовольство и грабежи его ушкуйников, не оставлявших в покое и великокняжеских вотчин. Бояре государя, получившие послание святителя в его отсутствие, не смели сами собою сделать никакого распоряжения и только по возвращении князя представили ему послание святителя. Димитрий Иоаннович глубоко был тронут плачевным состоянием зырян и тотчас же приказал недоимки прежних лет простить, на год освободить народ от подати, а убытки, понесенные епископской кафедрой, щедро вознаградил дарами и деньгами, сверх того к архангельскому монастырю приписана была большая часть деревень, находившихся близ владычного города. Народ, услышав о милости в. князя вздохнул свободно и стал выходить из лесных тущоб, куда скрывался от жадности тиунов и сборщиков. Между тем Святитель простер свою отеческую заботливость еще далее: когда стали засеивать поля, он давал

семена; когда нужно было завести домашний рабочий скот, ссужал деньгами; если кому надобно было приобрести звероловные снаряды, он покупал их и помогал выгодно продавать лесную добычу. Ни один отец никогда не заботился так о своих детях, как он о благе своих пасомых. Признательный народ не знал чем и как благодарить за то своего благодетеля.

Отеческие заботы Стефана не ограничивались попечением о внешнем благосостоянии народа, но преимущественно направлены были к нравственному его усовершенствованию и укреплению в вере; в этом отношении деятельность его еще изумительнее. После голода он в короткое время успел посетить самые отдаленные места своей епархии, был на Веньденге и Вишере, в селениях верхневычегодских, доходил до границы великой Перми (чусовой) по рекам Сыsole и Лузе, везде поучая народ вере и благочестии, водворяя порядок и оставляя следы своей благотворительности. Привлекаемые его добротой, остававшиеся еще язычники толпами спешили к нему, прося прещения. С отеческою любовью принимал их святитель и радовался приращению новых чад церкви. В 13 лет своего епископства в Перми св. Стефан построил много церквей и основал 4 монастыря с тою целью, чтобы иноки служа новообращенному народу примером христианских добродетелей, более и более утверждали его в догматах православной веры. Начальниками монастырей были усердные сподвижники Стефана, старавшиеся под его руководством утвердить и распространить христианство окрест своих обителей. К сожалению до нас не только не дошло никаких подробностей о их полезной деятельности, но неизвестны даже и самые имена их, кроме пр. Димитрия, основателя и начальника Цилибинского монастыря; память его и до ныне благоговейно чтить благодарное потомство, как усердного распространителя св. веры в окрестности его обители и как великого угодника Божия.

В 1389 году Стефан оплакал своего высокого благодетеля, в. князя Димитрия, всегда к нему ласкового и благосклонного, оказавшего столько милостей его новообразованной епархии; он скорбел душою о такой утрате для государства, проливал

слезы и молился об упокоении души государя набожного и добродетельного. Вскоре представился ему случай видеть в Москве его наследника, который благосклонно принял и обласкал его. В 1390 году митрополита Киприан вызвал пермского святителя в Москву на собор по церковным делам. Во время этого путешествия, поспешая в Москву, Стефан не заехал в Троицкий монастырь (находившийся в стороне от дороги верстах в десяти) для посещения духовного брата и друга своего Сергия, думая сделать то на обратном пути, но остановившись на дороге, прочитал молитву «достойно есть», поклонился в ту сторону, где находилась обитель, и, благословив руками сказал: «мир тебе, духовный брат мой». Пр. Сергий сидел в это время с братией за трапезою и, уразумев духом преподанное ему Стефаном целование и благословение, немедленно встал из-за трапезы и немного постояв, сотворил молитву и до земли поклонившись, сказал: «радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою». Изумились братья необычайному востанию Сергия от трапезы прежде установленного времени, некоторые подумали, что он имел какое-либо видение, и по окончании трапезы спрашивали его о случившемся. В этот самый час епископ Стефан, идущий в Москву, стал против монастыря нашего и поклонился св. Троице и нас смиренных благословил, отвечал Сергий, указав и место, где это случилось. В Москве пермский святитель встретил к себе особенное внимание и уважение как со стороны первосвященника русской церкви, так и со стороны нового в. князя Василия Дмитриевича. Вместе с митрополитом Киприаном он был в Твери на соборе, судившем тверского епископа Евфимия Висленя за несоблюдение церковного устава. Великий князь и бояре одарили св. Стефана богатыми дарами, на которые он построил при своей архангельской обители странноприимный дом, где с любовью принимал и покоил беспомощную бедность. Благосклонный прием святителя в Москве и благоволение к нему нового в. князя много значили и для пермских гражданских чиновников, позволявших себе в отдаленном краю всякого рода насилия и несправедливости, от которых жестоко страдали зыряне. Тиуна

и даньщики, опасаясь Стефана, прекратила свои насилия и своевольтства.

В 1392 году соседственная Перми Вятка, основанная в 1174 г. новгородскими выходцами, славная богатством и народонаселением и цветущая промышленностью и торговлею жителей, подверглась нападению и раззорению от татар. Соседство ее было выгодно для Перми и относительно народной безопасности, потому что она защищала Пермь от, нападений закамских обитателей, и относительно развития зырянской торговли и промышленности, так как вятчане, слишком 200 лет господствуя по Вятке, Каме, Чусовой и отчасти по Лузе и Сысоло, давно приобрели известность своею промышленною и торговою деятельностью, охотно брали у зырян лесную добычу, доставляя им за то все для них необходимое. Св. Стефан дорожил близостью и благосостоянием этой предприимчивой страны тем более, что настоящее несчастье вятчей должно было отразиться и на зырянах, повлечь за собою упадок местной промышленности в пограничных зырянских селениях, породить бедность в стране и открыть ее нападениям хищников. Кроме того торгуя по Лузе и Сысоло, вятчане, как христиане, много способствовали устройству и украшению тамошних храмов. Но постигшее их бедствие ожесточило вятчан. Лишившись всего своего состояния и доведенные до отчаяния, вятчане многочисленными толпами нахлынули на соседние пермские деревни, прося себе крова и пищи и силою отнимая требуемое у невоинственных зырян. Начались грабежи и убийства. Как татары выгнали их, так они начали гнать зырян, намереваясь поселиться в их селениях. Лишь только св. Стефан узнал о том, что вятчи из добрых соседей и благодетелей сделались ожесточенными врагами и разбойниками, он тотчас же поспешил на Сысолу и Лузу, чтобы защитить своих пасомых. Явившись к вятчанам, он сожалел о постигшем их несчастье, советовал не унывать и не подвергать тому же других, а стараться прогнать татар и возвратить назад отнятое ими, обнадеживая успехом, в противном же случае грозил судом Божиим и гневом великокняжеским. Труды его не были

напрасны. Вятчане ушли в свои разоренные города и, соединившись с новгородцами и устюжанами, отомстили татарам, сожгли много татарских городов по Волге и возвратились домой с богатою добычею, благодаря святителя за его добрый совет. Последнею услугою св. Стефана пермскому краю было то, что он положил конец злодействам разбойника Кортъ-Айки, (от имени которого получило свое название селение Корт-керос) долгое время наводившего ужас на жителей.

Святая жизнь и апостольские труды Стефана, а также и образование, которым он превосходил, других епископов, высоко поставили его в глазах современников и привлекли к нему от всех такое уважение, что и великие князья относились к нему с особенною благосклонностью и митрополит не предпринимал ничего важного без совета с ним, постоянно вызывая его в Москву на церковные соборы, не смотря на отдаленность его епархии. Так в 1390 году он был в Москве и Твери по делу тверского епископа, в 1396 году митрополит Киприан снова приглашал его к себе для церковных дел. По годам своим Стефан еще не был старцем «залетным»⁷¹, имея только около 50 годов от роду, но его келейные подвиги и особенно долговременные проповеднические труды, дальние и изнурительные странствования, непрестанные заботы и душевные огорчения до того расстроили и изнурили его здоровье, что он казался гораздо старше, чем был, и сам уже предчувствовал близость своей кончины. Когда он получил приглашение митрополита, Господь открыл ему, что его путешествие в Москву будет уже последним и что он не увидит более своей Перми. Тяжело было его отеческому сердцу навсегда расстаться с своими детьми, не повидавшись с ними еще раз и не преподавши им своего послднего наставления и благословения, а путешествовать самому по их селениям уже не было времени. По этому собираясь в путь, он созвал в Устьвым большую половину своей паствы и долго беседовал, поучая народ от божественных писаний, наказывая свято соблюдать христианскую веру и повиноваться пастырям церкви. Он объявил своим слушателям, что беседует с ними уже в

последний раз и что они не увидят его больше. Как прежде в Котласе, впервые вступая в пермскую землю, он начал дело проповеди усердною коленопреклоненною молитвою, так и ныне заключил свою проповедническую деятельность также молитвою: преклонив колена, он вслух всего народа поручал его хранению Промысла Божия и заступлению Пресвятой Девы Марии. Увещевая других не печалиться о разлуке с ним, он сам не мог удержаться от слез; за ним зарыдала и вся его паства. Эта трогательная сцена живо напоминала прощание апостола Павла с ефесскими пастырями, тем более, что апостол Перми имел много общего в своей деятельности с апостолом Павлом, подобно ему стараясь всем быть вся. Чувствовали и понимали зыряне, кого лишались в св. Стефане, как много теряли без него во всех отношениях и не находили слов для выражения его заслуг. Их жалобные стоны и плач заглушали слова Святителя. Взглянув в последний раз на кафедральный собор и архангельский монастырь, где провел 13 лет и троекратно благословив предстоявших, св. Стефан, чтобы не надирать более своего сердца, поспешил оставить владычный город. Тысячи народа бежали провожать его, оглашая воздух плачем и рыданиями и причитая по нем как по умершем; скоро быстрые кони унесли его из виду народа, а народ долго еще стоял и плакал, глядя в ту сторону, куда поехал святитель. «То перво остахом добра промысленника и ходатая, иже в Богу молишеся о спасении душ наших, а к князю о жалобе нашей и о льготе и пользе нашей; к болярю же, к началу – властелем мира сего был наш заступник тепл, многажды избавляя ны от насилий и работы и тивунские продажи и тяжкие дани облегчая ны. Но и сами тии новгородци – ушкуйницы разбойницы, словесы его увещевахуся, еже не воевати ны, уливаясь слезами говорили зыряне.

Душевные потрясения и продолжительный путь, сопряженный, по тогдашнему времени, со многими неудобствами, ускорили кончину блаженного пастыря, уже ослабевшего телесными силами. Прибыв в Москву, св. Стефан скоро заболел легким недугом и, после немногих дней болезни, почувствовал, что уже приближается его кончина. Все спешили

посетить болящего: иноки и бояре, митрополит и сам в. князь, и всех с радушием принимал блаженный, перемогая себя и стараясь скрыть свое изнеможение. Пред самую кончину призвав всех своих спутников, долго беседовал с ними, напоминая им труды свои убеждал пребывать твердыми в вере, завещал им отвезти обратно в Устьвым святительские его ризы, книги и домашние одежды, как последний памятник и залог любви его к своей пастве. Потом приобщившись св. таин, велел одному из пресвитеров окадить фимиамом келью, а другому читать канон на исход души. Как пловец, достигший тихой пристани, как делатель, кончившей трудную работу – святитель спокойно и весело взирал на предстоящих, тихо молясь Богу, и когда молитва была еще на устах, праведная душа его не заметно оставила многотрудное тело. Св. Стефан преставился в праздник Преполовления пятидесятницы, вечером 26 Апреля 1396 года. Великий князь, митрополит с собравшимися на собор епископами, бояре, духовные и великое множество народа собрались на погребение святителя; все старались воздать последний долг апостолу Перми и целовать честное и многотрудное тело его. По повелению благочестивого государя тело св. Стефана предано было земле на царском дворе, в монастыре у Спаса за стеною, что ныне Спас на бору, в соборной церкви у левой стены, где и доныне мощи его покоятся под спудом. При раке святителя в Спасском соборе долго сохранялся его апостольский посох, впоследствии обложенный костью с вырезанными на ней изображениями подвигов Стефана и с надписью: «се есть деяние епископа Стефана пермского»; но в 1612 году, во время заняли столицы поляками, гетман Ходкевич взял его из собора и отдал Супрасльскому монастырю литовской епархии. В 1849 году по повелению Св. Синода посох первого пермского епископа передан в пермский кафедральный собор.

Ныне трудно с точностью означит пределы обширной епархии св. Стефана, заключавшейся в четырех величайших уездах Европейской России: сольвычегодском, яренском, устьсыольском вологодской губернии и отчасти в мезенском – архангельской губернии. Епифаний, не бывший сам на месте

подвигов Стефана, говорит только, что он строил церкви и монастыри заводил и в чернцы постригал и игуменов ставил, не определяя, до каких именно мест простиралась его проповедь. Мы не знаем всех местностей, в которых построены были Стефаном церкви, но и по одним монастырям можно хотя приблизительно судить, как обширна была его епархия. Начавши проповедь с Котласа при устье Вычегды, он простер ее до Усть-выма, сделав его средоточием своей деятельности. Идя по той же реке на восток, встречаем на верховьях ее пустынь Спасскую Ульяновскую, в 165 верстах от Устьсысольска, построенную им для просвещения окрестных жителей в верховьях Вычегды, а другую Стефановскую, во имя ангела его архидиакона Стефана, в 50 верстах к югу от Устьсысольска, где ныне село Вотча. Последняя основана была с тою целью, чтобы иноки ее могли действовать на зырян, живших на реках Сысоле и Лузе. В ней еще в прошлом столетии некоторые церковные стихи пели на зырянском языке. К западу от Устьвыма на том месте, где ныне находится яренская градская покровская церковь, Стефаном основан был монастырь Архангельский, а далее в 28 верстах от Яренска на левом берегу Вычегды – Цилибинский, чтобы они могли служить перепутьем для иноков, приходивших из России, и действовать на северозападных зырян. Таким образом от Устьвыма, постоянного местопребывания Стефанова, епархия его простиралась во все стороны на несколько сот верси по течению рек (500 и более. Муравьев в житии св. Стефана).

Забываясь о просвещении и благе зырян при своей жизни, св. Стефан не переставал. благодетельствовать им и по смерти, и нашедши покой трудолюбивому телу своему в Москве, духом он назирал свою паству, являясь иногда даже очевидно. Одно из таких посмертных явлений святителя записано было современниками и дошло до нас. Вот оно. На Вишере, населенной усердными почитателями Пама, упорными и закоренелыми идолопоклонниками, куда удалились многие волхвы и туны от проповеди Стефановой, христианство при жизни святителя не имело больших успехов и несмотря на все труды святителя, не многие только крестились. У них не было

даже церкви, и новокрещенные собирались молиться в одну небольшую часовню. В том же году, когда скончался святитель, однажды вишерцы после утренней молитвы в часовне, увидели лодку, плывущую против течения реки Вишеры. В лодке не было седока, но на противоположном от селения берегу стоял седовласый старец и грозно приказывал народу чувствовать драгоценное сокровище, которое Бог посылает земле вишерской. Когда лодка приплыла к берегу, старца стало невидно. Изумленные вишерцы с трепетом подошли к лодке и увидели в ней икону Богоматери чудного письма, пред которой еще теплилась свеча. Недоумение и страх сменились радостью, вишерцы с благоговением перенесли св. икону в свою часовню и вскоре после нее построили церковь в честь Богоматери, от иконы которой совершались многие чудеса, привлекая к христианству весь полунощный край. В старце, приказывавшем принять икону, народная любовь узнала своего святителя Стефана⁷².

Уважаемый современниками как ревностный распространитель христианской веры между язычниками, блаженный Стефан вскоре причтен был церковью к лику святых. Служба ему написана сербом Пахомием по повелению владыки Филофея, бывшего пермским епископом с 1472 по 1501 год.

По преданию святитель Стефан был не только проповедником веры, но и иконописцем. В 17 верстах от Яренска в церкви села Иртовского есть чудотворный образ нерукотворенного Спаса, написанный в большем размере в древнем византийском стиле самим Стефаном. Церковь Вожемская в 30 верстах от Яренска вниз по Вычегде славилась двумя древними иконами св. Троицы и сошествия св. Духа с зырянскими на них надписями, которые также едва ли не были написаны св. Стефаном. Икону св. Троицы из Вожемской церкви трижды уносили на противоположный берег в свою приходскую Цилибинскую (бывшую прежде монастырскую) именитые люди Осколковы⁷³, но св. икона невидимо опять являлась на Вожеме. Епископ Арсений перенес икону в Вологодский кафедральный собор. – Доныне также сохранился на Виньдеге деревянный крест, сделанный Стефаном и поставленный им в построенной

ударцами часовне. В продолжение 4 веков то огонь, то время истребили несколько часовень, но к кресту не прикоснулась разрушительная сила тления, хотя подписи, вырезанной на нем святителем, в настоящее время уже нельзя разобрать, так как буквы во многих местах сгладились и неизвестно – на русском или на зырянском языке сделана была надпись.

Из вещей, принадлежавших святителю Стефану, кроме его посоха, сохранились еще: святцы на дереве (в русском археографическом обществе), икона святителя Николая чудотворца (в чердынском соборе)⁷⁴, и полотняный саккос Стефана (в сольвычегодской благовещенской церкви)⁷⁵. Но если эта вещь и действительно принадлежала Стефану, то должно быть это была или архиерейская фелонь или стихарь, а не саккос, так как в то время епископы еще не имели права носить саккос⁷⁶.

Век XV Преподобные: Дионисий Глушицкий и ученики его: Амфилохий, Макарий, Тарасий и Феодосий, пр. Пахомий, иже на озере, Филипп Рабангский, Сергей Нуромский, Павел Обнорский, Александр Куштский, Григорий Пельшемский, Иоасаф Каменский, Герасим, Питирим и Иона епископы Великопермские, препод. Димитрий Цылибинский, праведный Иоанн Устюжский, преподобные Евфимий и Харитон Сямженские, Авраамий и Коприй Печенские, Авксентий и Онуфрий Перцевские, праведный Кирилл Вельский.

Преподобный Дионисий Глушицкий и его ученики

«Не из Иерусалима и не от Синая воссиял нам сей великий светильник, но из родной страны и в наши времена явился; и чтобы не подвергнуться мне осуждению раба, скрывшего талант свой в землю, осмелился я написать о нем то, что слышал от блаженных Амфилохия, Макария и Михаила, живших при св. Дионисии, чтобы не пришла в забвение память угодника Божия. Сам я видел чудеса, совершающиеся при его гробе и, приступая к описанию его жизни, уповаю на его молитвы и помощь в этом душеполезном деле. Много трудился я о том, чтобы узнать подробно о месте рождения и воспитания великого подвижника, но в памяти учеников остались одни только пустынные подвиги его, которых сами они были свидетелями». Так начинается житие пр. Дионисий списатель его ннок Иринарх, заставший еще в живых ближайших учеников преподобного. Труды Иринарха собрать сведения о детстве и отрочестве пр. Дионисия не имели успеха, оттого мы и не можем сказать об этом ничего. Известно лишь одно то, что пр. Дионисий родился близ Вологды в первых числах декабря 1362 г., во св. крещении назван был Димитрием и в молодых годах пострижен был в монашество в Каменном монастыре игуменом Дионисием Святогорцем⁷⁷. Спасо-каменские игумены Григорий и Дионисий, бывшие один после другого архиепископами ростовскими, своими иноческими подвигами, введением строгого порядка и мудрым управлением столько возвысили и прославили этот древний, но мало-известный и бедный монастырь, что для их современников он стал тем же, чем была в последствии ливра Сергиева. Для желавших посвятить себя жизни и подвигам иноческим, трудно было найти другое более удобное место и руководителя более опытного и попечительного, нежели каков был блаженный Святогорец. В таком месте и при таком наставнике привелось пр. Дионисию полагать начало своим иноческим подвигам. Девять лет провел он на Каменном в различных монастырских послушаниях, совершенно отрекшись от своей воли и всецело предав себя воле старца-руководителя. Изнуряя плоть

постоянными трудами и постом, а дух укрепляя молитвою и борьбою с помыслами, он начал, наконец, тяготиться своею известностью в многолюдной обители, тем почетом и уважением, которые стали ему оказывать за его смирение и трудолюбие; ревнуя в то же время о высшем духовном совершенстве, он стал советоваться с иноком Пахомием-единоправным своим другом и сподвижником, как бы им достигнуть жизни совершенно безмолвной и уединенной и всецело посвятить себя на служение Господу. Долго боролись друзья с своим новым помыслом, опасаясь подпасть искушению, много пролили горячих слез и молитв, но будучи не в силах преодолеть его, решились открыться игумену, прося его совета и рассуждения. Блаженный Дионисий, уверенный в чистоте и святости их намерения и провидя в них избранников Божиих, хотя не скрыл от них тех искушений и опасностей, которым подвергаются иноки в уединении, но не стал и препятствовать исполнению их желания: преподавши им наставления, он с молитвою и благословением отпустил их из обители.

Как птенцы, когда возрастут и оперятся, оставляют родные гнезда и улетают, чтобы найти и устроить себе новые, собственные гнезда и самим приобретать себе пищу, так два друга, приобретши в монастыре, под руководством мудрого наставника, довольную опытность в духовной жизни, пошли искать себе удобного для спасения места⁷⁸. Обходя восточную сторону Кубенского озера, они достигли до «святой луки», того места, где вытекала из него река Сухона и где находился запустевший в то время монастырь⁷⁹.

Понравилось странникам это, действительно прекрасное и удобное, место и они решились поселиться на нем и возобновить древнюю обитель. Сперва они поставили себе хижину для жилья, а потом приступили к построению небольшой церкви во имя святителя Николая. Так как храм требовался для них не больших размеров, а материал для него – лес был очень близко, притом же пустынники не заботились много об излишнем украшении и великолепии, довольствуясь только самым необходимым, то при единодушном старании и

усиленных трудах он скоро и был ими устроен. Много способствовало этому и то, что пр. Дионисий сам мог написать для храма св.иконы. Но этим не кончились труды и заботы друзей подвижников: нужно было еще освятить храм приискать священника для совершения в нем священнослужения, так как оба они были только простые иноки. На святой луке уже был монастырь, но запустел по совершенному неимению средств к содержанию братии, но и теперь средства были те же и не легко было найти священника, который бы согласился священнодействовать в их пустынном храме и разделять с ними их труды и лишения. Однако пр. Дионисий, полный надежды на Бога, не пал духом и, посоветовавшись с своим сподвижником, пошел в Ростов к архиепископу Григорию просить благословения на возобновление монастыря и освящение церкви. Архиепископ Григорий, бывший постриженник и игумен Каменский, с любовью принял выходца из Каменного монастыря, вполне одобрил его намерение и не только дал ему все просимое, но и самого просителя возвел в священный сан. Таким образом на святой луке снова начала устроиться обитель иноческая. Это было около 1396 года⁸⁰. Душевно рад был Пахомий, что друг и сподвижник его удостоен священного сана и что отныне они в своей уединенной пустыньке не будут лишены церковной службы; с великим благоговением и страхом он стал служить пр. Дионисию при совершении им божественной литургии и других священнослужений. Сам пр. Дионисий, принявши на себя священный сан, предался еще большим подвигам поста и молитвы, «хлеба причащаяся единою днем и воду по оскуду пия»; не только тогда, когда совершал богослужение, он уносился душою на небо, пламенея любовью к Богу, но и в остальное время стал жить как бесплотный, забывая требования и нужды телесные. Такая строгая, подвижническая жизнь не могла долго оставаться тайною и не обратить на себя внимания людей. Быстро стала распространяться в окрестности молва о новом монастыре и о святой жизни его строителя. Стали приходить к ним окрестные жители то для богомолья в их пустынном храме, то для душеполезных советов и наставлений; пришел один брат и для

постоянного сожительства с ними. Блаженный Пахомий радовался прославлению святого места, но не так смотрел на это пр. Дионисий. Он для того и вышел из Каменного монастыря, что желал работать Богу в совершенном безмолвии и уединении, поэтому ему тяжело было слышать похвалы себе, всеобщую молву и быть предметом почтения и уважения для проходящих, что он вменял себе в стыд и грех. Мысль о пустыне пробудилась в нем с новою силою и не оставляла его ни на минуту. Еще не выходя из своего монастыря, пр. Дионисий стал жить как пустынный, дни и ночи проводил в молитве и коленопреклонениях и вел жизнь столь строгую и суровую, что сподвижник его Пахомий стал наконец тяготиться ею⁸¹. Заметив это, пр. Дионисий сказал Пахомию: «брат! я слышал, что на восточной стороне Кубенского озера, верстах в 15 отсюда на реке Глушице есть пустынное место; там я желал бы уединиться и пребывать в совершенном безмолвии, а если угодно будет Богу, то и составить общежительный монастырь. Оставайся ты здесь, брат Пахомий, пусть останется с тобою и недавно пришедший к нам брат и да будет вам Бог помощник, прибежище и сила на врагов». Пахомий не стал прекословить желанию пр. Дионисия, сотворив общую молитву и целовав друг друга, они с миром расстались до той радостной встречи, когда уже не нужно будет разлучаться и бежать в пустыню. Пахомий остался на святой луке при храме св. Николая, а Дионисий пошел искать сказанного ему пустынного места. Ночь застигла его на пути и когда он, после продолжительной, пламенной молитвы, лег отдохнуть и стал засыпать, то в легком забвении сна вдруг услышал, что в пустыне на реке Глушице кто-то как бы звонил в колокол. Приняв это за указание свыше, он тотчас же встал и начал молиться Богу, чтобы Он сподобил его достигнуть того святого места, на котором ему предназначено проводить жизнь. Дождавшись утра, пр. Дионисий устремляется далее, в ту сторону пустыни, откуда слышал звон, скоро достигает реки Глушицы и останавливается на возвышенном и крутом ее берегу. Долго смотрел он на раскрывшуюся перед ним пустынную картину природы: пред ним извилисто протекала Глушица, на зеркальной поверхности которой отражались лучи

восходящего солнца, лиственные деревья и кустарники окаймляли берега, на небольших луговых мысах, образуемых течением реки, зеленела высокая трава и пестрели цветы, наполнявшие воздух своим ароматом, – далее во все стороны чернел дремучий лес, простиравшийся на несколько десятков верст, нигде не видно было следов человека, ни откуда не слышно было человеческого голоса, повсюду царствовало совершенное безмолвие. Пр. Дионисию понравилось это место, он водружает деревянный крест, который принес с собою, падает пред ним на колена и изливает душу в пламенной молитве, прося у Бога благословения на построение тут храма в честь Покрова Божией Матери и общежительного монастыря. «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, упованис всех концов земли, взывал он со слезами. Призри с небесе и благослови место сие и меня, недостойного раба твоего, удостой соорудить здесь храм в честь Покрова пречистой Твоея Матери и составить общий монастырь; но однако не так, как я хочу, а как Тебе это угодно будет, ибо несовершен наш разум, а Тебе возможно все и Сам Ты, Господь, наставь меня. И ты, о всемилостивая Владычице моя Богородице, Матерь Христа Бога, услыши теплое моление грешного раба Твоего, прибегающего к Твоему покрову и требующего Твоей помощи, ибо на Тебя уповает душа моя. Сохрани меня от уст пагубного змия, алчущего поглотить меня, сохрани и тех, которые пожелают на этом месте работать Богу и воссылать к Нему молитвы о благоверных князьях и о всех христианах, ибо их спасение и утверждение доставить нам покой и безопасность и мы тихое и безмолвное житие проходить будем во всякой истине и с благою верою, ибо Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти».

Востав от молитвы преподобный обошел избранное им место, начал расчищать его и заблаговременно распределять где чему быть, в начаток же строения поставил себе малую келейцу и по-прежнему стал подвизаться в ней в непрестанном труде, бдении и слезах. Малая его келейца была прислонена к черемухе, которая долго потом существовала и сохранялась в монастыре на память о преподобном. Один раз человек,

одержимый зубною болезнью, тотчас же получил исцеление, как скоро съел с нее несколько ягод; узнавши о том, многие с верою вкушали черемуховые ягоды и получали исцеление от своих болезней. Крепкий душою подвижник, поселившись под сенью дерева, как бы под защитою какой твердыни, хотя и подвергся бесовским искушениям и много претерпел от них напастей и бед, но все превозмог и победил молитвою Иисусовой и знаменiem креста. Невозможно исчислить и описать всех его молитвенных подвигов и подвижнических трудов: поста, бдения, коленопреклонений, сердечных воздыханий и слез, его забот и трудов, которые он предпринимал для устройства будущей обители, делая все своими руками и будучи еще один в пустыне. Минуты не проводил он без труда, но когда и трудился, не оставлял молитвы и тогда только принимался за пищу, когда уже совершенно терял силы от истощания. Спустя невольное времени пришел к нему один старец; как ангелу Божию обрадовался ему преподобный и просил его остаться с ним в пустыне, на что тот, видя его подвиги, охотно согласился, потом, мало по-малу стали приходить и еще когда два, когда три инок и селиться около его кельи. Когда собралось около Дионисия достаточно иноков, тогда преподобный сказал им: «возлагая надежду на Бога думаю, что если будет угодно Ему и пречистой Его Матери, то может здесь быть и настоящее общежитие: хочется мне, братия, устроить на этом месте монастырь». Братия отвечали: «воля Господня да будет, честный отче». Это было в 6908 (1400) году. Заручившись таким образом согласиём братии, пр. Дионисий послал одного из них на Устье, к удельному князю Димитрию Васильевичу Заозерскому, владевшему окрестностями Кубенского озера, просить дозволения и помощи на устройство обители «Христоролюбивый князь, велел он сказать посланному, просит тебя грешный Дионисий, пошли к нему древоделей для сооружения обители на реке Глушице». Благодетельный князь обрадовался тому, что близ его владений Бог хочет воздвигнуть иноческую обитель, и отвечал посланному, что все будет исполнено по желанию честного старца и ни в чем не будет

отказу и препятствия на такое святое дело. Князь немедленно послал рабочих, которые очистили место для строения монастыря, вырубили и сожгли на нем лесную чащу. Видя близкое исполнение своего желания, преподобный сказал братии: «приспело время, помолимся Господу Богу и пречистой Его Матери и начнем дело». «Благословен Бог, творящий все по своей святой воле», радостно отвечали братия и после общей, усердной молитвы начали каждый сооружать себе кельи по указанию пр. Дионисия. По устройении келий надобно было испросить архипастырское благословение на построение церкви и монастыря, и в 1402 году пр. Дионисий во второй раз отправился в Ростов к архиепископу Григорию. Владыка с любовью принял старца и одобрил его намерение, но преподавая свое благословение на устройство храма и обители, потребовал, чтобы в ней учреждено было общежитие. «Советую тебе составить общежитие, говорил святитель, чтобы никому ничего не называть своим, а все иметь общим, как жили при апостолах. Тебе же, сын мой, как облеченному в сан духовный, подобает, по слову апостольскому, немощи немощных носить и не себе угождати, по искренним твоим и подавать собою пример другим. С радостными слезами внимал пр. Дионисий словам владыки, обещаясь всегда в точности последовать им, так как он и сам желал того же и строгое общежитие считал лучшим образцом иноческой жизни, особенно необходимым для молодых и новоначальных. Архиепископ Григорий, преподавши преподобному духовное наставление, снабдил его всем необходимым для освящения церкви и устройства обители и отпустил с благословением и молитвою. Возвратившись из Ростова, пр. Дионисий при помощи плотников, присланных ему князем Димитрием Васильевичем, приступил к постройкам; сперва соорудил небольшую церковь во имя Покрова Богоматери, потом трапезу и все, что нужно было для общежития, строго заповедав, чтобы никто ничего не называл своим. Сам он во всем подавал пример другим, прилагая труды к трудам, отгоняя сонную тягость рукоделием и занимаясь то плотничеством, то шитьем одежд, то кузнечным ремеслом или писанием святых икон. Каждый раз пред сном преподобный

подолгу читал душеполезные книги и упражнялся в молитве, да и вся жизнь его была, можно сказать, одною непрерывною молитвою, выражавшеюся во всем, что он ни делал. Просвещаясь смирением и кротостью, он цвел братолюбием и стяжал нищелюбие, с радушием и любовью принимая всех странных. Он назначал послушания братиям по церкви и по монастырским работам и сам строго надзирал потом за соблюдением порядка. Вскоре присная дружина его возрасла до 15 братий. Многие, слыша о его ангельской жизни, приходили в обитель, чтобы насладиться его лицезрением и душеполезными беседами, часто посетители приносили с собою и обильные подаяния, который преподобный не стеснясь принимал с благодарностью, думая, что, если бы не было на то воли Божией, то не только никто не стал бы ничего приносить и жертвовать на строение монастыря, но и не пришел бы к ним на Глушицу, в глухую пустыню не по названию только, но и на самом деле.

По мере внешнего устройства обители и утверждения в ней строгого общежительного устава, распространялась и слава о ней в окрестности, возрастало и умножалось число братии, так что по прошествии немногих лет, братья не могла уже помещаться в церкви во время богослужения и явилась потребность в построении другой, более обширной церкви. Когда братия стали просить о том преподобного, то он, никогда ничего не делавший по своей воле и на все ожидавший явного или тайного указания Промысла, сказал им: «братия, будем просить об этом Бога и пречистую Его Матерь, и как Богу угодно, так и будет». Бог действительно не оставил его без указания свыше. Однажды ночью, когда пр. Дионисий, после продолжительной и пламенной молитвы, прилег отдохнуть и предался дремоте, ему явился во сне прекрасный юноша и сказал: «подобает тебе построить церковь более просторную, потому что у тебя много братии; заступницею и помощницею будешь ты иметь в том пречистую Богородицу отныне и до века». Воспрянув от сна, преподобный всю ночь воссылал к Богу благодарственные молитвы за указание свыше и после церковной службы, объявив братии о своем сновидении, сказал:

«должно исполнить повеленное, призывая на помощь Бога и Пречистую, ибо она будет помогать нам». Тогда, в 1412г., чрез семь лет после построения первой церкви, приступили к сооружению нового храма, так же во имя Покрова Богородицы; при неусыпных трудах преподобного и при пособии многочисленных его почитателей храм скоро был окончен и освящен. Преподобный сам написал для него святые иконы, из которых в некоторые существуют и донныне; он не жалел ни трудов, ни издержек, чтобы придать ему великолепие и красоту, подобающие дому Божию. Но как ни велики были его труды и заботы о построении и украшении храма вещественного, он еще боле заботился о том, чтобы самого себя и учеников своих сделать живыми, разумными храмами Богу, вселив в их сердца святого Духа. Это было единственною и главною целью всей его жизни и деятельности, для того и новый храм он украсил «иконами чуднее» и поучительными «словесы святых отец», чтобы молящихся, смотря на угодников, всегда имели их в памяти, часто и сам поучал братию, собственной жизнью представляя живой пример для подражания. «Дети, говорил он им, не смущайтесь трудами пустыни и не изнемогайте в подвигах иноческих, многими скорбями надобно достигать царствия небесного; для нас эти скорби – пост и лишения всякого рода. Молитва наша должна быть от чистого сердца и смиреннее со всем. О милостыне будем помнить слова Спасителя: блажени милостивые. Стяжем любовь ко всем, и Бог помилует нас, ибо тот только истинно любить Бога, кто любить и брата своего». Распределив послушания между братиею и введши строгий общежительный устав в своей обители еще при самом ее устройении и освящении первой церкви, он ни себе, ни другим не позволял никогда ни малейшего от него отступления, строго требовал, чтобы у инока не было никакой собственности и чтобы никто ничего не смел делать без благословения настоятеля или старца, нарушителей не оставлял без наказания; не смотря на это в среде братии не было недовольных им, все любили его как отца, уважали и почитали как ангела Божия, и число братии увеличивалось с каждым годом.

Ближайшие ученики пр. Дионисия очевидцы его подвигов передали писателю его жития иноку Иринарху несколько случаев, свидетельствующих о том, с какою точностью, а иногда даже и строгостью, преподобный требовал исполнения монастырского устава и вместе с тем каким истинно христианским милосердием, кротостью и смирением проникнуты были все его действия. Один инок, вопреки монастырскому уставу, запрещавшему иметь какую-либо собственность, утаил и держал у себя в келье 10 погаты⁸², которые нашлись у него при его погребении. По примеру древних пустынных отцов Дионисий велел выбросить из монастыря деньги с телом ослушника в обличение ему. Испуганные этим распоряжением братия пали к ногам старца и просили помилования умершему. «Чада мои, ослушание наносит смерть, сказал им Дионисий, и только после усиленной просьбы разрешил виновного, таким позором он хотел уничтожить в братии ослушание и душе самого ослушника сделать некое облегчение. Деньги же велел выбросить из монастыря с тем, чтобы никто не смел и прикоснуться к ним. – Другой инок, во время отсутствия преподобного в Сосновец, без благословения настоятеля отправился на реку ловить рыбу и наловил много. Думая получить похвалу, он сам рассказал о том преподобному по возвращении его из пустыни, но старец приказал выбросить из монастыря всю рыбу, как плод преслушания и снедь смертную, а самого ловца подверг епитимии, сказав ему, что Бог хочет послушания, а не жертвы и что только сеющий о благословении – благословение и пожнет. По просьбе братии он разрешил и этого виновного, – Два вора украли семь монастырских лошадей. Инок – эконо́м с великим горем пришел сказать о том игумену и думал, что и он так же отнесется к этому неприятному случаю, но старец улыбнулся и сказал: «не все ли мы странники и пришельцы на земле? еще немного и изыдем отселе, невзявши с собою ничего, туда, где наше вечное жительство. Так не будем же много заботиться о земном и попечемся лучше о том, как нам дать ответ о своих делах в день судный. И ты, брат мой, не унывай и не печалься о покраденном, а уповай на Бога, помощника и заступника нашего от врагов видимых и невидимых. Нам велено молиться за

обидящих нас. «Если бы я нашел воров, то и еще что-нибудь прибавил бы им из имения нашего и с любовью искренно позаботился бы о них». Воры в первом же месте, где остановились, едва не сгорели сами и лишились в пожаре лошадей. – В другое время некоторые из братии хотели предостеречь пр. Дионисия от излишней щедрости к нищим, которые почти постоянно наполняли монастырь и своею назойливостью и попрошайством надоедали братии. Для этого они послали к нему юношу, одетого нищей странницей, которая со слезами молила преподобного выкупить ее с детьми из неволи ценою ста сребреников. Дионисий, открывши окно своей кельи, выдал деньги мнимой страннице. Когда после того блаженный старец пришел в церковь к вечерне, братия принесли ему обратно деньги и, рассказав как было дело, осуждали его за безрассудную раздачу монастырской казны, представили ему и мнимую странницу-юношу. Но преподобный обличил их самих и, отдавши опять деньги юноше, сказал ученикам: «если вы отнимете у него деньги, то преступите две заповеди: одну, показав себя нетерпеливыми в нищете, другую же, преслушав Бога, запрещающего требовать обратно то, что дано было любовью. Господь велит делать добро сколько есть сил, так перестаньте же искушать меня, побуждая к немилосердию». Братия, почувствовав вину свою, пали к ногам его и просили прощения. Случился голод в вологодской стране, народ толпами устремился к Глушицкой обители, и преподобный щедрою рукою раздавал хлеб всем голодным. Когда эконоом пришел доложить ему, что огромные монастырские запасы уже истощаются и осталось их мало, преподобный сказал ему: «верен сказавший не пекитесь о завтрашнем дне, что едим или что пьем или во что оденемся, ибо знает Отец небесный, что требуете всех сих, – а ищите прежде царствия небесного и все сие приложится вам». И действительно, по вере и молитвам преподобного, жито в обители его не истощалось. – Противны были такие дела и подвиги преподобного врагу человеческого спасения диаволу, который, не имея сил удалить его из пустыни различными искушениями и страхованиями, не устыдился явно излить свою злобу на пустынника, и Господь

попустил врагу на время оскорбить старца, чтобы показать его непоколебимое мужество и даровать ему за то большую награду. Один раз, когда пр. Дионисий намеревался идти в церковь к божественной литургии, он увидел целый полк демонов, которые, скрежеща зубами, с яростью напали на него и стали наносить ему удары, требуя, чтобы он оставил монастырь, в противном же случае угрожая ему смертью. Избивши до полусмерти и наругавшись над ним, враги подняли несколько досок из полу кельи и положили его туда, совершенно изнемогшего от ударов. Так как пр. Дионисий никогда не пропускал ни одной церковной службы и имел обыкновение приходить к ней первым, то все братия очень удивились, не видя его за обедней, пошли к нему в келью и увидали его лежащим под половыми досками. Братия выняли его из-под полу и стали спрашивать о случившемся. «Видите, братия, дерзость врага и слабость сил его, отвечал им старец, не будем же бояться его, ибо Господь наш помощник!»

Уже самая многочисленность монастырской братии, требовавшей постоянных распоряжений и забот настоятеля, особенно же частой прилив посетителей и богомольцев нарушали безмолвие старца, желавшего всецело посвятить себя молитвенному собеседованию с Богом, поэтому он однажды тайно вышел из монастыря и устремился в любезную ему пустыню на полуденную сторону, где была непроходимая дебрь и болото. Здесь на берегу той же реки Глушицы, версты за четыре от монастыря, ему понравилось одно возвышенное и сухое место, называвшееся сосновцем⁸³. Устроив себе под огромною сосною малую хижину, он начал тут подвизаться в посте и молитве, в совершенном безмолвии и уединении, не забывая впрочем и Покровской обители, где вся братия скорбела и плакала об его удалении. Долго они не знали места его новых подвигов, так как оно было окружено болотом и почти неприступно, да и преподобный старался скрывать его, приходя в монастырь и уходя из него тайно; когда же открыли его, то все пришли к нему и стали со слезами просить старца, чтобы он возвратился к ним. Напрасно преподобный указывал на свою старость и немощи, на желание остаток дней своих посвятить

всецело Богу в уединении и безмолвии: братия не переставала просить и плакать, и не мог отказать им чадолюбивый отец, тронутый их слезами. «Хочу, сказал он, на этом месте построить церковь для того, чтобы хотя временно уединяться при ней и чтобы тут положено было мое грешное тело». Вследствие этого, по возвращении своем в Покровский монастырь, он в 1419 году еще раз отправился в Ростов уже к новому архиепископу Дионисию, бывшему Спасокаменскому игумену, чтобы испросить у него благословение на построение и освящение храма в пустыне. Владыка Дионисий рад был случаю видеть своего постриженника и ученика, уже прославившегося устройением обителей и иноческими подвигами; принял его с отеческою любовью и после довольных духовных собеседований с ним не только исполнил все, о чем просил преподобный, но как бы предчувствуя, что видится с ним уже в последний раз, отпуская благословил его иконою Божией Матери, которая и после кончины преподобного долго сохранялась в его обители, как памятник любви учителя к ученику. По прибытии из Ростова преподобный немедленно приступил к построению церкви и келий в Сосновце для нескольких братьев, которые пожелали бы с ним оставаться. Услышав об этом, удельный князь Юрий Богтюзский⁸⁴, живший неподалеку от Покровского монастыря, пригласил к себе пр. Дионисия и сказал ему: «слышал я, отче, что ты строишь монастыри в пустыне, проси у меня, что тебе нужно, и я дам тебе, чтобы ты молился за вас». Преподобный отвечал: «христоролюбивый князь, мы обязаны молиться за вас, но злата и серебра не требуем, ибо так заповедал Господь наш своим ученикам». Тронутый такою нестяжательностью и смирением пр. Дионисия князь просил, чтобы он хотя что-нибудь принял от него и не лишил его своего благословения. При виде такой любви и усердия старец не стал более отрицаться и сказал набожному князю: «пусть будет так, как угодно твоему державству». С этого времени князь Юрий стал считать пр. Дионисия своим учителем, часто посещал его и не только сам ничего не жалел для пользы и устройства монастыря, но заповедал и детям своим всегда благодетельствовать ему. Три

дарственные грамоты доныне служат памятником усердия к монастырю князя Юрия и сына его Симеона. В 1420 году пр. Дионисий освятил церковь в Сосновце во имя ангела пустыни Предтечи и с несколькими избранными учениками перешел сюда на постоянное жительство, по временам только посещая Покровский монастырь, который с того времени стал называться лаврою или болльшим монастырем в отличие от малого Сосновецкого. Здесь пр. Дионисий ввел свой строгий общежительный устав и заповедавал, чтобы Сосновец навсегда оставался под управлением настоятеля Покровского монастыря и от него получал все необходимое. Таким образом пр. Дионисий подвергся сугубому труду: принял на себя заботу о двух монастырях вместо одного, ни днем ни ночью не давая себе покою и заботясь о материальном и духовном благе обоих⁸⁵. Он еще более стал подвизаться, еще жесточе смирял плоть свою постом и молитвою, часто все ночи проводил без сна и только однажды в день вкушал пищу-немного сухого хлеба с солью и водою, непрестанно думая о том, как предстать ему пред лице Божие в день судный.

По мере того, как пр. Дионисий достигал высоты нравственного совершенства, не дремал и враг рода человеческого диавол, как бы опасаясь, чтобы по слову старца вся пустыня не наполнилась подвижниками, и готовил преподобному новые заботы и искушения. В одну ночь присный ученик преподобного Макария, вошедши к нему в келью, нашел его лежащим на полу и покрытым ранами. «Отче, что значат эти раны? кто так жестоко избил тебя?» с изумлением спросил он старца. «Если мы и этого стерпеть не можем, то как возможем стерпеть вечные муки? спокойно отвечал, тот, как бы ничего не пострадавши. Хотя с этого времени ему дана была от Бога такая власть на духов нечистых, что уже ни один из них не смел прикасаться к нему, но это не было еще для него концем искушений. – Спустя два года по устроении новой обители, пришел туда другой пустынный житель, по имени Павел, и, поставив себе малую келью версты на две от Сосновца, хотел соорудить и церковь. Можно было предвидеть, что построение новой обители в таком близком расстоянии не будет полезно

монастырям Дионисия и лишит пустыню тишины и безмолвия, что старцу было всего дороже. Действительно, он весьма огорчился, узнав о намерении пустытника, и послал к нему одного из сосновецких братий с такими словами: «молит тебя содружебник твой грешный Дионисий именем Христа Бога: печальна душа моя, духовный отче, что ты хочешь создать монастырь близ нашей пустыни уже существующей. Не подобает сего делать, но подобает тебе единому жить на месте сем, если питаешь духовную любовь к нашей нищете. Помяни меня в твоих молитвах, духовный отче». До слез тронули пустытника такие откровенные и смиренные слова старца и он отвечал ему чрез посланного: «благо да будет тебе, честный отче, как повелишь ты мне, так я и сделаю, ты же возложи упование свое на Господа Иисуса Христа и ничто да не лишит нас любви друг к другу». Послав мир и благословение Дионисию, Павел удалился в другое место⁸⁶, не желая быть причиною неудовольствия для своего собрата. В тогдaшнее время на севере России еще не много было церквей и приходское духовенство, избираемое из тех же дровосеков и пахарей, не отличалось ни нравственностью, ни образованием, так что монастыри были единственными местами, где народ мог учиться вере и благочестию, и он собирался в монастыри многочисленными толпами, особенно туда, где слышал старца духовного и учительного. Оттого к пр. Дионисию приходило множество не только мужчин, но и женщин, желавших послушать его наставление, что было противно монастырскому уставу и опасно для братии. Жаль было преподобному отказать им в праве посещать монастырь, как единственное доступное им место для познания Закона Божия, но не мог он видеть и нарушение своего устава; тяжело было его отеческому сердцу лишить их духовной помощи и назидания, но дорого было спасение и братии, поэтому мудрый старец, удовлетворяя потребностям первых и обезопасивая последних, построил за две версты от Покровского монастыря особую церковь во имя святителя Леонтия Ростовского, чтобы там могли собираться женщины, желавшие слышать и видеть преподобного. Он учредил при ней иноческую обитель, поручив ее благоговейному

и учительному старцу, украшенному сединами. Но истинному боголюбцу и народолюбцу, искавшему не своих си, а славы Божией и пользы ближнего, мало показалось устроенных им на одной пустынной Глушице трех иноческих обителей и он построил еще две церкви, одну за 18 верст от своей лавры вниз по Глушице на реке Сухоне во имя Воскресения Христова, чтобы тамошние жители, не имевшие по близости церкви, могли собираться в ней для слушания слова Божия, другую во имя святителя Николая по просьбе бедных жителей селения Двиницы и украсил ее благолепными иконами своего письма. Народ смотрел на него как на пастыря и учителя, посланного Богом для просвещения края, и обращался к нему в телесных и духовных нуждах, как к отцу, в полной уверенности получить просимое. И не один только простой народ имел такое высокое мнение о смиренном Глушицком отшельнике. Святая строго подвижническая жизнь и духовная мудрость его привлекали к нему множество людей всякого звания и возраста, чем более он смирялся и скрывал свои подвиги, тем более и шире распространялась слава о нем, так что даже опытные в духовной жизни приходили к нему и оставались разделять с ним иноческие труды и поучаться его душеполезными беседами. Так блаженный Григорий, впоследствии подвижник и чудотворец Пельшемский, уже будучи архимандритом в Ростове, пришел к нему в Сосновец и прожил здесь около пяти лет, изучая духовную жизнь под руководством и по жизни аввы сосновецкого. Сюда пришел к нему из Великого Устюга священно-инок Амфилохий, высокий по благочестию, сделавшийся первым преемником пр. Дионисия в игуменстве. Еще далее Устюга из Великой Перми пришел в лавру Дионисиеву игумен Тарасий, добровольно оставивший свое начальство для того, чтобы самому быть под начальством преподобного и довершить здесь свое святое поприще. Здесь же просиял святостью жизни пр. Макарий, уроженец Ростовский, которого пр. Дионисий взял из отеческого дома еще 12 летним отроком и воспитал под ближайшим своим надзором, впоследствии этот Макарий был вторым преемником его в настоятельстве. Были и другие искренние рабы Божии в числе

многолюдного братства пр. Дионисия, которых привлекла в Глушицкую пустыню слава о его духовной опытности, таковы напр. пр. Феодосий, мощи которого почивают под спудом в Покровском монастыре, и пр. Филипп Рабанский, основавший впоследствии на реке Сухоне свой Рабанский монастырь.

За семь лет до своего преставления пр. Дионисий сам выкопал себе могилу в любимом своем Сосновце и ежедневно приходил к ней, непрестанно напоминая себе о смерти. Часто он простаивал над нею на морозе всю ночь, помышляя о том, как бы избежать страшного холода тьмы кромешной и вкусить радости райской жизни. «Если не будет положено здесь тело мое, говорил он братии, то не останется здесь живущих, ибо пустынно и трудно место сие. Если же здесь положено будет, то Бога ради не презрят места сего и меня, с верою живущие здесь восприимут награду от Бога, а в страшный день суда обретут себе помощницею Владычицу за труды в Ее обители».

Не задолго до своей блаженной кончины преподобный был утешен посещением Глушицкой обители архиепископом Ростовским Ефремом, который, заботясь о благосостоянии своей обширной епархии, подвигся в то время лично обозреть ее до Великого Устюга и даже до поморья и на обратном пути оттуда коснулся пустынного края Глушицкого. Преподобный, услышав, что владыка идет к его обители, вышел к нему на встречу со всею братей и, поклонившись до земли, с великою честью принял его в свою лавру и совершил молебное пение Богоматери. Учительный архипастырь, благословив авву и учеников его, преподал им архипастырское наставление о том, как подобает братии повиноваться своему настоятелю, затем, обратясь к преподобному, сказал: «поелику принял ты овец из ограды Христовой, блюди себя и стадо, за которое дашь ответ, чтобы и ты мог сказать на суде: вот я и дети, которых дал мне Бог. Упаси их на пажити слова Божия, не ослабевай и непрестанно внушай им: подвизайтесь, боритесь, чтобы одолеть, трудитесь, чтобы отдохнуть и алкайте, чтобы насытиться. С ними вместе сам прежде будь исполнителем того, что говоришь, ибо сказано, что и Господь Иисус начал творить и учить, чтобы твоим примером возбудить их. Видение вернее

слышания, если же не увидят дел твоих, тягостными покажутся слова твои. Со слезами припадай к Богу о чадах твоих, да сохранит их и тебя от наветов вражиих; наказуй, блюди, запрещай, милуй, простирай руки к падающим, увещевай заблуждающих, обвязывай как врач раны душевные, будь образом благих нравов, научая терпению и молчанию; предначинай всякое доброе дело, чтобы и меньшие братья от тебя не отставали. Обходя стадо твое молитвою и заботою, не презри, но помилуй уязвленную овцу и возлей масло на струны ее, дабы все непостыдно явились на судище Христово и ты бы, вместе с ними, принял воздаяние от Владыки Христа». До слез тронула преподобного речь святителя и от избытка сердца он сказал в ответ ему: «Господь, пославший Апостолов просветить вселенную, послал нам тебя, пастыря и учителя, достойного сей чести в земле русской. Преподавая нам божественные заповеди, подражаешь ты истинному Пастырю, положившему душу свою за овец». На что святитель опять сказал ему: «Чадю, в евангелии сказано: кому дано много, много и взыщется от него, и Апостол внушает, что епископы, иереи и князья великой приняли на себя подвиг устроить все по правде и обо всем пещись, чтобы привести ко спасению порученные им души». Владыка Ефрем рад был случаю лично видеть преподобного, о котором много слышал от других, утвердил духовное завещание Дионисия, дал его монастырю обильную милостыню и сам принявши дары, подобающие его высокому сану, возвратился на свою кафедру в древний Ростов.

Хотя еще при переселении в Сосновец пр. Дионисий было уже около 60 лет и здоровье его, особенно от трудов и лишений, было расстроено, но он все еще усугублял свои подвиги по мере того, как приближался к цели своего странствия. Со времени своего водворения в пустыне не оставаясь никогда праздным от духовного делания, он и в самой глубокой старости не оставлял прежнего своего правила, так что от продолжительных стояний и бдений ноги его отекали «и бяху яко столпии», а пост и воздержание его были таковы, что «точию на самый день светлого Воскресения Христова вкушаше млека и сыра и то пооскуду». В последние годы жизни любимым место

пребыванием его был Сосновец, где им приготовлена была для себя и могила, но он не забывал и лавры, часто посещая ее и проводя в ней по нескольку дней. Во время одного из таких посещений он призвал к себе в келью возлюбленного ученика своего и сподвижника Амфилохия и сказал ему: «ныне вижу, что время отшествия моего уже при дверях; тебе же, друг мой и сверстник, Господь повелел еще долго жить; покрой тело мое землею и персть отдай персти, а сам пребывай на этом месте, держась духовного жития и творя память моему смирению. Не изнемогай, чадо, в болезнях и воздыханиях, на всякий час ожидая разлучения отсюда, и теки на почесть вышнего звания во Христе Иисусе. Вспоминай и сие слово Господне: когда исполните все повеленное вам, говорите, что вы рабы ничего нестоющие. Ибо кто из нас может когда-либо заплатить долг, которым мы обязаны Владыке Христу? Он богатый обнищал ради нас, чтобы мы обогатились Его нищетою, и бесстрастный пострадал, чтобы нас освободить от страстей; вспоминая о том, пленяй всякое помышление твое в послушание Христово». Амфилохий, видя всегда старца бодрым и дятельным, не ожидал услышать от него такой речи и оттого, как громом пораженный словами преподобного, он заплакал о предстоящем разлучении с своим учителем и сквозь слезы сказал ему: «о, духовный отче, ты сам отходишь на покой, а меня оставляешь в страстях и скорби; помолись Господу, чтобы и мне быть тебе спутником из этой жизни. Дионисий с кротостью отвечал ему»: много молился я Господу о том, чтобы не разлучаться нам друг от друга, но узнал от Его благости, что тебе еще не подобает ныне оставить мир, потому что ты еще недовольно подвизался для получения приготовленной тебе награды. Долго теб еще трудиться на этом месте после моего преставления, ты видел мои труды и заботы об избранном стаде Христовом, потрудись так и ты, пока продлится жизнь твоя, уча и надзирая и возводя к духовному разумению словесное стадо Христово». До самого вечера беседовал старец с своим учеником, передавая ему отеческие свои наставления и советы и, окончивши беседу, приказал ему идти в свою келью. Приняв благословение старца, Амфилохий вышел

от него и, пригласив с собою Макария, тайно возвратился к келье Дионисия и сквозь скважину двери стал смотреть, что будет делать преподобный? Оставшись одни в келье и неподозревая того, что ученики присматривают за ним, блаженный Дионисий встал и, воздавши руки к небу, начал молиться. «Владыко человеколюбце, приими меня в вечное Твое селение и не помяни моих согрешений вольных и невольных и сохрани рабов Твоих в сей обители, избавляя их от всякого навета вражия, да прославится имя Твое святое». Потом преклонив колена, обратился с молитвою к Богоматери, прося себе Ее предстательства и заступления. «Всемиловитая Владычице, Мать сладкого моего Христа, на Тебя возлагаю всю мою надежду и упование. Ты сподобила меня грешного раба Твоего создать сию обитель во славу святого имени Твоего, Ты и ныне сохрани и помилуй и меня и всех живущих в ней и буди им всегда покров и заступница». После этой молитвы, сопровождавшейся слезами, преподобный сел, чтобы несколько отдохнуть, и сведен, был в тонкий сон, но вот внезапно послышался ему голос: «услышана твоя молитва о братии и неотступна буду я от сей обители, охраняя ее от всяких зол и оскудения». Воспрянул блаженный старец, услышав сии слова, вострепетало от радости сердце его, всю ночь он провел без сна, воспевая хвалебные песни и благодаря Мать Божию за обещание покровительства его обители. Теперь он мог спокойно ожидать себе кончины, не заботясь и не думая о том, что станет с его монастырями после его преставления. Он едва дождался рассвета, чтобы поделиться своею радостью с Амфилохием и, вместе с ним прославив Бога, приказал позвать к себе всю братию. Когда братия собралась, он объявил им о предстоящей ему кончине и преподал последнее наставление. «Братия и чада, говорил он, вот я умираю и предаю вас всемогущему Богу и Пречистой Его Матери, да будет Она вам стена и прибежище от сетей вражиих, вы же украшайтесь более всего смирением, не забываете страннолюбия, стяжите любовь нелицемерную, чистоту душевную и телесную, будьте воздержны в пище и питии и ни во что вменяйте все утехи и радости, честь и славу жития сего,

ождая вместо них воздаяния небесных и вечных благ, от Бога». Уливаясь слезами, братии спросила его: «духовный отец наш! отходя сам на покой, кому оставляешь нас, кто будет заботиться о душах наших?» «Богу оставляю вас и Его пречитой Матери, отвечал старец, старейшинство же вручаю возлюбленному моему ученику Амфилохию, ему приказываю я пасти стадо Христово внимательно и право; мир Божий да будет с вами, просвещая и вразумляя вас и наставляя на путь истинный, и я даю вам мир и благословение. Будьте послушны наставнику вашему, по слову Господню, сказанному апостолам: слушали вас, Мене слушает и отмечающийся вас, Мене отметается, убойтесь страшного одного гласа: от идите от Мене в огонь вечный. Вот я в кратце показал вам путь истинный, чтобы быть вам во всем совершенными и оставаться божественным светом. Благословив всех, преподобный отпустил их из кельи, а сам начал безмолвствовать, ибо ему было тайное откровение, что чрез три дня он отойдет к Господу. В четверг, 29 мая, он впал в недуг и почувствовал близость разрешима души от тела. Готовясь предать Богу свой дух, пр. Дионисий, как отец сердобольный, еще раз созвал учеников к смертному одру своему, приказал воспитаннику своему Макарию совершить божественную литургию, чтобы на самый исход еще раз приобщиться святых Таин. Лицо его сияло небесным светом. Он еще повторил братии завет свой, чтобы тело его было погребено там, где он сам за семь лет выкопал себе могилу, и чтобы оба монастыря Сосновецкий и Покровский были всегда под одним настоятелем. «Если обрету милость у Бога, то не оставляю места сего, но буду молить Господа и Пречистую Матерь Его, чтобы не было здесь оскудения, сказал он в утешение им и, осенив себя крестным знамением, начал тихо кончаться, как бы погружаясь в сон. Лицо умирающего внезапно просветилось и сделалось бело как снег, благоухание от тела наполнило келью, а блаженному Амфилохию показалось в это время, что на голове умершего блистал сияющий венец. Пр. Дионисий скончался 1 июня 1437 года в Воскресенье в 6 часу дня всех лет жизни его было 74 года и 6 месяцев. Он был низкого росту и очень сух телом, отчего голова его казалась

более надлежащей пропорции, лицо имел продолговатое, щеки впалые, брови полукруглые, взгляд тихий, борода по грудь не густая и не тонкая, волосы светлорусые и полуседые.

С подобающею честью, при всеобщем плаче, труженическое тело его было положено во гроб и в тот же день с псалмопением, в сопровождении всей братии, повезли его из лавры в Сосновец, но конь, везший тело святого, отойдя недалеко от лавры, остановился и не пошел далее, не смотря ни на какие понуждения⁸⁷. Тогда Амфилохий велел привести любимого коня Диониссева и хотя он был не лучше и не сильнее первого, однако легко довез тело до пустыни, как бы чувствуя, что в последний раз служит любившему его старцу. На другой день, по совершении божественной службы, тело святого было погребено в изготовленной им могиле по правую сторону церкви и с тех пор до ныне от гроба его истекают исцеления всем, которые призывают имя его с верою. Почитая дивные подвиги пр. Дионисия и последуя указаниям свыше, открывшимся в чудесах, явленных чрез него миру, Московский собор 1547 года причислил его к лику святых и установил праздновать память его во всех церквах русских 1 июня в день его преставления. Служба ему написана в 1548 году. Мощи его почивают под спудом в Сосновском Глушицком монастыре ныне ставшем уже главным в каменной соборной церкви в его имя, за левым клиросом, в четырех шагах от северной стены, рядом с учеником его Амфилохием. Общая над ними рака, украшенная золоченою резьбою по голубому фону, устроена в 1640 году иждивением гостя Бахтеяра и детей его Ивана и Василия. На ней положены иконы преподобных в серебряных ризах с позолочеными венцами, весом один пуд и два фунта. Над ракою возвышается на золоченых колоннах балдахин, украшенный золоченою же резьбою. За правым клиросом в этой церкви помещается икона Знамения Божией Матери, с двумя огненными серафимами по сторонам, письма пр. Дионисия. Кроме ее доныне уцелели еще иконы письма святых рук его: в Прилуцком монастыре пр. Димитрия, в Семигородной пустыне Успения Божией Матери, принесенная туда из Глушицкой

обители и с 1593 года прославившаяся чудесами, в Кирилловом монастыре икона Успения же Божией Матери⁸⁸.

Преподобный Дионисий, вышедши из Каменного монастыря без всяких средств, устроил 4 иноческих обители и 2 приходские церкви и при кончине своей оставил лавре Глушицкой весьма достаточные средства для безбедного существования как в движимом, так и в недвижимом имении, которое подробно перечислено им в его духовной. Но лучшим и более дорогим наследством, оставшимся после него, было водворение ни в своих обителях строгого порядка, учреждение общежительного устава и утверждение в сердцах учеников духа истинного подвижничества, долго продолжавшегося на Глушицах и после его кончины, так что Иоанн IV, самый взыскательный и строгий ценитель монашества, должен был признаться, что «на Глушицах обитель процветает постническими подвигами»⁸⁹. Целый ряд учеников и ближайших преемников пр. Дионисия настолько был верен его преданию и так старался во всем подражать ему, что и после блаженной его кончины не было на Глушицах ни в чем перемены, как бы сам пустынный авва все еще продолжал, управлять своими обителями. Многие из учеников пр. Дионисия, вскоре после их кончины, еще современниками причислены были к лику святых, таковы пр. Амфилохий, почивающий рядом с Дионисием, макарий, Тарасий и Феодосий, мощи которых находятся в Покровском монастыре.

Ученики пр. Дионисия

Преподобный Амфилохий – долгое время подвизался в одном из Устюжских монастырей и достиг там священного сана. Но когда слава о пустынных подвигах Дионисия достигла до Устюга, он оставил свою обитель и в 1417 году пришел на Глушицу, желая быть учеником преподобного. «Отче, спаси меня», сказал он Дионисию, поклонившись ему до земли. «Брат мой, зачем ты принял на себя такой труд прийти сюда?» отвечал Дионисий. Я пришел, отвечал Амфилохий, прежде всего поклониться Пресвятой Богородице, а потом стопам твоим и живущей здесь братии и просить молитв ваших. Преподобный пригласил его к себе в келью и по совершении общей молитвы, когда они сели, призвал ученика своего Макария и сказал ему: «вот пришел к нам в монастырь Пречистый, наставляемый Богом инок Амфилохий и хочет с нами пребывать и приносить молитвы Богу. Макарий отвечал: прости меня невежду, отче, не знаю, что сказать. Говори, послушник, что Бог положит на сердце, сказал старец, и Макарий произнес: благословен Бог, хотящий всем человеком спастися и в разум истины прийти. Да даст тебе Бог говорить всегда полезное, прибавил игумен. Видя такую простоту наставника и ученика, Амфилохий пал к ногам старца и сказал: понимаю теперь пути твои, отче, и как не ища славы человеческой, ищешь ты ты только славы Божией. Дионисий, подняв его, сказал: зачем ты, брат мой, отягчаешь грешного человека? Встань, Богу-слава! Он один может спасти и тебя и меня. – Бог, ищущий всем спасения, отвечал Амфилохий, привел меня во святые твои руки и с помощью Его я буду исполнять все, что мне веляшь. Дионисий, услышав, что гость хочет быть ему сподвижником, не скрыл, что жизнь в его обители сурова и трудна, но это не смутило пришельца. Тогда Дионисий сказал ему: если хочешь пребывать здесь, сотворим завет не разлучаться друг с другом, пока останемся на земле, на что Амфилохий с радостью согласился, обещаясь со всею точностью исполнять устав общежития. Он действительно

сделался самым видным и надежным помощником Дионисия при устройстве обители, тщательным блюстителем порядка и исполнителем монастырского устава. Кротость и смирение его были примерные, он заботился только о душе, почему и одежду носил самую смиренную, такую, которую не хотели носить другие, так что сам пр. Дионисий удивлялся его терпению и подвигам, радовался и благодарил за него Бога. Двадцать лет провел блаженный Амфилохий в Глушицах под руководством пр. Дионисия, стараясь во всем подражать ему и восходя от силы в силу в жизни духовной; по преставлении же его был его преемником в управлении обителями и подвизался еще 15 лет, так что всех лет его пребывания на Глушицах было 35. Достигши глубокой старости, он тихо и мирно скончался 12 Октября 1452 года и был погребен, по его завещанию, в Сосновце подле своего наставника, с которым соединился и духом в царствии небесном. Пр. Амфилохий был росту среднего с небольшою серебристою бородою. Память его совершается 12 Октября, служба ему общая с пр. Дионисием.

Преподобный Макарий. Однажды, во время своего пребывания в Ростове, пр. Дионисий остановился в доме благочестивого гражданина Агафоники, у брата которого был сын 12 лет, по имени Матвей. Когда пр. Дионисий беседовал со старшими в доме о спасении души, любил слушать его беседы и Матвей, так что обратил на себя внимание старца. Блаженный Дионисий, провидя в нем доброго пустынножителя, сказал ему: «Чад! Христос говорит в Евангелии: Кто любить отца или мать более Меня, недостоин Меня и кто не возмет креста своего и не последует за Мною, недостоин Меня. Тем, которые желают служить Ему, Он сказал: не принес Я на землю мир, но разделение, т. е. отсечение всех мирских пристрастий и любви к житейскому. От всего этого велит Господь отречься и не прикасаться к нечистоте мира. Однажды, когда сказали Ему: вот мать Твоя и братья Твои, то и от них внушил Он отрешение, сказав: мать Моя и братья Мои те, которые творят волю Отца Моего небесного, и тем показал нам образ нового духовного родства и жительства. Пусть будет отцом твоим тот, кто потрудится вместе с тобою свергнуть бремя греховное, а

матерью-кто омоет тебя от скверны страстей в новом рождении; братьями твоими да будут беседующие с тобою о горнем отечестве; приобрети в супруги себе непрестанную память о смерти и будешь иметь чадами от нее воздыхания сердечные; рабом сделай себе плоть свою, а друзьями святые силы, которые, во время исхода твоего, будут тебе помощниками к восходу на небеса». Глубоко запали слова старца в душу впечатлительного отрока и он с радостными слезами сказал ему в ответ: Отче, как ты сказал, так я и желаю этого, лишь бы мне иметь тебя учителем. – Я согласен иметь тебя своим учеником, отвечал он обрадованному отроку, и Матвей, оставив дом и родителей, решился последовать за Дионисием. Преподобный взял его с собою в монастырь и, сподобив иноческого образа, назвал его Макарием и оставил жить у себя в келье, чтобы удобнее наблюдать за ним. Юный инок чистотою своего сердца, послушанием и терпением на столько приобрел себе любовь старца, что тот непрестанно молился о нем Богу, чтобы беспрепятственно совершить ему свое течение. По желанию пр. Дионисия архиепископ Дионисий рукоположил Макария в сан пресвитера. До самой кончины своего наставника Макарий жил при его келье и был свидетелем всех его подвигов, стараясь и сам, по мере сил своих, подражать им. После блаженного Амфилохия он был игуменом Глушицкой лавры и заботился о том, чтобы ничего не было нарушаемо из устава и предания пр. Дионисия. Мощи его почивают под спудом в Христорожественской церкви Покровского монастыря рядом с пр. Тарасием; на гробнице их находится древняя, принадлежащая им, схи́ма. По рукописным святцам пр. Макарий преставился 13 мая, не ранее 1462 года, так как на его имя есть грамота Иоанва III. Служба ему отправляется общая с другими Глушицкими преподобными по древней рукописной монастырской книге.

Преподобный Тарасий был игуменом в одной из обителей, устроенных святителем Стефаном к земле Пермской для распространения и утверждения православной веры между зырянами-язычниками, и продолжал его апостольские труды. В 1427 году, уже при втором преемнике Стефана святителе

Герасиме, Тарасий добровольно оставил начальство и, находя для себя более полезным быть в подчинении у другого, нежели самому начальствовать, пришел в Глушицы, привлекаемый сюда славой о подвигах преподобного. Когда сказали о нем Дионисию, он вышел к гостю на встречу. Издавна желал я видеть лицо твое, честный отче, и много молил о том Господа, сказал Тарасий, припадая к ногам Дионисия. Благословен Бог, пославший к нам недостойным мужа опытного и благоговейного, смиренно отвечал Дионисий. Тебя прославил Господь по делам твоим, продолжал Тарасий, позволь же мне подражать тебе и исполнять твою волю; вот небольшое имение, которое я привес с собою, причисли меня к твоей пастве. Сам по себе я не могу ничего сделать, но все возможно Богу, отвечал Дионисий и, введши гостя в монастырь, дал ему келью в лавре. Когда, сотворивши общую молитву, они сели в ней, Дионисий сказал Тарасию: не ты ли, как подражатель истинного Пастыря Христа, сам был пастырем и целителем заблуждающих во мраке язычества, в земле Пермской? Не ты ли на самом деле исполнял слово Господне: кто сотворит и научит, сей великий наречется в царствии небесном, открывая заповеди Христовы людям, неведавшим Бога? Трудящемуся делателю прежде подабают от плода вкусити, самому прежде делать и потом уже учить других. Размыслив об этом я и пришел в монастырь к Пречистой, чувствуя нужду быть учеником твоей святыни, сказал в ответ Тарасий и убедительно просил игумена принять его под свое руководство. О смиреннейший отче, сказал ему Дионисий, ты послушал евангельского гласа, ни во что вменив богатство и славу мира сего. Этим смирением своим ты готовишь себе великую награду на небеси. С того времени игумен Тарасий начал трудиться в монастыре наравне с послушниками и проводить жизнь самую строгую и суровую, постом и бдением умерщвлял тело и, всецело отрехшись своей воли, предал себя руководству наставника. Благодатные слезы умиления постоянно орошали его ланиты, свидетельствуя о его глубоком смирении и сокрушении сердца, так что все дивились его терпению и смотрели на него, как на одного из древних великих подвижников. Десять лет провел он таким образом при

жизни пр. Дионисия и, достигши глубокой старости, преставился в 1440 году, уже при игумене Амфилохии и погребен был в лавре, где впоследствии, рядом с ним, положен был и пр. Макарий. Мощи его находятся под спудом, в церкви Рождества Христова в Покровском монастыре, под одною ракою с Макарием, и служба им общая.

Преподобный Феодосий. О пр. Феодосий известно только то, что он был учеником пр. Дионисия и мощи его почивают вблизи мощей Тарасия.

Преподобный Пахомий. Иже на езере

Как о св. Апостолах, – хотя все они были самовидцами Иисуса Христа и пострадали за распространение веры в Него, не в одинаковой полноте дошли до нас известия и в самом свящ. Писании о некоторых из них говорится довольно подробно, о других же остались почти одни имена, так жизнь и деяния и позднейших их последователей-святителей, преподобных и мучеников не одинаково нам известны. Особенно это должно сказать о деяниях святых угодников, подвизавшихся в пределах епархии Вологодской. О многих из них недошло до нас никаких известий, кроме одних только имен и краткого указания рода жизни или места их подвигов, каковы напр. св. благоверный князь Феодор Всеволодович, пр. Кирилл пустынник, пр. Тимофей на Кубенском озере, Авксентий и Онуфрий, основатели Перцевой пустыни, Авраамий и Коприй Печенгские и другие, хотя все они за свои добродетели и подвиги еще ближайшими к ним потомками причислены к лику несомненных угодников Божиих и имена их находятся в древних рукописях святцах и, без сомнения, были о них какие-либо записи. Если принять в соображение время, отдляющее их от нас на несколько веков, многократные пожары и раззорения нашей страны от своих и чужеземных врагов, то это нисколько и не удивительно; надобно еще радоваться и благодарить Бога, что незабылись святые имена Вологодских подвижников (хотя и не все) и мы можем обращаться к ним с молитвою как к своим соотечественникам и покровителям страны нашей, что о некоторых из них кроме имен дошли до нас и некоторые, правда скудные, сведения. К числу таких малоизвестных угодников Божиих относится и пр. Пахомий, иже на езере, начальник монастыря и чудотворец, о котором мы несколько знаем только из жития пр. Дионисия Глушицкого.

Пр. Пахомий начало иноческих трудов своих положил у Спаса на Каменном, где подвизался вместе с Дионисием Глушицким под руководством игумена Дионисия Святогорца. Здесь он близко познакомился с пр. Дионисием Глушицким, с

которым, как с единоправным, свел духовное дружество. Друзья прожили много лет в различных монастырских послушаниях, смирением и трудолюбием снискали общую любовь и уважение братии, но тяготясь почетом и ревнуя о высшем духовном совершенстве, они испросили себе у игумена Дионисия благословение удалиться в пустыню на безмолвие и поселились на святой луке в запустевшем монастыре. Сперва построили они себе хижину для жилья, потом церковь во имя святителя Николая, и получили от Ростовского архиепископа Григория благословение на освящение церкви и возобновление монастыря, а Дионисий кроме того и сан священства. Пахомий с душевною радостью стал служить Дионисию при совершении богослужения. По прошествии нескольких лет подвигов на св. луке, когда уже у них был сожительствующий с ними третий брат и в пустыню к ним стали приходить посетители, пр. Дионисию пришло на мысль удалиться в пустыню более глубокую и завести в ней общежитие. К этому побуждала его с одной стороны любовь к уединению, с другой стороны то, что друг его Пахомий стал наконец тяготиться суровостью его жизни. Сотворив общую молитву и целовав друг друга, друзья мирно расстались, Дионисий пошел на Глушицу, а Пахомий остался на св. луке, прилагая труды к трудам и служа примером для начавшей уже собираться к нему братии. Но на этом и оканчиваются дошедшие до нас письменные о нем сведения, так что мы ничего не можем сказать ни о дальнейших его подвигах, ни о времени блаженной его кончины и о месте погребения. Николаевский монастырь на св. луке впоследствии приписан был к Вологодскому Борисоглебскому монастырю, находившемуся на острове реки Сухоны, называемом Глебова, в 10 верстах от Шуйска, а в 1479 году великая княгиня Мария грамотою своею передала его в ведение Спасокаменного, вознаградив за него Борисоглебский монастырь деньгами. Не эта ли приписка Свято-луцкого монастыря к другим и была причиною того, что до нас не дошло сведений о последующей жизни его основателя?

Преподобный Филипп Рабангский

Когда пр. Дионисий в лесных дебрях и непроходимых Глушицких болотах устроил свои обители и ввел в них строгий общежительный устав, тогда стали приходить к нему для сожительства не только бельцы из ближайших окрестностей, но и священноиноки, игумены и архимандриты из отдаленных мест, желая быть его учениками. Так велика была у всех уверенность в духовной опытности и мудрости пустынного аввы; так все желали иметь его своим наставником и под его руководством учиться иноческим подвигам. И не напрасна была эта уверенность! Сколько окрестных жителей, мужей и жен преподобный просветил и наставил на путь спасения своими мудрыми наставлениями и отеческими советами, построив им даже и храмы Божии! Сколько в среде своего многочисленного братства он воспитал святых и великих подвижников иночества, наставляя их и словом и собственным примером! Как твердо и глубоко насадил и укоренил в своих обителях дух истинного подвижничества, не оставлявший их долгое время и после его блаженной кончины! К этому светлому лику святых подвижников, усвоивших себе дух учителя и просивших иноческими подвигами, принадлежит и блаженный Филипп Рабангский.

Неизвестно откуда он был родом, какого происхождения и когда пришел на Глушицы, известно только, что здесь он был пострижен в монашество, долго подвизался и был одним из ближайших учеников пр. Дионисия, которому старался во всем подражать. В 1437 году он оплакал кончину великого учителя своего, но еще долго оставался в обители, повинувшись преемнику его Амфилохию и постепенно возрастая и укрепляясь в жизни духовной. Однако напоследок, наскучив многолюдством обители, он пожелал жизни более безмолвной и уединенной и вышел из монастыря, чтобы где-нибудь в уединении всецело посвятить себя на служение Богу. Проходя по лесам и дебрям для отыскания себе удобного места жительства, он остановился на берегу Рабанской Сухоны при

одном ее повороте, где прекрасная местность невольно привлекла к себе его взоры. Он стоял на высоком берегу, покрытом зеленою травою, пред ним величественная река тихо катила свои светлые воды, на зеркальной поверхности которых отражались лучи солнца и весело плескались, никем не тревожимые, стаи речных птиц; вдали, на противоположном берегу, виднелись небольшие холмы, придававшие разнообразие картине, вся окрестность была покрыта сплошным девственным лесом, которого еще не касалась рука человека, повсюду царствовала невозмутимая тишина и безмолвие, так что не надобно было для уединения искать лучшего места. Долго стоял путник, любуясь красотою природы, и решился тут поселиться. Сложив с себя тяжелую ношу, состоявшую из необходимых для пустытника вещей, он преклонил колена и после продолжительной, усердной молитвы начал рубить лес для построения небольшой кельи. В ней он намеревался проводить жизнь в совершенном уединении, но недолго ему пришлось наслаждаться одиночеством. Окрестные жители случайно узнали о поселении его в пустыне и мало по-малу стали собираться к нему любители безмолвия, желавшие сожителемствовывать ему. Они просили его быть их наставником и руководителем и пр. Филипп, научившийся у великого аввы искать не своих си, по пользы и спасения ближних, не мог отказать им в их просьбе. Когда собралось несколько человек братии, они стали просить блаженного устроить храм и основать общежитие. Приняв желание братии за указание Промысла Божия, он отправился в Ростов к архиепископу Ефрему, чтобы испросить у него благословение на построение церкви и обители. Владыка, узнавши пр. Филиппа как ближайшего ученика Дионисиева еще в бытность свою в Глушицком монастыре, охотно дал свое благословение, снабдил всем необходимым для освящения церквви, а его самого поставил игуменом новой обители. Так как церковь требовалась небольшая и пустытники не много заботились об излишних украшениях, то она скоро была построена и освящена в честь Преображения Господня. Это было в 6955 (1447 году). Сделавшись игуменом и зная, что кому больше дано, с того

более и взыщется, преподобный усугубил свои подвиги, всегда пребывая в посте и молитве и прилагая труды к трудам, первым выходил на монастырскую работу и прежде всех являлся в церковь на молитву. Снисходительный и милостивый к другим, он был строг и неумолим к самому себе, изнурял тело свое бдением и постом и старался назидать других сколько словом, столько же и собственным примером. Десять лет пр. Филипп провел в таких подвигах, ни мало не ослабив их даже в старости. Подробностей о блаженной его кончине до нас не дошло и известно только то, что он тихо и мирно скончался 15 ноября 1457 года и погребен был в своей обители близ церкви. Рабангский монастырь по грамоте царя Иоанна Васильевича в 7072 (1564) году был снабжен вотчинами, что впоследствии было подтверждено грамотами царя Михаила Феодоровича в 7121 (1613) и 7126 (1618) годах. Крестьян за монастырем было 192 души. В 1764 году монастырь был обращен в приходскую церковь. Надобно полагать, что существующий в ней придел во имя Апостола Филиппа устроена был в память преподобного вскоре после его кончины. В древних рукописных святцах память пр. Филиппа положена 15 ноября⁹⁰.

Преподобный Сергей Нуромский

Жития св. угодников Божиих, просиявших в России, составлены в монастырях иноками и предназначались для чтения преимущественно инокам. Инокам же, совершенно отрекшимся от мира и оставившим даже свое имя, данное им при св. крещении, естественно все мирское казалось маловажными и незаслуживающим внимания. Для чего им было доискиваться где и когда родился тот или другой преподобный, от каких произошел родителей, какое носил имя и какую занимал в мире должность, когда для них было все равно, что холоп, что боярин, так как монашеское пострижение уравнивало всех и какие-нибудь «Лопотало да Варлаам» лица неизвестного происхождения часто были предпочитаемы и становились выше знаменитых и прирожденных князей и бояр⁹¹. Сверх того обстоятельства жизни подвижника в мире до прибытия в монастырь и пострижения в монахи часто инокам и знать было трудно и невозможно. Оттого во многих житиях святых, в которых подробно рассказывается их жизнь в монастыре иноческие подвиги, что единственно только и было важно в глазах писателей иноков – ничего не говорится о их роде и происхождении, о мирском имени, занятиях и других обстоятельствах их жизни до прибытия в монастырь. Таково и дошедшее до нас житие пр. Сергия Нуромского Чудотворца, написанное Глушицким игуменом Ионою по запискам Обнорского игумена Протасия.

Когда слава великого духовного светила пр. Сергия Радонежского распространилась по всему северу и достигла Царяграда, привлекая в пустынную его обитель множество бельцев и иноков, желавших учиться у него духовным подвигам, пришел к нему некто Сергей-пострижник святой горы Афонской. Откуда и кто был этот инок Сергей? Что побудило его оставить место своего пострижения, всегда славившееся самым строгим исполнением уставов монастырских? – неизвестно. Преподобный принял странника как искреннего друга и брата любимого, и старался дать ему покой и отдохновение после

дальнего его странствования. Одноименные и единоправные, постоянно стремившиеся к достижению одной и той же цели, они рады были взаимной встрече, старались извлечь для себя душевную пользу из наблюдений и опытов духовной жизни, делясь ими друг с другом и взаимно возбуждая один другого к молитве и богомыслию. Не мало времени провел афонский пострижник в Сергиевой пустыне, наслаждаясь его духовными беседами и чем долее жил, тем более дивился смирению и подвигам духовного старца, каких напрасно искал на дальнем востоке. Со своей стороны и пр. Сергей душевно радовался прибытию к нему странника, столь ревностного к подвигам и опытного в духовной жизни, искренно полюбил его, с наслаждением слушал его душеполезные повествования и рассказы о жизни и подвигах старцев на святой горе и в монастырях цареградских и не хотел расстаться с ним. Не легка была разлука с пр. Сергием и для афонского инок, сердечно прилепившегося к нему как к отцу и собственным опытом познавшего, как полезно для души иметь такого мудрого руководителя и наставника, каким был пр. Сергей. Но любовь к уединению непрестанно влекла его из многолюдной обители Сергиевой в пустыню, побеждаемый ею, он припал к ногам пр. Сергия и, открыв ему желание своего сердца, со слезами просил у него совета и благословения. Искренний любитель пустыни, лучше других знавший пользу уединения и безмолвия, не мог отказать своему другу в том, чего сердечно желал сам, и подвижники со слезами расстались, прося друг у друга молитв и благословения.

Оставив Радонежскую пустыню Сергей направил путь свой к северу и переходя из лесу в лес, из дебри в дебрь, достиг Вологодских пределов и остановился на берегу реки Нурмы на горе в дремучем лесу. Долго смотрел путник с возвышенности на холмистую окрестность, раскинувшуюся под его ногами, и на протекающую среди ее извилистую Нурму и так увлекся красотой места, удаленного от мирских селений и удобного для уединения, что ощутил в сердце своем радостный трепет, как будто нашел какое великое сокровище и сказавши сам себе: «се покой мой, zde вселюся», пал на колени и со слезами начал

молиться Богу, прося Его помощи и благословения. Вставши от молитвы Сергей водрузил на горе крест, построил малую часовню для молитвы и келью для жительства и стал подвизаться никем незнаемый в совершенном безмолвии, дни и ночи проводил в молитвах и псалмопении, умерщвляя плоть свою постом и непрестанными трудами. «И пребысть ту блаженный един лета довольна, равноангельскую жизнь проводя» и терпеливо переносил искушения и напасти и от бесов и от людей. Так однажды в полночь, когда он по обычаю своему, молился Богу и отправлял полунощницу, келья его внезапно наполнилась множеством бесов, которые, принимая на себя различные виды зверей и другие ужасающие подобию, устремились на преподобного, скрежеща зубами и стараясь его утешить, но пр. Сергей пребыл тверд, оградив себя крестным знаменем, он прогнал их молитвою и они исчезли как дым. После сего диавол, не имея силы вредить преподобному сам, два раза воздвигал на него разбойников, надеявшихся у старца, богатого только нищетою, найти деньги или какое-нибудь имение. В первый раз они избили его до того, что оставили еле живого; едва двигаясь от побоев, преподобный воздел руки на молитву и благодарил Бога за перенесенные страдания. По молитве своей Сергей скоро выздоровел. В другой раз разбойники напали на него ночью во время его молитвы и как дикие звери устремились в его келью. Преподобный, услыша их приход, со слезами из глубины сердца возвал к Богу: «не остави мене Господи Боже мой, не отступи от Мене, вонми в помощь мою Господи спасения моего», и Господь спас его. Врагов было много, а он один, у них в руках было смертоносное оружие, а у него одни только четки, но когда старец воздел руки на молитву, на разбойников напал такой страх, что они не только не смели прикоснуться к нему, но и бежали из кельи, как будтобы кто гнался за ними, и уже никогда более не приходили.

Из любви к пустыне и безмолвию пр. Сергей расстался со своим великим наставником и вышел из обители Радонежской, как ни тесен и не прискорбен был избранный им путь, он с радостью шел по нему, терпеливо переносил, все пустынные скорби и лишения, утешаясь тем, что ничем неразвлекаемый,

неведомо для людей может служить единому Богу. Он желал прожить так до конца своей жизни, но Господь восхотел поставить его светильником на свещнице, чтобы равноангельская жизнь его была примером для других и чтобы исполненный мудрости и опыта слова его служили к душевной пользе многих. Мало по-малу молва о строгом отшельнике стали распространяться в окрестности и к нему начали приходить – одни для того, чтобы попросить себе его молитв и благословили, другие желали подать труднику милостыню на пропитание и получить от него назидание, а некоторые изъявляли желание навсегда остаться с ним в пустыне и подвизаться под руководством, мудрого старца, в числе их были и иноки, привлеченные к нему из других монастырей славою о его подвижнической жизни. Уразумев, что на то есть воля Божия и что пустыня его должна обратиться в общежитие, старец с любовью принимал всех, приходивших к нему, и они, построив для себя кущи из древесных ветвей, селились около его кельи. Когда собралось таким образом до 40 человек, блаженный старец начал, думать о сооружении церкви и келий по чину общежительных монастырей и при единодушном старании и помощи братии, вскоре построил небольшой деревянный храм в честь происхождения древ святого креста, кельи для братии и другие необходимые для общежития службы. В тоже время узнал он, что другой ведший подвижник, птенец того же святого гнезда Сергеева, Павел, живший дотоле подобно птицам в древесном дупле, в глубине обширной Комельской пустыни, поселился на берегах Нурмы, верстах в четырех от его обители. Преподобный Сергей пожелал увидаться с ним. Чудное зрелище представилось ему, когда он в первый раз пришел посетить Павла. Пустынник стоял возле своей кельи, а стаи птиц вились около него, иные сидели у него на головах и на плечах и он кормил их из своих рук; тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустынника, и бегали вокруг его лисицы и зайцы, не опасаясь одни других и смиренно ожидая своей очереди. Так все подчинено человеку, так велико влияние его на тварь, что когда он возвышается до обновления в себе первобытной невинности и жизни духовной, возвышается и

обновляется с ним и тварь, падедением его повинувшаяся суете и чающая откровения славы чад Божиих (Рим. VIII, 22). Для пр. Сергия довольно было однажды взглянуть на этого нового Адама., окруженного сонмом пернатых и зверей, чтобы узнать в нем мужа по сердцу своему и единоправного себе подвижника; со своей стороны и Павел во время странствования своего по монастырям прежде поселения в дупле, мог слышать о великих подвигах и духовной опытности пр. Сергия, если только они не имели случая встречаться прежде в Сергиевой обители – в месте общего их преуспевания в духовной жизни. Поэтому как братья и питомцы одного великого наставника, с радостью встретились великие подвижники, взаимно приветствовали друг друга, просили себе молитв и благословения, не желая только уступить один другому в смирении. Сергей удивлялся невещественной жизни пустынника, а Павел благоговел пред ним, как пред священником и превозносил труды его, как основателя обители и мудрого наставника. С этой встречи они на всю жизнь сделались друзьями и собеседниками, не делая ничего без совета друг с другом. Для пустынножителя Павла знакомство с пр. Сергием представляло еще то удобство, что он мог теперь причащаться святых Таин из его рук, почему он и просил старца быть его отцом духовным, он исповедывал ему все свои помыслы и для этого часто приходил из своей пустыни в обитель пр. Сергия. Случилось однажды Павлу выйти на несколько часов из кельи в пустыню, когда же он возвратился, то увидел, что келья его разметана до основания. Как человек пустыжник поддался страху и в ужасе бежал к пр. Сергию, чтобы рассказать ему о своем несчастье, но Сергей, как более опытный в жизни духовной, тотчас же понял, что это было только бесовское мечтание, и спокойно сказал оробевшему: «Бог нам прибежище и сила (Псал. XIV, 2), иди, брат, в свою келью, ты найдешь ее целою». Пустыжник поверил слову своего духовного отца и возвратившись действительно нашел свою келью целою, как сказал старец. Было не мало и других случаев, свидетельствовавших о высокой мудрости, духовной опытности и прозорливости пр.Сергия, почему Павел и смотрел на него как на ангела Божия и такое имел к нему уважение, что

когда старец приходил к нему как отец к сыну для духовной беседы, то Павел провожал его более, нежели на две трети расстояния и расставался с ним уже в виду монастыря пр. Сергия. Место это находится ныне уже в поле селения, заменившего монастырь, и, во свидетельство взаимной любви преподобных, обозначено часовней.

Пр. Сергей, уроженец благословенного юга и афонский пострижник и за свои добродетели священно-инок, после дальних странствий много лет проведенный в глухих лесах сурового и негостеприимного севера в посте и непрестанных молитвах то в уединении и безмолвии, то в трудах и заботах о благоустроении обители – наконец достиг глубокой старости и, не изнемогая духом, стал изнемогать телом и впал в продолжительную и тяжкую болезнь. Как солнце склоняется к закату, так старец видимо приближался к своему исходу, с нетерпением и радостью ожидал часа смерти, как окончания своего долголетнего странствования и успокоения от всех трудов и печалей. Павел, узнавши об этом, пришел в последний раз посетить своего собеседника и друга. Горестна была для него разлука с старцем, обливаясь слезами он целовал охлаждававшие руки умирающего, прося себе прощения и благословения. И сам пр. Сергей, видя горесть своего друга и сподвижника, не мог удержаться от слез и старался, сколько можно было, утешить его. Когда же оба престали от слез и несколько успокоились, Павел рассказал пр. Сергию, что в то время, когда обыкновенно совершается церковная служба, он многократно слышал звон в одном месте на берегу реки Нурмы, не подалеку от его кельи, и что звон этот был неодинаков: в простые дни в небольшие колокола, как бы повседневный, а в праздники более громкий и торжественный, но, почитая то мечтанием бесовским, не обращала, на него внимания. В ночь же на день светлого Христова Воскресения, когда он, услышавши торжественный звон невидимых колоколов, открыл окошечко своей кельи, то под горою на берегу реки Нурмы увидел столь дивный свет, что, кажется, он превосходил сияние солнца и тотчас же он почувствовал в сердце своем необыкновенную радость и спокойствие. Пр. Сергей принял это

видение за указание Промысла Божия и в духе, пророческом предсказал своему другу, что на том месте будет монастырь во имя св. Троицы и многие спасутся в нем. Поэтому он советовал пустыннику не противиться воле Божией и принимать приходящих к нему для сожительства, по кончине же своей благословил Павлу взять постриженника и ученика своего Алексия для устройства новой обители. После сего друзья-подвижники, давши друг другу последнее целование, расстались до свидания и сожительства за гробом; Павел возвратился в свою уединенную пустыню для того, чтобы обратить ее в общежительную обитель, а Сергей стал готовиться к переходу из своей обители в обитель вечную. Когда он почувствовал приближение смерти, то собрал к себе всю братию и возвестил им о предстоящей разлуке с ним, у всех просил себе молитв и прощения и сам всех благословлял и прощал, поручая их покрову и заступлению Божией Матери. Трогательно было его последнее наставление братии, которым он, уже слабым и прерывающимся голосом, как отец чадолюбивый, старался утвердить их во взаимной любви и согласии, убеждал сохранять заповеди Божии, заведенный им чин и монастырский устав, обещая им за то вечное блаженство. Потом, приобщившись св.Таин, воздел руки гор и произнес тайную молитву, наконец оградив себя крестным знамением, крестообразно сложил на груди руки и как бы заснул, тихо и мирно предал Богу чистую свою душу в день своего тезоименитства 7 октября 1412 года. При всеобщем плаче братии, на головах, с великой честью вынесено было тело его из кельи в церковь для отпевания; все столько сожалели о нем и так были огорчены его кончиною, что едва могли совершить чин погребения, вопли и рыдания постоянно заглушали пение, многих нужно было силою отрывать и отводить от его гроба. Труженическое тело его предано было земле близ построенной им церкви. По внешнему виду пр. Сергей был седой, с редкою бородою и с густыми волосами на голове⁹².

По прошествии многих лет после блаженной кончины пр. Сергия, когда не стало в монастырь современников, знавших его лично, когда и память о нем стала изглажаться и –

построенную им церковь заменили новою, более пространною – преподобный явился ночью одному благоговейному иноку Никифору во время тонкого сна и велел сказать игумену и братии, чтобы очистили гроб его, потому что не хочет Господь долее оставлять его в неизвестности и небрежении. «Кто ты?» спросил явившегося смущенный инок. «Я грешный Сергей, бывший начальником сего святого места», отвечал явившийся и указал место, где находится гроб его. Три раза повторялось видение и в последний раз даже с угрозою за непослушание, но Никифор, почитая свои видения за сонные мечтания и опасаясь, как бы не обмануться, не исполнял приказания дотоле, пока не был поражен тяжкою болезнью. Тогда со слезами раскаяния он открыл игумену и свои видения и ослушание, указал место гроба под церковною папертью и когда был приведен туда, внезапно получил исцеление. Гробница преподобного была найдена и когда над мощами угодника поставлена была рака с иконою преподобного, то как из неисчерпаемого источника потекли от нее исцеления. Монастырь преподобного имел 380 душ крестьян и в 1764 году был закрыт, а церковь обращена в приходскую, в ней и ныне мощи преподобного почивают под спудом под ракою и балдахинном. Близ нее до ныне находится его игуменский посох в два аршина длины, выкрашенный черною краскою. В древнем рукописном житии преподобного записано 104 чуда, совершившиеся при его гробе, – последнее из них относится к 1653 году. Вот некоторые из них.

Иоанн Чухолыстов, крестьянин Иледамской волости, долгое время находясь в расслаблении, увидел однажды во сне святолепного старца, который сказал ему: «Иоанн! Что ты столько годов лежишь на болезненном одре? Пора тебе идти в монастырь всемилостивого Спаса и помолиться у гроба пр. Сергия, когда ты помолишься, то и он помолится о тебе и ты будешь здоров, только живи вперед целомудреннее». Пробудившись от сна, расслабленный велел везти себя в монастырь ко гробу пр. Сергия, где действительно получил исцеление, и с радостью уже не уехал, а ушел домой.

Крестьянин Исидор с Лежского волоку много лет находился в столь сильном расслаблении, что не только не владел ни

руками, ни ногами, но даже не мог и говорить, а лежал безгласным, так как от лютой болезни челюсти его оцепенели. Услышав о чудесах, совершающихся при гробе пр. Сергия, он с великим трудом кое-как знаками выразил желание, чтобы его свезли в монастырь ко гробу преподобного. Желание его было исполнено и когда на молебне игумен читал св. Евангелие, уста Исидора отверзлись и он проговорил ясно, по окончании же молебна и по окроплении святой водой, он вдруг стал владеть руками и ногами и почувствовал себя совершенно здоровым.

Иаков, ярославский гражданин, привел с собою ко гробу пр. Сергия 12 летнюю дочь свою, немую от рождения. Когда игумен Филофей стал читать на молебне преподобному Евангелие – девица начала говорить так ясно и чисто, как будто никогда не была немой.

Тихон, священник Обнорской Благовещенской церкви, был нездоров рукою и нисколько не мог владеть ею, но когда отслужили о нем молебен и он приложился ко гробу пр. Сергия, то рука его сделалась так же здорова, как и другая.

Параскева, священническая жена любимского уезда верст за 40 от монастыря пр. Сергия долгое время была расслабленною. В одну ночь, измученная страданиями она немного забылась и увидела во сне пр. Сергия с жезлом в руках. Он подошел к ее постели и сказал ей: «что страдаешь так тяжело? Встань с одра своего, возьми этот жезл к иди к всемилостивому Спасу на Нурму в мою обитель и если сделаешь это, то получишь милость от Бога». Когда Параскева недоумевала как ей идти, ибо она немогла и с места двинуться – пр. Сергий, подавая ей свой жезл, сказал: «вот ты теперь здорова, иди же в мою обитель и помолись милосердому Господу Богу». Пробудившись от сна, Параскева действительно почувствовала себя совершенно здоровою и радостно встала с постели. Так чудесно получивши исцеление, она сперва и думала было исполнить повеление преподобного, но то за тем, то за другим отлагала свое путешествие со дня на день, а наконец и совершенно забыла о нем. Тогда пр. Сергий явился ей во сне во второй раз и с упреком сказал ей: «по-что ты забыла слова мои и не исполнила моего приказанья? Иди же

хотя ныне, а если не послушаешь меня и не пойдешь в монастырь, то постраждешь горше прежнего». После этого Параскева не только поспешила исполнить повеление преподобного, но и дала обещание ежегодно приходить на поклонение к его гробу.

Нуромского монастыря старец Симеон полгода был нездоров глазами, так что не мог ничего видеть. Пр.Сергий, явившись ему, сказал: «старче, что не трудишься, а лежишь?» – Не вижу,отче, – отвечал слепой Симеон. Получив такой ответ, преподобный приказал ему помолиться Богу и приложиться к его гробу. Старец прозрел, как только исполнил его повеление.

Анна, охотничья жена с Ухорского яму, была нездорова глазами так сильно, что не видела даже своих рук. Однажды она лежала в постели, вдруг является ей пр. Сергий и спрашивает: «что ты лежишь и не трудишься?» Когда больная ответила ему, что ничего не видит, преподобный велел ей идти в монастырь к его гробу, обещая даровать ей исцеление. Это было на шестой неделе великого поста. За четыре дня до Николина дня ее привели в монастырь, где каждый день служили о ней молебны пр. Сергию и кропили ее святою водою, на пятый день в праздник святителя Николая когда после молебна ее окропили св. водою., то тотчас же отверзлись ее очи и она от радости закричала в церкви: милостью Всевышнего и молитвами преподобного вижу все ясно.

Особенно много получало исцеление у гроба пр. Сергия из бесноватых и умоисступленных. Когда именно пр. Сергий причислен к лику святых, достоверно неизвестно, но так как в 1583 г. над гробом его уже пели молебны, а в 1584 году написано было его житие, в жалованной же царской грамоте 1585 года он называется «новоявленным чудотворцем», то вероятно, что причисление его к лику святых последовало на одном из соборов, бывших незадолго пред тем временем в последней половине XVI столетия.

Житие пр. Сергия написано в 1584 году при Иоанне IV, митрополите Данииле и епископе вологодском и великопермском Варлааме. Составитель его – Иона – игумен Глушицкого монастыря, писавший житие по запискам Протасия,

игумена Павло – Обнорского монастыря. Сам Протасий писал со слов инокa Геннадия, которому о жизни пр. Сергия рассказывал Антоний, многократно слышавший о том же от Алексия, постриженника и ученика Сергиева, бывшего первым игуменом в Павлове. В грамоте Феодора Иоанновича в 1585 году пр. Сергей назван новоявленным чудотворцем. В переписи монастыря по указу Симона архиепископа (8 июля 1678 г.) значится престол во имя пр. Сергия.

Преподобный Павел Обнорский

Великий угодник Божий и чудотворец Павел Обнорский родился в 1317 году в Москве от богатых и благородных родителей и по тогдашнему времени получил самое лучшее воспитание. Благочестивые родители его ничего не жалели для образования единственного своего сына, готовя в нем верного слугу великому князю и наследника своих многочисленных имений. Воспитанный ими в страхе Божиим и в строгих правилах православной веры, он рано еще в отроческом возрасте начал обнаруживать, что не напрасны были заботы родителей об образовании его ума и сердца, что семена доброго учения пали на землю добрую, обещающую принести обильные плоды. К великому удовольствию своему родители скоро могли заметить, что сын их от самой ранней юности был уже не тем, чем обыкновенно бывают другие дети. Вместо того, чтобы заниматься суетными и бесплодными играми, предаваться удовольствиям и развлечениям, свойственным детям, он любил ежедневно ходить в храм Божий, слушать церковное пение и внимать божественной службе. Это еще более раскрыло в нем добрые начала воспитания и утвердило его на избранном пути благочестия, так что в многолюдном престольном городе, среди шумного мира, в достатке и неге и далеко еще несовершеннолетний, он уже начал вести строгую жизнь инока, пребывая в посте и молитве. Особенною чертою его характера было то, что будучи весьма воздержен и скуп к самому себе, он был чрезвычайно щедр и милостив к другим и не пропускали, случая благотворить бедным; не раз случалось, что при встрече с бедняком, он, не имея при себе денег, снимал с себя верхнюю одежду и отдавал ее, вообще не было ни одного нищего, которого бы он не наделил чем-нибудь. К чести родителей его должно сказать, что как ни часты были подобные случаи, когда сын их возвращался домой в одном только нижнем платье и как ни много он издерживал денег на милостыню, со стороны их не было к тому никакого препятствия и не слышал он за то ни малейшего от них упрека. Казалось, что

у сына и родителей была одна душа, одни мысли и желания. Таковы были детство и юность блаженного Павла; и если справедливо то, что все возрасты нашей жизни тесно связаны между собою и предыдущий дает направление и имеет большое влияние на последующие, то смотря на благое начало жизни Павловой, заранее можно было гадать, что и все продолжение ее будет богоугодное и конец святой.

Какие родители не желают видеть детей своих пристроенными, женатыми, кому из них не хочется ласкать и любоваться внучатами? Что удивительного, что и родители Павла, лишь только он стал подростать, начали помышлять о его женитьбе и присматривать ему невесту; когда же юноша достиг совершенных лет, то на самом деле приступили к выбору невесты, советуя ему вступить в законный брак. Хотя юноша отказывался от брака и высказывал им свое намерение вести девственную жизнь, но они приписали это его застенчивости и скромности, свойственной целомудренным, и начали действовать настоятельнее, чаще и чаще предлагали ему невест, поставляя для него брак делом неминуемым, самым необходимым и для них приятным. Что было делать юноше, желавшему сохранить свое девство нерушимым? Оскорбить ли отказом родителей, которые его сердечно любили и которым он привык повиноваться всегда и во всем, или оставить свое сердечное намерение, столь долго им лелеянное и ставшее для него единственною и главною целью жизни? К кому прибегнуть за советом, где искать вразумления и наставления в этом затруднительном для него обстоятельстве, когда его мысли и желания в первый раз оказались совершенно противоположными с мыслями и желаниями его родителей? Напрасно он представлял себе, что брак честен и ложе нескверно, что родители требуют от него непротивозаконного и что отказ его убьет их, избранный сосуд целомудрия, во всех других случаях вполне послушный виновникам своего бытия, – в настоящем случае чувствовал, что он никакие может исполнить воли своих родителей. Помня слова Спасителя: кто любит отца или мать более Меня, недостоин Меня (Мф. X, 37), не усумнился их воле предпочесть волю Божию, указующую ему

другое звание, и дело о своем браке кончил тем, что тайно оставил дом родителей, не взявши с собою ничего, и удалился на Волгу в Христорождественский монастырь и на 22 году от рождения принял на себя иноческое пострижение. Это было в 1338 году при московском митрополите Феогносте.

С юношеским жаром принялся новый инок за исполнение своих обязанностей, стал вести жизнь самую суровую и воздержную, так что окружающие его не знали, чему дивиться в нем: молитве ли непрестанной, посту ли высокому, смирению ли глубокому, послушанию ли чрезвычайному? Он прежде всех являлся в храм, постоянно находясь в молитве и бдении и источая слезы, изнурял тело свое трудами, старался услужить каждому, питался только хлебом и водой и считал себя хуже всех. При всем том молодой инок но был доволен своими подвигами и чем более упражнялся в добродетели, тем сильнее разгоралось в сердце его желание и стремление к новым, большим подвигам. Что это за монашество, думал он, когда я делаю все по собственной воле, сколько когда мне вздумается? Какое это отречение от самого себя, какое подвижничество, когда я не терплю никакой нужды? Чем отличается теперешняя моя жизнь от той, какую я вел в мире? Не удовлетворяясь хотя и строгою, но им самим управляемою жизнью, он стал усердно молиться о том, чтобы Господь даровал ему мудрого и опытного наставника, которому бы он мог, всецело вверить спасение своей души и который бы указал ему высший путь святого жития и был его надежным руководителем на этом трудном поприще. Господь Бог с отеческою благостью призрел на благое желание юного труженика.

В то время в темных лесах радонежских уже сиял великий светильник иночества – пр. Сергей и слава о его чудных подвигах и духовной мудрости, обносившаяся всюду, достигла и до берегов Волги. Некоторые из братии, имевшие случай видеть пр. Сергия, равно и странники, приходившие в Христорождественский монастырь, все единогласно отзывались о нем с величайшею похвалою, сравнивая его с древними великими и богоносными отцами. Услышавши о нем молодой подвижник чрезвычайно обрадовался, как бы сам небесный

Промысл указывал ему на великого учителя, в школе которого он вполне мог, изучить высокую мудрость иноческого жития. Испросив себе увольнение у настоятеля, Павел оставил Рождественский монастырь и направился в радонежские леса, намереваясь совершенно отказаться от своей воли и предаться руководству св. старца. Пр. Сергей принял странника с великою любовью, выслушали его желание и уверившись, что он нелицемерно желает высших иноческих подвигов, со всем усердием начал руководить его по пути спасения. Здесь Павел нашел все, к чему стремилась его душа: под руководством великого старца все иноки усердно и единодушно подвизались на поприще благочестия, в точности исполняя все правила монастырского устава, требующего всецелого послушания, смирения, нестяжательности и самоотвержения. Не мало было в обители и таких, которые, не ограничиваясь исправлением обычного правила, простирались, по благословению Сергия, на большие труды и подвиги. Иной для большего самоумерщвления налагал на себя строгий пост и заключался в затвор, другой изнурил плоть свою тяжкими трудами и всенощными бдениями, третий носил тяжелые вериги и острую власяницу. Одним словом, пред блаженным Павлом, жаждавшим видеть подвижничество во всем его развитии, высоте и святости, раскрылась картина одного самая широкая и разнообразная, самая живая и увлекательная. Было у кого учиться, кому подражать! Юный подвижник как нельзя лучше воспользовался и наставлениями богомудрого старца и подвигами братьев, стараясь подобно пчеле отовсюду извлекать для себя пользу и назидание и восходя от подвига к подвигу. Мудрый наставник, провел его по всем монастырским послушаниям, от поварни и до трапезы, чтобы будущий учредитель общежития во всем приобрел опытность, научил его совершенному отречению от своей воли и всем иноческим добродетелям, так что приди подражать другим, он в деле благочестия сам скоро сделался примером и образцом для многих. «Со многим бо тщанием святого послушание и со всяким усердием подвеленная творяше, любя труды, ослабу же и пищу отреяв, таковой тому обычай долгим временем в навык

вообразившу своего жития и ниже се остави правило, еже по звону церковному первому обретатися в ночных и дневных правилах и по окончании последи всех исходити. В церкви же стоящу ему со многими благоговением и со всяцем прилежанием послушаше божественного писания и николи же облени себе, или к стене восклонися, но весь свой ум к Богу простирая, устнама же от молитвы не преставаше, любя зело безмолвие. Во все же время пребывания своего много полагаше тщание чрево и язык удерживати, яко чревное насыщение целомудрие раззоряет и прочим добродетелям сопротивляется, от неудержания же языка вся злая бывают и от многоглаголения немощно убежати греха, яко мнози и от великих суще, тем погреша право пути».

Проведши таким образом среди святого братства не мало времени и постоянным блюдением своего сердца достигши такого умиления, что из очей его непрестанно изливались источники слез, Павел, чтобы еще более усовершенить себя в подвижничестве, много раз просился у пр.Сергия на безмолвие и уединение. Богомудрый наставник, видя ревность Павла и уверившись в его готовности к подвигу, согласился наконец на его просьбу и дозволил ему трудиться для Бога по внутреннему своему расположению. Пр. Сергей медлил дозволением для испытания Павла, ибо обрекать себя на подобные деяния и достигать цели могут, только избранники Божии, много надобно для этого духовной спытности и подготовки, много веры, терпения и смирения. Одна мысль отрешиться от людского общества и одиноко заключиться в тесной келье, так сказать заживо похоронить себя и при том не на несколько дней и недель, а на целые годы – есть уже подвиг великий и трудный. Что же сказать о действительном осуществлении этой мысли? Оттого и отцы разрешали на это немногим и не скоро, оттого же медлил дозволением и пр. Сергей. Получивши благословение Сергия, Павел заключился в уединенной келье вне монастыря, из которой не выходил 15 лет; его затворнические подвиги и труды может исчислить и достоно оценить только Тот, Кому он служил день и ночь. В течение 15 лет затворнической жизни он так привык к уединению и столько полюбил безмолвие, что

смотрел на него как на лучший и надежный путь ко спасению, но тяготился тем, что братия стала ходить к нему для посещения и духовных бесед. И неудивительно, ибо как в мире разговоры мешают заниматься делом, так они же отвлекают монаха от богомыслия, почему Арсению великому и было сказано: «Арсений, беги, молчи, здесь начало безгрешения», «убегай от людей, чтобы спастись». Оттого и блаженный Павел, будучи недоволен своим уединением, решился просить пр. Сергия, чтобы он благословил его идти в пустыню и совершенно удалиться от людей. Угодники Божии, вполне понимая один другого, не могли не предощущать того небесного звания, к которому каждый из них уготовлялся, и потому пр. Сергий отпустил его, всецело уверенный в чистоте и святости его побуждений. Он дал ему в благословение медный крест, как непобедимое орудие на врагов видимых и невидимых, и с этим знаменем победы Христовой над диаволом – единственным материальным имуществом, вынесенным им из монастыря – Павел долго странствовал, много обошел мест и пустынь, как птица ища себе гнезда. Он жил несколько времени отшельником в Галичской великой пустыни⁹³, но это не понравилось игумену и братии, привыкшим к общежитию, и его изгнали из обители. После того он перешел на Городец, в Покровский монастырь к пр. Авраамии чухломскому так же к ученику пр. Сергия, потом на Низу у св. мученика Феодора во обители пребывание и оттоле во иных пустых местах жившие лета довольна, от мира и человек удаляясь», пока, водимый Промыслом, он не устремился на север и не нашел для себя желанной пустыни в пределах вологодских. Достигши непроходимого тогда Комельского леса, занимавшего огромное пространство, и переходя в нем из дебри в дебрь, Павел увидел на берегу речки Грязовицы большое дупло устаревшей липы и, поселившись в нем, три года вел жизнь самую суровую, забывал требования плоти и в безмолвии очищал ум духовными созерцаниями. Казалось, отшельник достиг того, чего желал, сюда не достигал уже голос человеческий, ничто земное не могло тревожить его душу и лишь одни пернатые вторили его молитвам и славословиям. Страшно подумать и представить себе, что

должен был претерпеть и вынести уже семидесятилетний старец в безлюдной пустыне и в такой тесноте зимою от мороза, летом от зноя и от множества насекомых! Между тем Павел как будто и не чувствовал своих лишений и страданий и еще радовался своему уединению. Однако милосердый Бог восхотел, чтобы подвиг избранника Его не оставался безвестным, чтобы пример его равноангельского жития послужил ко спасению многих, сделав их подражателями его. По тайному Его внушению старец вдруг оставил свое гнездо и перешел на реку Нурму, где ему полюбилось место в полугоре на правом ее берегу, показавшееся ему удобным для безмолвия. Во время своих многократных и продолжительным странствований, он много видал подобных мест, но сердце его никогда при виде их не чувствовало той тихой и мирной радости, какою исполнено было ныне. Довольно, сказал утрудившийся путник, се покой мой, zde вселюся, и преклонив колена, вознес молитву к Богу. Освятив усердною молитвою избранное место, он построил себе хижину, не многим просторнее оставленного им дупла, выкопал близ нее колодец и жизнь его опять потекла в подвигах поста, бдения и молитвы, сопровождаемой благодатными слезами умиления. Хотя он и приблизился уже к глубокой старости, но не только не ослабевал в своих подвигах, а напротив казалось, что чем более он жил и старался, тем более увеличивалось в нем усердие к подвигам, тем более обновлялись и укреплялись его силы, так что пять дней в неделю он проводил совершенно без пищи и только в субботу и воскресенье вкушал немного хлеба и воды. В течение 50 лет своей подвижнической жизни привыкши почти постоянно пребывать в молитве и бдении, блаженный подвижник достигнул того, что молитва и славословие Богу не переставали исходить из уст его, предупреждая в том присных ему пернатых до восхода зари и на закате солнца, так что он мог сказать о себе: аз сплю, но сердце мое бдит (Песн. песн. V, 2).

Исконный враг рода человеческого диавол, не устыдившийся некогда искушать Самого Господа, не оставил в покое и старца подвижника, стараясь утратить его своими мечтаниями и прогнать из пустыни, но как призрак являлась и

исчезала бесовская рать, прогоняемая крестным знаменем и пламенем молитвы Павловой. Видя безуспешность собственных козней и нападений, диавол покушался достигнуть своей цели чрез своих клеветников, но и в том не имел никакого успеха. Подушаемые им злые люди однажды напали на старца, связали ему руки и ноги, избили и ограбили все, что было у него в келье, но Бог послал добрых людей, которые развязали пустынника. От нападения врагов он не только не устранился и не упал духом, но еще радовался и благодарил Бога за случившееся с ним искушение, повторяя слова Апостола: недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас (рим. VIII, 18). Велики были подвиги и труды пустынника, тяжки и многочисленны нападения и скорби, перенесенные им и от бесов и от людей, но в то же время велики и несказанны и утешения духовные, который дарованы были ему свыше. Мир бессловесных, видя его достигшим первобытной повинности Адама и живущим по образу бесплотных, не только не враждовал с ним и не вредил ему, но и подчинялся его власти. Пр. Сергей нуромский при первой встрече с блаженным Павлом увидел истинно райскую картину: стан птиц вились около пр. Павла, иные из них сидели у него на голове и на плечах и он кормил их из своих рук; тут же стоял медведь, ожидая нищи от пустынника, лисицы, зайцы и другие животные бегали вокруг, не опасаясь сильнейших и не нападая друг на друга, но смиренно ожидая своей очереди. Тварь еще не забыла своего первоначального назначения и охотно повинуетя человеку, когда видит, что он достоин того и верен Творцу! С духовной радостью встретились великие подвижники и познали друг друга; они сделались друзьями, советовались между собою во всех своих духовных предприятиях и часто посещали друг друга, утверждаясь взаимно на высокие подвиги. Павел избрал Сергия своим духовником, открывал ему все свои помышления и такое имел к нему уважение, что когда Сергей посещал своего духовного сына, то он провожал его до владений Сергиева монастыря. На том месте, где подвижники раздавались, стоит уединенная часовня, находящаяся ныне на поле села Спасского, заменившего обитель Сергиеву. Но особенно пр.

Павел рад был тому, что отныне не было ему необходимости по несколько лет лишаться приобщения св. Таин ибо опасался подолгу оставаться без сей божественной пищи. Случилось однажды ему выйти из своей кельи в пустыню, и по возвращению назад он с изумлением увидел, что келья его разрушена до основания. Страх человеческий внезапно объял пустытника и он бежал к пр. Сергию рассказать о своем несчастье. Так премудрость Божия попускает иногда и праведным впадать в недоумения, чтобы предохранить их от высокоумия. Пр. Сергей, видя друга в тревоге и волнении, уразумел, что это было только искушение и мечтание бесовское, оградив Павла крестным знамением, он сказал: «Бог нам прибежище и сила (псал. XVI, 2), иди, брат мой, с миром, ты найдешь свою келью целою». Отшельник поверил словам своего отца более нежели собственным глазам и возвратись действительно нашел келью свою в целости.

Когда молва о новом отшельнике нуромском мало по-малу распространилась по окрестным местам, стали приходить к пустынику посетители: иной шел только затем, чтобы видеть великого подвижника и получить от него благословение, другой являлся с растерзанным от горя или с удрученным грехами сердцем и просил пустытника указать средства к успокоению мятущейся совести, третий желал насладиться благочестивою беседою святого старца и получить от него мудрый совет в каком-либо затруднительном деле, ибо он обладал словом премудрости и утешения и беседа его то трогала и умиляла сердце слушающего, то ободряла и успокоивала. По временам являлись к отшельнику и такие люди, которые, насладившись лицезрением и беседою его, не хотели более возвращаться в мир и просили Павла, чтобы он позволил им остаться с ним и был бы вождем и руководителем их в деле спасения души. Павел, всю жизнь свою бегавший людей и стремившийся к безмолвию, мене всего был расположен принимать к себе учеников, он долго не соглашался на самые усердные просьбы и не решался принять на себя новую и высокую обязанность наставничества, почитая себя и недостойным и неспособным к ней но видя, что время уединения уже прошло для него и что не

без воли Промысла народ стекается к нему в пустыню, не стал более отказывать приходящим и дозволил им селиться близ своей кельи, обращаясь с ними не как старший, а как последний из всех наставляя не столько словами, сколько примером собственной своей жизни. По словам писателя жизни преподобного, все они были тогда нищи земными стяжаниями, любили жизнь суровую, отвращались неги и пристрастия к миру и чем более возрастало духовное их братство, тем более они усугубляли свои подвиги: воздержание, бдение и молитву, имея попечение только о том, как бы угодить Богу и представить душу свою неосужденною в час смерти. Пр. Павел радовался и благодарил Бога, видя, настроение духа и труды своих сподвижников, но не принимал над ними начальства, все еще ожидая указания воли Божией. И оно не замедлило. Раз ночью, стоя в своей келье на молитве, пр. Павел вдруг услышал звон колоколов в лесной дебри за рекою Нурмою. Случилось тоже самое и в другой раз, затем стало повторяться чаще и чаще и при том к не малому удивлению старца в простые дни слышался обыкновенный звон небольших колоколов, а на праздники более громкий и чем более был праздник, по церковному уставу, тем торжественнее был звон. Долго старец не обращал внимания на звон невидимых колоколов, считая его мечтанием и дьявольскими кознями и не объявляя о том никому, но одно обстоятельство уверило его в противном. Наступал праздник Пасхи и пр. Павел еще с вечера начал всенощное бдение, изливая душу свою пред Богом в самой усердной и слезной молитве, вдруг в самую полночь он слышит торжественный звон. Невольное любопытство овладело старцем. Сотворив молитву, преподобный открыл окно своей кельи и взглянув под гору к Нурме, увидел необыкновенный свет, сияющий за рекою в лесу на том месте, где ныне стоит монастырский храм святой Троицы. Павел ощутил в сердце своем мир и невыразимую радость, всю ночь он провел в славословии Господа и пречистой Его Матери, по духовной радости, миру и спокойствию сердца он заключил, что слышанное и виденное им не мечта и что на том месте Господу угодно прославить Свое святое имя. Когда старец рассказал о

своем видении живущим с ним братьям, то и они все единогласно подтвердили его мнение и просили его заняться построением храма и обители, и сам преподобный видел, что после бывших видений еще медлить исполнением воли Божией, выраженной столь ясно, было бы непростительно и решился посоветоваться о том со своим духовным отцом, пр. Сергием. Чрез несколько времени пришедши в обитель Сергия, он нашел его на одре болезни, весьма изнемогшим от старости и уже готовящимся к скорому исходу. Тягостна была для Павла разлука с отцом и собеседником многих лет пустынной жизни, припавши к ногам его и обливаясь слезами, он просил себ прощения и благословения умирающего старца; плакал и Сергий и просил пустытника не забывать его по смерти и молиться о нем Богу. Когда оба несколько успокоились и перестали проливать слезы, Павел рассказал Сергию о том, как он много раз слышал звон невидимых колоколов, а в ночь на светлое Христово Воскресение увидел необыкновенный свет. Блаженный Сергий принял это за указание Промысла и в духе пророческом предсказал своему другу, что на том месте соорудится иноческая обитель с храмом св. Троицы, и что многие спасутся в ней. Преподобный советовал Павлу немедленно приступить к построению ее, но пустытник отвечал, что хотя и братья просили его о том же, однако он находит для себя более полезным уединение, не чувствует в себе способности к управлению общежитием и считает себя недостойным быть руководителем других. Тогда блаженный Сергий зная, что только крайнее смирение побуждает пустытника отказываться от принятия на себя устройства обители и от управления братией, благословил Павла, по кончине своей, взять себе в помощники постриженника и ученика своего Алексия и тем отнял у него всякий предлог к новым отказам. Так блаженный Сергий даже приближаясь к смерти, заботился о пользе и о спасении других и в ущерб собственной обители, отдавал пустыннику лучшего из своих учеников, желая в лице Павла дать иночествующим опытного и мудрого руководителя. Это было уже последнее свидание подвижников в сей жизни, давши друг другу целование, они расстались до

свидания в блаженной вечности: Павел, возвратившись в свою пустынную келью, стал рубить лес и очищать место за рекою Нурмою, где слышал звон колоколов и видел необыкновенный свет, блаженный же Сергей, проживши лето, и все более и более изнемогая, скончался осенью. По преставлении Сергея Павел взял к себе ученика его Алексия и отправился с ним в Москву к митрополиту Фотию, чтобы испросить у него благословение на устройство храма и обители. Тогда часто многие являлись к владыке с подобными просьбами, одни добивались себе дозволения устроить монастырь для того, чтобы проводить в нем жизнь более спокойную и обеспеченную, нежели какую вели в мире, другие чтобы выйти из под начальства строгого настоятеля и самим быть начальниками. Понятно, что митрополит Фотий, как строгий инок и блюститель порядка, не мог не относиться к таким просителям с недоверием и часто должен был отказывать. Когда явился к нему Павел, то старость, убогий вид, худая одежда и простота обращения на первый раз не могли много внушить к нему доверия со стороны первосвященника, который к тому же был иностранец (грек) и но недавнему прибытию своему в Москву, не обладал вполне знанием русского языка. Фотий неблагоприятно принял безвестного просителя, гневно и с предубеждением говорил с ним и, относя все видения его к мечтам расстроенного воображения, отпустил его неудовлетворенным. Тяжело и горько было пустынножителю выслушивать несправедливый и обидные слова владыки после того, как он раскрыл пред ним свою душу, но смиренный послушник не возражал и только выходя из митрополичьих келий, объятый ревностью к святому делу, сказал в ответ: «не так будет как ты говоришь, владыко, а совершится так, как угодно пресвятой Троице, избравшей меня недостойного орудием к прославлению Ее святого имени». Сказав это, старец удалился. В следующую ночь страшное видение видел святитель и услышал голос: «зачем ты оскорбил человека Божия? Не знаешь ли, что оскорбляешь самого Христа, благоволившего, чтобы исполнилось то дело? Поспешి найти старца и исполни все по его прошению, иначе много за то

пострадаешь». Фотий всю ночь провел без сна в страхе и сожалении о своей невольной погрешности и утром разослал всех своих служителей, чтобы скорее отыскали и привели к нему пустынника. Посланные нашли его на молитве в одной из московских обителей. С особенною честью, в дверях своей кельи, встретил, его владыка и испросив прощения в том, что вчера по неведению наговорил ему много оскорбительного, и потом просил рассказать подробно все, чего он желает. Выслушав желание преподобного и узнав его кроткий и боголюбивый нрав, митрополит благословил его воздвигнуть храм св. Троицы и устроить общеание. При этом учительный владыка долго беседовал с ним, наставляя от божественного писания, каков должен быть пастырь человеческих душ и наставник их на путь спасения, он дал ему значительный вклад на строение обители и в знак своего уважения к пустыннику, принудил его принять для себя собственную его богатую одежду, которую старец вскоре переменял на худшую. Так как Павел, по своему смирению, отказался принять на себя сан священства, то владыка посвятил в священный сан для устрояемой обители ученика его Алексия.

По возвращении пр. Павла из Москвы немедленно началось в пустыне святое дело строения храма, а когда он был сооружен, святитель Фотий прислал с антимином поучительную грамоту пустыннику. По содержанию ее видно, что он сам просил митрополита преподать письменное наставление инокам новой обители, более для них обязательное как исходящее от лица архипастыря, нежели его собственные наставления, видно и то, что Фотий повторяет даже слова и мысли самого старца. Ты прислал ко мне грамоту, пишет Фотий, прося святого антимины на освящение храма и благословения на желание устроить святую обитель и собрать братию; ты пишешь, сын мой, что уже и собрал ты желающих. Не только не препятствую я сему, но посылаю благословение и молю милостивого Бога, да просветит то место и прославится имя Его в вас. Я послал антимины для освящения храма Божия. Когда ты был у меня, помнишь, сын мой, ты сам много говорил, каковым надобно быть духовному настоятелю. Ему должно быть

образцем для всех, в день великого суда он будет давать ответ за души, вверенные ему. О том же пишу и я: будь внимателен к тому, кого и откуда принимаешь к себе. Приходят они в безветренное пристанище, в святую обитель, принимают на себя ангельский образ, обещают переносить до последнего издыхания всякую нужду; такое исповедание записывается ангелами, хранится в руке Творца нашего Владыки Христа, коему даем мы обещания и предъявлено будет пред лицом нашим в день великого суда. Пишу любви вашей, собравшиеся там о Христе! Помните, что подчинив временное вечному, придя в безветренное пристанище, приняв на себя великое иго, вы решились работать небесному Царю. Мы дали обещание не ангелу и не царю или князю времени, а обещались Царю царствующих. С сим исповеданием нашим Господь явится в день суда и воздаст каждому, чего кто стоит. Молю вас крепко внимать сему исповеданию и ограждать себя словом Христовым: никтоже, руки возложав на рало и зря вспять, управлен есть в царствии небесном. Молю вас, потщитесь совершать подвиг свой по званию своему; старайтесь сохранить, ризу спасения и шлем нелицеприятия чистыми и вас самих представить непорочными Владыке своему. Будьте непоколебимыми воинами Христовыми, мужественно и смело боритесь с крепкими борцами. Супостат наш диавол не хочет спасения нашего, раскидывает сети и козни против нас, ловит в свою волю и нетерпит того, чтобы возвышались мы над тлением⁹⁴. Соорудивши храм, устроивши братские кельи и другие необходимые здания и службы, пр. Павел ввел в новоустроенной обители самый строгий порядок и общежительный устав, подражая в том Пахомию великому и Феодосию киновиярху, постоянно и тщательно наблюдал, чтобы все исполнялось по преданию отеческому, не позволял ни для кого ни малейшего послабления, и кто не захотел бы повиноваться, того он велел изгонять из обители, чтобы прочие иноки имели страх и чтобы пример одного не заразил многих. Устав его требовал, чтобы в монастырь все было общее и никто не имел бы никакой собственности и не держал в келье ничего излишнего. Жаждой ли кто был одержим, тот должен был идти в

трапезу и там утолить ее, а хлеба и других снедей или какого-нибудь питания ни у кого не было в келье, кроме воды для умыванья, так что если бы и случилось Ему зайти в чью-либо келью, он ничего не нашел бы в ней, кроме св. икон и книг. Братия, избрав ради Христа произвольную нищету для наследования благ вечных, побуждаемые примером и наставлениями старца, старались не связывать себя ничем житейским. Единственная их забота состояла в том, чтобы превзойти друг друга смирением, отречением от всего, любовью, тем, чтобы прежде других прийти в церковь, молиться с благоговением и страхом и не говорить ничего суетного, ибо блаженный Павел строго запрещал беседовать о чем-нибудь во время пения и чтения в церкви и за обедом в трапезе. Лучше, говорил он, пасть с высоты, чем позволять себе многоглаголение. На трапезе каждому он велел занимать свое определенное место и пребывать в молчании, так чтобы во время еды неслышно было ничьего голоса, кроме чтеца. Когда братия отходили на какое-нибудь послушание, то так же в молчании и втайне молясь Богу, должны были исполнять его. Каждый должен был трудиться как для того, чтобы не быть праздным и питаться своими трудами, так и для того, чтобы иметь возможность помогать другим и давать милостыню. Занимающиеся каким-нибудь особенным ремеслом и рукоделием, все, что ни сделают, обязаны были отдавать в общее хранилище. Братия, говорил им преподобный, известно вам, что мы все получаем из общего хранилища: одеяние, обувь и прочее, а потому повелеваю вам все свои труды отдавать туда и никому не иметь у себя никаких особых вещей, чтобы не сделаться вам рабами своей собственности. Опасайтесь, чтобы, оставя большее, не запутаться в малом и таким образом не подчиниться врагу. Отнюдь не дозволял преподобный иметь в монастыре горячих напитков, ибо они, говорил он, составляют корень всех зол, – запрещая употребление их при жизни своей, он наказывал соблюдать это и после его смерти. Зная по опыту пользу уединения и безмолвия, он никому не позволял входить в чужую келью или останавливаться друг с другом на монастыре и заводить разговоры, но как из церкви после

службы, так и из трапезы каждый должен был идти молча в свою келью.

Преподавши такие правила своей новоустроенной обители, пр. Павел ближайшим блюстителем их и настоятелем обители поставил ученика своего Алексия, оставаясь сам по-прежнему в своей уединенной нагорной келье, в совершенном безмолвии и только по субботам и воскресеньям приходил в обитель на общую молитву. В эти дни он ходил вместе с братией и на трапезу, но вкушал только хлеб с водою и то мало, проводя все остальное время без всякой пищи. Постоянно днем и ночью пребывая в молитве и поучаясь закону Божию, блаженный старец списа и богатые духовные дары: опытность в иноческих подвигах и в борьбе с помыслами, такую прозорливость, что мог узнавать тайные помыслы учеников, и дар благодатного слова и утешения, врачую им душевные недуги нравственно немощных. Беседовал ли с ним одержимый какою-либо страстью, получал от преподобного врачевство, и приходил ли отягченный скорбью – находил утешение; для каждого у него готово было полезное слово и прием самый радушный и отеческий. Ибо хотя со времени иострижения своего в иночество в течение почти семидесяти лет пр.Павел бегал людей и постоянно стремился к уединению, но по устройении обители никому не отказывал в наставлении, утешении и т. п. Он почерпал свои наставления и утешения из многолетнего опыта, из постоянного наблюдения за движениями своей души, из долговременной борьбы с порочными влечениями, из глубокого познания человеческой природы со всеми ее слабостями и недостатками. Достигши самой глубокой старости и от необычайных трудов изнемогая телом, Павел не ослабевал духом, с любовью и благодарностью к Богу переносил старческие недуги и по-прежнему строго исполнял свое келейное правило; ученики, движимые любовью к нему, просили его дать отдых изнемогающему телу, но он не соглашался, не желая, чтобы плоть одолевала дух. И чудное действие жизни духовной! Пр. Павел достиг 112 лет, но все еще был светл и бодр, глаза его были светлы, сия кротостью и добротою, стан не согбенный, движения быстры; когда его постигла предсмертная довольно продолжительная и тяжкая

болезнь, не было слышно ни жалоб, ни стонов и воплей, только благоговейное безмолвие и тихая, сосредоточенная беседа с Богом показывали, что старец уже готовится к исходу в вечность. В день Богоявления, когда братия пришли к нему в келью, чтобы вести его в церковь к литургии, он вздохиул и прослезился. Ученики спросили его о причине слез, но старец по своему смирению сперва не хотел открыться и только вынужденный усердными просьбами, сказал: в сей день и час нечестивые татары взяв город Кострому, предали ее огню и мечу, многих увели в плен и все это за грехи наши, за то, что ходим в волях сердец наших. Чрез несколько дней в монастырь пришла весть, что татары действительно опустошили Кострому⁹⁵. Несколько дней спустя совершенно изнемогши телом и предузнав близость своей кончины, пр.Павел приказал созвать к себе в келью всю братию и лежа на смертном одре своем, долго беседовал с ними, со слезами прося и убеждая их соблюдать отеческое предание и монастырский устав и обещая им за то душевное спасение и процветание обители в хозяйственном отношении. Умоляю вас, уже слабым и прерывающимся голосом говорил он, не иметь никакого собственного стяжания и не употреблять горячих напитков, чтобы не прогневать Бога и не навлечь на себя клятвы вместо благословения. Весь устав монастырский и по смерти моей соблюдайте точно так же, как и при мне. Если таким образом будете жить и иметь в сердцах своих страх Божий, то не будет у вас ни в чем недостатка на сем месте. Если будете благочестивы, то и здесь будете блаженны и получите блага вечные и если я буду иметь дерзновение у престола. Божия, то обещаюсь молиться за вас, чтобы вы более и более успевали в добродетели и монастырь ваш процветал и приходил в большее совершенство. К этому он присовокупил еще и то, что если кто потрудится и потерпит в сем пустынном месте, то хотя бы и грешен был, получит от Живоначальной Троицы оставление и милость, только бы не ослабевал в своем подвиге и притерпел до конца. На плач и слезы братии о предстоящей с ним разлуке он сказал: братия, о мне не скорбите, смерть моя не принесет вреда обители, но распространится и прославится место сие и

много будет жить в нем ищущих спасения, только храните предание и имейте нелицемерную любовь друг к другу. Это были последние прощальные слова его. В самый час исхода пожелал он еще раз причаститься божественных Таин, потом благословил братию, осенил себя крестным знамением и в тихой молитве предал Богу святую свою душу. Так кончил подвиг свой и перешел от здешней жизни в вечную блаженный Павел, великий угодник Божий, не только своими иноческими трудами, но и самую продолжительностью своей жизни далеко превзошедший современников и уподобившийся древним богоносным отцам пустынным. Кончина его случилась в 6937 (1429) году, 10 января. Лице его и по преставлении было светло и ясно точно у живого, казалось, что он вовсе не умер, а только заснул. С надгробья пением, со слезами и с великим благоговением подняв тело блаженного учителя своего, братия понесли его на своих головах чрез пустынные воды Нурмы в церковь и погребли среди своей обители близ храма живоначалной Троицы. – Всю жизнь блаженного Павла можно разделить на следующие три части: 22 года он провел в родительском доме, 50 лет жил в разных монастырях и пустынях, то в уединении и безмолвии, то в монастырских трудах и послушаниях и 40 лет по прибытии своем в Комельский лес.

Скоро Бог прославил своего угодника. Ученики его, привыкшие смотреть на пр. Павла как на ангела Божия еще при жизни, стали обращаться к нему как к угоднику Божию и просить его молитвенной помощи по его преставлении и по вере своей получали просимое. Молва о том привлекла в Обнорский монастырь множество посетителей, одержимых различными болезнями, и все они получали исцеление при гробе старца: слепые прозирали, глухие получали слух, бесноватые освобождались от злых духов; всякий молившийся и призывавший его с верою, каким бы ни был одержим недугом, получал исцеление и не только у самого гроба, но и вдали от монастыря. Но такова была тогда простота времени, что получившие исцеление не заявляли о том, кому следовало, а монастырские власти не старались собрать о них сведений и

записать их, оттого большая часть чудес, совершившихся при гробе преподобного, были забыты и навсегда утратились для потомства. Уже много лет спустя по преставлении пр. Павла одному иноку Обнорской обители пришла благая мысль для общей пользы душевной составить запись о слышанных им от монастырских старцев и о виденных им самим необыкновенных событиях и чудесных исцелениях, совершившихся при гробе преподобного. В этой записи неизвестного нам инока значится 25 чудес, совершившихся в разные времена. Из содержания их видно, что пр. Павел и по кончине своей не раз являлся строгим охранителем общежительного устава в своей обители от недостойных иноков и монастырского достояния от воров. Так два брата Обнорской обители, прожив некоторое время в другом монастыре, возвратились в Павлову обитель с новыми привычками. Они стали варить себе пищу в своей келье, один из них пошел взять тайно хлеба из трапезы, другой остался в келье и хлопотал около горшка, но вдруг услышал голос: окаянные! зачем вы разоряете монастырский устав? Он подумал было, что это мечта, но голос повторился и брат, пораженный ударом, пал в корчах, испуская пену из рта. Возвратившийся товарищ пришел в ужас, увидя брата в таком положении. Прости нас, отче Павле, что преступили заповедь твою, сказал он в слезах раскаяния и, поспешно схватив горшок с варовом, выбросил его за двери кельи. После усердной братской молитвы и обещания не нарушать вперед устава обители, больной пришел в себя и стал здоров. Брат, варивший квас, вздумал однажды унести сусла в свою келью и, наливши им ведро, пошел из поварни. Ему нужно было проходить мимо гробницы преподобного, лишь только он поровнялся с ней, как почувствовал себя нездоровым и ослабел всеми членами, так что не мог идти далее. Преподобне отче Павле! прости меня грешного и помоги мне, никогда более не сделаю подобного поступка, воззвал он со слезами раскаяния. Молитва его была услышана и вразумленный наказанием сам рассказал игумену о случившемся с ним, радуясь и благодаря Бога и Его угодника. – Другой брат, проходивший тоже послушание, в течение двух лет воровал сусло, заквашивал в своей келье и употреблял квас

когда хотел. За это он был наказан тем, что как-то раз испивши краденного квасу, тотчас же расслабел всеми членами и в таком положении остался на всю жизнь. – Монах Митрофан в течение многих лет любил есть и пить тайно от других в своей келье. Однажды находясь в церкви, он был поражен всеобщим разолабчением своих членов. Ужаснулась братия, увидевши его несчастное положение, и стала петь молебен живоначальной Троице и пр. Павлу о его выздоровлении. Хотя по молитвам братии болезнь и прошла тотчас же, однако одна рука и ноги его остались навсегда в расслаблении, чтобы и он сам и другие, смотря на него, удерживались от своевольных поступков и не смели нарушать монастырского устава. – Во время игуменства Илариона пришли ночью воры обокрасть монастырь. Когда они подошли к воротам, им представилась тут большая пропасть, из которой исходил пламень, и воры, объятые ужасом, разбежались. В следующую ночь они опять пришли с тем же намерением, но им показалось, что около монастыря находится множество народа, одни стреляют, другие ходят с копьями. Когда воры пришли к монастырю в третью ночь, то он показался им весь в огне. Видя во всем этом особенное покровительство Божие обители пр. Павла, воры пришли в чувство, сознали свой грех и исповедали его игумену. – В другой раз, когда воры хотели украсть несколько голов скота из монастырского стада, вдруг показался им седой старец с густою бородою, который ходил около стада, собирал его и не давал расходиться. Опасаясь чтобы старец не заметил их, воры ушли, но потом сколько раз ни подходили к стаду, все находили при нем того же старца. Наконец одумавшись и раскаявшись пошли и рассказали о том игумену, обещаясь вперед не делать ни каких покушений на монастырскую собственность. Один из братии, служа больным, обобрал их одежду и бежал из монастыря. Когда он достиг уже середины монастырского поля, у него отнялись руки и ноги, так что он не мог двинуться с места. Его нашли в таком положении и привезли назад в монастырь, где он скоро и кончил свою жизнь.

В Январь 1538 года толпы казанских татар устремились в Вологодские пределы, все предавая огню и мечу; проникнув в

Комельский лес, они нечаянно напали на Иннокентиеву пустынь, сожгли в ней церковь и кельи, убили трех старцев и захватили много пленных. Однако некоторые из последних, покрытые ранами, спаслись от рук их и бежали возвестить о своем несчастье в соседнюю обитель пр. Павла. Смутились пустыnnики, услышавши о близости варваров, и разбежались одни в Вологду, другие по окрестным местам кто куда мог, ничего не захватив!, с собою кроме одежды, которая была на них, а все, что принадлежало монастырской казне, оставили в монастыре. В обители оставалось не более десяти человек братии, удрученных старостью, которые уже не могли бежать, а некоторые из них и по вере к преподобному, не хотели оставить святого места. Обрекши себя на смерть, они все сошлись в одну келью и со слезами начали молиться, чтобы Господь умилосердился и не допустил варваров до обители. Всю ночь провели они в слезах и молитве и только к рассвету склонились ко сну. Один из них старец Ефрем, пребывавший 70 лет в посте и последние годы безвыходно сидевший в келье от чрезвычайного утомления к утру также сведен был в тонкую дремоту, которой еще нельзя было назвать совершенным сном, и вот он внезапно видит пр Павла, который входит к нему в келью, берет его за руку и из глубины сердца говорит: брат мой Ефрем, вас ждет тяжкая скорбь от печестивых варваров, тебя изрубят и еще двух с тобою, один поболее и выздоровеет. Не скорби о том, ибо смерть сия будет тебе в живот вечный, а монастырь ваш хотя и будет сожжен и разграблен, но еще лучше выстроится и будет богат. Сказав это, преподобный вышел из кельи, а Ефрем, воспрянув от дремоты, рассказал братии о том, что видел и слышал. Все бывшие с ним много скорбели о предстоящей гибели и те, которые еще могли, ускользнули из обители. Уже был четвертый час дня, а варвары не приходили и потому вышедшие из монастыря, надеясь еще провести спокойно тот день, опять возвратились к оставшимся инокам и все собрались в трапезу петь часы. Один из них Даниил, выглянув из окна трапезы, с ужасом увидел конную толпу татар, выезжавших из лесу, и тяжело вздохнув горько воскликнул: братия, ныне умираем, те, от которых чаяли

спастись, уже приближаются к монастырю. Тогда обятае ужасом старцы начали молитвенно возлагать на себя схимы, слезно прощаясь друг с другом. Между тем варвары были уже в монастыре и как только инок Дионисий вышел из трапезы, тотчас схватили и обнажили его, затем покрыв множеством ран отсекли ему голову. Два брата скрылись в самой трапезе: один под печью, другой в трубе, а инок Ферапонт молитвами пр. Павла невидимо прошел среди варваров. В это время пять человек бросились в церковь и стали там со слезами молиться Богу; варвары устремились из трапезы вслед за ними, сорвали с них схимы и всю одежду, покрыли множеством ран и совершенно нагих, оставили едва живыми, спеша грабить и искать добычи по кельям. Когда они добрались до кельи, в которой пребывал старец Ефрем и с ним два брата Мина и Митрофан, хищники стали мучить старца и после многих истязаний перерубили ему сзади топором шею, но не совсем и бросили замертво; убили так же и старца Митрофана, а келейнику Ефрема Мине пробили голову и плеча и так избили и изранили его, что голова едва только держалась на плечах; кого из мирян встретили и поймали в монастыре, так же всех измучили и изрубили. Ужасно было видеть святолепных старцев, столько лет подвизавшихся в обители, облитых кровью по седнам своим и поверженных то в кельях, то на дворе! Старец Ефрем оставался в живых еще 10 дней и, причастившись божественных Таин, предал Богу свою душу; спустя несколько времени скончались и другие старцы Герасим и Исаакий, все избитые и изъязвленные, а Мина, сверх всякой надежды, после долгой болезни выздоровел. Так в точности исполнилось предсказание пр. Павла. Варвары, разграбив все, что могли, зажгли монастырь, от которого остались одни только каменные церкви. На обратном пути из монастыря им попался на встречу монастырский служитель Иоанн; татары, раздевши его донага, изранили всего, прокололи насквозь, а шею чуть не всю перерубили и едва живого бросили на снегу. Погода была тогда весьма холодная и Иоанн нагой и израненный пять часов лежал без чувств как мертвый. Уже вечером придя в себя он с великим трудом кое как дополз до пустой избы, находившейся

вблизи, дыхание его исходило уже не естественным путем чрез горло, а чрез просеченные язвы и едва держалась в нем душа. Когда он лежал и стонал в пустой избе, содрогаясь от мороза и страдая от ран, то вдруг услышал, что кто-то говорить ему в окно избы: встань и иди отсюда в дом свой, иначе здесь погибнешь. — Как мне идти? Ноги поднять не могу, уже душа выходит из меня. — Помолись живоначалыюй Троице и призови на помощь пр. Павла, он тебе поможет, приложи к ранам бумагу. — Где мне взять здесь бумаги? Возразил больной, но осмотревшись к удивлению своему нашел подле себя бумагу и, приложив ее к ранам, почувствовал от того облегчение. Беспокоясь и думая о том, как ему изъязвленному и совершенно нагому и босому в такой мороз и ветер попасть домой версты за три, он задремал и уснул; во сне он видит пред собою благолепного старца, который сказал ему: еще ли не видишь над собою милости Божей? Посмотри, сколько на тебе тяжелых ран, насквозь ты проколот, шея твоя изрублена и ты еще жив! Тот, Кто мог в такой мороз согреть твое тело и дать тебе силы, чтобы неизнемошь совершенно, укрепит тебя на пути, только не сомневайся и веруй, что Бог может и мертвых воскресить, Он хочет явить над тобою свою силу и славу. Пробудившись Иоанн почувствовал в сердце своем необыкновенную радость и тотчас же встал и пошел. Ему казалось, будто кто несет его, так легко ему было идти и он скоро добрался до своего дому. Жена, увидя своего мужа в таком жалком положении, испугалась и едва узнала его: так изменили и обезобразили его раны. Много времени лежал он дома без движения и голоса, не принимая никакой пищи и питья, так что все отчаялись уже в его выздоровлении. Находясь в столь жалостном положении, он мысленно просил пр. Павла о своем исцелении и вдруг увидел пред собою того же старца, которого видел во сне в пустой избе. Ему показалось, что старец с ножом в руках, подошедши к его постели, стал резать ему живот, вынял оттуда внутренности и, очистив их ножом, снова вложил в чрево. Больной воскликнул в страхе: Отче, мне хотелось, чтобы ты исцелил меня, а ты изрезал всю мою утробу. Явившийся тихо отвечал ему: я по

утробу твою режу, а только отнимаю болезнь и тотчас же вышел из избы чрез окошко, которым и вошел к больному. Больной, вскочив с постели, бросился было к нему, чтобы удержать его, но старец, поднявшись на воздух, направился к монастырю и скоро стал невидим, а Иоанн тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым.

Некто Симон с Двины, прибывши в монастырь, с великим умилением и слезами рассказывал следующее: плыл он из реки Золотицы в Двину, имея у себя в лодке 15 человек. Сначала плавание их было благополучно, но вдруг подул сильный, противный ветер, на реке поднялись такие страшные волны, что вода начала вливаться в лодку, кормовое весло оторвало и парус изорвало на мелкие части. Все, бывшие в лодке, отчаялись в своем спасении и пали ниц на дно лодки, ежеминутно ожидая ее погружения. Двое из пливших в лодке жили прежде в Обнорском монастыре и предложили товарищам призвать на помощь пр. Павла, так как Бог, по его молитвам, творить велим чудеса. Все согласились и со слезами воззвали: преподобне отче Павле, помози нам и избавь нас от горькой смерти! Вдруг они слышат голос: вставайте! и увидали, что лодка, никем неуправляемая, благополучно достигла пристани и что с нее сходит святолепыный старец с широкою и густою бородою. Один из бывших с ними уверял, что когда он, лежа на дне лодки, поднял однажды голову, то видел того старца на корме, управляющего лодкой своим жезлом.

Некто Симон, родом из веси Кубены, тайно от своих родителей ушел в монастырь св. Троицы, называемый Белые пески, что при реке Оке. Чрез несколько времени он впал там в тяжкую болзнь, все члены его расслабели так, что он не мог двинуть ни руками, ни ногами, которые кроме того начиная от поясницы до самых пятей опухли и покрылись ранами. Пять лет страдал он этим тяжким недугом, не получая ни от чего помощи. Некто Алексей, пришедший в Белопесоцкий монастырь также из Вологды и увидевший Симона в таком жалком положении, советовал ему обратиться с молитвою о своем выздоровлении к пр. Павлу. Если хочешь быть здоров, говорил он, то молись пресвятой Богородице и пр. Павлу. Многие чудеса и исцеления

бывают при гробе его, если кто приходит к нему с верою, кто и на дальней стороне призывает его, получает просимое. Я убежден, что если ты с усердием и верою помолишься ему, то он не презрит тебя. Услышав такой совет, больной тотчас же со слезами начал молиться Божией Матери и призывать преподобного. Преподобне отче Павле, помилуй меня и помоги мне жестоко страждущему, если подашь мне облегчение от болезни, то я пойду в твой монастырь и там проведу все дни жизни моей, работая на иноков, живущих в святой обители твоей; лишь только он помолился и призвал на помощь преподобного, тотчас же руки и ноги его вытянулись, выпрямились и он стал ходить. Получив исцеление, Симон хотел исполнить свое обещание и скоро отправился в путь, но дошедши до Москвы, он нашел там человека, знакомого с его отцом, который взял его с собой и доставил домой. Родители ничего не слыхали о своем сыне с того времени, как он скрылся из дому, не знали даже жив ли он и потому весьма обрадовались его возвращению и стали спрашивать, где он был столько времени. Когда он, рассказав о своей болезни и о чудесном исцелении, упомянул об обещании поступить в монастырь, то они, обливаясь слезами, начали упрашивать его, чтобы он не оставлял их и отложил исполнение обета до их смерти. «Сколько лет мы не видались с тобой, ждали тебя, а ты снова хочешь «оставить нас, говорили они. Похорони нас и тогда ступай, куда хочешь». Видя родителей своих постоянно плачущих, Симон поддался их убеждениям и согласился сперва отложить только до времени свое поступление в монастырь, а потом они своими просьбами и убеждениями довели его до того, что он и вовсе оставил это намерение и согласился вступить в брак. Однажды ночью, когда он лежал на своей постели, думая о женитьбе, вдруг все члены его расслабли, ноги сволокло и пригнуло к чреву. Эта болезнь была гораздо тяжелее первой и он тогда же понял, что она послана ему в наказание за неисполнение обета, – раскаиваясь в своем поступке, он стал молиться преподобному и просить прощения. Родители, видя его страдания, сожалели о том, что сами были тому причиною, и отвезли его в монастырь. Здесь он или ползал на чреве или

валялся на спине и пробыл в столь жалком состоянии 15 недель, непрестанно молясь пресвятой Богородице и пр. Павлу. В одну ночь, когда он молился в одной хижине вне монастыря, вдруг хижина его осветилась так, как бы солнце возсияло в ней, – взглянув на небо, он увидел пресвятую Богородицу, сходящую к нему в хижину, лицо ее испускало лучи подобно солнцу, ризы Ее блистали как молния, за Нею следовал святолепный старец с густою белою бородою, держа клобук свой в руках. Расслабленный затрепетал от страха, увидевши Матерь Божию; Она подошла к одру его и сказала: «человек! Что ты лежишь? Поди в церковь и молись! Никто из живущих здесь не должен лежать и пребывать в праздности, а все должны молиться и трубиться по своим силам, а ты столько времени живешь в монастыре без всякого труда и напрасно хлеб ешь». «Старец, стоявший поодаль от Божией Матери, с великим благоговением сказал Ей: «воздвигни его Владычице и пусть он идет в церковь на молитву», – Она, взявши расслабленного за два пальца правой руки, приподняла с постели. От страха и радости, не помня жив или мертв, расслабленный вскочил с постели и побежал в монастырь. Зднсь он долго не мог прийти в себя и проговорить хотя одно слово. Успокоившись от волнения и видя себя совершенно здоровым, Симон припал к иконе Богоматери и к раке преподобного и со слезами стал благодарить их за свое исцеление, обещаясь не выходить из обители и трудиться на братию до самой своей смерти.

При игумене Протасии пришел из Москвы в Павлов монастырь некто Феодор пушкарь, родом фрязин, страдавший простудою. Пробыв в монастыре два дни, он вздумал пройтись и погулять около монастыря; во время прогулки он зашел к колодцу пр. Павла и испив из него воды, возвратился в отведенную ему келью, где и лег отдохнуть. Вдруг он видит святолепного старца с большою седою бородою, который подошел к нему и сказал: зачем ты без благословения игумена пил воду из моего колодца?» Феодор в страхе отвечал: – прости меня, отче святой, я не знал и согрешил но неведению. – «Поди к игумену, получи от него благословение и прощение и будешь здоров» – сказал старец и сделался невидимым.

Феодор в страхе тотчас же побежал к игумену и когда рассказал о всем случившемся с ним, почувствовал себя здоровым.

В 1546 году чрез восемь лет по раззорении обители татарами, игумену Протасию пришло на мысль поставить над гробом пр. Павла каменную церковь во имя его и его учителя пр. Сергия Радонежского, так как от гроба старца происходило много чудес и исцелений, очевидцем которых был Протасий. Когда начали копать рвы для фундамента, то нашли 6 мощей целых, к ризам которых не прикоснулось тление, как будто бы они были похоронены за несколько дней, хотя никто из монастырских старожилов не помнил и не знал их. Без всякого сомнения это были мощи учеников пр. Павла, старавшихся подражать ему в иноческих подвигах, каков был преемник его игумен Алексей и многие другие старцы, современники преподобного, пришедшие к нему еще до устройства обители. Услышавши об обретении нетленных мощей, один из братии, по имени Паисий, страдавший от зубной боли, пошел на то место, где они были найдены, и, взявши от одних мощей зуб, положил его на свои больные зубы, отчего тотчас же почувствовал облегчение от своей болезни, так что пришедши в келью мог уснуть, тогда как ранее по причине нестерпимой боли, не мог уснуть в течение нескольких ночей; проснувшись, он увидел себя совершенно здоровым. Когда копавшие рвы дошли до того места, где был погребен пр. Павел, то отступили на сажень в сторону, чтобы не потревожить его, но земля внезапно осыпалась и открылась часть гроба преподобного, который оказался совершенно целым и новым, земли над ним было только на четверть. Увидевши это игумен стал советоваться с братией, нельзя ли, приготовившись постом и молитвою, открыть гроб и осмотреть мощи преподобного? Это было в воскресенье после утрени. Пришедши в свою келью и прочитавши правило к причащению, игумен присел от утомления, немного задремал и вот видит, что отворились двери его кельи, входит сам пр. Павел и с гневом говорит ему: «зачем хочешь ты смотреть мои мощи? Огонь выйдет из гроба и пожжет вас, если вы осмелитесь прикоснуться к нему. Вели скорее сделать «гроб мой». В страхе и ужасе воспрянул игумен

и призвав к себе мастера, по имени Григория, рассказал ему страшное свое видение, повелевая как можно скорее исполнить волю преподобного. Каменщик, выслушав рассказ игумена, тотчас же с великим благоговением принялся за дело, а вскоре сооружена была и самая церковь.

В 1547 году московский собор российских архиереев причислил пр. Павла к лику святых. Служба ему написана в следующем 1548 году.

В настоящее время при перестройке почти заново всего монастыря, церковь над гробом преподобного, построенная игуменом Протасием, была разобрана и вместо нее сооружена новая, более обширная, в которой гроб преподобного, бывший прежде возле самой стены, приводится уже почти на середине. Над мощами его в 1878 году поставлена серебряная рака. Память пр. Павла совершается 10 января в день его преставления. Литой медный крест, которым пр.Сергий благословил Павла, часть липового дупла, в котором он шил как птица и колодец, выкопанный им при нагорной его келье, целы и доныне.

До штатов 1764 года за Павловым монастырем было 1964 души крестьян, ныне он положен в III классе с настоятельством игуменским.

Преподобный Александр Куштский

Цареградский уроженец и святогорский пострижник Дионисий в бытность свою игуменом на Каменном, ввел в нем строгий афонский устав и своею добродетельною жизнью столько прославился в окрестности, что народ толпами устремлялся па пустынный остров: то помолиться Спасу и от избытков своих снести милостыню на устройство обители и на содержание пустынной братии, то посоветоваться с прозорливым и учительным старцем о душевном спасении и получить от него благословение, а многие и для того, чтобы принять иноческое пострижение и навсегда остаться в обители. Приходили и люди пожилые, чтобы на пустынном острове, как в тихой пристани, найти себе успокоение от треволнений и бурь житейских; приходили и юноши, желавшие оставить мир, пока он еще не приковал их к себе, и учиться иноческой жизни под руководством, мудрого и опытного наставника. Игумен Дионисий принимал с отеческою любовью и радушием всех, приходивших к нему, и старался удовлетворить их духовным нуждам. В числе многих, приходивших в монастырь, является однажды молодой странник из Вологды, робко подходит к монахам, стоявшим в монастырских воротах, и низко кланяясь просит у них благословения. «Бог благословит тебя, чадо. Что тебе нужно»? Спросили иноки. Молодой человек отвечал, что желает видеть игумена. «Хорошо», сказали добрые старцы и повели странника к блаженному игумену Дионисию. Припав к ногам настоятеля, молодой человек со слезами просил принять его в монастырь и удостоить иноческого пострижения. «Чадó, подумал ли ты о том, чем просишь? знаешь ли, что это место весьма скорбно и требует подвигов? Ты еще молод и не перенести тебе всего». Странник отвечал игумену: – Бог всем желает спасения, Он привел меня сюда; все, что прикажешь, готов я исполнять, сколько сил моих будет, только Бога ради не отвергай меня от себя. Видя в молодом человеке такое усердие, игумен не стал более возражать и велел ему служить братии. Молодой послушник с таким усердием начал проходить

возложенное на него послушание, что заслужил от всех одобрение и похвалу; сам игумен, провидя в нем доброго подвижника и избранника Божия, сократил для него время монастырского искуса и чрез несколько месяцев постриг в монашество, нарекши ему имя Александра вместо Алексея, и поручил его руководству опытного старца. Новый инок весьма был этому рад и совершенно всего себя предал Богу, с охотою исполнял все монастырские послушания, соблюдал самый строгий пост и обуздывал им юную свою плоть, на устах и сердце постоянно имел молитву, ни одного часу не проводил без рукоделья и труда, так что вся братия дивились его подвигам и смирению и смотрели на него, как на ангела Божия. Много лет провел в этих подвигах блаженный Александр, возрастая и укрепляясь в жизни духовной, и без всякого сомнения в это время получил сан священства, как человек, пользовавшийся общим уважением всех иноков в обители. Впоследствии, когда Александр явился в Ростов к архиепископу, то он называл уже его сыном и сослужебником.

Сколько люди мирские любят честь и заботятся о том, чтобы все их хвалили, столько же истинные рабы Божии стараются скрывать свои добродетели и работать Господу втайне, чтобы не видала даже шуйца, что творить десница. Это оттого, что слава и почести земные не только часто бывают поводом к искушениям, но и умаляют небесные награды. Горе, егда добре рекут вам вси человецы (Лук. VI, 26). Помяни, говорил Авраам страждущему в муках богачу, яко восприял еси благая твоя в животе твоём и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страждеши (Лук. XVI, 25). Оттого любовь и уважение братии не только не радовали смиренного сердца пр. Александра, но еще приводили его в печаль и смущение. Тяготясь ими, он решился оставить многолюдную обитель и, стремясь душою с незримым людьми подвигам, начал помышлять, как бы ему найти пустыню по сердцу своему, где бы он, неведомый никем, мог беспрепятственно служить единому Богу. Правда, ему жаль было братии, искренно его любившей, жаль и обители, в которой он при пострижении обещался пребывать до смерти, но любовь к пустыне и уединению

превозмогла и то и другое. Зная, что игумен и братия не захотят с ним расстаться и будут его уговаривать оставить свое намерение, блаженный решился, как ни было это тяжело для его любящего сердца, оставить монастырь не простившись с ними. С этою целью после вечернего правила, когда вся брат предалась покою, он пал в своей келье пред иконою и долго и слезно молился, из глубины сердца взывая: настави мя Господи на путь Твой (пс. IXXXV, II) и исправи пред Тобою путь мой (псал. V, 9). По окончании молитвы Александр, взявши только самое необходимое, вышел из кельи и под покровом ночи никем незамеченный удалился из монастыря на сверпый берег озера и пошел искать себе безмолвного места для жительства. Странствуя несколько дней по лесам и дебрям и все более удаляясь от озера, он пришел на реку Сянжему, где были густой лес и озера. Здесь понравилось ему одно место, со всех сторон окруженное болотами; полагая, что вблизи его нет селений и что оно, по своей неприступности, никем не посещается, пр. Александр поставил себе тут малую келейцу и стал проводить жизнь в молитвах и в крайнем лишении, радуясь тому, что может жить в совершенном безмолвии и уединении. Се удалился бегая и водворихся в пустыни, повторял он с Давидом (псал. LIV, 8). Но сверх всякого чаяния чрез несколько времени мало по-малу стали приходить к нему люди и, изумляясь жизни пустытника, благодарили Бога за то, что в их стороне явился такой подвижник. Любитель безмолвия и смирения ужаснулся молвы и людской славы, и поспешил удалиться с избранного им места к берегам Кубенского озера, надеясь тут найти себе более пустынное и безмолвное место. Здесь, на устье речки Кушты, среди непроходимых болот, жил в то время пр. Евфимий, подвизаясь в посте и молитве в совершенном уединении. Александр слышал о нем еще в монастыре от братии и теперь, проходя по лесам для отыскания себе места жительства, нечаянно пришел к пустынной его келье. Обрадовались пустынники, увидев друг друга, и как едннопавные, стремившиеся к одной и той же цели, не мало дней и ночей провели вместе в молитвах и духовных беседах, пользуя друг друга своими опытами и наблюдениями.

Пр.Александру понравилось место жительства Евфимиева и он не скрыл от своего духовного брата запавшего в сердце его желания и просил пр. Евфимия уступить келью, предлагая ему в замен свою, оставленную им на Сянжеме. Блаженный Евфимий принял желание брата за указание Промысла и, как не имущий своих си, охотно согласился на предложение Александра. Припадая к ногам один другого и взимно прося себе молитв и благословения, пустынники расстались со слезами. Отходя Евфимий оставил свой крест в благословение Александру.

Любовь к пустынножительству вывела пр. Александра из монастыря, желание служить Богу втайне, неведомо для людей, и опасение людской молвы побудили его оставить только что выстроенную им пустынную келью, ради уединения же он расстаётся с единоправным себе подвижником и просит пр. Евфмийа оставить его одного к перейти на Сянжему, если бы было возможно, он, кажется, рад был бы скрыться от самого себя, чтобы непрестанно молитвенно беседовать с Богом, но человек только предполагает, а Бог располагает и ведет его к предназначенной ему цели часто неведомыми и по-видимому даже противоположными путями. Оставшись один пр. Александр не долго прожил в излюбленной им келье Евфимия. Горячему любителю пустыни и уединения показалось, что занимаемое им тихое побережье очень удобно для устройства обители и хорошо бы тут построить храм и собрать братство. Подошедши еще ближе к озеру, не подалеку от устья речки Кушты, преподобный водрузил крест, который всегда носил с собою, и, павши пред ним на колена, долго и усердно молился, дабы Господь благословил?, его собрать тут ревнителей крестного пути и устроить монастырь. Построив себе близ креста малую келью, пр. Александр переселился в нее из кельи Евфимиевой и начал еще более изнурять плоть свою постом, моли твою и непрестанными трудами, рубил лес, очищал место для будущей обители и, за неимением земледеческих орудий, лопатою вскапывал землю под посев ячменю (яровое жито) для своего скудного пропитания. Ибо пищею его был только сухой хлеб и вода, да и то в малой мере. Не мало терпел он и от духов нечистых, доколе не прогнал их от себя силою крестною.

Спустя несколько времени пришел к нему в уединении один старец, которого он с радостью припал и упросил остаться с ним вместе; пять лет прожили они вдвоем в пустынных трудах, изнуряя тело и очищая и укрпляя душу. Когда пришел к ним еще третий брат, пр. Александр сказал: «братия, Господь обещал невидимо пребывать там, где соберутся во имя Его два или три. Вот нас уже трое. Хотелось бы мне на этом пустынном месте, если будет на то воля Божия, построить церковь». – Воля Господня да будет, честный отче, да прославится имя Господа и пречистой Его Матери на этом месте, отвечали они, радуясь желанию старца. Тогда пр. Александр пошел в Ростов к бывшему игумену своему, а тогда уже архиепископу Дионисию⁹⁶ и благочестивый архипастырь с отеческою любовью принял своего постриженника и не только благословил его устроить на избранном им месте храм и монастырь, но и снабдил его всем необходимым для устройства и освящения церкви. «Епископ же Дионисий, говорит писатель жития пр. Александра, духовно поучив его и душеполезная словеса беседовав к нему, благослови его и рече: о святом Дусе возлюбленному сыну моему и сослужебнику нашего смирения Александру мир и благословение буди, и дает ему вся потребная на устройство пустынное». Получивши благословение архипастыря, пр.Александр возвратился в свою пустыню и немедленно приступил к построению храма в честь Успения Божией Матери. В то время заозерьем владел князь Димитрий Васильевич, происходивший из второй династии ярославских князей и живший в деревне Чиркове, верстах в трех от пустынной кельи Александра. Он рад был тому, что в его отчине являются подвижники, и поспешил дать старцу все нужное для строения обители, а супруга его княгиня Мариия украсила новоустроенную церковь, святыми иконами и дала на престольное евангелие – апракос⁹⁷. Последуя их примеру, боярин Василий отдал преподобному свою деревню Колябино на речке Куште, на помин своей души. При помощи таких доброхотных дателей и при неусыпных трудах пр. Александра, церковь вскоре была построена и освящена в великой радости пустынников; сделано было также все, необходимое для

небольшого монастырского общежития. По окончании монастырских построек преподобный не переставал трудиться, заботился о хозяйстве общежития, принимал посетителей, однако не только не изменил своего пустынного правила, но еще усугубил свои подвиги, постоянно пребывая в посте, молитве и строго наблюдая за своими помыслами. Когда христоролюбивая княгиня Мария ближе узнала о его подвигах, то возимела к нему великое уваженис и веру и стала посылать ему от своего стола пищу и питье, но он все то раздавал маломощным (хворым) и нищим, не оставляя себе ничего и поучая братию воздержанию и терпению. «Весте ли, любимцы мои, яко подобает нам многими скорбми внити в царство небесное? Нудится бо царствие Божие и одни только нуждницы восхищают е». Когда князь заозерский уехал в Ярославль на войну, татары напали на его отчину, опустошили села на устье реки Кубены, а пятеро из них прискакали и в обитель Александрову. Спокойно встретил их преподобный и осенил крестом, и враги креста пали, как мертвые. Они пролежали без чувств несколько часов, пока преподобный не пробудил их от омертвения именем живопачальной Троицы, после чего они тотчас же удалились из обители, благодаря и прославляя милосердие старца. По смерти князя Димитрия, павшего в битве с неверными, княгиня отдала на его поминование в пользу обители деревню Горку окулинины лавы. Раз она нечаянно пришла в монастырь и вошла в церковь, где пр. Александр, не предполагая никаких посетителей, в простоте пустынной, читал псалтирь, будучи обнажен до пояса и терзаем насекомыми. Старец, скрывавший свои подвиги, огорчился этим бесцеремонным посещением и сказал ей: «не следует тебе, княгиня, надзирать за нашим убожеством». Княгиня созналась в своей, погрешности и смиренно просила прощения у огорченного старца. Преподобный простил, но сказал в наставление: «Корми свою нищету в доме», что она и обещалась делать. Возвратившись домой, она вскоре занемогла и послала просить молитв преподобного; старец, прозрев духом скорую ее кончину, предварил ее о том и велел посланному сказать ей, чтобы готовилась к жизни загробной.

Спустя 20 дней она скончалась. – В одно лето народилось в пустыне довольно пшеницы, посеянной трудами преподобного с братией. Однажды, когда работники, обмолотивши и извезавши, оставили ее в вороху и ушли отдыхать, один крестьянин вздумал воспользоваться чужим добром и насыпал себе мешок пшеницы, но, сколько ни старался, никак не мог поднять. Преподобный, застав его за этой работой, с кротостью сказал вору: «напрасно ты, сын мой, поднимаешь не по силам». Тот бросился к ногам старца, прося прощения, старец же велел ему еще прибавить пшеницы в мешок, сколько войдет, и, сделав наставление не брать вперед чужого, велел взять мешок и идти с Богом. Крестьянин легко поднял благословенную ношу и пошел, благодаря великодушного старца.

С самых первых дней прибытия своего на Каменный монастырь проводя жизнь в посте и молитве, трудясь всегда с таким юношеским жаром, как будто он еще только начинал трудиться и служить Богу, оканчивая день так, как будто он жил уже последний день, пр. Александр достиг наконец глубокой старости и стал изнемогать телом. В то время при нем находились только два брата, старцы Савватий и Симеон, пришедшие к нему еще до построения церкви. Предчувствуя близость своей кончины, преподобный сказал им: «слабею я, братия, а вы терпите на этом месте, храните смирение и любовь друг к другу, украшайтесь чистотою, не забывайте страннолюбия и ни во что вменяйте блага мирские и славу жития сего, ожидая вместо них от Бога благ небесных». Сильно опечалились братия, услышавши о предстоящем им вскоре разлучении с блаженным старцем и со слезами сказали ему: «Ты оставляешь нас в скорбях и страстях, на кого же покидаешь нас, кому поручаешь пещись о душах наших»? – «Богу и Его пречистой Матери и святителю Николаю; постройте ему церковь на том месте, где я вам укажу», отвечал старец. Дождавшись воскресного дня, он в последний раз совершил божественную литургию и причастился святых Христовых Таин, по окончании же службы, ставши пред иконою Спасителя, воздевши руки и устремивши взоры к небу, с глубоким смирением и слезами стал ударять себя в грудь и молить Господа, чтобы Он не помянул

его согрешений и принял в свои вечные обители. Потом, павши на колена пред иконою Богородицы, со слезами просил Ее быть заступницей и покровом обители, посвященной Ее имени. По окончании молитвы смиренно просил братию поминать душу его в своих молитвах и, простившись со всеми, ушел в свою келью, на другой же день по утру (в первом часу дня) безболезненно и мирно скончался, имея от роду 68 лет, два месяца и 23 дня. Это было 9 июня 1439 года.

Преподобный Александр был среднего роста, телом весьма сух, лицо имел круглое, взгляд кроткий и тихий, – широкая темно-русовая борода его спускалась до персей и до половины покрыта была сединою.

Святое тело преподобного было положено, по его завещанию, у полуденной стороны алтаря созданной им церкви. Год спустя после его кончины выросло над его могилою деревцо – рябина. Раз в праздник Успения Богоматери, когда из окрестных деревень бывает стечение народа в обитель, крестьянский мальчик Матвей отломил ветку от этого деревца и рука шалуна тотчас же запухла и разболелась. Узнавши причину болезни, родители чрез несколько дней привели мальчика к могиле преподобного и больной столь же скоро получил исцеление, как и заболел. С тех пор народ стал брать ягоды с дерева на исцеление себе. Когда ученики пр. Александра, исполняя его волю, построили, на указанном им месте, теплую церковь во имя святителя Николая и освятили ее в день памяти своего учителя, многие больные, которых приводили в эту церковь, видали его в ней вместе с святителем Николаем то молящимся, то кадящим храм и получали исцеление при его гробе. В 1519 году при игумене Нафанаиле 26 октября ночью случился пожар в монастыре и обе церкви сгорели. Но вскоре монастырь был выстроен снова с двумя деревянными церквями Успенскою и Николаевскою над гробом преподобного, из которых Успенская существует и доныне. К утешению братии в столь тяжком испытании и скорому возобновлению обители более всего способствовал сам преподобный, привлекая усердствующих к своей обители множеством чудесных исцелений, совершавшихся при его гробе, так что уже в начале

XVI столетия называли его «преподобным чудотворцем Куштским», хотя служба ему составлена около 1575 года.

Ныне над гробом пр. Александра находится каменная, двухэтажная церковь, в нижнем этаже во имя святителя Николая, где место погребения преподобного у левого клироса ограждено иконами спилу до самого потолка; а в верхнем во имя самого преподобного. Здесь над могилою его устроена медная, посеребренная гробница под балдахном. Куштский монастырь в 1833 году приписан к Каменному. В древнем рукописном житии пр.Александра записало 20 чудес, совершившихся при его гробе, из которых последнее относится к 1573 году. Приведем некоторые из них.

Несколько крестьян из окрестных деревень привели однажды в монастырь соседа своего Михаила, мучимого бесом и находившегося вне ума. По прибытии в монастырь больной начал неистовствовать и бесноваться так, что едва его могли сдерживать. Был уже вечер, поэтому больного связали и положили на ночь в церковь. В полночь сторожа услышали голос больного, громко взывавшего: «святителю Николае и преподобне отче Александре! избавьте меня грешного от немощи сея;» придя в церковь, они нашли больного развязанным, пршедшим в сознание и молящимся, в храме исполненным благоухания. Михаил возвестил им, что когда он лежал связанным в церкви, ничего невидя по причине ночной темпоты, вдруг в ней сделалось светло, а из алтаря вышли святитель Николай и преподобный Александр; – святитель Николай окадил церковь, покадил и ему, преподобный же Алексаидр оградил его крестным знамением и сказал ему: «встань и молись, Михаил»; оба тотчас же стали невидимы, а с него спали веревки, которыми был связан, и он почувствовал себя здоровым и тотчас же стал молиться, благодаря святых чудотворцев за свое исцеление. Когда устроена была гробница над могилою святого, Михаил сделал над ней крышу.

Однажды с Пельшмы был привезен в монастырь расслабленный Козьма, не владевший ни руками ни ногами. Когда об его выздоровлении пели молебен святому, он молился со слезами; когда начали читать евангелие, он мог

перекреститься, а когда стали петь «достойно», встал на ноги и подошел приложиться ко гробу святого. Пробывши в монастыре двою сутки, он возвратился домой здоровым.

Некто Мануил из окрестностей монастыря был одержим беснованием и так тяжело страдал, что и смотреть на него было страшно и жаль было видеть, что разумное создание Божие столь жестоко мучимо и поругаемо бесом. «Гласы бо нелепые испущаше, рыкаше яко лев, лаяше яко пес, устремляшеся на человеки яко зверь дикий и тако всем страшен позор баше. Егда же бяху его, да умолчит, он множае неистовая вопияше и злые и хульные глаголы испущаше, их же не леть есть и слышати». Окованного по рукам и по ногам, несколько человек с великим трудом привели его в монастырь, где он начал кричать и беситься так, что его едва могли удержать. Так как был уже вечер и проводники его весьма утрудились, то к ночи заперли его в гостиннице, возложив на него тяжелые железа, а сами ушли спать. Ночью явился ему пр. Александр и сказал: «человече, что скорбиши? Иди и молись Богу и Его пречистой Матери. Да есть у тебя в дому монастырское седло и ты его отдай в мой дом, потому что седло то было украдено из монастыря». Мануил тотчас же почувствовал себя здоровым, железа спали с него и он вставши вышел из гостинницы и пошел молиться к гробнице преподобного. Соседи, приведшие его в монастырь когда пробудились от сна и нашли в комнате, где был бесноватый, одни только железа, – подумали, что он или удавился или утопился, и пошли искать его по всему монастырю. Как же они удивились, найдя его при гробе преподобного уже образумившимся и со слезами молящимся! Исцеленный рассказал им о явлении преподобного и они прославили Бога и Его угодника.

Анастасия, жена крестьянина Ивана Троицкой трети два года была нездорова глазами и ничего не видела. Муж привел ее в монастырь и когда, после молебна, она приложилась ко гробу преподобного, тотчас получила исцеление. В 1572 году из Закушты крестьянин Игнатий был в расслаблении и не владел ни руками, ни ногами. Когда принесли в монастырь и по совершении молебствия приложили его ко гробу преподобного,

то он стал здоров и ушел домой, радуясь и благодаря пр. Александра.

В 1573 году в декабре месяце привезен был в монастырь не владевший ногами крестьянин Дометиан из деревни Орлова, находившейся в 12 верстах от монастыря. Когда, по совершении молебного пения, его приложили к раке преподобного, то он тотчас же сделался здоров, так что мог уйти домой в тот же день.

Преподобный Григорий Пельшемский

Преподобный Григорий родился около половины XIV века, в городе Галиче⁹⁸ и происходил из дворянской фамилии Лопотовых. Родители Григория сосредоточили на сыне все свои надежды. Они утешались мыслью, что он будет наследником их многочисленных и богатых имений, продолжит их род и верную службой князю поддержит добрую славу фамилии Лопотовых. С этою целью, нежно любя своего сына, они воспитали его в строгом благочестии и, как богатые люди, старались дать ему возможно лучшее по тогдашнему времени образование. Едва отрок достиг пятнадцатилетнего возраста, родители начали помышлять о его женитьбе и прискивать ему невесту. Но чистое сердце отрока рано возгорелось любовью к Богу. С самых юных лет избегая мира и чуждаясь всех его удовольствий он начал думать единственно о спасении души своей. Предполагаемая женитьба поставила его в самое затруднительное положение. С одной стороны он опасался, что любовь к жене будет охлаждать в его сердце любовь к Богу, что супружеские узы привяжут его к миру; с другой, как послушный сын, он не желал противиться воле родителей и тем навлечь на себя их негодование. Не зная как удовлетворить внутреннему стремлению своей души к Богу и в то же время не огорчить родителей, отрок обратился с пламенной молитвой к Богу о том, чтобы Он Сам помог ему сохранить чистоту девства. Между тем, не отказываясь явно от исполнения воли родительской, он стал отговариваться то тем, то другим и откладывать женитьбу свою от времени до времени. Похвально было намерение добрых родителей; ибо законный брак есть охрана целомудрия и узды невоздержания, но самоотверженное желание отрока победить свою природу в очах Божиих было еще выше и потому Господь призвал к Себе родителей отрока прежде, нежели они успели женить своего сына. Плакал и вместе радовался осиротевший юноша: плакал, проливая сыновние слезы над гробом своих родителей и отдавая им последний долг; радовался, одушевляясь любовью к Богу и видя, что открылась возможность исполнить свое

сердечное желание – отречься от мира и посвятить себя жизни иноческой. С честью похоронивши родителей, молодой боярин скоро распорядился своим богатым наследством: наделивши рабов и рабынь землею и имением, отпустил на волю, деньги раздал нищим, а сам, не оставив себе ничего, пошел в монастырь Богоматери, находившийся близ Галичского озера.

Пришедши в обитель, Григорий пал в ноги архимандриту, усердно прося себе пострижения. Архимандрит, видя его молодость и знатность рода, сначала усумнился, может ли юноша, воспитанный в довольстве и роскоши, перенести труды и скорби иноческой жизни, и – начал ему отсоветывать и отказывать. Но Григорий со слезами стал просить принять его в монастырь, обещаясь с охотою исполнять все, что будет ему приказано. Настоятель, видя такое усердие в молодом боярине и тронутый его неотступными просьбами, принял юношу в монастырь⁹⁹, велел постричь его в мантию и поручил опытному руководителю¹⁰⁰. Остригши свои власы, Григорий как бы отсек с ними и все пристрастие к миру и с юношеским жаром предался подвигам иноческим, всецело подчинив себя воле своего руководителя. Всегда кроткий и молчаливый, ко всем имея любовь, он старался услужить каждому. Когда не было другого дела, усердно читал отеческие книги, стараясь вникать в их смысл и на самом деле исполнять написанное. Постоянно пребывал он в посте и молитве, так что все смотрели на него, как на ангела Божия, и дивились его подвигам. Такая строгая жизнь естественно не могла не обратить на Григория внимания духовного начальства¹⁰¹ и потому лишь только молодой подвижник достиг узаконенных лет, возведен был в сан священства, а потом поставлен был и игуменом обители. Зная, что кому много дано, с того много и взыщется, пр. Григорий с принятием на себя священного сана не только не возгордился своею начальническою властью, но еще более смирял себя. Он предался еще большим подвигам, старался служить всем, первым являлся и на труды и в церковь на молитву, в келье же своей часто целые ночи проводил в бдении и коленопреклонениях. Но напрасно преподобный старался скрывать свои подвиги, слава о них распространялась все

более и более. Одни, вспоминая богатство и знатность рода, удивлялись его смирению; другие превозносили похвалами его пост и воздержание; иные высоко ценили его нестяжательность и милосердие к нищим. Сам владетельный князь галический Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия, такое имел к нему уважение, что за честь считал для себя знакомство с ним и упросил его быть восприемником двух сыновей своих¹⁰². Все это, столь приятное и вожденное для миролюбцев, тяжелым бременем падало на смиренное сердце истинного подвижника и нарушало спокойствие его духа. «Нет, это плохое монашество, я и вполнину не отрекся мира, когда пользуюсь от всех таким почетом и уважением! Какое это отвержение мира, когда я постоянно обращаюсь среди родных, друзей и знакомых? Нельзя смотреть одним глазом на землю, а другим на небо. Не за слова, а за дела, не за произнесение обетов монашеских, а за их исполнение обещал Господь награду. Ибо не слышатели закона, но творцы, исполнители его оправдятся», думал он сам с собою и, обливаясь слезами, из глубины сердца взывал к Богу: «наставь, научи Господи, как мне спастись?».

Неизвестно, сколько лет провел пр. Григорий в галическом монастыре, – но чем долее жил в нем, тем чаще стало приходит ему на мысль удалиться из него и такое место, где бы никто не знал его и где бы он мог жить в совершенном безмолвии. Тяготясь своею известностью и близостью к родным, преподобный, после долгой молитвы о том, чтобы Сам Бог направил его на путь, оставил обитель своей родины и отправился в Ростов, славившийся множеством святыни и обителей. Поклонившись мощам святителя Леонтия и другим святыням и посетив ростовские церкви и монастыри, он пришел в находящийся вне города монастырь пр. Авраамия. Путинку понравился монастырский порядок, безмолвная и уединенная жизнь братии и пр. Григорий, решившись навсегда остаться в нем, выпросил у настоятеля келью. Но может ли укрыться город, стоящий на верху горы? Скоро и здесь жизнь его сделалась примером и назиданием для братии, молва о подвигах пришельца разнеслась по всему городу и дошла до слуха самого архиепископа. Архиепископом ростовским был в

то время блаженный Дионисий святогорец, долгое время бывший игуменом Спасокаменного монастыря, что на Кубенском озере. Узнавши лично пр. Григория, владыка Дионисий, когда пришли к нему инокн Спасского монастыря с Песков¹⁰³ просить себе настоятеля, предложил архимандрию пустыннолюбивому Григорию. Долго отрекался преподобный от такой высокой чести, указывая на свое недостойнство, – ибо истинные подвижники чем более возвышаются на пути добродетели, тем более смиряются и находят в себе недостатков, – но архиепископ Дионисий к словам совета и убеждения присовокупил и повеление, сказав: – Григорию: «чадо, лучше повиноваться и исполнить волю нашу в послушании, нежели ослушаться нашего смирения и лишиться благословения». Не смел долее отказываться и прекословить владыке преподобный и, обливаясь слезами, смиренно повергся к ногам его, прося себе молитв и благословения. Приняв сан и начальство, новый архимандрит ввел в своем монастыре самый строгий порядок и общежительный устав, стараясь назидать братию не только словом, но и собственным примером и прилагал труды к трудам. При новом архимандрите ростовцы вспомнили о своем забытом и пришедшем в упадок монастыре Всемиловитого Спаса, что на Песках, памятнике благочестия любимой княгини ростовской Марии Михайловны, дочери и супруги мученической¹⁰⁴. Многочисленными толпами стали они собираться сюда к богослужению, желая пользоваться наставлениями и получить благословение его¹⁰⁵. Скоро щедрыми подаяниями христорожденьев исправлено было в монастыре все, что требовало возобновлена, и слава о святой жизни и подвигах архимандрита распространилась не только в городе, но и по всей окрестности. Так истинно добродетельный и достойный человек где бы ни был поставлен, все собою возвышает и украшает!

Принявши на себя управление монастырем только из послушания воле архипастыря и проведши в монастыре два года в непрестанных трудах, в подвигах поста и молитвы, пр. Григорий не оставил мысли своей о пустынножительстве. Он снова начал тяготиться повсюду следующею за ним славой,

опасаясь из-за нее лишиться славы будущей, сердце его опять стало стремиться к уединению и безмолвию. Не в силах будучи побороть своего желания и зная, что братия будут упрашивать его остаться и архиепископ никогда не согласится отпустить, он решился тайно оставить монастырь. Дождавшись ночи, никем невидимый, пр. Григорий вышел из своего монастыря и направился к северу, в страну для него неизвестную, усердно моля Матерь Божию быть ему путеводительницею и возлагая на Нее всю свою надежду. Пришедши в Вологду, он долго ходил по окрестным лесам и пустыням, отыскивая себе место, где бы поселиться и работать Богу. Скитаясь по непроходимым дебрям и болотам, он дошел до монастыря пр. Дионисия Глушицкого, где утомленного путника приняли, как дорогого гостя. Пробывши в Глушицком монастыре несколько дней и присмотревшись к жизни братии и уставу монастыря, пр. Григорий решился навсегда остаться в нем и стал просить себе кельи у пр. Дионисия. Пустынный авва поместил пришельца в своем любимом Сосновце, при церкви Иоанна Крестителя¹⁰⁶, где и сам проводил большую часть времени. Узнавши короче друг друга, они скоро сделались самыми близкими собеседниками и друзьями, так как оба имели одинаковый нрав и стремились к одной и той же цели. Целые дни и ночи проводили они вместе то в совокупной молитве, то в собеседовании духовном. Дионисий, провидя в Григории будущего пастыря и наставника пустынножителей, старался непрестанно назидать его и наставлениями отеческими и наблюдениями собственного опыта. «Смирение всего необходимее иноку, говорил старец, потому надобно стараться с корнем исторгать из сердца всякое превозношение и со страхом и трепетом служить Господу. Сотвори, чадо, ум твой со всяцем тщанием единого Бога искати и прилежати к молитве, паче же подвигнися помогати нищим, сиротам и вдовицам». Преподобный Григорий, забыв свой настоятельский сан, как ученик смиренно внимал поучениям великого своего наставника, обещаясь всегда неотложно и всецело исполнять их. Приятна ему была тишина уединенной кельи пустыни Сосновецкой; он нашел себе здесь желаемый покой. Дороги для его сердца были внимание и любовь к нему

Дионисия, в частых беседах с которым приобрел он немало духовной опытности и разлука с ним должна была казаться ему тягостною. Но пробыв в Сосновце несколько лет, как пловец в тихой пристани, он почувствовал в сердце своем новое, неизвестное ему прежде желание – трудиться не для себя только, но послужить спасению и других. С великим смирением открыл он помысл свой старцу, прося его совета и вразумления. Духовный друг и наставник одобрил его намерение и, когда Григорий пал ему в ноги, прося благословения на подвиг, пустынный авва сказал: «Услышит тя Господь в день печали, защитит тя имя Бога Иаковля; послет ти помощь от святого и от Сиона заступит тя; даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит» (Псал. XIX). Истинно, глубоко сердце человека! Два раза пр. Григорий был настоятелем монастырей, где все его любили и уважали; не мог он не видеть и пользы для братии от своего управления, – обе обители улучшились при нем во всех отношениях – и, несмотря на то, он оставил их и скрылся. И тот же Григорий, приблизившись к старости, когда человеку всего дороже покой, отправляется в неизвестное для него место, где предстоит ему не мало скорбей и лишений со всех сторон; прежде его не могли уговорить принять настоятельство в монастыре уже существовавшем, теперь он сам задумывает устроить монастырь и притом в глухой пустыне, где он мог встретиться со множеством препятствий и затруднений. Так Господь ведет человека к предназначенной ему цели неведомыми для него путями, так у Него всякому делу свое время! Счастлив тот, кто внимательно рассматривая свою жизнь, из обстоятельств ее увидит предназначенный ему Промыслом путь и не уклонится с него ни направо, ни налево!

С крестом на плечах и молитвою на устах вышел пр. Григорий из Сосновца¹⁰⁷, и направил путь свой к восточной стороне от Глушицкого монастыря, в места ему совершенно неизвестные. Идя лесами и болотами, к вечеру достиг он пустынных берегов великой реки Сухоны и утружденный путешествием, расположился тут ночевать, непрестанно думая о том, как найти ему место удобное для пребывания иноческого. Ночью сквозь сон он услышал за рекою как бы звон колокола и

тотчас же пробудившись, начал усердно молиться Господу и Его Пречистой Матери, чтобы указано было ему то вожделенное место, где ему предназначено пребывать. Пробывши в молитве до рассвета, пр. Григорий переправился на другой берег реки, откуда слышен был звон, и чрез леса и болота дошел до реки Пельшмы, впадающей в Сухону. Здесь преподобный останавливается, обозревает местность и походив немного по лесу, водружает крест на левом берегу Пельшмы, преклоняет, пред ним колена и возносит усердную молитву к Богу, чтобы Он благословил его на этом месте основать храм и обитель иноческую в прославление имени Божьей Матери и для спасения душ христианских. Призри с небесе на место сие, Боже, молился преподобный, и благослови меня создать на нем храм во славу и честь пресвятой Матери Твоя и составить общежительный монастырь, чего сильно желает душа моя. Пусть будет однако не так, как я хочу, но как Тебе, Господи, угодно, ибо разум мой слаб и несовершенен я не знаю, что мне истинно полезно!» Так святые исполнение самых горячих, душевных своих желаний, с детской покорностью, смиренно и всецело предавали всегда воле Божией.

Избравши место, пр. Григорий прежде всего поставил, для себя малую хижину и стал день и ночь подвизаться в молитве и псалмопении, в совершенном уединении и безмолвии. Понемногу и исподоволь он заботился и о том, что было необходимо для устройства обители: очищал место от леса и кустарника, осушал его канавами, рубил лес на постройку и запасал другие, нужные к тому материалы. Спустя несколько времени пришел к нему один священник, по имени Алексей, желая с ним сожителем и прося себе пострижения. Почитая прибытие его знаком благоволения Божия и началом исполнения своего сердечного желания, преподобный с великой радостью, как ангела Божия, принял пришельца и назвал его при пострижении Александром. Он рассказал ему о своем намерении построить на избранном им месте общежительный монастырь. «Брат Александр, говорил преподобный своему сподвижнику, Бог нам прибежище и сила и помощник в скорбях наших, будем заботиться о духовном, а пречистая Богородица

сама попечется об устройении своего дома и снабдит вас своею милостью». Вместе, в убогой и тесной своей хижине, они стали совершать молитвословия, проводя ночи в бдении и псалмопении, а дни в трудах. Чрез несколько времени стали приходить к ним когда один, когда два, желающие с ними сожительствовать. Мало по-малу собралось порядочно число иноков и составилось общежитие. Как отец, преподобный с любовью принимал каждого и убеждал не страшиться трудности места и скорбей пустынных, обнадеживая помощью Божией Матери. Не было у него ни денег, ни другого какого имущества на построение храма и обители, ни богатых и знатных друзей и знакомых, – но полный надежды на небесную помощь, старец говорил с таким воодушевлением и уверенностью, что никто не мог сомневаться в истине слов его. По прошествии некоторого времени, видя, что уже довольно собралось братии и настало время приступить к сооружению храма и обители, пр. Григорий послал одного из учеников своих в соседнее село Пелшму к благочестивому и богатому помещику Мартину и его соседям просить плотников и помощи для строения. Обрадовались добрые помещики, что в соседстве их поселился такой старец и хочет строить монастырь, – они тотчас же послали ему работников. Когда рабочие вырубили и сожгли кустарник и лес вблизи келий, очистили и выровняли место, тогда пр. Григорий, собравши всю братию, совершил с ними соборное молебствие на нем, окропил его освященною водою и по окончании молебствия тотчас же начал строить себе келью, примеру его последовали и вся братия, таким образом при помощи присланных Мартином плотников кельи вскоре были устроены.

Рад был старец, успокоивший своих сподвижников касательно необходимого им помещения. Оставалось еще испросить благословение архиерея на построение и освящение храма, чтобы исполнилось сердечное желание преподобного и избранное им пустынное место сделалось обителью иноческой. С этою целью пр. Григорий немедленно отправился в Ростов. Там он не застал уже в живых знакомого ему архиеп. Дионисия (18 окт. 1425 г.), на ростовской кафедре восседал тогда уже новый архиеп. Ефрем 2-й, владыка заботливый и учительный¹⁰⁸.

Святитель благословил устройство храма и обители и поручил Григорию настоятельство в ней, но с тем вместе потребовал, чтобы Григорий учредил общежитие¹⁰⁹. Возвратившись с архипастырским благословением в свою пустыню, преподобный немедленно приступил к построению церкви, трапезы и разных необходимых для общежития служб. При единодушном старании братии, вскоре все было окончено. Преподобный Дионисий, услышав об устройении обители, посетил своего друга, похвалил избранное Григорием место, найдя его весьма удобным для иноческой жизни, и принес для новоустроенной церкви иконы праздников Господних и книгу Пролог. Несказанно рад был Григорий посещению своего учителя и упросил его совершить освящение церкви, что тот охотно и исполнил. Церковь была освящена в честь собора Богородицы, празднуемого на другой день Рождества Христова.

Преподобный Григорий был искусный каллиграф. Он списывал для своей обители разные священные книги, которые долго сохранялись в ней и после его кончины. Списывание книг было для преподобного, как и вообще для иноков, священным долгом; они служили чрез это делу религиозного просвещения жителей в пределах вологодских в то время, когда здесь не существовало еще никаких школ. Под влиянием наставления пр. Григория, отеческого его руководства и неусыпных трудов, скоро обитель его стала процветать братскою любовью, смирением и совершенным нестяжанием. Ничего не делалось в ней без благословения настоятеля, никто не смел ничего называть своим, но все было общее. Блаженный старец сам подавал всем пример строгого исполнения монастырского устава и постоянно поучал братию, напоминая им час смертный и убеждая терпеливо переносить лишения и труды пустынные. Пример его благотворно действовал на братию, каждый из иноков, соревнуя настоятелю, старался, по силе своей, выполнять его спасительные наставления. Видя то, многие из окрестных жителей стали усердно жертвовать обители плоды своих трудов, так что вскоре обитель стала довольно обеспеченною в своем содержании. Слава о новом пустынном светиле, о благоговейном служении и примерном во всем

порядке в его обители далеко распространилась по окрестности и еще более стало приходить в монастырь желавших пострижения. Но не мало и огорчений пришлось потерпеть блаженному старцу-труднику. Случилось однажды, что злые люди украли ночью все земледельческие орудия в монастыре, так что на другой день не с чем было выйти на работу. Братия весьма опечалилась о такой потере, но когда донесли о покраже пр. Григорию, то он «разуме Духом святым, яко от диавола делу тому быти, и нача братию свою утешати, глаголя: не скорбите о всех сих, вся сия у нас будет». Действительно, воры вскоре были пойманы и все, покраденное ими в монастыре, возвращено. В другой раз ночью, стоя на обычном своем правиле, преподобный услышал страшный вопль среди монастыря. Открыв окно своей кельи, он увидел целое полчище нечистых духов, старавшихся утешить его своим ужасным видом и грозившихся разогнать пастыря и все, собранное им, стадо. Ограждая себя крестным знаменiem, пр. Григорий со слезами воскликнул: «Боже, в помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися, да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящии ми злая» (псал. LXIX, 1–3). Молитва преподобного разогнала невидимых врагов, сделавшихся видимыми, чтобы возмутить покой души его. – Много и иных огорчений и от злых духов и от научаемых ими злых людей претерпел преподобный, и всегда крепкая надежда его на Бога не посрамляла его.

Давно, еще в молодых годах блаженный старец отрекся от мира и старался никогда не думать о нем, заботясь только об угождении Богу и спасении своей души. Но чье сердце горело пламенной любовью к Богу, тот не мог быть равнодушен к тревогам и беднииям отечества, не мог не скорбеть о множестве убийств и кровопролитий, сопровождавших междуусобную войну князей. В апреле 1433 г. удельный князь галичский Юрий Дмитриевич, кум ир. Григория и дядя великого князя Василия Васильевича, овладел великокняжеским престолом, изгнав племянника из Москвы в Коломну. Когда весть о том дошла до пустыни пр. Григория, то он столько был тронут и огорчен ею, что тотчас же решился обличить честолюбца и с посохом

странника немедленно отправился в дальний путь. Достигши Москвы, убеленный сединами старец неожиданно явился в великокняжеский дворец и, подобно древним вдохновенным пророкам, начал обличать своего кума в властолюбии и неправде. Его речь была так сильна, просьбы так убедительны и прещения – страшны, что Юрий, человек начитанный в книгах и всегда глубоко уважавший иноков, не смел его послушаться и возвратился в Галич¹¹⁰. Возвратясь из Коломны и заставши старца еще в Москве, великий князь Василий Васильевич не знал как и благодарить его за подвиг умиротворения, с дарами и честью он отпустил его в монастырь. Но честолюбивый князь галичский скоро забыл советы и увещания своего кума и снова вооружился на племянника. В 1434 г. в зимнее время, сын его Димитрий Шемяка стал опустошать вологодскую страну, принадлежавшую Москве. Жители должны были бегством спасать свою жизнь, скитаться в лесах, не зная где приклонить голову; не мало погибло их от меча галичан, от холода и голода во время бегства. Толпа за толпой, оглашая воздух рыданиями, приходили к преподобному в монастырь, прося себе пищи и пристанища. Преподобный с любовью принимал и кормил всех. Братья, слушая рассказы бежавших о жестокостях и бесчинствах, творимых войсками Шемяки, проливали слезы. Не утерпело сердце и самого пр. Григория: воспламененный святою ревностью, он снова берет в руки страннический посох и отправляется к Шемяке. Князь Димитрий, – говорил пустынник, разве ты не знаешь, что суд без милости несотворившему милости? Ты творпшь такие дела, каких не делают и язычники, не знающие Бога; а ты князь православной веры и воюешь свою русь. Сколько от тебя гибнет людей и голодом и стужею! Их вдовы и сироты воют на тебя пред Богом; Он отмстит тебе их обиды и если вскоре не прекратишь кровопролития и насильств, то сам скоро лишишься и славы и княжения». Взбешенный Шемяка приказал сбросить старца с мосту¹¹¹. Сильно разбитый преподобный несколько часов лежал без чувств; наконец он пришел в себя и с трудом вставши с места, сказал окружавшим его: «у немилостивого князя и слуги немилостивы, но несчастные – они скоро погибнут; ибо, как говорит пр. Давид,

тот сам впадет в яму, кто роет ее другим». Возблагодарив Бога за случившееся, преподобный тихо побрел к своей обители. Шемяка, как ни был черств и ожесточен, уступил однако обличениям старца, услышав о его святой жизни. В полночь, когда он лег спать, пришли ему на память грозные, пророческие слова старца и на сердце его напал такой страх и трепет, что до утра он не мог сомкнуть глаз, – на другой день он отступил от Вологды и возвратился в Галич. Мужественное ходатайство преподобного за несчастных пред Шемякою еще более усилило к нему уважение народа. Многие из отдаленных мест приходили в монастырь для того только, чтобы видеть мужественного и самоотверженного защитника народа, послушать его отеческих наставлений и получить благословение. Все приходившие к преподобному, возвращались от него с утешением и пользой для души; «мы видели – отзывались они – и нашли в старце более, нежели о нем слышали».

Пятнадцать лет подвизался пр. Григорий на Пельшме, в своей пустынной обители, успевшей за это время – при его неусыпных трудах – прекрасно устроиться во всех отношениях. Несмотря на свою старость и неразлучный с нею недуг и немощи, преподобный не изменил своего правила до гроба, пребывая всегда в посте и молитве, он соединял в себе глубокое смирение с полным самоотвержением, с подвигами любви к Богу и ближним. Обыкновенно после молитвенной беседы с Богом, первым делом и утешением для него было принимать странных и оказывать всевозможную помощь нуждающимся. Таким образом долговременным и скорбным путем самого строгого иночества он достиг маститой старости и украсился постническими сединами. Был сентябрь 1441 года. Бодрый на вид старец, как и всегда, каждый день прежде всех приходил в церковь к богослужению, по прежнему смотрел за порядком и хозяйством монастыря, наблюдая, чтобы все было почину и чтобы все были довольны; никто не предполагал, что он доживает уже последние дни свои. Каковы же были страх и изумление братии, когда он неожиданно сказал им: «вот, чада мои, я уже отхожу от света сего и предаю вас в руки Божии!» Как гром, поразили их эти слова старца, – от горести и тяготы

сердечной никто не мог ничего сказать ему в ответ; приняв от него обычное благословение, братия с печалью и слезами разошлись по своим кельям. Спустя два дня пр. Григорий призвал к себе любимого ученика своего Александра и, после долгой беседы с ним о пользе души, поручил ему управление монастырем и просил на следующий день совершить божественную литургию, чтобы в последний раз приобщиться св. Таин. Отпустив его и оставшись один, преподобный затворился в своей келье, – с коленопреклонениями, сердечными воздыханиями и обильными слезами он начал молиться Богу о спасении души своей и о сохранении от искушений собранной им брали, молился и Матери Божией, прося ее быть заступницей и покровом его обители и всей земли русской. Преподобный провел в молитве всю ночь. На другой день за божественной литургией приобщившись Тела и Крови Христовой, старец сказал брали: «всем вам мир», затем осенив себя крестным знамением и воздев руки к небу, присовокупил: «Владыко человеколюбче, сподоби мя одесную Тебе стати, егда приидеши во славе судити живым и мертвым и воздати каждому по делом его. Братия мои, что видели меня творящим, то и вы творите, телесно отхожу от вас, но духом не отступаю; имейте нелицемерную любовь друг к другу, чтобы не оскудело место сие». Братия, слушая его, обливались слезами, когда же преподобный кончил свою речь, стали подходить к нему за благословением. Подобно сердобольному отцу, блаженный старец, благословляя целовал каждого и при всех назначил вместо себя настоятелем обители ученика своего Александра, приказав ему и всей братии не воздавать никакой почести грешному его телу, но ради большого уничижения извлечь его за ноги из монастыря и затоптать в болоте. После этого преподобный вышел из церкви и, достигши своей кельи, сам лег на рогозину, служившую ему постелью, и, оснив себя крестным знамением, тихо и безболезненно, как бы в сон погружившись, предал чистую свою душу Богу, 30 сентября 1441 года¹¹², в четверток, в шестом часу дня по тогдашнему счислении времени.

Когда братия, видя лице умершего просветившимся яко свет и обоняя исходявшее от тела необыкновенное благоухание, были в недоумении касательно его завещания, не зная что делать – радоваться ли такой истинно блаженной кончине преподобного, или плакать о разлуке с ним, – один бесноватый быстро подходит к телу преподобного, прежде нежели находившиеся тут могли удержат его, прикасается к почившему и тотчас же получив исцеление, начинает орошать слезами благодарности тело своего исцелителя. Тогда все единогласно положили не исполнять желания почившего, изреченного им в духе глубокого смирения, но с подобающею честью предать земле тело его внутри обители. На другой день, по окончании божественной литургии, когда стали совершать надгробное пение, вся церковь внезапно наполнилась чудным благоуханием и один инок, по имени Сергей, долго страдавший глазами и уже почти ничего невидевший, лишь только прикоснулся устами к руке преподобного, чтобы отдать ему, по обычаю, последнее целование, тотчас же получил исцеление и стал видеть все ясно. Все прославили Бога, пали ниц пред гробом и со слезами вzywали к почившему: «отец наш, хотя ты и отходишь от нас телом, но духом не оставляй нас и руководи ко Христу». Мощи преподобного положены были близ церкви собора Богородицы, по правую сторону алтаря. Над гробом его поставлены были иконы Спасителя и Божией Матери для поклонения приходящим, ибо много совершалось тут исцелений. Так, вскоре после блаженной кончины пр. Григорий привезен был в монастырь некто Иоанн, живший окрест монастыря, он страдал исступлением ума и находился в столь сильном расслаблении, что не мог двинуть ни рукою, ни ногою. Когда положили его на гробницу преподобного, он пришел в сознание, а когда по совершении о нем молебна запали: Владычице прими молитву раб твоих, он встал на ноги и сделался совершенно здоров. В другой раз один крестьянин привел в монастырь сына своего Самуила и отдал на служение братки, так как он был помешан и дома ни к чему негоден. Подражая другим Самуил начал часто ходить ко гробу преподобного и со слезами ему молиться. Преподобный

услышал его молитвы и Самуил вскоре получил совершенное исцеление.

Ныне мощи пр. Григория почивают под спудом в каменной церкви его имени, близ северной стены. Рака над ними обложена медными чеканными посеребренными листами, на раке положен образ преподобного в серебряной ризе, осененный балдахином. При раке хранятся железные вериги, железная полумантия и железная кольчатая рубашка преподобного, в которых он совершал свои всенощные бдения. Монастырь пр. Григория доныне носит на себе его родовое имя Лопотов. До 1764 г. настоятельство было в нем игуменское, крестьян под ним было 293 души; ныне монастырь находится вне штата.

Преподобный Иоасаф Каменский

На Кубенском озере, неподалеку от северозападного его берега, находится маленький остров, не имеющий даже и одной десятины пространства, называемый Каменным. Эта горсть земли, на которой ныне устроен маяк, как будто для того именно и брошена природою в бурные волны озера на самом опасном месте¹¹³, чтобы служить почти единственным удобным пристанищем для плавающих. Далеко видно Каменный со всех сторон Кубенского озера, его белеющиеся монастырские здания¹¹⁴ представляются как бы плавающими по гладкой поверхности вод, а возвышающиеся амфитеатром, зеленеющие, волнистые берега озера, со множеством на них сел и деревень, красивых и высоких колоколен, дополняют картину и делают вид монастыря еще прекраснее.

Не безинтересен Каменный и для любителей отечественной истории. Здесь 6-го Августа 1260 года обрл себе спасение от бури князь Глеб Василькович и в благодарность Богу за свое спасение построил храм Спаса Преображения, давший название всему острову; отправившись отсюда, он приказал прорыть каналы на реках Сухоне и Вологде и тем положил начало улучшению естественных путей сообщения в то время, когда еще никто не думал о том в Европе. Здесь Темный нашел себе дорогу к потерянному им великокняжескому престолу; – юный Иоанн III, по возвращении из Кокшеньги, благодарил Бога и праздновал свою победу над войсками Шемяки, а брат его Андрей Васильевич¹¹⁵ в 1481 году построил первый за Волгою, доныне существующий каменный храм Преображения, доставляя для того кирпич из Твери и Старицы. В 1528 году приезжал на Каменный в. князь Василий Иванович со второю своею супругою Еленою, дал денег на построение теплой церкви и милостыню велию и потешение братии, прося их исходатайствовать ему у Бога наследника. Сын его Грозный также оказывал свое благоволение Каменному: дал жалованную грамоту, послал колокол, но сам не был в монастыре по причине погоды на озере, хотя, во время своего

путешествия по вологодским монастырям, был недалеко от него, в селе Устье. Надобно полагать, что и Петр 1-й, когда был на Кубенском озере для исследования его глубины и удобства для навигации, также был на нем, как лучшей пристани на озере.

Но несравненно выше и важнее значение Каменного монастыря в духовно-нравственном отношении: еще более знаменит и славен он жизнью и подвигами своих иноков И действительно, что за чудное, святое место был этот маленький островок, какой воспитал он на себе многочисленный сонм великих подвижников и угодников Божиих! Кажется, каждая пядь земли на нем истоптана была их ногами, каждый камень и травинка орошены потом и слезами постническими. Он был истинно маяком веры Христовой для прибрежных жителей, погруженных во мрак язычества, – светильником, просвещавшим и согревавшим сердца современников светом добродетелей своих подвижников, – колыбелью и рассадником пастырей церкви, основателей монастырей и великих подвижников; – он и доныне служит тихим и мирным пристанищем для пловцов бурного моря житейского, ищущих себе в тишине иноческой кельи успокоения от треволнений житейских.

С самого первого разу, лишь только Каменный остров делается известным в истории¹¹⁶, мы видим на нем 23 старцев, уже, состаревшихся в духовных подвигах и много лет подвизавшихся в обращении ко Христу корельских и чудских языческих племен, обитавших на северо-восточном берегу озера. Старцы были столь смиренны, столь нищи духом и телом, что не имели даже церкви и совершали свои молитвы в малой и бедной часовне, стараясь не об устройстве вещественного храма, а о том, чтобы им самим сделаться живыми, одушевленными храмами св. Духа, Мала, невзрачна была их часовня, часто недоставало в ней ни свеч, ни ладону; но постнические лица старцев сияли духовною радостью и, подобно фимиаму, непрестанно возносились к небу их молитвы и воздыхания. Ни завывания и свист бури не возмущали их душевного спокойствия, ни пенящиеся волны и страшные

громады льдов, порою возносящиеся выше их смиренных келий¹¹⁷, не охлаждали жара сердец их и любви к Богу, – ни наконец ненависть, угрозы и нападения язычников не сильны были поколебать их терпения и апостольской ревности к проповеди евангелия. Таковы были первые обитатели Каменного острова, под руководством одного старца из своей среды Феодора и при помощи князя Глеба Васильковича положившие основание Спасокаменного монастыря!

Без всякого сомнения и после блаженной кончины преподобных первоначальников, основателей обители, были в ней люди, проникнутые их духом, – святые подвижники, верные обетам иночества; хотя имена их и остались неизвестны, так как, по случаю неоднократных пожаров обители, от самого ее основания до княжения Димитрия Донского, не дошло до нас никаких сведений о подвижниках этого монастыря¹¹⁸. При этом государе пришел в Москву из Царьграда афонский пострижник Дионисий, был благосклонно принят в. князем и получил от него для жительства келью в московском Богоявленском монастыре, а как вскоре после этого пришли в Москву старцы Спасокаменного монастыря просить себе игумена, то в. князь и послал им в игумены святогорца. Много лет Дионисий управлял обителью, изнурял тело свое непрестанными трудами и постом, проходил всякий путь добродетели, непрестанно назидая братию своею подвижничествою жизнью и учением. Он благолепно украсил церкви святыми иконами, обогатил книгами и прочею церковною утварью, устроил все необходимое для общежития и ввел в монастырь строгий устав святой горы, которым между прочим запрещается вход в него лицам женского пола. «И проходил слава о нем повсюду, даже и до самодержца и стекался к нему от всюду, хотяще сожителствовати с ним, ревнующе доброму произволению его и братии множество СОБРа» – говорит Паисий Ярославов в своем сказании о начале Каменного монастыря. От его руки, в числе других, приняли пострижение, под его отеческим руководством начали подвизаться и – много лет служили украшением братии преподобные: Дионисий Глушицкий, Пахомий Святолуцкий, Александр Куштский и Евфмий

Сямженский, пока не достигли зрелости духовного возраста и сами не сделали основателями новых обителей. Около этого же времени подвизались в монастыре почивающие в нем угодники Божии: Петр чудотворец (в начале XV века) и Василий блаженный¹¹⁹. В начале XV века, игумен Дионисий рукоположен был в архиепископа ростовского, там скончался и погребен, оставив по себе святую память; в половине того же века на пустынном Каменном острове возсиял новый духовный светильник *игумен Кассиан*. Приняв пострижение на Каменном, он в молодости, для лучшего изучения иноческой жизни, путешествовал по монастырям, славившимся строгостью уставов, благочестием и подвигами иноков и, подобно пчеле, отовсюду извлекал полезное для своей души. С этой целью еще при жизни пр. Кирилла прибыв на Белоозеро, он долго оставался в его монастыре и с таким усердием старался во всем подражать великому наставнику Кириллу, что впоследствии избран был братией в игумена. По своим добродетелям он скоро стал известен в князю Василию Васильевичу и митрополиту Ионе. Как самый способный и благонадежный, он дважды был посылаем ими и Царьград к патриарху по делам церковным; но и среди шума столиц, при внимании и почестях от государя и первосвященников, не мог забыть преподобные места своего пострижения и сердце его постоянно стремилось к тишине пустынного отока¹²⁰. По этому, исправив данные ему поручения, он просил государя и митрополита отпустить его на свое обещание, на Каменный. Просьба его была исполнена: он с честью, со многими дарами для обители отпущен был туда игуменом. Прибыв на Каменный, пр. Кассиан, не смотря на свои преклонные лета, изнуренное трудами и путешествиями здоровье, не предавался покою и отдохновению; но показывая собою пример братии, с жаром юности, с неутомимой ревностью принялся за управление многолюдною обителью. Оттого и братия имели к нему такую любовь и доверенность, как к отцу, и смотрели на него, как на ангела Божия. Достигши глубокой старости и предчувствуя свою кончину, он причастился св. Таин, преподал братии мир и благословение, и тихо и мирно скончался. «И положено бысть

тело его с полуденную страну церкви и по преставлении его просветися лице его аки солнце». Кончина пр. Кассиана последовала уже при в. князе Иване Васильевиче около 1460 г. Ныне мощи его почивают подле северной стены нижнего южного придела церкви и над ними устроена гробница, покрытая пеленою, а на ней поставлен образ преподобного. В той же церкви полагают место погребения и Петра чудотворца.

Но всех более прославил Каменный монастырь подвижник юноша, скончавшийся в мале и исполнивши лета долга (Прем. IV, 13), пр. Иоасаф Каменский, знаменитый по своему высокому происхождению и еще более славный по высоте своих добродетелей и равно-ангельской жизни. Только пять лет продолжались его иноческие подвиги, да и вся его жизнь была так непродолжительна, что он не достиг даже зрелости возраста; за то вся она была прекрасна и исполнена добродетелей и совершенств духовных. В бедственную эпоху кровавых междоусобий, разнузданности и свирепства страстей, когда брат брату колол глаза иближающие родственники терзали друг друга как дикие звери; когда сила заменяла закон и правосудие было в руках людей, подобных Шемяке, – жизнь пр. Иоасафа была отрадным явлением для тогдашнего общества. Это был светлый луч солнца, не надолго проглянувший среди густого мрака пороков и страстей тогдашнего века, дорогой и желанный гость, на краткое время приходивший на землю, и скоро опять возвратившийся к братьям ангелам, в свою небесную отчину. Спустя много лет по преставлении пр. Иоасафа, когда в Спасокаменном монастыре начальствовали уже архимандриты¹²¹, чудесные исцеления, происходившие от св. мощей Иоасафа, побудили одного инок описать жизнь юного князя подвижника и предать потомству то, что он мог узнать о ней от других, «из многого малое». С писатель говорит, что при составлении жития пр. Иоасафа, он пользовался сказанием старца Паисия Ярославова, составленным по памяти уже после пожара Каменного монастыря, и записками неизвестного автора, «некако смутно, ово zde, ово инде и на многи части глаголавшего чудодействия святого». Это описание жизни пр. Иоасафа довольно распространено и вошло во

многие печатные издания¹²², но оно не во всем подтверждается другими, известными нам ныне более достоверными памятниками письменности, что впрочем и не удивительно. Автор не был современником и не видал преподобного, а писал по рассказам иноков, которые хорошо могли помнить подвиги преподобного в монастыре, но не были знакомы с тогдашними политическими обстоятельствами и мало знали о жизни Иоасафа до прибытия его на Каменный. Мы укажем на эти неточности и разноречия в подстрочных примечаниях.

Преподобный Иоасаф был сын Дмитрия Васильевича, владетельного князя Заозерского, одного из потомков св. Феодора Ростиславича Черного, князя Смоленского и Ярославского. Правнук св. Феодора Ярославский князь Василий Васильевич, современник и сподвижник Донского на Куликовской битве, оставил после себя пятерых сыновей: Иоанна, Феодора, Симеона, Дмитрия и Воина. При разделе братьями отцовского наследия Симеон получил в удел волость Новленскую, а Дмитрий земли около Кубенского озера. На северном берегу его, неподалеку от устья реки Кубены, на возвышенной и красивой местности, там, где ныне среди деревни Чиркова – находится каменная часовня, были терема и палаты князя Дмитрия Васильевича, по месту жительства называвшегося Заозерским. Предки его, князья ярославского дома, славились благочестием и набожностью, любили строить церкви и монастыри, уважали и почитали духовенство и сами нередко постригались в монашество¹²³. Таков был и родитель пр. Иоасафа благоверный князь Дмитрий Васильевич. Никто усерднее его не посещал церкви, построенной им в честь своего ангела, великомученика Дионисия, и находившейся неподалеку от его жительства, никто и не молился в ней с таким усердием и слезами, как он. Князь как-бы предчувствовал свою мученическую кончину и просил себе помощи на то у своего ангела-великомученика. Когда пр. Дионисий вознамерился на пустынных берегах речки Глушицы основать монастырь и послал к нему инок просить в том помощи, то князь не только с радостью уступил землю под строение обители, но послал своих мастеров и рабочих для построения церкви и келий и

даровал братии обильную милостыню. В тоже время князь вспомоществовал и другому постриженнику Спасокаменного монастыря пр. Александру при устройении им обители на речке Куште, не в дальнем расстоянии от места его жительства, – радуясь тому, что в его владениях являются такие великие подвижники и молитвенники. Супруга князя Мария не уступала ему в делах милосердия и благотворительности, она питала особенное уважение и веру к пр. Александру, часто посещала его пустыню и, по смерти своего супруга, доставляла все необходимое для новоустроившейся обители. Тяжело было для России тогдашнее время: народ страдал то от недорода хлеба и голода, то от мора и поветрия, то князья ссорились между собою и производили кровопролития, часто приходили татары, жгли и грабили города и селения, особенно в местах пограничных. Впрочем Заозерский князь в своих отдаленных владениях, защищенных непроходимыми лесами и болотами, не испытывал ничего подобного. Любимый и уважаемый соседними князьями – братьями, равно и всеми своими подданными, от души ему преданными, – он спокойно и счастливо проводил жизнь в кругу своего семейства. У него было три сына: Симеон, Феодор и Андрей и дочь Софья, служившие ему утешением и радостью; Симеон был уже на возрасте, а Андрей новорожденным младенцем¹²⁴.

Но кому неизвестны непечальность и непостоянство счастья человеческого? Кто может знать, что будет завтра? В 1429 г. казанские татары внезапно напали на Кострому и Галич, затем рассыпавшись по окрестности, далеко распространили свои грабежи и убийства, сожигая селения и уводя в плен жителей. При первом известии о набеге татар князь Димитрий со своею дружиною немедленно отправился в Ярославль для защиты своей отчины и дедины и пал в битве с неверными на Туговой горе. Но это было только началом тех тяжких испытаний и несчастий, которые надлежало перенести осиротелому княжескому семейству. Узнав об удалении из дому князя с дружиною, толпа грабителей сделала нападение на собственные его села и деревни, по берегам реки Кубены, предавая все огню и мечу. Благочестивая княгиня Мария

встретила внезапно разразившиеся над нею бедствия с совершенною преданностью воле Божией и с истинно христианским терпением. Оказавши помощь раззоренным жителям, она обратила все свое внимание и всецело посвятила себя воспитанию малолетних детей своих, уча их закону Божию и словом и собственным примером. Когда старший сын ее Симеон достиг надлежащего возраста, попечительная мать позаботилась найти ему достойную супругу, женила его у князя Ивана Дея, который дал в приданое за дочерью Кубену, чрез что значительно увеличились владения князей Заозерских. Дочь свою Софью Мария выдала за князя Димитрия Юрьевича Шемяку, думая, что родство с богатым и сильным князем галичским будет полезно ее сыновьям, доставить им защиту и покровительство. К сожалению впоследствии случилось совершенно наоборот. Менее всех детей удалось воспользоваться заботами матери и насладиться ее любовью и ласками тому, кто более других нуждался в них, именно меньшому сыну ее Андрею. Он остался после отца грудным младенцем, а во время кончины матери находился еще в детском возрасте. Сделавшись нездоровою и сердечно скорбя о положении своего дитяти, сердобольная мать посылает к пр. Александру Куштскому просить его молитв о своем выздоровлении, – но блаженный пустынник, за двадцать дней предузнав ее кончину, отвечает ей советом готовиться к вечности. Мария скончалась и была погребена в Ярославле, в родовой усыпальнице вместе с мужем. Юный Андрей остался круглым сиротою, но бодрствовал над ним Промысл Божий: Он вел своего избранника к предназначенной ему цели, невидимо руководя всеми обстоятельствами и переменами в его жизни. Еще при жизни благочестивой матери, с первых дней развития, он был напитан сию страхом Божиим и любовью к благочестию, шести лет начал он свое образование и скоро, научившись чтению, предался изучению свящ. писания, стараясь всегда проникать в смысл читаемого, усвоить и прилагать оное к жизни. В их богатом доме, при том согласии и любви, какая была между братьями и по смерти матери, для юного князя не было бы недостатка ни в забавах и развлечениях, ни в сверстниках и

товарищах для свойственных его возрасту игр и удовольствий, – но юный Андрей, и от природы всегда кроткий и молчаливый, осиротевши, еще более стал задумчив и сдержан. Находя отраду и утешение только в чтении свящ. книг, он стал удаляться общества и чувствовать отвращение к мирской жизни. Такому настроению духа юного князя много способствовали обстоятельства, постигшие семейство и совершенно изменившие его положение. Великий князь Василий Васильевич Темный, показавший себя истинно великим, когда надобно было защитить и охранить Православие от попытки Исидора ввести в России флорентинскую унию, не был таковым всегда и не имел настолько великодушия и справедливости, чтобы за вину одного не гневаться на других и не мстить родственникам своего врага, ни в чем против него невиноватым. За то только, что сестра заозерских князей Софья находилась в супружестве с Шемякою, в. князь в 1447 г. отнял у заозерских князей все их наследственные и благоприобретенные вотчины и одну половину их отдал можайскому князю Михаилу Андреичу, а другую брату его Ивану. Таким образом сыновья князя Дмитрия перестали быть владельцами князьями заозерскими и потеряли все свое богатство и имение. Этот поступок Темного слишком тяжел был для князей Симеона и Феодора и не мог не возбуждать в их сердце неприязненных чувств к в. князю, – князь же Андрей, и прежде мало расположенный к миру, теперь, когда мир так несправедливо начал гнать его от себя, решился сам оставить его. В поступке в. князя он видел новое для себя доказательство непрочности земных благ и суетности мирской жизни, видел новое побуждение немедленно приступить к исполнению давно таившегося в его сердце желания посвятить себя жизни иноческой, приобретению благ вечных, которых бы немог отнять у него никакой недруг. Напрасно братья старались удержать его при себе, указывали на его молодость, со слезами просили не спешить произнесением рокового обета, – юноша остался непреклонным.

В то время, когда князь Андрей решился удалиться из мира и посвятить себя иноческой жизни, – неподалеку от места его

жительства были уже монастыри Глушицкий и Куштский, построенные при содействии его родителей и на земле им принадлежавшей. Но лучшим убежищем для молодого князя, желавшего порвать все связи с миром, представлялся древний Спасокаменный монастырь, отделенный от мира волнами бурного озера и славившийся строгостью устава и добродетельною жизнью своего игумена Кассиана, старца опытного и прозорливого. Поэтому он отправился туда и стал просить игумена о принятии его в монастырь и о пострижении в иноческий чин. Игумен Кассиан, никому не отказывавший в пострижении, не вдруг однако согласился исполнить желание юноши. Молодость просителя, воспитанного в неге и роскоши, его высокое происхождение, а особенно отношение в князя московского к князьям заозерским навевали думы на душу игумена и приводили в сомнение осторожного старца, опасавшегося, как бы за принятие в свой монастырь опального князя, самому не подвергнуться гневу Темного и не лишиться его благоволения. «Благоверный князь, отвечал он юному Андрею, монашество не единственный путь ко спасению, можно спастись и в мире. Твое место не здесь, а в думе бояр или на поле брани. Служа верно в князю, ты не только не лишишься наследия небесного, но можешь возвратить себе и отцевское». Тогда юноша, как бы угадывая опасения старца, сказал ему в ответ: «отче, что напрасно смущаешься? Ничто не поколеблет моего намерения и не изменить моей решимости посвятить себя иноческой жизни. Не от других принимать услуги, а служить другим и нести крест свой по следам Господа желаю я». Тогда игумен, видя искреннее и твердое желание юноши, склонился на его просьбу и в свою очередь начал увещевать его, чтобы раз принявши на себя иго Христово, он не колебался бы потом мыслями о мирском величии и прежнем своем богатстве, а твердо шел бы по пути, добровольно им избранному, и всегда готов бы был на всякий подвиг. «Чадо, узкий путь иноческого жития, о нем же ты ныне просиши, да явит тебе – изнурение чрева, стояше всенощное, мера в питии воды, недостаток хлеба, насмешки и поругания, отсечение своей воли и безропотное перенесение несправедливых и наглых

оскорблений и обид. Гоним будучи – великодушно терпи, поносим и уничижаем – не гневайся, осуждаем – смиряйся. Отцем твоим пусть будет для тебя тот, кто может и хочет вмеае с тобою трудиться, чтобы снять с тебя бремя грехов. Матерью твоею да будет тебе сердечное сокрушение, могущее омыть тебя от нечистоты. Братом считай того, кто помогает тебе в путешествии на небо и вместе с тобою подвизается в том. Неразлучную при себе имей сожительницу – память смертную. Любезными чадами твоими да будут воздыхания сердечные. Слугою имей свое тело, а друзьями умные небесные силы, которые могут помочь тебе во время твоего исхода». Мудрый старец с первого разу старался начертать юноше тот образец, к которому он должен стремиться, нескрывая от него ни опасностей ни искушений, которым подвергаются иноки. Как иссохшая земля впивает в себя дождевые капли, так юный князь старался усвоить и запечатлеть в своем сердце каждое слово наставника, обещаясь всеми силами подвизаться под его руководством. Игумен Кассиан, еще более уверившись в твердой решимости юноши, не только принял его в монастырь, но и совратил для него урочное время монашеского искуса. После многих бесед и назиданий в продолжение нескольких дней, игумен облек Андрея в иночество, назвавши его при пострижении Иоасафом, и поручил его руководству духовного старца Григория¹²⁵. Мудрый наставник, царского юного князя именем индийского царевича, оставившего царство для Христа, желал, чтобы самое имя служило для новопостриженного прекрасным уроком и примером для подражания; он и сам часто навещая его учил терпешю, послушанию, совершенному отсечению воли и непрестанному памятованию смерти и страшного суда.

Не напрасны были беседы богомудрого старца, семя его учения падало на добрую землю, блаженный князь-инок запоминал все наставления своего руководителя, с охотой и радостью выполнял свои иноческие обеты. Для новоначальных монахов самая необходимая и главная добродетель – отсечение своей воли и послушание старцу, это – первая ступень на пути к иноческому совершенству, дающая цену всей деятельности

подвижника; ибо и доброе дело, но совершенное самочинно, без воли и благословения старца наставника, недобро. Особенно трудна эта добродетель для людей богатых, воспитанных в неге и роскоши, привыкших повелевать и начальствовать. Но блаженный князь Иоасаф с первого дня вступления своего в монастырь настолько подчинил себя воле игумена и старца-наставника, такую оказывал им во всем преданность и послушание, что совершенно отрешился от своей воли и как бы заживо похоронил себя в их воле. С братиею имел свидание только в церкви, все же время посвящал или молитве или чтению отеческих писаний и размышлениям о вечности. Изнуренное постом лицо его не высыхало от слез, которые он постоянно проливал, представляя себе свою кончину и страшный суд. Чтобы не нарушать монастырского устава и порядка, Иоасаф ежедневно, по воле наставников, ходил на трапезу вместе с братиею, но соблюдал самый строгий пост, едва касаясь предлагаемых снедей. Где бы он ни был, в церкви ли во время богослужения, в трапезе ли с братиею, или один у себя в келье, – везде держал себя с одинаковым страхом и благоговением, как бы предстоя пред лицом самого Бога. Проникнутый живым сознанием присутствия Божия, молодой инок все свои думы и заботы, все силы своей неиспорченной воли и неразвращенного сердца сосредоточивать на единственном стремлении – как бы угодить всеведущему Богу.

Слишком быстр и резок был для князя-юноши переход от власти и почестей своего звания к смиренному послушничеству в монастыре, от привольной и спокойной жизни в роскошных княжеских палатах – к тесной и бедной келье Каменного монастыря, к скорбям и лишениям иноческой жизни. Вместо веселых княжеских пиров, изобильных и вкусных яств, он должен был изнурять себя «жаждою и алканием, бдением и на земли лежанием», должен был «совокупляться купно с братиею на ночные и дневные молитвы и изливать от очию многи слезы». Не одни непривычные бдения и пощения ожидали князя. Добровольное удаление от человеческого общества, самопроизвольное обречение себя на жизнь уединенную, когда

человек постоянно остается одинок с самим собою, со своими думами и стремлениями, опасениями и страхами, – тяжело должно было действовать на молодого, впечатлительного инок. Самое место его подвигов – тесное, отовсюду окруженное водами, было таково, что невольно навевало тоску на душу и могло привести молодого человека в уныние. Как и не закрасться в душу унынию, когда длинные зимние вечера однообразные и скучные тянутся как будто бесконечную вереницею, снег заносит келью инок, а мятель его завевает, – когда порою громады льдов как стены окружают пустынный остров и надолго отделяют инок от остального мира, или шум волн, рев и завывание бури оглушают его, бурные и яростные стихии, кажется, совсем готовы уничтожить и остров, и келью, и подвижника. Все это испытал, но все так же с терпением выдержал и перенес блаженный Иоасаф, он даже радовался своей участи и говорил: се покой мой, zde вселюся! яко скры мя (Господь) в селении Своем в день зол моих, покры мя втайне селения Своего, на камень вознесе мя. Отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя (Псал. XXVI, 5, 10). Дивились братия, видя юного князя, воспитанного в неге и роскоши, добровольно пришедшим в такую нищету и убожество и столь усердно подвизающимся на скорбном пути иночества, и смотрели на него как на ангела Божия. Блаженный же игумен Кассиан не мог и нарадоваться успехам своего питомца в духовной жизни, он напоминал ему долг нового его звания, предостерегал от искушений и воодушевлял на новые труды и подвиги. «Брате, о Нем же изшел еси, о Том подвизайся, прилежно пекущийся о своем спасении. Прежде же всего подобает постризающимся не имети воли своей, но держати послушание и смиренномудрие, блюсти сердце свое от скверных помышлений, братися с тайными страстями, ждати присно часа смертного и страшного прещения огненного и пещися о сем прилежно. Подобает чернцем, паче же юным, со внутренним хранением и телесне трудитися, а не праздным бытии». Так с отеческою любовью назидал наставник юного инок, а ученик, слушая его слова, заливался слезами.

Чистота души и тела, отрешенность от всего земного, постоянное сосредоточение духа на предметах божественных особенно отличали блаженного Иоасафа. Телом принадлежа земле, а духом паря в небесах, подвижник еще на земле сподобился посещения Господа Иисуса, святое имя Которого постоянно было на его устах, чистый сердцем узрел Бога по обетованию Спасителя (Мф. V, 8). Раз он пел псалмы в своей келье и вдруг услышал голос: «мир тебе, возлюбленный угодиик Мой Иоасаф!» Усумнился было сначала юноша, неожиданно услышавши это приветствие, но радостный трепет сердца подсказал ему, чей это голос и кто удостоивает его своей беседы. Со страхом и благоговением Иоасаф отвечал: «се раб Твой, что судила о мне благодать Твоя, Владыко?» Видишь ли, сказал ему Господь, все пространство этой пустыни около озера, сколько ее в длину и ширину? Тебя ради всю ее наполню пустынниками, славящими имя Мое». Юный подвижник, падши на землю, смиренно спросил: «Господи, все повинуетя крепкой руке Твоей и все бывает, когда Ты хочешь, чтобы оно было; но молю Твою благодать, дай мне уразуметь, откуда придет все необходимое для подвижающихся в пустыне?» Господь отвечал: «если обрету их хранящими заповеди Моя, и не заботящимися ни о чем житейском, то Сам о всем для них промыслю». Еще однажды вопрошу Твою благодать, сказал Иоасаф, как избегнут они сетей вражиих и лютых искушений?» И опять услышал в ответ Божественный голос: «если со смирением и кротостью будут соблюдать Мои заповеди, не только сотворю их превыше лукавых наветов, но и наследниками вечных жилищ небесного царствия». Блаженный Иоасаф, в простоте чистого своего сердца в тот же день рассказал об этом откровении игумену. Пр. Кассиан непременно, по этому случаю, преподать ему полезные советы и предостережения относительно видений и чрезвычайных откровений, особенно увещевал его не превозноситься, указывая на пример ап. Павла, который тем более смирялся, чем чаще и выше были откровения, которых он удостоивался. И не возмечтал, не превознесся, но еще более смирял себя блаженный юноша после бывшего ему откровения.

По мере того, как Иоасаф, побеждая постом телесные страсти и отражая нападения врага крестным знамением и непрестанною молитвою, возрастал и преуспевал в духовной жизни, с каждым днем восходил от силы в силу, – и враг рода человеческого диавол вооружался за него более и более, готовил ему сильное и опасное искушение. – Родственнику Иоасафа¹²⁶ удельному князю Борису Васильевичу Ржевскому искушитель внушил мнимо доброе намерение посетить Иоасафа на Каменном и дать ему денег для того, чтобы он, вышедши из монастыря, мог построить себе новый где-либо в пустыне и быть в нем начальником. Подвигся лукавым советом князь Борис и направил свой путь на Кубенское озеро, заранее утешаясь тем, какое доброе дело он сделает и как обрадует тем своего бедного родственника. Казалось, намерение его не могло не быть приятным и самому Иоасафу, в нем юный подвижник мог видеть исполнение обещанного ему Господом умножения монастырей и иноков около озера, но Господь открыл блаженному предстоящее ему искушение врага обольстить его чрез родственника и лишить душевного спокойствия. Еще до прибытия князя Бориса в монастырь пр. Иоасаф возвестил о нем игумену и просил у него благословения не видаться до смерти ни с кем из своих родственников, чтобы не подвергнуться чрез них какому либо искушению. Но пр. Кассиан, никогда неопускавший случая поучать молодых монахов послушанию и отсечению своей воли с одной стороны, с другой – будучи уверен в твердости своего ученика, отвечал ему: «о пустынное воспитание и чадо послушание иди встретить своего доброго родственника князя Бориса без всякого сомнения». Повиновался инок повелению старца и, увидавши подплывающую к острову лодку, вышел на пристань и когда князь Борис, не зная его в лице, стал спрашивать его об иноке Иоасафе и рассказал о принесенном для него золоте, то блаженный отвчал ему: «христолюбивый князь! нам не нужны серебро и золото, когда искренно хотим жить в пустыне; возвратись домой и раздай бедным сиротам и вдовицам то, что ты назначил для нас, и получишь зато щедрую награду от Бога». Удивился князь Борис такому бескорыстию и

нестлжательности своего юного родственника, послушался его совета и с миром возвратился домой.

Когда пр. Иоасаф так победоносно разрушил козни диавола, старавшегося возмутить покой его души чрез свидание с родственником и обольстить сребролюбием, – неустающий в злобе и хитрости враг самую победу святого хотел сделать новым для него поводом к искушению и смирение блаженного подвижника поколебать и омрачить высокоумием и гордостью. На обратном пути пр. Иоасафа в свою келью лукавый искуситель бесстыдно является ему, прсдставляет из себя побжденного, изнемогшего и рыдая говорит: «горе мне! не знаю, что делать мне с тобою, Иоасаф. Ты разрушаешь все мои хитрости, отступлюсь я от тебя навсегда и пойду бороться с другими». Блаженный, неслушая лукавых и льстивых слов искусителя, прогнал, его от себя знамением креста и молитвою. Видя же, сколь велики бесстыдство и дерзость врага и как он, подобно рыкающему льву, непрестанно ищет гибели человека, Иоасаф начал вести себя с еще большим вниманием и осторожностью. Полнее и целостнее отрешаясь от всего земного и чувственного, он имел ум и сердце всегда устремленными к Богу, к Нему возвышался он чистым своим духом в непрестанной и пламенной молитве.

Четыре года провел пр. Иоасаф в Спасокаменном монастыре, в подвигах иноческих, не выходя из кельи далее церкви и трапезы; но по мере того, как он усиливал свои труды, очищалось его умное зрение, сердце его все более и более возгаралось любовш к Богу, так что наконец молитва сделалась для него уже не долгом, а необходимою потребностью души. На крыльях ее шн вознесен был однажды в райские селения, где, подобно ап. Павлу, просветленными очами духовными удостоился созерцать торжествующую церковь первородных (Евр. XII, 23), слышать глаголы, которых не может передать человеческий язык, и причаститься невестественные пищи. На нем видимо исполнялись слова Спасителя: не о хлебе едином жив будет человек (Мф. IV , 4). Действительно, в последний год своей жизни он вкушал пищу только по воскресным дням, после приобщения святых Таин, всю неделю пребывая в посте. Что

всего удивительнее, даже и столь строгая жизнь казалась ему слабою, он желал достигнуть всецелого забвения телесных потребностей и – большого духовного совершенства, чтобы, подобно ангелам, непрестанно славить Господа. Блаженный Иоасаф как бы предчувствовал, что ему недолго остается жить на земле, торопился делать добро и спешил собрать и вместить в себе все добродетели. Но такого необыкновенного воздержания, непрестанных бдений и трудов не выдержало его тело, здоровье его совершенно ослабело и расстроилось и он впал в продолжительную и столь тяжкую болезнь, что не мог встать с места и выйти из кельи. Умилительно было видеть, с каким терпением и великодушием юный страдалец переносил свой недуг, с какою искреннею радостью и усердною благодарностью к Богу он смотрел на свои страдания, как на великую милость и отеческое посещение Божие. «Благо сотворил еси с рабом Твоим, Господи, шептал он лежа на одре. Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим» (Псал. CXVIII, 65. 71). Когда игумен и братия, движимые любовью и состраданием старались помочь ему и предлагали различные средства и советы для облегчения его страданий, он об одном только усердно просил их и даже заклинал именем Божиим, чтобы не делали ему никаких послаблений и чтобы не было нарушено для него ни одно правило монастырского устава, но чтобы и впредь сохраняли в монастыре самое строгое общежитие. При малейшем облегчении болезни, перемогая себя, он приходил в церковь к каждому богослужению. К концу пятого года пребывания в монастырь, болезнь до того ослабила и измучила его, что блаженный как ни усиливался, не мог сам выходить из кельи. По всему видно было, что жизнь в нем догорала и дни его уже были сочтены; но и теперь, при самых сильных страданиях, не стоны и жалобы, а молитвы и благодарения слышались из уст его. Когда наступил праздник Рождества Богородицы, он велел вести себя в церковь к божественной литургии, чтобы в последний раз приобщиться святых Таин, и по возвращении в келью не вставал уже более с одра болезни, с каждым часом делаясь все слабее и слабее. В последние дни игумен и братия, искренно его любившие, почти

не отходили от него. Не принес с собою в монастырь Иоасаф никакого имения и богатства, чтобы украсить храм или улучшить содержание братии, не был в монастыре ни начальником, ни распорядителем, да и жил недолго; но все настолько были ему преданы и так скорбели о разлучении с ним, что, если бы было возможно, готовы были умереть за него. Обливаясь слезами, они говорили умирающему: «оставляешь ты нас, брат возлюбленный, и отходишь и Господу. На кого ты покидаешь нас, кто нам заменить тебя? Без тебя многие из нас оставят монастырь и разбредутся по разным местам». Уже не вставая с одра, слабыми, прерывающимся голосом отвечал им умирающий: «простите, братия, мне пришло время почить, предаю вас Богу и пречистой Богородице, да сохранять вас от всяких искушений, Кассиан же игумен да будет вам наставником ко спасению и восполнить все ваши недостатки». Он увещевал и просил их, чтобы они жили согласно, чтобы не было между ними никаких ссор и раздоров, о чем и ранее всегда заботился. Наступили последние минуты жизни пр. Иоасафа. Плачущая братия стали подходить к нему прощаться, он каждого из них обнимал и целовал, у каждого просил себе прощения и молитв, потом велел одному иноку читать канон на исход души. По прочтении канона преподобный, приподнявшись с одра, сам взял кадильницу с фимиамом и подавши игумену просил окадить все иконы в келье и предстоявших, затем произнес последнюю молитву к Богу и Пресвятой Деве Богородице, прося их о себе самом, о приютившей его обители, о братии, о сродных ему князьях и о всех православных. Едва только кончил он молитву и снова прилег на одр, как чистая и святая душа его безболезненно и тихо оставила изнуренное тело и отлетела к Богу. Это было 10 сентября 1453 года¹²⁷. Хотя продолжительная и тяжелая болезнь пр. Иоасафа и иссушила его тело, но лицо его было светло и весело, так что он казался не умершим, а как бы сладко заснувшим.

Плач и рыдание раздалось в келье преподобного, по его смерти, и огласили весь монастырь и остров Каменный. Все искренно жалели и скорбели о разлучении с пр. Иоасафом и не скоро могли удержаться от слез и рыданий, чтобы приступить к

омовению и облачению его тела по уставу монастырскому. Игумен Кассиан со старшею братиею, с подобающею честью и псалмопением, на головах перенесли тело почившего из кельи в соборный храм Преображения; когда же стали совершать надгробное пение, то едва могли кончить его от сердечной жалости, слез и рыданий. Все имели к нему такую любовь и уважение и столько были уверены в его святости, что не захотели никогда расставаться с ним и решились не предавать тела его обычному погребению в земле, а с благоговением, как святыню, перенесли в теплую церковь Успения Богородицы и поставили его пред иконостасом у правой стены, чтобы всегда иметь его пред своими глазами и подражать святому его житию. Хотя и не единственный в истории, но весьма редкий пример любви и уважения к умершему его современников!

Не обманулась братия, не скрывши в земле своего сокровища. Услышавши о преставлении пр. Иоасафа, множество народа собралось в монастырь к его погребению и многие больные тогда же получили исцеление от прикосновения к его гробу. С того времени от нетленных мощей его, как от неисчерпаемого источника, потекли благодатные чудеса и исцеления всем, с верою к нему притекавшим. Особенно много было лиц, получавших исцеление от лихорадки, или, по выражению жизнеописателя, от студеного недуга трясавицы, так как эта болезнь часто появлялась и сильно изнуряло народ в окрестных селениях. По причине пожара, истребившего все монастырские акты и записи, неизвестно, были ли записываемы кем в монастыре чудеса преподобного или нет. Во время этого пожара (3 сентября 1472 года) не только выгорел весь монастырь, но то от огня, то от страшно бушевавшего тогда озера, погибло много народу, сгорели и мощи преподобного, около 20 лет нетленно почивавшие в Успенской церкви. Остатки их были собраны, вложены в ковчег и поставлены в церкви под престолом¹²⁸, но и тогда от них не переставали происходить исцеления. Чтобы доставить множеству приходивших богомольцев возможность прикладываться к мощам, часть их, по прошествии некоторого времени, вложена была в трипядный крест, обложенный серебром, и поставлена в церкви. В 1650

году, по благословению Маркелла, архиепископа вологодского и великопермского, при архимандрите Маркелле же устроена была гробница в каменной Преображенской церкви у южных врат возле стены, в нее перенесены были из под престола мощи пр. Иоасафа, а также и все остальные части мощей его, крест же с мощами положен вверху ее, на образе. После пожара 24 июля 1774 г., когда Каменный монастырь был закрыт, а братства переведено в вологодский Духов монастырь, названный с этого времени Спасокаменным, сюда же были перенесены и мощи пр. Иоасафа, спасенные от пламени. Ныне они находятся в нижней теплой церкви, против гробницы преподобно-мученика Галактиона, на правой руке, в металлической гробнице, под балдахином, а крест с мощами прикреплен к ризе иконы, покрывающей гробницу.

Пожар Каменного монастыря 1472 года, истребивший успенскую церковь, в которой почивали мощи пр. Иоасафа «со всеми узорочьи, с чудными иконами, книгами и казною», и причинивший смерть многим инокам, – лишил нас известий о чудесах, происходивших до того времени от мощей преподобного. Уже в то время, когда останки их, собранные в ковчег и скрытые под престолом, как бы в утешение пострадавшей обители, снова начали источать исцеления и отовсюду потекли на Каменный богомольцы и недужные, – одному благочестивому иноку из клириков пришло на мысль составить службу и написать житие чудотворца, присовокупив к нему и несколько чудес его, которых он или был очевидцем или слышал достоверно от других. Так он упоминает об одном чуде, бывшем еще при управлении монастырем игуменами, об исцелении некоего Тимофея, долго страдавшего лихорадкою, которая столько его изнурила, что он уже не мог принимать пищи, отчаялся в жизни и с часу на час ожидал смерти. Как очевидец, автор подробно описывает исцеление Романа, сына дорогобужского князя Димитрия¹²⁹, родившегося немой. Немой князь Роман, в детстве лишившийся родителей, воспитываем был в монастыре бабкою своею инокинею – княгиней Анной. Она, услышавши о чудесах, происходящие от мощей пр. Иоасафа, послала внука в Спасокаменный монастырь со

множеством слуг и с богатою милостынею для братии, сама же, во все время путешествия вкука, молилась, призывая на помощь преподобного, кормила нищих и посылала милостыню по церквам. Каменский архимандрит, с подобающею честью встретив князя и введши в церковь, поставил его близ раки преподобного, сам же стал служить для него молебен с водосвятием. Немой князь со слезами молился во все время молебна и когда, по окончании его, приложился к мощам преподобного и испил освященной воды, тотчас же начал говорить так ясно и чисто, как будто бы никогда не был немым, а ему было тогда уже 15 лет от роду. Это чудо столько удивило и обрадовало всех, находившихся в церкви, что архимандрит велел звонить во все колокола. Собралось множество народа из Вологды и окрестных мест и все прославили Бога и угодника Его пр. Иоасафа. Настоятель велел князю Роману еще три дня оставаться в обители и отпуская дал ему на дорогу освященной при мощах воды. Затем, кроме записанных в сказании еще трех чудес: – исцеления Марии, женщины из богатого дому, много лет бывшей совершенно слепой и внезапно прозревшей у раки преподобного; – крестьянина Ивана деревни Чиркова, мучимого бесом, и – юноши Сампсона, находившаяся в помешательстве ума, в похвальном слове пр. Иоасафу автор делает указания еще на некоторые другие случаи проявления действовавшей в нем благодати Божией. «Радуйся, говорит благочестивый клиринг в своем воззваши к пр. Иоасафу, радуйся, яко при животе твоём некоего инока о серебре, данном на сооружение твоя обители от раскаяния спасл еси, и милостиво наказуя его не согрешати к тому, благодарю Божией прозреше ему даровал еси. Радуйся, яко по преставлении твоём к Богу, писателя бывша в недоумении о твоём добродетельном жили, ты явлением своим вместе с наставником твоим игуменом Кассианом, уверил еси. Радуйся, яко о неведомой тайне столпа, философа мнением превозносящегося посрамил еси, и Божию суду того предал еси.

Святые Герасим, Питирим и Иона, епископы пермские

Как православная церковь греческая установила совокупное торжество трем своим великим святителям, хотя они жили не в одно время и скончались в разных местах, так и древняя церковь пермская, подражая греческой и царствующему граду Москве, празднующей в один день трем своим иерархам – 29 января, накануне праздника вселенских учителей, воспоминает и прославляет подвиги троих своих архипастырей: Герасима, Питирима и Ионы. Прославляет вместе потому, что они преемственно один после другого доканчивали апостольские труды великого просветителя Перми Стефана, что святые, труженические мощи их покоятся под одною ракою в бывшем их кафедральном соборе. Более полувека продолжались их святительские подвиги, для двоих из них кончившиеся мученическою смертью. Как поставленные во главе своей паствы, высокие по жизни и образованию пермские владыки пользовались всеобщим уважением современников, не смотря на отдаленность их епархии часто были вызываемы в Москву и принимали немаловажное участие во всех важных церковных делах; – при всем том о жизни и подвигах их мы можем сказать весьма немногое. Неизвестны ни род и происхождение, ни время и место пострижения в монашество, ни подробности их епархиального управления и келейной жизни. О первом из них святителе Герасиме у современных летописцев нет даже указания на то, когда он был поставлен в епископа и когда скончался, хотя те же летописцы часто упоминают о делах и случаях самых обыкновенных и незамечательных. Неизвестно, что было причиною такого непопятного опущения летописцев, если только не приписать того отдаленности места действия и подвигов святителей от тогдашних центров письменности, – иноязычию страны, в которой они подвизались, тогдашней гражданской неурядице в России, особенно же бедственному положению Перми, почти постоянно подвергавшейся нападениям и от своих и от чужих. Грабежи и злодейства

новгородских ушкуйников и вятчан, татар и вогуличей, Асыки и Шемяки были громче и более на себя обращали внимания летописцев, нежели пастырские труды и подвиги смиренных епископов, старавшихся, по слову евангельскому, скрывать свои добродетели.

Мощи сих трех святителей, как мы сказали, покоятся под одною ракою в Устьвымской Благовещенской церкви, которая была их кафедральным собором. Над гробницею их находится икона в серебряном басманном окладе, изображающая святителей во весь рост с следующею надписью: л. 7115 (1607) м. июня в 8 день, при великом госуд. царе и в. кн. Василие Ивановиче, всея Руси самодержце и при святейшем Ермогене, патриархе московском, написан бысть сей св. образ трех святителей Герасима, Питирима и Ионы, в славу св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, повелением их, смиренным епископом Иоасафом вологодским и великопермским и положен бысть сей образ на гробницх их великих чудотворцев, Герасима, Питирима и Ионы¹³⁰. Память святителей донныне благоговейно читится 29 января с того времени, как по соборному определению патриарха Гермогена и по повелению царя Василия Ивановича Шуйского написана их икона и установлено празднование. К этому дню в Устьвым бывает необыкновенное стечение народа со всех сторон. Прежде был и особенный храм во имя их, но в 1749 году вместо него, по грамоте устюжского епископа Варлаама, к Благовещенской церкви с северной стороны прикладен придел, освященный в 1764 году 29 января во имя всех святых, в котором против царских врат несколько направо и находится общая гробница святителей.

Преемник св. Стефана епископ Исаакий, бывший в Москве на соборе при посвящении новгородского архиепископа и при совещании о литовском митрополите, в марте 1416 года удалился на покой и уже более не возвращался в Устьвым. Новообращенная паства, оставшаяся без архипастырского надзора, легко и скоро могла увлечься прежними заблуждениями и позволить себе беспорядки в жизни, тем более, что с одной стороны фанатики язычества – волхвы рады были случаю рассеивать свои плевелы, не видя грозы и

сильной помехи своей пропаганде, с другой дикие вогуличи не преминули даже силою принуждать новообращенных к язычеству. «Овцы шалют, волки нападают, без пастыря свистеть некому, чтобы пугать и прогонять волков... иноязычницы вогуличи делают нападения» – со скорбью говорит Эпифаний¹³¹. При таком положении дел преемнику Исаакия, пастырю ревностному к своему долгу, предстояло много труда и забот, надлежало много перенести неприятностей и скорбей, подвергнуться нападениям и обидам от врагов, которые, пользуясь дальностью места от верховного правительства, действовали безнаказанно. Преемником Исаакия был блаженный Герасим, но откуда он был родом, когда и где поступил в монашество, когда и где посвящен во епископа и когда прибыл в Пермь – неизвестно. Древнее местное предание говорит о нем только то, что он был святой жизни, с ревностью очищал плевелы, появившиеся на ниве Христовой, и старался глубже укоренить в сердцах народа православную веру, не жалея для того ни трудов своих, ни здоровья, так что митрополит Фотий (в 1429 году), к удовольствию своему, мог сказать о Перми: ныне страна чисто и православно совершает службу Божию, по закону христианскому¹³². В 1438 году мы видим блаженного Герасима на московском соборе, на котором осужден был предатель православия Исидор; потом в 1441 году он снова был вызван туда же для постановления соборного решения ставить русского митрополита собором русских архиереев. Это показывает, как современники дорожили мнением пермского святителя и какое к нему имели уважение. Без сомнения, ревностный архипастырь при этом случае ходатайствовал пред великим князем за свою паству и просил ей милостей и льгот. Действительно, его неусыпными трудами и отеческими заботами скоро все было приведено в Перми в настоящий порядок: начала процветать торговля, усилилась народная промышленность, внешняя безопасность обеспечена была мирными отношениями ко всем окружающим соседям. Народ благоденствовал, увеличивал источники приобретения, обогащался и наделял щедрыми дарами монастыри и храмы Божии. Набожность его, возбуждаемая духовенством,

руководимым советами и указаниями архипастыря, повсеместно выражалась и доказывалась тем, что не осталось почти ни одной многолюдной деревни, где бы не было построено усердием жителей церкви. Радовался блаженный пастырь, видя спокойствие и благоденствие своей паствы и не жалея ни трудов, ни здоровья, продолжал непрестанно заботиться об их утверждении, но трудно было надолго сохранить спокойствие и безопасность в стране, удаленной от защиты великокняжеской и со всех сторон открытой нападением врагов, привыкших считать ее своею легкою добычею. В последние годы жизни святителя Герасима положение Перми снова сделалось самым затруднительным: в одно и то же время она должна была защищаться от различных врагов, далеко превосходивших ее силами и нападавших на нее с противоположных сторон. Самыми опасными из них были вогуличи, часто злодействовавшие в верхне-вычегодских селениях и постоянно старавшиеся вредить зырянам в торговле и промыслах. Занятые домашнею неурядицею и ссорами между собою, они несколько лет не тревожили зырян, но когда раздор и междоусобию между ними кончились смертью многих диких царьков, и один из них Асыка сделался могущественным и грозным властелином всех оседлых и бродячих вогуличей, тогда Пермь встретила в нем заклятого себе врага, который в продолжение полувека наводил ужас и был бичем и страшилищем для зырян. Не столь опасными казались другие враги: неугомонные новгородские ушкуйники и вятчане, не имевшие к зырянам (как вогуличи) племенной вражды и возбуждаемые только жаждою корысти, но и они часто не менее их были жестоки и наносили величайший вред благосостоянию страны. Новгородцы грабили нижне-вычегодские селения, а вятчане по Лузе и Сысоле. В этих плачевных обстоятельствах общее уныние и отчаяние жителей были столь сильны, что народ и не думал уже защищаться и спасался бегством в леса, оставляя дома на произвол врагов, которые редко где встречали себе сопротивление. Как попечительный отец, блаженный пастырь употребил все свое влияние и деятельность на защиту обидимых. Не щадя собственных средств и

подвергаясь сам опасности, он странствовал по Перми из конца в конец, одушевляя своих овец, расхищаемых кровожадными волками, и являясь везде как ангел хранитель. Новгородцы и вятчане, тронутые его просьбами и увещаниями, возвратили жителям все, отнятое у них, и из уважения к маститому старцу святителю сделали богатые вклады в церкви и монастыри пермские. Блаженный Герасим до того простер свою заботу о пользе паствы, что решился, с опасностью жизни, самоотверженно явиться в стан жестоких и грубых вогуличей. Не смотря на свирепость начальника их Асыки – просьбы и убеждения святителя подействовали на дикарей, так что они удалились в свои места. Ревностный пастырь занялся тогда водворением покоя и порядка в деревнях и селениях, пострадавших от дикого неприятеля: проникал в самые глухие места, если слышал, что там страдает беспомощная бедность, входил во все нужды жителей, одних утешал, другим помогал, иным одолжал, никому ни в чем не отказывая, и такими подвигами заслужил от всех имя благодетеля народа. Душевные огорчения и недуги старости расстроили его здоровье, но и будучи болен, он не хотел оставить своих пастырских обязанностей и поехал обзрывать ближайшие к владычному городу места и церкви. На обратном пути, когда он уже приближался к своему дому, «на устьвымском лугу, близ Устьвымска городка, за мало стадий от соборной церкви, бысть удушен святой отец за нечто от своих домочадцев, неповинно кончину восприя святой месяца января в 24 день». Предание говорит, что св. Герасим был удушен омофором слугою вогуличем, которого он взял к себе на воспитание с целью образовать из него проповедника православной веры его диким соотчичам. Вероятно дикарь поступил так со своим благодетелем по наущению тех, которым дорого было унижаемое язычество. Печальная весть о смерти архипастыря быстро пронеслась по окрестным селениям и поразила скорбью сердца жителей. Со всех сторон народ толпами устремился к владычному городу отдать последний долг своему благодетелю. При всеобщем плаче и рыдании – тело святителя – мученика предано было земле в Благовещенском кафедральном соборе.

Святитель Пителим. Когда в Москве было получено известие о мученической кончине блаженного Герасима, то преемником его был поставлен чудовский архимандрит Пителим, известный сколько по благочестию своему и иноческим подвигам, столько же и по образованности и просвещению, в чем не было тогда в Москве ему равных. Инок Пахомий в предисловии к житию святителя Алексия говорит: «иное извлек я из самого достоверного писания архимандрита Пителима, бывшего потом епископом Перми. Он кратко написал о святителе и составил канон в похвалу ему, слышав верное о его жизни и чудесах. Сей епископ и вместе мученик не только пострадал от неверных за веру, но много потерпел бед и от князя, считавшего себя верным, которого потому должно считать худшим неверного, от того, который осквернил руки свои кровью брата его». Это, как видно, Шемяка, долго свирепствовавший в Двинской области. Но откуда был родом св. Пителим, где пострижен в монашество, когда и кем посвящен в епископы – неизвестно. Избранный на чреду архипастырского служения в стране, обуреваемой тяжкими народными несчастьями, Пителим с первых дней своего управления обратил особенное внимание на церковное устройство и на водворение общественного порядка, нарушенного враждебными отношениями соседних народов. Поэтому первым его долгом по прибытии в Устьвым было восстановление дружественных с ними сношений и особенно с вогуличами и с вятскою вольницею, к общему негодованию зырян самовольно поселившихся в пермских пределах по рекам Сыsole и Лузе. С этою целью он разослал к ним увещательные грамоты и послания, чтобы они не воевали и не грабили зырян, всегда свято соблюдавших мирные условия и никогда не изменявших ручательству своих правителей. Но что могли значить пастырские послания и убеждения для необузданных, своевольных людей и грубых язычников? Они не только не имели никакого успеха, но еще обнаружили слабость материальных сил у правителей Перми и возбудили в грабителях надежду на безнаказанность, – вогуличи и вятчане, во время управления Пителима, почти не переставали

тревожить зырян своими хищническими набегами. Асыка, пользуясь раздорами русских князей за великокняжеский престол, страшно зорил христианские селения, грабил имения и убивал народ, который уже и не думал защищаться и сберегать свои хозяйства, стараясь бегством в леса спасти свою жизнь. Питирим, ревностный блюститель паствы и неутомимый в попечениях о ее благе, употреблял всевозможные средства для того, чтобы, по крайней мере, несколько ослабить зло и облегчить тягость народного бедствия. Он не щадил для этого ни своих, ни монастырских запасов и имения. Так как Асыка, уверенный в безнаказанности, делался все более и более дерзким, и стал простирать свои разбои и грабежи далее пределов Перми, причиняя не мало вреда русским жителям Двинской области, то новгородские владельцы земель на Ваге, и Двине – Василий Своеземцев и Михаил Яковль с 3000 своей дружины, имея путеводителями зырян, в 1445 году прошли до Урала и захватили множество Югры (Остяко-вогулы). Хитрые дикари, усыпив бдительность воевод обещанием полной покорности, нечаянным нападением поразили было дружину Своеземцева, но вскоре за тем благоразумными мерами воевод и стойкостью дружины, озлобленной вероломством вогуличей, ватаги их были рассеяны и сам свирепый предводитель их Асыка захвачен в плен и узником! должен был сопровождать победителей в русскую землю. Коварный вогулч, покоряясь необходимости, затаил злобу и клялся, но своей вере, всеми грозными духами, сохранять до смерти дружественные отношения к Перми и не тревожить более христиан; но эти вынужденные клятвы и позорный плен еще более усилили в нем чувство ненависти и зырянам. Получив свободу, он отправился на Печеру и ждал только удаления новгородцев, чтобы с большею яростью снова начать свои опустошительные набеги. – Блаженный Питирим старался помочь раззоренным, чем только мог, своими просьбами и убеждениями он добился наконец того, что вятчане вызвали из Перми свою вольницу и обязались вперед не тревожить зырян.

В 1447 году он был вызван великим князем в Москву для составления соборного послания Шемяке, изменившему

клятвенным договорам и снова злодействовавшему в Двинской области. Надобно полагать, что эта грамота или послание, отправленное собором к Шемяке, хотя подписано всем тогдашним старейшим духовенством, было составлено Питиримом, как более опытным в делах письменности, пользовавшимся особенным уважением великого князя¹³³ и немало потерпевшим от Шемяки. Разлученный с паствою и находясь в Москве, блаженный Питирим не переставал заботиться о пасомых: он лично ходатайствовал у великого князя о защите Перми от нападения врагов, но Василий Васильевич, при всем уважении к святителю, при всем желании исполнить его просьбу, мог сделать тогда только то, что сложил подати с пострадавших, а его семейство наделило Питирима разными вкладами и подарками для зырян. Отпущенный великим князем с честью, святитель поспешил выехать из Москвы в свою далекую епархию, чтобы обрадовать своих пасомых милостями государя. Но нерадостно было его возвращение в Устьвым. С прискорбием он узнал здесь, что во время его отсутствия Асыка изменил своим клятвам и снова, сделав нападение на ближайшие к Печере зырянские селения, захватил в плен беззащитных жителей и с награбленным имуществом удалился в верховья Печеры. Жители, лишенные крова и имущества, толпами собрались в Устьвым, оплакивая потерю кто отца или матери, кто жены и детей. Блаженный Питирим, вполне сочувствуя постигнутому их бедствию, старался утешить их своими отеческими беседами, обнадеживал помощью и милостями великого князя и все, что привез из Москвы, роздал раззоренным жителям, чтобы хотя сколько нибудь облегчить их несчастье. Среди этих трудов и отеческих забота о пастве святитель в 1448 году снова был вызван в Москву на поставление митрополита русской церкви, которого уже восемь лет не было в Москве, но причине смут, произведенных галичскими князьями, домогавшимися великого княжения. Епископы Ефрем ростовский, Варлаам коломенский, Авраамий суздальский и Питирим пермский прибыли в Москву, другие прислали грамоты, изъявляя свое согласие на избрание собора; по единодушному желанию всех рязанский епископ

Иона был избран и посвящен в митрополиты московские. Личное присутствие на этом соборе святителя Питирима, не смотря на отдаленность его епархии, показывает то уважение, какое имели к нему современники и великий князь, который не решился без него приступить к столь важному делу, показывает также ревность самого святителя и его заботы о пользе церкви и отечества: святитель не ограничился посылкою грамоты, но счел долгом лично явиться на собор, не смотря на отдаленность и продолжительность путешествия. Великий князь, провожая святителя Питирима в обратный путь, наделил монастыри и пустыни зырянские богатыми вкладами, не забыл своими милостями и паствы пермской, столько пострадавшей от диких соседей, снова дал льготы и уменьшил дани с народа. К большой радости зырян и враги их вогуличи после 1448 года около семи лет не тревожили их, так что ревностный пастырь имел теперь полную свободу заняться долгом учительства¹³⁴, чтобы глубже укоренить в сердцах пасомых догматы веры и правила христианской нравственности. Часто обзревая обширные пределы своей епархии и посещая отдаленнейшие части ее Удору и Печору, чтобы самому видеть как живут чада его по вере, он с любовью заботился об их просвещении, поучал в домах, проповедывал в храмах, а чаще всего беседовал с народом на открытом поле, громогласно объясняя ему правила веры и благочестия. Странствуя по Печере, он, подобно Стефану, преодолевал препятствия, терпел лишения, презирал опасности и свою апостольскую ревность простер до того, что успел обратить в христианство диких вогуличей, кочевавших в соседстве с крещенными зырянами по притокам Печеры. Но это приобретение новых чад церкви Христовой впоследствии навлекло на Пермь страшные бедствия и стоило жизни самому проповеднику.

С 1448 по 1455 год вогуличи не делали нападений на Пермь. В этот промежуток времени народ благоразумно воспользовался льготами, дарованными ему великим князем, и, вспоможествуемый добрым архипастырем, скоро забыл последние грабежи и злодейства Асыки. Народ повсеместно благословлял своего владыку, благотворителя и отца, и вместе

с ним надеялся и думал, что наконец избавился от страшных и жестоких врагов своих вогуличей, что новопросвещенные из них станут удерживать земляков от разбоев и хищничества и будут посредниками и миротворцами между ними. Но ожидания зырян не сбылись. Слух об обращении к христианству ближайших к Перми вогулов пробудил в Асыке и его приближенных бешеную ярость. Лично негодуя на Питирима, вогулический князь готовился нанести жестокий удар зырянам, проникнув в самое сердце пермского края – Устьвым, чтобы погубить его отца и защитника – епископа. Он не спешил выполнением своего намерения, исподоволь запасался средствами к дальнему пути и вел свои приготовления со всевозможной скрытностью, чтобы огласкою не повредить успеху предприятия; когда же все было готово, он вдруг созвал всех вогулических князей с их бродячими ватагами и, вооружив их луками и стрелами, летом 1455 года пустился на плотах вниз по Вычегде, стараясь скорее достигнуть Устьвыма. Не останавливаясь нигде на пути и задерживая прибрежных жителей, чтобы они не предупредили Питирима о приближении неприятеля, Асыка вскоре доплыл до Устьвыма и остановился в виду его, в десяти верстах от впадения Выми в Вычегду на высоком бору, который доньше зовется «Юр» становище, также «Вогул-яг», «Асык-яг» – вогульский или Асыкин бор. Здесь он несколько времени ожидал вятской вольницы, к которой еще с устья Сысолы отправил послов звать ее для грабежа и добычи. Вятчане не замедлили явиться на этот призыв. Соединившись с ними, Асыка искал удобного случая напасть на Устьвым. Прежде всего он хотел разведать, что делается в Устьвым, не знают ли там о его прибытии, не укрепляют ли города, дома ли владыка Питирим и не намерен ли куда ехать? Для этого надобно было добыть «языка». Был воскресный день. Рано утром один из устьвымских жителей, но домашним надобностям, поплыл в маленькой лодке вверх по Вычегде и нечаянно наткнулся на становище вогуличей. Его поймали и Асыка пытками узнал от него какова стража в Устьвыме и дома ли Питирим. Зырянин между прочим объявил, что в этот самый день Питирим пойдет для молебствия на мыс, что близ устья Выми, и что о вогуличах

ничего не знают. Соображая эти обстоятельства, Асыка поспешил пристать к Устьвыму именно в то время, когда Питирим выйдет на мыс и займется проповедью, – тогда везучестью нападения он всего легче надеялся поразить и пастыря и стадо, а чтобы обмануть бдительность Питирима и скорее захватить его в руки, Асыка велел набросать на плоты срубленных елей и ветвями их прикрыть свое войско. В таком виде плоты издали казались плывущими деревьями, подмытыми напором и быстринною реки. В Устьвыме в воскресный день старый и малый были в храме. После литургии святитель, клир и народ с крестами и иконами отправились на мыс – обширное поле, образуемое слиянием рек Выми и Вычегды. Духовная процессия, во главе которой шел с животворящим крестом святитель Питирим, маститый старец, убеленный сединою – с пением священных псалмов достигла предназначенного места и остановилась. Стали молебствовать. Народ окружил любимого владыку и вместе с ним умиленно молился Богу. Вдруг заметили массы деревьев, которые на большое протяжение тянулись в длину реки и плыли прямо к мысу. Это не могло быть случайностью или следствием бури и произвело общее смятение. «Святый же о сем тайно прорассуждая, уведа свою кончину, уразуме и сказа: «что хочет быти?» Народ растерялся и не знал что делать. Тогда святитель, обратившись в ту сторону, где стоял Устьвым, преклонил колена и воздевши руки помолился Богу, троекратно осенил монастырь, церкви и город знаменiem святого креста, благословил народ и сказал: «братие и чада моя возлюбленные! Господь Бог восхоте предати мя немилосердным вогуличам на смерть и час отшествия моего от сего временного жития к вечному уже приспе. Аз же готов есмь умерети за Господа Бога моего, лучше мне единому умерети, нежели всем вам изгибнути. Вам же чадам моим оставляю мир и благословение; любите Бога, любите друг друга, любите и врагов своих; Господь спасет вы смертию моею от их гнева и ярости. Храните православную веру, соблюдайте заповеди, поучайтесь благочестию, возлюбите церковь, яко сами себе. Почитайте государя, повинуйтесь властям, яко суть от Бога,

внимайте пастырем духовным и Господь благословит вас. Мир и благословение вам, чада возлюбленные! Не сетуйте и не скорбите мене ради. Отъидите от Мене вскоре, дабы и вас не постигла некая беда; аз бо не хочу укрыться или бежати, но хочу за Христа Бога и за святую веру православную мучение прияти и смерть вкусити». Враги были уже близко, а паства, слушая святого отца, проливала горестные слезы и не трогалась с места, хотя св. Питирим и побуждал ее к тому. «Зане той святой Питирим вельми милостив бысть и кроток и со смирением уча и наказуя и вси готовяхуся защищати святого отца». Но когда толпы вогулов высыпали на берег и устремились к тому месту, где стоял Питирим, народ разбежался кто куда мог, оставивши архипастыря одного. «Святой же в тое время токмо Богу моляшеся. Немилосердии же вогуличи и вятчане жестокосердии како не сжалишася видяще святого Богу молящася и готовящася добровольне на муки вдатися и смерть восприяти; но твердо наступивше с яростью яша святого и един по единому начата бити его. Святой же отец увещеваше Асыку и иже с ним». Но смиренные увещания святолепного старца не могли тронуть души, ожесточенной злобою. Владыка пермский был варварски замучен Асыкою и святое тело его, изъязвленное и опозоренное наглыми кровопийцами, брошено было на мысу. «Сице пострада, говорит летопись, святой Питирим епископ, устьвымский чудотворец, и добровольно за Христа от безбожных вогулич и вятчан кончину восприя и мзду и венец от Подвигоположника святительства прием, от Владыки и Спасителя, «Господа нашего Иисуса Христа, августа в 19 день лета 1455¹³⁵. Совершивши такое злодеяние Асыка, немедленно удалился от Устьвыма и не приступал к владычному городу по опасению ли встретить сильный отпор или потому, что уже очень доволен был смертью ненавистного ему святителя; он захватил только на обратном пути прибрежных жителей. Духовные и гражданские власти поспешили послать в Москву известие о случившемся и в продолжение 40 дней, пока не получили ответа из Москвы, тело святителя оставалось в срубе на месте мученической его кончины, и не смотря на знойное

время тление не коснулось его. Не только из ближних, но и из самых отдаленных мест Перми жители многочисленными толпами приходили поклониться нетленному святителю. Когда получен был ответ из Москвы, мощи мученика с великим благоговением и честью, при всеобщем плаче и рыдании, были погребены в устьвымском благовещенском кафедральном соборе, возле его предшественника святителя Герасима, и вскоре, еще его современники стали чтить благоговейной памятью день его мученической кончины и обращаться к нему с молитвами, как к угоднику Божию. Уже в уставе 1522 года под 19 августа сказано: «в той же день убиен бысть владыка Питирим пермский от безбожных вогулич¹³⁶.

Святитель Иона. Из жития святителей Стефана, Герасима и Питирима видно, как трудно и опасно было положение юной пермской церкви. В продолжение многих лет она почти постоянно подвергалась грабегам и разорениям от хищных соседей и – вследствие своей отдаленности от Москвы и несчастных политических обстоятельств не видела защиты и помощи от великого князя. Не удивительно поэтому, что первый преемник! Стефана епископ Исаакий вынужден был отказаться от епархии и идти на покой, следовавшие за ним святители Герасим и Питирим кончили свое служение мученической смертью. Чего должен был ожидать себе и новый владыка пермский Иона, рукоположенный соименным ему московским первосвятителем в 1455 году, вскоре по убиении Питирима? Те же самые лишения и труды, опасности и беды предстояли и ему, как и его предшественникам!, и много нужно было иметь самоотвержения и преданности воле Божией, чтобы решиться идти на кафедру пермскую. Не знаем, где родился и воспитан, где принял пострижение и готовился к своему высокому служению избранник Божий, не усумнившийся занять кафедру, обогренную кровью его предшественников. К счастью для нового святителя и его паствы темное время междуусобий уже проходило, самый опасный враг Темного Шемяка был уже в могиле, другие же враги трепетали его слова, великий князь с каждым днем чувствовал себя сильнее, начинал действовать смелее и решительнее, требовать от всех, чтобы княжение его

держали честно и грозно, так что епископ пермский мог уже быть спокойным за свою безопасность. Мало того врагам Перми готовилось справедливое возмездие за их грабежи и разбои. Еще отпуская Иону в Пермь великий князь обещал ему покровительство и защиту как от вятчан, так и от вогуличей, решившись смирить и наказать их. Так как вятчане много наделали бед в северном краю и даже участвовали в убиении святителя Питирима, то в 1458–1459 годах сильная московская рать строго наказала вятчан, покорила много ихних городов, привела всю вятскую землю в зависимость от Москвы и обложила данью. С этого времени вятская вольница, страшась грозного могущества Москвы, не смела более нападать на Пермь и производить в ней грабежи и убийства. Оставалось смирить другого, более строптивого и кровожадного, врага зырян – вогуличей. Великий князь, находя неудобным, по отдаленности Перми от Москвы, оберегать ее собственными силами, поручил устюжанам и новгородцам блюсти ее и помогать ратными людьми по первому требованию пермского владыки и таким образом утвердил спокойствие и безопасность страны на будущее время. Владыка Иона благоразумно воспользовался военной помощью Москвы и в короткое время успел ввести в стране твердый порядок, восстановить общественное спокойствие и упрочить народное благосостояние. Его неусыпные попечения о благе церкви, бескорыстная готовность содействовать улучшению нравственного и хозяйственного быта пасомых и отеческая ко всем благотворительность привлекли к нему сердца всего народа, как к отцу и благодетелю. Зыряне не знали, как и чем благодарить за то своего архипастыря, они только радовались и просили Бога продлить дни его – дни своего счастья.

Не меньшим почетом и уважением святитель пользовался и у великого князя и митрополита, ничего важного не предпринимавших без его совета и участия. Так 12 декабря 1459 года вместе с прочими российскими архиереями он писал увещание литовским епископам сохранять верность православию и не принимать Григория – ученика Исидорова, а в 1461 году, по кончине митрополита Ионы, он объявил собору

волю почившего первосвященника, чтобы в преемники ему поставлен был ростовский архиепископ Феодосий Бывальцев, что ясно показывает, какую любовь и доверие к пермскому святителю имел митрополит Иона. Но главным и более важным подвигом святителя Ионы было обращение ко Христу великой Перми, которую он, по выражению летописи, добавне крести. Великая Пермь, обширная и дикая, была по рекам Каме и Чусовой, в верховьях Вычегды и Печеры, откуда остяки и вогуличи врывались в поселения новых христиан; это нынешние уезды пермский, соликамский, чердынский, западная половина верхотурского и северная оханского, где вместе с коми-пермяками (зырянами) жили на юго-западе вотяки, на востоке остяки и вогулы. До 1462 года народцы эти упорно и слепо держались веры отцов своих, поклоняясь Войнелю и золотой бабе. Ревнуя о славе Божией и сожалея об этих несчастных братьях зырян, утопавших в грубом язычестве, блаженный Иона, умиротворив свою паству, обрек себя на служение им и сделался их просветителем. В начале, подобно св. Стефану, он долго боролся с предрассудками закоренелых идолопоклонников, переносил обиды и лишения, подвергался опасностям и гонениям, но посрамив в прениях о вере упорнейших волхвов и тунов, святитель ясно показал народу ничтожество язычества и успел склонить к св. вере пермского князя в его городе Уросе (ныне село), назвав его при крещении Михаилом. Это был влиятельнейший из пермских властителей, – вспомоществуемый им святитель в 1462–1463 годах мужественно приступил к истреблению идолов, посекал чтимые народом деревья, сожигал кумирницы и просветил св. крещением всех жителей Перми.

Чтобы утвердить православную веру в сердцах новообращенных, он вызвал из Устьвыма надежных и опытных священников; на местах идольских капищ, куда народ привык сходиться для молитвы, построил церкви и завел при них школы для обучения детей. Самыми деятельными и усердными помощниками блаженного Ионы в этом апостольском подвиге были иноки Троицкой Печерской пустыни, как ближайшие соседи к главному городу Перми – Чердыню. По кончине святителя они

долгое время исправляли обязанности приходских священников для христиан, живших по реке Печере. В то же время и в самой Чердыни святитель Иона основал Богословский монастырь для большого утверждения христианства в сердцах новопросвещенных. Устюжане и новгородцы, ранее других узнавшие об успехе проповеди святителя, поспешили прислать ему свои дары и вклады на устройство и украшение церквей для новопросвещенных. В 1468 году еще раз было нарушено спокойствие Перми казанскими татарами, захватившими Вятку, подвинувшимися затем к пределам Перми и начавшими уже грабить жителей. Но в следующем же году татары были разбиты устюжанами и заключили мир на всей воле государя московского. Блаженный Иона, как заботливый хозяин и сердобольный отец, не был безучастным свидетелем этих последних испытаний своей паствы, напротив – не щадя ни старческих сил своих ни материальных средств, он старался помочь потерпевшим и водворить везде спокойствие и порядок. Как бы предчувствуя близость своей кончины, в последние годы он особенно старался утвердить благочестие в простодушных людях и уничтожить языческие обычаи; для этого почти постоянно путешествовал из конца в конец своей обширной епархии, строил новые церкви, увеличивал число клира, будучи сам для него живым примером искреннего благочестия. Наступил 1470 год, пятнадцатый его епископства. Преклонный старец начал чувствовать в себе ослабление сил, чаще стал подвергаться недугам, но и теперь не хотел оставить свою обычную деятельность, пока предсмертная болезнь не сразила его. Он тихо и мирно скончался в Устьвыме 6 июня 1470 года. «И положено бысть святое тело его на Устьвыми, в своей его епископии, близ мощей святых в церкви по левую сторону Герасима и Питирима епископов, устьвымских чудотворцев, с надгробными псалмопении проводивше честне, идеже и доныне вси трие вкупе почивают и чудеса творят и исцеления различные подают с верою приходящим и до сего дне, по слову Христа Бога нашего»¹³⁷.

Преподобный Димитрий Цылибинский

Преподобный Димитрий был основателем Цылибинской Архангельской пустыни на реке Вычегде, в 28 верстах от Яренска. Цылибинская пустынь основана была при св. Стефане пермском с тою целью, чтобы служить приютом для проповедников христианства, трудившихся в зырянских селениях по Вычегде. Преподобный Димитрий был одним из самых ближайших учеников и ревностных помощников Стефана в распространении православной веры между грубыми идолопоклонниками. Из жития святителя известно, что кроме многих духовных лиц, приглашенных им из Устюга, он из самих зырян воспитал и образовал себе не мало помощников, которые, как их соплеменники, хорошо знакомые с правами и обычаями своего народа, и говорившие с ними на одном языке, могли быть более способны к миссионерству, скорее приобретать доверие народа и успешнее действовать на простые сердца диких сынов природы. «Научи грамоте иермстей, говорит жизнеописатель Стефана, заповедуя учить часословец и октогласник и песни Давидовы и оных в попы его пермским языком служаху обедню, заутреню же и вечерню и канонархи его по пермским книгам канонархаху, певцы же всяко пение пермски возглашаху». Вероятно из числа этих природных зырян – священнослужителей и был преподобный иеромонах Димитрий. Он старался во всем подражать своему наставнику, почему и храм в пустыни, им устроенной, посвятил тому же архистратигу Михаилу, как и в Устьвыме. Выкопав под храмом пещеру, пр. Димитрий долгое время подвизался в ней в посте и молитве и выходил из нее только для совершения церковной службы и для проповеди слова Божия в окрестных селениях. Когда и как скончался – неизвестно. Тело его положено было близ церкви, над его могилою впоследствии была устроена часовня, а в ней поставлена гробница с изображением преподобного на верхней доске ее. – Из древней записи и церковного синодика очевидно, что часовня и гробница устроены ранее 7173 (1666) года, память его благоговейно почиталась

народом как угодника Божия, – Ныне на месте Цылибинской пустыни находится приходская церковь, а в 8 саженьях от нее к северу часовня с гробницею преподобного и две древние иконы – одна на самой гробнице, другая на восточной стене часовни служат единственным памятником иноческих трудов и проповеднических подвигов этого угодника Божия¹³⁸.

Праведный Иоанн Устюжский Христа Ради Юродивый

В великом Устюге, по другую сторону реки Сухоны, там, где был Гледен или старый Устюг, где доньше находится монастырь св. Троицы, а неподалеку от него каменная церковь св. праведного Иоанна – было село Пухово, в котором жил благочестивый и зажиточный земледлец Савва с супругою своею Мариєю. Бог благословил их супружество чадородием и у них было два сына. Старший Иродион был живым подобием своего отца как по наружности, так и по характеру и помогал отцу в его занятиях, что доставляло родителям величайшее удовольствие. Но второй их сын Иоанн почти с самого младенчества начал обнаруживать в себе что-то необыкновенное, непонятное и нисколько не походил на других детей. Постоянно задумчивый и молчаливый, он никогда не участвовал в играх своих сверстников, питался только хлебом и водою, по средам и пятницам решительно не принимал никакой пищи, все ночи проводил без сна в коленопреклонениях и молитвах. Когда его мать, опасаясь, чтобы такой образ жизни не растроил его здоровья, заметила ему: к чему он постится в таких годах? Чтобы избавиться от грехов, отвечал он. – Какие еще у тебя грехи в твоих летах? Я не вижу ничего на тебе кроме благодати Божией! – Блаженный отрок, хотя и не знал грамоте, отвечал ей словами св. Писания, слышанного им в церкви. – Не говори так, мать моя, без греха никто кроме одного Бога! Брашно и питье не поставят нас пред Ним. Не станем же чрезмерно питать плоти, чтобы она не стала врагом нашим. – Удивилась благочестивая мать, слыша столь мудрые слова отрока, и не стала ему докучать о том более.

Савва, по хозяйственным ли видам или по другим каким причинам, переселился из Пухова на реку Юг в городок Орлов, находившийся верстах в 40 от Устюга; он скоро здесь умер, а Мария постриглась в Троицком Орловском монастыре под именем Наталии и сделана была игуменией¹³⁹. Она взяла с собою в монастырь и Иоанна, который еще более сделался

молчалив и начал чуждаться общества, так что многие стали думать, что он не в полном уме. Блаженный отрок радовался, услышавши о себе такое мнение, и так как мать не старалась уже ни в чем его стеснять, оставивши на волю Божию, то он и перешел из Орлова в Устюг и начал там юродствовать подобно св. Прокопию устюжскому. Он поселился неподалеку от его гроба на соборной площади в хижине, построенной для него набожным Андреем Мишневым. Ночи проводил он в молитве, а днем бегал по улицам как помешанный то в раздраном и грязном рубище, то почти и совершенно нагой «точию едино рубище раздраное имея по чреслах своих»¹⁴⁰, отдыхал на навозе и так жил зимою и летом. Такой тяжелый подвиг принял на себя юный Иоанн! Чего стоило одно то, чтобы зимой босому и едва прикрытому одеждою ходить по городу и переносить северные, трескучие морозы. А ему пришлось вытерпеть и перенести много и других великих скорбей и лишений. Неразумные и избалованные дети гонялись за ним, как за каким-нибудь зверем, бросали в него грязью, палками и камнями люди грубые, не понимавшие ни самих себя, ни его, позволяли себе всячески наругаться над ним и не стыдились даже наносить ему удары и побои, без всякого повода к тому с его стороны. «Многа же озлобления подъем, биения, пхания и оплевания от безумных человек. И пребываше во алчбе и жажде и ничтоже от кого взимае», говорит о нем почти современный писатель его жизни¹⁴¹. Чтобы выносить столько страданий, надобно было иметь много твердости воли и терпения, нужно было глубоко прочувствовать смысл слов Апостола, что нынешнее страдание наше легко и мгновенно и готовить нам в величайшем избытке вечную славу (2Кор. IV, 17). Действительно блаженный юноша как нельзя более был проникнут этим святым чувством, он не только никогда не роптал и не гневался на своих гонителей и обидчиков, но еще сожалел и молился за них Богу.

Между тем как большинство народа считали блаженного Иоанна малоумным, были в Устюге и такие люди, которые понимали его и смотрели на него как на добровольного страдальца и подвижника. Так священнику Успенского собора

Григорию, по прозванию долгая борода, всегда казались изумительными жизнь и терпение юродивого и вот ему захотелось узнать, что делает и какую жизнь ведет он, когда бывает один? Долго он искал удобного случая и наконец нашел. Однажды в зимнее время, когда топилась большая печь церковной трапезы, а богомольцы по окончании вечерней службы вышли вон все, кроме одного юродивого, священник утаился за дверями и стал смотреть сквозь замочную скважину, что будет делать Иоанн. Блаженный юноша, осмотревшись кругом и невидя никого в трапезе, стал на молитву. Воздев руки к небу, он молился за глаголющих лести и за творящих неправду; так молился он более часу, по окончании же молитвы стал мешать уголья в печке и затем, оградив себя крестным знаменем со словами: знаменася на нас свет лица Твоего Господи – лег в печь¹⁴² на горящие уголья. Увидя это, испуганный священник быстро отворил двери и бросился к юродивому, опасаясь, чтобы он не погиб в пламени. Но как он ни спешил, мнимо-безумный еще скорее, подобно молнии, исторгся из печи и грозно посмотрев на пытливого, сказал: «не смей никому сказать о том, что видел ты, до моей смерти». Трепещущий от страха священник дал слово исполнить волю блаженного в точности и тот обнадежил его за молчание милостью Божией.

Блаженный подвижник имел в себе такое обилие благодати Божией, что мог одним словом исцелять недуги, но скрывая то от людей, делал тайно или так, как бы его действие было не с разума. Вот один пример. Мария, супруга тогдашнего устюжского наместника Феодора Красного жестоко страдала горячкою. Не получая никакой пользы от врачей, она послала своего слугу попросить юродивого, чтобы помолился за нее Богу и испросил ей выздоровление. Не нашедши юродивого в хижине, слуга пошел искать его по городу и увидел его где-то лежащим на куче навоза. Слуга не успел еще подойти к блаженному и сказать, зачем был послан, как Иоанн будто в безумии закричал ему: «здравствуй добрый князь Феодор и с княгинею твоей!» Возвратившись слуга нашел княгиню уже здоровою.

Буди верен даже до смерти и дам ти венец живота, сказал Господь в откровении (Апок. II, 10) – и блаженный Иоанн до конца пребыл верен однажды принятому им на себя подвигу юродства и убожества. Как необыкновенна была его жизнь, также необыкновенна – безболезненная и мирная кончина его. Судя по молодости лет юродивого и по тому, что он ни на что не жаловался, казался одинаково бодрым и по прежнему с утра до вечера расхаживал по городу, никому из устюжан и на ум не приходило, что он доживает уже последние дни. Но сам блаженный знал это и радуясь, близкому окончанию своего подвига, непрестанно благодарил Бога, изливая душу свою в самой пламенной, тайной молитве. На соборной площади близ храма Успения Божией Матери и гроба праведного Прокопия, где Иоанн проводил большую часть своего времени, блаженный в последний раз воздел преподобные руки свои к Богу и скрываемый, от взора людей темнотою ночи, долго молился о сущих в бедах и скорбях, о всем мире и о городе, его приютившем, потом оградил себя крестным знамением, лег на голую землю и, как бы заснув, предал чистую душу свою Богу 29 мая 1494 года¹⁴³. Вид усопшего, по свидетельству очевидцев, был «яко ангела Божия, лице светло сияюще и тело его аки снег». Кончина приподняла завесу, скрывавшую жизнь блаженного, и сделала известными его прозорливость, ангельское незлобие и терпение. Лицам, бывшим свидетелями жизни блаженного, не было теперь причины скрывать долее его подвиги и благодеяния. Поэтому, лишь только слух о его кончине пронесся по городу, тотчас же собралось на соборную площадь великое множество народа, все спешили отдать последний долг подвижнику, многие плакали и жалели о том, что почитая его малоумным, насмехались над ним и оскорбляли его. Соборные священнослужители со всем городским духовенством, с великим благоговением и честью, подобающе праведнику, предали труженическое тело его земле на месте его преставления.

Спустя не много лет по преставлении блаженного Иоанна устюжский гражданин Феодор Тутыгин, благоговев к его памяти, по своему обещанию «повелением наместника и тиуна великого

града Устюга, по словеси Владычия десятильника и по совету архимандрита и протопopa с братией великой церкви Успения Пресвятой Богородицы» на месте погребения блаженного построил церковь во имя происхождения честного в животворящего Креста «и гробницу устрои в постави над телом блаженного Иоанна». С верою притекавшие к гробнице получали много чудесных исцелений. Но так как мощи праведного Иоанна находятся на одной площади с мощами св. Прокопия, изображаются они оба вместе на иконах и во время церковной службы вместе же призываются в молитвах, то и богомольцы и недужные обыкновенно обращаются с молитвами к обоим устюжским чудотворцам, оттого и исцеления, получаемые от них, записаны в одной книге о жизни и чудесах праведного Прокопия. Так последняя запись говорит, что в 1613 году устюжане молитвами праведных Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев не только защитили свой город от поляков, но и разбили их. Чудес, совершившихся отдельно при гробе праведного Иоанна, только три, два первые без означения времени, последнее случилось в 1565 году. Чудеса эти следующие.

Женщина Аполиннария, жившая в Вознесенском приходе города Устюга, страдала огневицею и находилась в сильнейшем расслаблении. Когда ее принесли к церкви все милостивого Спаса и положили близ раки праведного Иоанна, она услышала исходящий из раки голос святого: «я молил за тебя Бога и жду к себе». В тот же час больная почувствовала себя совершенно здоровою и, возблагодарив Бога и своего исцелителя, ушла домой, не нуждаясь в посторонней помощи.

Екатерина, жена устюжского гражданина Афанасия Константинова, впала в лютую болезнь и столько была расслаблена, что не владела ни руками, ни ногами, не могла ни есть, ни пить и не узнавая уже людей лежала как мертвая. После шести дней столь тяжелой болезни, когда испробованы были все возможные средства и снадобья и не принесли больной никакой пользы – родственники Екатерины стали молиться об исцелении ее святому Иоанну юродивому и, взяв у гроба его персти, положили с верою в святую воду, несколько

капель которой влили в уста больной, уже едва дышавшей. По принятии воды с перстью Екатерина с час времени лежала как мертвая, затем в друг, будто очнувшись от сна, села на постель, призвала своих домашних и объявила им, что она чувствует себя совершенно здоровою, как будто никогда не была и больна.

Устюжский гражданин Иеремия Мартинианов и жена его Евфросинья, жившие в Петровской улице, 23 Августа 1565 года заявили священнослужителям церкви св. Иоанна юродивого следующее: «В 1562 году с 11 числа сентября она Евфросинья сделалась одержима злым духом. Сначала, в продолжение первых трех лет страдания ее были довольно сносны, только родившиеся у нее в эти годы два младенца были неестественно худощавы и едва имели образ человеческий¹⁴⁴. Но в нынешнем 1565 году с 1 октября насилие демонское сделалось столь жестоко и невыносимо, что довело ее до умоисступления, так что она не узнавала людей, срывала с себя святой крест и бросала, даже бросалась на людей и била себя и других. В таком состоянии она находилась до Петрова поста. В один день этого поста она услышала «невидимый голос, говоривший ей:» молись св. Иоанну юродивому, сделай очи и приложи к нему и он избавит тебя от болезни¹⁴⁵. «Больная, в свободные от беснования минуты, рассказала о том мужу и по совещаши с ним заказала серебрянику сделать серебряные, позолоченные очи. На другой день после того, как она слышала голос, Евфросинья, в припадке беснования, выбежала из дому и вдруг увидела неведомо откуда явившихся пред ней священника и диакона в облачении, первый осенил ее честным крестом, а второй окропил святою водою. Святая вода, коснувшись ее уст, показалась ей слаще меда. Во время кропления видела она, что мучивший ее диавол далеко отбежал от нее, священник же с диаконом пошли и скрылись по направлению в церкви св. Иоанна юродивого. На другое утро после этого видения в новом припадке беснования ей явился тот же священник и причастил ее святых Таин, после чего она ощутила в себе как бы мороз какой, проникший в ее утробу. Ночью после этого дня во сне она увидела себя стоящею в церкви у гроба св. Иоанна, который

явился ей сидящий в гробнице по перси в священнической одежде, на левой руке его был поруч, а в правой жезл. Позади себя она видит – стоит ее мучитель диавол. Вдруг св. Иоанн жезлом ударяет диавола и тот, громко вскричав, бежит в полуденные двери и становится невидим. На утро после этого она пошла с мужем в церковь св. Иоанна, отслужила молебен угоднику, проложила сребропозлащенные очи к его образу и испила святой воды. Здесь, при гробе св. Иоанна, в священнике и диаконе той церкви, служивших молебен, она узнала тех самых, которых ранее видела в видении, а прежде того никогда их не видала и не знала. Возвратившись из церкви домой, больная во весь тот день ничего не вкушала и вперед положила обет поститься всегда на память преставления блаженного Иоанна. В следующую за сим ночь она видела во сне, будто к ней подошел молодой человек, совершенно похожий на того, которого она видела сидящим в гробнице. Явившийся разрезал ножом ее чрево и, вынув из него нечто подобное рыбе, рассек оное на три части. Пробудившись от сна, Евфросинья не чувствовала уже в себе никакой болезни и с того времени совершенно избавилась от бесовского мучения и стала здоровою. Вскоре после того родился у нее младенец женского пола здоровый и ничем не поврежденный. Об этом чуде 25 августа того же 1565 года было повешено по всему городу Устюгу и когда великое множество народа собралось в соборную Успенскую церковь, Евфросинья торжественно свидетельствовала об истине совершившегося над нею чудесного исцеления пред своим духовным отцом вознесенским священником Феоктистом, пред всем священным собором и народом. Слова ее были подтверждены всеми родственниками и знакомыми.

В 1602 году при постройке, вместо обветшавшей, новой деревянной церкви святого Креста, Никитою Григорьевым Строгоновым устроен был придел во имя праведного Иоанна. Ныне мощи его почивают под спудом в каменной, пятиглавой, холодной церкви в его имя, на левой стороне храма; над ними устроена медная, отливная, травчатая (с узорами) гробница, осененная резным, золоченым балдахином, возвышающимся на

восьми резных, витых, золоченых колоннах. Покрывающий гробницу образ праведного Иоанна украшен Серебряною, позолоченною ризою весом в 846 золотников. Служба праведному Иоанну писана в Устюге при царе Иоанне IV.

По внешнему виду Иоанн юродивый, устюжский чудотворец подобием молод, борода только роста зачала, в наусии; волосы просты; риза на нем изодраное рубище, исчерна бело и свилося на нем; плече голо, также ребра голы, выше коленей¹⁴⁶.

Преподобные Евфимий и Харитон Сянжемские

Архиепископы ростовские Григорий и Дионисий Святогорец в бытность свою один после другого игуменами на Каменном в конце XIV и в начале XV века, своими иноческими подвигами и мудрым управлением столько прославили этот древний, но малоизвестный и бедный монастырь, что для их современников он стал тем же, чем была впоследствии Сергиева лавра, т. е. любимым богомолем для окрестных жителей, местом пострижения для искавших иноческой жизни и рамсадником святых подвижников и основателей монастырей. Из одной Вологды и почти в одно время в нем приняли пострижение и долго подвизались трое: Евфимий, Дионисий и Александр, основавшие впоследствии свои обители.

О роде и происхождении пр. Евфимия, о времени его прибытия в монастырь и пострижения – сведений до нас не дошло, известно только то, что он был уроженец вологодский, пробыл в монастырь в различных послушаниях довольно времени, но по любви к уединению вышел из него и поселился в пустыне близ устья реки Кушты на восточном берегу Кубенского озера. Здесь, окруженный со всех сторон непроходимыми болотами и чащей, он построил себе малую келью, в которой и подвизался в посте и молитве, не давая себе успокоения от труда. Чрез несколько времени пришел к нему инок Александр, оставивший, как и он, Каменный монастырь по любви к безмолвию и поселившийся было на реке Сянжеме¹⁴⁷. Александру понравилось место жительства Евфимиева, как совершенно безмолвное, и он стал просить его уступить ему свою келью, предлагая взамен оставленную им на Сянжеме. Преподобный Евфимий принял желание Александра за повеление Божие и охотно согласился поменяться местами подвигов. Послушание, думал Евфимий, лучше жертвы и всегда старался исполнять не свою волю, но то, чего требовала от него польза братии. При прощании оставив ему в благословение свой крест, Евфимий пришел на Сянжему и поселился в келье Александровой. Он скоро узнал, что это место не пустынное (по

этой причине его оставил и Александр), но положившись на Промысл Божий, продолжал подвизаться в посте и молитве, не отказывая в духовных беседах и наставлениях жителям окрестных селений. Сюда пришел к нему Харитон, чтобы разделять, с ним иноческие подвиги, были и другие, желавшие поселиться с Евфимием и Харитоном, и так как по близости не было храма Божия, да и окрестные жители нуждались в нем, то пр. Евфимий и решился построить церковь во имя Вознесения Господня, а при ней устроить монастырь, что вскоре и исполнил при неусыпных трудах своих. Вероятно в то время, когда пр. Евфимий ходил в Ростов хлопотать о дозволении построить церковь и монастырь, – он получил сан священства и сделан был игуменом устрояемой им обители. Архиепископом Дионисий, которому он был лично известен, не мог не радоваться тому, что его постриженники и питомцы стараются наполнить иноками и сделать местами хвалы Божией непроходимые леса и дебри севера, где прежде гнездились звери и скрывались разбойники. Принявши на себя заботу управления монастырем, пр. Евфимий предался еще большим подвигам и трудам, поставляя свое игуменство и начальство в том, чтобы для всех быть примером и трудиться более всех в обители. Вместе с присным учеником своим, он сам копал землю, сажал овощи, рубил дрова, носил воду и исполнял то, чего не хотели делать другие. Стараясь всех успокоить и доставить каждому все необходимое, сам преподобный довольствовался такою пищею и одеждою, которая казалась братии негодною и не была ими употребляема; по своему смирению преподобный считал себя едва достойным и такой пищи и одежды. Усердие его к молитве было таково, что он ни на одну минуту не хотел расстаться с нею и занимаясь рукоделием пел псалмы Давидовы. Такою подвижническою жизнью пр. Евфимий умерщвлял в себе ветхого человека, обновлялся в жизнь духовную и стяжал себе такое умиление, что когда стоял на молитве, то ручьи слез непрестанно орошали его лице. Горячий любитель пустыни и безмолвия – раз принеший их в жертву благу и спасению других, до глубокой старости трудился над устройением обители, в назидании братии и приходящих и только уже предчувствуя

приближение смерти, передал управление монастырем ученику своему Харитону, который состарился, во всем подражая ему.

Время кончины пр. Евфимия неизвестно, но так как собеседник его пр. Александр, достигший глубокой старости, скончался еще в 1439 году, а Евфимий вышел из Каменного монастыря в пустыню прежде него и едва ли был его моложе, то по всей вероятности блаженная кончина пр. Евфимия последовала в начале второй половины XV века, не далее 1465 года.

Ученик его блаженный Харитон более 40 лет продолжал труды своего наставника, старался во всем ему подражать и украшенный святолепными синами почил о Господе 11 апреля 7017 (1509) года. Монастырь их существовал до 1764 года. В 1662 году монастырь имел 113 дворов, а во время закрытия 530 душ. Настоятельство в нем было всегда игуменское. Ныне мощи преподобных Евфимия и Харитона почивают под спудом в приходской Вознесенской церкви. Память их совершается 11 апреля. В белозерских святцах¹⁴⁸ имя пр. Евфимия записано под 20 января, но вероятно это день тезоименитства, а не кончины его.

Преподобные Авраамий и Коприй Печенгские

По рукописному описанию святых¹⁴⁹ преподобные отцы Авраамий и Коприй иже у Спаса на Печенге Быша в лето 7000 (1492). Так как Комельский лес, в котором находилась их пустынная обитель, еще с половины XIV века начал привлекать к себе пустынножителей из разных мест, даже из далекой Греции и так как основанный в нем обители, кроме частых пожаров, подвергались еще нападениям и раззорениям от врагов, – то и не дошло до нас никаких сведений о том, откуда были родом и где пострижены в монашество преподобные Авраамий и Коприй. Не были ли они постриженниками монастырей Сильвестрова, Сергиева или Павлова, находившихся в том же Комельском лесу, не оставили ли они своих монастырей по причине многлюдства братии и по любви к пустынножительству? Известно только то, что в 1492 году они в первый раз пришли на рчку Печенгу в 20 верстах от Вологды и поселившись в здешнем, тогда глухом и непроходимом лесу, построили церковь Спаса Преображения, отчего и монастырь их получил название Спасского-Печенгского. Много надобно было подять трудов, много нужно было перенести нужд и скорбей, чтобы в пустом месте, не имея ни друзей, ни денег, устроить монастырь, завести в нем строгий во всем порядок и руководить собравшеюся братией не столько распоряжениями и приказаниями, сколько убеждениями и собственным примером, – но блаженные трудники не щадили себя и крепко подвизались для Господа до самой своей кончины. Монастырь их, имевший 227 душ крестьян, закрыт в 1764 году, а церковь обращена в приходскую. Мощи преподобных почивают в ней под спудом. По древним рукописным святцам память их 4 февраля¹⁵⁰.

Преподобные Авксентий и Онуфрий Перцевские

Преподобные Авксентий и Онуфрий неизвестно где постриженные и первоначально подвизавшиеся в 1499 году основали в 35 верстах от Вологды пустынь с церковью во имя св. Троицы¹⁵¹ и в ней подвизались до блаженной кончины, терпя нужды и лишения всякого рода. Никаких подробностей о их подвигах не дошло до нас, кроме одного того, что еще ближайшие потомки начали почитать их память, как святых угодников Божиих. Их имена внесены были во все древние святцы. В описании о российских святых XVIII в.¹⁵², Киево-софийского собора и Погодина сказано о них: «преподобные отцы Онуфрий и Авксентий, иже в Перцевой пустыни, Быша в лето 7007». Перцева пустынь еще в 1588 году была приписана к Корнилиеву монастырю, а в 1764 году совсем закрыта и обращена в приходскую церковь, в которой мощи преподобных и почивают под спудом. По древним рукописным святцам память их 12 июня.

Святой Кирилл Вельский (Важеский)

Вельский погост, что ныне город Вельск, первоначально находился на берегу реки Ваги, на мысу, образуемом слиянием ее с рекою Велью; на нем некогда находилась церковь св. Иоанна Милостивого, отчего он доныне называется Подъиванским. Слабость грунта, ежегодно подмываемого с обеих сторон реками, и весенние разливы самих рек, во время которых нередко весь мыс затопляется водою, принудили жителей переселиться на нынешнее, в то время так же береговое, но более крепкое и возвышенное место¹⁵³. Неизвестно когда, но уже после того, когда построены были на новом месте церкви святителя Николая, Иоанна Милостивого и Афанасия Александрийского и – когда все жители переехали сюда с Подъиванского, одной благочестивой женщине-Евлампии, из рода Толщеболовых, было следующее видение. Однажды Евлампия была одна в доме и занималась каким-то делом по хозяйству, вдруг пред нею является неизвестный молодой человек и говорит ей: «меня вымыло водою из могилы и теперь тело мое на берегу реки Ваги, вели перенести его к храму Божию и поставить над ним часовню»; Евлампия хотела спросить его об имени, но явившийся стал не видим. Изумленная внезапностью и чрезвычайностью явления, Евлампия поспешила рассказать о нем священникам и народу. Священники, услышавши о чудесном видении, в сопровождении многих жителей, тотчас же отправились на мыс, где были прежде церковь и кладбище; здесь близ самой реки Ваги они действительно нашли выпавший из берега гроб и перенесли его к церкваи. Так как он уже потемнел от времени и казался весьма древним, то и думала найти в нем одни только кости, но когда гроб открыли, то к величайшему своему удивлению увидели, что находящееся в нем тело цело, ничем не повреждено и одежда его крепка как новая. Тогда священники стали спрашивать народ, не помнит ли кто такого умершего, не слыхал ли чего-нибудь о нем и не знает ли его имени? Однако все жители Вельского погоста и окрестных деревень

единогласно отвечали священникам: «мы, господие, не помним и память наша не сяжет про него, ничего о нем не слышали и имени его не ведаем». Жила в то время на погосте при церквях одна старица-инокиня Акилина, по прозванию Накапа, вследствие своей дряхлости и слепоты питавшаяся христоролюбческим подаянием. Только она, услышав о найденном нетленном теле, заявила священникам, что еще в молодости слыхала она от старых людей, «что когда Новгород был еще не за Московским Государем, тиуп Новгородских наместников утонул в реке Ваге и был погребен при церкви на Подъиванском. Сказывали, говорила она, что будто бы боярин за что-то на него раскручинился и хотел убить, а Кирилл побежал от него за реку Вагу и как прибежал к реке и вскочил в воду, вода от него расступилась во все стороны сажени на три. Бежавший за ним боярин, увидевши это, раскаялся и послал к нему слугу своего просить себе прощения. Кирилл простил его, но сам пал ниц и утонул. Горько плакал о нем боярин, почитая себя виновником его смерти, приказал отыскать тело его в воде и похоронил с честью и с надгробным пением при храме Божиим». Рассказавши это, старица Акилина просила подвести ее ко гробу и когда приложилась к нетленному телу, тотчас же дикое мясо, величиною с яблоко, висевшее у ней над глазом, отвалилось прочь и она стала видеть так ясно, как бы не была и слепою¹⁵⁴. Священники и народ, бывшие свидетелями столь дивного исцеления слепой, прославили Бога за дарование им такого врача и молитвенника и поспешили построить для мощей его часовню.

В древнем рукописном сказании о чудесах св. Кирилла не означено, когда именно обретены были его мощи и сколько лет они почивали в часовне. По мере того, как распространялась весть об обретении св. мощей и о происходящих от них исцелениях, народ все более и более начал прибегать к молитвенному ходатайству праведного Кирилла и собираться к часовне для поклонения его гробу, многие по вере своей получали исцеления от различных недугов, что еще более возбуждало веру и усердие к угоднику Божию. Так крестьянин Макарий Майко, находившийся в расслаблении десять недель,

когда по обещанию своему привезен был к часовне и по совершении молебствия приложился к гробу праведного Кирилла, тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым.

Отрок Феодор, сын священника Иоакима Черноногова, десять лет страдал главною болезнью, так что уже ничего не видел, к тому же над левым глазом выросло у него дикое мясо, величиною с яйцо. Когда отец привез его к часовне и отправлено было о нем молебствие, отрок приложился ко гробу св. Кирилла в это время нарост еад глазом отвалился и он стал видеть все ясно.

В лето 7071 (1563) бысть на Вельске у Николы чудотворца диак, именеъ Феодот, той в пианстве по грехом мучим. был бесы на многи дни и во исступление ума прииде. Когда близкие в нему люди привезли его в часовню и приложили ко гробу св Кирилла, ему стало легче и он пришел в сознание. Чтобы совершенно избавиться от бесовского нападения, Диак стал молиться в уединении пред образом пр. Варлаама Хутыевского и во время молитвы услышал от образа глас: «иди, помолись Кириллу чудотворцу». По три ночи он ходил молиться при гробе св. Кирилла, избавился от нападений врага и стал совершенно здоров.

Того же 7071 (1563) года Вельский священник Дионисий во время служения молебна праведному Кириллу, по невежеству своему, похулил словом угодиика и за свою дерзость подвергся страшному наказанию Он тотчас же лишился ума и пачал бесноваться и говорить нелепости, так он страдал дотолѣ, пока не сознал своей вины, пока не загладил ее слезами и покаянием и не выпросил себе прощения.

В 7075 (1567) году женщина Мария одержима была столь сильною горячкою, что лишилась от нее рассудка и стала бегать по улицам, как бесноватая. Когда родственники, по обещанию своему, привели се в часовню и по совершении о ней молебствия приложили ее ко гробу праведного Кирилла, то горячка тотчас же прошла, она стала здоровою и пришла в рассудок.

В 7079 (1571) году Ермолай, крестьянин Устюгского уезда Пешемской волости, был нездоров глазами так сильно, что

ничего не видел, – на глазе была язва и его совершенно выворотило с места. В сонном видении ему было сказано: «обещайся ежегодно ходить в Вельск на поклонение мощам праведного Кирилла», больной дал это обещание и пробудившись от сна стал хорошо видеть, язвы на глазе его уже не было.

В 7081 (1573) году в Вельске у церкви Николая чудотворца служил черный священник Герасим. Видя множество богомольцев, приходивших для поклонения мощам праведного Кирилла и наслушавшись о происходивших от них исцелениях, он возмел желание посмотреть их. Однажды после вечерни он пел молебен праведному Кириллу в часовне и будучи в то время пьян, хотел открыть гроб, чтобы удовлетворить своему любопытству. Лишь только осмелился прикоснуться к нему, как невидимая сила Божия, осеняющая мощи святых, далеко отбросила его от гроба и ударила о пол так сильно, что он едва мог встать и выйти из часовни, раскаиваясь в своей дерзости.

В 7089 (1581) году Юрий, пономарь церкви Николая чудотворца и Иоанна Милостивого в Вельске, был нездоров и 10 недель ничего не слышал. Когда, по обещанию своему, он стал молиться праведному Кириллу и 15 числа августа придя в часовню приложился к его гробу, то как будто сильный гром грянул в ушах его и Юрий стал слышать по-прежнему. – В том же году Бог исцелил молитвами праведного Кирилла отрока Иасона, страдавшего опухолью груди, которая у него была тверда как камень. Болезнь с каждым днем усиливалась и угрожала неминуемою смертью. Но когда родители отрока стали молиться праведному Кириллу и положили обещание ехать в Вельск для поклонения его гробу, отрок, едва дышавший, вдруг пробудился как бы от сна и стал здоров.

Киприан, крестьянин Устюгского уезда Пежемской волости, был в таком расслаблении, что не владел всем телом Положив обещание поклониться гробу праведного Кирилла, он велел везти себя в часовню и когда по совершении молебствия, был приложен ко гробу чудотворца Кирилла, внезапно почувствовал себя совершенно здоровым.

В 7994 (1586) году женщина Татьяна целое лето страдавшая главною болезнью и ничего невидевшая, когда, по своему сбещанию, была приведена в часовню и по совершении молебствия Всемиловитому Спасу и праведному Кириллу, приложилась к его гробу, тотчас же прозрела.

Часовня, наскоро построенная при обретении мощей св. Кирилла, была мала и не могла вмещать множества приходивших богомольцев, к тому же от времени она пришла в ветхость и нисколько не соответствовала тому уважению и усердию, какое народ оказывал святым мощам. Наконец и самые мощи со времени их обртения оставались по прежнему закрытыми, как бы под спудом, так что новые Вельские священнослужители, посвященные после обретения мощей, ничего о них не знали и самых мощей не видали. Вследствие всего этого «в лето 7095 (1587) г. сентября в 1 день на Вельском у Николы чудотворца священнослужители отпевше собором обедню, начали между собою советовать и рече священник Феодот священнику Михаилу и диакону Симеону: отпоем собором молебен в часовне преподобному¹⁵⁵ Кириллу чудотворцу, где его гробница стоит и его преподобного мощей досмотрим, есть ли он тут в гробнице во плоти или в персти его мощи, что от гроба его великое чудотворение бывает, а про его мощи неведомо, токмо единому Богу сведущу?» – Буди воля Господня, сказали в ответ священник с диаконом и все трое во всем сану, как служили обедню, шедше в часовню и отпев молебная, вскрыша верхнюю дщку гроба и узреша мощи его (Кирилла) во плоти, ни чим же вредимы, а губу верхнюю земли отда, и образом млад, а саван и срачица на нем яко вчера положены и не истле никакоже, а гроб его не изгни и не вредим ничим же. И повелеша священницы звонити во вся колокола и бысть радость неизреченная и начаша священницы и весь народ от радости плакаться. И посоветовавшее священницы гроб его понесоша на главах своих в церковь великого чудотворца Николы и поставиша среди церкви и начаша пети над ним нагробная провождения со псалмы и песни и посем отпеша панихиду великую и поставиша гроб его в церкви Николы чудотворца по страну алтаря к правой стене и освятиша

весь народ покротивше и совершивше молебная Всемиловитому Спасу и Пречистой Его Матери и Николе чудотворцу и преподобному чудотворцу Кириллу¹⁵⁶». Из того, что священники советуются между собою, как бы не зная что делать, что решившись только осмотреть мощи, они вдруг переносят их в церковь, о чем не было сперва и речи, из того далее, что они действуют при этом своеобразно – начинают молебном св. Кириллу в часовне, а потом над ним же поют надгробные провождения и панихиду – видно, что они не имели для этого никакого указания и распоряжения епархиального начальства и по отдаленности от Новгорода и по своей простоте действовали едва ли с ведома и благословения Новгородского владыки, к епархии которого принадлежали. Но очевидно была на то воля Божия и св. Кирилл как бы спешил оправдать поступок священников, ознаменовавши перенесение своих мощей новым чудом. В тот же день (1 сент.) у гроба его получил исцеление отрок Симеон, сильно страдавший болезнью чрева, от которой тогда страдали многие, а не мало и умирало.

Спустя после сего две недели (16 сент.) в один день последовало два чуда – Стефан, пятилетний сын Вельского диакона Симеона, был опасно болен и находился при смерти: у него заболело горло, так что мальчик 4 недели не говорил, а только хрипел. Когда родители его стали призывать на помощь праведного Кирилла и совершили молебствие у его мощей, отрок тотчас выздоровел. Другой больной страдал расслаблением и пять дней не владел ни руками, ни ногами Он помолился пр. Симеону столпнику и праведному Кириллу, положил обещание отпеть им молебен и когда молебен был отправлен, стал здоров.

Крестьянин Иван Васильев из Кьянды¹⁵⁷ подвергался припадкам беснования и 10 недель находился вне ума. Когда отпели о нем молебен праведному Кириллу и приложили его к св. мощам, он пришел в сознание и стал здоров. В октябре (16 ч .) получила исцеление при мощах св. Кирилла одна Вельская женщина Феодосия, десять недель страдавшая распространенною тогда болезнью чрева, – За неделю до Филиппова заговенья (5 ноября) семнадцатилетняя дочь Андрея

Коротаева девица Иулитта, страдавшая полсемь недели глазами, когда приложилась к мощам св. Кирилла, сделалась здорова.

Жена Вельского священника Михаила 25 недель одержима была лихорадкою (трясавичною болезнью), когда же, по обещанию своему, отпела молебен праведному Кириллу и приложилась к мощам его, лихорадка ее оставила и она возвратилась в дом свой совершенно здоровою.

Последним в древней рукописи записано следующее чудо. Некто Созонт на Ваге выстроил себе новый дом, «нача человеческая мудровати и часа добра прехождению своему искати». Чтобы в счастливый день перейти на новоселье, Созонт, обошедши всех знахарей, пришел за советом и к приходскому своему священнику, который и назначил ему днем новоселья субботу. Но когда Созонт перешел в новый дом, то вскоре начали хворать его домашние, а затем и сам он заболел горячкою и в течение десяти дней бредил и кричал днем и ночью не в уме. Однажды в полдень, когда больной на несколько времени пришел в сознание и стал засыпать, он увидел молодого человека, который вошел в комнату и сел в головах его постели. «Кто ты»? спросил его Созонт. Я Кирилд Вельский и пришел посетить тебя. – Созонт со слезами стал просить св. Кирилла о помощи и избавлении от болезни. «Иди, отвечал ему явившийся, на Вельский погост, вели отпеть молебен Кириллу и будешь здоров». Не могу идти, потому что ноги у меня опухли от болезни, да к тому же и денег нет у меня на молебен. – «Когда не можешь идти ныне, сказал ему святой, то ты хоть обещайся сходить помолиться Кириллу, когда будешь здоров, и ежели не имеешь денег, чтобы заплатить клирошанам за молебен, то у тебя много капустного семени, тем и заплати, а про меня расскажи всем, что ты видел». Сказавши это, юноша стал невидим, а Созонт, пробудившись от дремоты, почувствовал себя совершенно здоровым.

Долго ли мощи св. Кирилла почивали в Никольской церкви – неизвестно, но когда церковь сгорела, то и он сделались жертвою пламени, так что после пожара собрано было от и их только несколько костей, которые и хранились в ящике, в

алтаре нынешней каменной Троицкой церкви. Так как мощи праведного Кирилла, несмотря на долговременное пребывание их открытыми, никогда не были свидетельствованы высшею церковною властью и имя его осталось почему-то невнесенным в древние святцы, то по образованию из Вельского погоста города Вельска при настоятеле собора протоиерее Осокине перестали призывать Кирилла Вельского в церковных службах, а чтобы удовлетворить требованию народа, привыкшего к торжественному празднованию его памяти (9 июня), один из престолов кладбищенской церкви посвятили Кириллу Белозерскому, празднуемому в тот день церковью. Остатки мощей праведного Кирилла, сделавшиеся предметом любопытства, священник Иоанн Алексеевский скрыл в землю под одним памятником на престольных местах прежних сгоревших церквей. Но икона праведного Кирилла и доныне стоит в иконостасе теплого собора и народ глубоко уважает своего отечественного угодника и почитает его память.

Кирилл Важеский под 9 июня упоминается в полном месяцеслове востока (част. II, указатель III, стр. 404), но нет его ни в историческом словаре, ни у Филарета Черниговского.

Век XVI. Преподобные: Иннокентий Комельский, Игнатий Прилуцкий и брат его князь Димитрий Угличский, преп. Корнилий Комельский и ученики его Кассиан и Лаврентий Комельские, препод. Стефан Комельский (Озерский), Арсений Комельский, Логгин Коряжемский, Симон Сойгинский, Христофор Коряжемский, Антоний епископ Вологодский и Великопермский, пр. Феодосий Тотемский, Агапит Маркушевский, правед. Прокопий Устьянский, преподобные Сергей Малонинежеский и Онуфрий Катромский.

Преподобный Иннокентий Комельский

Какое чудное, истинно благословенное Богом, место был Комельский лес, простиравшийся во всю южную полосу страны вологодской и рассекаемый пустынным течением Нурмы, Комелы и множеством других, впадающих в них, неизвестных речек и ручьев! Эта сплошная масса вековых деревьев, тянувшаяся во все стороны на несколько десятков верст, со своими непроходимыми чащами и болотами, по=видимому, была удобна только для жительства диких зверей, но в нее издалека стремились ангелоподобные люди кто с Москвы, кто из Переяславля и Ростова, а иные даже из отдаленного Афона, – чтобы найти в ней путь к небу. В пустынной тишине Комельского леса, под сенью столетних елей и сосен они ставили свои кущи и кельи, сделавшими потом духовными твердынями, или же подобно птицам небесным витали в дуплах деревьев, день и ночь воссылая хвалу Богу. Подвижники сначала селились только по окраинам леса, но потом проникли и в самую дикую глушь пустыни, наполнив ее, подобно пустыням Египта и Палестины, иноческими обителями. Первый проложил дорогу в Комельский лес пр. Димитрий Прилуцкий, поселившийся было с учеником своим Пахомием на реке Леже (1370 г.), но вскоре изгнанный оттуда грубыми авнежцами¹⁵⁸. Потом, в начале XV века, на южной окраине леса на берегу реки Нурмы являются обители учеников Сергия Радонежского – Сергия Нуромского и Павла Обнорского, – южнее их и немного ранее обитель пр. Сильвестра Обнорского, тоже ученика Сергиева (ныне в ярославской епархии). Несколько позднее их в самой середине Комельского леса заводит общежитие друг и собеседник Нила Сорского пр. Иннокентий Комельский, – а Авраамий и Коприй на Печенге; пр. Корнилий поселяется в разбойничьем вертепе (1497 г.) и обращает его в рассадник святых пустынножителей и основателей монастырей; старцы Онуфрий и Авксентий устрояют пустыню в Перцеве, наконец пр. Стефан Озерский и Арсений Комельский заключают собою многочисленный лик подвижников, просиявших в комельском

лесу. А сколько в нем было еще таких, которые известны одному только Богу! Так процвела и украсилась святыми обителями дикая пустыня комельская! К сожалению многих из них не пощадил роковой для монастырей 1764 год, а в тяжелое время татарских нападений жития святых по большей части утратились, так что о пр. Иннокентии – ближайшем ученике и спутнике Нила Сорского¹⁵⁹ мы можем сказать весьма немного, а других известны одни только имена.

Пр. Иннокентий был сын боярина Охлебинина и родственник князей Хворостининых. Он принял монашество в монастыре пр. Кирилла Белозерского, но где и когда родился, каких лет был пострижен и что побудило его принять иночество – неизвестно. Хотя в то время в монастырях мало обращали внимания на мирское звание и происхождение постригаемых и часто люди низкого, безвестного рода начальствовали над бывшими князьями и боярами, но на этот раз случилось так, что новопостриженный боярский сын был поручен руководству и наставлению инока так же благородного происхождения – Нилу Майкову–образованнейшему человеку своего времени и самому строгому подвижнику, желавшему довести современное ему иночество до высоты жизни и совершенства древних подвижников Египта и Палестины. Под руководством такого наставника ученик скоро приобрел навык в иноческой жизни, а своим старанием во всем подражать пр. Нилу он снискал себе его любовь и доверенность и сам столько привязался к своему наставнику, что не захотел расстаться с ним даже тогда, когда пр. Нил оставил монастырь и отправился в далекое и трудное странствование на восток для практического изучения тамошней иноческой жизни. После нескольких лет пребывания на Афоне, в странах цареградских и в других местах – проведенных в изучении отеческих писаний и жизни тамошних подвижников, учитель и ученик, обогащенные духовною мудростию, возвратились на Белоозеро. Нил, – ревнитель подвижнической жизни, скучая многолюдством Кирилловой обители и видя нарушение порядка, заведенного в ней пр. Кириллом, не долго здесь оставался и поселился с своим спутником в уединенной келье за монастырскою оградой. Тут

близ прославленная гроба пр. Кирилла и под покровом его обители они думали проводить жизнь подобно афонским келлиотам, но любовь к пустынножительству слишком глубоко запала в душу пр. Нила, он скоро оставил монастырскую келью и ушел с своим учеником в непроходимый лес на речку Сорку за 15 верст от монастыря. Он водрузил здесь крест, поставил себе малую келью и выкопал близ нее колодец; невдалеке от него, так чтобы можно было подавать друг другу голос (по обычаю скитов палестинских) поставил себе келью и спутник его Иннокентий, а впоследствии и другие отшельники. Дико, мрачно и пустынно было место, избранное пр. Нилом для своего скита: течение речки Сорки, более похожей на болото, чем на реку, едва заметно, вся местность скита – низменная и болотистая, так что когда впоследствии стали строить церковь, то надобно было под основание ее сделать насыпь и трудники наносили земли целый холм. Отшельники трудились и молились каждый в своей келье и только по субботам, воскресеньям и праздникам собирались в храм. Всенощное бдение продолжалось у них в полном смысле слова всю ночь, за каждой кафизмою предлагалось по три и по четыре чтения из отцов. Во время литургии пели только трисвятую песть, аллиллуя, херувимскую и достойно, все прочее читалось протяжно, на распев. В субботу ходили в братскую усыпальницу совершать панихиду по усопшим. Таков был церковный устав Нила! Чтобы дать братии руководство в келейной жизни и в борьбе с помыслами, мудрый наставник написал 11 глав или наставлений, показывающих его опытность в духовной жизни и – знание человеческого сердца.

Пр. Иннокентий много лет подвизался в Сорском скиту, строго следовал наставлениям и примеру своего учителя и восходил от силы в силу в жизни духовной, так что сам служил примером для немногочисленного скитского братства¹⁶⁰, он никогда не оставил бы своей уединенной кельи, если бы сам пр. Нил не распорядился судьбою его иначе. Видя, что ученик его созрел для того, чтобы быть наставником других, хотя и не в отшельнической жизни, какую избрал сам, прозорливый старец сказал Иннокентию: «иди на Нурму: Бог тя имать прославить тамо и твоя обитель будет обща, а моя пустыня будет как при

животе моем, такожде и по смерти моей и братия по единому имут жити в кельях своих». Сколь ни прискорбно и ни тяжело было для любящего сердца ученика – неожиданное приказание старца, но как сын послушания пр. Иннокентий не решился ничего сказать ему вопреки, почитая слова старца за указание Промысла. Обливаясь слезами, Иннокентий в последний раз пал к ногам своего отца и наставника, прося его молитв и благословения, потом простившись со всею братией вышел из скита и направил свой путь к пределам вологодским. Достигши комельского леса, он проник в самую глушь его и поставил себе келью на речке Еде, верстах в 10 от Нурмы. Это было в 1491 году, когда на южной оконечности леса находились уже три иноческие обители. Не долго пр. Иннокентию привелось жить в пустынном уединении, мало по-малу один за другим стали приходить к нему лица, желавшие разделять с ним пустынные труды. Преподобный принимал их с любовью, как отец своих детей, – сначала они подвизались каждый в своей келье, по подобию Нилова скита, но когда число приходящих стало умножаться, пр. Иннокентий построил церковь во имя ангела пустыни св. Иоанна Крестителя и завел самое строгое общежитие. Преданный созерцательной жизни и заботившийся только о делании умном и о достижении благ духовных – Иннокентий мало обращал внимания на мирские блага и на потребности тела, всегда довольный тем, что имел, он ни у кого не выпрашивал ни сел, ни вкладов, даже и на устройство храма. Он собственною жизнью подавал пример братии и как знаток отеческих писаний, подобно учителю своему Нилу, любил назидать братию преимущественно их богомудрыми изречениями. «Если пожелаете научиться евангельскому житию, говорил он, не доверяйтесь учителю не искусному и особенно страстному, чтобы он, вместо евангельского, не научил вас дьявольскому житию. Молитесь слезно, чтобы Бог послал вам наставника бесстрастного и святого. Вникайте и сами в божественные Писания и писания св. отец. Это должно служить вам всегда поверкою наставлений учителя и – собственной вашей жизни. Согласно с Писанием усвойте себе и содержите в уме, а ложное и чуждое ему старайтесь отгонять от

себя, чтобы не прельститься. (Симеон – новый Богослов). Когда случится вам встретиться с человеком, который, желая поспорить, вступить с вами в борьбу против истины и очевидности, не спорьте с ним и уклонитесь от него, как от окаменевшего умом; ибо как дрянная вода делает негодными самые лучшие вина, так и злые беседы растлевают людей добродетельных и в нравах и в жизни (Антоний великий). «Много образцов молитвы, отличных одни от другого, но ни один из них не вреден, кроме такого, который не есть молитва, а делание сатанинское. Несовершенна молитва без мысленного призывания. Безмолвно же вопиющую мысль услышит Господь (Марк подвижник). Как дерево крепкое, глубоко впусившее корни в землю и обхватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, – так точно и молитва, исходящая из недр души и имеющая корень в глубине ее, остается крепкою и неослабною и не колеблется, хотя бы приступили бесчисленные помыслы и все полчище дьявола. А молитва, исходящая только из уст и с языка, но не из глубины души, не может даже взойти к Богу по беспечности молящегося: усты его издают звук, но сердце пусто и ум не занят (И. Златоуст). Душа сама по себе нежна и восприимчива, но как вода замерзает от холода, так и она от греха и беспечности отвердевает и делается камнем. Потому-то нужно много тепла, чтобы размягчить затверделость ее, – а это преимущественно делает молитва. «И так, когда приступаете к молитве, то заботьтесь не о том только, чтобы получить просимое, но чтобы во время самой молитвы сделать душу более мягкой и лучшею, так как молитва и это производит.

Тридцать лет пр. Иннокентий подвизался в устройении общежития на Еде. Как светильник горя и света (Иоан. V, 35), он и учением и собственным примером направлял братию к борьбе с помыслами, к умному деланию и к жизни духовной. Достигнув маститой старости и предчувствуя близость своей кончины, преподобный, недовольствуясь личными наставлениями, оставил в своем духовном завещании письменное наставление братии, чтобы оно могло служить им руководством и после его смерти. «Се яз убогий инок Иннокентий написал есмя сий завет, аще кому повелит Бог жити в пустыни нашей. Прежде всех о

сем молю вас, Господа ради, поминайте мене грешного во святых молитвах своих. Аз вам отцом и братьям нашим зельце челом бию. Сие же завещаю, еже бы промежду вами брани некоторые не было, но любовь, яже о Христе, и мир духовный посреде вас. А юных и безбрадых иноков не принимайте и не постригати zde таковых. А мирских юнотков безбрадных на служение не держати. А женска полу всяческих в нашу пустыню не входио, ниже бессловесных скотов коих женска пола не быти у них. Пиянственного пития отнюд не подобает держати нам. А еже како пребывати в пустыни нашей молитве во веки и како питатися и когда подобает исходити потребы ради в благословенно время на рукоделие и о прочем, сия вся вчинена суть в писании господина и учителя моего отца Нила, и яже написана в сей книзе. Сего ради аз вскоре претекох и вкратце написах, понеже тамо обрящеши вся, яже благоугодна суть «Богови». Блаженная кончина пр. Иннокентия последовала 19 марта 1521 года.¹⁶¹ В 1538 году казанские татары нечаянно напали на Иннокентиеву пустынь, сожгли церковь и кельи, – трех старцев – учеников преподобного и многих пустынников убили, других взяли в плен, только некоторые спаслись бегством. Но вскоре монастырь был возобновлен и существовал до 1764 года, имея в последнее время до 428 душ крестьян.

Мощи пр. Иннокентия почивают под спудом в каменной приходской Благовещенской церкви, заменившей монастырь. – По наружному виду пр. Иннокентий был среднего роста и имел не раздвоившуюся с легкою сединою бороду.

Преподобный Игнатий Прилуцкий и брат его Димитрий

Много веков в России, по смерти великого князя, княжение его переходило к старшему в роде: наследовал брат после брата и племянник после дяди. Такой порядок престолонаследия был причиною частых смут и кровопролитий между удельными князьями, домогавшимися великокняжеского престола, а смуты и кровопролития изнурили и ослабили Россию и предали ее во власть татар. Видя это умные князья московские старались переменить древний обычай и, овладении великокняжеским престолом, стали вводить новый порядок престолонаследия по прямой нисходящей линии от отца к сыну, а чтобы удобнее установить единодержавие, стали с одной стороны ограничивать власть удельных князей, с другой сокращать число самих уделов, присоединяя их под тем или другим предлогом к великому княжению. Все видели благодетельные последствия этой мудрой политики: Россия спланивалась и укреплялась с каждым годом, Москва росла и делалась истинно Царствующим градом, самые татары становились менее страшны; но удельные князья, привыкшие считать себя самовластными и равными великому князю, неохотно мирились с новым порядком вещей и всячески старались отстоять прежние свои права, для чего нередко затевали ссоры и междуусобия с великим князем и входили в сношения с его врагами. Более всех привелось потерпеть от них великому князю Василию Васильевичу Темному, которого удельные князья, близкие к нему по крови, лишили было не только престола, но даже и зрения. Но такова была сила многовекового обычая, что и сам Темный, благословив великим княжением старшего сына своего Иоанна III, не смотря на собственный горький опыт, четверем братьям его в своей духовной назначил по прежнему уделы.

Третий из сыновей Темного Андрей Васильевич большой, удельный князь Угличский, был любимцем своей матери инокини Марфы. Достигши совершенного возраста, он в 1470 году вступил в брак с Еленою, дочерью мезецкого князя

Романа¹⁶² и в 13 лет супружества с нею прижил двух сыновей и двух дочерей¹⁶³. Старший сын его Иоанн, родившийся и крещенный в Великих Луках около 147,7 года, с самого младенчества своего выказывал необыкновенную сдержанность, несвойственную детям его возраста. «Бяше бо обычаем кроток и смирен сердцем и молчалив в разуме, а не гневлив отнюдь; ни игры ни царского потешения не внимаше», говорит о нем писатель его жития старец Логгин, «и егда прииде в разум, повелеша его учить божественному писанию и вскоре того извыче». Мать его княгиня Елена Романовна скончалась 2 апреля 6991 (1483) года,¹⁶⁴ а через год после нее и бабка его, мать великого князя инокиня Марфа (6993 – 1485 г. 4 июля), особенно покровительствовавшая его родителю и удерживавшая великого князя от строгих мер против братьев. Великий князь был весьма недоволен своими братьями по следующей причине. Андрей большой и Борис обиженные с одной стороны тем, что Иоанн III присоединил к своему великому княжению уделы двух братьев Юрия и Андрея меньшего, умерших бездетными, и не дал им части из этих уделов, – с другой тем, что новый порядок престолонаследия навсегда лишал их надежды получить когда-либо великое княжение, – по внушению своих приближенных, нередко входили в сношения с врагами великого князя, держали их стороиу и принимали к себе недовольных великим князем или провинившихся пред ним.

Пораженный потерю любимой матери и как бы предчувствуя свою горькую участь, юный князь Иоанн еще более предался чтению божественных книг, непрестанно имел в уме своем память смертную, днем присутствовал при всех церковных службах, а ночи проводил в молитве. Высшим наслаждением для него были беседы с людьми благочестивыми, любимым занятием – благотворение и милостыня. В столь юном возрасте, окруженный толпою царедворцев, посреди шума и молвы житейской, он более похож был на инок, нежели на наследника богатого княжения. На дела и почести княжеского звания он не обращал никакого внимания, вообще все, что не относилось к просвещению разума

и спасению души, было для него совершенно чуждо и как бы не существовало. Воздержный в пище и питии, он и одеваться любил скромно и просто – насколько позволяло ему эту простоту его высокое звание, и более старался украшать себя благими нравами, нежели богатством и пышностью одежд.

Когда не стало покровительницы – матери, князь Андрей Васильевич по прежнему не старался ближе сойтись с великим князем и приобрести его любовь и доверенность, вследствие чего старший брат продолжал оставаться им недовольным, хотя явного разрыва между ними еще не было и младший брат нередко бывал в гостях у старшего. Так Андрей Васильевич не мало времени гостил в Москве, в 1490 году, чрез год после этого, приехавши из Углича, 19 сентября был принят великим князем весьма ласково, они казались совершенными друзьями, беседовали искренно и весело и князь Андрей целый вечер провел во дворце. На другой день великий князь, чрез дворецкого князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, и когда тот прибыл, встретил его ласково, провел в комнату, называвшуюся западнею, где посидел с ним и немного поговоривши вышел в другую комнату; брату он велел подождать его в западне, а боярам Андрея – идти в столовую гридню, где всех их немедленно взяли под стражу. В то же время к князю Андрею вошел князь Семен Ряполовский со многими князьями и боярами, обливаясь слезами, он едва мог промолвить Андрею: «государь, князь Андрей Васильевич! пойман ты Богом, да государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старшим». Андрей встал и сказал: волен Бог, да государь, брат мой старший, князь великий Иван Васильевич; а суд мне с ним пред Богом, что берет меня неповинно».¹⁶⁵ Хотя Андрей сидел во дворце с первого часу дня до вечерен, но братья уже не виделись более; после вечерен Андрея свели на казенный двор, оковали цепями и приставили стражу из многих князей и бояр. В то же время послали в Углич схватить сыновей Андреевых Иоанна и Димитрия, которых также заковали в цепи, свезли в Переяславль 22 сентября и посадили в темницу. Иоанну было тогда 13 лет от роду, а Димитрию 12. Дочерей князя Андрея

нетронули и оставили в Угличе на свободе, хотя удел и присоединили к великому княжению. Это показывает, что не вражда и злоба против Андрея заставили Иоанна III принять такие крутые меры и так жестоко поступить со своими родными, – а необходимость и польза государственная, – нужно было раз навсегда порешить с крамолами и междуусобиями удельных князей, сдедать их своими подручниками и утвердить единоедержавие в государстве. Мера жестокая, но необходимая и оправдываемая обычаями того грубого и жестокого века; сам Иоанн III так объяснял свой поступок митрополиту, когда тот пришел к нему ходатайствовать за князя Андрея. «Жаль мне брата и очень и я не хочу погубить его и на себя положить упрек; но освободить его не могу, потому что не раз он замышлял на меня зло, потом каялся, а теперь опять начал замышлять и моих людей к себе притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то он будет искать великого княжения под внуком¹⁶⁶ моим и если сам не добудет, то смутить детей моих и станут они воевать друг с другом, а татары будут русскую землю губить, жечь и пленить и дань опять наложат и кровь христианская опять литься будет, как прежде, и все труды мои останутся напрасны и вы будете рабы татар».

Так как Переяславль находился недалеко от Москвы и на самой дороге из нея к Угличу – месту княжения Андрея, а все это могло напоминать народу об узниках и возбуждать в нем сожаление к ним, чего великий князь конечно не желал, то детей князя Андрея своро перевезли на Белоозеро также в темницу, а сам Андрей скончался в Москве 6 ноября 7002 (1493) года.¹⁶⁷ По смерти родителя юных князей перевезли в Вологду. Неизвестно, была ли на то воля великого князя, или начальствующие и темничные стражи хотели выслужиться пред государем, только и здесь их держали в тяжких оковах и в самом тесном заключении. Все их имущество состояло из одной иконы Божией Матери всех сворбящих радости – наследства и благословения их от родителя.

Чтобы понять всю тягость темничного заключения для юных князей угличских, воспитанных в неге и довольстве, надобно помнить, что такое была тюрьма (темница) у нас в России в XV

веке, особенно в таких заглушенных и отдаленных местах, какими были тогда Белоозеро и Вологда, куда никогда не проникал человеколюбивый и сострадательный взор Государя, откуда не слышны были высшему начальству стоны и вопли узников и где произвол тюремщика мог безнаказанно заменять закон и справедливость. О вологодской тюрьме известно, что даже в конце XVII века (1694 г.) при Петре Великом многие умирали в ней от голода, тесноты и духоты. Каково же было в ней за 200 лет ранее?

В столь юном возрасте исторгнутые из мира и потому не имевшие даже времени и случая испытать его радости, пристраститься к нему и поддаться его увлечениям, лишённые родных и друзей и видевшие около себя только суровые лица своих стражей, – в чем ином могли находить себе отраду и утешение царственные узники, как не в одной только молитве к Богу и к усердной заступнице всех несчастных и страждущих – Матери Божией, святая икона которой всегда находилась перед их глазами? Только сознание своей невинности, вера в Бога и надежда на Его Промысл, всегда премудро и отечески устрояющий пути человека, могли поддержать их, спасти от уныния и отчаяния и даровать им то великодушное терпение, с каким они переносили свое долговременное и тяжкое заключение. Особенно благоверный князь Иоанн, проводивший дни и ночи в молитве, как бы не чувствовал тяготы уз и темничного заключения; он совершенно отрешился от мира и постоянно имея в уме своем память смертную, достиг такого духовного совершенства и стяжал такое смирение и умиление, что непрестанно проливал слезы. Когда брат его Димитрий начинал изнемогать, предаваться печали и уныния, он старался утешать его, напоминал ему о Боге, о терпении святых, о будущем воздаянии страждущим невинно и не отступал от него дотоле, пока тот не ободрялся и не переставал жаловаться на свое положение. «Не скорби, любезный брат мой, о своих узах и темнице, говорил он. Бог внушил дяде нашему, государю великому князю Иоанну Васильевичу позаботиться о пользе душ наших, отлучить нас от сего суетного света, чтобы отнять от нас заботу о нем. Недостойны мы того, чтобы жить нам на сем свете

по воле своей, на свободе; будем же молиться о том, чтобы неволя эта послужила нам в пользу, чтобы дал Бог силу с радостью до конца претерпеть ее во имя Господа нашего Иисуса Христа, чтобы избавиться нам чрез то муки вечные. Должны мы молиться и о государе дяде нашем и о детях его, потому что они сделались ходатаями и виновниками нашего спасения и пекутся о душах и телах наших, приготовив нам это покойное место, чтобы внимать нам себе во псалмах и пении и чтении книг, как отцы святые жили «Не все ли они шествовали путем скорбным, перенося голод и жажду, стужу и наготу, в темницах и ранах и во всяком лишении, и однако не унывали о том, а еще радовались? Так и нам подобает, унижая самих себя, поревновать им благою ревностью, чтобы безропотно подражать их злостраданиям, болезням и терпению. Святых Апостолов побивали камнями, так же и святые мученики потерпели различный муки, а преподобные отцы сами себя мучили, оставляя отца, мать, жену и детей и весь мир, терпели для Бога и голод и жажду; а мы грешные не сделали ничего доброго на свете, не поревновали житию и страдание святых и потому по истине достойны всякого осуждения и ран и мучения». Так блаженный страдалец смотрел на свою земную участь, как на строение благой премудрости Божией, обращающей и ошибочные дела людские в средства во спасению; так в чистой душе его за скорбью следовала терпеливость, за терпеливости духовная опытность, за опытностью – надежда, а надежда не оставляет в стыде. Одушевляемый ею старший брат утешал младшего и слова его казались целебным бальзамом для души последнего. Но кто может передать все трогательные, утешительные его беседы, исчислить молитвенные воздыхания и слезы, постичь его истинно ангельское терпение и самоотвержение? Подобно брату своему находясь в узах и темнице, перенося с ним одинаковый лишения и скорби и сам нуждаясь в утешении и помощи, он часто должен был забывать о самом себе, чтобы помочь изнемогающему брату и спасти его от отчаяния; когда он успевал в этом, то духовно радовался и это была единственная

его радость в течение долговременной, страдальческой его жизни. Других радостей они не имели и не могли иметь.

Прошло более тридцати лет, как братья оставили свой красивый и богатый Углич и, вместо обширных и светлых родительских палат, томились в тесной, мрачной и душной темнице, вместо золотых цепей и других княжеских украшений, носили тяжелые оковы и железные цепи. Не мало перемен произошло на свете в это время, не стало и невольного виновника их заключения. Великий собиратель русской земли уже окончил славный свой подвиг для блага отечества и давно занял место подле своего отца под сводами Архангельского собора, – в России царствовал двоюродный брат их великий князь Василий Иванович; сами братья, некогда малолетние дети, не только достигли зрелого возраста, но уже близились к старости. Только в их несчастном положении не было никакой перемены: все та же тесная и мрачная тюрьма, те же тяжелые цепи и оковы, те же суровые лица тюремщиков; и не было никакой надежды освободиться от всего этого, подышать вольным воздухом и насладиться свободой. Об них никто не думал, не вспоминал, тюрьма должна была сделаться для них могилою.

Наступала тридцать вторая весна их заключения, природа видимо пробуждалась и оживала, воздух становился теплее, солнечные лучи сильнее пробивались сквозь узкие окна темницы, долее и ярче освещали мрачную ее внутренность, по временам слышалось в воздухе пение птиц, земля с каждым днем более и более покрывалась свежей зеленью и цветами. Но и это – лучшее и внятнейшее время года, радостное даже для узников, не радовало ныне князя Дмитрия, потому что старший брат его Иоанн, единственный друг и утешитель, был нездоров, с каждым днем становился слабее и слабее и уже несколько дней не мог встать с постели. Напрасно князь Дмитрий старался утешить его надеждою на выздоровление; Иоанн не только не верил его словам, но и не желал выздоровления: смерть была для него радостью, окончанием всех его страданий и давножеланною гостьею, которая соединит его со Христом, к Которому постоянно стремилось его сердце, и откроет ему

новый мир, где нет ни болезни, ни страдания, ни печали и воздыхания, – оттого он и ожидал ее с нетерпением. Одного только сильно желал страдалец – быть постриженным, видеть себя причтенным к лику иноков, по примеру многих из своих державных предков; если что несколько смущало и огорчало его – то это любовь и сострадание к брату, для которого узы и темница без него, в полном одиночестве, как он предвидел, будут казаться еще более тяжкими. Поэтому, забывая собственные страдания, он старался уже слабым и прерывающимся от болезни голосом – утешать и ободрять его. По неотступным просьбам Иоанна призвали в темницу к болезненному одру его Спасоприлуцкого игумена Мисаила, который зная, что блаженный страдалец всю жизнь свою провел в постничестве и воздержании, в терпении и злострадании, и видя его пламенное желание, веру и крайнее изнеможение, не только не отказал ему в пострижении, но и облек его в схиму, нарекиши его Игнатием. Новый схимник несказанно обрадовался своему ангельскому образу, пролил благодарственные к Богу слезы и после причащения святых Таин осенив себя крестным знамением со словами: «Господи, в руце Твои предаю дух мой», предал страдальчески дух свой Богу. Он скончался тихо и мирно 45 лет от роду, из них 32 года провел в темнице. Это было 19 мая 1522 года.

Видя кончину брата, князь Димитрий, пораженный тяжкою скорбью, пал на бездыханное тнло его и громко зарыдал, целуя и обливая почившего своими слезами, он жалобно говорил ему как живому: «о любезный и дорогой брат и господин мой! Нынешнее мое расставанье с тобою тяжелее и горче для меня всех моих несчастий. Когда я лишился родителя, в тебе имел отца, друга и утешителя и нечувствовал горести сиротства и тягости тюрьмы. А теперь кто утешит меня в горести моего заключения, кто ободрить и развеет скорбь мою? Не зваю, что мне делать, как будет и жить без тебя? Горе мне ныне, отец преподобный! Одного ты меня бедного оставил в этой темнице оплакивать грехи мои!». Но в то же время взирая на спокойное и светлое лице усопшего брата, который казался не умершим, а как бы уснувшим и – обоняя исходившее от тела благоухание,

которым наполнилась не только темница, но и прилежащие к ней места – Димитрий переставал плавать и радовался блаженной кончине брата, видя в ней конец его страданиям и ни мало не сомневаясь в ожидающем его блаженстве.

Как не может укрыться град, стоя на верху горы, так от жителей города Вологды не утаилась святая и подвижническая жизнь, истинно ангельское терпение и незлобие царственного узника, несмотря на то, что по причине строгого заключения его никто почти не знал и не видал. Кроме его высокого происхождения, уже одно то, что он так долго находился в узах и темнице, не зная за собою никакой вины, невольно внушало каждому уважение к нему и заставляло смотреть на него как на мученика, – оттого, лишь только разнеслась весть о блаженной его кончине, все жители города, от мала до велика, собрались к дверям темницы, желая видеть, целовать тело страдальца и отдать ему последний долг проводить до могилы. Не было позволено этого одному тому, кто был любим и сам любил покойного более всех, брату его князю Димитрию, не смотря на его вопли и рыдания, ему не позволили проводить брата далее порога тюрьмы. При звоне колоколов ближайших к темнице церквей и при необычайном множестве народа, игумен Мисаил со всею монастырскою братией и с градским духовенством, с великою честью изнесли из тюрьмы тело князя – схимника и направились с ним к соборной церкви Воскресения Христова, где должно было совершиться его отпевание. Как бы в замен того, что вся жизнь угодника Божия сокрыта была во мраке темницы, Господь поспешил прославить его, прежде нежели сокрыто будет в земле его тело. Еще во время медленного шествия¹⁶⁸ к соборной церкви святые мощи Игнатия начали изливать исцеления. Одна расслабленная женщина, по имени Александра, жившая в посаде в приходе св. Георгия, не владела ни руками, ни ногами; услышавши о кончине благоверного князя, она стала призывать его в молитве и просить исцеления от болезни и тотчас же получила от нее исцеление. На другой день, когда выносили из темницы тело святого в собор, она велела вести себя за гробом его и как

только прикоснулась к нему, почувствовала себя совершенно здоровою.

По совершении в соборе божественной литургии и после отпевания игумен Мисаил, в сопровождении всего народа, перенес тело князя-схимника в свою обитель и положил его в ногах чудотворца Димитрия под церковным алтарем. Здесь, прежде нежели успели предать тело земле, новое чудо засвидетельствовало святость усопшего. Некто Михаил из Прилуцкого села был одержим смертною болезнью и уже отчаялся в выздоровлении; услышав о погребении в монастыре благоверного князя, он велел нести себя в монастырь; в это время пели уже последнюю панихиду над усопшим и лишь только больной прикоснулся в его гробу, тотчас же стал здоров, как будто не был болен. Эти и многие другие чудеса и исцеления, полученный людьми после молитвенного призывания имени благоверного князя Иоанна (Игнатия), убедили всех в его святости, вследствие чего игумен Мисаил, призвавши из того же Прилуцкого села каменщика Давида, велел ему сделать над могилою князя каменную гробницу, по подобию гробницы над чудотворцем Димитрием. Но когда Давид по невежеству своему во время работы сел без всякого уважения на гробницу князя, – в ту же минуту почувствовал нестерпимую боль, та часть тела, которою он так неуважительно прикасался к гробнице, страшно распухла, так что он не мог ни ходить, ни сидеть. Три дня продолжались его страдания, пока он, сознавши свою вину, не пришел ко гробу святого и многими слезами не испросил у него прощения себе; он так же скоро получил исцеление, как и заболел и, dokonчивши свою работу, с радостью возвратился в свой дом, прославляя угодника Божия Игнатия.

В том же Прилуцком селе жила женщина Соломония, которая не слышала ушами и не видела одним глазом в продолжение 20 лет; узнавши о чудесных исцелениях, получаемых при гробе пр. князя Игнатия, она пришла в монастырь, помолилась святому и как скоро приложилась к его гробу, тотчас почувствовала себя совершенно здоровою, стала слышать и видеть обоими глазами.

Некто Борис Соловцев, услышавши о погребении в Прилуцком монастыре благоверного князя Игнатия и о чудесах, бывающих у гроба его, привел в монастырь своего человека Иродиона, который уже год был нездоров глазами и болезнь, несмотря ни на какие лекарства, все более и более усиливалась, так что нужно было опасаться, что он скоро совсем ослепнет. По совершении молебствия, когда Иродион со слезами и с верою приложился в гробам пр. Димитрия и князя Игнат, он тотчас же исцелел и не мог удержаться, чтобы от радости не вскричать о том, что он все ясно видит по прежнему.

При игумене Афанасии – преемнике Мисаила, скончавшегося в 1538 году, была приведена в Прилуцкий монастырь с Масляной из деревни Павшино женщина Дарья, имевшая скорченную руку, которую пригнуло у нее к персям под пазуху, так что никак невозможно было ее разогнуть. Издержавши не мало денег на врачей и лекарства и не получивши от них никакой пользы, она просила игумена и братию испросить ей у святых угодников исцеление от болезни и дала в монастырь немалую милостыню. Видя ее усердие и веру, игумен Афанасий приказал ударить в било для собрания в церковь всей братии, братия собрались и совершив соборное молебствие к преподобным об исцелении болящей, разошлись по своим кельям. Большую плачущую и рыдающую отвели из церкви в гостинную келью, где она тотчас же забылась и в тонком сне вдруг услышала голос: «Чудотворцы идут». Ей показалось, что в келье стало необыкновенно светло, двери растворились и преподобные-сперва Игнатий в одежде схимника, а за ним чудотворец Димитрий вошли в келью. Пр. Димитрий явился в священном облачении и обращаясь к Игнатию сказал: «отче, прости сию женщину от ее болезни». Преподобный Игнатий подошел к Соломонии и, взявши ее за больную руку, сказал ей: «встань»! Женщина от страха пробудилась и хотя никого не увидела в келье, но тотчас же почувствовала себя исцеленною и совершенно здоровою. Когда она объявила игумену о случившемся с нею, он вторично собрал всю братию для совершения благодарственного молебствия преподобным за такое дивное чудо.

Монах Прилуцкого монастыря Гурий, исправлявший пономарскую должность, долгое время страдал столь тяжкою зубною болезнью, что не мог ни есть, ни пить и совершенно лишился сна. От долговременной бессонницы и болезни он стал как бы вне ума и ходил как помешанный. Однажды ночью очувствовавшись, он пришел к гробу пр. Игнатия и со слезами молился о своем исцелении; когда он после молитвы приложился к гробнице его и потер свои десны находившимся на ней покровом, тотчас же сделался здоров и не чувствовал уже никакой боли.

Житие и чудеса пр. Игнатия написаны были вскоре после его кончины, в первой половине XVI века современником его монахом Лонгином, который в заключении своего сказания пишет, что он от многоаго собрал в нем малое, что от гроба пр. Игнат, как из неисчерпаемого источника, все приходящее к нему с верою получают исцеления, так что всего не мощно и писано предати. – Мощи пр. Игнатия почивают под спудом среди нижней церкви Прилуцкого монастыря в ногах чудотворца Димитрия, с левой стороны столба, поддерживающего своды. – Церковная служба князю страдальцу известна по рукописям XVI века.

После блаженной кончины пр. Игнатия судьба брата его благоверного князя Димитрия, ни в чем не изменяясь в сущности, должна была сделаться для него еще более горькою и невыносимою, так как теперь к тягости тюремного заключения присоединялась еще и скорбь одиночества: не было уже друга и утешителя, всегда старавшегося предохранить его от уныния и своими благоразумными увещаниями вливавшего мужество и терпение в его сердце. Ожидать сострадания и утешения со стороны было напрасно; если и живы были еще его сестры и другие родственники, то что они могли сделать в пользу узника против воли великого князя? Да неизвестно еще, знали ли они о месте его заключения. Со смертью любимого брата лишившийся последнего утешения в жизни, князь Димитрий не мог без ужаса представить своего положения и свыкнуться с мыслью о своем одиночестве, – падая пред иконою Божией Матери, он со слезами просил ее послать ему смерть для

соединения с братом, но еще долго страдальцу пришлось ожидать ее! Чрез пять лет по кончине пр. Игната, когда уже гроб его сделался источником исцелений и широко распространилась слава о его святости и чудесах, сам великий князь приехал в Вологду. Приезд его случился к празднику Рождества Христова, когда было в обычае подавать милостыню и делать некое облегчение вора и разбойникам, находящимся в заключении, а Василий Иванович для того именно и приезжал, чтобы оказать милости. «Лета 7037 (1528) князь великий Василий Иванович и с великой княгинею был на Вологде и в монастырях у чудотворцев: в Кириллове, на Каменном, в Глушицах, на Прилуке у Спаса, в Корнилиеве и в Павлове пустыни и милостыню великую давал и потешение по монастырем и в граде попом, а велел молиться о чадородии, чтобы дал Бог отрод у него был, говорит летописец. Бывший на Прилуках у мощей пр. Димитрия, Василий Иванович не мог не видеть гроба нового чудотворца, своего двоюродного брата, не мог при этом не вспомнить и о князе Димитрие, томившемся в узах. Казалось, что ищущий себе милости и сам будет милостив, что наступил час освобождения царственного узника, тем более, что само Небо свидетельствовало о его невинности и как бы ходатайствовало за него, прославляя пр. Игната. Естественно мог ожидать этого и сам Димитрий, но к сожалению ему горько пришлось обмануться в своих надеждах. Великий князь, объехав все монастыри, побывав везде и всех одарив, не посетил только узника в его темнице, не только не облегчил его участи, но даже и не попытокствовал его видеть, таким образом оказал близкому родственнику своему явное бессердечие и жестокость. История не ставит в вину Иоанну III заключения брата его Андрея Васильевича, князя доброго и набожного, но нетвердого характером и легко поддававшегося советам других, а потому ненадежного и опасного для великого князя. Это было делом политической необходимости и государственной пользы. Но для Василия Ивановича какая была необходимость в заключении князя Димитрия, ничего не имевшего, всеми забытого и оставленного? Чем он мог быть опасен Василию Бесцельное, невызываемое никакими

побуждениями содержание князя Дмитрия в темнице и узах не должно ли лечь неизгладимым, черным пятном на царствование Василия?

Приезд великого князя в Вологду, возбудивший в князе Дмитрие столько не сбывшихся надежд, был для него хорошим уроком забыть о мире, как мир забыл о нем, и всем сердцем прилепиться к единому Господу, терпеливо перенося возложенный на него крест и от Него единого ожидая себе помощи и спасения. Урок этот не остался бесплодным для узника. Уже по смерти Василия, в малолетство сына его Иоанна IV, боярская дума, по настоянию тогдашнего правителя государства, доброго и просвещенного князя Ивана Федоровича Бельского, в 1540 году сняла с узника (ему было тогда более 60 лет) оковы и велела пустить в его тюрьму более света и воздуха, но и тогда не отворила ему темницы и не возвратила свободы. Пробыв в заключении целый 50 лет и как бы заживо погребенный, он был забыт всеми, так что и время кончины его осталось неизвестным. «А брат его (Игнатия) благоверный князь Дмитрий Андреевич, после его поживе лета довольна добрым и богоугодным житием, преставися ко Господу и погребен бысть в том же монастыре при ногах брата», говорит летописец, не упоминая ни о годе, ни о месяце и дне его кончины. Кончина благоверного князя последовала около половины XVI века, а так как в начале XVII века Прилуцкий монастырь подвергался неоднократным грабегам и разорениям, во время которых все архивы и записи были сожжены и уничтожены, то и неизвестно, были ли какие чудеса и исцеления от его гроба. Однако он вместе с братом своим Игнатием был помещен митрополитом Евгением в списке угодников Божиих, почивающих в Вологодской епархии, а так же и в историческом словаре святых, прославленных в российской церкви (Спбург. 1836 г.) Вериги его доныне хранятся вместе с веригами преподобных Дмитрия и Игнатия, а над могилою его устроена была гробница, подобная гробницам преподобных¹⁶⁹. Так как она находилась на востоке, очень близко к алтарю и при устройении церкви во имя пр. Дмитрия препятствовала постановке иконостаса, то вероятно в это время (1641 г.) и была снята.

Преподобный Корнилий Комельский

Среди многочисленного сонма святых подвижников Вологодской страны, пр. Корнилий Комельский занимает одно из первых и самых видных мест, как по строгости жизни, по трудности и высоте своих подвигов, так и потому огромному влиянию, которое он имел на современников, особенно на иноков: он воспитал множество святых учеников, бывших впоследствии основателями монастырей и распространивших в них его устав – единственный письменный памятник, дошедший до нас из трудов Вологодских чудотворцев. Разбойнический притон в Комельском лесу, обращенный Корнилием в иноческую обитель, долго служил колыбелью и рассадником иночества и много способствовал утверждению веры и гражданственности в окрестности.

Житие пр. Корнилия написано вскоре после его кончины одним из его постриженников, хорошо знавшим великого старца и бывшим очевидным свидетелем многих его подвигов. Впрочем, не смотря на это, оно не отличается обилием фактов продолжительной и чудной жизни подвижника и весьма кратко упоминает о том, что было до его пострижения

Пр. Корнилий происходил из знатного рода Крюковых. Во время княжения Василия Васильевича Темного род Крюковых был одним из первых в Ростове по своему богатству и знатности, так что известен и близок был к самому великому князю, а один из Крюковых по имени Лукиан служил при дворе, исправляя должность дьяка при великой княгине Марии Ярославовне, за которою последовал из Ярославля в Москву, когда великий князь, победивша Шемяку, снова утвердился в Москве. У Лукиана оставался в Ростове брат Федор с супругою Варварою и с малолетними детьми, но так как родной их город еще со времен Донского начал приходить в упадок, а Москва, несмотря на все тревоги княжения Темного, все более и более усиливалась и для дворян и богатых людей жизнь в ней становилась привольнее и безопаснее, то Лукиан не только вызвал к себе брата, но по ходатайству дяди четвертый сын

Феодора Корнилий взят был ко двору и зачислен в службу при великой княгине. Оставался ли сам Феодор в Москве до своей кончины или возвратился в Ростове – неизвестно; известно только, что младший (пятый) сын его Акинфий впоследствии жил в Ростове, в доме отчем, а Корнилий воспитывался под руководством дяди своего в Москве. Для воспитания отрока нельзя было найти лучшего места, как тогдашний великокняжеский двор, не уступавший в самом строгом исполнении всех правил церковного устава ни одной иноческой обители. Здесь Корнилий мог видеть и изучать одно только доброе. Современный писатель его жизни называет великую княгиню Марию, скончавшуюся инокинею-именитою благочестием и милостью паче всех прежде бывших; действительно, испытанная несчастиями и всецело преданная воспитанию детей своих – сверстников Корнилия, она могла служить для юного царедворца самым лучшим живым примером для подражания. Молодой человек как нельзя более воспользовался счастливо сложившимися обстоятельствами своей юности: приобрел познания в науках, получив самое лучшее по тогдашнему времени образование, а вместе с этим сохранил чистоту сердца и неповрежденность нравов, так что не достигши еще совершенных лет он казался уже мужем совершенным. С раннего возраста начало в нем развиваться влечение к жизни созерцательной, отшельнической, которое под влиянием бесед дяди и великой княгини, стремившихся к иночеству, усилилось в нем еще более и дошло до того, что когда престарелый Лукиан оставил придворную службу и постригся в Кириллове, за ним последовал туда же и двадцатилетний Корнилий¹⁷⁰, хотя служба при дворе великого князя могла доставить ему честь, богатство и другие житейские выгоды.

Принявши иночество, Корнилий отказался от своей воли и всецело предал себя руководству своего наставника Геннадия¹⁷¹, старца прозорливого и поседевшего в духовных подвигах, повинувшись ему с любовью как отцу и не делая ничего без его воли и благословения. Молодому царедворцу, воспитанному среди шума столицы, в богатстве и роскоши,

столько понравилась суровая жизнь смиренного послушника в тиши монастырской кельи, что он захотел сделать участником ее и младшего брата своего Акинфия. С этой целью он, после семи лет, проведенных им necessarily в обители, просил позволения у своего наставника сходить на родину, чтобы склонить брата к принятию монашества и привести с собою в монастырь. Желание Корнилий исполнилось: Акинфий изъявил согласие и при пострижении был наречен Анфимом. Корнилий плакал от радости, видя любимого брата своего в ангельском чине, и сам предавался еще большим подвигам. «Кто не знает Кирилловских хлебней?» говорит его жизнеописатель, желая тем выразить тяжесть трудов, на которые обрек себя Корнилий. Точно, в хлебнее многолюдного тогда Кириллова монастыря не мало стоило труда и пота каждому исполнить одно только свое дело, а Корнилий охотно принимал на себя труд и за других, исполнял урочное дело слабых и менее усердных и боков и в то же время носил тяжелые, железные вериги. Проводя дни в хлебне в тяжких трудах, он и ночью мало предавался покою, занимаясь списыванием книг, из которых некоторые хранятся в Кирилловом монастыре и до ныне, или стоя на молитве совершал свое правило и клал многочисленные земные поклоны. Таков был сей великий труженик, таким и остался до конечного – уже в глубокой старости – изнеможения своих сил!

В то время в Кирилловом монастыре довольно часто переменялись настоятели, так что со времени игумена Геннадия, при котором постригся Корнилий, в течение только ста лет их было до 16-ти, что конечно не могло много способствовать строгому исполнению устава пр. Кирилла и нравственному усовершенствованию братии. Кроме того многочисленные толпы мирских людей обоего пола постоянно наполняли монастырь и искали в нем не столько наставлений и пищи духовной, сколько дарового хлеба и пристанища, наконец многолюдство самой братии и монастырских служителей – не могло не тяготить людей, всецело преданных богомыслию и стремившихся к безмолвию. Вследствие этого Корнилий, прошедши уже все более тяжелые послушания и ревнуя о высшем совершенстве, вышел из монастыря, чтобы в других

обителях¹⁷² видеть труды и подвиги мужей, опытных в духовной жизни, и пользоваться их наставлениями; подобно птице он искал себе гнезда и как пчела извлекает мед с различных цветов, так и он везде старался приобретать себе духовную пользу из всего, что видел и слышал. Побывав во всех, ближайших к Кириллову монастырях и пустынях, пр. Корнилий направился к Новгороду, славившемуся тогда множеством иноческих обителей; он был радушно принят и обласкан архиепископом Геннадием, в доме которого и остановился. Ревнитель просвещения, так горячо жаловавшийся на безграмотность ставленников и невежество духовенства, рад был встретить в страннике редкое по тогдашнему времени книжное образование; короче познакомившись с пр. Корнилием, он от души полюбил богобоязненного и опытного в духовной жизни инокa, часто и подолгу беседовал с ним и, чтобы навсегда удержать его при себе, хотел рукоположить его в сан священства; но смиренный Корнилий уклонился от такой почести, считая себя недостойным ее, из опасения же быть вынужденным к принятию священного сана, оставил архиерейский дом и удалился в пустыню недалеко от города. Удивился владыка смирению преподобного и не докучая ему более принятием сана, посылал ему все необходимое для жизни, часто призывал к себе для духовных советов и однажды сам пришел посетить его в пустыне. Тяжела показалась отшельнику такая честь: «кто я недостойный, чтобы ты владыко принял на себя такой труд и пришел ко мне в келью», говорил он Геннадию. В самом деле когда посещение архиепископа обратило на старца внимание народа и указало дорогу к его пустынной келье, когда отовсюду во множестве стали приходить к нему посетители для духовных советов и наставлений, любитель безмолвия ужаснулся и бежал в тверские пределы, надеясь там найти себе такое место, где бы он мог неведомо для людей посвятить себя на служение Богу. В 12 верстах от Твери в дремучих лесах, которые еще недавно были не везде проходимые на левом берегу реки Орши, впадающей в Волгу, находилась Савватиева пустыня (ныне село Савватиево), стоявшая на зимней кашинской дороге в Тверь. Близ этой

пустыни пр. Корнилий обрел место, удобное для безмолвного пребывания¹⁷³, но не долго пробыл на нем, потому что и здесь он не нашел вожденной тишины и безмолвия. Братия Савватиевой пустыни и приходившие в нее странники и богомольцы стали посещать уединенную келью Корнилия, прося его советов и наставлений, вследствие чего преподобный снова решился бежать и искать себе другого места. Такое странствование, переходение с места на место не было однако же праздным: он собирал опыты духовной жизни, терпел для Господа голод и жажду, зной и холод, хотя по мере того, как он удалялся людей и бегал славы человеческой, возрастало к нему уважение людей и слава всюду следовала за ним как тень. Оставивши уединенную келью близ Савватиевой пустыни, пр.Корнилий жил в лесах и безлюдных пустынях, вынужденный переходить с одного места на другое то по той, то по другой причине. Переходя из леса в лес, из дебри в дебрь и ища глубочайшего уединения, он пришел наконец в вологодские пределы и остановился в комельском лесу на высоком берегу реки Нурмы; там, где с правой стороны впадает в нее речка Талица, он нашел на возвышенной покатости в густом лесу малую хижину, построенную разбойниками, и помолившись Богу, поселился в ней. Хотя преподобный видел, что он зашел в опасное место и догадывался о нравах и занятиях обитателей хижины, но надеясь на помощь Божию, решился не оставлять ее. «Не убоюсь, что сотворит мне человек?» говорил он сам с собою, повторяя слова Псалмопевца, и начал рубить лес и очищать место около хижины, трудясь с утра до вечера, а ночи проводя в псалмопении и молитве. Это было уже при державе великого князя Иоанна III в 7005 (1497) году. Изумились разбойники, когда нашли, что их притом занят старцем, а лес около него вырублен; чтобы заставить Коршин удалиться, они стали всячески его притеснять и угрожать ему смертью. «Уйди от нас, говорили они, если не хочешь быть убитым,» но преподобный, противопоставляя их злобе и дерзости – кротость и терпение, пребывал непоколебимым в своем намерении. Вскоре атаман разбойников был убит и шайка его рассеялась, оставив старца спокойно владеть хижиною. Но едва он успел

освободиться от одной опасности, как настала другая. Раз, когда он молился и пел псалмы в хижине, на него напала новая толпа разбойников, надеясь найти у него имение и деньги. Грабители были столь злы и завидливы, что, когда ничего не могли найти в хижине старца, унесли у него книги, по которым он молился, хотя для разбойников они были совершенно не нужны. Блуждая с ними всю ночь по лесу и думая, что уже далеко ушли от кельи старца, разбойники утомленные легли спать, но вставши по утру к изумлению своему увидели, что они всю ночь трудились напрасно и снова находятся близ хижины старца. Это так их поразило, что они сознали свой грех, возвратили старцу книги и испросив у него прощение в нанесенном ему оскорблении, мирно удалились, обещаясь исправиться.

По удалении разбойников пр. Корнилий несколько времени прожил в совершенном одиночестве и безмолвии, пребывая в труде и молитве, рубил ли преподобный лес, копал ли землю или делал что другое, молитва не сходила с его уст. Мало помалу один за другим стали приходить к нему люди, желавшие разделять с ним пустынные труды; старец принимал их и с этого времени еще более стал трудиться, чтобы шире разчистить место и завести пашню для пропитания своего и живших с ним. Он хотел питаться трудами рук своих и за грех считал ходить в мир и собирать подаяния. Пустынники молились сперва каждый в своей келье, так как определенного места для общей молитвы еще не было, но когда число их умножилось, они стали просить Корнилия устроить церковь, считая великим ущербом и вредом для души лишение Божественной службы. Корнилий, услышав о благочестивом желании своих сподвижников, был весьма рад и со слезами благодарил Бога, потому что и сам сердечно желал того же, и только любовь к безмолвию заставляла его проживать без храма в пустынных местах. Теперь же он ясно видел, что пора уединения и безмолвия для него уже прошла, что настало время жить не для себя только, но потрудиться и для пользы братии и страшный разбойнический притон обратил в святую обитель для иночествующих. Он одобрил желание братии и первый устремился на дело, начал рубить лес для

построения церкви, а так как церковь требовалась для них небольшая и пустынники немного заботились о ее красоте и великолепии, то общими силами она вскоре и была построена. В 1501 году, на четвертый год по прибытии пр. Корнилия на это место, церковь освятили г. честь Введения во храм Богоматери и сам старец Корнилий был рукоположен митрополитом Симоном (1 февраля) во священника и определен настоятелем возникающей обители к великой радости всего пустынного братства. Решась жить в обществе братии, блаженный Корнилий не щадил себя для их пользы, на ряду с другими трудился в лесу и в обители и вообще для устройства обители он перенес столько трудов и усилий, что невозможно и выразить всего того, что ему привелось претерпеть. Один раз разбойники, досадуя на него, как на помеху их ремеслу, избили его так, что он прибрел в свою келью едва дыша; в другой раз когда шел по лесу на него обрушилось дерево, мимо которого он шел, несмотря на то, что ветру не было и что мимо того же дерева благополучно прошли перед ним братия; удар был так тяжел, что его замертво унесли в келью и преподобный целые три месяца не вставал с постели и братия уже отчаялись в его выздоровлении. Немного поправившись он вышел однажды посмотреть на плотничную работу, сел на краю сруба и упавши с него, разбился пуще прежнего и едва не лишился жизни. Потом еще раз в лесу свалилось на него дерево и его привели в келью с разбитою головою – и все это он терпеливо переносил, не позволяя себе ни жалобы, ни ропота. Не мало пришлось ему перенести неприятностей и огорчений и за самое место, где основалась его пустынная обитель. На него жаловались даже великому князю между прочим за то, будто он отнимает чужую собственность, тогда как он заселял непроходимый лес, никому не принадлежавший и служивший до него только притоном разбойников. Всем таким напастьм блаженный старец противопоставлял одно оружие – терпение. Впрочем, по мере того, как злые люди старались чернить Корнилия, люди добрые, короче знавшие старца, удивлялись его кротостью и терпению и смотрели на него, как на истинного раба Божия, как на одного из древних великих отцев, слава о нем возрастала и

распространялась все более и более, так что сам великий князь Василий Иванович, наслушавшись о трудах комельского подвижника, стал питать к нему глубокое уважение.

Пустынная обитель Корнилиева была не богата, не имела ни сел, ни угодий, ни других каких-либо удобств и выгод, по своим постройкам она далеко уступала другим монастырям, иноки собственным трудом должны были снискивать себе пропитание, – рубить лес и заводить пашню. Не смотря на все это – отовсюду стремились сюда люди, искавшие иноческой жизни, число братии увеличивалось с каждым годом, так что церковь, первоначально построенная Корнилием, уже не могла вмещать всех и необходимо было озаботиться построением более обширной и поместительной. Так как у Корнилия не было ни денег, ни других каких-либо средств – нанять мастеров для строения, то он, собравши всю братию на совет, предложил им самим потрудиться в создании храма, на что те с радостью и согласились. Взялись работать кто что умел: одни рубили стены и плотничали, другие резали иконостас и писали иконы, иные писали книги, а сам блаженный старец, поощряя братию к трудам, постоянно со слезами молился Богу об успешном окончании начатого дела и по его молитвам, при единодушном старании всей братии, церковь вскоре была построена. Новая церковь, по благословению митрополита Варлаама, освящена была как и прежняя в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Освящение произошло в 7023 (1515) году, в 19 лето по прибытии пр. Корнилия на берег Нурмы. По освящении новой церкви пр. Корнилий назначил чреды служения в ней священникам, диаконам, чтецам и певцам, определил еклесиарха и ввел весь порядок и чин священнослужения, какой обыкновенно держится в благоустроенных и многолюдных общежительных монастырях. Потом при братской трапезе он построил еще храм во имя начальника пустынной жизни пр. Антония великого, чтобы братия, молясь во храме, посвященном его имени, чаще приводили себе на память этот первообраз иночества и легче могли усвоить себе дух истинного пустынножительства. Кельи для братии были построены с четырех сторон одна возле другой, так что заменяли собою

ограду и давали монастырю вид четвероугольника, в середине которого находились церкви. Как заботливый хозяин построив в монастыре больницу, поварню, пекарню и прочие необходимые для братии службы, блаженный старец не забыл нищих и странников, а как сердобольный отец выстроил для них вне монастыря богадельню и странно-приимницу. Ведение хозяйства он поручил келарю и дал ему в помощь нарядчиков, требуя от них, чтобы каждый делал свое дело и во всем соблюдался строгий порядок, а для этого кроме устных наставлений, всем членам духовного братства дал еще и письменный устав и сам строго следил за его исполнением. «Сам же старец вельми подвизашеся день и ночь и во вся службы призираше и всех обхождаше видети труждающихся и в монастыре и на нивах и всех посещаше и утешение подаваше противу труду «коегождо их», говорить о нем очевидец, писатель его жития. Зная по собственному опыту, сколь необходимо и полезно иноку уединение и безмолвие и как много вредит душе невоздержание языка, пр. Корнилий учил братию и среди многочисленного общежития вести жизнь молчаливую и удерживаться от бесполезных разговоров друг с другом. Попечительный отец и бдительный страж братии преподобный имел обыкновение обходить поздним вечером братские кельи и слушать, кто чем занимается. Если примечал, что кто-нибудь упражняется в молитве и псалмопении, или в ином полезном деле, то радуясь и благодаря Бога тихо отходил прочь; если же слышал где бесполезные разговоры или смех, то слегка ударив пальцами в оконницу, давал знать о своем приходе и тем останавливал и приводил в стыд празднословящих. После в общих собраниях, преподавая наставление братии, преподобный упоминал об этих случаях и не указывая на лица, говорил против греха и делал вразумления, если же в ком встречал упорство и неповиновение, то виновного подвергал епитимии. Чтобы утвердить братию в строгом исполнении данного им устава, главное правило которого состояло в том, чтобы ничего не начинать без благословения настоятеля, он дал братии самый разительный урок. Однажды старший над пекарями испек хлебы, не приняв на то, как требовалось по

уставу, благословения старца. Узнавши о том, пр. Корнелий приказал все испеченные хлебы скласть в сани, вывезти на большую дорогу и бросить, чтобы, как он говорил, и собаки монастырские не ели этого неблагословенного хлеба, а хлебов было испечено целых два воза.

Преподобный жил упованием на Господа и Господь охранял его своею защитою, не попуская злым людям наносить ему вреда. Вскоре по прибыли своем на Нурму, за версту от того места, где жил сам, преподобный выкопал на большой Московской дороге колодезь и поставил при нем крест с тем, чтобы проходящие могли утолять свою жажду и оставлять тут свою милостыню, не заходя к нему в пустыню, ибо не хотел, чтобы мирские люди тревожились для обители и своим посещением нарушали безмолвие иноков. Впоследствии тут была поставлена небольшая часовня и одному из братии, по имени Анании, было поручено принимать подаяния и приносить в монастырь. По молитве святого старца подаяния были щедрые, но Анания прельстился ими и стал употреблять их в свою пользу, в чем и был чудесным образом обличен. В обители было обыкновение пред принятием антидора подходить братии и иконе Богоматери и положив поклон целовать ее; когда Анания подошел к иконе и хотел приложиться, икона поднялась вверх, он покушался приложиться к ней в другой и третий раз, но икона (опускавшаяся когда прикладывались к ней другие) всякий раз поднималась на воздух, лишь только подходил к ней Анания, так что он не хотя вынужден был исповедать свой грех.

Хотя блаженный старец, как сердобольный отец, со всеми был кроток и милостив, всех принимал с искренним радушием и любовью и старался утешить и успокоить каждого, – нашлись однако в среде многолюдного его братства двое таких недоброжелателей, которые решились даже убить его. Будучи нарядчиками рабочих и зная, что преподобный и сам пойдет в поле, они, чтобы исполнить свой злой умысел, засели под мостом чрез реку Нурму и ожидали прихода старца. По обывновению своему рано утром старец вышел один, поспешая до обедни сходить в поле, проходя по мосту, он тихо сотворил молитву и спокойно продолжал свой путь, неподозревая о злом

умысле нарядчиков. Между тем нарядчикам, сидевшим под мостом, показалось, что множество людей провожает игумена, почему они и не смели показаться из-под моста, отложив свое намерение до другого времени. Но когда тоже самое повторилось в другой и в третий раз, то подрядчики зная, что провожать Корнилия было не кому и видя его у рабочих в поле одного, объезды были ужасом и со слезами раскаяния пали к ногам игумена, испрашивая прощения в страшном своем грехе. Незлобивый старец великодушно простил им все и ни в чем не отличил их от прочей братии. Так сам Господь хранил своего угодника и достояние его обители.

Преподобный Корнилий всегда был сострадателен и милостив к нищим, но особенно любил раздавать им милостыню в храмовые праздники обители: в день Введения во храм Пресвятой Богородицы и преподобного Антония великого, оделяя в эти дни каждого нищего хлебом, просфорою и деньгою. Случилось однажды, что в навечерие праздника Антония великого собралось в монастырь множество нищих, знавших обыкновение старца, а подавать было нечего. Блаженный припал с молитвою к Богу, прося ходатайства Божьей Матери и пр. Антония, и на рассвете следующего дня пришел посланный от великого князя Василия Ивановичи и принес от него преподобному 21 рубль. Возблагодарив Бога, что Он не презрел его молитвы, блаженный старец с особенною любовью раздал нищим щедрую милостыню, ради их ему посланную. В другой раз в тот же праздник пр. Антония, когда Корнилий по своему обыкновению оделял каждого нищего хлебом, калачем, просфорою и деньгами, многие подходили для принятия милостыни по два, по три и даже до пяти раз, тогда приставники, заметивши злоупотребление и бесстыдство нищих, донесли о том старцу, но он отвечал им: «не трогайте их, они затем пришли» и велел подавать без разбора каждому просящему и за этот подвиг милосердия и любви в тот же день утешен был чудесным видением. Вечером, после соборной молитвы и обычного правила, когда преподобный присел отдохнуть в своей келье и задремал, ему явился в тонком сне великий отшельник египетский в том виде, как изображен был в

церкви на иконе, взял его за руку и велел следовать за собою. Он вывел Корнилия на широкое место, на котором лежали грудками на одной стороне просфоры, а на другой калачи и сказал ему: «вот твое подаяние нищим, собери его к себе в полы одежды», – Корнилий набрал столько, что милостыни стали сыпаться вон из полы. Пробудившись пр. Корнилий подивился видению, со слезами радости рассказал о нем братии и заповедал не только при себе, но и по кончине своей щедро подавать милостыню нищим. Так блаженный нищелюбец хотел благодетельствовать и по смерти!

В самом блистательном виде милосердие и вера пр. Корнилия открылись во время голода, постигшего Вологодскую страну, когда четверть ржи продавалась по рублю и более, да и за эту цену трудно было достать хлеба. Голод усилился до того, что родители бросали своих детей пред воротами монастыри и множество народа со всех сторон устремилось к преподобному, прося хлеба. Блаженный старец устроил для детей богадельню на монастырском дворе и велел их пропитывать, а голодным отворил монастырские житницы и ежедневно выдавал хлеб всем нуждающимся¹⁷⁴ и не смотря на это, по молитвам преподобного обитель не только не оскудевала, но еще более стала во всем изобиловать к величайшему удивлению братии, опасавшейся от чрезмерной щедрости Корнилия голода для самих себя.

Не за одною только телесною пищею собирался народ в пустынную Комельскую обитель, многие приходили для того, чтобы получить благословение духовного старца, послушать его наставлений, посоветоваться с ним о спасении души и получить от него разрешение своих недоумений. Блаженный Корнилий принимал каждого с отеческою любовью и слово его было елеем утешения для страждущих и удрученных какою-либо скорбью сердец. «Корнилий же, дарованием Божиим приходящим к нему с верою вся разрешение, вся сказоваше и всех благословляше и утешение и ни единого скорбна отпускаше». Прозорливый старец проникал в сердце человека, открывал намерения и предсказывал будущую его судьбу. Так однажды, когда пришли к нему два юноши, совершенно ему

неизвестные, он спросил их: «зачем вы пришли сюда в эту бедную пустынь?» «Желаем, отче, отвечали оба, монашеского жития» и стали просить его о принятии их в монастырь, но Корнилий отвечал: «ты, чадо Григорий, войди в эту убогую келью, а ты, Феодор, будешь иметь жену и детей» – сказанное им исполнилось: Григорий был пострижен в монашество под именем Геннадия и сделался любимым учеником преподобного, а Феодор стал семьянином.

Как мудрый духовный наставник и распорядительный хозяин пр. Корнилий, применяясь к древним отеческим правилам, подробно распределил все церковные службы и монастырские работы, чтобы никто не оставался праздным, и внушал всем при всяком рукоделии постоянно иметь в устах молитву Иисусову. Всех и своих и приходящих он учил жить по правилам св.отцов, во всем покоряться воле настоятеля и молитвенно совершать подвиг послушания во все течение жизни; сам преподобный, не смотря на свою старость, усугублял труды, бдение и пост по мере того, как умножалось число братии, как бы желая восполнить их недостатки своими подвигами. Постоянно стремясь к горнему наследию, блаженный Корнилий мало заботился о приобретении вотчин и земных стяжаний, хотя, по расположению к нему великого князя, и мог бы получить многое, он даже продал землю, находившуюся в Пошехонском уезде (подарок князя Семена Андреевича Шилешпанского) – чтобы она не могла служить братии поводом к отлучкам из монастыря. «Инок вне ограды монастырской, что рыба без воды», говорил он братии и как сам постоянно стремился к уединению и безмолвию, так и братию всегда убеждал к тому же. Как пострижение Кириллова монастыря и современник пр. Нила Сорского, блаженный Корнилий не чужд был его духа и во многом усвоил себе его взгляды на монашество. Это сколько радовало одних, лучших из братии, столько же исправилось другим. Ибо и в среде Комельского братства были люди, которые пришли в монастырь не столько для поста и молитвы, сколько для довольства и покоя; таким инокам, при всей своей кротости и снисходительности, пр. Корнилий не мог не высказывать иногда

истины и не делать справедливых замечаний и внушений, они-то и распространяли ропот и неудовольствие на блаженного Корнилия. Как основатель монастыря и игумен, он имел полное право удалить их из своей обители, а как старец уважаемый великим князем весьма легко мог сделать это, по незлобивый старец, давая место гневу, не хотел их беспокоить и решился сам удалиться в возделенное ему уединение. Напрасно лучшие из братии уговаривали его не оставлять своей обители, старец остался непреклонным и сказав им, что если и расстанется с ними телесно, душою всегда с ними будет, приказал собрать всю братию, избрал 12 старших учеников и заповедав им строго держаться данного им устава, поручил их управление обитель. Устроивши таким образом дела в Гомельской обители, пр. Корнилий с одним только учеником своим Геннадием, вышел из монастыря и отправился искать себе уединенного места для подвигов. Когда они пришли в костромские леса, то старцу понравилось место на берегу Сурского озера близ реки Костромы верст за 70 от Комельского монастыря, они построили здесь себе келью и стали жить отшельнически в непрестанных трудах, посте и молитве. Корнилий, не смотря на свои преклонные лета, сам рубил лес и копал землю для посева хлеба.

Узнавши место его жительства, братия посылали просить преподобного, чтобы возвратился в обитель и продолжал руководить их ко спасению, но блаженный старец и первоначально принявший начальство неохотно, только по усиленной просьбе братии, теперь как птица, вырвавшаяся из сетей, рад был тому, что освободился от тяжелой заботы о других, и в тишине пустынной кельи может посвятить себя заботам о собственном спасении, поэтому, не смотря на просьбы и слезы посланных, не захотел возвратиться. Вскоре по удалении пр. Корнилия в пустыню, великий князь Василий Иванович по пути в Кириллов монастырь на богомолье для испрошения чадородия, посетил (зимою 1529 года) Комельский монастырь и весьма удивился, не нашедши в нем Корнилия. Государь спросил братию, – по какой причине удалился от них Корнилий по благословной ли вине или вследствие какого-

нибудь неустройства и неприятности? Братия отвечали, что он ушел от них любви ради Христовой, и со слезами просили великого князя, чтобы он понудил старца возвратиться в свою обитель. Тронутый их просьбами и слезами, государь тогда же послал к Корнилию нарочного с повелением, чтобы он возвратился в свой монастырь и ожидал его возвращения из Кириллова. Пр. Корнилий, возвратившись в обитель, взял с собою трех учеников и отправился с ними в Вологду на встречу великому князю. Василий Иванович рад был свиданию с великим старцем, долго беседовал с ним и просил его молить Господа и Матерь Божию, дабы даровано было ему чадородие, и потом с честью отпустил его в монастырь. На обратном пути великий князь в другой раз постил Комельскую обитель и долго убеждал преподобного не оставлять своего монастыря. Но пр. Корнилий кротко объяснил великому князю, что его дряхлость требует покоя и безмолвия, и просил отпустить его в пустыню. Государь, опасаясь огорчить старца, оставил на его волю – оставаться в монастыре или удалиться в пустыню, а для облегчения его трудов в Сурской пустыне, назначил ей оброчное содержание, в монастырь же дал от себя вкладу 50 рублей и приказал теплую церковь пр. Антония великого вместе с трапезою обить досками. По возвращении в Москву великий князь тотчас же послал в монастырь на имя Корнилия жалованную грамоту, которою предоставлялось получать от вологодских таможенников ежегодно на крещение Христова по пяти рублей на рыбу. По отъезде великого князя из монастыря скоро и старец Корнилий снова удалился в свою пустыню и предался обычным трудам и молитве. Однако ни дремучие леса, ни топкие сурские болота не доставили ему вожделенного безмолвия и уединения. И сюда один за другим стали приходить к нему люди, желавшие с ним сожительствовать, они построили себе кельи близ жилища старца и стали помогать ему в пустынных трудах. Когда собралось таким образом до шести иноков, пр. Корнилий вознамерился и здесь построить церковь и с этою целью отправился с одним учеником в Москву (в 1531 г.) просить государя и митрополита о дозволении построить храм. Не задолго пред тем временем у великого князя родился сын

Иван, – государь, обрадованный рождением наследника, находился в то время в Сергиевом монастыре, куда отправился для принесения благодарственной Богу молитвы. Здесь Корнилий встретил великого князя, который принял его с великою честью как ангела Божия, благодарил за принесенное им поздравление и, намереваясь пробыть в обители еще несколько времени, послал старца вперед себя в Москву, чтобы он благословил великую княгиню и новорожденного так как его молитвам приписывал исполнение своего желания. Возвратясь в Москву Василий Иванович осыпал Корнилия своими щедротами, ежедневно призывал к себе на трапезу, сверх того посылал ему и на дом все необходимое для пищи – что старец тайно раздавал нищим и маломощным. Но когда Корнилий стал просить дозволения построить в Сурской пустыне церковь, великий князь, вспомнил слезное моление комельской братии и данное им слово возвратить старца в обитель – решительно отказал Корнилию в его просьбе и объявил, что он должен возвратиться в свой монастырь и по прежнему управлять братиею. Такое приказание великого князя показалось тяжким для любителя безмолвия; Корнилий вполне надеялся на благосклонность и согласие государя, неожиданный отказ поверг его в великую скорбь, так что желая избавиться от управления обителью и уклониться от житейской молвы – решился скрыться в самой Москве в доме одного христолюбца. Великий князь, не видя у себя старца, приказал его искать по всему городу, Корнилий у знал об этом и, чтобы не навлечь неприятности на хозяина дома, в котором жил, тайно вышел из Москвы и удалился в Троицкий Сергиев монастырь. Здесь с любовью был принят настоятелем и братиею и стал жить в совершенном безмолвии, когда же весть о нем дошла до великого князя, он приказал прекратить поиски и не велел тревожить старца, однако по случаю праздника Богоявления прибыв сам в Троицкий монастырь, великий князь опять начал сильно убеждать Корнилия непременно возвратиться в свой монастырь. Старец не смел более противиться воле великого князя и принял сильное желание и настойчивость государя за указание воли Божией. Великий князь весьма рад был согласию

старца и тотчас же послал в Комельский монастырь нарочного с приказанием старцам придти и самим упросить своего авву, склонившегося на волю великого князя. Старцы скоро пришли, своими слезами и молениями тронули Корнилия, который окончательно согласился возвратиться в свою обитель и вместе с ними предстал пред лицо государя, прося себе отпущения. Довольный его согласием великий князь сам вызвался наделить Комельский монастырь землями и вотчинами. «Слышал я, сказал он Корнилию, что монастырь твой не имеет ни сел, ни деревень, проси, что тебе нужно – дам все, – но преподобный отказался и просил только чтобы приписали к монастырю несколько земли с лесом, находившейся в окрестностях монастыря и уже в поте лица возделанной руками преподобного, просил для того, чтобы братия могли спокойно доставать себе хлеб трудами рук своих, так как это был единственный источник содержания обители. Подивился государь нестяжательности старца и приказал отвести монастырю землю с починками, лесом и со всякими угодьями, дал Корнилию все необходимое на дорогу и отпустил с миром, прося себе его молитв и благословения. Велика была радость в Комельском монастыре при возвращении Корнилия. Вся братия вышла из монастыря на встречу преподобному и приняла его как ангела Божия, каждый искал припасть к ногам его или хотя прикоснуться к его одежде. Рад был и сам старец, видя такое усердие и единокровие братии, он всех обнимал и целовал с отеческою любовью и всем преподавал благословение. Достойный ученик его игумен Кассиан, по избранию самого старца управлявший монастырем во время двухлетнего его отсутствия, тотчас же сложил с себя начальство, желая попрежнему быть в послушании своего учителя. Принявши снова управление монастырем, пр. Корнилий, не смотря на свои преклонные лета, предался обычным трудам, рубил лес и возделывал землю для хлебопашества. Однажды братия, поваливши лес, пошли отдохнуть, а старец остался собирать хворост, чтобы сжечь его и очистить место, но когда он зажег хворост, пламя и дым окружили его со всех сторон и огонь столько усилился, что не было возможности выйти из него, тем

более, что от дыму невидно было куда надобно бежать. Предстояла неминуемая опасность быть сожженным за живо, старец, видя это, призвал Бога на помощь и в ту же минуту с запада подул столь сильный ветер, что дым и пламя мгновенно рассеялись и он как по улице невредимо вышел из среды огня. Чудо было столь очевидно, что сам старец почёл нужным рассказать о нем братии и, благодаря Бога за свое избавление от огня временного, напоминал братии об огне геенском. Так при каждом удобном случай старец, как мудрый и опытный наставник, старался назидать братию, особенно внушая им ни в чем не иметь своей воли, во всем хранить смиренномудрие, пребывать в непрестанных трудах и в совершенном отчуждении от всего мирского, молитвенно ожидая часа смертного. «Ибо, говорил он, нынешняя временные страдания, лишения и труды ничего не стоят в сравнении с наградами и славой, которые уготованы нам в будущем. Никто не должен считать за великое и хвалиться тем, если оставил какие-либо блага в мире, богатство, славу, честь и тому подобное. Ибо, если бы он не оставил их сам, так они и против его воли оставили бы его при смерти». Побуждая всех к трудам и подвигам, особенно юным советовал всячески избегать праздности, обуздывать свои страсти телесными трудами и беречься всего, что может возмущать покой души.

Не позволяя себе ни малейшего послабления против прочей братии, но являясь еще везде первым, как в церкви, так и в поле, пр. Корнилий не отличался от них и в одежде и часто носил еще худшую, именно ту, которая другим казалась уже негодною. Так когда инок Закхей пришел к нему в манти, зашитой лыком, и стал просить лучшей мантии, пр. Корнилий отдал ему свою, а его мантию надел на себя и долго еще ходил в ней, поучая братию стыдиться не одежды худой, а дел темных.

Достигнув глубокой старости, будучи отягчен недугами и чувствуя приближение смерти, пр. Корнилий хотел остаток дней своих провести в затворе, так как ему тяжело уже было управлять умножившеюся братиею и он не мог по прежнему быть везде первым и во всем подавать пример другим, а

управлять монастырем какнибудь и только числиться игуменом он не хотел и считал за грех. Поэтому, собравши всю братию и в продолжительном поучении изобразив обязанности иноков, он велел им строго соблюдать монастырский устав, а сам удалился в Кириллов монастырь, где принял иноческое пострижение и затворился в келье, чтобы в безмолвии окончить многотрудный подвиг иноческого жития и лучше приготовиться к смерти. Братия оставленноаго им монастыря послали к нему пять старших и уважаемых старцев просить его возвратиться в обитель, а если не хочет управлять ею, то по крайней мере для утешения братии, тяготившейся разлукою с ним, возвратился бы безмолвствовать в свою обитель, – но старец не хотел и слышать об этом. Тогда посланные обратились с просьбою к игумену и старейшей братии Кириллова монастыря, чтобы они помогли им убедить преподобного. Корнилий послушался советов игумена (Досифея) и Кирилловской братии и согласился возвратиться в Комельский монастырь, но с тем, чтобы братия, прежде его возвращения, избрала себе другого игумена. Посланные спросили его: кого он хочет назначить себе преемником? Лаврентия, отвечал старец. После сего посланные поспешили возвратиться в свой монастырь и едва могли всем братством убедить Лаврентий принять игуменство. Согласившись наконец на просьбу братии, Лаврентий сам отправился в Кириллов умолять старца возвратиться в свою обитель и не оставлять сирым собранного им стада. Усердие и любовь учеников победили учителя: умилившись слезами и прошениями братии, особенно игумена Лаврентия, пр. Корнилий простился с Кирилловскими старцами, и сопровождаемый своими учениками, направился в свой монастырь, полагая, что совершает уже последнее свое земное странствование. Но Бог судил иначе. По прибытии в Комельский монастырь, пр. Корнилий утвердил выбор нового игумена, сдал ему управление братиею и потом затворился в келье, не помышляя более ни о чем земном и ожидая только часа смертного, но вскоре еще раз он должен был оставить монастырь и уже не один, а вместе со всю братиею.

В 1538 году казанские татары вторглись в пределы России и достигли окрестностей Вологды, все предавая огню и мечу. Слух о приближении врагов встревожил учеников Корнилия, они поспешили уведомить его о приближающейся опасности и о том, что многие и мирские люди и иноки спасаются от татар бегством, и получили от него такой совет: «сотворим человеческое, бежим и мы, да не вменится нам в гордость. Если мы уцелеем, оставшись здесь, то не избежим от беса тщеславия. Не добро самим вдаваться в беду, Христос всемогущий сам бежал от Ирода в Египет, да научатся и другие не вдаваться в напасти». Рассудив таким образом, он вместе с братиею вышел из монастыря и уклонился в белозерские пределы на Ухтому и там молился Богу о сохранении своей обители. Между тем татары, опустошив многие села, деревни и соседние – Иннокентиеву пустынь и Павлообнорский монастырь, устремились, по указанию вожатых, к Корнилиеву монастырю. Но когда они подошли к нему ближе, то он показался им большим, укрепленным городом, окруженным множеством войска, готового к сражению. Считая себя обманутыми, татары избили своих проводников и сами в страхе бежали. Пр. Корнилий, услышав об этом, вместе с братиею возвратился с Ухтомы в свою обитель, радуясь и благодаря Бога за чудесное ее избавление, – он снова затворился в келье, день и ночь проводя в молитве и готовясь к конечному исходу. Но и в это время, угнетаемый старостью и недугами и уже отказавшийся от всего, он, как чадолюбивый отец, не отказывался благодетельствовать и помогать страждущим. Еще при жизни он обладал даром исцелений и хотя сам страдал от недугов, но исцелял болезни других, самым делом показывая, что сила Божия в немощах совершается. У инока Иова был укушен палец, от чего вся рука разболелась, когда же он, во время вечернего правила, подошел к пр. Корнилию и показал ему свою больную руку, то старец только взглянул на нее и сотворил молитву и – болезнь тотчас же прошла.

Монастырский служитель Василий был послан Корнилием на какое-то дело вне монастыря и там был ранен ножом столь сильно, что его еле живого принесли в монастырь. Когда

сказали о том Корнилию, то он велел позвать к больному духовника, а потом и сам пришел посетить его; подойдя к больному, он ткнул пальцем в его рану, отчего больной вздрогнул и вскричал, но в ту же минуту почувствовал себя совершенно здоровым. Священник, причащавший больного, видя, что он уже умирает, зашел к нему на другой раз в уверенности, что он не доживет и до утра, – каково же было его удивление, когда он нашел его совершенно здоровым, как будто он и ранен не был. На другой день Василий вместе с прочими пошел опять на работу.

В числе ближайших и любимых учеников Корнилия был юноша Геннадий, с детских лет посвятивший себя иноческой жизни и старавшийся во всем подражать своему учителю. Когда пр. Корнилий удалился в Сурскую пустыню, он из всей братии только его одного взял с собою, по возвращении же в монастырь сделавшись болен, приказал ему жить в своей келье, чтобы пользоваться его услугами. Подобно своему учителю Геннадий тяготился многолюдством общежития и стремился к безмолвию, поэтому теперь видя учителя своею день от дня изнемогающим более и более, и выбрав время стал просить его благословения по кончине его жить в безмолвии в Сурской пустыне. «Не можешь места того строити, будучи безграмотен» – сказал ему старец; но Геннадий, припавши к его ногам, со слезами продолжал просить его; «отче честный, я не строить желаю, а плакать о грехах моих; благослови меня отче». Тогда Корнилий видя, что ученик его просит с верою, благословил его и сказал: «Господь Бог наш Иисус Христос с тобою и пречистая Богородица да будет тебе помощница; место то воздвигнется и ты от многих познан будеши», что все и исполнилось.

Вся жизнь Корнилия была одним непрерывным служением Богу и ближним, как светильник, поставленный на свещнице, он светил современникам своими добродетелями. Ему было уже более 80 лет от роду; от старости и трудов, от различных скорбей и лишений здоровье его расстроилось, силы ослабели, жизнь видимо в нем догорала, но и теперь он не хотел изменять и ослаблять своего правила, а когда ему бывало легче, по прежнему приходил в церковь. Весною (1538 года) ему стало

тяжелее и наконец горячка совершенно изнурила его и уложила в постель. Чувствуя приближение кончины, блаженный старец велел созвать к себе игумена и всю братию, которой было тогда 90 человек кроме послушников, и преподал им последнее наставление, заповедуя и после своей смерти строго исполнять данный им устав, для этого чаще прочитывать его на братской трапезе, совершать церковную службу со вниманием и благоговением и жить друг с другом в мире и согласии. «Когда будете совершать о мне поминовение, присовокупил старец, остатки братской трапезы раздавайте нищим». В пятницу четвертой недели по Пасхе блаженный старец велел вести себя в церковь к Божественной литургии, в последний раз причастился святых Таин и в субботу совершенно ослабел и начал крайне изнемогать. Братия со слезами и плачем окружили его одр и видя его предсмертные страдания, столько скорбели и плакали о нем, что многие из них не хотели пережить его и желали умереть вместе с ним, чтобы только не разлучаться со своим наставником и отцом. Некоторые из них, не имея возможности сдерживать своих рыданий, сказали ему: «без тебя, отче, опустеет и монастырь наш, потому что когда тебя не будет, многие из нас оставят это святое место и разойдутся в разные стороны». Тогда старец, видимо перемогая себя, уже слабым и прерывающимся от болезни голосом, ответил им: «братия и чада мои! не скорбите о том, что уже пришло время почить мне и разлучиться с вами: не сиротами оставляю вас, но предаю вас Богу и Его пречистой Матери. Он да сохранит вас от всех козней лукавого! Ученик мой игумен Лаврентий заменит вам меня и восполнит недостатки ваши. Почитайте его, как меня самого». Преподобный занончил свою беседу увещанием, чтобы не было между ними никаких ссор и вражды, но чтобы все жили друг с другом в братской любви и согласии. Тогда все стали подходить к нему, со слезами прося последнего его благословения; умирающий старец, как чадолюбивый отец, с любовью всех целовал и благословлял и сам у каждого просил себе прощения и молитв, приказавши в то же время читать часы, канон Иисусу Христу, акафист Богородице и канон великомученице Екатерине¹⁷⁵. По прочтении канонов старец сам

поднялся со своего ложа, взял кадилъницу и скадив фимиамом св. иконы и предстоявших, снова распростерся на одре и с молитвою на устах тихо предал душу Богу, так что и предстоящие не заметили его кончины, ибо лице его было светло и весело и казалось, что старец не умер, а только уснул. Блаженная кончина его последовала в пятую неделю по Пасхе 19 мая 7046 (1538) года.¹⁷⁶

Ударили в колокол к утрени и игумен Лаврентий с братиею с великою честью на головах понесли тело отца своего в церковь, где немного успокоившись от слез и рыданий, совершили воскресную службу. В тот же день весть о кончине пр. Корнилия разнеслась по окрестности; в понедельник по утру собрались игумены ближайших монастырей и по совершении Божественной литургии при чрезвычайном стечении народа, при всеобщем плаче и рыдании, многотрудное тело преподобного было погребено близ церкви Введения во храм Богородицы, – в 41 год по пришествии Корнилия на это место и на 82 году от рождения его.

Великий подвижник своим примером и наставлениями воспитал много мужей высокой духовной жизни, бывших впоследствии основателями других обителей, так его обитель сделалась рассадником иночества. Преподобные Кассиан и Лаврентий – игумены Комельские, Кирилл Новоезерский, Иродион Илоезерский, Симон Сойгинский, Геннадий Любимский, Филипп Иранский, Адриан Пошехонский, Даниил Шужгорский были его постриженниками и учениками.

Вскоре Бог прославил своего угодника. Многие из его учеников и посторонние люди, знавшие преподобного лично и бывшие свидетелями его подвигов и чудес, совершенных им еще при жизни, начали призывать его и по смерти, посещать могилу старца и по вере своей получали просимое. Поэтому уже на четвертый год по преставлении старца, как в его монастырь, так и в вологодском Софийском соборе и во всей вологодской стране стали ублажать его, как угодника Божия, и совершать память его по особо сочиненной службе. Были ли в это время записываемы в Корнилиеве монастыре чудеса, совершавшиеся при гробе преподобного, неизвестно, так как в 1552 году

случился в монастыре пожар, во время которого сгорели даже некоторые жалованные монастырю грамоты. В древнем рукописном житии преподобного значится только 10 чудес и сам жизнеописатель говорит, что он написал из многого малое, только то, что было пред ним незадолго¹⁷⁷. Вот некоторые из чудес преподобного.

Комельский помещик князь Семен Иванович Гагарин, сделавшись нездоров, приказал возить себя в монастырь пр. Корнилия, приложился с молитвою ко гробу его и тотчас получил исцеление. В благодарность за это князь возложил на гробницу пр. Корнилия камчатный покров и поставил пред нею местную свечу¹⁷⁸, которую игумен приказал зажигать на все воскресные и праздничные дни, что и продолжалось во все последующее время, пока не случился в монастыре недостаток воску. Прошло много времени, как свечу совершенно перестали зажигать и совсем о ней забыли, но вот однажды (8 сентября) в воскресный день в первом часу дня казначей Иов, проходя мимо гроба преподобного, увидел, что свеча зажжена, и донес о том игумену. Но когда казначей, келарь и некоторые из братии пришли ко гробу преподобного и стали молиться со слезами, то по окончании их молитвы во втором часу дня, свеча, доселе ясно горевшая, вдруг угасла сама собою. Это случилось в 18 год по преставлении преподобного. В том же году в 9 пятницу по Пасхе во время вечерни (5 июня) также свеча зажглась в другой раз сама собою и с того времени снова стали зажигать свечу на все праздники.

Пришел в Комельский монастырь инок Корнилий из Владимира, он два года страдал зубною болезнью и был принят в число братии. По прибытии его в монастырь болезнь усилилась до того, что в течение многих дней он не мог ни есть, ни пить, ни спать, – лицо и вся голова затекли у него так, что страшно было и взглянуть на него. К кому ни обращался он за советами, чем ни лечился – пользы не было. Тогда больной, услышав, что многие получали исцеление при гробе пр. Корнилия, один раз поздно вечером после мефимонов тайно пришел к его гробу и припадши к нему долго и усердно молился, призывая на помощь преподобного. После молитвы

возвратившись в свою келью, он сел на лавку, думая о том, чем бы ему облегчить свою нестерпимую боль. Вдруг келья его осветилась необыкновенным светом, ему явился пр. Корнилий с жезлом в руках и сказал: «ложись на твою постелю, помилует тебя Бог». Больной стал отрицаться, говоря, что болезнь не позволяет ему прилечь, но преподобный во второй раз сказал ему: «ложись и отдохни немного, помилует тебя Бог». «Отче! возразил больной, видишь лицо и голову мою как отекли, как же мне прилечь на постели?» Тогда пр. Корнилий в третий раз сказал ему: «помилует тебя Бог, ложись» и указал перстом своим место, куда лечь. Инок, чувствуя нестерпимую боль, едва согласился послушаться старца и с великим трудом приклонил голову свою к постели и тотчас же крепко уснул. Заблаговестили к утрени и живший с ним другой инок пришел будить его; «всю ночь не дал ты мне спать, а ныне, когда надобно идти к утрени – спишь» – сказал он ему с упреком. Корнилий пробудившись не чувствовал уже никакой боли и ощутив лицо и голову нашел, что и опухоли не стало.

Некто Мокий, живший неподалеку от монастыря, сделался нездоров: у него отнялась нога и он не только долгое время не мог встать с постели, но и уснуть ночью. Когда однажды ночью он обратился с молитвою к пр. Корнилию и положил обещание идти в монастырь и поклониться его гробу, то в ту же ночь почувствовал себя совершенно здоровым и на другой день придя в монастырь, исполнил свой обет.

Монастырский крестьянин Прокопий Шестак был мучим нечистым духом, хлеба не ел. Богу не молился, ни с кем ничего не говорил, страшно терзал себя и нападал даже на других людей, так что соседи вынуждены были вязать его. Когда его привели в монастырь и сам игумен с диаконом пел о нем молебен при гробе пр. Корнилия – сродники заставляли его молиться Богу и принуждали к этому побоями, но он не слушал их и только грыз пальцы своих рук. Из церкви его отвели в келью, где ночью явился ему пр. Корнилий с крестом в руках и осенив его им сказал: «Прокопий! молись Господу Богу и не будет тебе зла от неприязненного духа и я не велю бить тебя». Прокопий тотчас же пришел в себя, от радости вскочил и

разбудив бывших с ним, рассказал им о явлении ему преподобного. На другой день игумен зашел в келью посетить его, потому что от бесовского томления, неядения и побоев он был очень худ и едва мог сидеть, но Прокопий вскочивши начал просить игумена: «Отче, прошу тебя, не вели бить меня, ибо я уже молюсь Богу, да и Корнилий не велел бить меня», и подробно рассказал о бывшем явлении ему преподобного.

Монастырские работники, жившие вне ограды в кельях, ночью на 1 августа 7159 (1651) года, были разбужены криком: «Корнилий, Корнилий!» Вставши они увидели совершенно нагого человека, лишившегося рассудка, который ходил около монастыря и бил руками в монастырские ворота, крича: Корнилий, Корнилий. На все их расспросы он отвечал только то, что Корнилий привел его к монастырю, сам прошел в ворота, а его не пустил, потому он и стучится. По утру, когда с благовестом к утрени отворены были малые монастырские ворота и сторожа хотели ими провести безумного в монастырь, он не пошел, а вырвавшись от них и толкая в святые ворота, кричал: «сюда, в эти ворота прошел Корнилий». По приказанию игумена его привели в церковь, где он увидевши раку и на ней образ преподобного, говорил со смехом: «вот этот Корнилий привел меня к воротам, когда же ему показали на иконостасе изображения других угодников и спросили: не этот ли, или не тот ли привел тебя сюда, то безумный в ответ обращался к раке преподобного и указывая на нее кланялся ей. Тогда игумен со священниками начал петь молебен преподобному и когда по окончании молебна подвели безумного к раке и заставили поцеловать образ преподобного, то он тотчас же пришел в рассудок и со слезами рассказал о себе, что он Сергей – крестьянин деревни Кибаш обнорской волости, от чего лишился рассудка – не знает, не помнит когда и кто снял с него одежду и где он ходил по лесам, полям и деревням. В этом жалком положении ему явился светлообразный старец, назвавший себя Корнилием, он взял его за руку и сказал: «иди за мной в дом пречистой Богородицы, в наш монастырь, будет тебе милость Божия, да и я помогу тебе» и когда довел его до святых ворот монастыря, то вдруг стал невидим, потому он и стучал в ворота

и просился в монастырь. Сергей хорошо запомнил вид старца и говорил, что он был сед, светел лицом, взгляд имел кроткий и умиленный, в руках у него был посох, или клюка искусной работы и что каким он изображен на иконе, таким точно явился и ему. Сергей пробыл после исцеления три дня в монастыре, радуясь и благодаря Бога за свое чудесное исцеление.

В 1600 году 21 февраля патриарх Иов соборно установил память пр. Корнилия праздновать повсеместно.

Мощи пр. Корнилия ныне почивают у северной стороны церкви, посвященной его имени, под балдахином и ракою, обложенною медными посеребренными досками; на раке находится образ преподобного во весь рост, украшенный серебряною ризою. По наружному виду пр. Корнилий сед, кудревата, брада низкая. Из вещей ему принадлежащих, доселе сохранились следующие: священническая его грамота¹⁷⁹, часть власяницы и белая шелковая с красным камчатным оплечьем фелонь, весьма ветхая и ушитая заплатами.

Корнилиев монастырь с самого своего основания до 1693 года управлялся игуменами, а в сем году, по прошению вологодских граждан, для большей чести и прославления преподобного, патриарх Андриан установил в нем архимандрию с среброкованною шапкою. Крестьянин считалось за ним 3088 душ. По штатам 1764 года монастырь поставлен в III класс с игуменским настоятельством.

Свое письменное наставление братии пр. Корнилий озаглавил так: устав или правило о жительстве, от святых Божественных писаний избранно, о устроении преданных нами образ от святых отец во спасение душам и писанием вdana сущим о Христе братьям моим, во обители пресвятой Богородицы, честного Ея Введения, в ней же жительствуем – и разделил на XV глав. В нем после трогательного предисловия, в некоторых местах сходного с предисловием к уставу пр. Нила Сорского, в I главе говорится о церковном благочинии во II, о благочинии трапезы, в III, о пище и питии, в IV, о том, чтобы не есть и не пить нигде, как только в трапезе, в V, о одежде. Каждый брат пусть имеет две одежды, одну ветхую с заплатами, другую крепкую, прочее – дело тщеславия и соблазн

для братии; в VI, о том, что не следует ничего просить себе у сторонних; в VII, о том, что не следует иметь никакой собственности. «Инок, имеющий в общежитии что либо свое, малое или великое, чужд любви Божией;» в VIII, о том, что не следует брать ничего без благословения настоятеля; в IX, о том, что недолжно ходить безвременно в трапезу; в X, о том, что на общей работе следует быть с молчанием и молитвою; в XI, без особенной нужды не посещать ни родных, ни чужих; в XII, не принимать подаваний для себя. «Если бы кто из великих людей или кто бы ни был, захотел раздавать милостыню по рукам: пусть лучше не будет такой милостыни, нежели принимать ее на раззорение общежития». В XIII, не терпеть в обители хмельных напитков; в XIV о том, как принимать приходящих в монастырь с именем и в XV, о том, как поступать с вышедшими из монастыря, когда они снова придут в него. – Все это написал я недостойный и грешный иннок Корнилий моею рукою и предал брани моей, говорится в заключении. Желая, чтобы как при жизни моей, так и по смерти, соблюдаемо было сие предание и часто прочитываемо для напоминания к пользе душевной, да будут словеса сии в осуждение в день суда. И о мне грешнем, господие мои, молитв Бога, яко да вашими молитвами получу от Христа Бога милость в день славного Его пришествия.

Чтобы более и ближе познакомиться с духом и характером пр. Корнилия, мы приводим здесь вполне предисловие его к уставу. Кроме того, что оно исполнено смиренномудрия, дышет простотою первых времен христианства и живо представляет читателям самого писателя, устав Корнилия есть единственный памятник, дошедший до нас от трудов Вологодских чудотворцев.

Благословением Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и споспешением Его пречистой Матери, написал я для себя душеполезное сие писание и для присных моих братий о Господе, которые мне единовравны. Я вас называю братиею, а не учениками, ибо один у нас есть учитель Господь Иисус Христос, Сын Божий, давший нам божественное писание и по Нем святые Апостолы и преподобные отцы, научавшие и доселе поучающие человеческий род. Все они сами прежде делали

благое и потом уже иных поучали, а так как я не был доселе делателем ни единого блага, то, по крайней мере, изложу божественное писание для тех, которые хотят спастись.

Писание говорит, что мы здесь пришельцы и пресельники (Евр. XI, 13), после же смерти ожидает нас вечная жизнь, или в радости, или в муке обретаться будем судя по тому, как воздаст Господь каждому по его делам. Посему подобает наипаче заботиться о той жизни, что после нашей смерти и я доколе еще жив, предаю писание сие братии моей о Господе для моего и их спасения, возбуждая совесть их к лучшему, дабы сохранили себя от нерадения и дурной жизни и от людей мудрствующих одно плотское, которые по лености впали в сети общего нашего врага.

Много мирских людей приходит к нам, желая пострижения; я же, хотя и грешен и неразумен и немощен душою, однако приемлю и постригаю приходящих ко мне. Стекаются также и некоторые братия из других монастырей, желая с нами житьельствовать, я принимаю и их, хотя вовсе не желаю начальствовать, лишь бы всем нам, малым и великим, сохранить заповеди Божии и предания св. отец и жить в совершенном согласии, не извиняясь тем, что будто бы невозможно ныне следовать по стопам святых отец. Если мы и немощны, довольно уже и того, что хотим последовать, хотя и не можем с ними сравниться. Не желающие соблюдать сего устава, пусть перестанут докучать моему окаянству, ибо не я прихожу к ним, чтобы у них начальствовать. Если и у нас живущие не стараются все сие соблюсти и не слушают наших слов, не дам я за них ответа Богу и невинен буду в их самочинии; если же хотят они жить по сему уставу, тем охотнее приемлю их, возвещая им слово Божие, хотя и сам не исполняю его. Но быть может, ради их послушания и молитв, сподоблюся и я спасения.

Много нас глаголющих и мало творящих, говорит св. Максим: слово Божие никто не должен таить своим нерадением, но исповедать свою немощь и не скрывать Божией истины, да не будешь повинны в преступлении заповедей. Трепещу пророческого писания, возвещающего, что настоятель будет

истязан за всех под ним сущих. Если может отсечь их от зла и не отсекает, то Бог взыщет от руки его кровь их, и сам он вместе с ними погибнет за нерадение; если же обличить их, но невозможен удалить от зла, по крайней мере избавить тем собственную душу, они же умрут в грехе своем. Посему умоляю вас отцы и братия, и чада мои возлюбленные, ради любви Христовой и спасении моего же и вашего, попечемся о душах наших, поскорбим о мимошедшем времени жития нашего и подвигнемся для будущих благ, дабы, проводя в нерадении здешнее житие, не быть нам осужденными в страшное пришествие Господне. Каким образом узрим мы своими очами, в день Господень великий, страшное лицо Христа, сияющее паче солнца, когда будет определять праведным неизреченное благо, грешным же томление и муки?

Что может быть тяжелее и горче той скорби и печали и для нас постыднее того, как говорить св. Ефрем, когда увидишь, что мирские люди жившие с женами и детьми и заботившиеся о мирском, удостоены дарения небесного, а мы, которые все оставили, отца и мать, жену и детей и присных и весь мир и все, что в нем есть сладкого, мы, постоянно пребывающие в скорбях и бедах, борясь с телесными страстями нашими, как бы со львом и змием, мы осуждены будем с мытарями и грешниками, ради малого небрежения и преслушания? Каким образом, оставив большее, неразумно прельщаемся ничтожным и ради того отпадаем от любви Христа Бога и в страшный час смерти люто истязаны будем! Если, по словам Василия великого, сами духовные отцы наши великие светильники и св. мученики не без истязания проходили мытарства воздушный в час разлучения души от тела, то мы окаянные как избежим их? И какое помилование получим ежечасно прогневая Господа, живя беззаботно во всяком довольстве, имея готовыми пищу и одежду и все, что потребно для тела, если о единой душе нашей не хотим позаботиться? Мы не только не имеем в памяти нашей того, что совершенно отреклись от мира и обещались Христу терпеть всякую скорбь и тесноту иноческого жития, в постоянном послушании и нищете; но даже и о малом своем правиле не хотим иметь заботы, – о том, как подобает нам быть

в церкви и в келье и таким образом без всякой заботы о нашем спасении живем в обители просто, как миряне.

Нам кажется уже весьма важным то, что мы отреклись от мира словом, хотя на деле нисколько и не хотим подумать о том, что вскоре должны умереть, как отцы наши и братия предстать нелицемерному судилищу Христову, чтобы воздать Ему ответ за все наши дела, слова и помышления. По истине страшен и немилостив суд сей нерадивым. Аще бо праведник едва спасется, нечестивый же и грешник где явится? (1 Петр. IV, 18). Потому, хотя отныне попечемся о заповедях Господних, о отеческих преданиях, написанных нам в уставе на основании священного Писания и по завещанию великого Василия, который говорит, что прежде всего подобает инокам, находящимся в общежитии, не иметь ни в чем своей воли, но во всем повиноваться настоятелю и держаться послушания со смирением и трудиться телесно сколько есть сил и быть готовым на всякое послушание, особенно же молодым, чтобы все исполнять в обители со тщанием и благообразно по установленному порядку.

Преподобные Кассиан и Лаврентий игумены Комельские

В списке св. угодников Вологодских, составленном Киевским митрополитом Евгением¹⁸⁰, находятся между прочими Кассиан и Лаврентий – игумены Комельского монастыря; но кроме некоторых сведений, находящихся в житии самого пр. Корнилия, до нас не дошло никаких известий об этих учениках и преемниках пр. Корнилия. Вероятно это произошло от того, что современники преподобного, пораженные величием его подвигов, как бы не замечали и не обращали должного внимания на труды и подвиги его учеников, как при ярком свете луны не заметно бывает блистание звезд; оттого и то, что во всякое другое время показалось бы удивительным и достойным памяти, – они считали делом обыкновенным тем более, что тогдашнее братство Корнилиева монастыря изобиловало подвижниками, старавшимися во всем подражать своему учителю и превзойти друг друга в добродетели. Однако все это не только не служит к унижению пр. Кассиана и Лаврентия, а еще более их возвышает. Уже одно то, что они самим Корнилием признаны были достойными быть его приемниками, когда в числе братии монастыря находились: Кирилл Новоезерский, Симон Сойгинский, Филипп Иранский, Иродион Илоезерский, Даниил Шушгорский и Геннадий Любимский – показывает, каковы были пр. Кассиан и Лаврентий. Выходя из монастыря в пустыню, пр. Корнилий сказал плачущей братии, что где он ни будет, сердце его всегда будет с ними; мог ли же он отдать свою братию руководству этих лиц, если бы не был вполне уверен, что они могут заменить его? Из 90 человек монастырской братии пр. Корнилий мог выбрать себе преемников способных и достойных и если его выбор пал на Кассиана и Лаврентия, то мы можем заключать отсюда, что это были лучшие и первые из его учеников; единодушное согласие братии на их избрание в игумены показывает, что и братия ценила их высокою добродетели. Таковы были эти св. старцы, о жизни которых нам почти ничего неизвестно.

Когда пр. Корнилий, тяготясь управлением многолюдной обители, удалился (в 1529 году) в Костромские леса, на Сурское озеро, то управление братией поручил 12 старшим ученикам своим. Нашли ли они это неудобным или по другой какой причине, только во время отсутствия пр. Корнилия, более двух лет монастырем управлял игумен Кассиан, избранный братиею с благословения и согласия старца. Игумен Кассиан старался во всем подражать пр. Корнилий и строго исполнял его устав; памятником его забот о благоустройстве обители служит доселе сохранившаяся грамота в. князя Василия Ивановича, данная при нем монастырю на лес и землю. Когда по воле в. князя, пр. Корнилий возвратился в обитель, Кассиан встретил его с радостными слезами и тотчас же отказался от игуменства, желая по прежнему оставаться в послушаши святому старцу. Когда скончался пр. Кассиан – неизвестно, но надобно полагать, что он упредил своего учителя и ранее его кончил свой подвиг, так как когда Корнилий за год до своей кончины требовал у братии избрания вместо себя игумена, то уже не упомянул о Кассиане и прямо указал на Лаврентия. Иначе блаженный старец не обошел бы того, кто уже испытан и немалое время управлял обителью с честью для себя и с пользою для братии. Имя пр. Кассиана находится в рукописных святцах или описании российских святых библиотек Киево-софийского собора и Погодинской и в полном месяцеслове архимандрита Сергия.

Преподобный Лаврентий также ученик Корнилия, проводил жизнь свою в трудах, посте и молитве, стараясь подражать в них своему наставнику и все более и более усовершенсаясь в иноческих подвигах. Когда пр. Корнилий, чувствуя приближение своей вотчины, удалился на место своего пострижения в Кириллов монастырь и когда братия стала просить его о возвращении в свою обитель, то старец потребовал избрания вместо себя нового игумена и при этом указал на Лаврентия, как на достойного себе преемника: «ежели Лаврентий не будет у вас игуменом, то и я не возвращусь к вам». Услышав от посланных желание старца, вся братия единогласно стала просить Лаврентия, чтобы он принял на себя управление

обителью и был для них игуменом вместо пр. Корнилия, но он, почитая себя недостойным такой великой чести и неспособным заменить для них своего учителя – не хотел и слышать об этом. Долго Лаврентий не соглашался на самые усердные просьбы и только угроза брани, что без того старец не возвратится в монастырь и он будет виновником лишения их отца и наставника, едва могла побудить его принять игуменство. Согласившись на просьбу братии, Лаврентий сам поспешил в Кириллов просить пр. Корнилия не оставлять своей братии и старец, умилившись просьбами братии, особенно же слезами и молением Лаврентия, возвратился в свою обитель. Около года Лаврентий пользовался в управлении монастыря советами и наставлениями старца, затем услышав о приближении в монастырь татар, он, по совету Корнилия, вывел всю братию на время в безопасные места, а по возвращении в обитель, был ближайшим свидетелем предсмертной болезни и кончины своего св. наставника. Умирая пр. Корнилий в утешение плакавшей братии говорил: «ученик мой игумен Лаврентий заменит вам меня и восполнит недостатки ваши». С великой честью и со слезами Лаврентий предал земле тело своего учителя и после кончины преподобного еще десять лет служил братии примером для подражания, «яко же заповеда ему Корнилие, еще жив сый и вся, елика виде отца своего и той дела исправить тщашеся и поживе во всяком благочинии и смирении соблюдая любомудрие, довольну преподавая зрящим пользу и велико опасение и тщание имеяше, яко да ничтоже раззорится от законоположения и предания отча; к сим же и многи книги написа своею рукою и врученное ему о Христе стадо добре упасе, к вышним подвизатися сотворив и бяше видети жития его образ доволен ко извещению того добродетели, понеже смиренная гоняше во всем»¹⁸¹. Неусыпные труды и заботы Лаврентия о благоустройении монастыря, кроткий, смиренный нрав и радушие расположили к нему старца Алимия – постриженника Корнилиева монастыря и единственного монаха Коптевой пустыни – передавшего в 1547 году свою пустынь со всеми грамотами, документами, землею, лесом и строением в пользу Комельского монастыря.

Приобретение этой пустыни много способствовало обеспечению и устройству монастыря.

Блаженный труженик почил 16 мая 1548 года и погребен близ своего наставника.

Преподобный Стефан Комельский (Озерской)

Преподобный Стефан родился во второй половине XV века в стране Вологодской от благочестивых родителей. Отец его служил при дворе князей Бородатых – одной из многочисленных отраслей квязей Ярославских, потомков св. Феодора Черного – и занимая сам значительное место среди служителей княгини Софии, постарался и сыну своему дать, сколько возможно было тогда, лучшее воспитание и образование. Он готовил в нем преемника себе и доброго слугу князьям своим, но завидная и желательная для других придворная жизнь – была не по душе юному избраннику Божию; от довольства и роскоши, от многолюдных собраний и веселых пиров княжеских – его сердце стремилось к пустынным трудам, к тишине и уединению иноческой кельи. Мысль искать себе единого на потребу глубоко запала в его душу и ни советы родных и близких лиц, ни просьбы и убеждения друзей и сверстников, не желавших расстаться с ним, не могли поколебать его намерения оставить мир и посвятить себя иноческой жизни. В мнении народа высоко стояла тогда пустынная лавра Дионисиева, прославленная святою жизнью и трудами своего основателя и первых его преемников не один впрочем народ, но и сам Грозный – строгий ценитель иноческой жизни свидетельствовал, что она процветала тогда постническими подвигами. Строгий, общежительный устав обители, не позволявший монахам не только иметь какую-либо собственность, но и делать чтонибудь без повеления и благословения настоятеля, удаленное от мирских селений положение ее в глухом лесу, как нельзя более соответствовало желанию Стефана, искавшего безмолвия, и вот он, оставив княжеский двор, родных и друзей, ушел на Глушицы и смиренно просил настоятеля и братию принять его в их монастырь. Тронутый неотступными просьбами и слезами Стефана, настоятель принял его сперва в число послушников, потом, видя его усердие и труды, постриг в монашество под именем Стефана, и поручило его одному опытному старцу для руководства в духовной жизни. Новый инок всецело предал

себя воле своего руководителя и старался подражать ему во всем, проводя дни в монастырских трудах, а ночи в бдении и молитве. Чем более однако он укреплялся в трудах и возрастал в духовной жизни, тем более она казалась ему слабою и несовершенною, тем более он смирялся и зазирал себе. По прошествии нескольких лет жизни на Глушицах, Стефан для большего усовершенствования своего в духовной жизни с благословения настоятеля и старца руководителя отправился странствовать по северным пустыням и монастырям. Ему хотелось воспользоваться мудрыми советами духовных старцев, присмотреться к их подвигам и трудам и приобрести себе таким образом навык и опытность в духовном делании. Действительно, куда он ни приходил везде просил у старцев молитв и наставлений, подобно пчеле извлекая пользу для своей души из всего виденного и слышанного. Странствуя таким образом он дошел до Тихвины и остановился здесь на жительство, радуясь тому, что ежедневно может поклоняться чудотворной иконе Божией Матери и надеясь, что среди многочисленного братства он, никому неизвестный странник и пришлец не обратит на себя ничьего внимания, так как он боялся славы человеческой как огня и старался всячески избегать ее. Однако он не долго оставался здесь: многочисленные толпы мужчин и женщин, ежедневно приходивших в монастырь для поклонения св. иконе, их шумные разговоры, дававшие монастырю вид мирского селения и торжища – не мало нарушали тишину в обители и смущали покой его души. Поэтому, проживши в Тихвине несколько времени, Стефан, увлекаемый любовью в безмолвии и уединении, возвратился в родные Вологодские пределы и переходя с места на место, из лесу в лес достиг пустынного озера Комельского, окруженного со всех сторон мхами и болотами. Ему понравилось это место, никем необитаемое и удаленное от мирских селений и он решился остаться тут навсегда. Поставив себе келью на восточном берегу озера при истоке реки Комелы и соорудив небольшую часовню для двух икон, принесенных им из Тихвинскаго монастыря – Божией Матери и Николая Чудотворца, он стал подвизаться в посте и

молитве незнаемый людьми и ведомый только единому Богу. Невозможно высказать всего того, что должен был вытерпеть пр. Стефан в первые годы своей жизни в пустыне, каким подвергнуться искушениям и какие перенести труды и огорчения. Кроме того, что враг наш диавол старался изгнать его из пустыни различными страхованиями и нападением диких зверей, грубый рыболов, опасаясь, что пришелец овладеет рыбною ловлею на озере, то осыпал его жестокою бранью и ругательствами, то возмущал его покой неприличными и соблазнительными песнями, надеясь чрез то удалить его от озера. Хлеба у преподобного было столько, сколько он мог принести его на себе и как ни старался он его беречь, летом почти вовсе его неупотребляя и питаясь ягодами и другими плодами и произрастениями земли, а иногда рыбою, но за всем тем хлеба оставалось у него весьма мало и ему угрожала на зимнее время голодная смерть, которая могла случиться с ним тем легче, что он не знал выхода к селениям из своей пустыни. Несмотря на такие лишения Стефан не хотел оставлять избранного им места. Спустя более двух лет по прибытии его к озеру, когда у преподобного давно уже не было хлеба, так что во время приближавшейся зимы ему совершенно нечем было питаться, осенью нечаянно набрели на его хижину два зверолова и разделили с ним дорожный свой запас. От них он узнал тропу, ведущую к государевым деревням на белозерской дороге, иначе он и в случае крайности не мог бы добраться до жила. После этого время от времени звероловы стали его посещать и приносить ему пищу, от них узнали о пустыннике и другие жители и опасность голодной смерти для Стефана миновалась.

Среди таких трудов и искушений благодать Божия не оставляла преподобного своим утешением и помощью. Однажды в летнюю ночь, когда пр. Стефан с великим усердием и слезами молился в своей часовне пред иконами Божией Матери и святителя Николая, внезапно явились ему в чудном свете пресвятая Дева и Николай чудотворец. Стефан, объятый священным ужасом, пал пред ними на земло и слышал как святитель Николай умолял пречистую Деву благословить место

жительства Стефанова для обители иноческой. На моление святителя Матерь Божия повелела отшельнику соорудить в пустыне храм во имя угодника Божия Николая и самому быть начальником новой обители. С этими словами дивные посетители стали невидимы, исполнив сердце Стефана несказанною радостью.

После трех лет, проведенных Стефаном одиноко в пустыне, пришли к нему два брата, изъявившие желание разделять с ним пустынные труды, потом явилось еще несколько любителей безмолвия; все они, построив себе кельи близ хижины Стефана, стали собираться на молитву в его часовню. Но так как часовня не могла удовлетворять вполне духовные потребностям братии, то последние пожелали иметь церковь, чтобы живя на месте, столь удаленном от селений, не быть лишенными божественной службы. Преподобный рад был желанию своих сподвижников и созвал их всех в часовню для совещания о таком важном деле. На совещании все единодушно избрали его своим наставником и единодушно просили, чтобы он принял на себя заботу об устройении храма и для этого отправился бы в Москву к митрополиту за благословением на сие дело. Хотя пр. Стефан по своему смирению и не считал себя достойным быть начальником братии, но не отказался от избрания и охотно принял на себя попечение об устройении храма, так как уже был о том ранее предъизвещен видением; с одним из братии он пошел в дальний путь и по прибытии в Москву просил у митрополита Даниила благословения на построение храма и обители. Митрополит давно наслышанный о высокой и подвижнической жизни подвижника, принял его с особенным, благоволением и любовью, поместил в своих кельях и представил его в. князю Василию Ивановичу, расположенному к монашеству вообще и особенно уважавшему иноков обителей Вологодских, которые он почти все посетил лично в 1528 году, испрашивая себе у Бога наследника. После многих духовных бесед с князем и митрополитом смиренный пустынник Стефан рукоположен был в сан священства и поставлен пгуисиом повой обители,— от митрополита вместе с грамотою на устройство храма и обители, он получил и всю необходимую для того

церковную утварь, а в. князь дал ему свою грамоту на земли и угодья для содержания братии. Таким образом с полным – духовным и вещественным утешением преподобный возвратился в дремучие леса своей пустыни к нетерпеливо ожидавшей его братии.

Прибывши на озеро он прежде всего направил свой путь к часовне и сам отслужил первый благодарственный молебен Богоматери и святителю Николаю, за несколько лет предвозвестившим ему основание храма и обители на том месте. Братия с радостью приветствовали своего игумена, припадая к ногам Стефана просили его благословения и благоговейно целовали принесенное им из Москвы св. Евангелие, а он всех молитвенно осенял животворящим крестом и сан просил их молиться за него. Чрез несколько дней после сего приступили они к построению храма, который скоро и создали, тем более, что храм требовался небольших размеров, лес для его постройки находился очень близко и – в числе немногочисленного братства не только нашлись все необходимые для того мастера и плотники, по даже и иконописец Гурий, украсивший церковь святыми иконами. В 1534 году к великой радости пустынников церковь была освящена во имя святителя Николая и хотя в малом виде, по числу немногочисленной братии, устроено было все необходимое для общежития.

После освящения церкви пр. Стефан еще восемь лет подвизался в устроении своей юной обители, подавая собою во всем пример братии, умножавшейся с каждым годом. Как отец чадолюбивый – блаженный старец кроткий и милостивый ко всем, был строг только к самому себе, изнуряя плоть свою непрестанными трудами, постом и бдением. Не смотря на преклонные свои лета, он казался в своей пустынной обители более послушником, нежели игуменом, всегда первый являлся на монастырские труды, старался услужить каждому, всех успокоить и утешить. За то и братия любили его, как отца, смотрели на него, как на ангела Божия и старались во всем подражать ему. Достигши глубокой старости, преподобный за неделю до преставления почувствовал изнеможение сил своих и предъизнал приближение кончины. Накануне ее он оделся, с

помощью своих учеников, в погребальные ризы, которые давно приготовил для себя, затем приведенный ими в церковь, приобщился святых таин от руки литургисавшего иеромонаха и простился со всею братией. Ученики привели его обратно в келью, где он лег на свой болезненный одр и уже не вставал с него, предавши на другой день во время утрени душу свою Богу. Когда по окончании службы братия пришли к нему в келью, чтобы посетить его, они нашли ее наполненною благоуханием, а старца своего тихо и мирно скончавшимся. Это было 12 июня 1542 года, спустя восемь лет после освящения церкви. В тот же день после литургии братия с великою честью и слезами предали тело его земле близ алтаря построенной им церкви, и над его могилою устроили потом часовню. По подлиннику «Стефан святой, иже на озере строитель Николы чудотворца надсед, брада с малою сединою».

В том же 1542 году, когда скончался пр. Стефан, обитель его была раззорена татарами. Когда, при возобновлен ее, стали строить новую церковь вместо сожженной грабителями, то поставили ее уже не на прежнем месте, а над могилою преподобного, так как многие из благочестивых людей стали видеть над ней свет, как бы горели свечи. Тогда же, по свежей памяти, на гробнице преподобного написано было его изображение, а другой образ его был поставлен в новоустроенном храме. После была написана ему и особая служба. В 1753 году обветшавшая деревянная церковь была заменена двух-этажною каменною, – в верхнем этаже ее находятся престолы святителя Николая и Тихвинские иконы Божией Матери, напоминающие собою те св. иконы, которые преподобный принес с собою в пустыню, а нижний этаж посвящен имени самого преподобного основателя обители, здесь почивают и мощи его под спудом, доныне привлекая к его гробнице множество богомольцев из окрестных жителей, особенно в день его преставления. Монастырь пр. Стефана, имея достаточное количество земли и 1264 души крестьян, не был скудным, управлялся он всегда игуменами, а в последнее время своего существования имел настоятелем своим уже архимандрита. По штатам 1764 года он был упразднен и

церковь обращена в бесприходную с причтом белого духовенства. Однако место, освященное иноческими подвигами преподобного и самую Царицу небесную предназначенное быть иноческой обителью, чрез 96 лет опять возвратилось к своему первоначальному назначению, с тем только различием, что населяют его ныне не иноки, а инокини. Указом Святейшего Синода 30 апреля 1860 года Озерская Николаевская бесприходная церковь была приписана к Вологодскому Успенскому девичьему монастырю.

Святость угодника Божия пр. Стефана, вскоре по его преставлении, была засвидетельствована многими исцелениями и чудесами, – но по причине пожаров, разорения и других неблагоприятных обстоятельств и перемен, которым подверглась его обитель, до нас не дошло почти никаких сведений о них, кроме одного только следующего чуда. Один из Вологодских купцов по имени Гавриил, человек богобоязненный, много раз посещавший обитель еще при жизни преподобного и пользовавшийся его любовью, – плыл однажды по озеру по своим торговым делам, как вдруг поднялась страшная буря и волны грозили потопить утлую ладью его. Находясь в крайности и каждую минуту ожидая себе смерти, Гавриил стал призывать на помощь угодников Божиих и в числе их преподобного Стефана, тогда уже скончавшегося. Едва только он произнес молитву и призвал преподобного на помощь, как тотчас же увидел на корме своей лодки святолепного старца, который сказал ему: «не бойся сын смирения, внял Господь твоей молитве и послал меня избавить тебя от потопления». – Кто ты? спросил Гавриил, пришедший в ужас от предстоящей ему неминуемой смерти и от внезапного видения старца. «Разве ты забыл, сколько милостыни подавал в обитель святителя Николая, что на озере Комельском и мне смиренному строителю ее Стефану»? отвечал явившийся и стал невидим. Буря тотчас же утихла и Гавриил, благополучно достигши берега, поспешил в пустынную обитель отправить панихиду над гробницею преподобного, которую он в благодарность за свое избавление, покрыл богатою пеленою.

Преподобный Арсений Комельский

Комельский лес, простиравшийся по южной окраине Вологодской страны на сотни верст и служивший жилищем диких зверей и притопом разбойников, – издавна казался какою то обетованною землею любителям безмолвия, стремившимся сюда со всех сторон. С легкой руки афонского пришельца Сергия, променявшего голубое небо и благорастворенный климат своей прекрасной родины на болота и дебри сурового и сумрачного севера и прежде всех водрузившего в нем свою кушу, монашеская секира в продолжение двух веков то там, то инде почти не переставала рубить вековые сосны и ели, пролагая новые пути и обращая в иноческие обитатели берлоги медведей и становища разбойников. По течении одной только незначительной речки Нурмы было несколько инческих обителей, а сколько было рассеяно пустынь и уединенных келий по громадному пространству леса? Там, в непроходимых чащах леса, за мхами и болотами жили люди, проникнутые древним христианским духом и составлявшие свой особый мир, не похожий ни на какие другие миры. Это не был мир ангельский, потому что подвижники были люди, но это не был и мир человеческий, потому что в подвижниках почти ничего не оставалось человеческого. Распять плоть со страстями и похотями, стать выше самих себя, выше своей чувственности – было их единственною целью, и которой они стремились и для достижения которой они не щадили никаких усилий. Их снедало желание Божества, стремление к вечной красоте, пламенная любовь к вечному свету и жизни, чего мы, огрубевшие от земных помыслов, не понимаем и по пять не можем и чего они ничем не могли насытить. Высокая и святая любовь к Божественному раскрывала им в труженической их жизни такой источник блаженства, что они желали бы до бесконечности увеличивать свои труды и подвиги, если бы то было возможно. Отшельники на самом деле показали, какую чудную силу имеет природа наша, какая власть и могущество заключены в душе и теле человека, когда он весь проникается силою благодати – И как

благодарно было для Вологодской страны влияние на нее этого чудного мира, как много комельские пустынники способствовали утверждению в ней веры и благочестия! Комельский лес был светом для окрестных жителей, колыбелью и рассадником иночества, воспитавшим в себе целый сонм великих сподвижников и основателей монастырей.

Среди этого светлого сонма святых мужей, подвизавшихся в Комельском лесу, их же тела в мире погребены Быша, а имена живут в роды, премудрость коих поведят людие и похвалу исповесть церковь (Сир. XLIV, 13–14), пр. Арсений был уже последним по времени, основавшим в лесу новые обители. Замечательно то, что колонизация комельского леса как началась, так и окончилась выходцами из Сергиевой лавры, принесшими на место своих подвигов благословение великого Аввы.

Преподобный Арсений родился в Москве, в последней половине XV века, но в котором именно году – неизвестно, – по происхождению был из рода бояр Сахарусовых. Он рано начал тяготиться шумом столицы и почувствовал отвращение к мирской жизни, хотя по правам рождения мог надеяться иметь в ней большие успехи, приобрести честь и богатство. Его юное сердце, еще не связанное никакими житейскими узами, свободное от всех мирских пристрастий, горело любовью к одному Богу, стремилось всецело посвятить себя на служение Ему и так как обитель св. Троицы, прославленная подвигами своего основателя Сергия, уже причисленного тогда к лику святых, представлялась ему лучшим для того местом, то юный боярин и принял в ней иноческое пострижение. Не легка была жизнь для молодых и новоначальных иноков в многолюдной обители Сергиевой! Кроме строгого исполнения, обязательного для всех повседневного монашеского правила, каждый инок должен был пройти длинный ряд различных послушаний, начиная с самых низших и трудных – службы на скотном дворе, в монастырских огородах и полях, привратником, в поварне и хлебне, в братской трапезе и церкви; при этом инок совершенно отрекался от своей воли и подчинял себя воле старца-наставника, пока наконец достигал права пользоваться

услугами других в тишине своей кельи. Молодой инок Арсений совершенно предал себя иноческим трудам, со всем усердием и с юношеским жаром он начал проходить монастырские послушания, в числе первых приходил, в церковь и всегда первым являлся на послушаниях, охотно исполняя и то, чего не успевали или не хотели сделать другие и по своему смирению считая себя последним в обители и слугою всех. Трудом и постом изнуряя тело и умервщляя страсти, он в то же время старался укреплять душу свою молитвою, чтением душеполезных книг и переписыванием их, то для своего монастыря, то для других церквей. Как драгоценный памятник его трудов – доныне сохранилось в его обители Евангелие, написанное им в Сергиеве монастыре в 1506 году¹⁸² Такая примерная, труженическая жизнь и высокие добродетели не могли не обратить на него внимания братии и не могли не снискать ему всеобщей любви и уважения, потому, когда в 1525 году в сентябре месяце игумен Порфирий отказался от управления монастырем, вся братия единогласно избрала Арсения на его место, как самого достойного. Но это избрание, лестное для других, показалось смиренному подвижнику тяжелым бременем, которое он согласился принять на себя только из послушания, ради моления и слез братии. В сане игумена богатого монастыря Арсений не изменил своей любви к нищете и посту и честь игуменства своего поставлял в том только, чтобы служить всем и трудиться более других. Отчески заботясь о довольстве и успокоении братии, Арсений забывал о самом себе, в качестве игумена встречая и принимая приходивших в монастырь князей и бояр, незамечал того, что одежда его покрыта заплатами и хуже всех. «Что это значит, что игумен ваш ходит в такой худой одежде?» спрашивал братию в. князь Василий Иванович, увидевший Арсения во время посещения обители едва не в рубище. «Наставник наш истинный раб Божий и живет в Боге; он думает только о том, как бы оставить нас и удалиться в пустыню на безмолвие», сказали в ответ братия и просили в. князя, чтобы убедил Арсения остаться с ними. Василий Ивановичу и самому жаль было, если обитель лишится такого настоятеля, поэтому он стал просить

игумена остаться в обители, на что тот и согласился, постыдившись огорчить отказом высокого просителя, хотя и сильно желал удалиться в пустыню.

В то время многие окрестные монастыри и пустыни были подчинены Троицкому монастырю и игумен Троицкий наблюдал в них за хозяйством и образом жизни брали. Пр. Арсений и эту обязанность старался исполнить в точности; несмотря на то, что многолюдство его собственного монастыря требовало неусыпных трудов и надзора со стороны игумена, он находил еще время посещать и эти монастыри, чтобы лично наблюдать за ними и собственным примером руководить братию. Особенно он любил посещать обитель современника Сергиева пр. Стефана Махрицкого – находившуюся только в 35 верстах от Троицкой – чтобы в ее пустынном безмолвии хотя несколько успокоиться и приобрести новые силы к прохождению своей многотрудной должности. Там однажды махрицкий игумен Иона объявил ему, что благоговейный инок Герман – уже столетний старец вышедши ночью из своей кельи, увидел огонь, горящий под древесными ветвями над местом погребения пр. Стефана и когда ужаснувшись необычности видения, поспешил сказать ему о том, то и он сам из окна своей кельи увидел тот огонь, как бы луч света, сиявший от могилы Стефана. Арсений, приняв это за знамение благодати Божией, дарованной Стефану, приказал поставить над могилою его гробницу, осенить ее покровом и возжечь пред нею большую свечу, затем совершив соборне божественную литургию, установил, чтобы с тех пор ежегодно праздновалась в обители память преподобного.

Если бы пр. Арсений не был возведен на высокую степень игумена и оставался по прежнему в числе братства, не обращая на себя особенного внимания других, то может быть он и не подумал бы никогда оставить Троицкую обитель, в которой принял иноческое пострижение, дал обещание пребывать до смерти и – провел уже столько лет, – но начальство над братиею, неизбежные сношения с богатыми и сильными мира всеобщий почет и уважение, оказываемое ему, как наемнику Сергиеву – лежало тяжелым бременем на смиренной душе

подвижника. Часто вспоминал он о своей прежней жизни, когда ничем не развлекаемый и заботясь только о самом себе, он мог всецело предаваться богомыслию, любовь к пустыне и безмолвию начала возгораться в его сердце все более и более, пока наконец преподобный не в силах будучи противиться влечению своего сердца и зная, что в. князь и вся братия не согласятся отпустить его, – он решился тайно оставить и удалиться в неизвестные места, чтобы в уединении всецело посвятить себя на служение единому Богу.

Наслышавшись о неизмеримых лесах севера и зная, что еще при пр. Сергии и с его благословения из Троицкого монастыря ушли туда некоторые и основали там собственные монастыри и пустыни – пр. Арсений в 1529 году вышел из монастыря и направил свой путь в эту страну для него совершенно неизвестную. Он обошел много лесов и пустынных дебрей, ища для себя удобного места и наконец, руководимый Промыслом, достиг вологодской страны. Здесь, не задолго пред тем временем (около 1525 года), в расстоянии 40 верст к северо-западу от г. Вологды, в верховьях малой реки Бабайки¹⁸³ явилась чудотворная икона Божией Матери Одигитрии. Услышав об этом новом знамении милосердия Божия пр. Арсений пошел в то пустынное место, где явилась икона и соорудив себе малую келью, стал подвизаться в ней в посте и молитве. Но со времени явления св. иконы пустынное место перестало быть безмолвным от множества приходивших туда богомольцев – мужчин и женщин и несоответствовало видам Арсения, поэтому, пробыв здесь несколько времени, он оставил свою келью в основание будущей Мяслянской пустыни и снова пошел странствовать по болотам и дебрям комельского леса, усердно прося Господа, чтобы Он Сам указал ему место для жительства. Направившись с Масляной к юго-востоку, он пришел на нынешнее место Арсениево-Комельского монастыря, в так называвшийся Олонов конец комельского леса, где сливаются реки Лежа и Кохтыш – в сорока верстах от г. Вологды. Место это еще и доныне окружено болотами и трясиными, а тогда тут была такая глушь и непроходимая чаща, что с плеч путника сорвало тяжелую ношу, которую он нес на

себе. Когда ноша упала с плеч Арсений, то он, утомленный продолжительной ходьбой, решился тут отдохнуть¹⁸⁴, сел на землю и стал думать о том, как бы найти место, удобное для жительства, как вдруг не подалеку от него близ речки Кохтыша блеснул солнечный луч и необыкновенный свет озарил окрестность. Приняв это явление за тайное указание Промысла Божия, преподобный исполнился радости и вставши долго и пламенно молился, прося себе покрова и благословения на поселение в том месте. На месте явления света пр. Арсения построил себе небольшую келью и начал подвизаться в ней в посте и молитве, дни проводя в труде, а ночи в бдении. Он думал, что зашел в такую лесную глушь, в которой никто уже его не потревожит и не нарушить его безмолвия, но видно нет на земле такого места, где бы искушение не могло постигнуть человека. «Видевше себе беси поругани бываемы от блаженного Арсения и изгонимы от места того святого, воздвигоша брань на него и многа искушения и досаждения святой претерпе от них» – говорит писатель его жития. Не могши победить подвижника сами, невидимые враги насылали на него видимых в лице окрестных жителей, возбуждая в них зависть и гнев против святого. Крестьяне, ходившие сюда то для рубки леса, то для звериной и рыбной ловли, сочли себе помехою уединенную келью пустынника, опасаясь, чтобы со временем она не разрослась в монастырское общежитие и не овладела окрестными землями. Чтобы изгнать его из пустыни и удержать за собою землю, они стали наносить преподобному различные обиды и притеснения. Смиренный старец противопоставлял им сначала христианское терпение и кротость, стараясь победить их злобу своею любовью, – потом, когда притеснения сделались слишком часты и невыносимы, так что однажды злые люди, пришедши в келью и не заставши в ней самого Арсения, убили жившего с ним келейного его старца, – тогда он, по слову апостола дал место гневу (Рим. XII, 19) и оставивши комельскую пустыню, удалился оттуда верст за 30 в дикий шилегодский лес на речку Шингор. Здесь он стал подвизаться в посте и молитве, в совершенном безмолвии и уединении. Прилагая труды к трудам и подвиги к подвигам,

блаженный подвижник как огнем горел любовью к Богу, вверив к небу свой ум, – но сколько ни нравилась ему эта уединенная жизнь и как он ни рад был своему безмолвию, – оно скоро должно было прекратиться. Ибо Господь не хотел долее оставлять светильника своего, как бы под спудом, но восхотел, чтобы это духовное сокровище обогатило и других и чтобы подвиги его послужили примером и назиданием для многих. Крестьянин Алексей Охотин один раз пришел в шилегодский лес с собаками ловить зверей, собаки отбежали от него и он, отыскивая их, нечаянно набрел на келью отшельника. Старец принял его с отеческою любовью и стал спрашивать у него, как он нашел его келью, так как преподобный до него не видал в лесу ни одного человека и не знал, далеко ли находятся селения. Когда охотник рассказал ему подробно обо всем, то преподобный, видя в нем человека простого и доброго, долго беседовал с ним, поучая его страху Божию; отпуская он велел ему искать собак по речке Шингор на мысу Кривике и при этом сказал: «там найдешь их с большею добычею». Удивился охотник прозорливости старца, когда в самом деле нашел своих собак с добычею именно на том месте, где сказал ему преподобный. Добычею, пойманною собаками была, дорогой цены лисица, с которою охотник тотчас же возвратился к келье старца и просил его принять ее в дар, но старец отказался от подарка и посоветовал жертвователю употребить цену ее на милостыню. Чрез этого охотника келья Арсений сделалась известною и один за другим стали приходить к нему из окрестности для духовных бесед монахи и миряне. Старец всех принимал с отеческою любовью, поучал всем сердцем любить Господа, пролившего за нас кровь свою на кресте, и ближних, как самих себя; когда некоторые из посетителей, желая постоянно иметь его своим наставником и руководителем в духовной жизни, стали принимать от него пострижение и селиться близ его кельи, Арсений водрузил крест и построил часовню для общей молитвы; таким образом в дремучем Шилегодском лесу составилось братство любителей безмолвия и основалась пустыня, известная впоследствии под именем

Алекса́ндро-Коро́виной, что ныне приходская Троицкая пусты́нская церковь грязовецкого уезда.

Уже около семи лет пр. Арсений подвизался в шилегодском лесу, довольный его безмолвием, как в 1538 году казанские татары неожиданно вторглись в вологодские пределы, сожигая селения, а беззащитных жителей частью грабя и убивая, частно уводя с собою в неволю. Ужас распространился в стране и жители, чтобы спастись от смерти, толпами бежали из селений в шилегодский лес, где находилась пустыня преподобного, думая найти себе защиту в неприступности места, удаленного от дорог. Варвары хотели было проникнуть и туда вслед за бежавшими жителями, но были удержаны Промыслом по молитвам человека Божия, так что все те, которые искали себе убежища в его пустыне, остались невредимы. Многие из жителей и поминании опасности не захотели более возвратиться на пепелища своих жилищ и поселились со своими семействами близ келий отшельников, вследствие чего любимое преподобным безмолвие было нарушено близостью мирского шумного селения. Тогда Арсению пришла мысль опять идти в Комельский лес на прежнее свое место и терпением одолеть препятствия; когда он объявил о своем намерении жившим с ним пустынноикам, то нашелся между ними и товарищ ему инок Герасим, не захотевший разлучиться с своим наставником.

Еще в 1530 году в. князем выдана была пр. Арсению жалованная грамота, которою строго запрещалось всем около пустыни его в комельском лесу на речке Кохтыше во все стороны на две версты рубить лес, становить новые поселения, заниматься звероловством и обращать в свое владение землю или лес, – но испытавши после того столько притеснений и обид, Арсений решился снова идти в Москву искать защиты от своеволия грубых людей и в 1539 году получил новую грамоту с большими правами и наделом земли уже на 5 верст. Тогда, поручивши управление Шилегодскою пустынею одному из своих учеников, пр. Арсений с Герасимом отправился в Комельский лес, водворился на прежнем своем месте и стал рубить лес, расчищать и готовить землю под поля и огороды для

будущей обители. Труд шел успешно, ибо препятствий со стороны жителей теперь уже не было; но когда пустынники завели несколько рогатого скота, то стали обижать его медведи и тем причинять подвижникам постоянный труд и беспокойство. Однажды, когда медведь напал на корову, прозорливый старец молитвою остановил и связал зверя, приказавши своему ученику идти и наказать звря, чтобы он более не тревожил их. Герасим пошел и начал сечь зверя лозою и медведь не только не рассвирепел и не бросился на него, но как бы сознавая свою вину, поклонился ему до земли и ушел на свое место. С того времени звери перестали нападать на монастырский скот¹⁸⁵. Такова была вера и сила молитвы старца и истинно детская простота и послушание ученика! Когда и сюда собралось несколько братии, пр. Арсений в том же 1539 году в основание общежития испросил у преосвященного епископа вологодского и великопермского Алексия (1525–542) благословение и св. антимиис на построение церкви, чтобы иметь утешение постоянно совершать в ней божественную службу и причащаться Тела и Крови Христовой, долговременное лишение которых не смотря на свою святость и подвижническую жизнь, он считал величайшею и незаменимою потерей для души. Так как лес для построения церкви находился близко, то при неусыпных трудах его и при усердном содействии всей братии, церковь вскоре была построена и 2 июля 1541 года освящена преподобным во имя Положения честной ризы Божией Матери во Влахерне. По освящении церкви пр.Арсений приступил к прочим постройкам, необходимым для общежития, и обнес монастырь оградою. Трудясь и заботясь так об устройении Комельской обители, он не забывал и Шилегодской пустыни, посещая ее когда только позволяло ему время. На пути из одной пустыни в другую, он любил останавливаться с встречавшимися и работавшими поселянами, отечески беседовал об их делах и нуждах, входил в их дома и учил жить по заповедям Божиим и уставам церковным. Если замечал, что кто-нибудь работает в праздники или в день воскресный, то строго обличал такого и убеждал эти дни всецело посвящать Богу, ходить в церковь и дома заниматься молитвою.

Пастырские беседы и наставления преподобного должны были иметь сильное влияние на слушателей, потому что старец сам исполнял на деле то, чему учил других, а иногда слова его подтверждало и самое Небо. Так, когда одна женщина, любившая слушать наставления преподобного, в праздничный день – вопреки его запрещению – пошла в поле жать, то на другой день внезапно поднявшийся сильный ветер разметал все снопы, сжатые ею в праздник, так что не осталось и следа их, – все тогда поняли, что это было наказание за преслушание наставлений св. старца. Останавливаясь иногда на несколько дней в домах убогих крестьян для их назидания, пр. Арсений всячески старался не стеснять их и не позволял, чтобы для него готовили особую пищу, довольствуясь тем, что ели сами хозяева. Так когда преподобный зашел раз в дом крестьянина Ильи – авнежской волости деревни Губино и занявшись беседою с ним, провел у него не мало времени, Илья же, обрадованный посещением старца и увлекшись разговорами, забыл утружденному путнику предложить трапезу, тогда ученик преподобного тайно от него напомнул о том хозяину и дал совет что предложить старцу, и когда хозяин подал то кушанье как бы по собственному своему выбору, прозорливый старец узнал о поступке ученика и сделал ему замечание за неуместное усердие и привязанность к изысканным кушаньям. Было много и других опытов прозорливости старца. Однажды некоторые из ближайших к монастырю жителей пришли к нему просить дозволения на ловлю рыбы на монастырской земле в реке Леже. Преподобный благословил их и сказал, чтобы в случае хорошего улова они удалили некоторую часть рыбы и на его братию. Те обещались и по молитве старца лов был весьма обильный. Но когда надобно было исполнить данное преподобному слово, ловцы скрыли одну самую большую и лучшую рыбу, опасаясь, чтобы Арсений не взял ее, а остальную принесли к нему и просили взять сколько будет угодно. Пересмотрев рыбу, преподобный спросил: «зачем вы скрыли лучшую, зачем украли благословенное?» Виновные, видя себя обличенными, принесли утаенную рыбу и стали просить

прощения; преподобный, преподав им наставление от божественного Писания, отечески простил их.

Пр. Арсений – постриженник и бывший игумен Лавры Сергия, – хотя и удалился из его обители, но не переставал гореть к нему любовью и чтобы иметь его своим руководителем, заступником и покровителем для пустынной обители, он, по своему обещанию посвятил его имени трапезную церковь. Но сам только благословил и положил начало ее построению, окончания же постройки недождался. Достигши маститой старости и 45 лет проведши в иноческих подвигах, он почувствовал упадок телесных сил и ожидая близкой кончины, отказался от управления монастырем. Ученика своего Герасима он благословил быть его строителем, а сам затворился в келье и начал готовиться к смерти; когда болезнь усилилась до того, что он не мог уже выходить из кельи, то приказал собрать к себе всю братию и со смертного одра преподавал им последнее наставление, со слезами просил и молил их и по смерти его соблюдать любовь друг к другу, исполнять весь церковный и монастырский устав по отеческому преданию и неуклоняться ни на десно, ни на шуюе. «Предаю вас, братие, в руце Божии и пречистым Богородицы, заступницы рода христианского», сказал умиравший плачущей братии в заключение своей беседы и с теплою молитвою приобщившись св. Таин тихо и мирно предал дух свой Богу 24 августа 1550 года¹⁸⁶. С великой честью, плачем и слезами братия погребла блаженного отца своего близ алтаря, построенного им храма, на правой стороне. Спустя сто лет после его кончины, игуменом Иоасафом была построена каменная церковь Положении ризы Богородицы с двумя приделами: на левой стороне во имя пр. Сергия, а на правой во имя пр. Арсения над местом его погребения, в котором и доныне мощи его почивают под спудом в сквозной арке стены, отделяющей этот придел от ризположенской церкви. В недавние годы над мощами преподобного устроена медная чеканная, посеребренная и местами позолоченная рака. – Из предметов, принадлежавших пр. Арсению, сохранились и доныне находятся при его гробнице: 1) собственноручно написанное им Евангелие, 2) деревянный осмиконечный крест длиною в $\frac{3}{4}$ аршина,

обложенный по лицевой стороне тонким чеканным серебром и 3) образ Божией Матери – складни не большого размера, принесенные им из Лавры.

Вскоре по преставлении и его Господь Бог прославил своего угодника и гроб его сделался источником исцелений. К сожалению первоначальное, подробное описание жизни и чудес его для нас навсегда утрачено в пожаре 1596 года, когда трапезная Сергиевская церковь совсем находившимся в ней имуществом сделалась добычею пламени. Трогательно повествование современника-писателя нынешнего краткого жития и чудес преподобного об этом событии «По преставлении пр. Арсения, говорит он, Быша от честного гроба его чудеса различные, яко от источника непрестанно текущи: слепым прозрение, глухим слышание, немым глаголение, бесным очищение и всяким недугом исцеление. И в лето 7104 (1596) бысть за умножение грех наших и за неправды, во обители святого погоре церковь с трапезою теплая во имя пр. Сергия. Церкви же той погоревшей со всем украшением, с книгами и со всею утварью, тогда сгорело ту и написание о житии святого и чудесех его. Игумену же и братии тогда в недоумении велицем и в размышлении бывшим, и глаголющим: како блаженный отец наш Арсений от времени его без написании будет? Быша же тогда еще свидетели святому житию его и чудесам и преставлению; еще же обыскавши в дохее (кладовой) монастырской написания, обретоша в ней малу хартию, в ней же писано согласно тем свидетелем Игумен же и братия мене убогого раба Божия Иоанна попудиша житие святого переписать. Аз же о преподобном житии распросив и хартию переписав, а иные многие чудеса своим очам видех истинно, толико мало потщахся написать житие и чудеса святого вкратце». В рукописной книге: «служба и чудеса пр. Арсения», пожертвованной в монастырь в 1660 году, начиная с 7110 (1602) по 7165 (1657) год записано 17 чудес. Приводим здесь некоторые из них.

Крестьянин комельской волости Трофим Васильев по прозванию Зуб был приведен 24 июня 1602 года в монастырь связанный и находившийся вне ума. Он лишился рассудка по

следующему довольно редкому случаю. Наслушавшись рассказов суеверных людей, что на Иванов день ночью можно найти волшебную траву невидимку для отыскания кладов, отпирания замков, приобретения себе любви и расположения нужных лиц и т. под., Трофим ночью на этот день ходил куда-то в пустое место для отыскания травы-невидимки и там от бесовских привидений внезапно лишился рассудка и стал бесноваться так, что родные вынуждены были связать его. Родственники Трофима, совершивши о нем молебное пение при гробе преподобного, оставили его в обители до праздника и когда, придя в праздник Богородицы (2 июля) приложили его к раке пр. Арсения, больной пришел в себя и сделался совершенно здоров. Все множество богомольцев, собравшихся в монастырь на праздник, прославило Бога и Его угодника.

Боярский сын Василий Максимов Скорпиев, имевший поместья на Комеле, неподалеку от обители пр. Арсения, взят был в плен и уведен в Литву. Находясь долгое время в неволе, он призывал на помощь пр. Арсения и обещался постричься в его обители, ежели Бог молитвами его даст ему возможность возвратиться в отечество. Постоянно тоскуя о домашних и родине, он наконец впал в тяжкую болезнь, но и тогда не переставал просить и надеяться на помощь преподобного. Упование не посрамило его. Пр. Арсений однажды ночью явился ему во сне и указал ему путь для бегства, сказал ему: «встань Василий и поди в путь свой радостно». Тотчас же пробудившись от сна Василий почувствовал себя совершенно здоровым и немедленно отправился в указанный ему путь чрез сырое болото. Во время пути, когда литовцам случалось догонять беглеца или встречаться с ним, он начинал призывать пр. Арсения и проходил незамеченный ими. Достигши благополучно своей родины, он пришел в монастырь и припадая ко гробу преподобного, объявил игумену и братии о своем чудесном избавлении от болезни и от плена молитвами Арсения.

В праздник Божией Матери (2 июля 7146–1639 года) приведен был в монастырь отрок Иоанн Михайлов Синборовский, одержимый лютою болезнью, – когда его

приложили ко гробу преподобного, он тотчас же сделался здоров. – В 1646 году 4 декабря привезли из Авнеги расслабленного по имени Елевферия. Болезнь его была столь тяжка и мучительна, что руки и ноги больного скорчило и заворотило, уста извело и заворотило наонако¹⁸⁷ так, что страшно было и смотреть на страдальца. По совершении о нем молебного пения Божией Матери и пр. Арсению при его гробе, больной чрез несколько дней получил исцеление и сделался здоров на столько, что уже мог идти домой. Один крестьянин принес ко гробу пр. Арсения своего сына – двухлетнего младенца Гавриила, еле живого от болезни, и младенец тотчас же выздоровел.

Комельский помещик – боярский сын Порфирий Васильев Скорпиев полтора месяца был нездоров правою рукою так, что не только что-нибудь взять ею не мог, но даже и перекреститься. Обратившись за помощью ко врачам и не получив от них никакой пользы, он вспомнил о чудесах, совершавшихся при гробе пр. Арсения, а особенно благодеяние и милость его, оказанные им его отцу Василию, и придя в монастырь принял к его гробу и по совершении о нем молебного пения рука его сделалась здорова, как и другая.

Приведена была в монастырь одна бесноватая женщина по имени Мариамна, которая немедленно пришла в себя и сделалась совершенно здоровою когда совершили о ней молебное пение и приложили ее к раке преподобного.

Когда в соборной монастырской церкви Положения ризы Богородицы, шнуры, опоясывающие св. престол от сырости и времени сгнили, вологодский архиепископ Маркелл приказал освятить церковь снова, что и было исполнено накануне праздника Богородицы (1 июля 1652–1654 года). На освящении храма был из Вологды диакон Предтеченской церкви Иосиф, который когда по окончании священнодействия и трапезы прилег, отдохнуть и заснул – внезапно почувствовал себя весьма нездоровым, так что думал, что уже умирает. С плачем и слезами призывая на помощь Матерь Божию и пр. Арсения, он обещался написать икону Положения ризы Богородицы, потом придя в церковь припал к раке преподобного и стал читать ему

канон. Во время чтения седмой песни ему стало легче, а когда он испил и умылся освященной водой, смешанной с перстью от гроба преподобного, то лютая его болезнь совершенно прошла, так что уже мог участвовать в вечерней службе.

Арсениев монастырь имел 237 душ крестьян, по штатам 1764 года он оставлен в III классе с игуменским настоятельством.

Преподобный Логгин Коряжемский

В первой половине XVI века, в среде многочисленного братства Павло-обнорского монастыря, спасался инок Логгин. Он прибыл в монастырь в молодых годах, прошел длинный ряд различных послушаний, дожил до старческих седин и приобрел немалую опытность в иноческой жизни, так что все стали смотреть на него, как на старца испытанного, духовного и относиться к нему с особенным уважением. Был у него друг и собеседник в Корнилиеве монастыре инок Симон, уроженец Сольвычегодский, подобно ему старавшийся угодить Богу. Беседуя с Логгином Симон часто вспоминал свою родину, где, по его словам, было много мест весьма удобных для отшельнической, безмолвной жизни. Стремление к отшельнической жизни усиливалось более и более в душе обоих друзей, уже начавших тяготиться многолюдством общежития и возрастающим к себе от иноков почетом и уважением; оттого их мысли чаще и чаще останавливались на жизни уединенной. Хотя для новоначальных иноков монастырское общежитие есть самое лучшее средство к тому, чтобы послушанием братии смирить мирскую гордость, отречением от собственности вырвать из сердца любостяжание, а строгим исполнением монастырских правил отстать от мирских привычек и обыкновений, – но когда человек пройдет период воспитания иноческого, укрепится в своем подвиге и достигнет духовной зрелости, – тогда общежитие для многих становится уже менее пригодным и полезным, как нарушающее тишину уединения и многолюдством своим могущее подавать поводы к различным соблазнам и искушениям. Да не увести шуйца твоя, что творит десница (Мф. VI, 3). Бегать людей советовал монахам Арсений великий и почти все великие подвижники стремились всегда в пустыню и уединение, боясь как огня мирской славы. «И ты господине князь Юрий не подиви на нас о сем, понеже, господине и сам выдаешь каков нам вред приходит от похвалы человеческие, наипаче же нам страстным. Аще кто, господине, воистину свят и чист сердцем, ино и тем

повреждение бывает от тоя тяготы; а нам, господине, еще всякой страсти повинным, велика спона души от того» писал пр. Кирилл белозерский к галичскому князю, желавшему посетить отшельника. Потому два друга, несмотря на то, что один из них находился уже в таком возрасте, когда люди обыкновенно ищут покоя и не любят перемен в жизни, оставили свои монастыри и пошли искать себе для жительства такого места, где бы, не развлекаясь ничем, неведомо для людей всецело посвятить себя на служение Богу. Всего имения и богатства было с собою у Логгииа одно только деревянное распятие, которое дали ему в благословение от монастыря¹⁸⁸. Спустившись водою от Вологды до Устюга, странники скоро достигли Сольвычегодска и на некоторое время остановились в тамошнем Борисоглбском монастыре; но жажда пустыни стала здесь томить их еще сильнее и заставила снова отправиться в путь. Вышедши из города, странники пошли вверх по левому берегу реки Вычегды и дойдя до устья речки Коряжемы, остановились на берегу ее, в глухом лесу, в 15 верстах от Сольвычегодска. Логгину понравилось это пустынное место и он решился навсегда тут остаться. Не противорчил тому и спутник его Симон. Помолившись Богу оба друга начали рубить лес и расчищать место, на котором общими силами построили сперва келью, а потом и часовню. Плакал от радости старец Логгин, будучи весьма доволен своею пустынькою и не находил слов, чтобы возблагодарить своего спутника за то, что указал такое прекрасное и уединенное место. Сей покой мой во век века, здесь веселюся, яко изволих и (псал. СXXXI, 14), се удалихся бегая и водворихся в пустыни (псал. LIX, 8), говорил он входя в келью после целодневных, тяжелых трудов, то по устройству себе помещения, то по очищению и приготовлению земли для посева хлеба, – ибо, не смотря на свою старость, он хотел питаться плодами рук своих.

Блаженный Симон не долго пробыл вместе с Логгином на устье Коряжемы; пособив старцу устроиться он оставил его и пошел далее вверх по Вычегде, на речку Сойгу, за 60 верст от Коряжемы. Логгин остался один и весь предался богомыслию, дни и ночи проводя в непрестанных молитвах и псалмопении.

Скоро весть о нем разнеслась по окрестности и к нему стали приходить люди, желавшие разделять с ним пустынные труды. Напрасно старец сперва старался всем отказывать, представляя трудность жизни в пустом месте, совершенное неимение средств к пропитанию и – свое желание жить одному в уединении и безмолвии. Слова старца еще более привлекали к нему приходящих, так что первоначально построенная им часовня уже не могла вмещать в себе всех поселившихся с ним пустынников и надобно было озаботиться построением молитвенного храма более просторного. Братия стали просить старца построить вместо часовни церковь и учредить при ней правильное общежитие. Не так думал, не того желал пр. Логгин, неприятны и совершенно не по сердцу были для него слова братии; но приняв желание братии за указание воли Божией, не смел преподобный, давно отрекшийся своей воли, противиться указанию свыше. Он построил храм во имя святителя Николая, трапезу и прочие необходимые для общежития службы, – таким образом составила обитель Коряжемская и сам блаженный старец был первым ее игуменом¹⁸⁹.

Принявши старейшинство над братиею, пр. Логгин старался превзойти всех подвижническими подвигами и, не смотря на преклонные лета свои, всегда первый выходил на монастырские труды и более других работал для своей пустынной общины. Еще до ныне цели выкопанный им колодезь, находившийся в его время в самой братской трапезе, а ныне вблизи храма, уже на отрытом воздухе; цела жесткая и колючая власяница, которою он постоянно изнурял постническое свое тело; сохранилась и священническая фелонь, в которой он воздевал преподобные свои руки, принося Богу бескровную жертву. Пришедши на Коряжему в преклонных летах, уже украшенный сединою, пр. Логгин недолго пожил в своей новой обители. После многолетних трудов и подвигов в Павлове монастыре, блаженный старец, как будто для того именно и вызван был Промыслом на пустынные берега Вычегды, чтобы устроить здесь иноческую обитель и, по устройении ее, переселиться в обитель вечную. Блаженная кончина его последовала 10 февраля 7048 (1540) года при архиепископе ростовском

Досифее. Умирая старец заповедал ученикам своим похоронить его при входе в храм у самого церковного крыльца, чтобы все идущие в церковь и из церкви попирали его могилу. Так смиренная душа, бегавшая славы человеческой при жизни, не хотела ее и по смерти! Как нн тяжело было для братии исполнение этого завещания, однако они не смели преступить его и погребли своего отца «у лестницы папертные», там, где он сам приказал. Но Бог смиряющий гордых и возносящий смиренных, недопустил чтобы многотрудное и святое тело Его угодника навсегда оставалось в небрежении и было попираемо, и еще при жизни и в виду тех, которые погребали, прославил его нетлением и чудесами.

В 7065 (1557) г., 15 лет спустя по преставлении пр. Логгина, устюжский воевода князь Владимир находился в столь сильном расслаблении что не мог двинуть ни рукою, ни ногою, болезнь была так тяжела и упорна, что никакие лекарства не приносили больному ни малейшей пользы. Находясь в столь безнадежном положении, всевода увидел однажды во сне старца, который сказал ему: «князь Владимир, если хочешь быть здоровым, молись Богу и обещайся вскоре побывать в Коряжемском монастыре и прикажи тамошнему игумену и братии перенести на иное место тело начальника того монастыря, игумена Логгина, и будешь здоров. Ибо неприлично телу Логгина почивать на том месте, где оно ныне находится». Явившийся старец подробно рассказал, где находится тело и куда перевести его. Пробудившись от сна, князь Владимир весьма дивился необычности и ясности своего сновидения и, не надеясь получить облегчение от лекарств решил немедленно отправиться на Коряжему. По прибытии в монастырь он сам указал место, где был погребен преподобный и куда надлежало перенести его, – хотя до того времени не только никогда не бывал в монастыре, но даже и не слышал о нем. Когда по его приказанию, гроб пр. Логгина был вынут из могилы и перенесен в новую, близ северной стены церкви, князь тотчас же сделался совершенно здоров, как будто не подвергался болезни. Радуюсь и благодаря Бога и Его угодника за свое чудесное исцеление, князь рассказал игумену и братии о бывшем ему сновидении и

приказал над гробом преподобного устроить палатку или часовню. Когда слух об исцелении князя разнесся в народе, многие стали приходить в монастырь и совершать над гробом преподобного панихиды; все приходившие с верою получали исцеление от своих болезней.

Пр. Логгин, подавая при гробе своем исцеления невидимо, являлся иногда и видимо, когда того требовало душевное состояние некоторых из братии, для большего укрепления их в иноческих подвигах. Так 11 февраля 7126 (1618) г. на другой день его памяти, когда игумен Феодосий с иеромонахом Дионисием, священником Гавриилом и диаконом Филиппом совершали соборную панихиду в гробовой палатке, один из предстоявших тут братий инок Иродион внезапно увидел среди служащих старца сияющим постническим лицом и круглою седою бородою, в светлых и драгоценных священнических ризах. Во все время совершения панихиды Иродион пристально смотрел на него, удивляясь внезапному его появлению между служащими и думая, кто бы это такой был, ему неизвестный? Еще более удивился он, когда при окончании панихиды старец стал невидим. Когда Иродион тут же пред всеми с клятвою объявил о своем чудном видении, то все признали, что это был сам пр. Логгин, и стали усерднее отправлять по нем панихиды.

Много и других дивных чудес совершалось при гробе пр. Логгина. Так Агриппина, жена сольвычегодского кузнеца Василия Худоногова, страдала столь тяжкою и страшною болезнью, что во время припадков теряла всякое сознание, падала на землю как мертвая, глаза ее делались косыми и выходили из своих орбит, изо рта шла пена и все лицо ее до того искажалось от конвульсий, что страшно было и взглянуть на нее. Не получая ни от чего помощи, страдальца дает обещание сходить в Коряжемский монастырь и поклониться гробу пр. Логгина. Обещание исполнено, Агриппина приходит в монастырь, припадает ко гробу пр. Логгина, со слезами прося себе исцеления, и затем в течение нескольких дней своего пребывания в монастыре, она все время проводит на молитве в гробовой палатке. Однажды, когда страдальца с особенным усердием и многими слезами просила преподобного о своем

исцелении, внезапно ее ударило о землю столь сильно, что не слышно стало в ней дыхания и она казалась умершею. Мало по-малу, как бы пробуждаясь от тяжелого сна, она начала двигаться, приходить в сознание и наконец села, чувствуя себя совершенно свободною от своего страшного недуга. Она тотчас же заявила о своем исцелении игумену и братии и, проникнутая благодарностью к преподобному, дала обещание три раза в год приходить на поклонение ко гробу пр. Логгина.

Анна, жена крестьянина Пачеозерской волости Антипы Надозерского, «бе добротна телом и лицом красна. И позавиде ей супостат наш диавол, устрели неких юнош нечистою к ней любовью, кои всякими сатанинскими мечтаньми и словесы льстивыми покушахуся привлечь ю на свое лукавое хотение; она же, целомудренна сущи, никакоже того восхоте и все их ласкаше попра и отрину». Чтобы достигнуть своей цели, юноши прибегли сперва к колдовству, а когда и то недействовало, они, ослепленные страстью и озлобленные не успехом, решились отравить ее. «И даша ей отраву смертную, да Быша не зрели доброты ее». Как скоро совершилось это незаконное дело, несчастная страдальца начала чувствовать в своем животе такую боль, как бы змея терзала ее внутренности, так что приходила от того в исступление ума, подвергалась икоте и начинала кричать разными неестественными голосами. Невозможно и высказать всего того, что вытерпела страдальца от злых людей за свое целомудрие. Находясь в столь бедственном положении и ни от чего не получая себе ни малейшего облегчения, Анна обратилась с молитвою к Богу и стала призывать себе на помощь пр. Логгина, а мужа своего просила свезти ее в Коряжемский монастырь. Лишь только она высказала свое желание, как внезапно лишилась рассудка и подверглась такому тяжкому припадку, что едва осталась жива, во всем теле ее не было члена, которым бы она не билась и не страдала. В то же время явился ей старец и сказал: исполни скорее то, что задумала, иди в Коряжемский монастырь, поклонись гробу Логгина и Господь избавит тебя от болезни». Очувствовавшись больная рассказала о своем видении и муж поспешил свезти ее на Коряжему. Здесь в церкви, во время

литургии, сделался с нею снова припадок умоисступления; когда ее вывели из церкви в гробовую палатку, Анну ударило о землю столь сильно, что долго она лежала при гробе преподобного как мертвая. Потом как бы пробудившись от сна, скоро встала и чувствуя себя свободною от своей страшной болезни, со слезами, во всеуслышание стала благодарить Бога и угодника его пр. Логгина.

Священник Гавриил из Устюга, церкви великомученицы Варвары, долгое время был нездоров ногами, так что не мог перейти с места на место. После долгого лечения у многих врачей, невидя пользы от лекарств и чувствуя, что болезнь еще более усиливается, он велел везти себя в Коряжемский монастырь для поклонения гробу пр. Логгина. Родственники исполнили его желание и оставили на некоторое время в монастыре, поместив его в келье, находившейся против дверей часовни, в которой почивал преподобный. Однажды днем Гавриил, выползши из кельи в сени и отворив немного наружную дверь, читал канон преподобному, со слезами прося себе исцеления. Во время молитвы он вдруг слышит голос, назвавший его по имени: «Гавриил, Гавриил!». Взглянув на часовню, он увидел в дверях ее преподобного, стоявшего в блестящих, священнических ризах и призывавшего его к себе. Гавриил напрягает все свои силы, с великим трудом и с нестерпимою болью в ногах ползет к часовне, стараясь скорее достичь до преподобного, но когда он добрался до часовни, в ней уже никого не было. Припадая к гробу, Гавриил со слезами стал призывать преподобного на помощь, во время своей молитвы он ощутил необыкновенное благоухание от гроба преподобного и тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым.

Крестьянин Лупп Опухляпов, из деревни Емышева, принадлежавшей Коряжемскому монастырю, работая в своем доме, посек себе топором руку. В досаде и ярости на это, он вышел из себя, бросил топор и начал сквернословить, проклинать тот день и богохульствовать; не успокоившись еще совершенно от своего безумного гнева, он пошел в лес за каким-то крестьянским делом и там мало по-малу начал

ослабевать телом и приходить как бы в исступление ума. Почувствовав в себе болезнь, он поспешил возвратиться и едва добрался до дому, болезнь быстро развивалась, не уступая никаким лекарствам, и вскоре усилилась до того, что он не мог двинуть ни рукою ни ногою, непрерывно кричал от боли и ежечасно ожидал себе смерти. Страдая так долгое время и уже напутствованный св. тайнами, он лежал однажды в своей постели, закрывши глаза и как бы погружившись в сон, – вдруг ему показалось, что двери его комнаты отворились и в нее вошел светлообразный старец, подошел к его постели и начал веять над ним своею одеждою. «Не хули Бога творца своего, говорил старец, чтобы не было тебе еще хуже, иди своро в Коряжемский монастырь, отправь молебен Спасителю и Божией Матери, поклонись гробу Логгина и будешь здоров». Лупн, открывши глаза никого уже не увидел в комнате, кроме своих родственников печальных и плачущих, которые думали, что он уже умер. Он рассказал им свое видение и, чувствуя облегчение болезни, встал с постели и начал ходить, сперва поддерживаемый домашними, а потом вскоре пришел в монастырь уже совершенно здоровым. Видение было ему 2 мая 1646 года.

В 1678 (7186) году 10 июля один из иноков Коряжемского монастыря, пришед в свою келью после утреннего пения, прилег отдохнуть. В тонком сне ему показалось, будто он стоит в церкви, близ гробницы пр. Логгина, а против царских врат лежит на одре блаженный старец с седою бородою, длины и ширины умеренной, вокруг одра стоят священники и множество других людей, которые, указывая на одр, говорили между собою: «вот пр. Логгин начальник». Хотя инок видел со своего места, что старец жив, и слышал его голос, но подойти к нему не смел, – тогда старец, обратившись к нему лицом, сказал: «подойди ко мне». Инок подошел и получив благословение старца, решился спросить его: «знаешь ли меня, отче святой?». «Без меня пострижен», отвечал старец. Пробудившись от сна инок весь день чувствовал в своем сердце необыкновенную радость, вспоминая видение, которое было так живо и ясно, как

бы случилось на самом деле. С того времени инок тот стал иметь живую веру к пр. Логгину.

В 7173 (1665) г. 9 мая вместо деревянной Никольской церкви, построенной пр. Логгином, по приказанию и на иждивение преосв. Александра, епископа Вятского и Великопермского, заложена была каменная во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом во имя святителя Николая, которая и освящена была лично преосвященным 9 февраля 1671 г., накануне памяти пр. Логгина. Место погребения пр. Логгина пришлось теперь внутри церкви, при северной стене и над ним устроена была гробница, украшенная позолоченною резьбою, покрытая пеленою с вышитым на ней изображением преподобного и сказанием о перенесении мощей его¹⁹⁰. В 1871 г. 18 июня, в 10 часов вечера, две из пяти глав Благовещенской церкви с немалою частью свода провалились, причем кирпичем и мусором гробницу преподобного завалило на три аршина с половиною. К счастью не только гробница и находившаяся на ней пелена с изображением преподобного, крест черного дерева, принесенный им из Павлова монастыря и евангелие в 4°, употреблявшееся при совершении молебнов преподобному, нисколько не повредились; – но даже остался целым стоявший на гробнице стеклянный футляр, покрывавший резное изображение главы св. Иоанна крестителя, между тем как все прочее, находившееся в церкви и алтаре, было разбито в мелкие щепы. Какой урок, какое сильное обличение современному неверию, отвергающему чудесное и старающемуся объяснить все силами природы! Событие случилось так недавно и так много имеет еще живых свидетелей, что и самый упорный скептик не осмелится назвать его легендою и невольно должен признать в нем перст Божий (Исх. VIII, 19).

По случаю разобранья ветхой Благовещенской церкви рака пр. Логгина 18 марта 1872 г. была перенесена в теплую Спасскую церковь и поставлена близ северной стены ее, за левым клиросом. Служба пр. Логгину составлена в половине XVII в. Александром. Епископом вятским и великопермским. По

штатам 1764 г. Николаевский Коряжемский монастырь поставлен в третьем классе, но в 1863 году приписан к Сольвычегодскому Введенскому монастырю.

Преподобный Симон Сойгинский

Преподобный Симон, сын Никиты Тентюкова, одного из жителей Сольвычегодска, рано почувствовал в себе отвращение от мирской жизни и в молодых годах оставив дом родителей, пришел в монастырь к пр. Корнилию Комельскому, усердно прося себе пострижения. Прозорливый старец, склонясь на неотступные просьбы и слезы юноши и провидя в нем истинного подвижника Божия, принял Симона, и после пострижения в мантию, поручил его одному опытному старцу. Преподобным Корнилием дан был своей обители особый устав, строго определявший обязанности каждого инока. Симон всего себя посвятил тщательному исполнению его и подвигам поста и молитвы, стараясь во всем подражать своему великому наставнику. Проходя различные монастырские послушания в среде таких подвижников, каковы были ученики пр. Корнилия: Геннадий Любимский, Кирилл Новоезерский, Иродион Илоезерский, Адриан Пошехонский и Лаврентий Комельский, новый инок скоро и сам приобрел навык в иноческой жизни и в течение многих лет, до самой кончины пр. Корнилия, неисходно подвизался в его обители. Более и более возрастая и укрепляясь в жизни духовной, Симон сделался примером для многих из братии и от всех заслужил себе уважение. За долго до кончины пр. Корнилия Симон случайно познакомился с единоправным себе иноком соседнего Павлова монастыря Логгином и стал питать к нему братскую любовь, так как оба они стремились к одной цели. Начиная тяготиться многолюдством своих обителей и частым присутствием в них мирских людей, Логгин и Симон во взаимных беседах часто выражали друг другу желание жизни пустынной, отшельнической, оба находили уединенную жизнь более для себя полезною и спасительною. Логгин давно уже намеревался выйти из монастыря, но любовь к престарелому отцу и наставнику Корнилию удерживала Симона в обители; он просил своего друга отложить исполнение общего их желания до кончины пр. Корнилия, обещаясь быть тогда его спутником и указать места, весьма удобный для

пустынножительства. Весною 1537 года пр. Корнилий скончался и хотя еще за год до кончины своей передал управление монастырем вполне достойному преемнику, ученику своему блаженному Лавревию, – но пр. Симон, подобно многим другим своим сподвижникам, уже не захотел оставаться в осиротелой обители и, после погребения старца, вскоре вышел из нее. Вместе с Логгином он направился к своей родине Сольвычегодску, надеясь там, среди неизмеримых и девственных лесов найти себе удобное для жительства место. Достигши Сольвычегодска, странники остановились в Борисоглебском монастыре, где и пробыли несколько времени, но любовь к пустыне и уединению влекла их далее. Преподобный Симон еще и потому не хотел оставаться в этом монастыре, что здесь у него было много родных и знакомых, а он стремился в уединении, неведомо для людей, служить единому Богу и как огня боялся мирской славы. Вышедши из Борисоглебского монастыря, странники остановились в 15 верстах от города при устье речки Коряжемы. Преподобный Логгин решился поселиться на этом, действительно прекрасном и удобном месте, а так как он был уже в летах преклонных и изнурен иноческими подвигами, то остался с ним и Симон и помог ему устроить келью и часовню. Поживши с Логгином несколько времени, пр. Симон, вследствие близкого расстояния от города, не нашел этого места достаточно для себя удобным и пошел далее вверх по Вычегде искать себе нового места для подвигов. В 60 верстах от Коряжемы, на высоком и крутом берегу Вычегды, при устье речки Сойги, в дикой тогда пустыне, под сенью вековых деревьев, он поставил себе малую келью и стал подвизаться в ней в совершенном уединении и безмолвии. «Лета 7047 (1539) сентября в 16 день, на память святой великомученицы Евфимии всехвальные, пришел на устье реки Сойги, на плесо Вычегодское, на дикий лес игумен Симон, постриженник и ученик Корнилиев, что на Комеле, и поставил церковь Преображения Спасова в лето 7048 (1540) мая в 8 день, а священа та церковь в лето 7049 (1541), мая в 17 день, при архиепископе ростовском Досифее, а преставися игумен Симон в лето 7070 (1562), ноября в 24 день, на память

великомученицы Екатерины, при архиепископе ростовском Никаноре и положен бысть в своем строении, идеже обитель созда Преображения Господня», говорит древняя летопись. Как ни глухо и ни пустынно было место, избранное Симоном для своего уединения, скоро однако узнали о нем окрестные жители и к нему стали собираться любители пустынного безмолвия, так что преподобный вынужден был переменить первоначальное свое намерение касательно уединенной жизни и, построивши храм, принять начальство над образовавшеюся обителью. Строгий постник и усердный молитвенник вел своих учеников к блаженной вечности примером собственной святой жизни, он в том только и поставлял честь своего игуменства, чтобы трудиться и молиться всех более. Двадцать лет пр. Симон подвизался в своей обители, под конец жизни имел утешение слышать о чудесах и прославлении друга своего пр. Логгина и сам, достигши маститой старости, тихо и мирно скончался, оплаканный своими учениками. Мощи его почивают под спудом в церкви св. великомученицы Екатерины, построенной в память его преставления. Это одна из трех каменных церквей, оставшихся от его обители, упраздненной в 1791 году. В древних рукописных святцах XVII века пр. Симон Сойгинский именуется новым чудотворцем. Память его совершается в день его преставления 24 ноября.

Преподобный Христофор Коряжемский

В 1537 году, когда пр. Логгин поселился при устье реки Коряжемы и стал принимать к себе учеников, желавших разделять с ним пустынные труды, блаженный Христофор был одним из первых его постриженников и сподвижников. Не дошло до нас никаких сведений о том, откуда он был родом, какого звания и в каком возрасте пришел в пустыню; но, принимая во внимание то, что он пришел к пр. Логгину вскоре после его прибытия на Коряжему, о чем не могли знать жители дальних мест, надобно полагать, что он родом был или из Сольвычегодска или из ближайших его окрестностей. То обстоятельство, что не смотря на существование монастыря в городе, где можно было и принять монашество и проводить жизнь в довольстве и спокойствии, – Христофор пришел в пустыню в Логгину, показывает, что это был человек с глубоким религиозным чувством, с высокими стремлениями и с сильным духом. Он ищет в монашестве не покоя и довольства, а лишений, трудов и подвигов; он идет к Логгину, у которого ничего не было, который сам не знал, чем будет питаться и как будет переносить пустынные труды и лишения, идет следовательно с зрелым убеждением в суетности всего земного и с твердою решимости посвятить себя на служение единому Богу, Ему одному посвятить все свои мысли, чувства, желания и стремления, ради неземного, а небесного переносить все невзгоды, трудности и лишения пустынной жизни, вести постоянную борьбу с плотью и с искушениями духа. Преподобный Логгин понял и оценил эту твердую решимость, он постриг и приблизил в себе новонаначального инок, стараясь передать ему все опыты и наблюдения своей долголетней, подвижнической жизни. Преподобный желал, чтобы его ученик не по имени только был Христофором, но, по правилу иноческому, постоянно имея на устах спасительное имя Иисуса, соделал и сердце свое жилищем Христа Спасителя. Не напрасны были старания старца. Наставления преподобного падали на добрую землю, учение старался во всем подражать

своему учителю, возрастая и укрепляясь в духовной жизни. В первые годы, по устроении монастыря, подвижники во всем ощущали недостаток и часто не имели самого необходимого. Когда в таких случаях Преподобный замечал, что Христофор начинает смущаться и сетовать, то утешая его говорил, что иноку не сетовать, а радоваться тому надобно, как дару небесному и знамению любви Божией, что благодушное терпение скорбей и лишений делает инока общником страстей Христовых, уподобляет святым угодникам и отличает любимцев Божиих от людей, преданных миру, что первые живут в скорбях и нужде, а последние наслаждаются довольством и счастьем. «И сего ради с радостью подобает нам шествовати путем сим. Прежде скорби, якоже кто странен человек молится Богу; внегда же внидет во искушение любви Его ради, тогда якоже кто должника имеяй Бога, яко искренний друг вменяется от Бога».

Недолго суждено было Христофору пользоваться наставлениями своего учителя. Преподобный Логгин, пришедши на Коряжему уже в преклонных годах, скоро преставился. Видя ученика своего еще не достигшим совершенства иноческого и по собственному опыту зная, сколь необходимо и полезно для новоначальных иноков общежитие, он советовал своему ученику и по кончине своей оставаться в обители и быть в таком же послушании игумену, как и ему самому. Христофор исполнил заповедь учителя и еще десять лет подвизался в Коряженской обители. Каждый день по несколько раз он приходил к его могиле, вспоминал наставления старца и спрашивал сам себя, так ли он живет и подвизается, как тот учил его? По мере усовершенствования в иноческих подвигах, в нем сильнее и сильнее стало развиваться стремление к уединению; долго он боролся с этим желанием, глубоко запавшим в его душу, но не мог его преодолеть и наконец вышел из монастыря и поселился в лесу, в вершине речки малой Коряжемки, в 20 верстах к югу от монастыря. Здесь он стал подвизаться в совершенном безмолвии и уединении, часто целые дни и ночи проводил в молитве пред иконою Божией Матери Одигитрии, которою его благословили при выходе из монастыря и для которой он устроил близ своей кельи часовню. Когда узнали о пустыннике

окрестные жители, то стали приходить к нему один за другим и ставить себе кельи близ его хижины и просить от него пострижения. Многие из молившихся в его часовне пред иконою Богоматери получали исцеление от своих болезней; это еще более стало привлекать к пустыннику как богомольцев, так и желавших с ним сожительствовать, так что пр. Христофор, против воли своей, должен был построить храм и принять начальство над составившеюся обителью. Около 7063 (1555) г. церковь была освящена во имя иконы Божией Матери Одигитрии, исцеления от которой, по освящении церкви, стали получаться еще чаще. Кроме этой чудотворной иконы в 150 саженьях от церкви открылся целебный источник из камня, что еще более прославило новую обитель, молва о которой достигла до самой Москвы. Царица Анастасия Романовна, услышав о чудесах от иконы Пресвятой Богородицы и о целебном источнике, пожелала пользоваться его водою и по приказании царя Иоанна Васильевича пр. Христофор должен был лично доставить ее ко двору. Велика была радость царя, когда царица получила облегчение от своей болезни, испив целебной воды, и по царски наградил он старца, давши достаточную сумму денег на устройство обители. Но чрез это его обитель еще более сделалась известною и теряла характер пустыни, а блаженный Христофор только и думал о безмолвии и уединении. Поэтому возвратившись в монастырь, чтобы не показаться ослушником воли царской, преподобный вскоре приступил к устройству обители и храма Пречистой Богородицы, по окончании же постройки, скрылся из обители. Тому, кто всецело предан был Богу и горел к Нему пламенною любовью, кто постоянно в сердце своем носил Христа, тяжело было оставаться в обители, заниматься и думать о чем-либо кроме Его одного (Матф. XII, 30). Пр. Христофор вышел из обители в 7080 (1572) году, но куда скрылся, когда и как скончался, осталось никому неизвестным. В 1764 году пустыня его была закрыта и церковь обращена в приходскую. Истор. иерарх.: 4. VI, стр. 606. Словарь историч. о святых стр. 240. Полный месяцеслов арх. Сергея, июля 25 дня.

Святой Антоний епископ Вологодский и Великопермский

Когда пр. Герасим основал (в 1528 г.) Свято-троицкий Болдинский монастырь в 15 верстах от Дорогобужа, то слава о его подвигах и духовной опытности вскоре привлекла к нему множество учеников, желавших под его руководством проводить иноческую жизнь и достигать спасения своей души. Под конец жизни пр. Герасима у него было до 140 человек братии, не смотря на бедность монастыря и строгость его устава. Приходили к преподобному и миряне, желавшие иночества, и иноки других монастырей, искавшие более строгой жизни и желавшие пользоваться его наставлениями и примером. При отеческой заботливости преподобного о спасении собранного им братства казалось, что все оно имеет одну душу, одно желание, так что и после блаженной кончины пр. Герасима основанный им Болдинский монастырь долго еще славился строгостью жизни своих иноков, между которыми не мало было подвижников добродетели, истинных рабов Божиих. Таков был блаженный , Аркадий, скончавшийся в затворе, и многие другие, основавшие впоследствии свои монастыри¹⁹¹, но всех ближе по духу к пр. Герасиму был инок Антоний. Откуда он был родом и какого происхождения – неизвестно¹⁹². Известно только то, что Антоний был постриженник и любимейший ученик пр. Герасима, он написал житие своего наставника, удостоен был сана священства еще при его жизни и впоследствии достойно заменил его для братии в сане игумена. Ученик во всем старался подражать своему учителю и по смерти Иосафата, преемника св. Герасима, всею братиею единогласно избран был в игумена на его место. Своею отеческою заботливостью о благоустроении вверенного ему стада, кротостью и любовью ко всем, незлобием и детскою простотою сердца он не только привлек к себе сердца братии и служил для нее примером; но и вне монастыря широко распространилась слава о его подвигах и достигла царствующего града. Поэтому, когда вологодская архиерейская кафедра, после епископа

Варлаама 1, сделалась праздною, Антоний собором иерархов признан был достойным занять ее *многого ради добродетельного жития своего*.¹⁹³ Игумен Болдинский, избранный на вологодскую кафедру помимо всех других архимандритов, игуменов и настоятелей монастырей более славных и близких к Москве, был рукоположен в епископа митрополитом Дионисием 11 октября 1586 года и вскоре затем прибыл в Вологду и вступил в управление паствою. С апостольскою ревностью принялся он за управление обширнейшей епархией не жалея ни трудов своих, ни здоровья, стараясь *всем быть вся (1Кор. IX, 22)* и всех привлекая к себе любовью. Не долго впрочем привелось ему с высоты архипастырской кафедры светить пастве светом своих добродетелей и назидать пасомых словом и житием. *От юности пребывая в бдениях и в пощениях*,¹⁹⁴ он как зрелая пшеница, давно готов был в небесную житницу и горел желанием *разрешиться и со Христом быти (Фил. 1, 23)*. Только два года и две недели продолжалось его управление вологодскою епархией. Но и в это непродолжительное время своими отеческими заботами о благе пасомых, тихостью нрава и кротостью обращения, нелицеприятным правосудием, радушием и милосердием к бедным, он снискал у всех такую любовь и уважение, что кончина его для всех была величайшей потерей и несчатием. На погребение его собрался *весь град от мала до велика, мужеска полу и женска*¹⁹⁵ и из такого множества народа не было ни одного человека, который бы не плакал о нем и не обливался слезами от горести.

Как истинный преемник служения апостольского, всю жизнь свою заботившийся только о славе Божией и о пользе ближних, св. Антоний в последний год своей жизни обрадован был чудесным явлением иконы Божией Матери¹⁹⁶ не подалеку от Вологды и последовавшим затем множеством чудес и исцелений. Лишь только дошел до него слух об этом, он немедленно послал на место явления соборного ключаря священника Иоанна Васильева Емельянова для удостоверения в истине. Со слезами сердечной благодарности приемля явление св. иконы как знак особенного благоволения и милости

Божией к пастве и пастырю, он приказал на месте явления св.иконы воздвигнуть храм и устроить монастырь во славу и честь Богоматери.

Уже близок был день блаженной кончины святителя Антония, скоро надлежало ему начать служение в невещественной, небесной скинии, – но Господь восхотел даровать ему еще радость и утешение видеть освящение храма Своего на земле и тем пополнить последнее земное его желание. Так как во время прибытия его в Вологду древний деревянный кафедральный собор Воскресения Христова был уже весьма ветх и клонился к разрушению, а новый каменный Софийский собор, при котором находился уже и дом архиерейский, хотя построен был вчерне еще при Епископе Макарии в 1570 году, но оставался как бы забытым, без всякого внутреннего устройства, – то вблизи архиерейского дома и не было храма. Новый каменный Софийский собор, построенный царскими щедротами Иоанна IV, для внутреннего устройства, по размерам своим, требовал и совровищ царских, и, особенно, продолжительного времени. Неизвестно, имела ли вологодская архиерейская кафедра, при святителе Антоние, средства для этого, но сам святитель, предвидя близость своей кончины, уже не надеялся дожидаться окончания устройства всего храма, – мешду тем отдаленность храма Божия тяготила его душу. В течение столь многих лет привыкши не опускать ни одной церковной службы, теперь, приближаясь в кончине, святитель особенно желал как можно чаще быть при богослужении и укреплять тем свою душу. Поэтому, не приступая к устройству всего храма, он поспешил устроить придельный храм св. Иоанна Крестителя, который к великой своей радости и освятил 1 октября 1588 года¹⁹⁷. Тогда же. по всей вероятности, перенесен им, из ветхого деревянного собора в Софийский, гроб епископа Киприана, единственного его предшественника, скончавшегося и погребенного в Вологде, так как гроб епископа Киприана находится от северных дверей храма на первом месте, а самого Антония уже на втором.

Еще при жизни своего учителя, пр. Герасима († 1554 г. 1 мая) св. Антоний был уже в летах совершенных и удостоен

священного сана (что в тогдашнее время не могло быть ранее тридцатилетнего возраста), – следовательно в год освящения храма И. Крестителя ему было уже более 60 лет от роду. Но в заботах о скорейшем устроении храма Господня, он не обращал внимания на свое телесное здоровье, забывал свою старость и неразлучные с нею немощи, казался бодрым и деятельным, подавая собою пример другим. Вскоре после освящения храма святитель почувствовал в себе упадок сил, с каждым днем становился слабее и слабее и начал готовиться к смерти. Каждодневно он ходил в новоосвященный храм ко всем церковным службам и дома большую часть дня и ночи проводил в молитвах. По прошествии недели, когда здоровье его еще более расстроилось и он сильно изнемог, «в субботу на божественной литургии во свою подобную одежду оболкся, говорит современный писатель его жизни, и всему священному собору мир и благословение подав и сам взя у них прощение и молитвы и тако на своих святительских ногах у икон знаменовався и целовав святые иконы и пред престолом Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во храме св. Иоанна Предтечи своима рукама причастися святых Таин Божественных Тела и Крови Господня и последнюю печать и дар св. Духа приим, ко исходу души своея. Святитель был уже настолько слаб, что по окончании службы едва мог дойти до своей кельи; но и в это время и даже до последних минут своей жизни, перемогая себя, по прежнему с радушием и любовью принимал всех приходивших к нему, со всеми прощался и благословлял всех, так что и по преставлении его охладевшая рука святителя осталась благословляющею. Тихая, мирная, истинно блаженная кончина его последовала в 26 день октября, со среды на четверток в 5 часу ночи, по тогдашнему счислению времени.

Более трех недель тело святителя не было предано земле, пока для погребения его, по распоряжении Московского митрополита Иова, не прибыл из Ростова архиепископ Варлаам, – но и в столь продолжительное время несколько не изменилось и не предалось тлению, а было как бы у спящего. Архиепископ ростовский и ярославский Варлаам с настоятелями ближайших к Вологде монастырей и со всем городским

духовенством, при бесчисленном множестве плачущего народа, с величайшей честью предал земле тело святителя в Софийском соборе, возле северной стены его, на втором месте от дверей, 18 числа ноября». По преставлении его от честного гроба его вернии исцеление приемлют и доньне, всякими недуги и болезнями одержимые молитвами его», говорит современник, оканчивая житие св. Антония. В доказательство истинности своих слов он приводит следующие два чуда.

В лето 7104 (1596) 23 февраля, в понедельник первой недели великого поста, в 8 й год по преставлении святителя Антония, привезли в Софийский собор Богдана Москвитянина жену Дарью Степанову, уроженку тотемскую, находившуюся в исступлении, «связану сущу, нелепая глаголющу и песни бесовские поющу». Поставивши ее близ гроба святителя, велели ей молиться Богу пред св. иконами, стоявшими на его гробнице. Когда же она, не слушаясь приказаний, не переставала петь песни и произносить безумные и неприличные слова, тогда державшие ее родственники стали бить ее по лицу и по глазам, чтобы удержать ее от неистовства. Весь народ, находившийся в церкви, видел ее бедственное положение и с сожалением смотрел на страдания несчастной. В том же состоянии умопомешательства она была приведена и в другой раз в собор, в среду, во время чтения часов. Но когда начали совершать литургию преждеосвященных даров, страждущая внезапно очуствовалась, пришла в здравый рассудок, со вниманием слушала пение и молилась Богу. Поэтому, по окончании литургии, тут же в соборе, у гроба святителя, была развязана и с тех пор уже не подвергалась более своему страшному недугу. О своем исцелении, со слезами благодарности святителю Антонию, она сама заявила настоятелю собора протоиерею Иоанну.

В тот же великий пост, в неделю Православия, 29 февраля, женщина по имени Фекла принесла в собор ко гробу святителя Антония дочь свою младенца Матрону, совершенно ослепшую от болезни, так что и зрачков в глазах не было видно, и просила очередного священника Феодота отпеть панихиду по епископе Антоние. Она сказывала, что дочь ее сделалась слепой еще о

Покрове и что все испробованные ею лекарства не принесли младенцу никакой пользы. По совершении панихиды, когда женщина приложила младенца к гробнице святителя, младенец в виду всех тотчас прозрел, а когда на другой день еще раз младенца приложили к гробнице, то не осталось даже и призааков бывшей болезни. Обрадованная мать тогда же объявила об исцелении своей дочери настоятелю собора протоиерею Иоанну, лично знавшему святителя и участвовавшему в его погребении. Без всякого сомнения чудеса эти не были первыми и единственными при гробе святителя Антония, – так как если бы не было ранее чудес, а вследствие этого и уверенности в народе в благодатную помощь от гроба святителя, – то и родственники умоисступленной Дарьи и мать слепой Матроны не пришли бы ко гробу со своими больными.

В Болдине монастыре, где св Антоний принял пострижение в монашество и долгое время был игуменом, его ученик инок Дионисий долго вел строгую жизнь по уставу и преданию пр. Герасима. Но потом напали на него хульные помыслы и довели его до безумия и бешенства. Братия совершили за него молебствие при гробе пр.Герасима и он тотчас же сделался здоров. Меня немилосердо мучили духи, рассказывал он братии, но теперь пришел ко мне пр. Герасим с вологодским епископом Антонием и прогнали от меня темных духов. Так ученик и учитель, близкие друг к другу на земле, неразлучны стали и за гробом.

Многа же и ина чудеса содеяшася различными недуги одержимым и даже до днесь совершаются с верою приходящим, говорит современный списатель жизни святителя Антония, хотя они и не дошли до нас или по небрежению лиц, бывших при том, или по причине вскоре случившегося (1612 г.) на Вологду нападения поляков и разорения города, во время которого погибли многие исторические памятники нашей письменности.

Святитель Антоний изображается на древних иконах с лицом продолговатым, с черными и длинными волосами и бородою.

Преподобный Феодосий Тотемский

Соль земли тотемской, украшение и похвала церкви, пр.Феодосий, любимый и почитаемый при жизни и еще более прославившийся по смерти, родился в г. Вологде в первой половине XVI века при в. князе Василии Ивановиче (1505–1533 г.). Родители его были люди благочестивые по фамилии Суморины¹⁹⁸, но какого звания и состояния – неизвестно, так как фамилия Сумориных нигде более не встречается в древних актах. Отец его Юлиан старался воспитать сына в страхе Божиим и – дать ему – редкое по тогдашнему времени, – образование посредством научения грамоте, т. е. чтения церковных и душеполезных книг, потому что книг другого содержания в то время еще не было в России. Тогдашняя грамотность если не давала человеку тех познаний и понятий об окружающем нас мире, какими мы обладаем ныне, за то ясно и определенно показывала обязанности его к Богу и не могла развращающим образом влиять на его ум и сердце. Такое воспитание при личном надзоре и попечении благочестивых родителей и при отличных природных способностях и прилежании отрока – не замедлило привести свои плоды. Отрок по летам, Феодосий казался мудрым и сдержанным подобно старцу, не выходя из повиновения воле своих родителей, он стал думать только об угождении Богу и с каждым днем все более и более возгарался любовью к Нему. Шумных собраний и веселых бесед, даже невинных игр и удовольствий, свойственных и позволительных его возрасту, он всегда удалялся, проводя все время или в трудах и занятиях по дому, или в чтении святых книг, так что не было в городе юноши скромнее и воздержнее его.

В XVI столетии окрестности г. Вологды наполнены были иноческими обителями, прославленными их святыми основателями, и многие из вологжан, привлекаемые к монашеству не одним только стремлением угодить Богу и спасти свою душу, но нередко желанием избежать гражданских повинностей, тягостей и забот житейских и проводить дни свои в

покое и довольстве¹⁹⁹, уходили в монастыри и постригались там. Юноша Феодосий, хотя и склонен был к монашеству по своему природному характеру и воспитанию, не последовал однако примеру таких людей и, достигши совершенных лет, по воле и убеждению родителей, вступил в брак, справедливо почитая повиновение родителям более приятным Богу, нежели необдуманные, юношеские обеты иночества. Бог благословил его супружество и вскоре он стал отцом дочери Марины, бывшей впоследствии в замужестве за одним из вологодских граждан. Однако любовь к супруге и дочери не охладила в нем любви к Богу и супружество, соединенное с заботами како угодить жене, не было для него препятствием угождать Богу. Усердно посещая храм Божий, Феодосий старался всем сердцем погружаться в молитву, а чтобы в это время ничем не развлекаться и ни с кем не говорить, он избирал для этого в храме уединенное место где-либо в углу или за столбом и стоял всегда поодаль от людей. Привязанный узами брака в жизни семейной, мирской, он тем не менее постоянно стремился душою в высшему духовному совершенству. Однажды стоя таким образом в церкви и слушая чтение св. Евангелия, он был поражен словами Спасителя: иже любить отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин. И иже не примет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин. (Мф. X, 37–38). Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе (XVI, 24). Феодосий затрепетал от страха и залился слезами. Он полагал, что повинуясь воле родителей и живя в супруестве и среди мира, можно достигнуть высоты нравственного совершенства, но вдруг слышит, что любовь к миру есть вражда на Бога (Иак. IV, 4), что даже врожденная привязанность к самым близким лицам, каковы родители и дети не всегда совмещается с истинною любовью к Богу. Глубоко потрясли и запали в его душу слова Евангелия, тяжелая борьба началась в его сердце и кончилась тем, что он принял твердое намерение оставить мир и посвятить себя иноческой жизни, как только представится к тому удобный случай. Случай этот не замедлил представиться: родители его вскоре скончались и отдавши им последний долг,

он стал свободен. Правда, и теперь еще оставались узы, привязывавшие его к миру, — в лице малолетней дочери, нуждавшейся в его отеческом попечении²⁰⁰, но усиленными своими просьбами он успел склонить родственников взять ее на свое попечение, что впрочем и не было для них обременительно, так как Феодосий, оставляя мир, оставлял и все, что имел в нем, и не брал с собою ничего из своего имения. Устроив таким образом судьбу дочери²⁰¹ и устранив последнее препятствие к иноческой жизни, он тотчас же решился оставить мир и придя в Прилуцкий монастырь стал усердно просить у настоятеля иноческого пострижения Прилуцкий игумен по близости обители к городу лично знавший Феодосия, как человека самого честного и благонадежного, еще в мире уподоблявшегося инокам, согласился исполнить его просьбу, не подвергая его обычному продолжительному искусу, он постриг его в мантию и поручил опытному старцу для усовершенствования в иноческих подвигах. Новый инок, видя исполнение своего сердечного желания, плакал от радости, благодарил Бога и всего себя предал воле наставника. По его приказанию он прошел все тяжелые монастырские послушания: рубил дрова, носил воду, молот муку, пек хлебы, трудился в поварне и все делал с усердием и любовью, стараясь услужить каждому из братии и в тоже время успевал первым придти в церковь в богослужению и не опускал ни одной службы. Стараясь во всем подражать основателю обители пр. Димитрию, он часто приходил к его гробу и припадая со слезами просил себе его молитв и помощи; подобно Димитрию он употреблял в пищу только хлеб и воду и то в малом количестве, так что все удивлялись его воздержанию и посту. Такая строгая, подвижническая жизнь и усердные труды не могли не обратить на него внимания и не снискать Феодосию всеобщей любви и уважения. Вследствие этого как самый верный и надежный из всей братии, он был послан игуменом в Тотму на соляной завод для присмотра за монастырскими варницами.

Это послушание — вдали от обители и от надзора монастырских властей — могло быть для других камнем

преткновения и подать повод к искушению, – Феодосию же дало случай испытать себя, насколько он нуждается еще в руководстве других, насколько успел в духовной жизни и способен ли управлять другими. После продолжительной, усердной молитвы при гробе пр. Димитрия, принявши благословение игумена, пр. Феодосий отправился в путь, благополучно достиг Тотьмы и с великим усердием и старанием принялся за исполнение порученного ему дела. Управление его было таково, что Прилуцкий монастырь никогда не получал от варниц столько выгоды, как при нем, и ни при одном из его предшественников в управлении, солевары и другие рабочие не были всем так обеспечены и довольны, как при нем. Все рабочие с первого же раза встретили себе в новом надсмотрщике отца и благодетеля, готового всегда им помочь, и стали смотреть на него как на Ангела Божия. Пребывание на варницах не было бесполезно и для самого Феодосия. Часто он подолгу стоял в варницах и смотря на пылающий огонь, на кипящий и клокочущий рассол, представлял себе огонь вечный и муки уготовавные грешникам, и слезы умиления текли по постническому его лицу. «Феодосий терпи этот жар и огонь, чтобы избежать огня геенского, трудись в поте лица над солью вещественною, чтобы иметь в себе соль духовную и сохраниться от тления греховного», говорил он сам с собою, возбуждая себя к подвигам. Сколь ни свята и ни богоугодна была его жизнь на заводе, как все ни хвалили и ни ублажали его, он сам не был доволен собою и предпочитал такой жизни монастырское безмолвие и уединение. «Монах вне ограды монастыря все равно что рыба вне воды», говорил он и потому чаще и чаще ему стало приходить на мысль или возвратиться в обитель или тут близ завода построить монастырь. В то время жители старого посада переселялись от варниц на берег реки Сухоны, где ныне находится г. Тотьма, с удалением их менее стало на варницах шуму и молвы житейской. Сам промысл как бы указывал этим место для обители и способствовал осуществлению его желания, с кем Феодосий ни говорил о своем желании устроить монастырь, все находили его мысль прекрасною и полезною и просили привести ее в исполнение.

Странствуя по окрестным местам чтобы избрать место для построения обители, пр Феодосий пришел наконец на мыс, образуемый слиянием двух речек Ковды и Песьей-деньги, ему понравилось это прекрасное и возвышенное место, с двух сторон омываемое водою и огражденное высокими горами, покрытыми лесом. Место это принадлежало одной крестьянской вдове Марии Григорьевне Истоминской, которая, узнавши о намерении старца построить на нем монастырь, охотно согласилась уступить его и дала ему дарственную запись²⁰². Обрадованный такою уступкою Феодосий поспешил в Прилуцкий монастырь просить игумена о сложении с него смотрительской должности на соляном заводе и об увольнении из обители, вместе с этим он просил себе благословения на построение монастыря на избранном им месте. Игумен Арсений, старец опытный, управлявший Прилуцким монастырем около 20 лет, хотя и сожалел, что лишается в Феодосии самого верного надсмотрщика и усердного служителя своей обители, однако не захотел препятствовать благочестивому стремлению его души и, преподавши ему наставление, с молитвою и благословением отпустил его из своей обители.

Достигши Тотьмы утомленный путник прилег отдохнуть на берегу Ковды, потом перейдя в брод реку взошел на гору и поставил крест на том месте, где ныне стоит монастырь. Здесь, воздевши руки к небу, он со слезами долго и пламенно молился Богу, прося Его благословения вселиться тут и основать иноческую обитель. Молитвою и водружением креста освятивши избранное место, пр. Феодосии устроил себе для жительства сперва небольшую кушу из древесных ветвей, для зимнего же времени выкопал пещеру в земле, а вскоре за тем построил келью, так что все время у него проходило или в трудах или в молитве. Жители Тотьмы и окрестных селений, знавшие и любившие Феодосия еще во время пребывания его на варницах, как скоро услышали о поселении его между речками Ковдою и Песьею-деньгою и о намерении построить монастырь, стали часто приходить к нему для посещения и приносят все необходимое для жизни. Усердие их к старцу-подвижнику и желание иметь близ своего города иноческую обитель были так

велики, что она отдавали ему свои паи в варницах, другие-поля, пожни и разные угодыя. Видя такое усердие жителей пр. Феодсий посоветовал им написать челобитную к царю о дозволении построить монастырь, на что те охотно согласились и в челобитной своей просили сделать Феодосия начальником обители. «На Тотьме и во всем Тотемском уезде монастыря нет и кто де их при старости и при смерти захочет постричься, ино де ему постричься негде; и в том де им бывает нужда великая, а хочет де у них на Тотьме церковь воздвигнути и монастырь строити собою, в том монастыре строителствовати старец Феодосий Суморин» – писали тотемцы в челобитной и просили государя исполнить их общее желание. Пр. Феодосий в 1554 году отправился с этою челобитною в Москву к царю и митрополиту и 20 февраля получил несудимую грамоту, которою царь дозволил ему строить храм и обитель на избранном им месте и освободил новый монастырь от суда тотемского наместника. Митрополит Макарий приказал ростовскому архиепископу Никандру²⁰³ – в ведении которого находилась тогда Тотьма – выдать Феодосию грамоту на построение храма и обители и снабдить его всем необходимым для освящения церкви. На обратном пути из Ростова пр. Феодосий зашел в Прилуцкий монастырь в последний раз поклониться раке пр. Димитрия и испросить его молитв и благословения на свое предприятие, от игумена монастыря он получил в благословение икону Божией Матери, известную ныне в обители под именем Суморинской-чудотворной²⁰⁴.

По возвращении в Тотьму пр. Феодосий немедленно приступили к построению обители, при содействии и помощи граждан он в один год поставил деревянную церковь во имя Преображения Господня, трапезу, кельи для братии и другие необходимые для общежития службы и постройки. Вскоре его обитель наполнилась братиею и хотя не имела еще земель и угодий, однако от расположения к ней окрестных жителей, в ней во всем был достаток и изобилие. Чтобы обеспечить свой монастырь и на будущее время пр. Феодосий как попечительный хозяин купил мельницу на Песьей-деньге и лежавший против нее по берегу реки сенной покос, овин и гумно, а в 1555 году

выпросил у царя другую грамоту, которую ему позволялось иметь на тотемских солеварнях свои трубы и добываемую соль продавать без пошлины²⁰⁵. По этой грамоте еще при жизни пр. Феодосий у монастыря было уже 6 труб, 4 варницы и 2 лавки в Тотеме для продажи соли. Пр. Феодосий приобрел то куплею, то вкладами много и других угодий для своей обители и на всегда обеспечил братию содержанием, так что видя его распорядительность и неутомимое трудолюбие ростовский владыка поручил ему возобновление запустевшей Ефремовой пустыни, находившейся в том же Тотемском уезде, в займище Левонидовом на реке Реже. Феодосий возобновил ее и собрал братию.

Устрояя и обогащая обители земные, временные, пр. Феодосий еще более заботился об уготовлении себе и другим обители вечной на небесах, – по мере умножения числа своей братии, он увеличивал и заботы о них, непрестанно поучал и назидал их словом, а особенно собственным своим примером, отказывая себе во всем и проводя жизнь самую строгую и подвижническую: тело свое изнурял трудами, постом и всенощными стояниями, душу же укреплял молитвою и не давал себе ослабы и не изменял своего правила до самой блаженной своей кончины. Впрочем мы напрасно бы стали трудиться описывать его келейные подвиги, которые он старался скрывать от всех и которые ведомы единому Богу. Его подвигов не знали даже близкие к нему люди, подвизавшиеся вместе с ним, и только смерть преподобного приподняла несколько завесу тайны и открыла, что этот самопроизвольный мученик носил на себе тяжелые железные вериги, которые от времени врезались в его тело, и под обыкновенную одежду имел жестокую власяницу, до крови терзавшую его тело. Между тем преподобный никогда не показывал и виду страданий, всегда был во всем одинаково радушен и приветлив. Получив сам достаточное образование, он старался просветить и свою братию, для чего кроме богослужебных книг приобретал недешевые в то время учительные книги Ефрем, Златоуст и другие сборники отеческих писаний. По своему смирению он не хотел принять на себя священного сана и будучи начальником и

строителем двух монастырей, навсегда остался простым монахом-схимником.

Проживши в Тотемской обители 15 лет и предвидя близость своей кончины, пр. Феодосий созвал свою братию и приказал написать духовное завещание о том, как управлять монастырем после его смерти. Этот важный исторический документ, ясно представляющий тогдашнее состояние монастыря, сохранился доселе. В нем особенное внимание обращает на себя распоряжение преподобного о своем поименовании. «Пишу сею духовную грамоту при своем животе в своем целом уме и разуме кому ми что дати, или у кого что взять. Дати ми на Прилук к Спасу десять рублей, да на Тотме в городе дати ми по престолу по всем сорокоуста по полтине.... В сенодике записан мой род и вы б поминали, а не выписали мой род и меня; а будет выпишете мой род и меня, ино Всемилоостивый Спас над вами; а чтобы есте пожаловали, Бога ради, учинили без измены, как и в памяти написано, всякую расправу правили по памяти, себе б есте на душу не имали, а моей бы есте души не грузили, а меня грешного Бога ради бы есте простили и помянули во святых своих молитвах и вас Бог простить». Так пр. Феодосий не думал, что поименование усопших – бесполезное суеверие, как думали современные ему проповедники реформы. Он лучше их понимал и человеческое сердце и учение откровенное; он видел, что ни то, ни другое не ставит у могилы предела христианской любви, не пресекает у гроба силы и действия молитв за умерших пред распятым Спасителем мира (Иак. V, 16). Проведши столько лет в подвигах поста и молитвы, пр. Феодосий смиренно просит молитв и поименования о себе, считая нехристианским делом надеяться на свою правду и не чувствовать нужды в помощи других. Духовная была написана 19 декабря, когда старец был еще на ногах, после праздника ему стало тяжелее, так что он уже не мог выходить из кельи. Тогда он снова собрал к себе всю братию и, возвестив им о скором разлучении с ними, преподавал последнее наставление, благословил и простился со всеми, как чадолюбивый отец, обнимая и целуя каждого и у всех прося себе прощения и молитв. Хотя старец не жаловался на тяжесть

своей болезни и не показывал и вида страданий, во уже видно было, что он доживает последние свои дни. Наступило 28 января, старец в полном сознании приобщился св. Таин и творя молитву начал тихо кончаться, как бы погружаясь в сон. Когда братия, по монашескому чину, приступили к омовению тела усопшего, тогда только с изумлением увидали, что на голом теле его под одеждою надета власяница и тяжелые железные вериги, уже врезававшиеся в его тело, о чем никто из них прежде не знал. Блаженная кончина пр. Феодосия последовала в 1568 (7076) году, 28 января, при ростовском архиепископе Корнилии. Святое и трудолюбивое тело его с великою честью и со многими слезами было погребено в созданном им монастыре. Над могилою его была положена каменная плита с следующей высеченною на ней надписью: «лета 7076 месяца Ианнуария 28 дня, преставися раб Божий строитель и начальник сей пустыни Феодосий Ульянов Суморин». Плита эта от бывших в монастыре пожаров разбилась на части. Надобно полагать, что уничтожение надгробной плиты и частые пожары в монастыре были причиною того, что впоследствии место погребения преподобного было забыто. Ибо хотя Бог вскоре прославил своего угодника множеством благодатных чудес и исцелений, так что образ его был написан еще в 1626 году, а потом устроена и рака, осененная балдахинном, но она находилась в церкви, а в 1796 году мощи его обретыны вне церкви.

Так как пр. Феодосий еще при своей жизни лично просил и в своей духовной завещавал братии поминать его в молитвах, то по кончине его сперва одни братия и некоторые из его почитателей и знакомых начали совершать по нем панихиды, потом примеру их последовали приходившие в монастырь странники и богомольцы, и этот обычай с каждым годом все более и более стал укореняться и распространяться. Видя всеобщее уважение к памяти пр. Феодосия и наслышавшись о его богоугодной жизни и трудах, иноки стали просить его молитвенной помощи и предательства пред Богом и по вере своей начали получать различные исцеления, что еще более возбудило в народе благоговение и веру в него, как в угодника Божия. Так в 7114 (1606) году, только чрез 38 лет после его

преставления, когда еще живы были и в монастыре и в городе многие, знавшие его лично, девица Ирина, дочь тотемского гражданина, полтора года лежавшая в расслаблении, увидела однажды во сне монаха с иконою Богоматери в руках, приказывавшего ей идти в монастырь и отправить молебен Спасителю и Божией Матери и обещавшего ей исцеление от болезни. Когда это было исполнено, больная тотчас же сделалась здорова, как бы никогда и больна не была. По ее рассказам о наружности явившегося ей инока, все узнали в нем начальника Феодосия. Когда слух о чудесном исцелении расслабленной распространился в окрестности, одна женщина из деревни Фетино привела в монастырь дочь свою Юстину, много лет уже ничего не видевшую, и просила совершить о ней молебное пение Спасителю и Божией Матери. По совершении молебна слепая Юстина приложилась к гробнице преподобного и мать с дочерью испросили у настоятеля позволение остаться на ночь в церкви для молитвы. Под утро, когда они обе со слезами молились при гробе преподобного, им послышался необыкновенный шум, так что они обе пали от страха на землю и лежали безгласны как мертвые. Мать Юстины пришедши в себя услышала, что кто-то разговаривает за стеною в церкви, вставши она подошла к окну и увидела двух иноков, идущих к церкви и разговаривающих между собою. «Ты брат куда идешь и что несешь?» спрашивал один другого. – Иду в церковь и несу освященную воду, чтобы умыть глаза слепой Юстине – отвечал ему товарищ. «Хорошее это дело» – сказал спрашивавший. Тогда обе женщины припали к раке преподобного и еще прилежнее стали молиться. Юстине послышалось пение ликов, она почувствовала, что ее кропят водою и оттирают глаза ее губкою и покровом с гробницы, – слышала она и то, как ходили около нее, но никого не видела. Когда пения невидимых певцов стало не слышно, слепая прозрела. Утром, когда церковь была отперта, женщины рассказали игумену и братии о случившемся с ними и все прославили Бога и угодника Его чудотворца Феодосия. Вскоре после сего был приведен в монастырь крестьянин Корнилий, три года страдавший от нападения духов нечистых. Страдания его были столь ужасны и невыносимы, что

несчастный часто, вырвавшись из рук своих домашних, убегал в пустые места, бросался в воду, бился головою о стены, или его замертво, с течением пены из рта ударяло о землю. Когда по просьбе вожakov совершено было молебствие Спасителю, Божией Матери и пр. Феодосию и бесноватого приложили к раке преподобного, нечистый дух вышел из него и Корнилий тотчас же пришел в сознание и стал здоров. – Некто Евтихий, долгое время страдавший лихорадкою, по совершении молебствия у гроба преподобного тотчас же получил исцеление, а слепой Петр, родом из Важеского уезда и женщина Марина – стали видеть. – Женщина Татiana была в таком расслаблении, что не владела ни одним членом своего тела и лежала как бревно. Едва живую привезли ее в монастырь, принесли на постели в церковь и положили при гробе преподобного. С великим усердием и слезами она стала молиться пр. Феодосию и вдруг почувствовала себя совершенно здоровою. – Монах Уар из Тотемского монастыря долгое время не мог встать с постели от болезни и не получая ни от чего пользы, просил братию снести его и гробу пр. Феодосия. Братия исполнили его желание и Уар, лежа на постели, начал со слезами молиться преподобному, во время молитвы он вдруг почувствовал себя совершенно здоровым и от радости вскочив на ноги начал славить и благодарить Бога и Его угодника. Услышавши его голос, игумен и братия пришли в церковь и с изумлением увидели Уара – которого за час перед тем принесли на одре едва живого – здоровым так, как будто он и не был болен. – Боярин Головачев (меньший) послан был из Москвы воеводою в Тотьму. Жена его Ирина впала в столь тяжелую болезнь, что лишилась рассудка, начала рвать на себе волосы, дико озираться по сторонам и говорить без ума. Воевода, слышав о чудесах пр. Феодосия, приказал снести ее в монастырь и положить при гробе, а о больной просил отслужить молебен с водосвятием. Как только по окончании молебна игумен осенил ее крестом и покропил водою, больная очуствовалась, встала сама с одра, приложилась ко гробу преподобного и ушла совершенно здоровою. Григорий Болонин, писец тотемской приказной избы, находясь в Москве, сделался так нездоров, что уже отчаялся в

жизни, потому что день и ночь непрестанно шла у него кровь из носа. Готовясь умереть он исповедался и причастился св. Таин. Это было 2 февраля. В ту же ночь ему является во сне пр. Феодосий с иконою в руках, трижды помахав ему рукою, он как бы песком крестообразно посыпал на него и сказал: «восстань»! Григорий пробудившись почувствовал себя совершенно здоровым. – Григорий Евтихийев Фирсов – тотемский дьяк, – будучи в Москве по делу о писцевых книгах, так тяжело заболел, что все его лицо покрылось струпами, из которых непрестанно истекал смрадный гной. Безуспешно перепробовав различные лекарства, он вспомнил наконец о чудесах пр. Феодосия и пожелал поклониться его гробу, но не надеялся исполнить этого как по своей болезни, так и потому, что книги были еще не кончены. Тогда пр. Феодосий является ему во сне, берет его на руки и несет в Тотьму в дом его матери и говорит ей: возьми сына твоего, исцеленного от тяжелой болезни. В ужасе проснулся дьяк, непонимая значения сна, но когда он осязал свое лицо, на котором не нашел ни одного струпа, и когда во всем теле своем почувствовал силу и здоровье – тогда сердце его исполнилось радости.

Много было и других чудесных исцелений при гробе пр. Феодосия. Видя все это игумен Спасо-суморина монастыря Галактион (1626–1633) просил одного тотемского иконописца Якова Попова написать образ преподобного, что тот и исполнил в 1626 году, изобразив лик пр. Феодосия по рассказам столетнего старца Космы Любевцова, который весьма хорошо помнил его в живых. В 1635 году написан был другой образ преподобного в большем виде против первого и положен на раке, над которою устроена была и сень. В 7163 (1655) году, в самый праздник Богоявления, когда все священники и братия – после всенощного бдения – вышли из церкви на реку для освящения воды, а множество свеч, горевших у раки преподобного, остались не потушенными, одна из них нечаянно упала на пол и зажгла его. Возвращаясь с Иордана, народ с ужасом увидел дым и пламя, поднимавшиеся над церковью, и с великим трудом едва мог погасить пожар. Все думали, что гробница преподобного с сенью, образами и со множеством

дорогих пелен и покровов (бывших на ней) сделалась жертвою пламени, но когда вошли в церковь, то с изумлением увидели, что сгорел только пол и окружавшая гробницу решетка, да растопилась местная свеча, стоявшая в головах раки, гробница же преподобного со всем ее украшением осталась целою и неприкосновенною. Это был новый голос и указание свыше, что пр. Феодосии угоден Богу. Так как от гроба преподобного, как из неисчерпаемого источника, непереставали получаться исцеления все приходившие к нему с верою получали просимое, то чрез угодника прославился и самый монастырь и число братии умножилось в нем так, что одних иеромонахов бывало по 9 и настоятели монастыря были уже архимандриты. Император Петр I, во время путешествия своего в Архангельск, посетил (17 июля 1693 года) обитель Феодосиеву и возложил на изображение преподобного, находившееся на гробнице, янтарный образ распятия Христова с серебряною, позолоченою цепочкою. В 1729 году составлена была уже и служба пр. Феодосию на память его преставления, и отправлялась по чиноположению не только в обители, но и в Тотьме и во всей тамошней окрестности, хотя пр. Феодосий и не был причислен к лику святых церковною властью до самого обретения мощей его.

Тяжелый для монастырей 1764 год поколебал благосостояние Феодосиевой обители. Оставленная за штатом, она с каждым годом стала более и более клониться к упадку, так что в 1796 году всей братии в ней был только один 75-летний старец строитель и 2 послушника, казны монастырской не было нисколько, не на что было купить кипарисных досок на новый гроб для мощей пр. Феодосия, – монастырские доходы были так малы, что в самый торжественный день открытия мощей преподобного (30 окт. 1798 г.) за всею ночным бдением собрано было на блюдо 24 копейки, а за литургией 1 рубль 93 копейки, – как доносил о том вологодскому епископу Арсению строитель Израиль. Церкви в монастыре хотя были и каменные и не очень давно построены, но одна из них – холодная Вознесенская, в которой находилась рака пр. Феодосия, до того осела и растрескалась, что уже угрожала падением и еще в

1795 году было предположено ее разобрать. Но бодрствовал над обителью первый ее начальник и строитель Феодосий, и место, освященное 15-летними его трудами и подвигами, после временного упадка и обнищания, Господь снова обогатил и прославил, открыв в нем сокровище нетленных мощей его. – Это было необходимо для благосостояния обнищавшей обители, но едва ли не более было нужно и полезно и для всей русской церкви. В последней половине минувшего столетия, когда неверие быстро стало распространяться в Европе и авторитет Вольтера и энциклопедистов стал выше авторитета богодухновенных писателей, когда и на святой Руси между православными появилось не мало людей, смеявшихся и кощунствовавших над тем, чему веровали и пред чем благоговели их отцы и деды, нужно было отрезвить умы, тронуть сердца и открыть глаза тем, которые могли видеть и не видели, ободрить твердо стоявших в вере, поддержать колеблющихся, поднять и обратить павших. Нужно было чем-нибудь осязательным и понятным для всякого заградить уста неверии и посрамить всяко возношение, вземлющееся на разум Божий (2Кор. X, 5). И вот тело подвижника, 228 лет лежавшее в неизвестной и забытой могиле, случайно найденное, является нетленным и делается источником исцелений и в то время, когда церковная власть, по благоразумной осторожности, медлит открытием, скрывает его под замками и печатями то в земле, то в стенах церкви, – благодатный дар чудотворений проявляется с большею силою, возвещается громче прежнего, так что наконец имя пр. Феодосия проносится по всему необъятному пространству России и делается истинно Божиим даянием²⁰⁶ для каждого верующего сына православной церкви.

Так как каменная Вознесенская церковь, в которой находилась надгробная рака пр. Феодосия, не смотря на то, что была построена только в 1757 году, весьма осела, растрескалась и угрожала падением, то в 1795 году она была разобрана, а 16 августа 1796 года начали копать рвы под фундамент для постройки новой церкви по другому плану. При этом то место, где в прежней церкви находилась рака пр. Феодосия, на несколько аршин со всех сторон оставлено было

нетронутым, чтобы не потревожить гроба преподобного, но по слабости грунта земля с одной стороны того места обрушилась в выкопанный для фундамента ров и к удивлению всех тут ничего не оказалось, ни костей, ни гроба. Когда же стали копать ров с западной стороны прежней церкви, в самом близком от нее расстоянии, то 2 сентября нашли гроб, лежащий поперек рва, и так как он препятствовал дальнейшей работе, то и хотели перенести его на другое место подобно многим иным гробам, найденным при копании рва. Стали поднимать гроб веревками и нечаянно задели за крышку его, которая упала на землю, при чем значительная часть ее отломилась, в гробе же увидели покрытое схимою тело, у которого голова, руки, весь состав и одежды были целы; по вышитым на схиме словам открылось, что это тело пр. Феодосия Суморина, бывшего начальника и основателя монастыря, которого признавали святым и богоугодным почти с самого его преставления. От тела, одежды и гроба по всей обители стало разноситься необыкновенное благоухание. Удивленный событием, строитель монастыря Израиль на другой же день приказал найденный гроб с телом заделать со всех сторон досками, закрыть тесом на подобие часовни, вход в которую заперт, замком и, донося духовной консистории об обретении тела²⁰⁷, уведомил о том же письмом генерал-губернатора Лопухина, правившего должность ярославского и вологодского генерал-губернатора. «Спешу убогий старец о столь благознаменитом деле возвестить яко хозяина нашего места и ревнителя Христовой церкви; и со свою сторону не оставте куда надлежит отнестись, а народ угнетает и милость Божия является, а мощи весьма пречудны» – писал строитель генерал-губернатору, который и довел о том до сведения св. Синода. По распоряжению консистории ночью на 30 сентября гроб с телом был тайно зарыт в землю внутри строившейся церкви на глубине печатной сажени, а место заравнено так, чтобы невозможно было найти его. Св. Синод, получив донесение генерал губернатора, приказал найденное нетленное тело освидетельствовать и преосвященным Арсением немедленно были посланы для этого два члена духовной консистории: спасоприлуцкий архимандрит

Иннокентий и никольский протоиерей Андрей Шешадамов. По прибытии их в монастырь с членами тотемского духовного правления, гроб с нетленным телом был вынут (12 числа) из земли и внесен в холодную Преображенскую церковь. Самое свидетельство тела было произведено 14 и 15 ноября, 14 числа при многих посторонних лицах из чиновников и лучших горожан осмотрена только наружность и одежды, а 15 числа при одних только священниках и весь состав тела. Подробное описание свидетельства, произведенного 15 числа, было представлено св. Синоду, а гроб с телом вложен в ящик, заперт двумя замками, запечатан в двух местах печатью бывшей устюжской консистории и поставлен в нишу стены Преображенской церкви, сделанную на подобие шкафа, двери которого были утверждены железной полосой, заперты замком и запечатаны. Между тем в это время многие, благоговейно притекавшее ко гробу пр. Феодосия, объявляли о бывших им сновидениях и о полученных от разных болезней исцелениях; таких объявлений подано было тогда на имя одного строителя до 8 и одно самой следственной комиссии. Объявления были подтверждены присягою. Вскоре затем подано было еще 10 подобных же объявлений.

Вероятно это обилие чудесных исцелений, происходивших от пр. Феодосия, побудило епископа Арсения 24 июля 1797 года лично осмотреть мощи пр. Феодосия, который за малыми изменениями оказались в том же самом виде, в каком их нашли и члены консистории.

Пока дело об освидетельствовании мощей пр. Феодосия тянулось таким образом, проходя различные инстанции, и не приходило еще ни к какому определенному результату, жители Тотьмы, издавна привыкшие почитать пр. Феодосия и в простоте сердца глубоко верившие в святость своего угодника и в нетление его св. мощей – естественно недоумевали и недовольны были медленным течением дела. Как велико было их нетерпение поскорее видеть мощи своего глубоко чтимого угодника, видно из того, что они решились сами просить св. Синод о скорейшем открытии мощей пр. Феодосия, и из самого тона их прошения. В августе градской голова Иван Андреев

Кузнецов доносил св. Синоду, что с самого обретения до того времени подаются народу очевидные исцеления и что народ из самых дальних губерний стекается в монастырь многими тысячами, и просил от лица всего градского общества об утверждении обретенного тела мощами пр. Феодосия. Вследствие этого прошения св. Синод предписал архиепископу ростовскому и ярославскому Арсению и вологодскому тоже Арсению снова освидетельствовать тело. Оба Арсения прибыли в Тотьму 5 декабря, а 8 числа того же месяца осмотрели тело и допрашивали под присягою лиц, подававших объявления и получивших чудесные исцеления по молитвам пр. Феодосия. К сожалению и этот новый осмотр мощей пр. Феодосия не подвинул дела вперед. В своем репорте св. Синоду они подали свое мнение не в пользу признания тела мощами пр. Феодосия²⁰⁸.

«Чтож касается до положения мнения о упоминаемом яко бы пр. Феодосия теле и о происходимых от оногo чудесах, то мнения своего заключить нам, что оное есть тело точно пр. Феодосия и о чудесах его, оказываемых в сновидениях наводят сомнительство нижеследующие обстоятельства: 1) значащиеся на кромках маленького и «большого покровов литтеры на подобие ~~АБ~~/10, из коих две строгаиe ~~АБ~~ вовсе уже истлели, положение свое имеют в разных местах, и примечательно, что оные шиты были между прочими многими словами, следующими по своему порядку. 2) Что оное тело найдено не в том месте, где по постановлению гробницы в прежней церкви погребенным признаваемо было, а вне церкви при копании рва под фундамент новостроящийся хотя и на том же месте, но по другому плану церкви. 3) Гроб по опыту чрез строгаиe не примечается быть таковой древности, каковая чрез 228 лет быть должна. 4) Спрашиваемые того Спасо-Суморина монастыря строитель Израиль с братиею, при коих оное тело из земли вынято и молебствие по просьбам приходящих из разных мест людей отправляемо было, показали, что они, во время отправляемых ими молебствий чтобы кто из приходящих людей получил от каковой-либо болезни исцеление, не видали и не знают, так же и чудотворениев никаких от гроба они не

видали. 5) Тело в виде своем против свидетельства, чиненного 1796 года, ноября 14 и 15 числ ныне во всем перемену восприяло, и покровы и одежды истлевать начали. 6) Из подаваемых от разных людей в полученных от болезней исцелениях объявлений, чтоб кому какое отличное оказано было чудо не значится, при том же из подававших объявления две крестьянские женки Мавра Брагина и Евфимия Павлова, по учинении им увещания в клятвенных извещениях некоторые слова, прописанные в тех объявлениях отменили, а у мещанина Григория Гурылева сын Петр по выздоровлении (как сам на допросе показал) спустя недели сдвѣ помре. 7) Во время чинимого оному телу нами свидетельства к приносимым во гробу одержимым болезнями одному расслабления, а другому слепоты от оспы никакого чудесе и явления не открылось и исцеления не последовало.

Св. Синод, рассматривая сии обстоятельства, мнение положил: 1) как пр. Феодосия тотемского тамошние обыватели издавна почитают за святого, почему и служба ему в давних же годах сочинена и по ней отправляются ему молебствия, то все сие оставить так точно, как прежде происходило. 2) Что же принадлежит до вышеупомянутого обретенного яко бы нетленного тела, то поскольку оное ныне начало уже в виде своем против прежнего переменяться, да и другие выше прописанные причины признать его точно телом пр. Феодосия наводят сумнение; для того, согласно мнению преосвященных, свидетельствовавших тело, предать провидению Божию, доколе откроются вѣщие к познанию истины случаи, а теперь оное тело запечатав архиерейскою и консисторскою печатями, оставить в том же месте, где оное и ныне находится, с тем, чтобы входу туда никто не имел Император Павел I на докладе Синода по сему делу написал: «предать провидению Божию». В следствие этого епископ Арсений и послал в Суморин монастырь соборного ключаря Янковского, чтобы он при членах духовного правления, осмотрев прежние печати, снова запечатал ящик с телом архиерейскою и консисторскою печатями по тем же местам и поставил его на прежнем месте в стену, которую забрали досками, оклеили холстом и выкрасили одинаковою с

другими стенами краскою²⁰⁹. Строителя и братию обязали подписками, чтобы они не делали никаких разглашений о том, где оно находится.

Но еже Господь совеща, кто раззорит? Когда мощи пр. Феодосия сокрыты были под замками и печатями и дело об их открытии предано было провидению Божию, то оно и не замедлило открыть и выразить волю Свою рядом новых чудесных исцелений. Получившие исцеления стали подавать свои объявления уже прямо в Св. Синод. Синод поручил проверить их епископу Арсению с представлением его мнения. Поэтому он, прибывши в монастырь, снова освидетельствовал мощи 21 августа 1798 года вместе с вологодским гражданским губернатором Шетневым и при этом свидетельствовании оказалось как самое тело по прежнему нетленным, так и объявления о полученных от него исцелениях (которых записано и засвидетельствовано было уже до 54 случаев) – верными. Медлить долее и сомневаться в том, что обретенное нетленное и чудотворное тело есть мощи пр. Феодосия – значило противиться и отвращать глаза от очевидной и осязательной истины и возбуждать ропот и неудовольствие в тотемских гражданах и богомольцах, отовсюду приходивших тысячами. По сему новгородский и санктпетербургский митрополит Гавриил, как прежде, при начале дела, писал епископу Арсению поступить в сем случае так, чтобы не дать места суеверию и просил представить самую истину, не опасаясь ни каких последствий²¹⁰, так и ныне²¹¹ советовал отпечатать приватно мощи и осмотреть сохраняется ли их нетленность, сделать рассмотрение о чудесах и если нетленность хранится по прежнему и чудеса не сумнительны, склонить к открытию мощей. Епископ Арсений в репорте своем от 7 сентября между прочим писал св. Синоду: «сохраняющееся того тела уже по вынутии из земли чрез два года и то в запертном и сыром воздухе хотя с последовавшими в рассуждении цвета изменениями – нетление, чему без особенного Божия провидения, хранящего кости праведных столько продолжаться никак невероятно. Возрастающее от времени до времени к тому телу под именем мощей пр.

Феодосия, как тамошних граждан и окрестных обывателей, так и жительствовавших в отдаленных губерниях не тобою простого народа, но и благородного дворянства и именитого купечества частократно в тот Суморин монастырь приезжающих и приходящих для моления к признанию того тела за истинные угодника Божия пр. Феодосия мощи, и к открытию их для почитания препятствия не предвидится».

Св. Синод, приняв в уважение троекратное свидетельство мощей, многочисленные чудесные исцеления от различных болезней, последовавшие от них, всеобщее возрастающее к ним усердие народа, а более всего святое и богоугодное сего преподобного житие, определил: оное, обретенное в 1796 году в тотемском Спасо-Суморине монастыре нетленное тело огласить за совершенные пр. Феодосия тотемского чудотворца св. мощи, с празднованием ему по прежнему тамошнему установлению. Император Павел I на донесении Синода 28 сентября написал: «утверждаясь на рапорте, полученном Нами от Св. Синода о явлении чудотворных мощей вологодской епархии, в тотемском Спасо-Суморинском монастыре, пр. Феодосия тотемского, ознаменовавшихся благодатью в исцелении недуг с твердым усердием к ним прибегающих, приемлем Мы явление сих св. мощей знаком отличного благословения Господня на царство Наше и воссылая за то Наше теплое моление и благодарение Благодетелю в вышних, препоручаем св. Синоду учинить о сем знаменном явлении оглашение повсеместное в государстве Нашем по обрядам и преданиям церкви и св. отец». Это Высочайшее повеление Св. Синод того же сентября 30 дня публиковал печатными указами по всей Империи.

По получении сего указа в тотемском Спасо-Суморине монастыре заделанное в стене место, где тайно за замками и печатями хранились св. мощи, было разобрано, ящик, в котором находился гроб с мощами, не отпирая и не распечатывая его, покрыли лучшим покровом, а на верх его возложили образ преподобного. Граждане были извещены чрез полицию об имеющем быть открытии мощей. Вечером 29 октября было совершено всенощное бдение, а на другой день пред литургиею был прочитан указ Синода и отправлен благодарственный

молебен, а после литургии молебен пр. Феодосии. Не того ждали тотемские граждане, в течение двух лет хлопотавшие об открытии мощей, не того ожидали тысячи богомольцев, собравшихся отвсюду! Так как сокровище мощей пр. Феодосия и по прочтении Синодского указа по прежнему оставалось за замками и печатями, то это скромное торжество ни кого не удовлетворило. Снова начались ходатайства о настоящем открытии мощей преподобного. Было подано об этом прошение самому Государю, вследствие которого митрополит Гавриил писал (6 дек. 1798 г.) епископу Арсению: «Тотемский градской голова купец Кузнецов просит Государя Императора об открытии мощей пр. Феодосия тотемского и что мощи его доныне находятся за замками и печатями. Советую вашему преосвященству в открытии сих мощей поступить таким образом: 1) приехать по получении сего в Тотму по долгу посещения епархии 2) осмотреть приватно его мощи. Если нет важных перемен в теле его, приказать приуготовить раку для вложения гроба его; 3) Отправить всенощное бдение и вложить гроб в раку. Лице его по обыкновению закрыть схимою и для прикладывания открыть руку или чело. 4) Если ж окажутся какие к сему препоны, мне отрепортуйте. 5) О праздновании обртения его мощей я особливо вам напишу. Советую сие сделать немедленно». Получив письмо митрополита епископ Арсений прибыл в монастырь с вологодским губернатором Шетневым 28 декабря и того же дня к вечеру осмотрел св. мощи, которые оказались в прежнем положении, кроме того только, что власы на бrade отстали и спустились на перси». Затем по приуготовлении кипарисной раки, обитой бархатом и обложенной газами и позументами, в вечер на 31 число гроб (по обложении бархатом же) с мощами переложено в оную, лице покрыто схимою и для прикладывания оставлено отверстие над правую рукою. В семь часов по полудни начато всенощное бдение, а на другой день по утру, по предварительной повестке совершено из собора в монастырь крестное хождение. Литургию совершал сам епископ Арсений, по окончании же ее совершен был молебен преподобному пред его ракою со всем градским духовенством и монашествующими при многочисленном

собрании народа всех возрастов и состояний, собравшегося со всех сторон. Колокольный звон во весь день не переставал возвещать радость церкви. Таким образом духовное сокровище, по обретении его бывшее в течение двух лет неприступным для народа, наконец было открыто и явлено и как горящий светильник поставлено не под спудом, но на свещнице, да светить всем, с верою к нему притекающим, прогоняя бесов и исцеляя различные недуги.

Движимый чувством усердия к новоявленному чудотворцу Феодосию Государь Император Павел I, еще во время производства исследования о св. мощах Высочайше повелел Израиля, строителя Спасо-Суморина монастыря, (подпавшего по сему делу под суд и назначенного епархиальным начальством к удалению от должности) возвести в сан игумена, а вслед за открытием при собственноручном письме²¹² пожаловал монастырю для соборного священнослужения полную бархатную ризницу, а супруга Его Императрица Мария Феодоровна пожертвовала монастырю 500 рублей. Император Александр I также при собственноручном письме прислал (5 сент. 1801 г.) пятичную икону св. князя Александра Невского в золотом окладе, украшенную алмазами и бриллиантами, потом (21 декабря того же года) покров на раку преподобного малинового бархата с золотым шитьем и кистями, а игумену Израилю алмазный наперсный крест на золотой цепи (20 мая 1801 г.)²¹³. В следующем 1802 году Государь пожертвовал монастырю серебряные позолоченные сосуды (6 фун. 40 зол.) евангелие в серебряных досках, крест и кадило; в 1803 г. серебряный золоченый ковчег для св. Даров, сосуд для благословения хлебов и лампадку пред образ Александра Невского (во всех весу 9 ф. 83 зол.) – и многие другие церковные утвари. Соревнуя Августейшей фамилии многие из частных лиц также делали немалые пожертвования в пользу обители пр. Феодосия как вещами, так и деньгами, так что вскоре по обретении мощей обитель пришла в цветущее состояние, каковою пребывает и донине.

Ныне мощи пр. Феодосия почивают в каменном главном Вознесенском храме, под аркою между ним и северным

приделом во имя самого угодника, в богатой серебряной раке под балдахином. Рака весом 6 пуд. 7 фун. 42 зол. серебра 84 пробы. На ней по сторонам 4 клейма с изображениями окрестных угодников Божиих: Максима и Андрея тотемских, Вассиана Тиксненского и Прокопия Усъянского. Пред ракою в киоте за стеклом стоит икона Божией Матери, именуемая Суморинскою и принесенная пр. Феодосием из Прилуцкого монастыря в 1553 году. В нижнем этаже храма, в том месте, где были обретены мощи, также устроена церковь во имя всех вологодских чудотворцев.

В 1844 году для большей чести и прославления пр. Феодосия в монастыре его учреждена архимандрия.

Чудесные исцеления, начавшиеся совершаться при гробе пр. Феодосия чрез 38 лет после его кончины и особенно во множестве происходившие при обретении его мощей, продолжают и ныне. Угодник Божий, любвеобильный и сострадательный ко всем при жизни, никому не отказывает в молитвенном предстательстве и в благодатной помощи и по своей кончине, когда обретает у прибегающих к нему веру и сердечную восприимлемость и когда просимое истинно полезно. «Человече, даждь хвалу Богу в страдании твоём, вся бо нам на пользу содеваются: единии бо греси наши суть нам пагуба. Они убивают душу: моли прежде о исцелеси души твоя и здраво тело обрящеши» – сказал он явившись Иоанну, диакону тотемского собора, более полу года страдавшему тяжкою внутреннею и ножною болезнью. Он был уже при смерти и пять дней и ночей находился в исступлении ума. Хотя он, припадая к ногам преподобного, со слезами просил об избавлении от лютой болезни, но получил тогда только малое от нее облегчение, между тем как другие тотчас же делались совершенно здоровыми. Так житель г. Вологды по имени Сергей, семь лет ничего не слышавший, как только помолился преподобному и приложился к его раке, тотчас же начал слышать обоими ушами, как бы и не бывал глухим.

Некто Прокопий с женою своею принес в монастырь трехлетнее свое дитя, бывшее слепым, и просил священника отправить молебен при гробе преподобного, – во время

молебна, когда родители со слезами просили исцеления своему дитяти, младенец прозрел.

Часто пр. Феодосий, как сердобольный отец, являлся на помощь страждущим и тогда, когда они не призывали его. Так случилось с девицей Екатериною, дочерью Устюжского мещанина Михаила Шелкова. Она полтора года была в расслаблении, а с октября 1798 года сделалась еще нездорова глазами, так что ничего уже не могла видеть. В марте 1799 года ей представилось во сне, будто она находится в Спасо-Суморинском монастыре, в церкви Введения Пресвятой Богородицы, и прикладывается к мощам пр. Феодосия, а из Преображенской церкви к ней подходит монах высокого роста, украшенный сединою и небольшою круглою бородою с чистым лицом – и указав ей на покрытый сосуд, стоявший в головах раки, велел умыться и испить из него. Екатерина проснувшись стала видеть и почувствовала себя совершенно здоровою. – Но так как все чудесные исцеления, происходившие при гробе пр. Феодосия, по множеству их, здесь приводить неудобно, да немалая часть их (числом 34) была уже напечатана при службе ему (изд. син. типогр. Москва 1823 г.), то в заключение нашего повествования приведем объявление о чуде, совершившемся при гробе пр. Феодосия уже по обретении и открытии его мощей. Объявление было подано игумену Израилю гороховецкой купеческой женой Марьей Андреевой Лодушкиной и замечательно по своей безискусственности и простоте.

«Сего 799 года марта 9 дня приехала я в сей Тотемский Спаоосуморин монастырь для моления и при мне сын Андрей 12 лет и две дочери, первая Елена на 14 году, вторая Матрона на 6 году, все одержимы тяжким недугом от нечистых духов, Андрей более году, дочь Елена более 3 лет, Матрона так же более года. Когда они введены были в церковь Преображения Господня, где мощи пр. отца Феодосия тотемского новоявленного чудотворца почивают, вдруг Андрей закричал необычным и страшным голосом и начал пружаться (т. е. напрягаться) в нем нечистый дух, а наипаче когда возложены были на него вериги, четки и пояс желзные преподобного и более вопить начал, что сковали оковом тяжким. Потом вериги

надеты были на Елену с великою силою и едва могли многими людьми принести их ко гробу преподобного. А было сие происшествие после утрени в среду 2 седмицы поста в 7 часу по полуночи, при великом множестве народа разного звания, как благородного из разных губерний, так и купеческого и земледельцев, случившихся для моления. И начали оные дети мои страшным голосом возвещать о жизни преподобного, о пришествии его во град Тотьму, о обретении места и начале строения обители, о собрании братства и о трудах и образе его жизни, о том, как и каким образом обретены его мощи. Когда возложен был гробным иеромонахом Нифонтом парам в преподобного, в то время необычно пружаясь Андрей кричал: нас сей гонить вон, в бездну и темные леса, который лежит во гробе и копием колет и иные проречения страшные и ужасные прорекали и как Андрей, так и сестры его пружались, бились, необычно корчились, терзали, рвали и кусали на себе платье, на меня мать свою и прочих предстоящих плевали и таковым страшным неистовством весь народ привели в трепет, и ужас, движимы были не но возрасту, но по крепкой силе демонской и продолжалось сие более 3 часов. Когда в церковь пришел настоятель, они называли его именем: игумен Израиль, которого они прежде никогда не видали. Игумен оградил их крестом Господним и дал воды пить, обретенной во гробе и в тот час отрок и девица пришли в разум и все прославили Бога и угодника Его пр. Феодосия. Отрок поведал, что в то время видел он самого пр. Феодосия, прогоняющего бесов и крепко борющегося с ними и силою Божиею всех их поражающего. По исповедании гробным монахом Нифонтом, который и литургию отправлял, на 2 неделе поста в субботу сын мой Андрей необычно пружаясь и страх наводя предстоящим, почувствовал и очевидно усмотрел, что дух изгнан был из него в виде страшного чудовища, бегал по полу в церкви, но во св. алтарь войти не мог и дух сказал ему: Андрюшка прощай, я вон вышел из тебя чрез этого, лежащего во гробе и есть мне уготовано место. В тот час сын мой Андрей совершенное исцеление получил за молитвами пр. Феодосия и теперь здоров, которого

сына моего Андрея, по искреннему его желанию и оставляю в монастыре для моления».

Всех чудес пр. Феодосия в монастырской книге записано 146, и записывать их уже давно перестали.

Преподобный Агапит Маркушевский

Не много дошло до нас сведений об этом святом подвижнике и страдальце, и теми обязаны мы довольно странному и редкому случаю. В 1712 году, новопосвященный холмогорский епископ Варнава, отправившись из Москвы в свою епархию, от Вологды плыл в лодке по реке Сухоне, и когда достиг Березовой слободки, принужден был остановиться; так как это было уже около половины октября и река начала замерзать и покрываться льдом. Чтобы дожидаться зимнего санного иути, переехал он со всею своею свитою из слободки в Маркушевский Никольский монастырь, находившийся в 15 верстах от Сухоны, и пробыл в нем три недели. Расспрашивая о начале монастыря и достопамятных происшествиях в нем бывших, он узнал, что нет о том в монастыре никакого описания, и потому лицам способным из своей свиты приказал пересмотреть монастырский архив, и сколько возможно было на основании найденных грамот и разных записей монастырских, составить описание жизни основателя монастыря и чудес, происходивших от принесенной им иконы святителя Николая. Когда это было исполнено, преосвященный Варнава, рассмотревши рукопись, засвидетельствовал ее своим подписом²¹⁴.

Из этого описания видно, что преподобный Агапит несколько лет подвизался в Сольвычегодском Борисоглебском монастыре. Но откуда был родом, когда и где пострижен в монашество, и долго ли жил в Сольвычегодске, достоверно неизвестно, хотя и есть предание, что пострижен он был и полагал начало иноческих подвигов в Соловецком монастыре²¹⁵. Вероятно он был постриженником святого Филиппа, и вышел из Соловецкого монастыря после 1568 года, при недостойном преемнике его Паисии. Находясь в Борисоглебском монастыре, преподобный Агапит, в 1576 году, в марте месяце, сделался тяжело болен и не вставал с постели почти целый месяц. В 27 день болезни, когда она усилилась уже до того, что Агапит потерял надежду на выздоровление, вдруг

явилась ему икона святителя Николая, и услышал он голос, приказывающий ему перенести ее в пустое место, на речки Маркушу и Тарнагу, и построить там церковь и обитель иноческую. Мне ли строить церковь и монастырь, когда я не могу встать с постели? подумал было Агапит, и тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым. Изумленный и обрадованный он пал на колени пред явившейся иконой, и обливаясь слезами, долго и пламенно молился и благодарил Бога и угодника Его святителя Николая за свое чудесное исцеление от болезни²¹⁶. Когда Агапит, или за приготовлением необходимого для пути, или за чем-то другим несколько замедлил в монастыре, то снова услышал тот же голос, повелевающий перенести икону в назначенное ей место, и поспешил отправиться с ней в путь. Во время неблизкого путешествия из Сольвычегодска до Маркуши, когда Агапиту, не имевшему там ни друзей ни знакомых, ни денег ни имущества на строение церкви, приходила на мысль трудность его предприятия, и начинал он сомневаться в успехе, два раза еще слышал тот же голос. Невидимый спутник как бы хотел показать тем свое присутствие и близость к Агапиту, рассеять его сомнения, ободрить и уверить в своей помощи, и смиренный путник всецело предал себя водительству Промысла Божия. Достигши назначенного места усталый путник остановился на пустынном берегу речки Маркуши, неподалеку от впадения ее в речку Тарнагу, и первым делом его было, избрать место для святой иконы. Три раза устраивал он для нее помещение в разных мстах, по ту и другую сторону р. Маркуши, и на другой день находил ее на одном месте, на берегу Маркуши²¹⁷. Тут он построил сперва небольшую часовню для иконы, и потом келью для себя, и стал подвизаться в ней в непрестанных трудах, посте и молитвах. Как место избранное самим святителем и драгоценный памятник древности, часовня эта сохраняется доныне, поддерживаемая в том самом вид, как устроил ее преподобный Агапит.

Глухо и пустынно было тогда место указанное для жительства Агапиту, непроходимые леса и болота отделяли его от селений, не было ни дорог, ни мостов и переходов чрез речки

и ручьи, и не смотря на то не долго труженнику привелось жить в уединении. Лишь только узнали окрестные жители о пришествии и поселении его в их пустыне, как начали толпами приходить к нему, одни из любопытства, другие для поклонения принесенной им иконе святителя, иные для того, чтобы получить благословение старца пустынника и посоветоваться с ним о спасении души. «И начаша мнози в пустыню сию приходить, приводяще недужные своя, и Быша многа исцеления, о чесом преподобный радовашеся духом». Явились и желающие с ним сожителствовать и разделять труды пустынные, и доброхотные датели на сооружение церкви и обители, и при содействии их преподобный Агапит того же лета 20 июля заложил холодную деревянную церковь во имя святителя Николая, а потом и другую теплую в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, с приделом во имя праведного Прокопия Устюжского, и с келарскою и трапезою. В 1578 году об церкви были уже достроены и приготовлены к освящению, и преподобный Агапит отправился в Москву, чтобы получить от митрополита Антония²¹⁸ благословение на их освящение, и выпросить от царя Иоанна Васильевича землю на содержание обители и дозволение выстроить на реке Лохте мельницу. Получив просимое и от царя и от митрополита, преподобный Агапит поспешил возвратиться в свою обитель, и 7 сентября 1579 года освятил холодную Никольскую церковь, и перенес в нее из часовни чудотворную икону святителя, к великому утешению братии плакавшей от радости. Вскоре затем освящена была и теплая Благовещенская церковь, и приготовлены все службы необходимые для общежития, и для лучшего обеспечения братии в содержании, за сорок верст от монастыря, на реке Лохте устроена мельница.

Таким образом Агапитова пустынь, среди дремучих лесов возникшая из ничего, неусыпными трудами и распорядительностью своего строителя в течение трех лет устроилась так, как бы существовала целое столетие. Но не возгордился таким успехом, не предался покою и не уменьшил своей деятельности блаженный труженник и после сего, и обеспечив обитель свою со стороны материальной, тем с

большим удобством и рвением принялся за насаждение и водворение в ней духа истинного пустынножительства и подвигов духовных, каждодневно поучая братию словом и сам служа ей к тому живым примером. «Бе бо житием благ, всевременному прилежай воздержанию, бдению, посту и молитве, и толикому вдаде плоти умерщвлению, яко выну венцами железными рамена и чресла своя связав хождаше даже до кончины своея». Блаженный Агапит живя на земле старался жить по ангельски.

Но не дремал и исконный враг рода человеческого – диавол, раздражаемый подвигами старца, и видя безуспешными собственными кознями и нападениями, так как старец постоянно разрушал их своими молитвами, старался противодействовать и вредить ему чрез других, подобных себе злых людей, возбуждая в них злобу и зависть к преподобному. Потому сколько братия и многие из окрестных жителей любили и почитали его, столько же другие ненавидели и злобствовали, на него. Завидно им было благосостояние и отличное хозяйство обители, неусыпными трудами старца в короткое время в цветущее состояние приведенное и с каждым годом все более и более улучшающееся; и опасались они того, что со временем все угодья и пустоши их отойдут к монастырю. Особенно недовольны были и злобствовали на преподобного жители деревни Камкина: они выжидали только случая, чтобы напасть на него, думая, что со смертью настоятеля разрушится и ненавистная им обитель; но случая этого долго им не представлялось потому, что братия, зная их злобу, старались охранять старца и везде, куда бы он ни пошел, сопровождали его.

В 1585 году, уже в 8 лето пребывания преподобного Агапита на Маркуше, в мае месяце отправился он на лошади на мельницу, находившуюся на реке Лохте, для исправления некоторых повреждений, причиненных весенним разливом, в сопровождении только двоих монастырских послушников Феодора и Андрея. Узнавши о том жители деревни Камкина стали подстерегать его, и когда старец, 21 числа мая, возвращался в обитель, они, под предводительством Богдашки

Ляхова, напали на него и убили вместе с обоими его спутниками, и тела их бросили в реку Уфтьюгу, полагая, что быстриную ее унесет тела, и не падет на них подозрение в этом страшном злодеянии. С этою конечно целью убийцы сняли с тела преподобного и тяжелыя его вериги и особо бросили в реку, чтобы тяжесть их не погрузила и не задержала тела. Предание говорит, что лошадь, на которой уехал преподобный, вырвавшись из рук убийц, неоднократно прибегала к монастырю, ржанием указывала на случившееся несчастье и убегала обратно к месту убийства²¹⁹.

Когда братья увидели лошадь без седоков, чем-то встревоженную, ржущую и обратно куда-то убегающую, тотчас же подумали, что случилось со старцем какое-либо несчастье, и пошли по дороге, ведущей к мельнице. Долго искали они старца и его спутников и в оврагах, и в лесу около дороги, но нигде не могли найти, пока не пришли на берег реки Уфтьюги, и не увидали железных вериг преподобного Агапита, плавающих на одном месте на поверхности воды, подобно легкому дереву. Под ними нашли и все три тела убитых, хотя вода в Уфтьюге в то время была еще велика и быстра. С горькими слезами и рыданием братья перенесли тела убиенных в обитель, и с великою честью погребли преподобного Агапита посреди монастыря, между созданными им церквями, и поставили над могилою его часовню, а вериги положили на его гробницу. Во все время существования Маркушевского монастыря²²⁰ мощи преподобного почивали в этой часовне до построения нынешней каменной приходской церкви, в которой он находится на южной стороне холодного храма, в склепе.

Святой праведный Прокопий Устьянский

В числе святых угодников Божиих, подвизавшихся в пределах страны Вологодской, много таких, место погребения коих неизвестно. Даже о некоторых из тех святых, которые более других известны и которым устроены гробницы, нельзя сказать наверное, тут-ли они поставлены, и действительно ли под ними, а не где-нибудь в другом месте почивают их святые мощи, и еще менее о том, в каком виде и состоянии они находятся, так как, по большей части, они не были никогда открываемы и свидетельствуемы. До обретения мощей преподобного Феодосия все думали, что они почивают в церкви, под ракою, между тем как они оказались вне церкви. Иных святых мощи сгорели во время пожаров. Но есть один угодник Божий, нетленные мощи которого уже более 200 лет открыто почивают в церкви, источают чудеса и подают исцеления всем, с верою к нему прибегающим, и о месте рождения которого, образе жизни и времени кончины мы решительно ничего не знаем; это праведный Прокопий Устьянский, почивающий в приходской Верюжской Введенской церкви Вельского уезда. «Сего блаженного и приснопамятного Прокопия отечество дольно и племя земнородно, град или весь, в ней же святой родися, нам манием Божиим весьма утаися; да известнее вемы, яко святии Божии не земного, но небесного отечества ищут, не человеческим, но ангельским сродством хвалятся, и не дольного, но горнего Иерусалима гражданами быти тщатся», говорит древняя запись о явлении мощей и чудесах его.

Редко можно встретить на севере такую прекрасную и очаровательную местность, как «у Праведного». Тут природа постаралась превзойти самую себя и на небольшом пространстве раскинула все свои красы, как бы для того, чтобы и самое место вечного покоя праведника соответствовало красоте души его. Невозможно представить себе эту местность, не выдавши ее своими глазами, тут есть все так, что не знаешь с чего начать. Большая река Усья, с красивым островком и стоями плещущихся на поверхности ее речных птиц, тихо катит

свои воды с востока на запад. На левом берегу, в полуверсте от реки, несколько вековых сосен, как гиганты какие возвышаются над молодым лесом. С правой стороны две речки, в полуверсте одна от другой впадающие в Усью, образуют между собою ровный, испещренный цветами, луг. Две церкви, высокая шатровая деревянная, уже почерневшая от времени, и белеющая каменная красивой архитектуры, с массивной и высокой колокольней, стоят на уступе высокой горы, к лугу круто в виде отвесной стены обрывающейся. Высоко над церквями, на самой вершине горы, виднеется небольшая деревня, огни коей в ночное время издалика кажутся звездами. Внизу под горою, по берегу извилистой речки, стоят дома церковнослужителей, утопающие в густой листве рябин и черемух. Дорога проходит по самому берегу Усьи, и далеко, за несколько верст не доходя до села, видны с нее сияющие главы и кресты церквей. Окружающие село деревни, то стоящие на возвышенностях, то спускающиеся на самые берега реки, с их полями и лугами, опушенными кустарником, еще более разнообразят картину и дают ей самый красивый и оживленный вид, не уступающий видам Швейцарии.

До 1682 года местность эта принадлежала к Новгородской, а с этого года причислена к открывшейся тогда Холмогорской, потом перешла к Великоустюжской и наконец к Вологодской епархии. В то время, когда она была еще в ведении Новгорода, но в котором именно году неизвестно, близ приходской церкви Введения во храм Божией Матери, на восточной стороне ее, явились (по древней рукописи, «земля издаде») мощи во гробе сплетенном из лоз, или ивовых прутьев, и весьма обветшавшем²²¹. В то время мощи были целы, как бы в тот самый день погребены, и издавали из себя приятный запах, только от ветхости гроба несколько засыпаны были землею. Никто не знал чье это было тело, и не помнил такого человека, но чудесное его явление нетленным, происходящее от него благоухание и последовавшие затем исцеления многих одержимых различными недугами тотчас же убедили всех в святости явившегося. Окрестные жители весьма обрадовались явлению мощей, и воздав хвалу и благодарение Богу за

дарование им своего источника исцелений и врача безмездного, построили над ними часовню. Вскоре после того святой явился одному земледельцу, по имени Савелию Онтропову, и велел сделать себе новый гроб. На вопрос Савелия, кто он? – явившийся назвал себя Прокопием и объяснил, что он тот, тело которого недавно явилось при церкви. Савелий сделал гроб, и когда хотел уже везти его к церкви, святой снова явился ему и приказал несколько его сверху убавить. Савелий, исполнивши повеленное, объявил народу о бывших ему явлениях святого, чрез что все узнали его имя и с великим благоговением переложили святые мощи его в новый гроб, который оказался таким, как бы делан был по мерке, а ветхий гроб по пруткам разнес народ на память себе и в благословение. Много лет святые мощи почивали в часовне, привлекая себе поклонников из всех окрестных мест, так как слух о происходящих от них чудесах и исцелениях распространялся все более и более. Хотя, по простоте времени, совершавшиеся тогда чудеса не были никем записываемы и с годами приходили в забвение; не смотря на то вера в святого Прокопия, как несомненного угодника Божия, и почитание мощей его постоянно возрастали и дошли наконец до того, что когда вместо обветшавшей Введенской церкви построена была новая деревянная церковь гораздо больших размеров против прежней, тогда и святые мощи перенесены были в нее из часовни и поставлены подле южной стены. Надобно полагать, что с этого времени стали совершать ему и службу церковную по особой письменной книжице. Впрочем она не есть произведение новое, и не содержит в себе ничего особенного относящегося к одному только праведному Прокопию, но составлена из разных церковных Служб другим святым: на Господи возвах стихиры взяты из службы преподобным и Христа ради юродивым, тропарь и кондак из службы Иакову Боровицкому, (23 октября) а канон заимствован из службы праведному Евдокиму (31 июля). Сольвычегодский купец Иоанн Ермолаев, часто бывая по делам торговли в Усъянских волостях и особенно в Верюжской, и видя множество чудес от мощей праведного Прокопия, возимел усердие написать его образ, почему и стал молиться угоднику,

чтобы позволил изобразить себя на иконе. Прокопий праведный явился ему и дал дозволение, и Ермолаев в 1652 году (7160) призвав иконописца Онисима Карамзина, поручил ему написать образ святого²²².

По перенесении мощей в церковь представилось более удобства и возможности священноцерковнослужителям замечать и записывать происходящие от них исцеления, и с 1641 (7149) года по 1750 записано их 20 случаев. Все они записаны были с объявлений самих получивших исцелений, когда они, исполняя свои обеты, приходили в церковь для благодарения Богу и поклонения мощам святого угодника.

Когда Верюжская Введенская церковь из Новгородской епархии отошла к Холмогорской, то первый же Холмогорский архиепископ приказал мощи праведного Прокопия освидетельствовать, и «7204 (1695) года, августа в 11 день, при державе великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея России самодержца, и при святейшем Кир Адриане патриархе Московском и всея России, по благословению и по указу преосвященного Афанасия, первого архиепископа Холмогорского и Важеского, сей почивающей праведный Прокопий свидетельствован Важеского Благовещенского собора священником ключарем Иовом со священниками и монахами, и тело его в 7205 (1696) году, марта 21 дня, по благословению того же преосвященного и тем же ключарем Иовом, с прилучившимися тут священниками и монахами переложено из ветхого в новый гроб. А в 1739 году, октября 28 дня, по указу Ее Императорского Величества Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийской, и святейшего Правительствующего Синода, и по грамате преосвященного Саввы епископа Архангелогородского и Холмогорского сей праведный Прокопий вторично свидетельствован Важеского Благовещенского собора протопопом Михаилом и Кодемской пустыни строителем иеромонахом Григорием, со священниками дестью человеками, и при сем свидетельстве замечено было следующее: на главе и на лице до очей и носа надлежащее тело есть, токмо к кости присохло, а очей и носа и власов на главе и уха десного невидимо; однако же на главе под тем ухом

кость видима малые части, точью тела нет же, а левое ухо есть, только сухо и сверху не много его нет же, а на устех верхние губы, а нижние малые части, а зубы все целы, а глава приклонилась на левую сторону, а лицом прямо к верху, шея и плечи целы. Десная рука его вся цела и пригбена к персям подле самую выю, персты той руки простерты, а на мышце малые части тела нет же. А левая рука его простерта под левый бок, и персты тоя руки палец и другой подле того согбены в место, а прочие три персты пригбены к ладони, и у тоя руки на ладони малые части тела нет же, а в составе цела, перси и все тело до ногу цело токмо сухо и к костям присохло, и близ персей в левом боку язва или нет, мало знать, и мнится, что от сухости тела, а на десной ноге его стегна близ колена тела нет, а кость цела, а понизе бердца над глезном и над пятою тела петъ же, и тело видом в мале почернело, а признано, что от частого пришающим для молебствования людям скрывания, а у десные его руки персты белы, а возрасту был среднего, а во одежде положен в срачице и в штаниках холщевых, и те побиты, а видом с желта черны, сухи и еще крепки, а длиною срачица по левой ноге до колена, а по десной ноге до стегна, и штаники длиною до тех же мест, с концов гораздо побились, а рукав срачицы на десной руке длиною близ до самых перстов, цел, а на левой руке точью до мышц, побился, и то свидетельство с вышеприведенным, бывшим в 7204 году свидетельством весьма сходственно и никаких частей не умалилось, и тления одеждам никакого не учинилось».

Неизвестно что было постановлено Архангельским епархиальным начальством вследствие двукратного свидетельствования мощей праведного Прокопия, но несомненно, что оно вполне было убеждено в его святости. Ибо оно не только не запрещало совершать ему службу, как несомненному угоднику Божию, но и позволяло устроить и освящать храмы в его имя²²³. По причислении Верюжской Введенской церкви к Вологодской епархии, епископ Вологодский Ириней в 1788 году, марта 22 дня, также дал грамоту на построение при Верюжской Введенской церкви каменного двух-этажного храма, внизу во имя святителя

Николая, а в верхнем этаже во имя св. праведного Прокопия Устьянского чудотворца. Но когда священнослужители и прихожане стали просить у епархиального начальства книги для записи прихода и расхода денег при постройке церкви, преемник Ириней епископ Арсений отобрал у них храмозданную грамоту, и приказал строить храм во имя Введения во храм Богородицы, а не во имя пр. Прокопия Устьянского, так как имени его не было в святцах. По его приказанию вытребовано было от Верюжской церкви древнее рукописное сказание о явлении мощей и чудесах праведного Прокопия, при чем бывшие тогда при ней священноцерковнослужители показали, что прежде было при церкви и житие святого, но вместе с указом и грамотою об освидетельствовании мощей взято в Архангельскую Консистирию, и там в 1793 году во время пожара в Консистирии сгорело, что и подтверждено сею последнею на отношении Вологодской Консистирии²²⁴.

В 1800 году статский советник Березников доносил Государю Императору, что во время бытности своей, по делам службы, в уздах Яренском, Устьысольском и Сольвычегодском, подвергся он тяжкой болезни, и призвав в помощь праведного Прокопия Устьянского вскоре получил от нее исцеление, и просил Государя о повсеместности оглашении о мощах угодника Божия. Вследствие его прошения Святейшим Синодом в 1801 году, декабря 16 дня, было постановлено, что «как по свидетельству сим мощам 1696 и 1739 года не оказалось многих на теле сего почитаемого за святого частей, и притом с которого времени оное открыто и кем? кто он и откуда верного сведения не найдено; описание же о происходивших якобы от одного чудеса к совершенному признанию его за святого и оглашению мощей весьма недостаточно, да и после того от епархиальных архиереев никакого об оных мощах в Святейший Синод донесения не было; то и оставить их в таком положении, в каком ныне состоять, не делая об оных повсеместного оглашения; о чем и Государю Императору донести». Но такое решение Святейшего Синода не удовлетворило усердных почитателей святого угодника; крестьянин Федор Кузнецов, по случаю исцеления своего от продолжительной и тяжкой

болезни, полученного им от праведного Прокопия, положил обещание стараться об оглашении святых мощей его, и заручившись доверенностью четырех тысяч лиц, в 1809 году подал прошение Государю Императору, подобно Березникову, прося нетленные и уже дважды свидетельствованные мощи угодника огласить всенародно, а Государыню Императрицу Марию Феодоровну просил о пожертвовании на построение храма и дарование нового покрова на раку угодника взамен уже обветшавшего от временн покрова, данного Императрицей Елисаветой Петровной. Вследствие этого прошения Санктпетербургский митрополит Амвросий и князь Голицын в 1811 году обращались к Вологодскому епископу Евгению, требуя его мнения о сем деле. Епископ Евгений в ответ на это писал князю Голицыну, «что сам он не имел случая видеть, но что ему известно, что мощи сии лежат на поверхности, в гробнице открывающейся для зрителей и видимы, по наружности большею частью целы. Окрестный народ соседственных уездов губерний Вологодской и Архангельской издавна признает их святыми и притекает к ним с усердием. Просвещеннейшие люди никакого сомнения о них не изъявляют. Однакож не слышно, что бы для оных туда предпринимали они путешествие, особливо других губерний, как в Тотемский монастырь²²⁵. В описании чудес сих мощей записано 20 чудес с 1641 года по 1750 год, о новейших никакого известия до него не доходило²²⁶. Посему, если угодно будет основаться на свидетельстве о прежних, то, по мнению его, повсеместное оглашение сих мощей ничего другого не произведет, кроме распространения в народе благочестия и приверженности к отечеству, возбуждаемой особенно святынями отечественными. А притечение иностранного народа к сему краю, небогатому природою, может возродить промышленность окрестных поселян. Если же заблагорассуждено будет просителям отказать, то достаточным сему основанием могут быть причины изъясненные в протоколе Святейшего Синода 1801 года, декабря 16, и поскольку сим протоколом не запрещено местное почитание сих мощей, то окрестный народ должен будет оставаться доволен таковым решением, как и многим угодникам Божиим в Российской церкви

предоставлено издревле местное их почитание, без внесения их в общие церковные месяцесловы²²⁷. Но когда в Верюжском Введенском приходе в 1818 году постройка каменной церкви была окончена, крестьянин Кузнецов снова подал Государю прошение об оглашении мощей, перенесении их в каменную церковь и освящении ее во имя праведного Прокопия. Такая настойчивость просителя, несмотря на сделанные ему епархиальным начальством внушения и запрещения, побудила князя Голицына просить епископа Вологодского Онисифора лично, на месте, исследовать дело и представить с своим заключением. Преосвященный Онисифор поспешил отправиться к Верюжской церкви и 1 августа того же 1818 года, с протоиереем Вельского собора Алексеем Осокиным и местным благочинным, священником Иоанном Заостровским, освидетельствовав святые мощи, открыл присутствие, чтобы вызвать людей, которые могли бы засвидетельствовать о каких-либо исцелениях от праведного Прокопия, случившихся в новейшее время. На спрос его местные священники Иаков Первушин и Георгий Свистунов недавно определенные к той церкви²²⁸, показали, что кроме исцеления одной только г. Колтынянской, они никаких других чудес не видали и не слышали. До них бывшие более тридцати лет при церкви священниками Первушин и Ядовинов, удаленные за пьянство и драки между собою, не были опрошены по своей неблагонадежности. Из случившихся тогда в церкви крестьян Александр Илатовский заявил преосвященному, что в 1809 году, имел он тягчайшую болезнь в голове в продолжение 6 недель так, что был вне себя и ничего не чувствовал (не сознавал). Во время болезни той увидел он во сне, что будто стоять на коленях и молится праведному Прокорию о своем выздоровлении, и пробудившись почувствовал облегчение от болезни и здоров и доныне. Подававший прошение Государю крестьянин Федор Кузнецов показал, что два года был болен животом и ногами так, что с великою нуждой мог двинуться с места. В 1805 году видел он во сне пришедшего человека в белой одежде, который сказал ему: обещайся ты ежегодно молебствовать Прокопию Устьянскому, и будешь здоров.

Пробудившись от сна, Кузнецов почувствовал себя совершенно здоровым, и в благодарность за исцеление положил обет стараться об оглашении мощей своего целителя. Кроме сего никто более ни о каких исцелениях и чудесах не заявил преосвященному Онисифору. Но это могло быть и потому, что по случаю рабочего, страдного времени и неожиданности приезда архиерейского, и народу при церкви было не много, а другие могли не объявлять о себе и по своей крайней неразвитости и опасению присяг, спросов и допросов. По возвращении преосвященного в Вологду, спрашивана была им под присягою вологодская помещица, коллежская ассесорша Надежда Тройницкая, о исцелении Колтынянской, и показала, что в 1817 году, в первых числах декабря, взята была ею из г. Вельска к мощам праведного Прокопия, четырнадцатилетняя дочь дворянского заседателя Ивана Болтыненского Александра, по ее желанию и просьбе ее матери. Она была столько нездорова глазами, что «ниже зреть могла на свет, беспрестанное имела течение слез и ходила всегда с завязанными глазами, претерпевая несносную боль. В пути же к мощам почувствовала тоlikое облегчение, что хотела вовсе отложить завязку; но что она Тройницкая ей того не позволила в рассуждении зимнего времени. А по прибытии в Верюжскую Введенскую церковь и по отправлении молебствия, когда приложилась к мощам, то получила полное исцеление, и вышла из церкви совершенно здоровою».

По свидетельству мощей 1818 года, 1 августа оказалось:

1) Гробница, в которой почивают мощи Прокопия Устьянского, деревянная, обита внутри трипом голубого цвета.

2) Росту Прокопий Устьянский 2 аршина и 2 вершка.

3) На голове волосов, а на правом виске тела на вершок в длину и ширину нет. Правого уха половинная часть имеется, а левое почти все цело, поверхности носа, то есть хряща, не оказалось. В правом глазе к носу скважина и нижней половины губы нет.

4) В правой руке от плеча к локтю сзади тела нет, а прочее и пальцы целы, также и на левой руке от локтя к кисти в длину

три вершка, и в ширину один тела не оказалось, до самой кости, в прочем же вся цела.

5) От плеча на всей спине тела не имеется и видны ребра и становая кость, а спереди грудь и весь живот целы, исключая пуп, вместо которого имеется небольшое отверстие.

6) На правой ноге лядвеи, и от оной до самой пяты сзади, а спереди вершка на три к стопе тела и первых составов у пальцев не имеется, а на левой ноге, на левой стороне колена кожи в вершек вокруг и на половине подошвы к пальцам тела и первых у оной составов, как и у правой, не оказалось.

7) Рубашки холщевой, в коей мощи обретены, только верхняя, да сзади на шее малая часть к плечам, да и та местами подрана, а местами приметно стрижена, однако довольно крепка. Также и тело в некоторых местах весьма приметно, что отрезывано.

Представляя это свидетельство свое, преосвященный Онисифор писал Святейшему Синоду: я и сам убеждаюсь совестью и внушением Божественной благодати признаю мощи сии святыми, и что мощи праведного Прокопия Устьянского огласить за святые не только можно, но и должно. Но так как в Святейшем Синоде еще в 1801 году, декабря 16 дня составлен был уже протокол о мощах праведного Прокопия, то на представление преосвященного Онисифора и не последовало никакого распоряжения. В упомянутом выше древнем сказании о явлении мощей праведного Прокопия и происходивших от них чудесах, с 1641 по 1750 год, записаны следующие 20 чудес:

1) В лето 7149 (1641) в феврале месяце Сольвычегодский купец Никифор, находясь по делам торговли в Устьянских волостях и не дошед еще до села Верюжского, внезапно подвергся столь тяжкому нападению нечистого духа, что его то ударяло о землю, то поворачивало лицо его назад, и был он уже при смерти. Бывшие с ним люди, видя его страдания, повели его в церковь, к мощам праведного Прокопия; но больной сильно противился и не хотел идти, и когда принудили к тому силою и заставили поклониться гробу праведного Прокопия, Никифор пал на землю и долго лежал, как мертвый. Видя то и думая, что Никифор действительно помер, люди,

приведшие его в церковь, пришли в ужас, и в страхе начали взывать со слезами: Господи помилуй сего страждущего. Но Никифор как бы от сна пробудившись, встал на ноги и пришел в сознание и почувствовал себя совершенно здоровым. Молясь Богу и благодаря угодника за исцеление, Никифор хотел открыть гроб и целовать святыи мощи, но священник Никон Александров не позволил ему, сказав, что не должно целовать ему святыи мощи без благословения святительского, чем тот остался весьма недоволен.

2–3) Важеского (Шенкурского) уезда, Уздринской пустыни послушник Варлаам, еще бывши в мире, в 1644 году, в пустых сибирских местах, для ловли зверей, два раза с семью своими товарищами подвергался нечаянному нападению Тунгусов, которые, окружив стан их, в первый раз в продолжение 4 недель, а во второй две недели нападали на них и пускали стрелы, от чего Варлаам и товарищи его столько ослабели и изнемогли, что не могли уже защищаться и противиться. Находясь в столь бедственном положении все они обратились с молитвою к Богу и стали призывать себе на помощь праведного Прокопия. При последнем нападении Тунгусов Варлаам дал обет сходить на поклонение к святым мощам его, ежели Господь выведет их живыми и здоровыми на родину. В оба раза, как только они начинали призывать святого, Тунгусы приходили в смятение и поспешно обращались в бегство, как будто бы кто гнал их. Когда Варлаам, возвратившись домой, рассказал об этом своей матери, тогда она сказала ему, что в то самое время была она нездорова глазами и ничего не видела, и также обещалась поклониться мощам праведного Прокопия, и вскоре затем получила от него исцеление. На поклонение святым мощам приходили они оба вместе.

4) В 1661 году, Устьянской волости, деревни Дубровы крестьянская жена Евдокия в продолжение 16 недель была в столь сильном расслаблении, что не могла двинуться с места и находилась уже при смерти. Но начавши молиться Богу и призывать на помощь праведного Прокопия, вскоре получила совершенное выздоровление.

5) Дочь той женщины Евдокии по имени Феодора была нездорова глазами так, что не могла ничего видеть. Страдая так около года и совершенно ослабевши и изнемогши, стала она молиться праведному Прокопию, и после того, как положила обещание сходить на поклонение святым мощам его, тотчас же почувствовала облегчение и вскоре совершенно выздоровела.

6) Устюжского (ныне Сольвычегодского) уезда, Черевковской волости крестьянин Феодор Согрин, будучи весьма болен, не мог ни перейти с места на место, ни взять что либо руками. Родные братья его советовали ему обещаться праведному Прокопию, от которого многие получают исцеление, и когда Федор, последуя их совету, помолился ему, вскоре получил исцеление.

7) В 1729 году случилось Чадромской волости, деревни Исаковы крестьянину Федору Силуянову плыть на лодке по реке Волге. Ночью лодку разбило и многие товарищи его потонули, а он Силуянов и с ним еще один человек, призывая на помощь праведного Прокопия и обещаясь отправить молебное пение при его гробе, принесены были на одной доске к острову, и таким образом спасены от потопления.

8) Тотемского посадского человека Василия Кузнецова дочь девица Феодора, два года будучи так больна, что не могла ни ходить, ни даже двинуться с места, видела во сне человека старого образом и с ним другого молодого, стоявшего на воздухе. Человек стоявший на воздухе приказал ей взять рукою персты правой ноги его и потереть ими по своей ноге правой, а перстами левой ноги его потереть левую свою ногу для того, чтобы быть ей здоровой, и когда она исполнила это, он сказал ей: обещайся праведному Прокопию Усъянскому чудотворцу, который почивает поверх земли, что она тотчас же и сделала в сновидении. Пробудившись от сна, Феодора нашла себя совершенно здоровою.

9) Той же Верюжской волости крестьянина Агапита Кашина жена Анна Прокопьева в 1707 г. страдала зубною болью, от которой щеки ее распухли, и не могла она даже говорить три недели. В одно время явился ей во сне человек бел и млад лицом и сказал ей: Утрись моею одеждою, и обещайся

праведному Прокопию, и будешь здорова. Пробудившись от сна, Анна стала молиться и обещаться и болезнь мгновенно прошла.

10) Чадромской волости, деревни Бобинской у крестьянина Гавриила Матвеева Бобина в 1737 году случилась боль рожа, и лицо и вся голова у него опухли. В этой болезни, продолжавшейся 4 недели, 12 суток не мог он ни есть ни пить, и ждал уже себе смерти. В одну ночь явился ему человек во сне и сказал: молись св. праведному Прокопию Усьянскому чудотворцу, обещайся петь ему молебен, и даст тебе Господь Бог здоровье. Гавриил, пробудившись от сна, начал в уме своем (говорить он не мог от болезни) молиться пр. Прокопию, и обещаться поклониться его мощам, и болезнь начала проходить и Гавриил вскоре совершенно выздоровел.

11) Той же Чадромской волости, деревни Пакшенской житель Трофим Иванов Кашин, бывши в г. Риге, в военной службе, молился Богу о том, чтобы сподобил его Господь получить отставку от службы и быть на родине, в доме родительском, так как уже 26 лет находился он в службе, вдали от родных, и все еще не было для него надежды к возвращению домой, и он начинал уже отчаяваться в том. В 1786 году, после ночного караула, уснувши в сторожке, видел он во сне старого человека, который подошедши к нему сказал: что печалишься и тоскуешь? Не тужи, молись Богу и обещайся пр. Прокопию Усьянскому чудотворцу молебствовать при его мощах и даст тебе Господь свободу от службы, и будешь в доме родительском. Сновидение было так живо и явственно, что Трофим принял его за действительность, и выговаривал своему капралу, зачем пустил старика прерывать сон его. Капрал, выслушав рассказ его, советовал поступить так, как велел явившийся во сне старец. Трофим положил обещание поклониться гробу праведного Прокопия, и сменившись с караула вдруг сделался так нездоров, что признан был неспособным к продолжению службы. Но как только получил отставку, болезнь скоро прошла и он благополучно возвратился на родину.

12) Важеского уезда, Кулойской волости, крестьянин Иосиф Григорьев Машов в 1720 и 21 годах был болен ногам и не мог ходить. Услышав от Усьянских жителей о чудесах пр. Прокопия, начал он призывать его в молитвах, обещаясь сходить на поклонение к его гробу, и вскоре получил совершенное выздоровление, на что перестал было уже и надеяться.

13) Вологодского уезда, Сямженской волости, села Мелентиевского, г. Юрия Батюшкова крепостная Евдокия Еремиева два года была столько больна, что не могла двинуться с места. Однажды видела она во сне человека, который сказал ей: есть Усьянской сохи, там в церкви Введения Пресвятой Богородицы открыто поживает праведный Прокопий Устьянский. Обещайся ты ему молебствовать и даст тебе Бог здоровье. Пробудившись от сна стала она сему праведному молиться и вскоре сделалась здорова. Шесть лет жила она после того, но по дальности ли расстояния, или по другим каким причинам исполнить обещания своего поклониться мощам угодника не могла. По смерти ее, по ее завещанию, в 1730 году приходил сын ее, который и заявил об этом.

14) Верюжской волости, крестьянина Венедикта жена Дарья в 1735 году девять недель страдала сильною зубною болезнью; но как скоро положила обещание отнять молебен св. угоднику, болезнь тотчас же прошла, и Дарья стала совершенно здорова.

15. Важеского уезда, Слободского стану, Верхонаденской волости, крестьянина Вавилы Григорьева Хламова жена Ирина Несторова в 1738 году, в Филиппов пост, имела женскую болезнь, и все тело ее, и руки, и ноги, и живот опухли так, что она не могла уже видеть ног своих. В одну ночь видела она во сне женщину, которая сказала ей: молись ты святому пр. Прокопию Усьянскому чудотворцу, и Бог простит тебя, хотя тяжело и трудно тебе будет, и родишь одного мертвого. Ирина стала молиться и положила обещание поклониться мощам праведного Прокопия, и родила благополучно близнецов, одного живого, а другого мертвого, и вскоре после сего оправилась от болезни, хотя, по тяжести родов, не надеялась и живой остаться.

16. Житель Устьянской Никольской волости Введенского прихода Потапий Федоров Пушкин в 1739 году плыл с товарищами на вешнем плоту к городу Архангельску, и когда уже был на р. Двине, внезапно поднялся сильный ветер, и начал разбивать и заливать волнами плоть его. В страхе и ужасе, ежеминутно ожидая себе смерти, Потапий со слезами начал призывать себе на помощь праведного Прокопия, обещаясь ему молебствовать, и не успел он еще кончить молитвы, как буря затихла и около плота его сделалось тихо, между тем в то самое время, и выше и ниже по реке, бурей разбило множество плотов с хлебом и лесом.

17. Устьянской Ростовской волости, у диаконского сына Ильи Леонтьева полтора года болела рука так, что он не мог даже и перекреститься ею. В 1745 году видел он во сне, что будто бы Прокопий праведный, в белой одежде, подошел к нему и севши возле него рядом сказал: что ты, окаянный, давно обещался идти к Прокопию Устьянскому и с отцем своим, и доньше не бывал? Иди немедленно и помолись, и сказавши это стал невидим. Пробудившись от сна, Илия почувствовал облегчение болезни, и затем вскоре совершенно выздоровел.

18) В г. Ваге (Шепкурске) в бытность воеводы Александра Васильевича Перелешина, случилось рабе его девице Марие, 20 лет, быть очень больной так, что и руки и ноги у нее сволокло, и близ года нисколько не могла она ими действовать. Находясь в столь бедственном положении, обещалась она, если даст Бог ей здоровья, сходить помолиться к мощам праведного Прокопия, и вскоре затем выздоровела. Но как выздоровевши начала откладывать со дня на день исполнение своего обещания, а потом и вовсе оставила и забыла о нем, то сделалась больна глазами и наконец вовсе ослепла. В это время явился ей во сне старый человек и сказал: что ты обещания своего не исполнила, и для поклонения праведному Прокопию Устьянскому не сходила? Когда этот сон привел на память слепой ее обещание, она почувствовала свою неправоту и стала со слезами молиться Богу и просить прощения у праведного Прокопия в своей неблагодарности к нему и забвении данного ею обещания, но исцеления не было. Тогда

она стала просить своих ближних, чтобы свели ее к мощам угодника, и когда в 1750 году была приведена туда и начали петь о ней молебен праведному Прокопию, то вдруг увидела в церкви свет, но неясно, а как бы в густом тумане или дыму, потом усмотрела и гробницу угодника и людей бывших в церкви, и в скором времени после сего стала видеть по прежнему ясно, и возвратилась домой, не нуждаясь в вожатых.

19) Белозерская уезда, вотчины Кириллова монастыря Покровского-прихода крестьянин Михаил Иванов Медведев, бывши для собирания милостыни в Важеском уезде, в деревне Бегунихе, в доме крестьянина Исидора Михайлова, заболел так, что десять недель находился без памяти. В это время привиделось ему во сне, что будто бы к его постели подошел старичек, сел подле него и сказал: встань ты и пойдем со мною на Усью реку, к праведному Прокопию молиться, и на вопрос больного: откуда ты, старичек? явившийся отвечал, что он Прокопий Устьянский. Узнавши от хозяина дома, где почивает пр. Прокопий, Михаил стал призывать его на помощь и положил обещание поклониться мощам его, и на другой день после того стал сидеть и вскоре совершенно выздоровел.

20) Важеского (ныне Тотемского) уезда Кокшенской четверти, Ромашевской волости, деревни Александровской крестьянин Иван Семенов Силинский, находясь в г. Вологде, сделался нездоров горячкою и сильно изнемог. Но когда, не получая пользы от лекарств, стал призывать на помощь праведного Прокопия, болезнь тотчас же прошла и он стал здоров и поспешил исправить обет свой поклониться мощам своего исцелителя.

Кроме сих чудес праведного Прокопия, находящихся в древней рукописи, и записанных в церкви с объявлений самих получивших исцеления, когда они, исполняя свои обеты, приходили на поклонение к святым мощам, были чудесные исцеления от угодника Божия и в новейшее время. Так в 1821 году у гроба его получила исцеление от продолжительного и опасного умопомешательства мать одного диакона из г. Устюга, Вельского уезда, Ракульской Михайло-архангельской церкви благочинный священник Иоанн Филикисимов Мальцев, будучи

трех лет от роду, был столь сильно нездоров, что родители его уже отчаялись в его жизни, положили под святые иконы²²⁹ и мать его приготовила ему рубашку для погребения. Но когда стали молиться праведному Прокопию, и положили обет, как только дитя выздоровеет, немедленно ехать с ним на поклонение к мощам угодника, то болезнь скоро прошла, и его едва только оправившегося, в зимнее время возили к угоднику. Мать Мальцева, благодарная праведному Прокопию за исцеление «сына, не довольствуясь точным исполнением своего обещания, посылала его еще и в другой раз благодарить угодника Божия, когда Мальцев был уже учеником семинарии. Так самая доверенность от 4000 человек, данная Кузнецову на подачу прошения Государю Императору о повсеместном оглашении мощей праведного Прокопия, одним лицом подписана: «по бытности моей у сих нетленных мощей, и получил исцеление будучи болен головой, в чем и утверждаю Верховажский мещанин Василий Савинский». Это, между прочим, доказывается еще и усердием и верою к праведному Прокопию окрестных жителей и множеством издалека приходящих богомольцев. Пишущий в детстве, еще до поступления в училище, был свидетелем того, как одного бесноватого купца, связанного, едва несколько человек насильно могли привести в церковь, как он страшно кричал различными голосами зверей и птиц, и лежа на полу близ раки угодника, бился руками, ногами и головою, изрыгал хулы на праведного Прокопия и священника и диакона служивших молебен, похваляясь своею крепостью и силою. Но когда возложили на него небольшой атласный покров, с вышитым на нем изображением пр. Прокопия, и обыкновенно всегда находящийся на мощах его, то уже не мог двинуть ни одним членом, и только глухо кричал: ой, задавили, задавили, выйду, выйду. Купец этот несколько раз приводим был в церковь и уехал домой здоровым. Но откуда он был и как его звали, пишущий по давности времени не помнит. Ныне мощи пр. Прокопия, по случаю поправки деревянной церкви перенесены в каменную, и почивают в старинной деревянной раке, украшенной резьбою под таковым же балдахином. Мощи

покрыты по атласу шитым шелками, серебром и золотом изображением святого. Память совершается 8-го июля, и многие из тамошних жителей постятся пред нею целую неделю.

Преподобный Сергей Малопинезский

Преподобный Сергей, до монашества Симеон, родился в 1493 году, в княжение Иоанна III Васильевича. Отец его Маркиан Стефанов Неклюд, из роду митрополичьих и десятильничьих новгородских боярских детей, во время уничтожения великим князем новгородской вольности и сопровождавших его смут, со многими из своих сограждан, оставил родину и удалился на север России «в страну студеного моря» на реку Пинегу, в волость малую Пинежку. Здесь молодой боярский сын вступил в брак с одною девицею, по имени Аполлинариею, и так как «был навичен книжному учению и грамоте», то и сделан был сперва клириком, а потом и пресвитером в веси Сурской²³⁰ того же Малопинезского уезда. В старости благочестивые супруги, по взаимному согласию вступили в монашество: Маркиан, под именем Матфея, кончил жизнь игуменом Воскресенской обители в г. Кевроле²³¹, а Аполлинария скончалась схимницею под именем Пелагии.

Сын Маркиана и Аполлинарии, Симеон, воспитан был родителями в строгом благочестии, с самых юных лет оказывал расположение ко всему божественному, и, подобно своему родителю, был весьма сведущ в книжном учении. Но о том, чем занимался он до тридцати лет, когда и с кем вступил в брак, имел ли детей и о других подробностях его жизни не дошло до нас никаких известий. Будучи уже тридцати лет от роду, он поставлен был пресвитером к новоустроенным в Малопинезской волости церквам – Преображения Господня и св. Великомученика Георгия, где проходил пастырское служение и назидал прихожан и словом и делом 62 года. Это редкое, по своей долговременности, служение, кроме ревностного исполнения обычных обязанностей приходского священника, ознаменовано было и апостольским подвигом обращения ко Христу «некрещеной чуди», т. е. многих, остававшихся еще язычников из этого народа. Успех в этом подвиге, при содействии благодати Божией, без сомнения весьма много зависел и от личных достоинств и добродетелей самого

пресвитера Симеона, его ласкового и радушного со всеми обращения, неустанной настойчивости, терпения и любви. Ибо он, по свидетельству летописного сказания, «имел душу милостиву и чист помысл, сердце бодро, смирение и крепость молчаливую и любовь воистинну нелицемерную, и был милостив к нищим до самоотвержения. Столь редким и прекрасным душевным качествам соответствовала и благолепая его наружность; так как он был «возрастом средний, лицом круглый, брада круглая, велика, бела, взором кроток, тих хождением, умилен видением; седины его Быша белы, постом украшены, воздержанием сияя». Продолжительная и святая жизнь достойного служителя Божия не могла не сопровождаться всеобщей известностью в окрестности и приобрести ему истинной любви и уважения прихожан, которые едва не все при нем и родились и состарились; и потому еще при жизни его «бе слава многа о нем ради добродетельного жития его». В последний год своей жизни, чувствуя приближение смерти, он принял пострижение монашеское и облечен был в схиму от прибывшая тогда в тот край из г. Кевролы, для сбора церковной дани, Воскресенского игумена Иринарха, и с новым именем Сергия, преставился 16 ноября 1585 года. По завещанию самого преподобного Сергия, тело его положено было подле алтаря Преображенской церкви, «и домашнии ему людии устроиша над ним голбчик деревянный, еже есть сенцу малу, памяти ради где погребен бысть». Чудотворения незамедлили ознаменовать святость почившего пресвитера. На другой год по преставлении преподобного Сергия, клирик Преображенской церкви, одержимый тяжкою «щепотною» (головною) болезнью, наставлен был голосом в сонном видения идти на могилу преподобного, взять с нее персти, и отереть ею голову, и лишь только он исполнил это, как болезнь прошла и он почувствовал себя совершенно здоровым.

Слух об этом исцелении и давняя, всеобщая известность о святой и богоугодной жизни усопшего пресвитера тотчас же стали привлекать к могиле его множество больных, которые брали с нее перст, и по вере своей, получали исцеления от различных недугов. Частые опыты таких благодатных исцелений

побудили и священника той церкви Елисея, жившая спустя 60 лет после преподобного, ежегодно 16 ноября совершать его память, за каковое благоговейное уважение к угоднику он награжден был однажды следующим видением. В один год в 16 день ноября, когда священник Елисей, совершив дома обычное пред служением правило, отправился в церковь чтобы служить утреню, то, подходя к ней, с удивлением увидел, что храм освящен по праздничному, полон молящимися, и что какой-то незнакомый ему священник уже служит в нем. Елисей подумал сначала, что прибыл к ним десятильник для сбора патриаршей дани, и недождавшись его, сам начал священнослужение. Опасаясь ответственности за свою неисправность, робко и со страхом вступил он в трапезу; но взглянув отсюда окном в церковь, не увидел в ней ничего, только ощутил, что вся церковь и трапеза наполнены чудным благоуханием.

Сын Елисея Киприан, служивший священником при тех же церквях 28 лет, продолжал благоговейное чествование памяти преподобного Сергия в день его преставления и был очевидным свидетелем новых чудес от угодника Божия. Одно из таких чудес в собственном его семействе побудило Киприана построить часовню над гробом преподобного. Давно имея намерение, и даже сделав обет построить часовню, он день ото дня отлагал исполнение обещания и наконец почти забыл о нем. Вдруг все его сыновья были поражены какою-то лютою болезнью, неподдававшеюся никаким врачевствам. В великой горести о них, родители молились усердно Богу, возлагали на себя разные обеты, делали пожертвования в церкви; но болезнь детей не только не проходила, а еще с каждым днем делалась тяжелее и опаснее. Наконец младшему из больных, Нифонту, является во сне преподобный Сергий, указывает причину болезни их в том, что родители их забыли обещание свое построить над могилою его часовню, и обещает выздоровление ему и всем его братьям, когда родители их исполнят свое обещание. Отрок, дотоле уже не могший говорить от болезни, поспешил рассказать родителям о своем сновидении, – часовня немедленно была построена и все больные скоро выздоровели. Это было в 1648 году.

Спустя три года после сего, вследствие нового явления преподобного Сергия некоторой жене Феодосии, (пришедшей в Малопинежскую волость с Двины, и ничего не слышавшей об угоднике Сергии) установлено было (1651 г.) každонедельное по воскресным дням молебное пение над гробом преподобного. Он явился этой женщине в сонном видении во время ее болезни и, обещая скорое исцеление, велел ей идти в часовню к его гробнице и сказать священникам и клирикам, чтобы они «отселе по вся воскресные дни пели Всемиловитому Спасу молебное пение по обычаю в часовне над его гробом, и память его творили бы, докамсть Бог восхоцет, неотложно». После сего сновидения больная тотчас выздоровела, отправилась ко гробу преподобного, поведала священникам о своем видении и чудесном исцелении от болезни, – и молебное пение в часовне было установлено и начато. В том же году, когда в один воскресный день это молебное пение по какой то причине не было отправлено, преподобный Сергий в следующую за тем ночь явился во сне одному из тамошних жителей и строго подтвердил соблюдать его повеление «неотложно и непременно».

В древнем рукописном сказании о жизни и чудесах преподобного Сергия, под 1653 годом записаны еще четыре чуда, которые еще более прославили чудотворца, окончательно убедили Пинежан в его святости, и в 1655 году побудили установить: «память преподобного Сергия праздновати месяца ноября в 16 день и образ подобия его написати»²³².

Мощи преподобного Сергия почивают под спудом, в деревянной часовне. Кроме списка святых Вологодской епархии, составлением киевским митрополитом Евгением²³³, полного месяцеслова святых востока архимандрита Сергия, краткое житие преподобного Сергия есть и в «Русских святых» Архиепископа Филарета Черниговского.

Преподобный Онуфрий Катромский

В истории Российской иерархии (ч. IV стр. 352), списка Вологодских святых митрополита Евгения (Вологод. Епар. Вед. 1864 г. № 1) и описании Семигородной пустыни и упраздненного Катромского монастыря, Савваитова, сказано, что монастырь этот основан преподобным Онуфрием, коего и мощи там почивают под спудом, некогда преподобный жил и скончался, неизвестно. Из дошедших до нас письменных памятников видно, что Катромский монастырь существовал уже в начале XVI столетия, и что в 1532 году, когда князем Иваном Даниловичем Пенновым дано было монастырю 19 деревень и починков, преподобного основателя уже не было в живых²³⁴. Кроме этого о преподобном Онуфрии не сохранилось никаких других известий, хотя место погребения его, гробовая плита, всегда было известно, память его благоговейно почиталась в обители и имя его внесено было в святцы²³⁵. Причиной того, без всякого сомнения, были пожары в монастырь, от которых не уцелели даже несудимые и жалованные на земли грамоты так, что в 1569 году игумен Варлаам вынужден был у царя Иоанна Васильевича испросить новые. Так как Каменный монастырь, стоявший в XV веке на высоте совершенства иноческой жизни, был как бы колыбелью подвижников и рассадников основателей монастырей, да других монастырей еще и не было тогда вблизи, то вероятно, что и преподобный Онуфрий, подобно многим другим святым, был его постриженником и впоследствии вышел из него в непроходимую пустыню, на берега Катромского озера, избегая многолюдства своей обители теснившейся на малом острове. В 1764 году монастырь был закрыт и церкви обращены в бесприходные с белым священником и причетниками; но когда он в 1803 году апреля 23 числа сгорали, то уже и не были возобновлены, и место бывшего монастыря совершенно запустило. Прошло около 30 лет, когда память не только о монастыре давно уже закрытом, но и о сгоревших церквях готова была изгладиться между окрестными жителями, как вдруг забытая всеми уединенная могила преподобного

основателя обители начала отовсюду привлекать к себе поклонников целыми тысячами, имя преподобного Онуфрия стало переходить из уст в уста и надгробная плита его сделалась источником исцелений. «С самой весны сего 1834 года на место Катромского монастыря народ во множестве собирается, не проходить ни одних суток, в которые бы не было там богомольцев, а в праздничные дни число приходящих на поклонение почивающему здесь угоднику простирается до тысячи и более человек, которые обнаруживают свое усердие посильными пожертвованиями, без всякого на то вызова. А что касается до того, что подало случай собираться на означенное место для богомоления; то носят слухи, будто причиной тому суть: некоторым достойным людям сновидения, явления и верующим исцеления», писал в августе месяце в рапорте своем Вологодскому епископу Стефану благочинный священник Иоанн Ржаницын, (отец Тверскаго архиепископа Алексея) и в октябре того же года представил ему репорт священноцерковнослужителей Карачуновской Спасопреображенской церкви, в приходе коих находилось место Катромского монастыря, с приложением записки или сказания о чудесных исцелениях при гробе преподобного Онуфрия, происходивших в июле, августе и сентябре месяцах. Всех исцелений записано было в ней 26, и записка о них закончена так: Сверх сего хотя и другие многие болящие получили здравие, но по редкому пребыванию на том месте служащих в записку не поступили. Казалось бы, что, по получении этих донесений от благочинного, первым делом епархиального начальства будет дознание и проверка их справедливости. Но епископ Стефан посмотрел на это иначе. Два раза он отказывал в позволении на месте сгоревших церквей построить часовню, когда, с согласия приходского духовенства, в 1832 и 1884 году просил о том крестьянин Иван Никитин, и старосты разных вотчин и все окрестные жители подпискою обязывались жертвовать на построение, на месте бывшего монастыря, каменной церкви с колокольнею, и как скоро получил репорт от благочинного, вызвал Карачуновских священноцерковнослужителей в консистории и обязал

подпискою никаких молебных пений, ни панихид по Онуфрии ни по чьей просьбе не совершать при упраздненном Катромском монастыре, а благочинного Ржаницына отрешил от должности с запрещением священнослужения и отдал под суд. А так как крестьянин Никитин не смотря на то, что не получил дозволения, все таки на месте сгоревших церквей часовню поставил, (маленькую с тремя стопками) то и началась переписка о ней с губернатором. Епархиальное начальство требовало, чтобы не только часовня была уничтожена, но и место то было зарыто так, чтобы и знаку никакого не было. Но часовня осталась неприкосновенною и в следующем 1835 году народ стал собираться ко гробу преподобного еще в большем количестве. Новый благочинный священник Клеоник Яблоков от 2 июля 1835 года доносил преосвященному: «Оная часовня и по сие время не снята, и народ в бесчисленном количестве повседневно стекается на оное место для богомоления так, что в 12 число истекшего июня, на память преподобного Онуфрия великого, народу было около 4000, и что хотя и снята будет часовня в оном монастыре, но сия мера не будет достаточна к прекращению стечения народа на то место; да едва ли кто и будет послушен самому начальству в снятии часовеньки и зарытии места. Ибо народ столько привержен к оному месту, и столько благоговест пред ним, что непрестанно толпами стекается на оное, с коленопреклонением и слезами покланяется тут лежащим четырем камням, лобызает их, трет об них члены свои, особенно немощные, мажется песком из под оных и уносить оный с собой в надежде исцеления недугов своих». Епархиальное начальство требовало еще сношения жилой избы, построенной Никитиным на месте бывшего монастыря для приюта и ночлега богомольцев, полагая, что когда не будет народу места для пристанища, то он перестанет и собираться на пустое место; но и это требование его осталось также без исполнения. Крестьянин Никитин вытребованный чрез гражданское начальство объявил преосвященному лично и консистории, что часовня поставлена им по повелению святителя Николая и преподобного Онуфрия, являвшихся ему в сновидении, и представил еще два реэстра лиц, получивших

исцеления от преподобного Онуфрия, из коих в одном записано было 12 исцелений, а в другом 18, и что он сам был очевидным свидетелем 12 случаев, и в истине своего показания сослался на самих получивших исцеления, указав, кто именно они были и откуда. Реэстры или записки писаны были с объявления получивших исцеления и засвидетельствованы подписью лиц при том бывших. Но и на этот раз они не были проверены, и тем лишены качества несомненности, и тысячи народу, приходившие из за сотен верст, и получившие исцеление от болезней, оставлены без утешения отпет молебн святителю Николаю и панихиду по преподобном Онуфрии на месте древней обители, пока Святейший Синод, указом от 25 сентября 1835 года, не повелел: если построенная над местом могилы в виде часовни палатка еще не уничтожена, то о сем не настоять, отправления для желающих святителю Николаю молебных пений, а по преподобном Онуфрии панихид не возбранят и предоставить то монашествующим Семигородной пустыни, коей принадлежат ныне угодья бывшего Катромского монастыря, со священника Ржаницына снять запрещение и допустить к приходской должности. Это распоряжение Святейшего Синода как нельзя более обрадовало как не перестававших приходить богомольцев, так и всех окрестных жителей, благоговевших п памяти преподобного Онуфрия.

Когда место Катромского монастыря перешло в ведение Семигородной пустыни, тут, где стояла сгоревшая Никольская церковь, вскоре построена была немалая деревянная часовня, в 1867 году обращенная в церковь во имя святителя. Таким образом место освященное трудами и подвигами преподобного Онуфрия вышло из своего почти семидесятилетия плен и запустения и на нем снова явился Божий храм. В 1868 году, усердием настоятеля Семигородной пустыни, архимандрита Нектария, близ этой деревянной церкви построена каменная пятиглавая двух-этажная церковь, крытая железом, и в следующем 1869 году сентября 28 дня перенесен в нее престол и антиминс из часовенной церкви уже по смерти ее строителя, нашедшего себе могилу под ее сводами. Мощи преподобного Онуфрия почивают под спудом в деревянной часовне,

находящейся по правую сторону церкви, над ними поставлена рака покрытая пеленою. Так как ныне на Катроме постоянно живут монашествующие, отправляется богослужение, и желающие во всякое время могут исполнять свои обеты – отправить молебен святителю и поклониться гробу преподобного; то и не бывает ныне такого необычайного и многолюдного собрания народа, как в 1834 и следующие за тем годы. Но и ныне почти все приходящие в Семигородную пустынь для поклонения чудотворной иконе Божией Матери посещают и Катромский монастырь (в 30 верстах от Семигородной), отправляют панихиды над гробом преподобного, и недужные, по вере своей, получают исцеления. В монастырской книге после многих чудесных исцелений, происшедших по молитвам преподобного в 1834, 35 и 36 годах, последним значится бывшее в 1873 году и записанное самим получившим исцеление. Приведем некоторые из них.

Кадниковского уезда, Ильинской волости деревни Большой крестьянина Тимофея Иванова сын Александр, 11 лет от роду, был нездоров ногами и два года не ходил. Видел он однажды во сне, что будто вместе с родителями молится Богу в Катромском монастыре, и как вследствие этого сновидения, 20 июля 1834 года, действительно привезен был в монастырь и отправлено о нем молебствие святителю Николаю и панихида по преподобном Онуфрии, по прошествии трех дней стал ходить так, как будто никогда и не был нездоров ногами.

Тогож уезда, Петряевской волости, деревни Сокрыина крестьянина Ивана Прокопьева одиннадцатилетняя дочь Параскева три года была больна сердцем и утробой и не имела покою ни днем ни ночью. Родители ее обещались отпеть панихиду по преподобном Онуфрии, и когда мать ее отправилась в Катромский монастырь и 12 июля 1834 года отпела панихиду над гробом преподобного, Параскева, остававшаяся дома, почувствовала себя в это самое время совершенно здоровою, и ныне сама, говорится в записи, почасту приходить для поклонения гробу своего исцелителя.

Кирилловского уезда, Пунемской волости, деревни Строковина крестьянин Тимофей Иванов полтора года был

нездоров ногою так, что едва мог ходить, и болезнь постепенно усиливаясь дошла наконец до того, что две недели он не мог уже встать с места и даже двинуть ногою. Услышавши о множестве чудес, совершившихся при гробе преподобного Онуфрия, мать его вознамерилась сходить в Катромский монастырь, и когда она собралась в дорогу, изъявил желание идти с нею и больной, и тотчас же почувствовал облегчение и получил возможность ходить. Стоверстное расстояние от места жительства своего до монастыря прошел он без большого труда и возвратился домой совершенно здоровым.

Петряевской волости, деревни Афонинской крестьянин Василий Космин Дубан в сентябре месяце 1834 года видел во сне, что будто бы он находится в Батромском монастыре и молится при гробе преподобного Онуфрия. Когда Василий рассказал свой сон брату своему родному, тот советовал ему сходить на Катрому и отпеть панихиду по преподобном; но он не дал веры своему сновидению, и не послушавшись совета братнего поехал торговать верст за сто. Отъехавши верст десять от своего дому, Василий вдруг почувствовал себя тяжело нездоровым так, что принужден был возвратиться и трои сутки дежал в постеле. Но когда положил обещание идти в Катромский монастырь, тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым, и не откладывая исполнения обещания 14 числа сентября приходил ко гробу преподобного и отправил панихиду.

Грязовецкого уезда, вотчины г. Свиныной, села Елькина скотница Ксения Андреева долгое время была нездорова и находилась в столь сильном расслаблении, что нисколько не владела ни руками, ни ногами, и сколько ни лечилась, пользы ни от чего не было. Однажды днем, немного призаснув, увидела она старца сидевшего у ее постели и приказывавшего ей идти в Катромский монастырь и отправить панихиду над гробом преподобного Онуфрия. Прежде она не слыхала ни об этом угоднике, ни о монастыре, но пробудившись от сна стала призывать его на помощь и обещаться идти к нему на поклонение и с того времени с каждым днем становилось ей легче и легче так, что чрез две недели могла отправиться в

монастырь для исполнения своего обещания, и по исполнении его почувствовала себя совершенно здоровою.

Троицкой Енальской волости, деревни Фоминской крестьянин Кондратий Иванов пять недель находился в столь сильном расслаблении, что не мог вставать с постели. Чтобы избавиться от своей тяжелой болезни, решился он искать помощи свыше, и для того вздумал сделать три жеребья, чтобы куда жеребий выпадет, туда из трех мест и отправиться на богомолье, т. е. в Тотемский монастырь, Семигородную пустынь, или в Катромский монастырь. Когда жребий выпал на последний, Кондратий с женою своею поспешил отправиться туда в путь, и еще дорогою, недоехав до монастыря, почувствовал себя совершенно здоровым.

Кадниковского уезда, Лысогорского прихода, деревни Невежина крестьянка Евфросинья Николаева была пять лет нездорова, а шестой год лежала в постеле. Тяжелая болезнь, нестерпимое колотье во все члены тела, не давала ей покою ни днем ни ночью, почему она уже и отчаялась в своем выздоровлении, с часу на час ожидая себе смерти. Когда она уже напутствованная Святыми Тайнами, особорованная, и уже оплаканная родными, ночью немного заснула, то увидела во сне старца, повелевающего ей идти в Катромский монастырь и отправить молебен святителю Николаю и по преподобном Онуфрии панихиду. Пробудившись от сна, она стала призывать на помощь сих святых, обещаясь идти в Катромский монастырь немедленно по своем выздоровлении, и с того времени стало ей легче и вскоре совершенно выздоровела.

Кадниковский мещанин Яков Иванов Обрамов трои сутки был в столь сильном расслаблении, что не мог поворотиться с боку на бок и голова не держалась на плечах. Видя его страдания домашние стали советовать ему, чтобы положил какое-либо обещание, чтобы тем умилоstitь Бога и получить исцеление; и когда он только помыслил, что ежели бы Господь Бог дал полегче, то пошел бы в Катромский монастырь к святителю Николаю чудотворцу и по преподобном Онуфрии отслужил бы панихиду, как той же ночи сделался совершенно здоров, и 7 сентября 1873 года прибывши в монастырь объявил

о своем чудесном исцелении иеромонаху Нафанаилу и собственноручно записал о нем в монастырскую шнуровую книгу.

**Век XVII. Преподобные: Иосиф
Заоникиевский, Антоний и Иоанникий
Заоникиевские, преподобно-мученик
Галактион Вологодский, иерей Петр
Черевковский, преподобный Вассиан
Тиксненский, преподобный Симон
Воломский, праведный Максим Тотемский,
преподобный Леонид Устьнедумский,
праведный Андрей Тотемский,
преподобные Тихон Крестогорский,
Филипп Яиковский и Марко Блавинский**

Преподобный Иосиф Заоникиевский

Не хочет Бог смерти грешника, но как Отец сирдобоный всем желает спасения и блаженства, всех призывает к Себе, хотя не всех одинаково. Одни слышат это призывание Его еще в юности, другие в летах зрелых и старости, иных Он возбуждает от духовного сна необычайными мерами, других обыкновенными способами, этим является в знамениях и чудесах, в громах, вихрях и молниях, потрясая землю и сокрушая горы, тем – во гласе хлада тонка, в каком-либо обыкновенном событии жизни. Это дело премудрости Божией, которая знает, кого как позвать к себе, кому достаточно сказать: гряди по мне – и пойдет, кого необходимо прежде ослепить, чтобы он мог узреть истину. И блажен, кто, услышав глас отца небесного, тотчас же отзовется на него и неизменно последует ему до конца своей жизни. Таков именно и был преподобный Иосиф Заоникиевский. Когда телесная слепота отверзла мысленные очи его сирдца, и в постигшей его болезни он услышал призывающий к себе глас Отца Небесного, – то принял на себя благое иго Христово, и шествуя путем скорбей и лишений, не изнемог под бременем и не уклонился с крестного пути до самого гроба ни на десно, ни на шуюе.

Крестьянин Иларион – деревни Обухова Вологодского уезда, Кубенской волости – тихо и спокойно проводил жизнь свою в трудах земледелия. Не нажив большего богатства, но не испытал и бедности или других каких-либо несчастий, он счастливо прожил полвека, как вдруг его поразила болезнь самая чувствительная и тяжелая и разрушила все его благосостояние. Без всякой видимой причины заболели у него глаза и вскоре болезнь усилилась до того, что он не только не мог уже по прежнему работать, но даже и по знакомой дороге с трудом стал ходить без вожатая. Кому не дорого зрение, кто не согласится пожертвовать для него всем? Слепота, тяжелая и мучительная для каждого человека сама по себе, для Илариона еще более должна была казаться ужасною потому, что, лишая его возможности трудиться и управлять своим хозяйством, она

грозила ему неминуемым раззорением и нищетою, поэтому он не жалел ни трудов, ни издержек для своего исцеления и готов был пожертвовать для того всем своим достоянием. Проходили годы в этом старании о своем выздоровлении, обхожены были все лекаря и знахари, перепробованы всевозможные лекарства и снадобья, а болезнь не только не проходила и не уменьшалась, но еще более усиливалась и становилась невыносимой. Уже родные и знакомые советовали Илариону перестать лечиться и примириться с постигшею его горькою участью, так как не было уже никакой надежды на выздоровление, – но он не мог свыкнуться с мыслью остаться навсегда слепым, в сердце его все еще оставался некоторый луч надежды и желание выздоровления усиливалось в нем более и более. Ему часто приходило на ум евангельское повествование о слепорожденном, слышанное им в церкви, и он думал сам с собою: кто знает, может быть и меня грешного постигла эта тяжкая и продолжительная болезнь именно для того, чтобы явились славные дела Божьи? Бессильны против моей болезни врачевства земные, но Бог все может; нет уже для меня надежды на помощь человеческую, не лучше ли будет всю надежду свою возложить на Бога и от Него одного ожидать себе помощи? Велики и тяжки грехи мои, но и человеколюбие и милосердие Божии бесконечны; в мале наказав меня как Отец чадолюбивый, негли наконец сотворить и милость Свою со мною? Чаше и чаще размышляя таким образом сам с собою, он перестал наконец лечиться и решился искать помощи свыше; возложив всю надежду на Бога, Он стал призывать Его в молитвах, а также Матерь Божию и св. бессребреников и целителей Косму и Дамиана и положил обещание каждый воскресный и праздничный день ходить по святым церквам и отправлять в них молебныя пения. Эта твердая решимость искать себе помощи только от Бога и сопровождавшая ее слезная и пламенная молитва настолько облегчили сердечную скорбь страдальца, что он в первый же случившийся праздник св. великомученика Георгия (23 апр.) уже с большею надеждою и радостью пошел к богослужению в свою приходскую церковь святителя Николая, что на Возьме, и пробыл там в молитве три

дня. Давно Иларион не чувствовал себя так хорошо, давно не было у него так легко на сердце, как по возвращении домой из церкви; по мере того, как он усиливал свои молитвы, в нем возрастала и надежда на выздоровление и он неопустительно и с радостью исполнял свой обет, каждый праздник посещая то ту, то другую из окрестных церквей и с усердием и слезами отправляя в них молебные пения. Когда таким образом в один из воскресных дней он пришел за литургию в церковь Василия великого, что на Едке, и здесь с пламенным усердием и со многими слезами молился Богу о своем исцелении, вдруг явился ему муж в белой и светлой одежде. Величественный вид явившегося и неожиданность его появления поразили и устрашили Илариона, но явившийся тотчас же поспешил успокоить его, сказав: «не ужасайся, Иларион, я раб Иисуса Христа Косма бессребреник», а чтобы еще более уверить его явившийся взял нательный крест, бывший на шее Илариона, и, снявши его со слепца, перекрестил и благословил им страдальца, затем надевая его снова на Илариона сказал: «отныне ты, Иларион, победишь диавола и будешь видеть свет». От изумления и радости Иларион не мог произнести ни одного слова в ответ явившемуся и стоял пред ним безгласен, только глубокие вздохи и струившиеся из глаз потоки слез свидетельствовали о полноте его чувств и о глубокой благодарности к Богу. По окончании божественной литургии и после обетного молебного пения Иларион вышел из церкви вместе с св. Космою и пошел в свою деревню. Во время пути, побуждаемый усталостью и солнечным зноем, он несколько раз останавливался для отдыха под тенью деревьев то в том, то в другом месте, но спутник его каждый раз находил избранное им место неудобным и побуждал идти далее, уверяя, что впереди есть место лучшее, угодное Божией Матери²³⁶.

Когда они стали подходить к деревне Лусниково, пред которою находилась небольшая, низменная и сырая поляна, поросшая мелким лесом, св. Косма остановил Илариона под елью и велел ему придти туда на следующий день, обещая, что он узрит на том месте славу Божию и откроется ему тайна сокровенная. Сказавши это, Косма стал невидим. Ужас напал

на Илариона, который теперь только понял кто и откуда был его спутник, – возвратившись домой он остаток дня и всю ночь провел без сна в усердной и пламенной молитве, со страхом и радостью ожидая исполнения обещанного. – На другой день, пришедши на показанное место и еще разглядывая – не ошибся ли он, и туда ли пришел – вдруг он услышал несущиеся свыше голоса поющих хвалебные песни Божией Матери и увидел идущих к нему двух световидных мужей. От страха и благоговения он пал пред ними на колена, явившееся приблизились к нему и сказали: «раб Божий Иларион иди с нами. Мы бессребренники Косма и Дамиан и «посланы к тебе Божию Матерью, которая, за многие твои молитвы и слезы хочет даровать тебе исцеление». Поднявши его с земли, они повели Илариона к внезапно явившейся иконе пресвятой Богородицы, которая стояла в воздухе не будучи ни кем поддерживана и испускала от себя лучи подобно солнцу. Святые велели Илариону взять икону и облобызать ее. Иларион с величайшим благоговением простер свои руки к св. иконе и лишь только прикоснулся к ней своими устами, как почувствовал себя совершенно здоровым, как будто и не был болен, в то же время он услышал от иконы голос, повелевающий ему сказать окрестным жителям, чтобы они очистили то место, водрузили на нем св. крест и поставили при нем явившуюся икону. То же самое подтвердили и святые бессребренники, присовокупив, что место, озаменованное его исцелением, и впредь будет источником исцеления для всех, с верою приходящих к св. иконе Богоматери. После сего св. бессребренники стали не видимы, а от места, на котором совершилось чудесное явление св. иконы и исцеление Илариона, разлилось благоухание на всю окрестность, и сырая и топкая дотоле дебрь сделалась удобная для жительства. Видя это Иларион от удивления и радости едва мог придти в себя и увериться в действительности случившегося с ним. От всего сердца он возблагодарил Виновницу своего исцеления, с благоговением целовал и омочал слезами св. Ее икону, затем поспешил известить соседних поселян об этом дивном событии и с помощью их расчистив место, пригласил от многих

окрестных церквей священников с св.крестами и иконами для совершения молебных пений в честь Богоматери перед новоявленной Ее иконою. В начале на месте явления иконы он водрузил св. крест и поставил подле него чудотворную икону, как ему и было повелено, потом св. место со всех сторон обнес стенами и устроил над ними крышу, как у часовни, и сам переселился туда жить.

Слава чудотворений, начавшихся от новоявленной иконы, быстро распространилась по окрестностям и стала привлекать к ней множество богомольцев. Как к неисчерпаемому источнику здоровья, отовсюду стали приходить недужные к пустынной часовне Илариона и по молитве пред св. иконою получали исцеления. Св. Антоний, тогдашний епископ вологодский и великопермский – услышав о явлении иконы и о чудесах от нее, послал туда игумена Песочного монастыря Пимена и соборного ключаря священника Иоанна Васильева Емельяновского для надлежащего исследования всех обстоятельств дела. Когда же не только все рассказы о чудесных исцелениях от иконы оказались истинными, но в присутствии самих исследователей и многих окрестных священников и диаконов, случилось новое чудо – прозрел слепец, семь лет невидевший света, – тогда святитель Антоний повелел на месте явления иконы воздвигнуть храм в честь Божией Матери и устроить при нем монастырь. Усердием окрестных жителей и неусыпным старанием и трудами Илариона храм вскоре был сооружен и при его освящении Иларион, согласно с его желанием, был пострижен в монашество с именем Иосифа. Он стал первым иноком новоизданной обители, которая вскоре наполнилась братством. Ему, как виновнику основания обители, более всех потрудившемуся в ее устройении и первому постриженнику, удостоившемуся благоволения Божией Матери, братия предлагали начальство в обители, прося его быть их руководителем ко спасению, но пр. Иосиф, по своему глубокому смирению, не принял начальства над братиею, почему преемником святителя Антония архиепископом Ионою и сделан был настоятелем обители игумен Силуан. Пр. Иосиф восприяв на себя иноческий чин, усугубил свои подвиги и явил в себе

высокий пример самого строгого исполнения иноческих обетов. Являясь первым на послушания и монастырские труды, а также и к церковной службе, он всю ночь проводил в своей часовне в молитвах, проливая токи слез, в летний зной и в трескучие морозы зимою ходил без обуви, в одной худой и ветхой одежде, под которою носил на голом теле власяницу, столь грубую и жесткую, что от нее постоянно по ногам его струилась кровь. Пр. Иосиф несказанно радовался и благодарил Бога, видя чудеса от св. иконы Богоматери, прославление чрез то св. места и устройство обители, но как первому и главному виновнику устройства монастыря, ему пришлось потерпеть и перенести много беспокойства и забот, оскорблений и обид от крестьян ближайшей деревни Лусниково. Опасаясь, чтобы монастырь когда-либо не овладел их полями и лугами, они стали всячески ему вредить в надежде выжить и прогнать от себя старцев, они даже не давали ни монахам, ни ихнему скоту проходить чрез свою землю и угрожали даже убить их, говоря: здесь де старцам не жить, да и не бывать, – ненависть и злоба их к монастырю дошли наконец до того, что игумен вынужден был искать от них защиты у государя. Преподобный же Иосиф как адамант все переносил с терпением и старался победить ненависть и злобу крестьян своим смирением и любовью, он не только не гневался на них, но еще жалел и молился за них, приписывая их ожесточения внушениям лукавого. Когда же некоторые из братии, видя такую жизнь пр. Иосифа, стали было почитать его, а люди, приходившие отсюда для поклонения св. иконе – смотреть на него как на подвижника, видимо удостоившегося благоволения Царицы небесной, тогда богомудрый старец, чтобы не подать комунибудь из братии повода к зависти и вражде и чтобы избежать почитания и людской славы – притворился юродом, малоумным, носил в пазухе камень, песок, землю и т. п. Двадцать пять лет провел пр. Иосиф в столь трудном подвиге, изнурял себя постом и трудами и терпеливо переносил все лишения и скорби. Хотя и игумену Силуану и всей братии жизнь его казалась удивительною и трудною, но они, считая его юродивым, приписывали ее природному его скудоумию и обращались с ним как с

малосмыслящим, смеялись над ним, а нередко позволяли себе наносить ему обиды и оскорбления.

При преемнике Сплуана игумене Феодосии пр. Иосиф достиг глубокой старости и, предчувствуя свою кончину, в один воскресный день приобщился св. Таин и, исполнившись духовного веселия, начал славить и благодарить Бога, радостно вспоминая о бывших ему великих благодеяниях небесных, о слышанном им ангельском пении, о собеседовании с св. бессребренниками, о явлении иконы Богоматери и о своем чудесном исцелении от болезни. Хотя он чувствовал уже в себе крайнее ослабление и изнеможение сил, но не изменил своего обычного правила, не предался отдохновению и покою, но перемогая себя остаток дня и всю ночь провел в коленопреклонениях и молитве. В понедельник после утрени он призвал к себе одного из братии и просил его сходить к игумену Феодосию и сказать ему, чтобы тело его было похоронено в часовне, которую он в начале сам устроил, – призванный им брат еще не вышел из его кельи, как преподобный тихо и мирно предал дух свой Богу на 83 году своей жизни. Это было в 3 часу дня 21 сентября 1612 года. По наружному виду пр. Иосиф был высокого роста, сухощав, станом согбен, бороду имел долгую, широкую и седую. Игумен Феодосий и братия, услышавши о безболезненной и истинно блаженной кончине старца и вспоминая многотрудное и богоугодное его житие, предали с подобающею честью тело его земле в указанном им месте, радуясь о вечном успокоении подвижника и жалея о своем разлучении с ним. Могилу его они оградили решеткою и покрыли пеленою. С того времени все богомольцы, приходившие в монастырь для поклонения чудотворной иконе Божией Матери, стали посещать и могилу старца, удостоившегося явления ее, и совершать по нем панихиды, при чем многие получали при его гробе исцеления.

По прошествии лет 50 и более при Симоне, архиепископе вологодском и белозерском (1664–1685 г.) когда уже не стало в монастыре современников пр. Иосифа и очевидных свидетелей его богоугодной жизни, часовня, построенная им наскоро и уже обветшавшая от времени, была разобрана. Неизвестно, что

было побудительною к тому причиною и кто был тот настоятель, который дерзнул оказать такое неуважение к св. месту явления иконы Богоматери и к памяти преподобного, лишив его гроб ограда и крова. С писатель жития преподобного так рассказывает об этом обстоятельстве со слов иеромонаха Кириллова монастыря Авраамия, бывшего в молодости пономарем Заоникиева монастыря в то время. «Попущением Божиим, грех ради наших, наветом диаволим, по навождению некоторых, молитвенный дом, сиречь часовню, идеже гроб преподобного, разломали и разметали в грязь и гроба благолепие отъяся и тако беспамятен нам многое время оставлен бысть, мнози же от православных жалостью о сем скорбяху. И егда некий монах, ревностью влеком, оную часовню паки собрал на том же месте, обаче остави ю непокровенну и дверей неимущу, страха ради навету гроб украсить не смея». Даже когда новое поразительное чудо ознаменовало св. место погребения дивного труженика, именно когда во время пожара, испепелившего обе монастырские церкви со всем находившимся в них имуществом и утварью и угрожавшего величайшею опасностью и прочим монастырским постройкам, – ветхая часовня преподобного, находившаяся вблизи церквей и так сказать окруженная пламенем, не только осталась целою и невредимою, но и найден был в ней стоящим чудотворный образ Божией Матери, которого никто не выносил из церкви и все считали его сгоревшим – и это новое чудо не обратило на часовню внимания монахов и не внушило им уважения к месту погребения преподобного. Мало того, когда стали возить лес для постройки новой церкви на место сгоревших, то будто бы ради тесноты места, часовню снова сломали и сложили в груды, таким образом могила преподобного много лет, оставалась открытою для дождя и снега, попираемою людьми и животными, пока наконец казначей Пахомий не приказал поставить ее как была. «И паки, наветом врага, бысть несогласие в братии и паки не по мнозем времени разломаша и разметаша без сохранения, иные бревна и огню предаша, а решетку от гроба под трапезу бросиша. И хотя по немнозе времени она часовня паки поставлена бысть, но не яко дом

молитвенный, а яко непотребная хлевина, бескровна, низка, хуе складена и дверей не имуща, и егда, во время праздника, стицахуся в монастырь людие, мухи и жены и дети в оной часовне и вверху самого гроба спаху. Бысть же во едино время егда в ней спаху людие от града Вологды, едина жена спаше на том месте, идеже погребен бысть преподобный, и в полунощи нача гласом велиим вопити: остави мя отче и не бий мя, не ведех бо тя легох на ногу твою, и егда бывшии тут вси вскочивше вопрошаху: что ти бысть жено, она же глаголаше: се монах бьет мя жезлом, яко на ноги его легох; они же никого же видяще недоумеваху. Но обаче», – с горестью и сожалением замечает писатель жития преподобного иерей Димитрий, – и сие чудо, нерадением монахов паки не памятно положиися, аще и во граде от бывшего ту народа слово ношашеся».

Так как со времени кончины пр. Иосифа до прибытия на вологодскую кафедру епископа Павла за сто слишком лет, не дошло до нас никаких почти сведений о монастыре, не записано за все это время ни одного чуда от св. иконы Богоматери (которые без всякого сомнения были, каково например чудесное сохранение ее во время пожара), неизвестны даже нам имена настоятелей монастыря, бывших в это время, – то мы и не можем сказать, что было причиною такого не уважения их в памяти пр. Иосифа, явного пренебрежения к месту его погребения и непонятной ненависти и гонения на его часовню. Может быть, это было следствием той строгости – превратно понятой монахами, – с которою духовным начальством производились исследования о чудесах и исцелениях и – осторожности, с которою церковь признавала новых святых. Но вероятнее кажется – это происходило от невежества и грубости монахов и от других, еще менее извинительных причин. Сам писатель жития преподобного жалуется на нерадение монахов и неоднократно намекал на какие-то между ними ссоры и наветы, а в чудесах пр. Димитрия Прилуцкого упоминается о Заоникиевском игумене Игнатии, на которого, «за многое его согрешение и злого пианственного запойства», нападали беси и мучили немалое время. На основании этих, хотя и недостаточных свидетельств можно думать, что это был период

упадка монастыря и иноческой в нем жизни, когда игуменами были большею частью люди недостойные, которые своим нерадением о монастыре привели его в упадок, деморализировали жизнь иноков, и оттолкнули от монастыря даже окрестных жителей; лучшие из иноков, в роде казначея Пахомия, напрасно силились поддержать в монастыре благочиние и подобающее уважение к святым. Как мало тогдашние обитатели монастыря интересовались прошедшим своей обители, какие скудные сведения имели о явлении чудотворной иконы Богоматери и о чудесах от нее, а равно о жизни и трудах своего первоначальника, видно из того, что впоследствии времени при строителе Анастасие оказалось нужным искать дополнения этих сведений вне обители и посылать для того эконома Сергия нарочно в Кириллов монастырь.

Но не оставляет Христос жезла на жребии своем. Премудрый промысл Божий попустил на время забвение памяти пр. Иосифа и унижение места его погребения как бы для того, чтобы впоследствии более прославить его, малую и ветхую часовню заменить церковью и гроб св. подвижника сделать неиссякаемым источником благодатных исцелений для всех, с верою к нему притекающих, чтобы всем явно было, что иное дело суд человеческий, иное суд Божий и что прославление св. угодников Божиих не только не зависит от обстоятельств и усилий человеческих, но часто совершается вопреки им. – В 1716 году вступил в управление вологодскую епархию епископ Павел. Как бывший священник и уроженец вологодский, он не мог не слышать о чудесных исцелениях, происходивших от иконы Богоматери, и богоугодной жизни пр. Иосифа, а также и о тогдашнем состоянии монастыря, поэтому одним из первых дел его, по прибытии в Вологду, было рукоположение и определение в Заоникиев монастырь нового настоятеля и дозволение совершать над гробом преподобного вместо панихид молебны, для чего тогда же пр. Иосифу была составлена и служба преподобническая, по образцу службы пр. Галактиону – основателю Духова монастыря. Строитель монастыря иеромонах Анастасий, подражая своему архипастырю в

ревности к славе Божией и в усердии к св. угодникам, возобновил ветхую часовню пр. Иосифа и, украсив надлежащим образом гроб его, приказал эконому Сергию неопустительно записывать все случающиеся при гробе преподобного чудесные исцеления, которые тогда стали совершаться особенно часто, так что в одном 1717 году их было записано Сергием более 20. Это обилие благодатных исцелений от гроба пр. Иосифа привлекло к нему множество богомольцев, улучшило средства монастыря и привело к мысли вместо ветхой, деревянной церкви построить новую каменную уже над гробом св. угодника. Тогда «мнози от воинского чина и царского дому и от градов честнии и простии христианского рода, видевши сия, святых Божиих церквей и обители к сооружению каменного зиждительства ревностью сердца приложиша, их же доброе намерение и мольбу приснодостохвальный господин преосвященный Павел епископ видев, зело благодарствие Богу воздав, суди прощению их бытии», говорит современный писатель жития преподобного. Преосвященный Павел имел такое усердие и веру к пр. Иосифу, как к великому угоднику Божию и чудотворцу, что в том же 1717 году, когда от бездождия случилась в Вологде засуха, он 2 июня нарочно приходил в Заоникиев монастырь для испрошения дождя и по совершении литургии «пришед в часовню ко гробу пр. Иосифа простер руце свои, нача глаголати: о преподобне Иосифе! аще имаши благодать пред Богом, упроси, да снидет дождь, понеже земля не дает плода своего, а человеки и скоты жаждою томимы гибнут. И в той час дарова Бог дождя довольно, а солнцу светящу, не помрачися облаки». Благодарный за столь скорое услышание своей молитвы преосвященный Павел тогда же приказал живописцу священнику кафедрального собора Максиму Яковлеву написать на холсте образ пр. Иосифа, а ярославскому иконописцу Тимофею снять копию с чудотворной иконы Божией Матери с изображением всех, бывших от нее чудес. Когда образ преподобного был написан и положен на гробнице, то вскоре после того (28 июля), в полдень одному из братии было некое откровение и слышен был им голос, повелевавший отыскать и покротивши святою водою и

покадивши фимиамом с честью положить при гробе пр. Иосифа его власяницу, которая, без всякого внимания была брошена и валялась где-то кладовой с разными негодными вещами, «понеже – как говорил голос, аще и власяна есть, но паче царских диадим чести достояше». Когда слышавший поведал о том братии, все не мало дивились и недоумевали, не зная где найти ее, так как не только никогда не видали, но даже и не слыхали о ней; нашедши же ее еще более дивились, ее грубости и жестокости, с ужасом представляя себе, какие болезни и страдания должен был претерпевать от нее преподобный, 25 лет нося ее на голом теле. Ибо она была сделана из столь жестокого волосу, что как иглами колола тело и нельзя было проносить и часу без того, чтобы не изранить себя до крови. Как некогда главотяжи ап. Павла оказывали чудодействующую силу над болящими, так и эта власяница, освященная потом и кровью преподобного, когда была возлагаема на больных, то успокаивала и приводила в чувство бесноватых, прогоняла различные недуги, но при частой перемене настоятелей, которых в течение первых пятидесяти лет нынешнего столетия было более 20, давно уже утрачена.

В сказании о явлении иконы Божией Матери и о жизни и трудах пр. Иосифа записано 63 чуда, первые 9 совершились от чудотворной иконы еще при жизни преподобного, а последние 54 относятся ко времени его прославления, т. е. к началу XVIII века (с 1717–1729 год), из них некоторые записаны в книге собственноручно получившими исцеления. Чудеса эти показывают, что не только все с верою приходившие во гробу преподобного получали исцеления, но часто он, как отец сердобольный, являлся на помощь и таким, которые не просили и даже ничего и не слыхали о нем. Вот некоторые из его чудес.

Солдатская жена Екатерина из деревни Строева Сямской волости в 1717 году горько плакала и печалилась о том, что муж ее взят в солдаты, а сын Иван тяжело болен и находится при смерти. Ночью на 17 марта она увидела во сне монаха, который подошедши к ней, сказал: «Не скорби Екатерина, муж твой служит за христианскую веру и великого государя, а сын твой Иван вскоре будет здоров, сходи с ним в Заоникиевскую

пустыню помолиться пред образом Божией Матери, я житель той пустыни старец Иосиф». Пробудившись от сна Екатерина нашла сына своего совершенно здоровым.

Вечером 26 июля того же года прибыли в монастырь из Вологды внук покойного вологодского архиепископа Гавриила Димитрий Иванов Борисов и жена кафедрального протоиерея Алексея – Иулиания Антипиева и привезли с собою расслабленного Давида, 30 лет не владевшего ни руками, ни ногами и не могшего даже двинуться с места. Ради позднего времени они не пошли тогда в церковь, а расслабленного перенесли на ночь в часовню и положили у гроба пр. Иосифа. Ночью, когда расслабленный находился в часовне один и начал уже засыпать, вдруг слышит голос: «встань, Давид, и молись о том, зачем пришел». Расслабленный от страха тотчас же вскочил на ноги, опомнившись он почувствовал себя совершенно здоровым и всю ночь проплакал над гробом преподобного, благодаря его за свое исцеление. Когда стали благовестить к утрени, Давид к изумлению всех, вышел из часовни и пришел в церковь к чудотворному образу Богоматери и положил обещание навсегда остаться в Ее обители.

Крестьянка Анна Петрова, деревни Скорова, вотчины Прилуцкого монастыря, полгода страдала (в 1718 г.) столь тяжкою головою болезнью. что наконец совершенно ослепла, так что в продолжение 2 недель не видела рук своих и не могла дать сосца своему грудному младенцу. Находясь в столь бедственном положении, она как скоро услышала о чудесах, совершающихся при гробе пр. Иосифа, тотчас же обещалась отправиться для молебствия в Заоникиев монастырь. По ее желанию она была приведена 24 мая в часовню ко гробу преподобного и когда, по совершении молебствия, начала со слезами просить его о своем исцелении, говоря: о преподобне отче Иосифе.! Ради «слез незлобивого младенца помилуй меня грешную» – и умылась водою с землею, взятою с его могилы, то тотчас же прозрела и пришла в церковь к вечерне без вожатая.

Евдокия Иванова, жена Григория Артемьева, крестьянина Двиницкой волости, Никольского прихода, вотчины г Волчкова, деревни Глебова, вместе с сыном своим Прокопием пришедши

в монастырь, объявила пред всеми в церкви, что она Евдокия была в расслаблении и не владела ничем более двух лет, когда же она ночью в январе 1718 года лежала в постели, стонала и плакала от болезни, вдруг двери в комнату отворяются и входит монах, видением высок, поник, браду имея длинну и седу, в куколь и мантию облечен, имея в руках жезл и пришед двинув ее в плече рукою говорит ей: встань и с верою призови на помощь Богоматерь и обещайся сходить в Заоникиевскую пустыню к чудотворной иконе и исцелеешь. Когда она сказала ему: отче, как мне идти? Я даже и не слыхала о такой пустыни и не знаю, где она находится, не знаю, где найти мне и образ; то старец отвечал: она недалеко от г. Вологды и во всех странах далеко известна по совершающимся в ней чудесам, а я той пустыни монах Иосиф и советую тебе не отчаиваться, но иметь веру и получишь милость. Сказавши это, явившийся стал невидим. Евдокия пришла в удивление и ужас, не зная чему приписать бывшее ей видение, и от страха начала творить на лице своем крестное знамение рукою, тогда как прежде она не могла поднять и донести ее и до груди. Немного успокоившись и чувствуя облегчение своей болезни, она начала будить своего мужа и сына, спрашивая их, далеко-ли и где находится Заоникиева пустыня? Затем рассказала им свое видение и положила обещание исполнить совет явившегося ей старца, она стала и их звать с собою идти в монастырь и встав с постели, почувствовала себя совершенно здоровою. Один из братии монах Сергей, услышав от Евдокии об этом видении, подвел ее к находившимся в церкви иконам Дмитрия, Игнатия и многих других преподобных и спрашивал, которому из них подобен был явившийся ей старец? Посмотревши внимательно на лики святых, она указала на изображения преподобных Зосимы соловецкого и Кирилла новозерского и сказала, что явившийся ей старец по лицу и бороде похож на них.

В г. Вологде, во Фрязинове, в доме купца Дмитрия Дмитриева Мыльниковца жила девица Ирина Иванова, родом из Замошской волости, Никольского прихода. Тринадцать лет она страдала головою и главною болезнью и «в той болезни девице той лекарства многие пушали, связав ее и хмелевым

перьем терли и многая кровь из очей ее идяше, и от таковых лечцев свет очно ее погипе». Когда 3 июля 1718 года ее привезли в монастырь и она потеряла свои глаза в часовне у гроба преподобного его власяницею, то услышала, «яко мраз некий начат отходить от главы ее и приложися ко сну». Пробудившись она начала видеть ясно и сделалась совершенно здоровою.

Василий, священник фрязиновской Преображенской церкви, что в г. Вологде, сомневаясь сам в истине чудес пр. Иосифа и почитая их вымыслом и сказками, советовал и своим прихожанам не верить им и запрещал ходить в Заоникиев монастырь для поклонения гробу св. угодника. Но народ не внимал его словам и почти каждый день большими толпами отправлялся в монастырь, что еще более раздражало священника, так что он выходил из себя и в ярости не сдерживал своего языка, позволяя себе неуважительные и оскорбительные отзывы о чудесах преподобного. Но Бог поругаем не бывает. Однажды, когда несколько человек его прихожан, отправляясь в монастырь, при встрече с ним подошли к нему под благословенье, и когда он по своему обыкновению начал их останавливать и удерживать, – то внезапно был поражен слепотою, так что вынужден был просить их, чтобы они свели его в церковь. Здесь, павши пред иконою Преображения Господня, с плачем и слезами от всего сердца исповедал свое прегрешение и молил Бога о своем исцелении; давши обет не хулить впредь чудес святого, он вскоре получил исцеление.

Мария, жена булочника Григория Михайлова Зайцева из села Ильинского Кубенской волости, три года была нездорова глазами, так что почти ничего не могла делать и помогать мужу, за что много терпела от него ругательств и брани. Однажды, когда муж ее делал калачи, она, не вынося его укоризн, с плачем и слезами подошла к столу, чтобы скольконибудь помогать ему, – то увидела, что двери избы их отворились и в нее вошел монах, несший на груди образ Божией Матери, по всему подобный чудотворной иконе, находившейся в Заоникиевом монастыре. Образ Богоматери сиял таким

необыкновенным светом, что вследствие блеска исходивших от него лучей, она не могла рассмотреть лица монаха, но слышала, что он говорил ей: «жено, имей веру и обещаешься идти к сему образу Богоматери в Заоникиевскую пустыню и исцелеешь». С того времени болезнь начала мало по-малу проходить. Вскоре после сего, чтобы угодить мужу, Мария пошла в поле жать, хотя и с великим трудом по причине своей болезни; нажавши сноп, она села немного отдохнуть и стала думать, кто такой монах, приносивший образ, которого она почти слепая видела, а другие зрячее не видали, не тот ли, которого гроб указываюсь в монастыре. Размышляя об этом она заплакала о своей болезни и вдруг ей представилось, что она находится в монастыре как будто в какой праздник, монастырь был полон народа и кто-то ее спросил: кого она ищет, не того ли, который приносил к ней образ и исходатайствоал облегчение от болезни? Когда она ответила, что его, то спрашивавший указав перстом, сказал ей: смотри, вот он! Она увидела, как от св. ворот шел монах с тростью, в мантии и клобук, роста высокого, с длинной и седой бородой, он шел к дверям часовни, где был погребен пр. Иосиф. Слепая хотела поклониться ему в ноги, она встала с снопа, на котором сидела, но ничего уже более не видела. После этого болезнь еще более облегчилась и она стала видеть лучше. Когда же в 1717 году пришла с мужем в монастырь и помолилась пред иконою Божией Матери, а также и в часовне при гробе преподобного, то получила совершенное исцеление.

Кроме чудес, записанных в древней монастырской книг, без всякого сомнения, было не мало и других, которые до нас не дошли²³⁷, но сохранились в благодарной памяти народа, донныне не потерявшего своего усердия к обители преподобного и во множестве собирающегося для поклонения св. его мощам, особенно в день явления ему чудотворной иконы пресвятой Богородицы 23 июня и в день преставления преподобного 21 сентября – Мощи пр. Иосифа почивают под спудом в каменной теплой церкви в приделе, посвященном его имени, подле левого клироса. Над ними устроена деревянная, обитая медными, посеребренными и по местам позолоченными

листами чеканной работы гробница, осененная приличным балдахином. На гробнице находится образ преподобного Иосифа, писанный во весь рост и украшенный медною, отбеленною ризою с серебряным позолоченным венцом.

Преподобные Антоний и Иоанний Заоникиевские

Не одиноким молитвенником за свою обитель предстоит престолу св Троицы пр. Иосиф, но как некогда Аарон и Ор, стоя возле Моисея, поддерживали его руки, так и преподобные Антоний и Иоанний своими молитвами придаюь более силы и дерзновения пред Богом ходатайству своего первоначальника. Не смотря на то, что Заоникиевский монастырь не весьма древний, никогда не славился множеством братии и их иноческими подвигами, что видно даже и из сказания о жизни и чудесах пр. Иосифа – усердные служители дому Божией Матери и подражатели житию и подвигам своего первоначальника и истинные рабы Божии – были и здесь. В списке святых вологодской епархии митрополита Евгения преподобные Антоний и Иоанний названы преемниками пр. Иосифа, были изображаемы на иконах вместе с ним и издавна местно почитаются в обители и даже доньше указывается место их погребения в теплой монастырской церкви в приделе пр. Иосифа близ второго окна от западной стороны. Но так как по случаю неоднократно бывших в монастыре пожаров со времени кончины пр. Иосифа (1612 г.) до 1717 года более, нежели за целое столетие не дошло до нас никаких почти письменных памятников о монастыре, – то мы и не можем сказать, в каком отношении преподобные Антоний и Иоанний были преемниками чудотворца Иосифа, были ли они настоятелями монастыря, или простыми иноками, когда жили и скончались, почему и с какого времени начали почитать их святыми?

В древних описаниях российских святых XVIII века Московской дух. академии под № 209, библиотек Погодинской и Киево-софийского собора они записаны 23 июня, а в подлиннике Филимонова Иоавний 3 ноября.

Преподобный Галактион Вологодский

Тесен и прискорбен был жизненный путь пр. Галактиона от самого младенчества до страдальческой его кончины и более привелось ему перенести несчастий и скорбей, нежели видеть радостных и счастливых дней в своей жизни. То, что для других было славою и честью, для него сделалось несчастьем и опасностью, так что для избежания их, он должен был не только лишиться имения и богатства, не только оставить родных и отечество, но и скрывать свое высокое звание в низкой доле мастерового – сапожника, проводить жизнь среди трудов, лишений и болезней с одной стороны, с другой – среди тяжких скорбей и незаменимых ничем утрат сердечных, пока насильственная смерть от руки врагов не разрешила его от добровольных оков о и цепей, и уединенная монашеская келья не сделалась для него могилою.

Сын знаменитого боярина князя Ивана Федоровича Вельского, происходившего от рода Ольгерда, великого князя Литовского, и состоявшего в родстве с русским великокняжеским домом²³⁸, пр. Галактион родился в Москве в 1535 году, в первый год царствования Иоанна IV, и наречен был, во св. крещении, Гавриилом. Хотя в то время грамотность и книжное учение не считались необходимостью для каждого из князей и бояр, но отец его – друг митрополитов Даниила и Иоасафа, правитель государства и самый просвещенный и благочестивый вельможа из всех тогдашних московских бояр, – без всякого сомнения старался дать своему сыну самое лучшее воспитание, обогащая ум его чтением книг, вселяя в юное сердце его страх Божий, любовь и усердие в православной вере, насколько то было возможно по молодости его лет. Но юному Гавриилу не долго привелось пользоваться любовью и попечением своих родителей, а родителю утешаться его успехами в учении. В малолетство Грозного, когда правление государства находилось в руках бояр, разделившихся на партии и более заботившихся о своих корыстных целях, нежели о пользе государства – Иван Федорович Бельский, стоявший тогда

во главе правительства, ночью с 2 на 3 число января 1542 года был схвачен в своем доме враждебной ему партией Шуйских, без воли и ведома малолетнего государя, и поутру сослан на Белоозеро и посажен в тюрьму. Однако князь Бельский страшен был Шуйским и в тюрьме, и малодушные временщики, опасаясь, чтобы молодой государь не освободил его в другой раз (это была не первая его ссылка) и не посадил в думу боярскую, отправили в мае месяце на Белоозеро трех своих клеветников, которые и зарезали его в тюрьме. Родственники и друзья Ивана Федоровича, уstraшенные таким самоуправством Шуйских и опасаясь, чтобы они не погубили и сына его Гавриила, скрыли отрока и, тайно вывезши его из Москвы, отправили в Старицу, строго внушив ему таить от всех свое родство и звание. Здесь Гавриил, хотя ему было только семь лет от роду, не предавался праздности или играм и забавам, свойственным детям его возраста, но вспоминая наставления своего отца, все время проводил в молитве и богомыслии, ежедневно посещал все церковные службы, и упражнялся в чтении божественных книг, стараясь тем облегчить сердечную скорбь свою о безвременной кончине родителя. Пробыв в Старице не очень долгое время, он, по внушению Божию, тайно вышел из нее и направился к Вологде, как к месту—по своей отдаленности от Москвы — более для него безопасному. В простой и бедной одежде простолюдина он достиг Вологды и, выдавая себя за безродного сироту, пристал на посадке к одному чеботарю (сапожнику), жившему на Глинках, неподалеку от церкви св. мучеников Флора и Лавра и стал у него учиться сапожному мастерству. При своем трудодей и старании, он скоро приобрел навык в работе, дни его тихо и мирно потекли в трудах и молитве среди добродушных и простых обывателей посада, вдали от тех ужасных треволнений и страстей, которыми так часто обуреваются знатные и сильные мира, князья и бояре.

По смерти Шуйского, когда партия его ослабела и молодой царь сам начал управлять государством, а родной брат Ивана Федоровича — Димитрий Бельский сделался одним из самых приближенных и доверенных царя, Гавриилу конечно не было

уже никакой необходимости скрывать свое происхождение, он легко мог возвратить себе богатство и имение родительское и занять при молодом царе место по правам своего рождения, но простая и спокойная жизнь ремесленника пришлась ему по сердцу, как более согласная с его душевным настроением, нежели жизнь боярская, в ней он скорее надеялся угодить Богу и найти себе счастье, поэтому невольный скиталец и беглец решился добровольно, навсегда, остаться в Вологде. Чтобы порвать связь со своим прошедшим и скорее забыть его, он, как только достиг совершеннолетия, вступил в брак с посадскою девицею простого рода. Молодой, здоровый и привыкший к труду Гавриил легко приобретал все необходимое для жизни и живя в любви и согласии со своею супругою, для полноты своего счастья обрадован был еще рождением дочери. Казалось, провидние Божие хотело наградить его теперь за перенесенные им несчастья, но это была кратковременная тишина перед бурей, минутный проблеск солнца в пасмурный осенний день. Неожиданная смерть молодой супруги разрушила в самом начале спокойную и счастливую жизнь Гавриила и, поразив любящее сердце его тяжелым ударом, возложила на него много новых забот и попечений о воспитании младенца – дочери. Тяжел был крест, выпавший на его долю, но он не сокрушил твердости его духа, а только порвал цепи, привязывавшие его к миру, и дал новое направление его жизни. Собственным опытом познавши, как непостоянно людское счастье, как кратковременны и скоропреходящи все земные радости, осиротевший Гавриил решился всецело посвятить себя на служение Богу, чтобы достигнуть счастья более прочного и радостей вечных. Как бы не доверяя себе, он, для обуздания молодого тела, возложил на себя тяжелые железные вериги и все время разделил между молитвою и трудами для воспитания дочери. В скором времени после сего его постигла тяжкая болезнь – скорчение жил, но и она не только не ослабила решимости Гавриила вести подвижническую жизнь, напротив еще более утвердила и укрепила его в своем намерении и привела его к тому, что когда дочь несколько подросла и могла сама уже снискивать себе пропитание, он

решился совершенно оставить мир и посвятить себя жизни иноческой, затворнической. С этою целью он выпросил себе у городского начальства несколько сажень пустопорожней земли на речке Содиме близ посада, в котором дотолѣ жил (но вне города), выстроил на ней небольшую келью, выкопал близ нее колодец, а для большего уединения и безмолвия обсадил келью деревьями и окопал кругом небольшим прудом, в котором развел рыбу. Приготовивши таким образом себе место для уединения, он принял монашество с именем Галактиона, затворился в своей келье и стал вести строгую, подвижническую жизнь затворника. Он никогда не выходил из кельи, пищу и прочее, необходимое для себя, принимал в маленькое окошечко, но – чтобы иметь возможность питаться трудами рук своих и не быть кому нибудь в тягость – не оставлял своего прежнего ремесла, так что время его проходило то в труде, то в молитве и бдении. «И нача славити Человеколюбца Бога, яко сподобил естъ Господь такового чина», – говорит о нем писатель его жития, «и нача трудитися великими труды на том месте, сапоги шия, а что взимаше от трудов, то разделяше на три части: первую часть даяше церквам Божиим, вторую нищим, третьею же сам питаешся». Но труднику и этого казалось мало. Желая еще более умножить подвиги, он, – чтобы во время всенощных бдений утомленное тело, помимо его воли и желания, не могло предаться сну, приковал себя цепью к потолку кельи, так что по краткости цепи, не только не мог выходить за двери кельи, но даже лечь на пол. Если же нужно было дать себе необходимый отдых, то вставши на колени и держась за цепь, предавался дремоте и забывался на несколько минут. Обыкновенною пищею его был кусок сухого хлеба и чашка воды из колодца, да и то, в известное, назначенное им время, имения у него было всего – одна власяница, ветхая, монашеская ряса и небольшая рогожа, заменявшая ему пол в келье. Писатель жития пр. Галактиона, подробно описывая его подвиги, ничего не говорит о его духовном сане, не упоминает даже и о том, когда, кем и в каком из бывших тогда в Вологде монастыре, он был пострижен в монашество, но несомненно то, что он имел иерейский сан, в

каком сане и записан современниками в софийском синодике в числе убитых поляками в 1612 году в Вологде²³⁹.

Хотя жилище преподобного находилось и вне города, на пустом и безлюдном месте, но такие изумительные труды и подвижническая жизнь не могли долго оставаться неизвестными гражданам. Молва о его необыкновенной жизни, о совершенном нестяжании и бескорыстии, об отеческой ко всем приветливости и душеполезных беседах и наставлениях вскоре распространилась всюду, граждане и окрестные жители стали приходить к нему одни из любопытства, чтобы только посмотреть на затворника и самим поверить рассказы о нем других, иные за благословением и молитвою, за советом и утешением. Ибо ему было даровано от Бога слово премудрости и утешения, все что исходило из уст его, прямо падало на сердце слушателя, так как каждому он умел сказать именно то, что для него было всего нужнее. будучи совершенно чужд всякого лицепрятия и человекоугодничества, он никогда не отличал богатого от убогого, но всем, приходящим к нему показывал одинаковую любовь и внимание, всем одинаково говорил правду, учил и обличал, когда это было нужно, не опасаясь за то гнева или порицания Самый наружный вид затворника, окованного тяжелыми веригами и цепью, его постническое лицо, украшенное сединами, ясный проникающий душу взгляд, невольно внушали к нему уважение от всех, как к истинному рабу Божию. Оттого нетолько те, которые имели случай видеть и пользоваться его наставлениями, – почитали подвижника, но и высокопоставленные лица, знавшие его только по слуху, оказывали ему уважение и почтение. Так, когда в Вологде случилась чрезвычайная засуха от бездождия и тогдашй архиепископ вологодский со всем городским духовенством пришел с крестным ходом во храм св. Троицы, находившийся неподалеку от кельи Галактиона, то он приказал просить затворника придти в храм для совершения общественного молебствия. Много лет прошло с того времени, как преподобный заключился в своей келье как в могиле, никто на видал, чтобы он выходил из нее даже и на уединенный свой островок, – не хотелось ему и теперь изменить своего обета и

хотя на краткое время выйти из затвора, но из послушания воле своего архипастыря и из сочувствия к общей нужде и невзгоде, он тотчас же расковал свою цепь и пришел во храм на всенародную молигву. Когда, по совершении всеобщего молебствия, плодотворный дождь в тот же самый день оживил иссохшую землю, то современники приписали это преимущественно молитвам и ходатайству пр. Галактиона, несмотря на то, что молебствие совершалось всем городским духовенством с самим архиепископом во главе. Таково было всеобщее уважение к нему.

Умерщвляя плоть свою веригами, постом и трудами, очищая и укрепляя душу свою всенощными бдениями, слезами и молитвами, преподобный с каждым днем восходил от силы в силу в духовной жизни и наконец достиг такой высоты нравственного совершенства, что сердце его сделалось жилищем св. Духа и ему, подобно древним св. пророкам, дана была благодать прозирать и предсказывать будущее. – Милосердый и человеколюбивый Господь Бог, не хотящий смерти грешников, открыл Своему избраннику о праведном гневе Своем на град Вологду, чтобы дать гражданам возможность, подобно ниневитянам, отвратить Его праведный гнев своим покаянием и избавиться от угрожающей, им гибели и разорения. Горя желанием предотвратить разорение храмов Божиих и города, заменившего ему родину, пр. Галактион еще раз расковал свою цепь и, не снимая с себя оков, вышел из затвора и направился к земской палате. Вошедши в собрание градоправителей, он от лица Божия пророчески возвестил им об угрожавших городу опасности и бедствии, предлагал средства к отвращению их и убедительно просил и советовал ими воспользоваться. «Православные, говорил он им, Господь Бог послал на нас гнев Свой и воздвиг на нас языки польских и литовских людей за наши беззакония, вы же прибегните к покаянию и утвердите себя в воздержании и молитве и во всех добрых делах и чтобы утолить гнев Божий поставьте поскорее на моем трудолюбном месте единовременно храм во имя Знамения Пресвятой Богородицы, бывшего в великом Новгороде и притеките к Ней с истинною верою и

слезами. И если вы это сделаете, то Пресвятая Богородица умолит Сына Своего и Бога и сохранит наш город от нашествия иноплеменников, как некогда великий Новгород». Казалось бы, что не только о эта речь, дышавшая искренностью и заботливостью об общем благе, должна была убедить слушателей в истине слов старца и в необходимости последовать его совету, но и самый внешний вид вдохновенного проповедника, украшенного сединами, в оковах, прикрытого одною только ветхою власяницею, наконец самое неожиданное появление его в городском собрании – после стольких лет затвора, – должны были произвести на них сильное впечатление. Но случилось иначе. Лишь только преподобный окончил свою речь, как именитый человек в городк, Нечай Щелкунов²⁴⁰, побуждаемый бесом (по выражению писателя жития преподобного) начал говорить вопреки преподобному, заподозрив его в своекорыстии, и увлек за собою все собрание. «Этот старец живет на том месте, где советует нам построить церковь, говорил он, и выдумал это для своей пользы, ему хочется, чтобы миром построили ему церковь и пустыню». Обратясь к преподобному, он сказал: «отче, недалеко от тебя церкви св. мучеников Флора и Лавра и св. Екатерины, ходи ты в них и молись! Если же мы поставим церковь на твоём месте, то она, по смерти твоей, останется пустою и этим ты сделаешь только убыток обществу». Тяжело было преподобному слышать от Нечая такие слова и видеть самые добрые намерения и спасительные советы свои заподозренными в обмане и своекорыстии и отвергнутыми гражданами к собственной их гибели. Жаль было храмов Божиих, имевших подвергнуться разорению, жаль было народа, увлеченного Нечаем и неподозревавшего приближающейся к нему страшной беды; поэтому преподобный с особенною силою и гневом отвечал Щелкунову: я не о себе забочусь, но о святых церквях Божиих и о нашем городе и о вас православных христианах, чтобы не погибли напрасно души ваши. Ты говоришь, что по смерти моей церковь останется пустою, а того не знаешь, что после меня на месте том Бог прославить имя Свое святое и будет монастырь и соберется братство и будут храмы Божии вельми украшенные,

славное и честное будет жилище и прославится имя Божие в род и род; а ваш храм св. Троицы (строенья Щелкунова) и дом твой от тех польских и литовских людей будет разорен и травую поростет и никто не будет жить тут от твоего рода. Сказав это, преподобный вышел из земской палаты и проходя по торговой площади, остановился против церкви пр. Дмитрия Прилуцкого (что ныне Никола на сенной, где и доселе находится придел пр. Дмитрия в память прежней церкви) и указывая на нее находившимся тут, сказал: «сей св. великий чудотворец Дмитрий просить у Спаса милости нашему городу, а ныне и его прогневали тем, что вокруг его святилища настроили лавок и завели торг и шум. Так знайте же, православные, что этот храм первый, прежде других, разорится, а что будет потом, то вы увидите сами». После этого преподобный возвратился в свой затвор, по прежнему приковался на цепь и начал готовиться к смерти, дни и ночи проводя в слезах и молитве и сокрушаясь более о гибели множества невинных людей, нежели сам о себе.

Между тем страшное его пророчество стало известно в городе и произвело большое волнение в народе, страх и ужас овладели всеми и многие стали приходить к преподобному и спрашивать его каждый сам о себе. Тогда преподобный, со слезами беседуя с ними, пророчески предвозвещал, кому из них быть спасену и кому посечену и советовал всем готовиться, проводя остающееся до того время в покаянии и молитве. С писателем жития преподобного не означено, когда он приходил в земскую палату предсказывать о разорении города, а потому и невозможно определить, сколько именно прошло времени до исполнения предсказания, но как преподобный советовал гражданам построить храм одномоментно и поскорее, да и в житии его говорится: «вскоре после сего приидоша на град», то очевидно, что времени прошло немного и беда, так сказать уже висела над городом и наконец разразилась 22 Сентября 1612 года. С понедельника на вторник в темную осеннюю ночь польские и литовские люди, черкасы и казаки и русские воры неожиданно напали на Вологду и ворвавшись в город начали грабеж и разорение его сожжением церкви пр.

Димитрия Прилуцкого, а затем церкви св. Троицы и соседнего с нею дома Нечая Щелкунова. Кроме множества убитых и взятых в плен людей разного чина и возраста, злодеи убили градского воеводу и дьяка, а архиепископа вологодского Сильвестра четыре ночи держали в плену и несколько раз тоже собирались убить, ограбили и выжгли почти весь город и посады, а жители, оставшиеся в живых, разбежались кто куда мог. Келья пр. Галактиона, окруженная со всех сторон водою и деревьями, оставалась целою во время всеобщего городского пожара и по своей невзрачности и бедности, не привлекала к себе грабителей, даже могла остаться ими незамеченною и не тронутою. Но дочь преподобного, не имея нигде себе пристанища, устремилась к его келье, надеясь там скрыться, и таким образом обратила на нее внимание злодеев. Нашлись злые люди, которые не постыдились сказать, что старец монах скрывает у себя женщину. Как стая голодных волков, неистовая и пьяная толпа разбойников с криком и ругательствами бросилась к келье святого, между тем как девица, испуганная шумом, успела уже убежать из нее и скрыться. Вломившись в келью и не найдя в ней девицы, злодеи подобно лютым зверям бросились на святого старца, начали жестоко бить его и схватив за цепь волочить по земле, осыпая всякими ругательствами и поражая мечами. Тяжки были побои, многочисленны и болезненны раны, которые они нанесли преподобному, кровь омочила всю власяницу страдальца, но он, как твердый камень, все переносил терпеливо и благодарил Бога. Выходя из кельи злодеи еще раз так сильно ударили его по голове застреховою курицей²⁴¹, что в нем едва только остался дух. Очищенный столь тяжкими страданиями, омытый собственною кровью и искушенный яко злато в горниле, пр. Галактион воздел свои руки с молитвою к Богу и со слезами просил Его о спасении своей души. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, приими душу мою с миром и избавь ее воздушных мытарств, да не предана будет миродержцу тьмы века сего», говорил он и после трехдневных тяжких страданий, тихо и мирно скончался 24 Сентября, а 25 и неприятели вышли из Вологды. Тогда жители как оставшиеся в живых в самом городе, так и возвратившиеся

из бегства, не смотря на общие плач и стенания, которые оставили после себя враги, – движимые усердием и любовью к страдальцу, собрались в его келье и погребли в ней с подобающею честью измученное тело его. В воспоминание трудов и подвигов преподобного они возложили на могилу его цепь и вериги, раскаяваясь и виня себя за оказанное ему недоверие и непослушание.

Вскоре после погребения пр. Галантиона народ начал собираться в опустевшую его келью, чтобы помолиться на его могиле, так как многие стали познавать на себе благодатную его помощь и получать чудесные исцеления от болезней. Земля, взятая с его могилы, вода, почерпнутая из его колодца, прикосновение к его веригам возвращали здоровье безнадежным больным; вследствие чего в народе более и более, так что лет чрез 15–20 это дошло до того, что однажды все граждане, собравшись от мала до велика и рассудивши сообща, решились воздвигнуть храм на его могиле во имя Знамения Пресвятой Богородицы, что некогда предлагал им преподобномученику, и устроить при нем иноческую обитель. «Истинно, говорили они, сей преподобный послан нам был от Бога для нашей пользы и показал к нам великую любовь, изрекая всем правду и советуя полезное, желая спасти нас чрез то от предстоявшей опасности. Если бы мы тогда послушались его, то и не были бы преданы врагам заступлением Божией Матери; исполним же совет его хотя ныне, что бы и еще не подвергнуться какому-нибудь бедствию за грехи свои». Когда граждане доложили о своем намерении тогдашнему вологодскому архиепископу Варлааму II, прося его благословения на сооружение церкви и обители, то он, собравши опытных и благоговейных людей, хорошо знавших и поминавших пр. Галактиона, расспросил у них о его святой жизни и подвигах, о мученической кончине и происходивших при гробе его чудесах и узнавши все подробно, приказал написать житие преподобного и благословил на месте, освященном его подвигами, построить церковь и иноческую обитель²⁴². По устройении церкви и обители, когда стало в ней ежедневно совершаться богослужение, народ еще более стал собираться к

гробу преподобного и получать исцеления, так что в 1669 году настоятель монастыря игумен Сергей с братиею и с ними 111 человек разных чинов просили патриарха Иоасафа об освидетельствовании мощей преподобного и о дозволении вместо панихид петь ему молебны. Преемник Иоасафа патриарх Питирим, по вторичному прошению их, предписал в 1673 году вологодскому архиепископу Симону произвести свидетельствование мощей и дознание о совершающихся от них чудесах, но исполнил-ли Симон предписание патриарха и что оказалось при освидетельствовании – неизвестно²⁴³. В 1697 году преемник Симона вологодский и белозерский архиепископ Гавриил также имел намерение освидетельствовать мощи преподобного и докопавшись до гроба, нашел его целым и новым, но открыть не дерзнул²⁴⁴. В древней описи вологодского архиерейского дома упоминается «грамота Андрияна патриарха о свидетельстве пр. Галактиона и Герасима вологодских, писанная в 7199 (1691) году». Значит снова приказано было освидетельствовать св. мощи, но состоялось ли и это свидетельство также неизвестно. Ныне мощи пр. Галактиона почивают под спудом в нижнем этаже новой каменной Знаменской церкви, под медною посеребряною ракою, осененною таким же балдахином, на ней находится изображение преподобного во весь рост, а вблизи ее висят тяжелые его вериги, параман, шапка и цепь желзные. На парамане высечены слова: раб Божий Гавриил во имя Отца и Сына и св. Духа обещался есми терпти до конца. Служба пр. Галактиону написана в 1717 году на Унже Иваном Слободским, чтецем и певцем вологодского архиепископа Гавриила. – Знаменская Галактионова пустынь со времени построения в ней соборного храма во имя сошествия св. Духа при архиепископе Маркелле стала называться Духовым монастырем, а с 1775 года, когда, после пожара на Каменноы, переведен был сюда штат того монастыря, по указу св. Синода именуется Спасо-каменским Духовым монастырем.

В рукописном житии пр. Галактиона, составленном первоначально по приказанию архиепископа Варлаама и дополненном впоследствии при архиепископе Симоне, записано

18 чудес, совершившихся при гробе преподобного уже по устройении монастыря. Укажем некоторые из них.

Вотчины Угрешского монастыря, села Дюдикова, что ныне Пустыня в Вологде, некто Иоанн, по прозванию Воевода имел дочь, страдавшую черною немочью. Когда, по обещанию, привели ее в Галактионову пустыню и по совершении панихиды дали ей испить воды из колодца преподобного с землею от его гроба, – больная тотчас же почувствовала себя совершенно здоровою.

Гликерья, внука старца Кассиана Ильинского монастыря, отчаянно больная, вдруг сделалась совершенно здоровою, когда напоили ее водою из колодца, смешанною с землею с могилы преподобного.

Старец Авраамий был нездоров глазами и долгое время уже ничего не видел. Десять дней пробыл он в Галактионовой пустыне, часто приходил и молился у гроба преподобного и вышел из нее совершенно здоровым. Он сказывал, что в это время многие и другие получали исцеления от своих болезней при гробе преподобного.

Филимон Филинов Кокорев, дворник Кандаджского монастыря шесть лет был в расслаблении и не владел ни руками, ни ногами, так что как его положат другие, так он и лежал, не имея силы поворотиться с боку на бок. Его сын сделал ему для собирания милостыни маленькую конурку с дверцами и поставил ее на мосту у каменных городских ворот, где он постоянно и лежал, пользуясь даянием проходящих. Пробудившись раз (1 июля 1632 г.) от сна за полчаса до софийского благовеста, Филимон увидел, что дверцы келейки его отворены и услышал голос: «ложись расслабленный», а затем вскорбе другой: «встань расслабленный» и он тотчас же встал и перекрестился, радуясь своему выздоровлению и едва веря тому, что он мог встать. Оборотясь он увидел в головах своей постели образ Знамения Божией Матери и услышал еще голос: «расслабленный, иди в обитель Знамения Божией Матери и преподобного Галактиона, объяви о своем исцелении и отправь благодарственное пение». Когда голос утих, невидно

стало и образа, а Филимон почувствовал себя совершенно здоровым.

В субботу после вечерни (13 марта 1652 г.) игумен и братия совершали панихиду над гробом пр. Галактиона по обещанию Иулиании Васильевой, крестьянки Янгосорской волости деревни Кожина, данному ею по следующему случаю. Иулиания была долгое время одержима столь тяжкою болезнью, что не только не могла ничего делать, но даже и в жизни уже отчаялась. Когда, по совету соседей и родственников, она положила обещание поклониться гробу пр. Галактиона и отпеть по нем панихиду, то вдруг сделалась здоровою, как бы и больна не была.

Летом 1655 года при архиепископе Маркелле долгое время в Вологде стояла сырая погода и проливные дожди, препятствовавшие созреванию и уборке хлеба. Граждане вспомнили, как еще при жизни пр. Галактиона тогдашний архиепископ просил его придти в соседний храм помолиться вместе с народом о прекращении засухи и то, как скоро Господь тогда умилился и послал дождь. Поэтому они стали просить архиепископа идти с крестным ходом для молебствия ко гробу преподобного. Архиепископ Маркелл назначил для этого 11 августа. Когда совершалась служба в монастырской церкви – небо прояснилось, заблестало солнце и настала самая теплая и благоприятная погода. С этого времени начался крестный ход из собора в монастырь, совершающийся ныне в Духов день. – Тогда совершилось и другое чудо по молитвам преподобного. В числе молящихся за тою же службою был Созонт Васильев Незгорелов, посадский человек Леонтьевского прихода, он долгое время сильно страдал зубами, так что не мог есть хлеба и взять в рот чего-либо горячего. Стоя в трапезе он увидел висевшие на стене вериги преподобного и мучимый болью начал тереть ими свои зубы и кусать вериги – вдруг болезнь мгновенно прошла и затихла.

Иерей Петр Черевковский

В церковной ограде богатого и торгового села Черевкова, находящегося на Двине в Сольвычегодском уезде, в девяти саженях от каменной Успенской церкви уже более 200 лет стоит небольшая деревянная часовня, воздвигнутая благодарными прихожанами над местом погребения их пастыря-мученика иерея Петра, еще не признанного святым церковною властью, но уже третье столетие усердно чтимого всею окрестностью как угодника Божия и чудотворца. Жаль только, что как? о многих других вологодских святых, так и о нем не дошло до нас никаких письменных памятников, кроме одного только краткого предания, сохраненного памятью благодарного народа и передаваемого как сокровище и наследство от поколения поколению. По этому преданию блаженный Петр был приходским священником черевковской церкви в конце XVI и в начале XVII века; самая церковь именовалась тогда Никольскою. Проводя благочестивую жизнь, он чистым сердцем и устами славил Господа, совершая церковную службу, простыми и нехитрыми словами учил народ закону Божию, сам подавал своею жизнью пример пасомым, старался услужить каждому, и вообще был истинным пастырем и отцом своего прихода. Особенною отличительною его чертою было бескорыстие и нестяжательность; все, что он получал – делил на три части, из которых одну употреблял на храм Господень, другую раздавал нищим, а третью оставлял на содержание своего семейства, за что и был любим и уважаем всеми. Блаженный старец давно украшенный сединами, с спокойствием праведника ожидал недалекой своей смерти и думал кончить труженическую жизнь свою тихо и мирно, но Господь судил иначе и восхотел украсить верного служителя своего мученическим венцем. В смутное для России время самозванцев, толпа грабителей-ляхов неожиданно напала на Черевково, иерей Петр, как служитель алтаря и верный хранитель и защитник церковного имущества, захвачен был злодеями в храме во время божественной литургии, в полном

священническом облачении привязан к конскому хвосту и таким образом безжалостно влачимый по улицам, окончил страдальческую жизнь свою 9 июля, но которого года – неизвестно. В предании сохранилось только то, что это было на другой день праздника праведного Прокопия устюжского, особенно чтимого в той стороне.

По прошествии многих лет, когда не стало современных свидетелей мученической кончины иерея Петра и место погребения его было забыто, на монастыре или на церковном кладбище близ церкви святителя Николая по правую сторону алтаря вдруг (в 1656 году) показался на поверхности земли неизвестный гроб – уже не новый, и в тоже время многим стал являться человек в священническом облачении, который приказывал сказать священникам Черевковской церкви, чтобы они совершали панихиды над вышедшим из земли гробом. Когда весть о том распространилась в народе, многие стали приходить на кладбище и просили совершать над гробом панихиды, не дерзая открывать гроб; усердствующие брали от него землю и по вере своей, вскоре получали исцеление от своих болезней. Но так как не было достоверно известно, чей это гроб и как он вышел из земли, то никто и не записывал происходивших от него чудесных исцелений, почитая то делом случая или выдумками и баснями. В июне 1657 года Черевковская Никольская церковь сгорела от удара молнии, и во время пожара одна стена церкви свалилась на гроб и покрыла его пылавшими головнями. Думали, что после этого не останется и знака гроба, но когда пожар погасили, то прихожане и священнослужители к удивлению своему увидели, что гроб не только сохранился целым, но даже нисколько и не запалился, хотя весь был покрыт угольями. Еще более удивились все и священники и прихожане, когда ночной сторож Лаврентий Семенов, приставленный для хранения спасенного от пожара церковного имущества, на другой день после пожара сказал им, что ночью он видел над гробом необыкновенный свет на подобие огненного столпа и когда подошел к тому месту, думая, что что-нибудь снова загорелось, то свет стал невидим, а когда он отходил от гроба, то над ним снова сиял свет и это

было не однажды и не дважды, но много раз и продолжалось до самого утра. Казалось что пожар церкви как бы для того именно и был допущен Провидением, чтобы во время его показать чудесное сохранение от огня небрежного гроба и тем обратить на него внимание народа. Действительно, это событие убедило всех, что явившийся гроб не иной чей, как мученика иерея Петра и что рассказы о происходивших от гроба исцелениях и явлениях самого мученика многим лицам не были вымыслом людей праздных и суеверных, но совершенная истина. По этому причт с прихожанами, возблагодарив Бога, прославившего Своего иерея – мученика и даровавшего им в нем нового молитвенника и чудотворца, вскоре над гробом его построили часовню и жалея о прежнем своем невнимании к святому, стали тщательно записывать все исцеления, происходившие от его гроба. Таких чудесных исцелений после пожара церкви до 1718 года – в течение 60 лет – записано 48. Надобно полагать, что при устройении часовни был поставлен в ней над могилою святого и надгробный памятник, обитый синею китайкою с изображением на верхней стороне его осмиконечного креста из красного кумача, трости, копья и обыкновенных при них надписей, вышитых белыми нитками, – но когда сокрыт в землю самый гроб и по какому случаю – неизвестно. Вера и усердие приходящих к страстотерпцу вскоре обложили памятник его еще ситцем, а впоследствии времени побудили поставить над прежним небогатым памятником – новый в виде гробницы, украшенный посеребренною решеткою с золочеными звездочками и осенить ее золоченым балдахином на таковых же колоннах. В 1718 году по повелению самого иерея Петра, явившегося одному больному, получившему при гробе его исцеление, исцеленный написал образ его и возложил на гробницу. Образ этот издавна был украшен серебряным, позолоченным венцем. В уповании на молитвенное ходатайство пред Богом иерея Петра, каждый воскресный день стали совершать в часовне над его гробницею панихиды, а в день страдальческой его кончины между утренею и литургиею – читать вслух народа записку или сказание о чудесах его, что продолжалось до 1854 года, когда епархиальным начальством

рукопись была отобрана от церкви. Однако это не поколебало и не охладило веры народа в блаженного страдальца иерея как в угодника Божия и чудотворца, благоговейное почитание памяти его, распространяясь в народе все более и более, наконец дошло до того, что не только прихожане Черевковской церкви и окрестные жители, но и все проходящие и проезжающие по торговым делам²⁴⁵ стали считать своею обязанностью поклониться его гробу, совершить панихиду и принести посильную жертву в пользу церкви и на украшение часовни. На эти пожертвования ветхая часовня была возобновлена и благолепно украшена, а в 1859 году на образ иерея Петра, находившийся на гробнице сделана была медная посеребренная риза с серебряным псолоченным венцем. Когда образ сняли с гробницы, чтобы возложить на него ризу, то некоторые, увидевши внутри ее древний памятник покрытый китайкою сочли его за самый гроб с мощами иерея Петра, будто бы снова явившийся на поверхность земли. Вследствие молвы об этом, по донесению благочинного и станового пристава, началось дело по духовному ведомству, кончившееся тем, что по распоряжении епископа вологодского Христофора, образ был снят с гробницы и увезен в архиерейский дом в Вологду, а верх гробницы заделан простыми досками и покрыт парчею. Но как святейший Синод указом от 20 октября 1860 года дозволил причту Черевковской церкви совершать по просьбе желающих по прежнему панихиды о упокоении души иерея Петра, то народ и ныне во множестве стекается в часовню в твердом уповании на молитвенное ходатайство пред Богом своего древнего пастыря мученика и почитает его покровителем своей страны, верным и близким своим помощником. В апреле месяце прошедшего 1877 года 455 домохозяев Черевковского прихода подали преосвященному епископу Вологодскому Феодосию прошеше о возвращении в часовню увезенного из нее изображения иерея Петра. На этом изображении, написанном вследствие явления и приказания самого иерея Петра еще в 1718 году, он представлен старцем, украшенным сединою, в полном священническом облачении, поддерживающим левою рукою евангелие на своей груди.

Вот некоторые из чудес иерея Петра, записанные уже после того, как чудесное сохранение гроба его во время пожара Никольской церкви обратило на него внимание народа. Татиана, дочь крестьянина Черевковской волости Исидора Досифеева Шашкова, долгое время страдала лихорадкою (трясавичною болезнью). Во время болезни ей является однажды во сне человек в священнической одежде и велит идти к церкви Николая чудотворца и помолиться у явившегося близ нее гроба. Явившийся назвал себя Петром и присовокупил, что если она пойдет туда, то вскоре получит исцеление. Пробудившись от сна Татиана рассказала свое сновидение родителям и когда была приведена ими ко гробу иерея Петра, то по отправлении над ним панихиды, тотчас же почувствовала себя совершенно здоровою.

У крестьянина Кодрата Семенова Черепанова той же Черевковской волости правая рука болела долгое время столь сильно, что он не мог ничего делать ею. Иерей Петр, явившись ему сказал: «иди ко гробу иерея Петра и получишь исцеление». Кодрат, пришедши в церковь, рассказал о бывшем ему видении священникам и когда они по его просьбе совершили над гробом иерея панихиду, больной тотчас же получил исцеление.

Крестьянка Анна Павлова Агиева той же Черевковской волости восемь недель была в расслаблении. Однажды, когда она лежала на своей постели не имея сил пошевелить ни руками ни ногами, ей явился священник в облачении и благословив ее рукою сказал: «Анна, иди к явившемуся близ церкви гробу и помолись Господу Богу и Его пречистой Матери и святителю Николаю и меня иерея Петра призови на помощь», сказавши это явившийся стал невидим, а расслабленная тотчас сделалась здоровою, пришедши к церкви она объявила священникам о своем видении и исцелении, прося их отслужить панихиду над гробом своего исцелителя.

Как ни многочисленны и ни убедительны были чудеса, доказывавшие святость блаженного иерея – мученика, нашелся однако человек, который не только не верил им, не только называл их мечтою и баснями, но порицал и самого чудотворца. Это был черевковский священник Борис Михайлов. Раз,

возвратившись домой из прихода и утомленный ходьбою, он прилег отдохнуть, вдруг в тонком сне он видит человека в священническом облачении, который входит в его комнату и подойдя к нему говорит: «почто ты иерей укоряешь меня многими неподобными словами и кощунствуешь над совершающимися чрез меня чудесами, называя их мечтою и баснями?» – Кто ты, господни мой, говорящий со мною? – в страхе и трепете спросил явившегося Борис и услышал такой ответ: «на что тебе знать мое имя, которого ты и слышать не хотел? Но егда злая узришь, тогда и мене знати будеши, да накажутся и инии тобою, еже не злословити». После этого Борису представилось, что он стоит в алтаре вместе с другими священниками, вдруг проламывается под ним церковный пол и он сваливается в глубокую пропасть, между тем как другие остаются спокойно стоящими в алтаре. Этот необыкновенный сон так устрасил Бориса, что он пришедши в церковь со слезами и плачем объявил о нем своим сослужителям. Но видно раскаяние его было не глубоко и иссякло вместе со слезами ие затронув сердца. На третий день священник Борис скоропостижно умер в 7166 (1658) году.

Крестьянка Мариамна Евфимиева из Пермогорской волости в 7168 (1660) году вместе с сыном своим одержима была целый год лютою главною болезнью, во время которой обещалась идти ко гробу иерей Петра и отправить по нем панихиду. Вскоре по обещании болезнь у обоих прошла и они стали совершенно здоровы. Получивши исцеление они стали откладывать исполнение своего обещания со дня на день под различными предлогами и наконец совсем забыли о нем. Спустя несколько времени они снова сделались нездоровы тою же болезнью и еще более прежнего, так что уже совершенно не могли ничего видеть. Тогда вспомнили они о своем обещании и стали со слезами призывать на помощь иерея Петра, прося у него прощения в неисполнении своего обещания и в своей неблагодарности к нему. Один раз, когда после продолжительной усердной молитвы, слез и рыданий они уснули – им явился во сне старец в священническом одеянии и сказал: «почто вы забыли свое обещание и презрели мое к вам

посещение? Идите же хотя ныне к моему гробу и там увидите славу Божию». Пробудившись они рассказали свое сновидение друг другу и дивились его одинаковости как будто не во сне, а на яву они вместе видели старца – священника; после этого они уже не смели откладывать более своего обещания и ведомые другими отправились в Черевково, где во время совершения панихиды над гробом святого прозрели.

Крестьянин Тимофей Андреев из за Устюга с Морозовицы приехал с женою своею Евдокией в зимнее время в Черевково для торговли и прибывши на базар еще до свету, оставил свою жену на возу, а сам пошел в церковь к утрени. Сидя на возу Евдокия вздремала и в тонком сне увидела подошедшего к ней старца в священническом облачении, который сказал ей: «вот вы приехали помолиться великому чудотворцу Николаю, но потом сходите ко гробу иерея Петра, что на этой площади в часовне и помолитесь у его гроба». Когда муж возвратился из церкви, Евдокия рассказала ему свое видение и они оба придя в церковь, просили священников отправить в часовне панихиду, заявив им при том, что они по дальности своего жительства от Черевкова ничего до того времени не слыхали про иерея Петра чудотворца и имени его не знали.

Крестьянка Евдокия Гаврилова Черевковской волости с реки Тядимы 12 недель страдала нестерпимою зубною болью и когда после явления ей иерея Петра, пришла к его гробу и отправила панихиду, тотчас же почувствовала себя здоровою.

Крестьянка Гликерия Семенова той же Черевковской волости находясь в расслаблении год и пять месяцев старалась пользоваться разными лекарствами, но не только не получала облегчения, а напротив болезнь еще более усиливалась и дошла наконец до того, что она не могла пошевелить ни одним членом. Тогда родители ее стали призывать на помощь св. иерея Петра, обещаясь отпеть панихиду на его гробе, и вот однажды она видит его во сне повелевающим ей исполнить обещание родителей и наполнить милостынею руки нищих. Это на тебя попущено было за то, что ты немилостива к нищим, сказал ей явившийся и стал невидим, а больная пробудилась здоровою.

Девушка Марфа Федорова Квашнина, с Луденьги реки, той же волости, целый год совершенно невладела правою рукою, которая у нее была скорчена. Придя в часовню она начала тереть свою больную руку перстью от гроба иерея Петра и тотчас же получила исцеление. Отправив панихиду она с радостью и с благодарностью к Богу и иерею Петру возвратилась домой.

Крестьянка Агриппина Пермогорской волости шесть месяцев страдала кровотечением и до того ослабела, что пришла в расслабление и лежала в постели ожидая себе смерти. Много врачей и знахарей лечили ее, но пользы не было ни от чего. Мало того, одному из них иерей Петр явился во сне и с прещением сказал: «перестань ты от этого худого врачевания и врачуй свою душу, да сам зле не пострадавши; время тебе перестать от этого. Скажи больной, чтобы шла к моему гробу и там получит исцеление. Когда лекарь рассказал свое сновидение больной и она дала обещание поклониться гробу св. Петра, то тотчас же почувствовала себя здоровою. Но замедливши месяц и более исполнением своего обещания, она опять заболела хуже прежнего и тогда познавши свой грех, начала со слезами молиться и повторять свой обет, – выздоровевши снова, она поспешила исполнить свое обещание.

Сидоровой Едомы крестьянская жена Феодосия пришедши ко гробу иерея Петра заявила священникам Никольской церкви, что она 40 дней находилась в столь сильном расслаблении, что не могла поднести к устам куска хлеба. Во время болезни ей явился иерей Петр в виде престарелого священника не во сне, а на яву, и подошедши к ее постели, сказал: «Феодосия, иди в Черевковскую волость ко гробу новоявленного Петра чудотворца и поведай священникам явление мое, помолись Господу Богу, пресвятой Богородице, святителю Николаю и мене Петра призови на помощь и тамо узриши славу Божию и получишь вскоре здравие». Услышавши эти слова от святого она стала обещаться идти к его гробу, после чего он вдруг стал ей невидим, а она почувствовала себя здоровою. После того целый месяц она провела дома не подумав об исполнении своего обещания, как вдруг без всякой видимой причины у нее

отнялась правая рука и нога. Тогда она признала свой грех перед угодником Божиим и начала со слезами умолять его о помиловании, обещаясь немедленно по выздоровлении исполнить свой обет и вскоре по молитвам угодника получила исцеление.

Преподобный Вассиан Тиксненский

В деревне Бурцево, тотемского уезда стрелицкой волости, жил крестьянин Василий. Кроме обыкновенных трудов земледельческих, он занимался еще портным мастерством и каждый год, окончивши полевые работы, уходил на несколько времени в окрестные волости и селения для заработков. Это занятие весьма много способствовало как безбедному содержанию его семейства – жены и двух сыновей, – так и собственному его развитию и образованию. Наделенный от природы блестящими способностями и по ремеслу своему переходя из селения в селение, постоянно встречаясь и обращаясь с новыми лицами, он и не учась грамоте мог научиться многому только следя и наблюдая за теми, где жил и работал. Кроме того он был весьма усерден к божественной службе, во все воскресенья и праздничные дни постоянно ходил в церковь, внимательно слушал, что в ней поют и читают, любил беседовать о законе Божием и о спасении души с людьми знающими и набожными и таким образом круг его понятий все более и более расширялся, назначение человека, его обязанности к Богу, ближнему и самому себе сделались для него ясными и понятными. Как отличный мастер своего дела, принимаемый везде с радушием как свой и нужный человек, он мог хорошо знать жизнь людей, их цели и желания и как не был уже темным человеком в деле веры, то ему стало казаться удивительным и странным то, что все хлопочут и стараются только о злобе дня, о телесных потребностях, почти не думая о душе. Он понимал, как мало такой образ жизни согласен с требованиями Евангелия и приличен христианам, – его чистому и неиспорченному сердцу стало казаться противным такое превратное настроение мира, каждый слух о какой-нибудь неправде и обиде возмущал его так, как бы они были сделаны ему самому. Не лестны для него стали и получаемые им хорошие заработки и то радушие и почет, с которым его везде принимали, даже привязанность к родине и друзьям, к жене и детям перестали по прежнему занимать и привлекать его к

себе. Какая польза человеку, аще и мир весь приобретает, да душу свою отщетит думал он, почувствовав в своем сердце тайное призвание и голос Отца небесного. Чем более он размышлял об этом, тем большее ощущал в себе отвращение к миру, тем сильнее возгоралось в его душе стремление к иной, новой, духовной жизни, желание жить только для Бога и для спасения своей души, так что наконец он решился совершенно оставить мир. Зная, что встретит себе противодействие со стороны жены и детей, и что ему трудно будет устоять против их слез и рыданий, он не сказав им ничего о своем намерении, тайно ночью вышел из своего дому, не взявши с собою ничего и пошел искать себе места, удобного для спасения. Когда он пришел на Тиксну к церквам Христа Спасителя и святителя Николая, находившимся на крутой возвышенности между реками Тиксной и Вопрой – вблизи озера Семенкова, то ему понравилось это место и пришла мысль поселиться тут. Как было бы хорошо, думал он, на таком прекрасном месте, под сенью храмов Божиих выстроить себе небольшую келью и молиться в ней Богу – хотя и посреди мира, но в совершенном безмолвии и уединении? Тиксенские церкви действительно находились в уединении, в стороне от большой дороги и отделялись от крестьянских селений реками и озером. Но тогда он еще не решился исполнить своего желания и после краткого отдыха на излюбленном месте, пошел дальше к г. Тотьме; пришедши в монастырь пр. Феодосия он припал к ногам настоятеля иеромонаха Ферапонта и усердно со слезами просил принять его в монастырь и удостоить иноческого пострижения. Ферапонт долго не соглашался исполнить его желание, указывал ему на его семейное положение, представлял бедность своего монастыря, скорби и труды иноческой жизни, но наконец – видя сильное желание и усердие – уступил неотступным его просьбам, и после достаточных наставлений об обязанностях иноческой жизни, постриг в мантию, назвавши его Вассианом и поручил руководству одного опытного в духовной жизни старца. Новому иноку Ферапонт заповедал всецело и совершенно предать себя воле своего наставника и не только ничего не делать без его воли и

благословения, но оказывать повиновение и каждому из братии и служить с смирением и терпением, охотно исполняя все, что прикажут. Так мудрый настоятель с самого начала старался истребить в новоначальном иноке мирское своеволие и научить его послушанию, как самой главной и необходимой для инока добродетели. Увещания настоятеля не были гласом воющего в пустыне, но подобно семени, павшему на добрую землю, скоро прозябли и принесли сторичный плод. По прошествии некоторого времени старец – наставник послал Вассиана на послушание в поварню и пекарню – послушание самое тяжелое и беспокойное из всех монастырских трудов, так как он должен был переносить при этом и зимний холод и сильный жар, почти постоянный угар и чад, целый день проводя на ногах, тонося воду и рубя дрова, то приготавливая пищу, накрывая и убирая столы для братии, но Вассиан не только не тяготился всем этим, но охотно исполнял все самые трудные и тяжелые монастырские работы, но еще находил время неопустительно посещать все церковные службы, так что все дивились его усердию и неустойчивости. Пробыв в этом послушании несколько лет, прилагая труды к трудам, в молчании и смирении стараясь услужить каждому из братии и всех ценя выше себя, Вассиан приобрел немалую опытность в жизни духовной и, ревнуя о высшем совершенстве, стал просить настоятеля и духовного отца своего Ферапонта отпустить его на уединение и безмолвие, рассказав ему, что знает такое место на Тиксоне при церквях Спаса и святителя Николая. Сколько ни казалось странным то, что монах, ищущий уединение и безмолвие, хочет оставить монастырь и поселиться на церковном погосте среди мирских селений, но разсудительный и опытный Ферапонт, хорошо зная мысли и настроение духа Вассиана и провидя в нем избранника Божия и сосуд благодати, не стал удерживать его в обители и согласился дать ему свое благословение на выход из нее. Поэтому придя с ним в церковь Преображения Господня ко гробу пр. Феодосия, он совершил о нем молебное пение, прося преподобного основателя обители наставить отходящего на путь правый и сохранить его от искушения, затем преподав ему наставление, со слезами расстался с ним и с миром отпустил

его из обители, благословив св. иконою. Плакал и Вассиан, расставаясь с обителью и наставником, припадая к его ногам, он просил настоятеля, чтобы тот, как духовник, хотя изредка посещал его в уединении.

Пришедши на Тиксну, Вассиан прежде всего направился к храму Христа Спасителя и, войдя на церковную паперть, повергся пред св. иконами, со слезами прося благословения Божия для спасения своей души потрудиться ему на том месте в уединении и безмолвии. Потом он пошел к настоятелю церкви священнику Нестору Андрееву и просил как его, так и весь церковный причт и прихожан уступить ему немного места для построения малой кельи на церковном погосте неподалеку от храма Божия, на что те и согласились беспрекословно, крестьяне же ближайших селений изъявили даже желание построить труднику и самую келью, что вскоре действительно и исполнили, поставив ее в 20 саженьях от церкви. Все то время, пока келья строилась, Вассиан неисходно днем и ночью пребывал на церковной паперти в посте и молитве. Когда постройка кельи кончилась, он просил священника освятить ее с молебствием пресвятой Троице пред иконою, принесенною им с собою из монастыря, и поселился в ней в 1594 году.

Возрадовался подвижник, достигши исполнения своего сердечного желания, светлым чертогом и царским жилищем показалась ему малая и тесная его келья, в которой он и стал подвизаться в посте и молитве, выходя в храм к каждой церковной службе и совершая в келье пред иконою св. Троицы полное иноческое правило. Питался он только тем, что иногда приносили ему добрые люди. Чтобы не нарушать своего уединения, он никого не принимал к себе, кроме одного только духовника, если же приходили к нему или для духовной беседы или с подаянием, то он принимал приносимое и беседовал с приходящими чрез оконце своей кельи. Постелью ему служил голый пол, но часто он не позволял себе и того, все ночи стоя на молитве и изнуряя себя множеством поклонов и коленопреклонений. Но и такая трудная и суровая жизнь казалась ему еще недостаточною и слабою и когда один раз посетил его духовник Ферапонт, то он просил у него

благословения – для большего умерщвления плоти – возложить на себя вериги и с его разрешения надел на свои плечи цепи, на чресла широкий железный обруч, на руки и на ноги оковы, покрыв их своею монашескою одеждою, а на голову надел тяжелую железную шапку, закрытую иноческим кукулем. Облекшись весь в железо как воин в броню, блаженный Вассиан предался еще большим подвигам, стараясь до конца умертвить в себе ветхого человека, очищая и обновляя дух страданиями грешной плоти. Тридцать лет²⁴⁶ таким образом подвизался преподобный в своем затворе, по апостолу «задняя забывая, в предняя же простираяся» (Фил. III, 13), каждый день начиная трудиться с таким усердием и охотою, как бы он еще ничего не делал прежде и только теперь принимался за труд и каждый день кончая так, как бы это был последний день его жизни. Подробности его подвигов остались впрочем не известны не только нам, но и современникам, так как преподобный, поминая слова Евангелия: да не увести шуйца твоя, что творить десница (Мф. VI, 3), старался скрывать их и только уже по преставлении его узнали, какими страшными тяжестими преподобный удручал себя столько лет, при жизни же его никто и не подозревал об этом. Неизвестно даже, сколько было всех лет его жизни, кроме только того одного, что достигнув уже преклонных лет и украсившись сединою, он предрезал свою кончину, пригласил духовника своего старца Ферапонта, причастился от него св. Таин, простился с ним и сказавши: Господи, в руце Твои предаю дух мой – в радости предал Богу чистую свою душу 12 сентября 1624 года при Михаиле Феодоровиче, в пятый год патриаршества Филарета. Старец Ферапонт, свидетель блаженной кончины затворника, омочил слезами бездыханное его тело, прославляя Бога, не попускающего оскудевать на земле Своим угодникам, затем опрятавши его по монашескому чину пригласил священников окрестных церквей и с ними соборне, при множестве народа, собравшегося отовсюду, совершил надгробное пение и предал тело его земле в 10 сажнях от церкви.

Скоро Господь начал прославлять Своего угодника. Некоторые из окрестных крестьян, пользовавшиеся духовными

беседами и наставлениями пр. Вассиана и уверенные в святости его жизни, из любви и уважения и его памяти, построили над гробом его часовню и поставили в ней образ живоначалной Троицы, принесенный им из монастыря, – а как памятник его трудов и терпения возложили на гроб все его тяжести, – многие из них стали призывать его в молитвах и при гробе его получали исцеления. Чрез несколько лет на месте, прославленном его подвигами, составила иноческая обитель, существовавшая до 1764 года. Ныне мощи пр. Вассиана почивают под спудом в каменной приходской церкви, память его совершается в день его преставления.

В древнем рукописном житии преподобного записано 29 чудес, совершившихся при его гробе. Первым значится чудо, бывшее в 1647 году еще при жизни весьма многих, знавших преподобного лично, и поразившее всех своею очевидностью и важностью. Передаем его как оно было записано современником. «В лето от сотворения мира 7155 (1647) бысть в тотемском уезде, в веси Тиксне моровое поветрие, человецы и скоти умираху скоропостижною смертью. Уведав про то тотемский воевода стольник Алексей Болонин писал к Москве великому государю, царю и в. князю Алексею Михайловичу, что учинилось в сей Тиксне такое моровое поветрие на людей и на всякий скот и слышав об том великий государь велел послать в город Тотьму указ к воеводе, чтобы велел ту весь Тиксну кругом завалить лесом и обсесть со все стороны и стражи поставить, чтобы никто из веси тоя никуда не шел бы, ни проплавных, ни торговых, ни всякого чина людей отнюдь не пропускать, ни от города Архангельского, также и с государевыми казнами не пропускать. И били челом великому государю на Москве купецкие люди об том, чтобы велел быть пропуску по прежнему и повелением государя царя послан в тотемский уезд, в весь Тиксну, дворянин его Иван Акинегров и прииде в церковь всемилостивого Спаса и в то время при нем умерло язвою три человека, он же ужасеся и повеле молебен пети Спасу и пресвятой Богородице и изшед из церкви видя часовню над мощами преподобного и вопроши: что есть сия часовня? Иерей же поведа: мощи тут преподобного отца Вассиана. Он же

пришед в часовню и видя образ живоначальной Троицы и гроб пр. Вассиана и вериги и оковы железные и поручи, ужасеся и удивися великому терпению его. Тогда он повеле звонити и во всю волость Тиксну послати, чтобы сходились для молебного пения мужи и жены и с сущими младенцы. Они же скоро снисдошася в церковь и певше молебны Спасу и пречистой Богородице с водоосвящением и звоном и в то время посещением Божиим и поветрием помре девять человек при оном посланном Иване. Видевше сие иерей и христиане, мужи и жены и оный посланный вельми ужасошася и припадоша к раце преподобного и молишася ту со многими слезами молитвы воссылающе и глаголюще: о преподобне отче наш Вассиане, избави нас от сего смертоносия и от тлетворных ветр. И от того часа преста мор и здрави Быша вси, мужи и жены и скот молитвами преподобного отца Вассиана».

Одна женщина, по имени Елена, бывши совершенно слепою шесть лет и пять месяцев, однажды увидала во сне пр. Вассиана и когда после того пришла в Тиксну и отпавши молебен, приложилась к его гробу – и тотчас же стала видеть, как будто никогда не была слепою.

В 1699 году боярин Петр Артамонович Лопухин был одержим тяжкою болезнью, утроба его до того выросла и поднялась, что он не мог видеть своих ног. Привезенный, по своему обещанию, в Тиксну, он, когда приложился к раке мощей преподобного, тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и утроба его опала. Житель г. Вологды Андрей Лопатин два лета был в расслаблении и не вставал с одра; когда он был привезен на Тиксну и приложен ко гробу преподобного, тотчас же почувствовал себя здоровым, так что в тот же день мог идти пешком шесть верст до реки Сухоны.

Две родные сестры Капитолина и Феодосия долгое время были слепы и совершенно ничего не видели. Когда он ибыли привезены на Тиксну, и по совершении молебного пения преподобному, приложились к его гробнице, то как бы чешуя отпала от их глаз и они вдруг стали видеть все так ясно, как будто никогда не были слепы.

Женщина Юстиния, много лет ничего не видевшая, была привезена на Тиксну своею матерью и по совершении молебного пения обе просили у священника дозволения остаться на ночь в церкви для молитвы при гробе преподобного. При конце ночи они вдруг услышали в церкви необыкновенный шум и от страха павши на землю лежали безгласными. За стеною вне церкви им слышались голоса разговаривающих и когда мать Юстинии посмотрела в окно, то увидела двух человек, идущих и разговаривающих между собою: ты куда брат идешь и что несешь? спрашивал один. Несу святую воду, чтобы умыть женщину Юстинию, отвечал другой. Услышавши это обе женщины припали ко гробу святого и начали молиться со слезами; во время молитвы Юстиния слышала голоса многих поющих, чувствовала, что ее кто-то кропил св. водою и ходя около нее отирал ее глаза одеждою или губою, но никого не видела. Потом пробудившись как бы от сна, она вдруг стала видеть все совершенно ясно.

В один день пришли в Тиксну некто Иван, ничего не видевший одним глазом, и Сергей, житель г. Вологды, семь лет одержимый глухотою. Когда, по совершении молебного пения, они приложились к раке преподобного, то тотчас же оба получили исцеление – глухой стал слышать, а кривой – видеть обоими глазами.

В 1792 году в рождественский пост жена отставного солдата Федота Мальцева – вдова Матрона Герасимова недели четыре была больна горячкою (огневицею) так сильно, что в продолжение двух недель не только никого не узнавала, но не видела даже и самой комнаты, в которой лежала, ей все казался лес и снег. Однажды ей представилось, что к постели ее подошли два монаха в низеньких клобуках и в белых срачицах, высокие ростом; один из них стал по правую, другой по левую сторону ее постели, после чего первый велел ей молиться пр. Вассиану, почивающему в тиксиенской волости, и указал перстом на стоявшего с левой стороны, в руках которого она увидела медный ковш с чистою водою. Потом мало постояв, они оба стали обмывать ее из ковша с головы до ног. Когда явившиеся стали невидимы, больная пришла в чувство,

узнала и комнату, в которой находилась, то, что день уже склонялся к вечеру. Она тотчас же почувствовала себя совершенно здоровою и на другой день принялась за работу.

Преподобный Симон Воломский

Преподобно-мученик Симон – новый чудотворец, просиявший в последние лета и как бы пришедший в единонадесятый час на делание в виноград Господень – поскольку показал в себе не меньшую любовь к Богу, труд и терпение, как и древние преподобные отцы и страстотерпцы мученики, то не меньшую их восприял и награду от праведного издovоздателя Бога. Быв верен даже до смерти, он получил венец живота (Апок. II, 10) и предстоя ныне престолу Господню на небеси, изливает на земле исцления всем, с верою его призывающим и поклоняющимся его гробу.

Избранник Божий Симон родился в первое лето царствования благочестивого царя Феодора 18 сентября 1586 года в вотчине волоколамского Иосифова монастыря и в св. крещении был назван Симеоном. Отец его Михаил – сдельный монастырский крестьянин, по своей бедности, не мог дать ему никакого образования и воспитывал сына так, как и сам был воспитан, приучая отрока к хозяйству, к земледельческим трудам и приготавливая в нем себе помощника и кормильца на старость. В 1607 году, в несчастное царствование Шуйского, наставшие тогда в России волнения и беспорядки, грабежи и убийства то от полянов и литовцев, то от своих изменников совершенно раззорили крестьян и обнищавший отец Симеона – для спасения своей жизни и пропитания вынужден был бежать в другое место, а Симеон (которому было тогда уже около 20 лет) не успевши уйти вместе с ним, бежал в Москву, где пристал к одному портному и стал учиться у него шить одежду. Научившись портному мастерству, Симеон вздумал уйти из столицы в более тихое и безопасное место, удаленное от военных тревог; направившись к северу, он дошел до Устюга и остановился в нем на житье, снискивая себе пропитание своим ремеслом. Как из самого Устюга, так и из окрестных селений ежегодно весною дoныне отправляется не мало богомольцев в Соловецкий монастырь, прославленный подвигами пр. Зосимы и Савватия. Наслышавшись в Устюге о чудесах преподобных и

о благоустройстве их обители, Симеон пожелал и сам побывать там и поклониться их гробам, поэтому, дождавшись весны, он вместе с другими отправился водою из Устюга к берегам Белого моря. Молодому человеку, не имевшему семейства и ничем не привязанному к миру, – понравилась тихая и спокойная жизнь на морском острове; как мастеровой и способный к трудам, радушно и ласково он принят был монахами и решился остаться в монастырь, чтобы потрудиться на пользу обители. Его определили на послушание в швальню. Прибывши в монастырь неграмотным, он вскоре, под руководством добрых старцев, научился грамоте и церковному пению и столько был усерден к церковным службам, что старался не опускать ни одной из них ни утром, ни вечером, исправляя в точности и данную ему работу. Любил он беседовать с духовными старцами о спасении души, об исполнении иноческих обетов и то, что слышал от них, или вычитывал из книг, старался исполнять на самом деле. Старцы, видя, что молодой послушник по своему мастерству полезен для обители, а по характеру – способен к жизни и подвигам иноческим – желали навсегда удержать его в обители и с этою целью стали ему хвалить монастырскую жизнь как самую спокойную и угодную Богу и указывать на бывшие тогда нестроения в нашем отечестве, на опасности и искушения мирской жизни. Слова старцев не остались бесследными: в сердце молодого человека мало по-малу возгоралось желание совершенно оставить мир и постричься в монашество, и чем более он думал об этом, тем более оно в нем усиливалось и возрастало. Однако Соловецкий монастырь по своему многочисленности, особенно же по множеству богомольцев, – мужчин и женщин, приходящих сюда ежегодно, казался молодому подвижнику не совсем удобным для иноческих подвигов, и потому, пробыв в нем три года, он оставил его и отправился искать себе более уединенного и безмолвного места. Возвращаясь Двиною из Соловок, он услышал, что на реке Пинеге, на Черной горе находится монастырь пресвятой Богородицы грузинские – в стране мало населенной и редко посещается богомольцами, узнал так же, что настоятель монастыря – игумен Макарий –старец весьма

учительный и опытный в жизни духовной и пожелал отправиться туда. Достигши пустынной обители, он просил игумена принять его в монастырь и удостоить иноческого пострижения. Напрасно Макарий указывал ему на его молодость, на трудность иноческой жизни и на скудость своей обители – Симеон не хотел встать от его ног и со слезами продолжал просить пострижения, так что игумен, видя его усердие, согласился наконец принять его и после многих назидательных бесед и наставлений, удостоил его ангельского образа, нарекиши вместо Симеона Симоном. Это было в 1610 году, когда уже Симону было 24 года от роду. Несказанно рад был Симон своему новому званию, всецело отрекшись от своей воли, он совершенно подчинил себя воле старца-руководителя и со всею ревностью и с юношеским жаром предался иноческим подвигам, безропотно исполнял все тяжелые монастырские работы, заменял старших и старался услужить каждому из брани, непрестанно повторяя в сердце своем слова псалмопевца: «виждь Господи смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя» (Пс. XXII, 18). Для большего умерщвления плоти он носил под одеждою на голом теле жесткую и тяжелую власяницу. Через несколько времени игумен назначил ему определенное занятие в поварне и пекарне. Здесь в молчании приготавливая пищу братии и смотря на огонь в печи, Симон представлял в своем уме огонь геенский, ожидающий грешников, и со слезами молил Матерь Божию избавить его от него; сколь ни утомительно и не трудно было возложенное на него послушание, так как он сам должен был и дрова рубить и воду носить, он никогда не оставлял церковной службы, являлся к ней первым и выходил последним. Постелью для него служила голая земля, когда утомленное тело его требовало отдохновения, но часто он и того себе не позволял, проводя всю ночь в бдении и молитве. Пища и питье всегда были у него пред глазами, но едва ли кто в обители употреблял их реже и меньше его и более его постился. Все это не утаилось от игумена и братии, хотя преподобный и старался скрывать свои подвиги, – однако всеобщая любовь и уважение к нему стали с каждым днем возрастать и умножаться более и более. Тяжело показалось смиренному подвижнику

такое общее к нему уважение и он, опасаясь, чтобы ради человеческой славы не лишиться славы будущего века, начал помышлять о том, как бы ему достигнуть совершенного безмолвия, чтобы в уединении, неведомо для людей, работать единому Богу. Он поведал мысль свою игумену, прося его рассуждения и благословения. Игумен Макарий, зная его высокую добродетель и готовя в нем преемника себе, – жалел с ним расстаться, но не мог не оценить святости и чистоты его побуждений и преподавши наставление, с миром отпустил его из обители, благословивши искать жития более безмолвного и совершенного. Преподобный устремился к Новгороду, славившемуся множеством обителей и святостью обитавших там иноков, но обойдя многие пустынные места, Ладогу и Корелу, не мог найти себе места по мысли и направил свой путь к Москве, желая извлечь себе душевную пользу из собеседования с подвижниками тамошних монастырей. Но в то время Москва была *град воюемый* и всего менее в ней можно было найти и встретить то, чего искал Симон, почему он скоро снова решился удалиться к северу и посетив монастыри, находившиеся в окрестностях Вологды, рекою Сухоною отправился к знакомому для него Устюгу. Плывая Сухоною, он везде спрашивал, не знает ли кто тайного пустынного места, где бы он мог поселиться и жить в совершенном уединении? Один крестьянин Антоний сказал ему, что есть такое место верстах в двадцати от Сухоны по речке Кичменьге, называемое Волмы, что оно со всех сторон окружено непроходимыми лесными чащами, мхами и болотами и что ближайšie к нему селения находятся с одной стороны Стреленицкое в 20, а с другой Сараевское вниз по той речке в 25 верстах от него. Преподобный обрадовался этому как драгоценной находке и стал просить Антония довести его туда, на что тот и согласился. Они прибыли в Устюг 8 июля на праздник праведного Прокопия и, поклонившись св. мощам его, чрез несколько дней отправились в путь вверх по реке Югу до селения Кичменского и по речке Кичменьге до деревни Сараевской и оттуда на Волмы. Трудно было найти место более глухое и непроходимое, но оно понравилось Симону и походив по месту, он остановился

на берегу пустынной Кичменьги, и павши на землю, начал со слезами молиться Богу и пречистой Его Матери, прося себе их помощи и благословения остаться тут и потрудиться для спасения своей души. По окончании молитвы он стал рубить лес для построения себе малой кельи, величиною в сажень; это было 26 июля 1613 года. Антоний пробыл с ним в пустыне несколько дней, предполагая может быть, что у старца есть деньги и что они станут жить с ним в довольстве и спокойствии, но когда увидал, что принесенный им хлеб уже выходит и что им предстоят тут всевозможные лишения и труды, не захотел долее оставаться в пустыне и возвратился домой. Таким образом исполнилось давнишнее, задушевное желание Симона работать Богу в совершенном уединении и безмолвии. Но за то сколько предстояло ему преодолеть трудностей и препятствий, сколько нужно было иметь твердости духа и решимости – остаться жить в непроходимом и незнакомом ему лесу, вдали от человеческих жилищ, без всяких средств к своему пропитанию, даже без надежды в зимнее время, в случае необходимости, выйти из пустыни и добраться до жилых мест. Однако избранник Божий не смутился и не пал духом, а еще радовался своему одиночеству и уповая на промысл Божий, дающий пищу скотам и птенцам врановым призывающим Его (Псал CXLVI, 9), с утра до вечера продолжал трудиться, устроая свое жилище, рубя лес чтобы очистить место и приготовить землю для посева хлеба и овощей, вскапывая землю лопатой, за неимением других земледельческих орудий, и питаясь остатками принесенного им с собою хлеба, ягодами и другими произрастениями земли. Разделив все свое время на труд и молитву, он, при наступлении часа молитвы, тут же, где работал, преклонил колена и со слезами молился Богу, ложился спать там, где застигала его ночь, чтобы на другой день скорее приняться за работу. Только в первый год своего пустынножительства на Волмах, побуждаемый необходимостью, он несколько раз выходил в окрестные села и деревни просить семян для посева хлеба и овощей и милостыни для пропитания, а впоследствии питался уже от плода рук своих – хлебом и овощами собственного посева, размалывая зерна в жерновах²⁴⁷. Пять лет

он провел на Волмах в непрестанных трудах и лишениях, никем не знаемый и не слыша в своей пустыне даже голоса человеческого. Но сколь ни трудно и ни прискорбно было для него это время, как ни часто приводилось ему переносить голод и жажду, холод и жар, едва ли оно не было лучшим, самым спокойным в его жизни, когда он никем и ничем не возмущаемый, мог всецело предаваться богомыслию, возрастая и укрепляясь в жизни духовной, прогоняя от себя невидимых врагов молитвою и крестным знамением. Когда же узнали о нем окрестные жители, то кроме того, что своими посещениями нарушали его безмолвие, – многие из них отнеслись враждебно к его поселению в их стране и старались его выжить из пустыни, нанося ему различные оскорбления и обиды, что пустынник все переносил великодушно, приписывая их наущению и злобе диавола и стараясь своим смирением и терпением победить их грубость и жестокость. Впрочем были между ними и такие, которые дивились трудам и терпению пустынника и видели в нем человека Божия, они с любовью слушали его душеполезные беседы и изъявляли желание поселиться с ним. Он принимал их и просил помочь ему скольконибудь очистить место, чтобы увеличить посев хлеба для общего их пропитания. Когда таких ревнителей благочестия собралось несколько и они стали просить старца построить церковь и завести общежитие, то он, склонясь на их просьбы, решился отправиться в Москву для получения на то дозволения и грамоты от государя. Это было уже в царствование Михаила Феодоровича. Благочестивый царь, милостиво принявши пустынника, удостоил его своей беседы и увидавши в нем истинного подвижника, дал ему свою жалованную грамоту на просимую им ненаселенную землю и лес, по которой представлялось ему владеть пространством на 10 верст во все стороны от его кельи. Возвратившись из Москвы с царскою грамотою, пр. Симон приложил труды к трудам, чтобы очистить более пространства и приготовить лесу на строение церкви, для этого он пригласил на помощь себе несколько земледельцев из окрестных селений; при его неусыпных трудах церковь вскоре была построена, а также и прочие необходимые для общежития

службы, причем помощником его был некто Андрей – один из числа поселившихся в его пустыне. Но прежде нежели успели освятить церковь – пришли злые люди и сожгли ее. В один день, когда, по совершении в ней утреннего пения и часов, пустынная братия садилась за стол в трапезе, вдруг из церкви показались дым и пламя и хотя вся братия тотчас же бросилась тушить пожар, но уже ничего не могла сделать. Поскорбел Симон о таком несчастье, но не упал духом и стал строить новую, когда же она была окончена, отправился в Ростов испросить у епархиального начальства антимины и благословение на ее освящение. Ростовский митрополит Варлаам не только благословил освятить церковь и дал пустынножителю все необходимое для того, но и самого его возвел в сан священника и сделал настоятелем новой обители 23 января 1620 года. Возвратившись на Волмы усердный ревнитель крестного пути Христова и построенную им церковь освятил в честь животворящего креста Господня. С принятием на себя сана священства он предался еще большим подвигам, служа для своей пустынной братии примером трудолюбия, кротости и простоты сердечной, поста и молитвы. Но по мере того, как он побеждал и умерщвлял в себе страсти, возрастала к нему зависть и злоба его врагов – крестьян одной окрестной деревни, гневавшихся на то, что он владел землею и лесом на Волмах, хотя они никогда ими не пользовались, да и не могли иметь в них никакой надобности.

Прошло уже около 20 лет с того времени, как дана была преподобному царская грамота и устроена была на Волмах иноческая обитель, уже широко распространилась в окрестности слава о подвигах пр. Симона, добрые люди радовались тому, что среди непроходимых лесов и дебрей, где прежде были логовища диких зверей, подвизаются трудники и прославляется имя Божие, все, бывавшие в пустыне, не могли нахвалиться кротостью, душеполезными беседами и отеческим радушием старца-основателя обители, между тем как эти грубые и злые люди более и более злобились на него. Видя, что ни сожжением церкви, ни другими многими оскорблениями и обидами они не могли победить терпения старца и заставить его удалиться из

их страны, они решились наконец отнять у него царскую грамоту, чтобы потом разрушить пустынь и прогнать его, как поселившегося самовольно. Злодеи стали искать удобного для сего случая. Однажды, когда пр. Симон рубил лес в некотором отдалении от обители, к нему подошли три крестьянина, которые ласками и угрозами стали требовать у него царской грамоты и схвативши его за волосы, повергли на землю и навалили на него тяжелую колоду, угрожая ему смертью, если он не исполнит их требования, так что старец едва упросил их отпустить его в обитель за грамотою. Монастырские люди, услышавши о случившемся, бросились было искать злодев, но те успели убежать и скрыться. Не успевши на этот раз, злодеи воспользовались другим случаем. Когда приблизился праздник праведного Прокопия Устюжского, народ по обыкновению со всех сторон пошел на поклонение св. угоднику, туда же отправилась и большая часть брани немногочисленной Симоновой пустыни. Узнав об этом, злодеи не пропустили благоприятного для них случая исполнить свое жестокое намерение. Ночью они пришли в пустынь и найдя в ней преподобного, совершенно одиноким, стали бить и терзать его разными пытками, нанося ему раны железом, опаляя огнем, чтобы получить царскую грамоту. Преподобный упросил их на минуту отпустить его для отыскания грамоты, и пришедши в церковь, пал пред иконою Божией Матери, со слезами молясь Ей и поручая свою обитель Ее покрову и заступлению, – затем помолившись Господу Иисусу, чтобы послал ангела мирна принять его душу, он причастился св. Таин и таким образом приготовившись встретить страшную смерть от руки своих мучителей, он не боязненно вышел к ним из церкви. «Теперь я готов, кротко сказал он им, делайте со мною, что хотите». Как агнец среди волков стоял блаженный пред убийцами, но ни ангельская его кротость и спокойствие постнического лица его, ни святолепные седины не тронули окаменевших сердец злодеев, – подобно диким зверям они бросились на блаженного, осыпая его ругательствами и ударами; невозможно описать всего того, что вытерпел от них страдалец. «Много мучиша, наругающеся ему и ножи разбодоша св. тело его и наконец

отсекоша честную главу его и повергоша тело близ его кельи. Скончася пр. Симон в лето 1641 месяца июля в 12 день, тело же его лежащее на земли многи дни никем же вредимо ни от зверей, ни от птиц и наскомых, ни от скота тамо живущего, кровь же, истекшая из св. тела его, ссядеса яко камень», говорит древний писатель его жития. Страшное зрелище представилось братии, когда они возвратились из Устюга, вопль, стоны и рыдания огласили пустынную обитель. Сколько они теперь раскаивались о своем путешествии в Устюг, сколько жалели о том, что оставили пр. старца одного в обители, иная к нему зависть и злобу крестьян, незадолго перед тем едва его не убивших. Горькими слезами омочили они опаленное, изъязвленное и обезглавленное его тело, и с благоговением поднявши его с земли, на рамена своих внесли в церковь. В тот же день один из братии снова отправился в Устюг, чтобы вызвать из Архангельского монастыря иеромонаха для погребения тела блаженного страдальца, так как в то время в пустыне не было другого иеромонаха, кроме блаженного Симона. Иеромонах Ефрем, вызванный из Архангельского монастыря, при всеобщем плаче и рыданий совершил с великою честью надгробное пение и похоронил пр. мученика по левую сторону построенной им церкви. Пр. Симону было 55 лет и 10 месяцев, когда он принял мученическую свою кончину, но он был уже сед и казался гораздо старше от постоянных, чрезмерных трудов и лишений.

Убийцы пр. Симона, ослепленные завистью и злобою, думали, что со смертью его разрушится и основанная им Крестовоздвиженская Воломская обитель, а место ее достанется им, но они жестоко обманулись в своей надежде. Скоро Господь прославил Своего угодника, гроб его сделался источником благодатных чудес и исцелений и стал привлекать отовсюду множество богомольцев, так что и самая обитель стала более приходить в известность и настолько устроилась, что к роковому 1764 году в ней было уже достаточное количество крестьян (71 душа). Даже на том месте, где была отсечена глава преподобного и – неповинная кровь обагрила землю, вскоре (выросла высокая, кудрявая береза, широко

оснив его своими ветвями и служа нерукотворным памятником страдальческой его кончины.

Из рукописного жития пр. Симона видно, что уже в марте 1646 года женщина Мария, долгое время страдавшая глазами, слыша от многих о чудесах преподобного, обещалась идти к нему на поклонение; когда она приложилась к его гробу и отерла лице свое покрывалом с гробницы, то тотчас же получила исцеление; – что в 1648 году была уже написана икона святого, пядница, старцем архангельского монастыря Исаиею Гольцевым, – то надобно полагать, что чудеса и исцеления от мощей преподобного начались еще раньше, вскоре после мученической его кончины. Первоначально над мощами преподобного была построена (в 1646 г.) зырянником Агапитом – два раза получившим исцеление от преподобного – часовня, но в начале XVIII в. она была уже заменена церковью. – Ныне мощи преподобно-мученика Симона почивают в приходской, каменной, Крестовоздвиженской воломской церкви под спудом. Над ними устроена благолепная рака с изображением на верхней доске ее св. преподобномученика, написанным в Устюге в 1680 году живописцем Михаилом Григорьевым Чистым – хорошо знавшим и помнившим пр. Симона, образ писан по усердию и желанию граждан и окрестных жителей, а в 1840 году и место убиения пр. Симона обнесено приличною оградой. Память пр. Симона совершается в день его убиения 12 июля, служба ему составлена во второй половине XVII века, когда началось его почитание В древнем, рукописном житии святого записано 26 чудес, совершившихся при его гробе. Приведем некоторые из них.

Священник Бобровского яму, Христорождественской церкви Косма Молоков более 10 недель не мог выйти из дому, страдая ногами. Не получая пользы от лекарств, он обратился с молитвою к преподобномученику Симону, прося его о своем исцелении, когда он положил обещание сходить на поклонение к его гробу, то с того самого времени почувствовал облегчение своей болезни и вскоре совершенно выздоровел. Но будучи занят отправлением богослужения и приходских треб, он начал отлагать исполнение своего обещания со дня на день до более

свободного времени, пока его снова не постигла та же болезнь сильнее прежнего, так что он не мог не только ходить, но и двинуться с места и все составы тела его расслаби. Тогда он почувствовал свое согрешение против преподобного и когда начал со слезами просить у него прощения, снова обещаясь немедленно пешком идти в пустыню Воломскую, как скоро получить исцеление, то опять скоро выздоровел и исполнил обет свой.

Монастырский скот в Воломской пустыне всегда ходил без пастуха и к вечеру сам возвращался из лесу. Но 25 июня 1673 года скот, выпущенный поутру, не возвратился вечером, а как время было рабочее, монахи и послушники были на пашне до самой ночи и весьма устали, то и не пошли искать его, надеясь, что он и сам придет на другой день. Однако на другой и на третий день скот не возвращался, да и найти его нигде не могли, хотя обходили все места около обители. Братия весьма опечалилась, полагая, что он истреблен зверями; некоторые даже плакали, потому что наступал праздник св. апостолов Петра и Павла, а у них и разговеться было нечем. На Петров день отпевши вечерню, унылые и печальные они стояли на церковном крыльце, собираясь идти за постную трапезу, как вдруг услышали необыкновенный шум и топот с той стороны, где находился скотный двор, и увидали, что стадо их стремглав мчится к нему, а огромный медведь с ревом бежит за ним, бросаясь то в ту, то в другую сторону, не позволяя чрез то скоту разбегаться по сторонам и как пастух сганивая их в одно место. Все видели, что медведь вбежал за скотом на скотный двор, и слышали рев его, но вдруг его не стало. Бросились посмотреть на скот, не ранен ли он зверем, но скот оказался целым и здоровым, стали искать следов зверя, но ничего не могли найти, хотя они должны были непременно остаться на топкой и сырой земле.

У Артемия, крестьянина Сараевской волости, заболел сын – младенец Евтихий. Жена Артемия Епистимия, видя, что сыну ее с каждым днем делается все хуже и хуже, дала обещание сходить с ним в Воломскую пустыню помолиться у гроба преподобного, но болезнь продолжала усиливаться и наконец

младенец помер и уже сутки лежал мертвым на своей постельке. Епистимия, приготавливая необходимое для его погребения, в горести сердца начала упрекать и поносить пр. Симона, от печали, горя и слез обезумевшая женщина восклицала: «вот! с кем я обещалась и хотела идти на поклонение твоему гробу, того самого кладу во гроб и хочу везти на погост для погребения» – и вдруг младенец внезапно ожил и заплакал к величайшему удивлению всех тут находившихся и к неописанной радости матери. Через несколько дней пришедши с младенцем в Воломскую пустыню и со слезами припадая ко гробу преподобного, Епистимия горячо благодарила его за сына и просила прощения в том, что будучи в горести дерзнула упрекать и поносить угодника Божия.

Тимофей Яковлев Попов, дьячек Тотемского уезда, уфтыужской волости, долго был нездоров головою и от этой болезни совершенно ослеп, так что более полутора года не знал когда день, когда ночь. Уволенный до этой причине от должности, он вынужден был ходить по миру, Христа ради прося себе пропитания. Услышав о чудесах, совершающихся при гробе пр. Симона, он обратился к нему с молитвою, обещаясь сходить в Воломскую пустыню поклониться его гробу, тотчас же как чешуя какая отпала с глаз его и он стал видеть все ясно, как будто и не был никогда болен.

У устюжского мещанина Феодора Трофимова Рыкова и жены его Агриппины много было детей, но все они умирали в младенчестве. Поэтому муж и жена обещались если еще у них родится сын – назвать его Симоном, чтобы святой преподобномученик был ему хранителем и покровителем, но когда у них действительно родился сын, они назвали его Иоанном и младенец, проживши четыре года, помер, как и прежние их дети. В десятый год по рождении последнего младенца Агриппина еще сделалась непраздною и однажды ночью во сне ей явился пр. Симон и с упреком сказал: «почто обещавшись наречь покойному своему сыну имя Симон не нарекли? Назовите же хоть этого Симоном, ибо в утробе у тебя младенец мужеска пола. Если назовете его Симоном, то увидите его и взрослым и он прокормит вас до смерти». Когда

настало время, Агриппина действительно родила мальчика и нарекла его Симоном, при этом муж и жена дали обет, чтобы их сын ежегодно ходил на поклонение гробу своего ангела в день его памяти, что он постоянно и исполнял. Когда же он, уже по смерти родителей занявшись торговлею не исполнил их завета и не сходил поклониться гробу своего повровителя, то вскоре его постигла болезнь столь тяжкая, что едва от нее не умер. Находясь при смерти, начал он каяться и просить прощения у преподобного в своем прегрешении против него, обещаясь впредь всегда свято исполнять завещание родителей. По молитвам святого он скоро выздоровел и когда у него родился сын, он дал ему имя Симон в честь угодника Божия и своего покровителя.

После того, как Воломская пустыня была закрыта и Крестовоздвиженская церковь обращена в приходскую, был при ней священник Антипа. Ему пришло на мысль посмотреть тайно мощи преподобномученика, для этого он призвал к себе пономаря Феодора Попова и двух земледельцев Тимофея Сырникова и Ивана Красикова и уговорился с ними, как удобнее это сделать. Они положили целую неделю поститься, молиться Богу и просить св. преподобномученика, чтобы он сподобил их видеть св. его мощи. По прошествии недели вечером, по захождении солнца, они тайно собрались в церковь и снявши сень и гробницу, стали лопатами копать землю. Не успели они докопаться еще и до половины глубины могилы, как вдруг что-то зашумело и показалась вода, которая начала кипеть как в котле и подниматься кверху. Видя это любопытствующие едва пришли в себя от страха и тотчас же начали засыпать могилу святого землею, гробницу и сень поставили на прежнее место и разошлись по домам, не смея сказать никому о случившемся. Уже спустя много лет пономарь Феодор поведал о том писателю чудес преподобного, приводя Бога в свидетели истины.

По преданию, сохранившемся доньше, убийцами преподобного Симона были крестьяне Толстиковы из ближайшей к монастырю деревни Овсяникова, находящейся на берегу реки Кичменги.

Св. Праведный Максим-юродивый Тотемский Чудотворец

Станным и непонятным для мира кажется образ жизни юродивых. Многие не только не видят в нем ничего хорошего, но находят еще много неприличного, бесполезного и даже вредного. Тем не менее юродство есть высокий и самый трудный подвиг жизни духовной и юродивые Христа ради являлись в православной церкви во все времена как в Греции, так и у нас в России, подавая собою пример веры и терпения и своим буйством посрамляя мирское мудрование. Поставив себе целью ругаться миру, чтобы не быть поруганными от него, они твердо шествовали по тесному и скорбному пути, с любовью перенося все скорби и лишения, насмешки и ругательства, труды и болезни, их жизнь была уроком для современников, лучшим утешением и примером терпения для страждущих и самым сильным и непрестанным обличением страстей и пороков. Нередко они присовокупляли к тому и свое сильное слово, не стыдились и не боялись пред лицом сильных мира высказывать самые горькие истины, или же для большего укрепления народа в вере и для возбуждения слушателей от духовного сна приподнимали завесу будущего и грозили нераскаянным судом Божиим. Кто, кроме юродивого, осмелился бы предложить Грозному кусок сырого мяса в пост, или подозрительному Годудову напомнить о суде Божиим, как то сделали Николай Салос и Иоанн большой колпак?

К числу таких добровольных страдальцев и истинных рабов Божиих, просиявших в нашем отечестве, принадлежит священноиерей Максим, проходивший подвиг юродства 45 лет в непрестанных молитвах, в посте, наготы и совершенном небрежении о теле, и бывший духовною солью для жителей Тотмы, богатых солью вещественною. Еще при жизни обнаружив в себе действие благодати св. Духа, он почил 16 января 1650 года в глубокой старости и был погребен при Воскресенской варницкой церкви. Труженическая, святая жизнь его и чудесные исцеления, истекавшие от его гроба, были

причиною того, что тогда же очевидными свидетелями было составлено сказание о нем, но в 1676 году во время пожара Воскресенской церкви сгорело. В 1680 году, вследствие новых чудес от гроба праведного Максима была составлена новая о нем запись, которая в последствии так же была утрачена, так что нам неизвестно ныне, где и когда родился праведный Максим, когда и к какой церкви был рукоположен в священника и долго-ли проходил пастырское служение. – Священник воскресенской церкви Иоанн Рохлецов и прихожане его в 1715 году просили позволения у архиепископа Великого Устюга Иосифа поставить гробницу над мощами св. Максима в Параскевиевской церкви и положить на ней образ святого; то и другое было им дозволено²⁴⁸. Из чудес праведного Максима дошли до нас только следующие четыре, которые изображены и на клеймах, украшающих гробницу угодника Божия.

Тотемский гражданин Борис Тимофеев Тарунин полгода (в 1680 г.) страдал лихорадкою и был в расслаблении, но когда призвал на помощь праведного Максима, тотчас получил исцеление. В 1691 году крестьянин близгородной волости Арефа Малевинский девять недель не вставал с постели от лихорадки, когда же начал призывать святого Максима на помощь, получил исцеление.

Анна Яковлева Татаурова в 1705 году в течение месяца была в исступлении ума. Ночью во сне явился ей праведный Максим и велел отслужить две панихиды над его гробом, обещая ей за то выздоровление. Пробудившись больная пришла в сознание и стала просить, чтобы ее свезли ко гробу праведного, где больная по совершении панихид, тотчас же почувствовала себя совершенно здоровою.

Феодор Васильев Мамошов, крестьянин старототемской волости, верхней Иденьги, деревни Кокорьина, девять лет был нездоров и находился в расслаблении. Ночью, на 5 число ноября 1703 года он видел во сне, будто старый человек в одной рубашке подошел к его постели и сказал ему: «Феодор перестань скорбеть» и взявши его за плечо, повел в церковь и велел приложиться к гробнице праведного Максима. Пробудившись Феодор почувствовал себя настолько здоровым,

что мог пешком отправиться к Воскресенской церкви для поклонения гробу своего целителя.

Преподобный Леонид Усть-Недумский

Продолжительна была жизнь пр. Леонида, далеко перешедшая за обыкновенный предел человеческой жизни, указанной Псалмопевцем (пс. LXXXIX, 10), но о первой ее половине, за целые 50 лет не дошло до нас никаких известий, кроме того одного, что он родился в 1551 году в новгородской области, в Благовещенском приходе Пошехонского уезда (ныне Ярославской губернии) шетинской (в рукописи щетинской) волости от крестьянина Филиппа и жены его Екатерины Благочестивые родители, воспитывая его в страхе Божиим и в правилах православной веры, постарались научить его книжному чтению, что было тогда редкостью не только в бедном быту пошеховских крестьян, но и в высших классах народа. Что побудило родителей-крестьян учить своего сына грамоте, был ли он женат и как жил в довольстве или в бедности об этом решительно ничего неизвестно. Заметно только, что эти 50 лет, проведенный Леонидом в трудах земледелия, не прошли бесследно для остальной его жизни: они выработали из него человека с верным взглядом на предметы, расширили его кругозор и укрепили волю. Близость к природе и занятие земледелием, ставившее человека в полную от нее зависимость и побуждавшее земледельца надеяться честного плода (Иак. V, 7) своих трудов только от щедрот Отца небесного, научили его терпению и сохранили в нем детскую простоту сердца, сделавшую его достойным духовных откровений. Неизвестно, думал ли когда Леонид оставить свои земледельческие занятия и посвятить себя иноческой жизни, но когда в 7111 (1603 г.) он увидел однажды во сне Матерь Божию, повелевавшую ему идти на реку Двину в Моржевскую Николаевскую пустынь и взявши оттуда Ее икону, именуемую Одигитрией, перенести ее в устюжские пределы, в усольский уезд на реку Лузу к туриной горе и построив в честь ее храм, оставаться при нем до смерти, то он, хотя и почел это видение обыкновенным сонным мечтанием и не принял его за откровение, считая себя недостойным того, однако вскоре

оставил свои занятия и несмотря на свои преклонные лета, отправился в Кожеозерский монастырь²⁴⁹, устроившийся тогда на Лопском острове, и принял там иноческое пострижение.

Для того, чтобы с первого же раза оставить мирские привычки, испытать все скорби и лишения и видеть на деле всю трудность и тесноту иноческого пути, не надобно было искать другого места, кроме этой, вновь возникавшей тогда обители, находившейся в стране бедной и суровой, окруженной водами пустынного озера и удаленной от жилищ человеческих. Здесь и в самое лучшее время, уже при третьем игумене – знаменитом Никоне (впоследствии патриархе), иногда недоставало хлеба и братия вынуждена бывала питаться древесною корою. А в то время, когда пришел Леонид, только что вырублен был лес на острове, построен бедный и малый храм Богоявления и блаженный трудник-старец Серапион заводил общежитие, чрез лесную чащу и валежник, чрез мхи и болота он ходил на Онегу за житом, чтобы спасти от голодной смерти собравшихся к нему сподвижников. В том же 1603 году пришел в Кожеозерский монастырь из Москвы и другой сподвижник-Никодим, впоследствии Хозьюгский отшельник, в сообществе с ним Леонид прожил целый год под²⁵⁰ руководством опытного старца Серапиона, стараясь во всем подражать своему наставнику. Конечно, он никогда не расстался бы с ним и не вышел из пустынной обители, если бы ему не повторилось прежнее сновидение, повелевавшее идти в Моржевскую пустынь и перенести на Лузу икону Одигитрии. Тогда он в недоумении и страхе никому не поведал о видении, вышел из Кожеозерской обители и идя по реке Онеге, дошел до моря и отправился в Соловки для поклонения мощам пр. Зосимы и Савватия. Благосклонно принятый игуменом, он прожил здесь три года как новоначальный, трудясь, в пекарне; постоянно занятый исполнением своего послушания самого тяжелого в многолюдных обителях, пр. Леонид начал было уже успокаиваться и забывать о своем двухкратном сновидении, как вдруг увидел его в третий раз так живо и ясно, как бы это было не во сне, а на яву. Пресвятая Дева явилась ему в том же самом виде и велела немедленно идти в Моржевскую пустынь и

перенести икону Ее на Лузу. Тогда старец понял, что это не было обыкновенное сновидение, и устрасился того, что так долго не верил ему и не исполнял повеление Божией Матери. С горькими слезами рассказал игумену Антонию свое троекратное сновидение и просил благословения оставить Соловецкую обитель. Игумен посоветовал ему не противиться более воле Божией, чтобы не навлечь на себя гнева небесного, с молитвою отпустил его из своей обители и Леонид немедленно отправился в Моржевскую пустыню²⁵¹. Пришедши туда, он нерешился однако сказать строителю о причине своего прибытия, думая, что ему, как неизвестному пришельцу, не дадут веры, и еще целый год провел в Моржевской пустыне в великих трудах, постоянно думая о бывших ему сновидениях, ужасаясь и трепеща о том, что он все еще не исполнил повеленного. Но благая Мати благого Бога не прогневалась на то, что было допущено по неведению и недоумению, Она благоутробно снизошла и призрела на мольбы и слезы старца, в котором провидела будущего своего усердного служителя, и явилась ему в четвертый раз, повелевая перенести Свою икону на назначенное Ею место. С великим благоговением и страхом старец дерзнул спросить: «покажи мне, Госпоже, место, где стоит образ пречистого лица Твоего и объемши его грешными руками моими, я пойду на место, «которое Ты назначаешь». Пресвятая Дева так явственно показала ему образ и место, где он стоял в церкви, что как будто это бы не во сне, а видел он его телесными очами. Пробудившись старец пришел в трепет и в страхе воскликнул: пресвятая Богородице помоги мне Грешному «и нача плакати горько на долг час и мало в себе пришед от ужасного видения и благодарив Бога и Его родную Матерь пречистую, во время утреннего пения в день недельный иде в церковь Николая Чудотворца и поведа строителю и братии о явлении пречистой Богородицы все по порядку, како явился ему и икону им показа. Он же благочестивый монах строитель²⁵² и братия, в велицем ужасе бывше о слышанных, после божественной литургии, пеша молебн и взявши строитель образ пречистой Богородицы честного Ее Одигитрии, с превечным младенцем, даде старцу Леониду и паде пред

иконою, целовав ю моляся со слезами; такожде и вся братия и народи прилучившиися ту, и проводиша образ пречистой Богородицы со звоном»²⁵³. Получив св. икону и напутствуемый молитвами и благожеланиями всей братии, старец Леонид с радостью отправился в назначенное ему место, хотя он и не знал его и никогда не бывал в той стране. Достигши реки Лузы, он остановился близ туриной горы, при устье речки Якушицы, впадающей в Лузу верстах в 80 от Устюга. Тут находилась церковь Воскресения Христова, место это понравилось путнику, поэтому сделав себе малую хижину из древесных ветвей и хвороста, он поселился в ней и жил несколько времени, проводя дни и ночи в посте и молитве и непрестанно думая о том, как бы ему построить храм и иноческую обитель, как ему сказано было в видении. Но место было тесное, сухой земли очень мало, а кругом все болота и согры, мало того, когда местные жители узнали о намерении старца, то, дорожа землею, не только не позволили ему приступить к строению но и выгнали его из хижины. Сильно опечаленный, с слезами и со св. иконою в руках, Леонид оставил излюбленное им место и, не зная куда идти, пошел лесом по берегу реки Лузы и, отойдя версты две, встретился с крестьянином Никитой Назаровым, одним из самых зажиточных в окрестности. Удивился благочестивый земледелец, встретивши старца инок в таком месте, где не было никогда пути и, увидя его слезы, стал спрашивать: кто он, откуда и куда идет и о чем плачет? Леонид, припавши к ногам Никиты и горько рыдая рассказал ему все подробно, показал и самый образ Божией Матери, прося указать место, где бы вселиться и устроить храм для св. иконы. Рассказ и слезы старца тронули Никиту и он, с благоговением помолившись пред иконою, предложил ему то место, где они встретились. Несказанно обрадовался этому предложению Леонид, возблагодарив Бога и доброхотного дателя, он поставил св. икону под деревом и начал рубить лес, чтобы построить себе келью. Но Никита неудовольствовался тем, что дал старцу место, он пособил старцу построить и келью, приходил к нему для бесед и молитвы пред иконою Божией Матери и посылал ему пищу. Когда окрестные жители узнали о

том, то и они мало по-малу стали приходить – помолиться пред св. иконою, при несенной из дальней обители и избравшей Себе место в их стране. Они увидели в этом благоволение к ним Божией Матери и их усердие к иконе стало возрастать более и более. Вскоре для помещения иконы жители строили часовню, а познакомившись ближе с пустынником и видя в нем истинного подвижника, стали посылать ему все необходимое для жизни, прося его молитв о себе. Блаженный Леонид, видя в народе такое усердие к иконе Божией Матери, не стал отлагать своего намерения о построении храма Божия и отправился в Ростов к митрополиту получить на это его благословение. Митрополит Филарет не только благословил построить церковь, но и выдал св. антиминс для ее освящения, самого старца удостоил сана священства²⁵⁴ и поручил ему быть начальником в устрояемой им иноческой обители. Возвратившись на Лузу, блаженный Леонид собрал на совет окрестных жителей и просил их помочь ему в строении храма, на что те охотно и согласились. Таким образом близ пустынной кельи Леонида на место часовни, в которой находилась икона Божией Матери, вскоре устроена была церковь Введения Ее во храм, куда при освящении церкви и была перенесена св. икона 17 февраля 7116 (1608) года и с того времени как от неисчерпаемого источника, потекли от нее исцеления и чудеса, что еще более прославило устрояющуюся обитель и наполнило ее братиею. Старец Леонид с отеческою любовью принимал приходивших к нему, служил для них живым образом строгого исполнения иноческих обязанностей и показал пример изумительного трудолюбия. Так как место, на котором находилась церковь, было низкое и сырое, окруженное болотами, то вследствие этого оно было почти совершенно неудобно для общежития. Чтобы осушить его, почти 60 летний старец решился предпринять такой труд, который едва был по силам и нескольким молодым и сильным работникам. «И пача копать болото лесное, непроходимое до Черного озера, много трудився и скорбя прият от солнечного зноя и от паутов и комаров, а правила своего никогда же оставляше. Ненавидяя же добра диавол, хотя его утешить и отгнать от трудов наведе на него сиецеву пакость: копающе ему, внезапно прииде

змий и уязви его в левую ногу. Старец исскочив вскоре из протоки тоя, помышляше на бегание, но боляше ногою и нача слезно молитися Господу Богу и пречистй Бородице и ночи мало и уснув услыша глас: не скорби старче и не думай бежати, но пака возвратиса на дело, уповая на милость Божию. Помогает тебе пресвятая Богородица и от змия не будет тебе вреда. Старец же паки нача труждатися и прозва той исток Недума река. В болоте же том прежде змиинного рода никогда не бывало и до ныне несть. И копа того непроходимого лесного болота от Лузы реки до Черного озера 900 сажень, а от Черного озера копа болота 40 сажень до Святого озера, от Святого озера до Черной речки копа 800 сажень, а та Черная речка течет из лесных дальних болот. И обратися та Черная речка тою копаною бороздою в Святое озеро и в Черное и в Лузу реку и постави старец Леонид мельницу колесную на той речке»²⁵⁵. Тот край, где поселился блаженный Леонид, был край пустынный и глухой. Он и после долго назывался «Лузскою Пермцею», т. е. частицею страны диких пермяков. Отсюда понятно, какое важное значение должна была иметь пустынь для этого дикого края в церковном и гражданском отношении. Не говоря уже о том благотворном влиянии, которое старец оказывал на окрестных жителей, как учитель веры и благочестия, своими беседами и наставлениями, а особенно своею св. и подвижническою жизнью, его неутоимимое трудолюбие, строгий порядок в заведенном общежитии и хозяйственная во всем предприимчивость и находчивость, могли быть весьма полезны и служит примером для подражания полудиким жителям Пермцы. Поэтому пр. Леонид справедливо почитается просветителем этой глухой стороны.

Утешением для блаженного труженика были многочисленны чудеса и исцеления, происходившие от принесенной им иконы Одигитрия и служившие явным знаком милости и благоволения к нему Божией Матери. Одержимые различными недугами издалека приходили в его пустынную обитель для поклонения св. иконе Богоматери и возвращались домой здоровыми, другие, еще не бывши в обители и только давши обещание сходить в нее, получали исцеление и являлись в монастырь для

исполнения своего обещания уже совершенно здоровыми. Случалось, что когда обещавшийся сходить в монастырь на поклонение св. иконе, забывали о том или откладывали исполнение своего обещания то за тем, то за другим на долгое время, таким блаженный старец чудесно являлся в видении и напоминал о данном ими обещании. Так в 7118 (1610) году некто Плохой Конков, прибывши в Устьнедумскую пустынь на 25 февраля, объявил братии, что он долгое время тяжело мучим был бесом, лице и весь вид его изменились так, что страшно было и взглянуть на него. Однажды, когда он, утомленный сильным припадком беснования, лежал одиноко в комнате, явился ему не знакомый старец и, подошедши к его постели, начал укорять его за то, что он Плохой не исполнил своего обещания сходить в пустыню для поклонения чудотворному образу Богоматери. «Та бо тебе имать от того страдания избавити, аще ли обещания своего не исполниши и укосниши идти, то ничем же имаши избавлен быть от недуга твоего», сказал явившийся и стал невидим Тогда больной вспомнил свое обещание, поспешил отправиться в монастырь и когда совершено было о нем молебное пение пред чудотворною иконою Божией матери, «нача бытии в совершенном разуме и лице ему такожде светло и не бысть ему вражия стужения, ни тяжести». В лице старца Леонида, совершавшего для него молебен Божией Матери, он с удивлением узнал незнакомого старца, явившегося ему во время болезни.

Сколько вынес пр. Леонид борьбы с негостеприимною природою, сколько принял трудов при устройении обители! Но все эти подвиги казались ему малыми и недостаточными, поэтому желая достигнуть высшего совершенства, он имел обычай часто уходить из своего монастыря в пустое и непроходимое лесное место над Черным озером. Там на одном мысу он поставил крест и проводил здесь дни и ночи в молитве, «терпя великое досаждение от лесного гнуса, от паутов и комаров». Многие, проходя мимо и видя его сидящим у креста в лесу и покрытая лесным гнусом, удивлялись его добровольному страданию, другие смеялись над ним и называли суетным его терпет. Старец говорил им на то: «Здесь у креста будет

монастырь на собрание иноков, будут церкви и звон, будет много людей и пашни и мне умереть на сем месте»; когда братия, жалея его, приходили звать его в монастырь, он иногда возвращался с ними, иногда же, несмотря на все их просьбы и мольбы, оставался тут, чтобы продолжать свои подвиги. Предсказание святого исполнилось еще при его жизни.

Канал, проведенный неимоверными трудами пр. Леонида и названный им рекою Недумою, значительно осушил болота, но Луза весною во время разлива часто выходила из берегов и затопляла монастырь, стоявший на низком месте. В иные года вода стояла по несколько дней не только в кельях, но даже и в церкви, вливалась в амбары, кладовые и портила монастырские припасы, избавиться от этого, почти ежегодного бедствия, не было другого средства, как перенести монастырь на другое, более возвышенное место. Сильно скорбел об этом пр. Леонид и хотя ему было уже около ста лет и он был так слаб и дряхл, что передал управление монастырем строителю Арсению, сам же большую часть времени проводил в уединении и безмолвии, готовясь к смерти, но не хотел умереть, пока не перенесет монастыря на излюбленное им место, на высокий мыс Черного озера, и не успокоит там братию. Поэтому пригласив в монастырь Григория, сына Никиты Назарова²⁵⁶, и других влиятельных людей из окрестных жителей, он объявил им о своем желании перевести монастырь на мыс Черного озера и просил их помощи в этом деле. Когда строитель, братия все приглашенные в монастырь крестьяне единогласно одобрили его намерение и изъявили готовность помочь ему, старец просил их пригласить народ и в назначенный день, совершив в церкви молебное пение, поднял чудотворную икону Божией Матери и в сопровождении всей братии и множества народа перенес ее на мыс и, поставив у креста, начал рубить лес для постройки церкви. Примеру старца последовали братия и все пришедшие по приглашению крестьяне и вскоре нарубили лесу на церковь и на другие монастырские постройки. На следующий год церковь была заложена по благословению ростовского митрополита Варлаама во имя Введения во храм Богородицы, с приделом великомученицы Параскевы, нареченные пятницы, и

когда она была построена, пр. Леонид для большей торжественности пригласил для ее освящения Арсения, архимандрита устюжского архангельского монастыря. С крестным ходом, с горящими свечами и с пением хвалебных песней, при многочисленном собрании народа перенесли чудотворную икону Божией Матери из прежнего монастыря в новоустроенный храм и освятили его 23 мая 7160 (1652) года²⁵⁷. Это был радостнейший день в жизни пр. труженика Леонида и уже последнее деяние его на пользу устрояемой им обители. По перенесении монастыря на новое место, блаженный старец большую часть времени проводил в уединенной молитве и безмолвии, выходил из кельи только в церковь и совершенно устранил себя от управления обителью. Как светильник, тихо догорал он и исполненный дней с небольшим чрез два года почил от своих трудов и переселился в обителя вечные к блаженному лицезрению Той, святому и чудотворному образу Которой он предстоял столь долгое время. Блаженная кончина его последовала 17 июля 1654 г. Мощи пр. Леонида почивают под спудом в бывшей монастырской, а ныне приходской церквви; здесь же доныне сохраняется тяжелая и шестовая власяница его и как при жизни блаженного старца, так и ныне ежегодно бывает большое стечение богомольцев в девятую пятницу по Пасхе.

Праведный Андрей Тотемский, Христа ради юродивый

Св. праведный Андрей, Христа ради юродивый, Тотемский чудотворец, родился в июне 1638 года в приход Усть-Толшемском, находящемся верстах в 50 от г. Тотьмы. До десятилетнего возраста он воспитывался в дом своих родителей – крестьян. Еще и ныне крестьяне не очень много заботятся о воспитании своих детей, а в царствование Михаила Феодоровича, когда народ только еще начинал поправляться после бедствий и разорения от самозванцев, воспитание детей в среде простого народа стояло еще ниже, тем более, что ни учителей, ни училищ еще не было. Все тогдашнее образование ограничивалось изучением азбуки, часослова и псалтири, умением написать свое имя и приложить руку, но и оно было долею только не многих счастливых, сыновей богатых родителей, а небогатые родители Андрея не могли дать ему и этого. Набожные, но мало понимавшие сущность православной веры они учили сына только бояться Бога, власть поклоны пред св. иконами, соблюдать посты и ходить по праздникам в церковь, в чем, по мнению большинства народа того времени, и заключались все требования веры. К счастью отрока недалеко от их селения находилась приходская церковь и родители Андрея – сами усердные к ней – посылали Андрея к богослужению во все воскресные и праздничные дни. Даровитый мальчик, со вниманием слушая в церкви чтение и пение, скоро приобрел достаточное понятие о Боге и его непорочное детское сердце возгоралось истинною любовью к Нему. Где бы мальчик ни находился, чтобы ни делал – мысль об угождении Богу, глубоко запавшая в душу отрока, не оставляла его никогда. Услышавши в церкви, что нельзя служить Богу и миру, что мир во зле лежит и все, что в мире – есть похоть плоти, похоть очес и гордость житейская, что даже кто любит отца или мать более, нежели Бога, тот недостойн Его, – блаженный отрок возненавидел мир и из любви к Богу решился отказаться от ласк отца и матери и пожертвовать своею

любовью к ним. С этой целью тайно оставив дом своих родителей, он ушел в пустые места, не думая много о том, как и чем будет питаться и радуясь тому, что и он, подобно псалмопевцу, может сказать о себе: се удалился бегая и водворихся в пустыни и чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури (пс. LIV) и – в тишине уединения со всем жаром юного сердца предался молитве и богомыслию. Когда блаженный отрок, по окончании своих пустынных подвигов, возвратился домой, он уже не застал своих родителей в живых. Совершенно свободный подобно птице небесной, ни от кого независимый и ни кем неудерживаемый, он решился на всегда оставить родину и отправиться в Галич, наслышавшись о богоугодной жизни иноков тамошнего Воскресенского монастыря. Пришедши в обитель, он поселился у одного инок, никому не открывая своего происхождения и постоянно пребывая в посте и молитве. Благодетельный старец долго присматривался к жизни своего юного послушника и уверившись в его нелицемерном смирении и в великом терпении, возвестил о нем игумену – блаженному Стефану Галичскому, что юноша способен к иноческой жизни и достоин принятия в число монастырской братии. Казалось, что и для отрока, жаждавшего спасения души, ничего не могло быть лучше и полезнее, как пребывание в обители, вдали от соблазнов мира и приучение с юных лет к иноческим подвигам под руководством опытного наставника. Но блаженный Стефан, часто беседуя с молодым послушником, прозрел в нем избранный сосуд Божий, предназначенный к другого рода духовной деятельности и довольно поучив его от божественных писаний, благословил его безмолствовать и дал ему совет принять на себя иго юродства Христа ради. Послушный юноша последовал совету настоятеля и сделался юродом. Как бы лишенный рассудка, он зимою и летом стал ходить босой, в одежде ветхой и раздранной, которая едва прикрывала его тело, пищею его были только хлеб и вода и то в таком малом количестве, чтобы только быть живым и не умереть с голоду. Каждый год он обходил окрестные города и обители для поклонения святыне и опять возвращался в Воскресенский

монастырь, но где бы он ни находился, в монастыре или в пути – в сердце и на устах его была непрестанная молитва и сладчайшее имя Иисусово. Игумен Стефан часто наедине беседовал с ним, наставляя и укрепляя его в трудном подвиге юродства, он убеждал его с любовью и терпением переносить случавшиеся скорби и обиды, и наставления опытного старца много пользовали подвижника.

По преставлении игумена Стефана, когда Андрея уже ничто не привязывало к монастырю, а между тем некоторые из братии и граждан стали догадываться о его богоугодной жизни, он, избегая славы человеческой, оставил Галич и, перешедши в Тотму, поселился на берегу реки Сухоны у церкви Воскресения Христова. Здесь незнаемый никем он думал с большим удобством тайно служил Господу, продолжая свой подвиг юродства. Днем он ходил и бегал по городу то там, то здесь как юродивый, а ночи проводил в молитве; если добрые люди давали ему милостыню как странному и нищему, то он тайно раздавал ее другим нищим. Постоянно пребывая в посте и молитве, с любовью перенося все наносимые ему оскорбления и обиды, блаженный Андрей благодушно терпел мороз и перемены погоды, так как его раздранное, ветхое рубище едва прикрывало его наготу, обуви же он совершенно не имел. Идя таким тесным, прискорбным путем, он достиг высокого нравственного совершенства и исполнился таких духовных дарований, что еще при жизни обнаружил в себе благодать Божию, многим являлся во сне и подавал исцеления больным. Раз зимою, в самое холодное время он шел босой и почти нагой на свою родину в Устье Толшемское на праздник св. архидиакона Стефана (27 декабря). Ветхое, изорванное рубище его было таково, что не только не могло согревать и защищать от холода, но едва прикрывало наготу его тела и он носил его более для соблюдения благопристойности. На дороге с ним встретились сибирские инородцы, кочевавшие по Сухоне, которые, видя человека босыми ногами стоявшего по колена в снегу, догадались, что это – человек Божий Андрей, о котором они знали по слуху. Старшина их Ажбакай, в св. крещении Авраамий, страдал в то время глазами и стал просить его о

своем исцелении, за что давал значительную сумму денег. Блаженный Андрей не взял денег и не сказавши ничего убежал, но Ажбакай потер глаза снегом, на котором стоял юродивый, и тотчас же получил исцеление. – Тотемский воевода Максим Григорьев Ртищев долго страдая сильною головою болью, призвал к себе в дом Андрея и просил его помолиться за него Богу и испросить ему исцеление. Блаженный, указавши рукою на образ всемилостивого Спаса, находившийся в комнате воеводы, велел больному приложиться к нему с верою и лишь только воевода исполнил приказание юродивого, как тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым. – Дети городских жителей нередко собирались на берег Сухоны близ хижины блаженного Андрея играть в свайку, однажды, когда во время игры они начали беспрестанно сквернословить, блаженный Андрей, с одной стороны не терпя их сквернословия, с другой – желая удержать их от такого скверного дела, вышел из своей хижины и погнал их прочь, все дети бросились бежать от юродивого, но один из них был столько бесстыден и дерзок, что обругавши блаженного самыми скверными словами, из всей силы ударил его железною свайкою. Удар мог быть смертельным, но благодать Божия без вреда сохранила блаженного, юный же нечестивец, рано созревший до такого бесстыдства и дерзости, немедленно был поражен Господом: с криком и ревом павши на землю, он лишился употребления ноги, впал в расслабление и вскоре помер.

Как необыкновенна была жизнь блаженного Андрея, исполненная трудов и лишений, оскорблений и поруганий, так необыкновенна была и блаженная кончина его – безболезненная и мирная. Провидя близость ее блаженный в последний день своей жизни призвал пономаря Воскресенской церкви Иоанна Яковлева, которого любил и удостоивал своей дружбы и сделал ему некоторые тайные поручения²⁵⁸ и наставления относительно спасения его души, потом вставши усердно и долго молился о царствующем граде, о граде Тотьме и о всем мире и просил у всех себе прощения, а пономарь, павши ему в ноги, просил у него прощения себе. Простившись со всеми и благословивши своего друга, блаженный Андрей

просил пригласить священника Афанасия для исповеди и причащения его св. Тайнами, причастившись начал склоняться как бы ко сну, но тотчас же воспрянул и, подозревая в себе Иоанна, сказал: «брат, пришло время разлучения души с телом, приготовь все нужное для моего погребения». Иоанн со слезами зажег свечу пред образом и покурил в комнате фимиамом, а блаженный Андрей, оградив себя крестным знамением, начал кончаться. Тогда Иоанн от великой скорби, не зная, что ему делать, припавши поцеловал руку умирающего и не надолго вышел из комнаты; когда же возвратился, то нашел его умершим с крестообразно сложенными на груди руками, а комнату наполненную благоуханием. Весть о кончине блаженного Андрея в тот же день разнеслась по всему городу и ближайшим к нему селениям, на другой день собралось все духовенство со множеством народа и все, видя лице блаженного светлым и спокойным, как будто он не умер, а сладко заснул, – пришли в умиление и прославили Бога. Тогда многие рассказали прочим о чудесных явлениях им блаженного во сне, о полученных от него исцелениях, вспоминали слышанные ими наставления и слова юродивого, которые он говорил как бы не с ума, но которые сбылись в свое время. С великою честью и слезами погребли тело блаженного у церкви Воскресения Христова под колокольною, как он сам завещал. Десять лет блаженный Андрей шел трудным и прискорбным путем самопроизвольного мученичества, путем юродства. Блаженная кончина его последовала 10 октября 1673 года, тезоименитство его было 19 августа, а, всего жития 35 лет и 4 месяца.

Благодать Божия, обнаружившаяся в блаженном Андрее еще при жизни, не переставала действовать и от его гроба. После погребения блаженного – под колокольною Воскресенской церкви открылся как бы источник исцелений, даже земля, принесенная с его могилы, прогоняла болезни и возвращала здоровье, вследствие чего с каждым годом возрастало в народе благоговение к памяти блаженного Андрея. Это побудило прихожан Воскресенской церкви построить (через 34 года по кончине блаженного), вместо колокольни, церковь над его

гробом, если и не в его собственное имя (так как чудеса и мощи блаженного Андрея не были свидетельствованы и высшею церковною властью он не был причислен к лику святых, то хотя в честь ангела его – мученика Андрея Стратилата. По их прошению архиепископа великоустюжский и тотемский Иосиф дал 20 октября 1707 года благословенную грамоту и приказал построить церковь в имя св. мученика Андрея Стратилата над гробом трудника Христова Андрея юродивого – Ныне мощи праведного Андрея почивают под спудом в каменной Успенской церкви у левого клироса. Над ними устроена деревянная золоченая гробница, осененная балдахином. Память его совершается 10 октября, в день его преставления.

Из чудес, во множестве совершавшихся по преставлении святого, современниками записаны и дошли до нас следующие:

Тотемский гражданин Симеон Болонин был полгода нездоров, во время болезни отнялась у него нога, почему он не мог никуда выходить из дому. Раз он видит во сне, будто он стоит в церкви и молится блаженному Андрею пред его гробом, а на гробе стоит большая чаша, полная земли, и слышит он от гроба голос: Симеон! возми из чаши обеими руками и пересыпай с руки на руку, – когда он стал пересыпать в руках землю, она сделалась мукою. Он припал после того к гробу блаженного Андрея, прося у него исцеления и вскоре затем проснулся, чувствуя облегчение болезни, так что на другой день мог придти ко гробу святого, он тотчас же сделался совершенно здоров.

Пелагее Корниловой – жене крестьянина Дениса Пудова, – Тотемского уезда, раменской волости – долгое время страдавшей лихорадкою, явился в вечернее время св. Андрей подошедши к ее постели, сказал: «обещайся блаженному Андрею, что на Тотьме у Воскресения Христова близ реки Сухоны, и приложишь ко гробу его и будешь здорова. Пелагея со слезами начала обещаться и молиться святому и тотчас же почувствовала себя совершенно здоровою, – но когда выздоровевши она два дня не подумала об исполнении своего обещания, то на третий день снова сделалась нездоровою хуже прежнего. Через несколько дней ночью опять явился ей святой,

держа в руках св. Евангелие, и сказал ей: «Что же ты не пришла помолиться к блаженному?» Больная опять начала со слезами обещаться и говорила: «святче Божий прости меня грешную». Тогда св. Андрей велел ей приложиться к св. Евангелию, когда же Пелагея стала отказываться, считая себя нечистою и недостойною, святой взял ее за руку и поднял с постели. Болезнь ее тотчас же прошла.

На Вотче крестьянин Кирилл Федоров Мальцев три месяца был в расслаблении и не мог поднести руки к устам. Св. Андрей, явившись ему во сне, подошел к его постели и сказал: «Кирилл хочешь ли быть здоровым?» Когда Кирилл ответил ему: охота встать человек Божий, тогда св. Андрей, взявши больного за руку, поднял его и велел сходить приложиться к его гробу. Пробудившись Кирилл нашел себя совершенно здоровым. Тотемской околородной волости, деревни Чернякова крестьянка Анна Петрова, жена Наумова, шесть месяцев была в столь сильном расслаблении, что лежала как мертвая, не имея силы пошевелить ни руками, ни ногами, ни глазами повести, ни принять пищи и питья, никого из семьи она не узнавала. Семейники ее стали молиться о ней блаженному Андрею и принесли от гроба его земли, положили в воду и влили ей в уста. С час времени после сего Анна лежала как мертвая, потом поднялась и села на своей постели, прославляя блаженного; с того времени она стала совершенно здоровою.

На Устье Толшемском Дмитрий Васильев Кулаков полтора года страдал головою болезнью и был совершенно глух. Ночью явился ему св. Андрей и, подошедши к его постели, сказал: Дмитрий обещайся св. Андрею, что на Тотье у Воскресения Христова, отпет молебен Дмитрий начал молиться и просить святого и тогда же получил исцеление.

Тотемского уезда, царевской волости, в деревне Давидовской был скотский падеж. Св. Андрей, явившись крестьянину той деревни Максиму Васильеву Ручкову, сказал: раб Божий! помолись блаженному Андрею тотемскому и скот твой будет цел. Крестьянин с радостью исполнил приказание святого при его гробе и скот остался здоровым и целым.

Преподобный Тихон Крестогорский

Об этом угоднике Божиим не дошло до нас никаких известий, кроме того, что в 7187 (1679) году он основал в 60 верстах от г. Никольска на реке Вохме Крестогорскую Тихонову пустынь, обращенную в 1764 году в приходскую церковь. Пустынь его была самая бедная, земли имела очень мало и во все время непродолжительного (85 лет) своего существования управлялась строителями. Имени Тихона Крестогорского нет в Историческом словаре о святых, ни у Филарета черниговского в его соч. «русские святые», ни в полном месяцеслове архим. Сергия, но авторитет ученого составителя списка вологодских угодников митрополита Евгения ручается за то, что этот неизвестный подвижник не без основания помещен им в списке св. вологодских угодников и без всякого сомнения у м. Евгения были достаточные к тому причины и доказательства, нам неизвестные, а может быть и на всегда утраченные. Ныне в приходской церкви один престол посвящен имени Тихона Амафунтского, вероятно, это был день тезоименитства подвижника.

Преподобный Филипп Яиковский

Преподобный Филипп по любви к уединению вышел из монастыря, в котором был пострижен, и, поселившись на Яиковой горе, на левом берегу реки Сухоны, верстах в двух от Устюга, несколько лет подвизался отшельнически, проводя дни и ночи в молитве. Как он ни старался скрывать свои добродетели, но близость уединенной хижины его к Устюгу сделала его известным гражданам. Многие стали приходить к нему, чтобы пользоваться его наставлениями, и уважение к смиренному отшельнику начало возрастать более и более. Устюжские граждане выпросили дозволение на месте его подвигов устроить монастырь, чтобы под его руководством учиться иноческим подвигам, и в 1654 году построили храм в честь иконы Знамения Божией Матери с приделом во имя вновь прославленного тогда московского митрополита Филиппа. Скоро новоустроенная обитель наполнилась братией, ревнители благочестия отовсюду спешили в нее под руководство опытного в духовной жизни старца. Но блаженный Филипп, не отказывая никому в душеполезных советах и наставлениях, не принял на себя, по своему смирению, священного сана и управления обители и скончался 17 августа 1662 года простым иноком. Мощи его покоятся под спудом в храме его обители. По древним рукописным святцам «пр. Филипп бысть на Сухоне реце новый чудотворец». См. Истор. словарь о святых (стр. 238), Русские святые Филарета (авг. 17), Полный месяцеслов (авг. 17) и истор. иерарх. (ч. VI стр. 593).

Преподобный Марк Белавинский

Преподобный Марко пострижен в монашество и положил начало иноческим своим подвигам в Ильинском монастыре, находившемся внутри г. Вологды. По своей любви к уединению и пустынножительству, он в 1630 году просил благословения у Варлаама, архиепископа вологодского и великопермского, оставить городской монастырь и удалиться в пустыню для безмолвия, на что архиепископ и согласился, зная Марка как старца благочестивого и ревнующего о высших иноческих подвигах, и дал ему благословенную грамоту на построение отшельнической кельи. В архиве духовной консистории сохранилось подлинное прошение пр. Марка следующего содержания: Государю преосвященному Варлааму архиепископу Вологодскому и Великопермскому, бьет челом нищий царской богомolec и твой святительской, Ильинского монастыря постриженник чернец Марко. Есть государь, в Вологодском уезде, в Заднем селе, Белавинское озеро и на том озере остров. Умилосердись государь преосвященный Варлаам архиепископ Вологодский и Великопермский, пожалуй меня нищеву царского богомольца и своего святительского, благослови, государь, на том острову келейцу поставить и потерпети Бога ради. Госуадрь смилуйся пожалуй²⁵⁹.

Откуда Марко был родом и какого происхождения – неизвестно, но как в челобитной своей он указывает на малый остров незначительного и удаленного от города, а также и от больших дорог, Белавинского озера²⁶⁰, почти неизвестного в Вологде, то можно думать, что и родина его была недалеко от озера, в каком либо из окрестных сел. Иначе трудно было и знать о нем. Блаженный старец, устроивши на острову келейцу, подвизался в ней в совершенном безмолвии до самой своей кончины и погребен на месте своего подвига. Впоследствии на месте, освященном его подвигами, люди, благоговевшие к его памяти, построили небольшую церковь Богоявления и составился монастырь, в 1799 году снабженный угодьями, а в 1801 году приписанный к Каменному, который с того времени и

получил название Белавинского. В списке вологодских святых митрополита Евгения, напечатанном в вологодских епархиальных ведомостях (1864 г. № . 1), сказано, что преподобный пустынник Марко преставился в 1492 году, но это очевидная погрешность. В древнем подлиннике библиотеки Филимонова, в книге, глаголемой: описание о Российских святых, библиотеки московской академии и киевософийского собора, память его 8 октября. Ни в историческом словаре о святых, ни у Филарета Черниговского сего преподобного нет.

В древних рукописных святцах, в книге глаголемой: описание о Российских святых, (рукописи XVIII в. библиотек Московской Духовной Академии и Киевософийского собора) лицевом подлиннике библиотеки Филимонова и списке вологодских святых, составленном в 1811 году, митрополитом Евгением, а также и на древних иконах вологодских чудотворцев, находятся еще святые: преподобный князь Феодор Всеволодович в Вологде, преподобный Кирилл пустынник, преподобный Тимофей на Кубенском озере (скончался в 7000 г.) блаженный Фома юродивый в Сольвычегодском Введенском монастыре, блаженные: Иродион, Михаил, Иоанн и Василий юродивые в г. Сольвычегодске; (в подлиннике Филимонова память Иоанна 3 июня, Фомы, Михаила и Василия 3 июля) но об них не дошло до нас решительно никаких известий. Нельзя не пожалеть об этой утрате дорогих для нас подробностей об образе жизни и подвигах как сих, так и многих других из святых угодников Вологодских. Но возблагодарим Бога и за то, что уцелело и дошло до нас, и постараемся усвоить себе дух их. А все они, к какому бы званию и состоянию ни принадлежали, земледельцы, рабы, бояре и владетельные князья, бельцы, простые иноки, власти монастырские и святители, одинаково, всем сердцем, хоть и различными путями, стремились к одной цели – спасению души, и горя любовью к Богу, не переставали любить и земное свое отечество, радоваться его радостям и успехам и скорбеть о его бедствиях и несчастиях, все были самыми преданными и послушными сынами православной церкви и строгими исполнителями ее уставов, верными подданными и усердными

слугами Государя, деятельными и полезными членами общества, не щадившими жизни своей для его блага.

Тем же убо толик имуще облажащ нас облак свидетелей веры и благочестия в приснопамятных предках наших, святых угодниках Вологодских, терпением да течем и мы на предлежащий нам подвиг спасения, взирающе на скончание жительства и подражающе вере их.

Алфавитный указатель святых

Авксентий преподобный Перцевский
Аврамий пр. Печенский
Агапит пр. Маркушевский
Александр пр. Куштский
Амфилохий пр. Глушицкий
Андрей праведный Тотемский
Антоний епископ Вологодский
Антоний пр. Заоникиевский
Арсений пр. Комельский
Василий Христа ради юродивый Каменьский
Василий Христа ради юродивый Сольвычегодский
Вассиан пр. Тиксненский
Галактион преподобно-мученик Вологодский
Герасим пр. Вологодский
Герасим епископ Великопермский
Григорий пр. Пельшемский
Григорий пр. Авнежский
Димитрий князь Угличский
Димитрий пр. Прилуцкий
Димитрий пр. Цылибинский
Дионисий пр. Глушицкий
Евфимий пр. Сямженский
Игнатий пр. Прилуцкий (князь Иоанн)
Иннокентий пр. Комельский
Иродион Христа ради юродивый Сольвычегодский,
Иоанникий пр. Заоникиевский
Иоанн Христа ради юродивой Устюжский
Иоанн Христа ради юродивый Сольвычегодский
Иоанн праведный Устюжский
Иона епископ Великопермский
Иоасаф пр. Каменский
Иосиф пр. Заоникиевский
Кассиан игумен Комельский
Кассиан пр. Авнежский

Кассиан пр. Каменский (в житии Иоасафа)
Киприан пр. Устюжский
Кирилл праведный Вельский (Важеский)
Кирилл пр. пустынный
Коприй пр. Печенгский
Корнилий пр. Комельский
Лаврентий пр. игумен Комельский
Леонид пр. Устьнедумский
Логгин пр. Коряжемский
Макарий пр. Глушицкий
Максим праведный Тотемский
Марко пр. Белавинский
Мария праведная Устюжская
Михаил Христа ради юродивый Сольвычегодский
Нифонт пр. Телеговский
Онуфрий пр. Катромский
Онуфрий пр. Перцевский
Павел пр. Обнорский
Пахомий пр. иже на езеръ
Петр чудотворец Каменский (в житии Иоасафа)
Петр иерей Черевковский
Питирим епископ Великопермский
Прокопий Христа ради юродивый Устюжский
Прокопий праведный Устьянский
Сергий пр. Нуромский
Сергий пр. Малопинежский
Симон пр. Воломский
Симон пр. Сойгинский
Стефан епископ Великопермский
Стефан пр. Комельский (озерский)
Тарасий пр. Глушицкий
Тимофей пр. на Кубенском озере
Тихон пр. Крестогорский
Филипп пр. Рабангский
Филипп пр. Яиковский
Харитон пр. Сямженский
Христофор пр. Коряжемский

Феодор Всеволодович пр. князь
Феодосий пр. Глушицкий
Феодосий пр. Тотемский
Фома Христа ради юродивый Сольвычегодский

Примечания

¹ - Двинск. летоп. в Труд, вольн. Российск. Собр. т. 1 стр. 114.

² - Иннокентий, приветствен. слово к паст. Вологодской.

³ - Слово начальник, употребляемое в этом списке, значит основатель монастыря.

⁴ - Было и третье свидетельство в 1818 году, по отношению г. Обер-Прокурора Св. Синода князя Голицына, преосвящ. Онисифором Епископом Вологодским.

⁵ - Одно из сел, принадлежавших некогда Киево-печерекому монастырю.

⁶ - Патерик Печерский. Киев, 1820 г. лист. 51.

⁷ - Шагах во ста от пещеры Феодосиевой доселе видны развалины каменного церковного здания – остатки Гнилецкой пустыни, построенной иноками киевопечерского монастыря. (Сказания о населенных местах киевской губернии, Киев, 1864 г. стр. 33). В обозрении Киева-Фундуклея (Киев, 1847 г. стр. 17–19) сказано: «В семи верстах от Киева и в трех от села Пирогова находилась древняя Гнилецкая пустынь. Следы ее обозначены остатками кирпичей на месте, которое в народе называется церквищем и на котором находилась каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы, существовавшая еще, по всей вероятности, до нашествия Батыя. Вблизи этого места, в середине горы, находятся пещеры, называемые в народе Антониевыми. Новейшие изыскатели, принимая в соображение показание Патерика печерского, что пр. Феодосий во время св. четырехдесятницы удалялся из печерского монастыря в село Лесник (находящееся не вдалеке от Пирогова) и уединенно пребывал в сокровенном месте, в пещере, называют эти пещеры Феодосиевыми, приписывая ему и их основание. Киевский Синописис говорит, что печерские монахи, по разорении Лавры в нашествие Батыя, скитаясь вблизи Киева, жили в лесах и вертепах до обновления церкви и монастыря и что только по временам они сходились к развалинам великой церкви для тайного совершения Божественной службы в

небольшом уцелевшем приделе, призываемые к тому не частым, но протяжным звоном колокола. Вероятно, что некоторые из печерских иноков в это время удалились в готовую Гнилецкую пещеру и распространили ее. Устройством своим Гнилецкие пещеры сходны с лаврскими. Они имеют два входа, один с восточной, другой с западной стороны. Пространства от одного входа к другому находится на поверхности земли около 15 сажень. От каждого входа идет пещерная улица покато вниз, в длину сажень около 10, вышиной сажень, а шириной не больше аршина. Потом эти улицы разделяются на несколько ветвей или ходов. Некоторые ходы уже завалены обрушившимися сводами. Пройдя покато в восточной улицы до места, где она начинает разветвляться на ходы, вы очутитесь на ровной площадке, в середине которой устроена небольшая земляная палатка. При задней стене ее обделана четвероугольная глыба земли, напоминающая престол, в древних церквах часто приделывавшийся к стене. С левой стороны выделанная узкая глыба земли представляет подобие жертвенника. По таким признакам, равно как и по разительному сходству этой палатки с так называемую общиною св. Отцев, находящуюся в лаврских Антониевых пещерах, в которой совершалось богослужение древними иноками, надо полагать, что и эта палатка устроена была для той же благочестивой цели. Вокруг нее, отделяясь от нее ходами и простенками, на разных сторонах ее находятся три кельи, длиною около трех аршин, а шириною в два аршина. В каждой келье устроено земляное ложе и на стенах вырезаны желобообразно кресты. Пещеры эти открыты издавна, но в общую известность приведены в 1835 году ректором киевской духовной Академии, впоследствии архиепископом Херсонским, Иннокентием. По его ходатайству Гнилецкая земля с высочайшего разрешения отдана из казенного ведомства, в ведомство Киево-братского монастыря и заботами его пещеры были расчищены и при восточном входе в них устроена небольшая часовня. Киевлянин 1841 г. стр. 30–31.

⁸ - Тако бо тогда нарицаху имена, – в оньже депь аще которого святого память прилучится, в то время прорицаху

постригающемуся имя. (Собр. лет. 6, 120. Никон. лет. 4, 206–211.) В рукописном сказании о чудесах пр. Герасима (Библиотеки вологодского софийского собора), в вологодских епарх. ведомостях (1868 г. № 5) и в Истории российск. иерархии (т. IV, стр. 323 т. VI, стр. 986) местом пострижения пр. Герасима показывается Глушенский монастырь близ Киева; но такого монастыря ни в XII в., ни после не бывало в киевской губернии.

⁹ - Вследствие с одной стороны междоусобия князей, домогавшихся Киева, с другой – самоволия и буйства народа, скоро имевшего обагрить руки в крови своего государя – схимника. В 1147 г. 19 Августа пр. Герасим пришел в Вологду; чрез месяц после того (19 Сентября 1147 г.) киевская чернь убила великого князя Игоря.

¹⁰ - Так как уже более семи столетий отделяют нас от времени события и с того времени страна наша иного раз подвергалась огню и мечу от нападения на нее и своих и чужих. Особенно тяжел был для Вологды последний погром ее от неприятелей в Сентябре месяце 1612 года, когда, при пожаре и разграблении города, навсегда утрачены многие исторические памятники и записки, и Кайсаровский монастырь, построенный пр. Герасимом, до того был опустошен и разрушен, что невозможно было найти и указать в нем места погребения преподобного.

¹¹ - В 1260 г. князь Глеб Василькович нашел на острове Кубенского озера 23 иноков, запиравшихся обращением в христианство язычников, которых еще много было около озера, особенно по северо-восточному берегу, (Паисия Ярославова сказание о начале и построении Каменного монастыря). В 1263 г. пр. Феодор, основатель ростовского Борисоглебского монастыря, пришел было на святую Луку – (при истоке реки Сухоны из Кубенского озера) с двумя учениками и, поставивши келью, хотел тут устроить монастырь, но чудские язычники, жители ближайших селений, разметали келью и прогнали старца. (См. житие пр. Феодора в соч. Филарета, архиеп. черниговского: «Русские святые»).

¹² - Когда пр. Герасим за ручьем от посада, в глухом лесу начал, строить храм св. Троицы, христиане не стыдились

спорить о земле и остановить дело, хотя земля в то время не имела почти никакой ценности.

¹³ - Последний представитель рода Пятышевых мещанин Иоаким Васильевич Пятышев умер в 1846 году холостым. Дочь брата его девица Екатерина умерла в 1854 году и с нею угасла фамилия Пятышевых. (Вологод. Епарх. ведомости 1868 г. № 3-й).

¹⁴ - Напр. Чудо 26-е. Исцелил пр. отец Герасим с Мироносицкого берегу Иоанна Семенова сына дочь его девицу, болящу чревным недугом недели с четыре и более. Чудо 27-е. В 158 году, июля в 15 день простил той же св. Герасим с Обухова Гавриила Чадова, скорбел лихорадкою недель с 15. Чудо 28-е. Того же году Октября в 7 день подал цельбу пр. отец Герасим от убогого дому Косме Романову сыну Кормильцеву, скорбел ногами недель с 40.

¹⁵ - Это было в 1262 году.

¹⁶ - Не было ли 30 июля днем его крещения? Ибо не только в XIII веке, но и много лет спустя как при крещении, так и при пострижении в монашество большею частью крещасмым и постригающимся давали имена тех святых, которые в тот день воспоминаемы были церковью.

¹⁷ - Ранее 26 Сентября, или не в тот год, потому что в 1276 году 29 число Сентября было во вторник.

¹⁸ - Устюжский летописец, см. Ист. Карам. III, прим. стр. 508.

¹⁹ - Вологод. губерн. ведомости 1847 г. № 9-й.

²⁰ - Варлаам, в мире Вячеслав Прокшинич, скончался в 1243 г. (Новгород. лет. 6751 г.) В рукоп. житии пр. Прокопия, и Прологе, Четь-Менее, житиях святых Муравьева и в историч. словаре о святых сказано, что Прокопий слушал наставлений в православии у Варлаама Хутынского. Но Варлаам Хутынский, преставившийся в 1193 году, не мог преподавать наставлений Прокопию, пробывшему в Новгород уже в летах совершенных и скончавшемуся в 1303 году, иначе пришлось бы жизнь его продолжить до 140–150 лет. Вероятно жизнеописатель устюжанин, слышавш, что наставником Прокопия был Варлаам, и ничего не зная о Варлааме Прокшине, приписал

наставление Прокопия пр. основателю монастыря по сходству имел. Был в Хутыне и еще игумен Варлаам П, но уже в последней половине XVI века.

²¹ - В рукоп. Житии, в Прологе, Четь-Менее и в историч. словаре о святых сказано, что Варлаам крестил Прокопия. Но в Новгороде едва ли тогда крестили католиков. Разве не принадлежал ли Прокопий к какой-нибудь еретической секте, которых всегда не мало было на западе, не смотря на жестокие преследования их католиками.

²² - Юродствуя, блаженный Прокопий носил в руках три кочерги, или деревянных клюки.

²³ - Крест вытесан из белого камня, шириною в ½ аршина, высотой в три четверти. В 1737 г. при строении каменной ограды кругом Архангельского монастыря, архим. Пахомием часовня сломана и крест перенесен в Введенскую церковь и поставлен в трапезе, на правой стороне. В 1814г. архим. Иустин близ ограды, против того места, где была прежде часовня, построил новую каменную и в ней поставил образ праведного Прокопия. Вологод. губерн. вед. 1247 № 9.

²⁴ - В устюжском летописце, напечатанном в вологод. епарх. ведомостях (1873 № 19, в прологе, Четьи-мине, в житиях святых Муравьева, в Истории росс. иерархии (ч. 1. стр. 295), в историческом словаре о святых (1862 г. стр. 203), в рассказах из цер. истории Толстого, в истории Карамзина (IV прим. 206) и в описании великоустюжского Прокопиевского собора (Вологод. Епарх. ведом. 1874 г. № 19), во всех единогласно временем кончины праведного Прокопий показан 1303 г. Но в русских святых Филарета (июль 8 ч. стр. 57), год кончины показан по летописи, изд. Савваитовым 1285, что очевидно несправедливо, так как чудо избавления Устюга от каменной тучи было в 1290 году, как значится в устюжском летописце и в надписи на иконе Благовещения, пред которою молился Прокопий. Самая икона с 1567 г. находится в Московском Успенском соборе.

²⁵ - Буслаева «Очерки словесности и истор.» кн. II, стр. 428.

²⁶ - См. Четью-Минею за 8-е июля.

²⁷ - Древняя рукописная книга о житии и чудесах Прокопия.

²⁸ - Паволока. 1.) Шелковая или бумажная ткань. 2.) Покров, пелена. Словарь церковно-слав. и русс. языка импер. ак. наук т. V–III, буква II.

²⁹ - Гривна 1) Ожерелье или цепь, которую носили на шее. 2.) Фунт. 3.) серебр. монета определенного весу. См. Словарь цер. слав. и рус. яз. т. I–II. Буква Г.

³⁰ - В дремучих лесах Городищенских, в 35 верстах от Сергиевой Лавры.

³¹ - Каковая и была тут до нашествия татар.

³² - Троицкий монастырь, где был игуменом Мисаил, находился в уделе Авнежского князя Симеона, что ныне приписная к Троицкой Авнежской – Троицкая Ноземская церковь, в двух верстах от первой; Николаевская Старосельская в 5-ти верстах и Ильинская-Ямщиковская в 4-х верстах от Троицкой-Авнежской. Обе последние уже в Грязовецком уезде.

³³ - Однако и opak-назад, навыворот. Словарь церк.-слав. и русс. языка Импер. Ак. Наук т. III–IV буква О.

³⁴ - В списке настоятелей Глушицкого монастыря находятся два игумена сего имени, но оба они жили уже во второй половине XVII века. Очевидно отсюда, что список не полон. В нем с 1502 г., со времени посвящения Глушицкого игумена Никона в епископа вологодского, до Антония 1, упоминаемого в жалованной грамоте Грозного 1534 г., неизвестно кто был настоятелем Глушицким. Мощи преподобных обретены были в 1524 году. В это время и мог быть игуменом Иоаким. С писатель чудес Даниловский игумен Иоасаф видел еще современников и описывал чудеса преподобных с их слов.

³⁵ - Ему было поручено епископами великопермскими, по дальности их местопребывания от Вологды, управление вологодским духовенством.

³⁶ - В 1556 г. архиерейская кафедра великопермских и вологодских епископов была перенесена Иоасафом с Устьвыма в Вологду. Вологод. Епарх. вед. 1865 г. № 19.

³⁷ - Повинуясь во всем родителям твоим по закону Божию, разве купля житейские небрежение, иже того родитель – отец творяше. Рукоп. житие пр. Димитрия.

³⁸ - Славных родителей, иже многим богатством цветуще, иже велию куплю творящих. Там же.

³⁹ - Житие умалчивает о том, с каким чувством родители приняли намерение сына избрать себе новый род жизни.

⁴⁰ - От молодых ногтей Бога возлюби и Бог того возлюби. Там же.

⁴¹ - Единого Христа Бога взыскупя внимание блаженный о будущем веце и о суде Божии, и о воздаянии комуждо по делом его и о царствии небесном и о праведных радости и о веселии райсой породы, рассмотрев убо святой от ветхого и нового Завета сего света житие скороминующее, умилился душою в страх Божий и по семь, остави мир сей суетный и бысть, монах...

⁴² - Паче же превосходя разумом и смиренною мудристю многих сверстников своих!..

⁴³ - Списатель жития игумен Макарий говорит, что пр. Димитрий пострижен был в Горицком Богородицком монастыре. Это же самое повторено и в истории рос. иерархии (III, 744) и других. Но Горицкий монастырь устроен супругою Донского Евдокией в 1392 г. в благодарность за избавление от опасности быть захваченною татарами в сем городе при нашествии Тохтамыша на Москву. Димитрий же в 1392 г. уже скончался, достигнув, глубокой старости.

⁴⁴ - Все дивляхуся людие глаголюще, яко толику доброту телесную погуби Бога ради, постом и терпением веяцем и молитвою и труды.

⁴⁵ - В начале XIV века и Переяславле существовали монастыри: Никитский и Нагорный Борисоглебский.

⁴⁶ - В нижнем храме Прилуцкой обители, неподалеку от гроба пр. Димитрия, доныне стоит пред иконостасом немалый осмиконечный крест, обложенный позолоченною медью и имеющий в себе 84 резных, на белой кости, изображений св. угодников. Крест этот известен под именем киликийского и

принесен самим пр. Дмитрием из Переяславля. Где и от кого он мог получить такую святыню и драгоценность, если это не дар куму от благочестивого государя, принесенный в Москву из Киликии нередкими гостями греческими? Очевидно, что пр. Дмитрий дорожил этою святынею, взявши ее с собою из Никольского монастыря и не оставив ее на Леже, в построенной им церкви Воскресения Христова, да и самый храм Прилуцкого монастыря посвятивши празднику в честь св. креста.

⁴⁷ - Крест, устроенный пр. Дмитрий, вышиною 3 аршина, в поперечнике 2 аршина и 1 четверть-сохраняется и до ныне в обители преподобного и находится в каменной часовне близ колодца, выкопанного преподобных и находящегося в той же часовне.

⁴⁸ - Праздник происхождения древ честного Креста установлен князем Андреем Боголюбским в 1164 году.

⁴⁹ - Так как тогда книгопечатание было еще неизвестно, то для написания и одной книги требовалось не мало времени и труда, отчего книги и были дороги.

⁵⁰ - Четвертый посл пр. Дмитрия игумен Прилуцкого монастыря.

⁵¹ - «Корчева», как ее называли.

⁵² - В сказании о сретении чудотворной иконы пр. Дмитрия, встречавший епископ назван Стефаном, – но тогда епископом был Никон, посвященный 5 мая 1502 г. Подобные ошибки и древних наших рукописях не редкость.

⁵³ - Калугер, калуер, калогер – монах, инок, отшельник. Словарь цер,-слав, и русс, языка императ. ак. наук т. I–II, буква К.

⁵⁴ - Близ нынешней сенноплощадской Никольской церкви, в которой верный этаж посвящен нерукотворенному образу Спасителя и при которой доныне находится придел пр. Дмитрия Прилуцкого.

⁵⁵ - Вследствие близости к Устью зырянских селений и частых торговых сношений с зырянами.

⁵⁶ - Братья затвора во время архиерейских служений в соборе стояли на левом клиросе и пели службу по-гречески.

⁵⁷ - В списке ростовских архиереев архиеп. Нила нет Парфения, так же как и в степенной книге нет его в числе архиереев, посвященных митр. Алексием. Муравьев считает Парфения за одно лице с Петром. Верне, что Парфений был преемником Петра и предшественником Арсения, как значится в воскресенской летописи: 30-й Петр, 31-й Парфений, 32-й Арсений (полное собр. лет. т. VIII, стр. 69). Петр скончался в 1365 г., а Арсений возведен на кафедру в 1374 г. Ужели же в течение 9-ти лет не было архиереев в Ростове?

⁵⁸ - Неподалеку от запад, ворот ростовского кремля на правой стороне примыкает к стене пятиглавый храм ап. И. Богослова, построенный митр. Ионою Сысоевичем в 1673 г. на месте бывшего тут и древние времена монастыря. Когда при копании рвов для закладки собора обретены были мощи святителей Исаии и Леонтия, то они во все время строения соборной церкви находились в семь монастыре. Древняя монастырская икона Апостола И. Богослова находится в юго-западном углу собора.

⁵⁹ - Предсказание Прокопия было известно всем, не мог же познать его один тот, к кому оно относилось.

⁶⁰ - На образ св. Стефана XVII в., находящемся в кремле у Спаса на бору, в иконостасе, составление зырянской азбуки и начало перевода книг показано в лето 6880 (1372). Епифаний о времени перевода книг на зырянский язык говорит: яко много от создания миру в лето 6883 (1375).

⁶¹ - За святость и чистоту жизни он был уже посвящен ростов.еп. Арсением в сан иеродиакона.

⁶² - Бысть убо сей Митяй родом Коломлянин, самом же поп, един, от сущих тамо Коломенских попов, возрастом высок, телом не мал, плечист, рожист, браду имея плоску и велику и сврьшену, словесы речист, глас имя красен, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, от книг сказати горазд, всеми дела поповскими изыщен, и по всему нарочит бе. Полн, собран. Русских летоп. т. VIII, Воскресенск. летоп. стр. 29.

⁶³ - Золотая баба. Доныне сохранилась пословица: Иома баба кидльон, т.е. страшно зло как Иома. У финов это было

грозное, карающее божество, изображавшееся в виде злой и безобразной старухи. В Четь-Минеи, у Муравьева и Филарета Черниговского Иомала названа золотой бабой по богатству украшений идола.

⁶⁴ - Они доставляли зырянам разные товары, а от них забирали пушной товар.

⁶⁵ - Волхвы хорошо знали, что им первым придется отвечать пред Москвой за его смерть, потому больше желали прогнать, нежели убить его.

⁶⁶ - Такое название дано ей от того, что про нее рассказывали вещи то пугавшие, то восторгавшие воображение суеверов. Прокудливый 1.) шаловливый, проказливый. 2.) церк. сварливый, вздорливый, злонравный. Прол. июля 20. См. Словарь цер-слав. и рус, языка т.III–IV буква И.

⁶⁷ - Место, где стояла береза, находится под диаконским амвоном нынешней устьвымской Архангельской церкви.

⁶⁸ - Воскрес. лет. См. Полное Собр. лет. т. VII, 69, VI. 129, Стен. кн. 1, 524, 525. У Епифания число обращенных 700.

⁶⁹ - Так как местная ростовская кафедра была далеко, а между тем много начато было строить церквей, священников же в столь отдаленный край взять было не откуда.

⁷⁰ - Собиравшуюся до того времени в великокняжескую казну.

⁷¹ - От слова летный, ежегодный. См. Словарь цер. слав, и рус. языка т. I–II, буква Л.

⁷² - К 8 Сентября как полагают ко дню явления иконы ежегодно до обедни прибегал олень. См. Вологод. губерн. вед. 1850 г.

⁷³ - Новгородские выходцы, соперничавшие с другими именитыми людьми Строгановыми, основавшимися в Сольвычегодске.

⁷⁴ - Пермские ведомости 1847 г. № 14.

⁷⁵ - Пушкарева описание вологодской губернии, стр. 110. Русские святые Филарета Черниговского 26 Апреля.

⁷⁶ - Пушкарев ввел в обмолвку и пр. Филарета.

⁷⁷ - В рукописном житии пр. Дионисия о месте его рождения сказано: «от града Вологды поприщ чetyредсcять, гл. десятую стражу нощную, близ озера великого, глаголемого Кубенского, от восточную страну солнечного восхода». В сказании о Каменном монастырь Паисия Ярославова: «прииде некий юноша, именем Димитрий, от града нарицаемого Вологды и молит игумена Дионисия со слезами»....

⁷⁸ - У Муравьева (жития святых, под 1 числом июня) сказано: «пр. Дионисий находился некоторое время и в обители Белозерской в числе учеников св. Кирилла, которого священный лик сохранил на иконе своею кистью. Неизвестно однако, прежде или после пострижения обитал он в Кириллове и не вышел ли оттуда вместе с игуменом Кассианом, или с другими старцами, которые недовольны были нарушением устава Кириллова?» Ничего подобного нет в древних рукописных житиях пр. Дионисия, да и быть не могло. Не был пр. Дионисий в Белозерском монастыре до своего пострижения на Каменном потому, что он постригся в 1386–1387 году, а Кирилл начал строить монастырь свой в 1397 году. Не мог выйти из Кириллова пр. Дионисий и с игуменом Кассианом, потому что в 1437 году он скончался, а Кассиан в 1448 году начал еще игуменствовать в Кириллове и на Каменный прибыл гораздо после. Да и странно считать Дионисия учеником Кирилла и иноком его монастыря потому только, что первый написал образ последнего!

⁷⁹ - В истории российской иерархии (ч. III стр. 699) и в житиях святых Муравьева (м. июнь) сказано, что место «св. лука» получило название оттого, что тут был монастырь с церковью евангелиста Луки. Что тут был монастырь – это верно, но в чье имя была в нем церковь, неизвестно. И если бы от церкви или от монастыря произошло название места, то оно называлось бы святой Лука, как и называются многие местности около Кубенского озера: Васильян, Трифон святой и др. Так как в рукоп. житии пр. Дионисия пишется: прииде, Богу наставляюще, в весь глаголемую святая лучица, т. е. излуцина, а в сказании Паисия Ярославова о князе Глебе говорится: поиде оттуду по Кубенскому озеру к великой реке Сухоне, яже течет из

Кубенского озера, и прииде ко острову кривой луке, около два поприща, а поперег яко в вержение каменю, князь же прекопа и потече тем рвом великая река Сухона и крест постави,-то мы думаем, что название святой луки произошло не от церкви Еван. Луки, едва ли когда бывшей тут, а от излучины или колена, которое тут делала прежде Сухона, освященного сперва постановлением близ него креста, а потом устройением монастыря и церкви.

⁸⁰ - В истории россий. иерархии (ч. III, стр. 699), в житиях святых Муравьева (июня 1) и в рукоп. житии пр. Дионисия освящение церкви на св. луке показывается в 1393 (6901) году. Но этого не могло быть, ежели церковь освящена по благословению архиеп. Григория, который только в 1396 г. был посвящен в ростовского архиепископа. (См. Ярославский Спасо-преображ. монастырь соч. архиеп. Нила. Ярославль, 1869). Не был ли 1393 год временем прибытия пр. Дионисия на св. луку?

⁸¹ - Ибо и святые не все имеют одинаковые дарования и силы духовные.

⁸² - Ходячая монета, которых в куне считалось четыре. Русская Правда 55. См. Словарь цер-слав. и русского языка, изд. академией на ук, т. I—II, буква Н.

⁸³ - От находившейся здесь необыкновенной вышины и толщины сосны, которую с трудом могли обхватить два человека. В Сосновецком монастыре, и деревянной часовне, устроенной над колодцем, выкопанным пр. Дионисием, до ныне находится большой крест из сосновых брусьев, сделанный в 1602 г. из остатков этой сосны.

⁸⁴ - Удельный Богтюзский князь Георгий-сын князя Ивана Дея-Кубенского-заозерского жил в волости Богтюге, в 8 верстах от монастыря к югу.

⁸⁵ - Я при помощп Божией буду пешись о наших телесных нуждах, а вы попекитесь о спасении души-говорил он братьям, посещая монастырь.

⁸⁶ - В истории россий. иерархии (ч. V. ст. 429) и в житиях святых Муравьева (1 июня) упоминаемый здесь «пустынный Павел-постническое житие имый» считается за Павла

Обнорского. Но такое мнение не имеет основания во 1-х потому, что в древнем рукоп. житии пр. Дионисия о Павле пустыннике ни одним словом не намекается, чтобы это был Павел Обнорский, во 2-х в житии Павла Обнорского также нет указания на пребывание его в Глушицких лесах и в 3-х пр. Павел Обнорский скончался в 1429 году, неисходно проживши 40 лет в пустыни Обнорской. Для чего же было ему жить в 1422 году в пустыне Глушицкой, когда у него был свой монастырь и было около 100 лет?

⁸⁷ - На этом месте стоит ныне часовня.

⁸⁸ - В Кириллове монастыре, по описи 1668 года, в иконостасе собора значится еще образ живописный пр. Чудотворца Кирилла, а писал пр. Дионисий Глушницкий еще живу сущу Чудотворцу Кириллу в лето 6932 (1424). Пр. Кирилл изображен во весь рост, в старческих летах, с открытою головою, с лицом задумчивым, с руками, сложенными на персях, в мантии и аналаве. Но опись писана уже когда пр. Дионисий был прославлен, спустя более 200 лет после его кончины и ни в Кирилловом, ни в Дионисиевом древних письменных житиях нет ни малейшего намека и указания на то, чтобы пр. Дионисий приходил в Кириллов монастырь и занимался там писанием портрета с Кирилла, на что тот, по своему смирению, едва ли бы и согласился. С 1420 года пр. Дионисий управлял двумя мужскими монастырями и занят был строением третьего женского и двух приходских церквей; когда же было ходить ему в Кириллов? Другое дело икона Успения, которую он мог написать в Глушицком монастыре и послать в Кириллов.

⁸⁹ - См. послание его в Кириллов монастырь.

⁹⁰ - См. Ист. россий. иерархии (ч. V, стр. 655), историч. словарь о святых 1862 г. (стр. 238), русские святые Филарета (ноября 15) и полный месяцеслов Востока Сергия (ноября 15).

⁹¹ - Послание Грозного в Кириллов монастырь. См. Ист. росс., иерархии ч. IV стр. 454.

⁹² - См. Буслаева Словесн. и искусство. – 2, 352.

⁹³ - В русских святых Филарета (1 января) сказало, что Павел жил будто бы несколько времени отшельником в Кирилловой обители, но этого не могло быть потому, что Павел, скончавшись в 1429 году, последние 40 лет жизни, след. с 1389 года безвыходно провел в Обнорской пустыне, а Кириллов монастырь основан в 1397 году, осенью годами позднее поселения Павла в Комельском лесу. – В истории российск. Иерархии (V, 429) о пр. Павле написано, что он поселился было в пустыни на Глушице близ пр. Дионисия, но и это нам кажется невероятным. См. жизнь Дионисия.

⁹⁴ - Исторический акт. 1, № 257.

⁹⁵ - Это было в 1429 году 6 января.

⁹⁶ - С 1418 года, правил епархией 6 лет, скончался 18 окт. 1425 года.

⁹⁷ - Опраксос-недельный, расположенный по дням. Так назывались в древней России (и в Греции) евангелия, расположенный не по порядку евангелистов, а по порядку церковных чтений. Они преимущественно были в употреблении у нас по удобству ими пользоваться при богослужении. Вследствие порчи книг церковных, в XIV в. стали вводить в цер.употребления четвероевангелия, которые с XV века стали вытеснять апракосы.

⁹⁸ - Костромской губернии.

⁹⁹ - В Прологе, под 30 сентября, в житии пр. Григория сказано: «И рассмотрев суету мира сего, изыде от родителей своих в монастырь, к игумему пр. Макарию, в место зовомое Желтые воды и от него пострижеся в монашеский чин. И за многую его добродетель сподобляст его Макария священства сан восприятии». Но этого не могло быть потому, что и 1426 году Григорий уже устроил монастырь на Нельшме, последнем своем местопребывании, а Макарий Желтоводский только в 1435 году устроил обитель на Желтых водах и был посвящен в игумена.

¹⁰⁰ - По правилам общежития новоначальный инок всегда отдается под руководство опытного старца, а относительно Григория этого требовал и самый возраст его.

¹⁰¹ - Ибо и тогда не все, носившие на себе ангельский чин, пели и жизнь равноангельскую и такие примерные подвижники были редки.

¹⁰² - Филарета Арх. Черниговского (Русские святые, августа 26) в житии пр. Адриана Ондрусовского сказано, что будто бы он с пр. Григорием поспринимал от св. крещения дочь царя Иоанна Анну в августе 1549 года, а с выноске указано на Никон. лет. (VII, 65), – но этого не могло быть потому, что Григорий скончался в 1442 р., едва не сотней лет ранее.

¹⁰³ - Что ныне в стенаъ Яковлевского монастыря.

¹⁰⁴ - Основательницею монастыря была супруга князя Василька Ростовского, дочь князя Михаила Черниговского.

¹⁰⁵ - Мнози же человецы начаша приходити к нему в монастырь, малии и велицы, благословения ради, и убози и нищии милостыни ради, говорит древний писатель жития преподобного.

¹⁰⁶ - Верстах в четырех на юг от большого Покровского монастыря.

¹⁰⁷ - В печатном прологе под 30 сентября (в житии пр. Григория) сказано, что будто бы он прибыл на Глушицу в 6920 (1412) г., а вышел оттуда в пустыню в 6930 (1422 г., проживши след. в Сосновце 10 лет; но это не верно, потому что Архиеп. Дионисий начал управлять ростовскою епархией только с 1418 г. и если даже допустим, что он посвятил пр. Григория в архимандриты Спасского монастыря и вскоре по прибытии своем в Ростов, то преподобный, пробывши на Песках два года архимандритом, никак, не мог прийти на Глушицу ранее 1421 года, а в 1426 году он был уже на Нельшме. Поэтому всего времени пребывания на Глушице не могло быть более 5 лет.

¹⁰⁸ - В списке ростовских архиереев Архиеп.. Нила (см. Описание Ярославского Преображенского монастыря. Ярославль, 1869 г.) архиеп. Ефрем 2-й показан с 1427 г. Но в рукописном житии пр. Григория, в печатном Прологе под 30 сентября, в истории росс. иерархии ч. V. стр. 22, в житиях святых Муравьева и Филарета Черниговского освящение церкви на Нельшме отнесено к 1426 г. Да и невероятно, чтобы такая

обширная и многолюдная епархия как ростовская почти два года оставалась без архипастыря.

¹⁰⁹ - Пр. Григорий, бывший архимандритом в Ростове, на Нельшме делается игуменом потому, что тогда архимандриты не имели никаких отличий пред игуменами и не составляли особого чина в иерархии. См. историю русс. иерархии, V, 22.

¹¹⁰ - Карамзин (V, стр. 253) и Соловьев (IV, 59) причину тому полагают гнев Юрия на своих сыновей Косого и Шемяку, всеобщее нерасположение к нему москвичей и преданность их в. князю Василию (что не помешало однако Юрию захватить Москву с след. году) и не обращают внимания на другие побуждения кроме политических. Между тем религиозные побуждения нередко занимали в жизни наших князей столь же, если не большее значение, как и политические

¹¹¹ - т. е. с высоких сеней дома, где жил Шемяка и где произошла встреча с ним преподобного.

¹¹² - Пр. Григорий преставился по печатному прологу в лето 6957 (1449). В истории церк. иерархии (V. 22), в списке святых вологод. епархии м. Евгения и в вологод. епарх. ведомостях (1875 № 18) кончина преподобного отнесена к 1442 г., как оно и должно быть, если принять год сентябрьский, но тогда годы считали еще с марта. Ибо хотя еще в 1347 г. на соборе в Москве при м. Феогносте и в. князе Симеоне было постановлено считать год с сентября, но это постановление не вошло в силу и в 1392 г. вынуждены были снова подтвердить его. Часы считались тогда от восхода солнца.

¹¹³ - По причине мелководья, низменных и открытых ветрам берегов озера.

¹¹⁴ - На самой середине острова возвышается двухэтажный пятиглавый храм Преображения Господня с примыкающими к нему с запада колокольнею и трехэтажным братским корпусом, — остаток и памятник знаменитого и древности Спасокаменного монастыря, ныне утратившего даже имя свое в официальных бумагах и называемого Белавинскою пустынею.

¹¹⁵ - Единственный князь, называвшийся Вологодским, в отличие от брата своего Андрея Васильевича Угличского.

¹¹⁶ - Остров был открыт в 1260 г. князем Глебом, занесенным сюда бурей. См. выше.

¹¹⁷ - В 1833 году напором льда вытеснило из воды и забросило на крышу трех-этажного братского корпуса огромный камень, весом более 500 пудов. В 1837 г. льдом выбило стекла в третьем этаже, этого же корпуса.

¹¹⁸ - Кроме одного известия об игумене Каменного монастыря Григорий, который 14 Марта 1396 г. за добродетельную жизнь был возведен на ростовский архиепископский престол.

¹¹⁹ - Мощи св. Василия блаженного почивают в нижней церкви во имя св. Василия блаженного, московского чудотворца, в правом западном углу, в особой палате. Над ними устроена металлическая рака, на которой вверху положен образ святого во весь рост. При ней находятся тяжелые железные вериги и шапка из железных полос. В 1774 г., когда во время пожара сгорело все, что могло гореть, бывшая тогда над мощами угодника еще деревянная рака и образ на ней остались неприкосновенными, хотя вся гробовая палатка его наполнена была дымом и пламенем. Память блаж. Василия совершается в обители 2 августа, в день его тезоименитства.

¹²⁰ - То есть острова. Елика потружався по отоце окианстем. Прол. апр. 17. Словарь церковно-слав. и русского языка импер. академии наук, т. III–IV, 1869 г. буква О.

¹²¹ - Первый архимандрит на Каменном Иоасаф I упоминается около половины XVI века.

¹²² - Истор. российск. иерархии, (т. IV стр. 331); Жития святых Муравьева (сент. 30-го); Вологод. епарх. ведомости 1871 г. №№ 1–11.

¹²³ - Кроме родоначальника второй династии князей ярославских св. Феодора Черного и внук его Василий Давыдович скончался также в схиме.

¹²⁴ - В рукописном житии пр. Иоасафа, а оттуда и в печатных говорится, что князь Андрей был единственным сыном Димитрия Васильевича, что он наследовал его княжение, был женат лет 10, через год лишился супруги и 12 лет пришел на

Каменный. И. И. Савваитов добавляет еще к этому, что князь Андрей женат был у князя Ивана Дея и взял в приданое Кубену (извст. археол. общ. т. 2, стр. 10). Но по родословной книге женат был князь Симеон, а Феодор и Андрей умерли холостыми (Родосл. кн. стр. 58, 149, 232–234. Вологод. губерн. ведом. 1843 г. №17, 1844 № 26, 1846, №№ 13–14); последний жил всего только 17 лет., 12 в мире и 5 в иночестве, – по свидетельству рукоп. жития Иоасафа. Но и это неверно. Со времени кончины князя Димитрия, убитого татарами в 1429 году, до кончины самого Иоасафа, последовавшей в 1453 году, прошло гораздо более. Если Иоасаф родился в том же 1429 году, когда убит его отец, то и в таком случае ему было при кончине 24 года и около 19 лет при пострижении.

¹²⁵ - Рукописное житие называет старца Григорием и выдает его за того, который был архиепископом в Ростове, но это несправедливо, – ибо тот был архиепископом уже с 1395 г., а в 1416 году преставился, когда Андрей еще не родился.

¹²⁶ - В рукоп. житии пр. Иоасафа и у Муравьева князь Борис Ржевский назван дядей, братом отца Иоасафа, но по родословной книге сыновья ярославского князя Василия Васильевича назывались: Иоанн, Феодор, Симеон, Димитрий – отец Иоасафа и Воин, а Бориса не было. История Ярославля, Троицкого, 1853 года.

¹²⁷ - В рукоп. житии год кончины пр. Иоасафа не означен. В истории росс. иерархии (т. IV, ошибки стр. 11) кончина его показана гл. 1458 г., в Вологод. епарх. вед. (1871 г. №1–10) в описании Каменного монастыря И. Суворова – от. 1457 г., что будет одно и то же. так как в одном случае принять год мартовский, в другом сентябрьский. Но в житиях святых Муравьева (Сент. стр. 195), Филарета (сент. стр. 44 и 49), в рассказах гр. Толстого (кн. 3, стр. 51), кончина пр. Иоасафа отнесена к 10 сент. 1453 г., как по нашему мнению, и должно быть. Известно из жития пр. Иоасафа, что он скончался в юношеском возрасте, а если отнести кончину его к 1457 году, то ему будет около 30 лет, так как отец его был убит в 1429 г., а Иоасаф родился еще когда он был жив. В 1447 г. Заозерье было отнято у детей князя Димитрия и отдано князьям Можайским.

Прибавим к этому пять лет иночества Иосафова, полагая, что он постригся вскоре после отнял вотчин, и опять будет 1453, а не 1457 или 58 год.

¹²⁸ - Остатки мощей были собраны и положены в ковчег старцем Мартинианом. Сокольниковым, родом с Ухтыги.

¹²⁹ - В рукоп. житии пр. Иоасафа Роман назван Димитриевичем, Муравьев называет отца Романа Иосифом, а Филарет Олегом.

¹³⁰ - Другая так же древняя икона святителей находится в Усть-вымском Вознесенском храме. Ист. иерар. VI, 579.

¹³¹ - Плач пермской земли о смерти св. Стефана. Но это не относится ко времени после его кончины, потому что тогда был немедленно посвящен в Пермь Исаакий, а скоро ли после него посвящен Герасим – неизвестно.

¹³² - Слово об исхождении св. Духа.

¹³³ - Послание духовенства к Шемяке написано на 28 страницах. Чтобы иметь понятие об этом произведении первой половины XV века, сделаем из него хотя краткие извлечения. «Господину князю Димитрию богомольцы, господине, брата твоего старейшего, великого князя и нашего высокородия общии, Ефрем, владыко ростовский, Авраамий, владыка суздальский, Иона – владыко рязанский, Варлам владыка коломенский, Питирим владыко пермский, и мы ваши нищии и молебницы Геронтий архимандрит Симоновский, Мартиниан – игумен Сергиева монастыря и с прочими архимандриты и игумены челом бьем и благословляем. – Веси, како отец твой... коликие труды подъял... а княжения великого не досягл, что ему Богом не дано, ни земскою пошлиною... Потом паки не уймяся, собрав себе злых человек, да великого Князя згопил: и колико паки на великом княжении пожи?... Потом и вдругие пришед сел на великом государстве без пошлины же, паче же рещи яко разбойнически: и колики паки сам пожил?... Воспомянем же и о тебе в мале... Егда приходил к Москве безбожный царь Махмет, а воя по земле распустила и князь великий колькое послов по тебе посылал тако же и грамот? и ты не пошел... Потом же безбожный царевич Мамотяк приходил... И тебе диавол на него

(в. к. Василия) вооружил желанием самонаачальства, разбойнически, ноцетатством изгонити его на крестном целовании и сотворил еси под ним не меньше Капна и оконного Святополка.... Колико еси государствовал?.. Не все ли в суеде и в прескаканыи от места до места? ища и желая большего и меньшее свое изгубил еси. А брат твой старейший, великий князь, опять на своем государстве: понеже кому что дано от Бога и того не можст у него отъяти никто... И до чего мятешися и крамолы творишь?.. Ты в целованыи с великим Новым-городом... к вятчанам посылаешь... посылал еси в Казань к царевичу Мамоत्याку на великого князя лихо... Да от царя Седи-Ахмета пришли к великому князю послы за проторы... и ты не дал ничего. Пограбил еси города, села, веси но отнимал животы все и животину... Смущаешь в. князя людей на Москве и в других городах... И аще не обратится к Богу и в. князю чистым покаянием, чуж будеши от Бога и от церкви Божией и от православной веры... и части не имаши с верными... и проклят, да будешп от св. Апостол и от св. Отец и в конечную погибель да пойдеши. А писана на Москве месяца Декаврия в 29 день, в лето 6956, индикта 11. Синодал. библиот. № 164. посл. рос. митроп. Ист. Карамз, т. V. прим. 350 на стр. 548.

¹³⁴ - Ныне известен один памятник, свидетельствующий о его желании распространить в пастве, полезные знания и книги. Это книга Дионисия Ареопагита, на которой впоследствии сделана была следующая надпись: сия книга св. благовещения на Устьвыми, а положил сию книгу священномученик епископ Питирим, убиенный от сыроядцев вогулич за православную веру, идеже лежит многострадальное и терпеливое тело его. Опис. рукоп. Царского стр. 25. № 48.

¹³⁵ - О смерти Питирима – архангел. лет. г. 6963.

¹³⁶ - Муз. Румянц, стр. 713.

¹³⁷ - Вологод. губерн. ведом. 1850 г. № 34.

¹³⁸ - Истор. иерархии ч. VI, стр. 649. Истор. словарь о святых 1862 г. стр. 74, русские святые Филарета – Апрель, стр. 119.

¹³⁹ - Орловский Троицкий женский монастырь построен новгородцами в XIV веке и упразднен в XVI. О городке Орлове или Орлец упоминается в книге «Большем Чертеже» (изд. 1792 г. стр. 307). Ныне на месте его находится Орловская волость в устюжском уезде на речке Моленге, река же Юг уже далеко отошла от того места. В ист. российск. иерархии (ч. V, стр. 371) сказано, что мать праведного Иоанна около 1480 г. была игуменьей Орловского монастыря, но это могло быть разве только в последних годах этого десятилетия, так как в 1494 г. праведный Иоанн уже скончался, а по надписи на иконе его, приложенной Никитой Строгоновом в устюжскую Иоанновскую церковь, и всей жизни его было только 18 лет.

¹⁴⁰ - Пролог 29 мая.

¹⁴¹ - Писатель жития праведного Иоанна слышал о нем от дяди и отца своего; один из них был священником при соборной церкви и не только знал лично, но и погребал блаженного. Впоследствии он постригся в монашество под именем Дионисия и был игуменом Борисоглебского монастыря у Соли вычегодской во граде Выборге. Но кто был сам писатель иерей или протесц – неизвестно. Житие писано в 1554 г.

¹⁴² - В древности и в церковных трапезах, как и в избах крестьян, печи были огромные с большими устьями, без труб, и занимали почти четвертую часть пространства комнаты. За неимением бань крестьяне и доныне парятся в таких печах.

¹⁴³ - В житиях святых Муравьева сказано: скончался блаженный Иоанн в 1495 году при державе в. князя Василия Ивановича, митр. Симоне, и ростовском архиепископе Вассиане. Но в. князь Василий Иванович вступил на престол уже по смерти своего отца Иоанна III, скончавшегося 27 Ост. 1505 года (Ист. Карам, т. VI, стр. 320). Митр. Симон хиротонисан. 20 сент. 1496 года (Ист. иерархии ч. I, ст. 55), а с 15 января 1490 года до февраля 1503 года ростовским архиепископом был Тихон Малышкин (ист. рус. иерарх. ч. I, стр. 120). В Прологе, в историч. словаре святых, у преосв. Филарета, у графа Толстого и от вологод. епарх. ведомостях (№ 21 за 1874) кончина праведного Иоанна единогласно показана в 1494 году.

¹⁴⁴ - В современной рукописи: в те лета родилися у нее два младенца как бы изоссаны, только знак человекъ.

¹⁴⁵ - Есть благочестивый обычай в простом народе во время болезни делать металлические изображения больной части тела и привешивать их к св. мощам и иконам, к которым больные имеют особенную веру. Готовил уже изображения, висящие у св. мощей или икон, больные берут в свои дома в и носят их на больных членах и по вере своей получают исцеления.

¹⁴⁶ - Буслаева русская словесность и искусно 2,428.

¹⁴⁷ - См. жизнь пр. Александра.

¹⁴⁸ - Библиотеки С.-Петр. Дух. Академии № 516.

¹⁴⁹ - Библиотеки Москов. Дух. Академии № 209.

¹⁵⁰ - Ист. российск. иерархии ч. V, стр. 543. Историч. словарь о святых стр. 5. Рус. свят. Филарета под 4 февраля, Полный месяц. востока февр. 4.

¹⁵¹ - На половине дороги из Грязовца в Арсеньев монастырь.

¹⁵² - Библиотека Московской Дух. Академии № 209.

¹⁵³ - В настоящее время река Вага изменила течение и отошла от города, образовав из прежнего русла небольшие озерки.

¹⁵⁴ - Инокня Акилина скончалась в 7025 (1517) году, 80 лет от роду.

¹⁵⁵ - Неизвестно, почему священник называет св. Кирилла преподобным титулом, присвоенным монашествующим.

¹⁵⁶ - Рукописное сказание вкратце о пр. Кирилле и о чудесех его.

¹⁵⁷ - Кьянда – деревни Вельского прихода по реке Веле.

¹⁵⁸ - Кажется тогда впервые застучала иноческая секира на вековых соснах Комельского леса и дикая пустыня, где прежде слышался только крик лесных птиц и рев диких зверей, огласилась хвалебными гимнами подвижников.

¹⁵⁹ - Знаменитого основателя скитского жития великого отца церкви по своему подвижничеству и сочинениям.

¹⁶⁰ - Все скитское братство пр. Нила состояло только из иеромонаха, иеродиакона и 12 старцев.

¹⁶¹ - Рукописные святцы: пр. Иннокентия, игумен Предтеченского монастыря бысть на реке Еде; преставился в лето 6999 (1491), месяца марта в 19 день. Тоже и в записке Евгения о вологодской епархии. В ист. российск. иерархии (IV , стр. 301) преставился 6999 или от Р. Хр. 1491 года, марта 1, в русс, святых Филарета (мар. стр. 109) скончался 19 марта 1422 года; в жит. святых Муравьева – Иннокентий преставился в 1491 году. Но в этом году он только пришел на Еду. В Отенских святцах: преставился в лето 7029 (1521), марта в 19 день, что гораздо верне и сообразнее с годом кончины его учителя Нила, преставившегося в 1508 году и – с другими обстоятельствами.

¹⁶² - Венчан 27 мая в неделю слепого в Москве у Пречистой митр. Филиппом. Воскр. лет. лето 6978, стр. 158, т. VIII.

¹⁶³ - Обоих сыновей князя Андрея крестил, пр. Паисий Угличский; восприемником Дмитрия, родившегося в 1479 году, был Морейский князь Константин, впоследствии пр. Кассиан, угличский. Из дочерей одна была за князем Андреем Дмитриевичем Курбским, другая за князем Иваном Семеновиче Кубенским.

¹⁶⁴ - Воскрес. лет. т. VIII, стр. 214.

¹⁶⁵ - Воскресн. лет. т. VIII, стр. 223. Карамз. VI, 195 Солов. V, 75.

¹⁶⁶ - Иоанн III объявил тогда наследником великокняжеского престола внука Дмитрия, сына покойного старшего своего сына Иоанна Иоановича, и даже короновал его; но и этому Дмитрию, подобно князьям Угличским, вместо трона, привелось пронести всю жизнь свою и умереть в тюрьме. Истор. Госуд. Рос. т. VI, стр. 261.

¹⁶⁷ - В Воскрес. лет. т. VIII, стр. 227 значится: то же осени (7002) ноября 6 преставися князь Андрей Васильевич большой, сидел в тюрьме на Москве, на казенном дворе; великого князя два года и 47 дней и положиша его в церкви Архангела на Москве у северных дверей.

¹⁶⁸ - От множества народа, желавшего прикоснуться к гробу и целовать св. мощи.

¹⁶⁹ - В описи Прилуцкого монастыря за 1623 и 1638 год значатся: «да над благоверным князем Игнатием гробница деревянная, позолочена (покрыта) мухояром черным (бухарская ткань, бумажная пополам с шерстью или с шелком); покров камка (шелковая китайская ткань с разводами) багрова, ветх, опушка мухояр лазорев; крест нашит полотняный, подписи шиты шелком, подложен крашениной лазоревою. Да над благоверным князем Димитрием гробница деревянная, поволочена мухояром зеленым; покров тафта (шелковая тонкая ткань) багрова, крест нашит тафтян, бел. Вологод. епарх. вед. 1874. №13.

¹⁷⁰ - В некоторых рукописных, а оттуда и в печатных книгах, напр, в Житиях святых Муравьева, в русских святых Филарета, в рассказах из истории русской церкви графа Толстого и в описании Корнилиева монастыря (1831 года) говорится, будто-бы пр. Корнилий принял монашество 12 лет. Но в более древних и исправных рукописях и в истории русской иерархии (часть IV, стр. 652) показывается, что в это время ему было уже 20 лет, что по нашему мнению гораздо ближе к истине, потому что до принятия монашества Корнилий несколько лет служил, при дворе в. княгини, а по принятии иночества трудился в хлебне – самом тяжелом послушании, требующем не малых физических сил, и трудился так, что успевал сделать за двоих. Возможно ли этого требовать от 12-летнего отрока? Кроме того пр. Корнилий носил вериги и ночи проводил в переписке книг. Ни дядя Корнилия Лукиан; ни игумен монастыря конечно не позволили бы 12-летнему мальчику расстраивать своего здоровья и так сказать убивать себя веригами. К тому же 12-летние каллиграфы и ныне редки, возможны ли же они были при Темном, когда грамотность была редкостью даже и между старцами?

¹⁷¹ - Геннадий был игуменом Кириллова монастыря в 1482 году, но тот ли, которому был поручен Корнилий – неизвестно.

¹⁷² - У монашествующих того времени было обыкновение странствовать по монастырям и пустыням, славившимся

строгостью правил и святостью жизни подвизавшихся в них старцев.

¹⁷³ - Место это и ныне резко обозначается несколькими огромными соснами, растущими между мелким лесом и осеняющими небольшой курган или холм, внутри которого находятся три- или четыре весьма тесные кельи, поддерживаемые в первобытном их состоят и от Савватиевской церкви. Курган обведен рвом и при нем находится колодезь. Сюда ежегодно 27 сентября из Савватиевской церкви бывает крестный ход и над колодезем при многочисленном стечении народа совершается водосвятие. Курган находится от села и – кашинской дороги саженьях в 200.

¹⁷⁴ - Кроме того он часто подавал милостыню тайно от братии, чтобы не огорчить их своею чрезмерною. щедростью.

¹⁷⁵ - Современник?. Корнилия в. князь Василий Иванович при кончине своей также велел читать канон великомученице Екатерине.

¹⁷⁶ - В письменном житии и в печатном Прологе сказано, что пр. Корнилий преставился в 7045 (1537) году, но 10 мая приводится на 5-й неделе по Пасхе не в этом, а в следующем 1538 году.

¹⁷⁷ - На древней иконе пр. Корнилия, находящейся в монастыре и писанной до 1743 года в 44 изображениях представлены чудесные исцеления пр. Корнилия, большею частью такие, которые не записаны в житии.

¹⁷⁸ - Т. е. лампаду, вместо масла наливаемую воском, какие доныне имеются в Ростове и в Гефсимании, близ Троицкой лавры.

¹⁷⁹ - Божиею милостью, се яз Симон митрополит всея Руси поставил. есмь диака инока Корнилия Федорова сына Крюкова в чтецы и в подъяконы и в диаконы и свершил есмь его в попы в свою митрополию к церкви пречистой Богородицы Введенью в пустыньку, на Комельский лес, на реку на Нурму, в Костромскую десятину и да литургисает во святой Божией церкви. И аще кто к нему приходит от детей духовных и да рассуждает их по правилам св. Апостол и святых отец имея и волю визати и

решати по благословению нашего смирения. И да не преходит от церкви к церкви без нашего благословения или не являсь нашему наместнику или десятинику. Аще ли преидет не являсь и да не литургисает по сей нашей грамоте. И сего ради дана бысть ему грамота сия на утверждение его на Москв лета семь тысяч девятого месяца февраля в первый день. А по Господинову по Митрополичу слову подписал диак Яков Кожухов. На обороте преемником Симона собственноручно подписано: Варлам. – Грамота писана на столбцовой бумаге длиною около 4 вершков и в ней привешена на черном шелковом шурке черная восковая печать с изображением Богоматери на одной стороне и с подписью на другой: Божию милостью смиренный Симон митрополит всея Руси.

¹⁸⁰ - В бытность его епископом Вологодским.

¹⁸¹ - Свидетельство писателя жития Корнилиева.

¹⁸² - Евангелие в большую $\frac{1}{4}$ листа писано чистмы полууставом на плотной слоновой александрийской лощеной и тираксеной бумаге без расстановки слов; из знаков препинания находятся в нем только точки и двоеточия, евангелия писаны не по порядку евангелистов, а по порядку чтений церковных, начиная с Пасхи (апрактис). В конце евангелия находится собственноручная приписка Арсения: «В лето 7014 (1506) сие евангелие почато бысть писатись октября 18, а кончась марта 12 при благочестивом великом князе Василии Ивановиче и при архиепископе Симоне митрополите, на престол св. великого чудотворца Николы, еже есть на Комье, повелением всех православных христиан Никольского прихода. Писано же бысть с старого списка с Печеньги, а добываль его князь Юрий Васильевич. Сие же писал евангелие многогрешный чернец Арсенишко Сахарусов. И аще будет по грехам опись в ведении или неведении, исправите Бога ради, зане многи пословицы приходили Новгородские. Аз окаянный скуден умом рассудити на се груб и невеглас, тесен разумом». – Вот наставление святого для нерассудительных читателей старины! Вот пример, которому должны следовать раскольники в исправлении очевидных описок и погрешностей видящие перемену веры и

ересь. Арсений сам просит исправлять ошибки, какие окажутся в труде его.

¹⁸³ - Бабанка течет по мхам и болотами и впадает в речку Масляну – приток реки Вологды.

¹⁸⁴ - Впоследствии был поставлен на этом месте св. крест и потом часовня. См. рукоп. жития пр. Арсений.

¹⁸⁵ - И зверя свирепого аркуда молитвами укротил еси. Кондак преподобному.

¹⁸⁶ - В подтвердительной подписи на жалованной монастырю грамоте 1543 года видно, что в июле 1550 года был уже строителем монастыря Герасим, а пр. Арсений скончался в августе.

¹⁸⁷ - Наонако – в противную сторону.

¹⁸⁸ - Распятие это сохранилось до ныне, на одной стороне его вырезано: «Крест Христов Павловы пустыни», – на другой «лето 7043» (1535).

¹⁸⁹ - В рукописном житии пр. Логгина год основания монастыря не показан. В истории российс.иерархии (IV, 779) в русских святых Филарета Черниговского основание монастыря отнесено к 7043 (1535) г., т. е. к тому, который вырезан на деревянном распятии подаренном пр. Логгину. Но неизвестно, когда и где сделана эта надпись, тогда ли – когда сделан был, крест, или когда им благословляли Логгина в путь. Кажется, что первое вернее. Спутник Логгина пр. Симон вышел, из Корнилиевого монастыря уже по смерти своего учителя, а пр. Корнилий скончался 19 мая 1537 г. Если допустить, что друзья вышли из своих монастырей вскоре после его кончины и того же лета пришли на Вычегду, то начало Коряжемского монастыря надобно положить никак не ранее 1537 г., что будет согласнее с житием пр. Логгина, в котором сказано: «и вселися (Логгин) ту в пустынное место и сперва не один, но име с собою некоего брата, именем Симона, и сей Симон некоторое время ту с Логгином в пустыни пребысть и отыде в особенное место, нареченное в Сойгу». А в Сойгу пр. Симон прибыл в 1539 г., 16 сентября, как значится в современной летописи.

¹⁹⁰ - Пелена по шелковой материи шита золотом, серебром и разными шелками и возложена на гробницу в 1650 годах гг. Строгановыми. Украсить гробницу золоченою резьбою, а в приличных местах образами и поставить над ней балдахин дозволено указом Вологод. Дух. Консистории от 25 февраля 1821 года за № 520 при епископе. Онисифоре, который вместо панихид позволял отправлять пр. Логгину молебны.

¹⁹¹ - Учениками пр. Герасима основаны монастыри: Верхней Спасский в окрестностях Вязьмы; Баскаков в Свевском уезде; Вознесенский в Юхновском; Пустынно-Подлесная Никольская пустынь в Бельском уезде.

¹⁹² - Так как в древности в иноческих обителях мало обращалось внимание на происхождение и мирское звание и часто князья и бояре бывали в подчинении у людей низкого происхождения, то и происхождение Антония осталось неизвестным.

¹⁹³ - Выражение жизнеописателя современника.

¹⁹⁴ - Тропарь св. Антоний.

¹⁹⁵ - Рукоп. житие св. Антония.

¹⁹⁶ - В Заоникиеве, в 14 вер. от города.

¹⁹⁷ - В южном отделении алтаря соборного, – в память тезоименитства его строителя.

¹⁹⁸ - Род Сумориных значится в древнем синодике Спасо-прилуцкого монастыря. В нем много лиц монашествующих.

¹⁹⁹ - Чем обители того времени при усердии к ним народа и при множестве своих вотчин, не мало изобиловали.

²⁰⁰ - О супруге его ничего не известно. Так как в житии упоминается только об одной дочери, то вероятно первой уже не было тогда в живых.

²⁰¹ - Она умерла бездетною, а имение отца ее перешло в монастырь.

²⁰² - Се аз Марья Григорьева дочь, а Истоминская жена, да с своими детьми – с Феодором да Петром да со внуком с Ивановым сыном приданово дали есма старцу Феодосию Суморину, от отца своего благословение, купить пустошь Симакинскую на Песый-деньге и на Ковде, со всем угодьем, что

к нам исстари потягло, а в межах с Ворлыгинскою деревнею да по Царевской дороге по старой, а от дороги вниз по Песь-денеге, по обе стороны Чеботова, и наволочки, и новые, и пожни и мельницы тоеж пустоши осиновка; а в межах с Чеботовым, да и с чеботовскою пустошью; а дали есма ему на монастырское строение. А не учнет Феодосий на тех местах тут монастыря – пустыньки строить, и мен Марье, со своими детьми – с Фео дором да Петром, да со внуком с Ивановым, владети по старому пути у купчей. А учнет Феодосий на тех мстах пустыньку строити и мне Марье с своими детьми – Феодором да Петром и с Ивановым сыном, в те пустоши при Феодосьеве животе, и после Феодосьева живота, не вступаться ни во что; а где влягут на те пустоши старое какое дело нибудь, и мне Марье, с своими детьми и со внуком, от тех от всех дел очищать, и убытка ему в том ни чего не привести. А у данные сидели мужи Игнатей Яковлев сын Черного, да Васька Клементьсв сын диак, да Филя Иванов сын Пономарев, Данную писал Козсмка Иванов сын Тороканов лета 7061 (1553), августа в 10 день.

²⁰³ - В житии пр. Феодосия, напечатанном при службе ему в москов. синодал. Типографии в 1823 году, в описании монастыря, изд. архим. Нафанаилом в 1850 г. и в житиях святых Муравьева – архиепископ ростовский назван Григорием, но Григорий умер 1416 года 3 мая, а в 1554 году архиепископом был Никандр, посвященный в 1549 году и скончавшийся в 1556 году.

²⁰⁴ - На ризе иконы надпись: В Спасо-Суморинскую обитель сей св. образ принесен руками пр. Феодосия Тотемского нового чудотворца, из Спасоприлуцкого Вологодского монастыря в 1554 г. июня 29 дня. Эта надпись основана на древней монастырской описи.

²⁰⁵ - Грамота 7063 (1555) года, марта 12.

²⁰⁶ - Феодосий – слово греческое, по русски – Богом данный.

²⁰⁷ - Арсений Тодорский, посвященный 15 августа в Новгороде в епископа Вологодского, тогда еще не прибыл в Вологду.

208 - Описание, что по осмотру, учиненному по силе присланных из Свят. Правит. Синода указов Арсением, архиепископом ростовским и кавалером и Арсением, епископом вологодским, найденному в Тотемском Спасопреображенском Суморине монастыре 1796 года, сентября 2 дня, при копании рва под фундамент новостроющейся в том монастыре церкви телу, именуемому пр. Феодосия тотемского чудотворца, сего декабря 8 дня оказалось против свидетельства, чиненного 1796 года ноября 14 и 15 числ сходственно и что не сходственно. По свидетельству 1796 года ноября 14 числа показано: По осмотру декабря 8 дня 1797 года оказалось: Гроб, вытесанный из соснового бревна мерою в длину 3 аршина 1 вершок с половиною, толщиною в возглавии в вышину 10 вершков с половиною и с крышкою, шириною 9 вершков с четвертью, в ногах вышиною 9 вершков, поперек 8 вершков три четверти. От ног верхней покрывки в длину по гробу с боку отломлено аршин 9 вершков, шириною в нижнем конце оной обломок 4 вершка с четвертью, а в верхнем два вершка с половиною, тлению оной весь гроб не подвержен. Сходственно: Внутри гроба покровец черной из шерстяной материи над главою цел, на коем вышит разными шелками осьмиконечный крест, а по бокам оного трость и копие не истлели, а шелк цвету своего не потерял. Шелк на покровц в цвте переменялся и оный покровец обветшал. На нижней кромке оного покровца вышиты были многие слова, но истлели, а только несколько значатся 2 литтеры на подобие ΘΕ, которых за ветхостью и высыпанием в них отчасти ниток за действительные признать сомнительно. На нижней кромке сих литтер ΘΕ по истлении вовсе не значится. К сему покрову прилежит другой над телом большой покров из той же материи на подобие схимы, на боковых и на верхней кромках сего покрыва вышиты были нитками слова же, но как многие из оных истлели и потому, что было вышито задостойник ли о тебе радуется, как на схимах обыкновенно вышиваем бывает, или другой стих, узнать не можно. Сходно и ныне, но весьма покров сдelaлся трухл. На верхней же кромке, прилежащей к выше прописанному маленькому покровцу остались в целости только 2 литтеры сего изображения ДО и сии две литтеры под

вышеозначенными на маленьком покровце литтерами такое положение $\Theta E / \Delta O$ и по внимательному и довольному рассмотрению все сии литеры оказались не вновь вышитыми, а подлинно старые. Ныне значится только сие изображение слов таким образом: $IO / \Theta E$ литтеры истлели. В рассуждении оставшихся литер оказалось и ныне сходно. С верхнего конца оного покрова поперек с правого боку около $\frac{1}{4}$ аршина, а с левого боку около вершка по шву отстало, а под оными последними двумя литерами с начала вышитыми шелком 3 небольшие креста и под ними 3 херувима. Сходно, но шелк в виде переменился. По ниже коих по середине осьмиконечный крест, а по сторонам оного по одному ангелу вышиты разными шелками, кои цвету своего не потеряли. Сходно, но шелк в цвете изменился. Около то креста вышиты белыми нитками слова ЕЛИРЬ СР $\text{IC}^{\sim}$ ХР $^{\sim}$. Сходно. Пониже среднего не кресте переклада слова НИ. КА, но сие последнее слово А истлело. Сии две буквы КА истлели вовсе. На оном же покрове внизу против колен по бокам 2 креста, а в середине звезда вышитые целы. Сходно, но шелк в цвете изменился. Под сим покровом над всем телом черное из монатейного шерстяного сукна покрывало, обшитое вокруг шнуром, который местами отстал, целы же. Трухлое. На лице параман черной материи, положен крашениной обложен тканцем, который в некоторых местах истлел. Сходно. На нем вышит вокруг крест и слова под титлами: $\text{IC}^{\sim}$ ХР $^{\sim}$ НИКА. Крест шитой четвероконечный со изображением сих литер $\text{IIIC}^{\sim}$ ХС $^{\sim}$. На голове камилавка черная монатейного шерстяного сукна и подушка в головах сукна монатейного же. У камилавки верх несколько истлел. Тело, лицо, нос, на голове и на бороде и на бровях волосы серые не густые и ресницы на очах, кои закрыты, значатся, уста сжаты. Цветом лицо желтобеловатое и вся голова с выею от плеч не отделена. Волосы русые с проседью на голове очень мало, а на браде редкие и короткие, уста несколько отверсты, на носу, на переносной косточке маленькое протлевшее отверстие. Носа кончик несколько приплюстен и ноздреват, под правым глазом над скулою небольшая в коже расседина и все оное лицо темножелтовато, правая щека почернела и левая потемнела. Руце сложенные на персях

вблизи к броне крестообразно. От локтя до кисти и от кисти персты все целы кроме того, что у правой руки указательного перста по первой состав тело и кость отвалились, но кость в том же гробе имеется на лице. Сходно. Цветом оные руки желтоватобелые и на них имеются в некоторых местах темные пятна. Темножелтые и кожа присохла к костям. Рубашка на оных руках холщевая не истлевшая. На ногах от колен тело истлело, и имеются одни кости черные. Сходно. Сапоги, у коих голенища от передов отстали и распоролось, а переды и подошвы и каблуки подбитые железными скобами и гвоздями, коих имеется в каждом каблуке по семи, целы. Сходно. Чулки серого сукна хотя и целы, но в некоторых местах истлели. Сходно. По свидетельству 1796 года ноября 15 дня состоящих под одеждою частей тела показано: По осмотру декабря 8 дня 1796 г. оказалось: У главы затылок сколько можно было прикоснуться рукою с обеих сторон цел, но мокр. Затылок с правой стороны цел, с левой внутрь главы есть отверстие. Шея и левое ухо цело, а правое во внутрь впало. Сходно, точию левое ухо присохло и кожа к костям присохла. По открытии рясы на грудях до препоясания рубашка холщевая сколько видно на грудях и на чреве и на ней гойтан шерстяной от шеи протягивающийся до пояса, с коим и соединен, целы. Сходно, но рубашка несколько трухловата. На плечах рубашка истлела. Сходно. В сгибах оных плеч тела не имеется и правая рука в плечном сгибу несколько отстала. В плечных сгибах руки обе отстали и в тех сгибах кости трухловаты. Грудь и ниже оных чрево впадшее, равным образом и бока, сколько рукою касаться можно было под рубашкою значатся целы. От лопки к правому боку чревная часть от грудной несколько отсела, а в прочем сходственно. Но по примечанию оное тело кажется быть мерзловато. И обе бедра под ряскою значатся целы же по самые колени из коих левое несколько раздробилось. От правого колена голень несколько поотстала. Ниже колен на голених, кои целы и от колен не отделились, а только почернели, тела не имеется. Ножных стоп мелкие кости и составы, как от голеней, равно и между собою отделившиеся хотя и целы, но со впадшею в пролом верхней доски гроба землею перемешаны, на затылке около плеч и на

коленах тело кажется быть трухловато, за каковою трухлостью и теснотою гроба к осмотру спины и прочих частей тела приступить было не можно. Сходно. Сходно, но оных костей, по причине сырости в том гробе и от того смерзшейся земли отделить и разобрать не можно. Платье все тлению предалось.

²⁰⁹ - Место, где по обрщении были поставлены мощи пр. Феодосия, была каменная стена, отделявшая Введенский придел, от Преображенской церкви. В 1797 году в ней сделана была арка или полуциркульный пролом для помещения и сокрытия гроба.

²¹⁰ - Письмо от 8 октября 1796 года.

²¹¹ - От 12 июля 1798 года.

²¹² - Тотемского Спасо-Суморина монастыря пр. отец Израиль! Духовное принося благодарение промыслу Творца Вышнего за озарение начала царствования Моего явлением и многими чудотворениями св. мощей пр. Феодосия тотемского чудотворца, в изъявление благоговения Моего к оным, посылаю при сем в обитель преподобного полную бархатную ризницу для соборного священнослужения. Приемля чистым сердцем и благодарным сие на дни Наша излияние Божия благодати, духовно молю, да всегда она на Мне и на царстве Моем пребывает. Остаюсь к вам благосклонный Павел. Санктпетербург. Января 8 день 1799 год.

²¹³ - Игумен Израиль испросил Высочайшее повеление, чтобы по кончине его крест был возложен на св. мощи, на которых он находится и доныне.

²¹⁴ - Написана сия история усердным сердцем преосвященного Варнавы архиепископа Холмогорскоаго и Важеского в бытность его в сей обители лета Господня 1712, ноября 1 числа, на память св. чудотворцев Космы и Дамиана.

²¹⁵ - Вологодск. Губернск. Ведом. 1849 г. № 44.

²¹⁶ - В истории Церковн. иерарх. ч. V тр. 51, Историч. словаре о святых стр. 6, преподобный Агапит назван спостником и сотрудником Логгина Коряжемского и сверстника его Христофора. Но Логгин слишком мало жил в Сольвычегодском монастыре и в 1537 г. был уже в Коряжме и в

1540 г. скончался. А Агапит, по преданию, пришел из Соловецкого монастыря после 1568 г., когда уже Логгина не было в живых; пр. Христофор вовсе не был в Борисоглебском монастыре и не мог быть сподвижником Агапита.

²¹⁷ - Места эти до ныне известны и обозначены часовнями, из коих 1 в 2 верстах от монастыря на северо-восток, 2 около версты за р. Маркушей, 3 в пяти верстах по западной стороне.

²¹⁸ - В истор. Российск. иерарх.: 7 V, стр. 52, митрополит назван Кириллом; но Кирилл IV скончался в 1377 году, а в 1578 году управлял митрополиею Антоний.

²¹⁹ - Волог. Губерн. Ведом. 1849 г. № 44.

²²⁰ - Закрыт в 1764 году.

²²¹ - В том доныне изобилующем лесами крае никогда не были в общем употреблении гробы плетеные из прутьев, потому, что такие гробы и не прочны, и нужно более труда и времени на сплетение их, нежели на сделание обыкновенного гроба из досок или колоды. Потому невероятно, чтобы для бедняка, каким представляется святой Прокопий по своей грубой и изорванной одежде, стал кто нибудь делать такой затейливый гроб. Не сам ли праведник устроил его себе? А ежели это так, то какое было его занятие? Не был ли он сиротой, бобылем, не имевшим пашни, неспособным к трудам земледелия и пропитывавшимся плетением корзин, рыболовных вершей и тому подобного, чем и ныне занимаются люди бедные и беспомощные? Самое положение тела его во гроб, с головою приклоненною несколько на бок и руками сложенными не по общепринятому обычаю и без савана, показывает, как небрежно было отнесено к его погребению.

²²² - Образ этот существует доныне.

²²³ - В 1764 году, по благословению Иоасафа, епископа Архангелогородского и Холмогорского, устроен и освящен придельный престол во имя св. прав. Прокопия при Верюжской Введенской церкви, где и ноши его почивают. В 1779 году, по благословению Вениамина епископа Архангелогородского (впоследствии архиепископа Нижегородского) при заячаростовской Богородской церкви, в приходе которой

находится в часовне (среди поля над ключом воды) чудотворный образ Прокопия Устьянского, весьма уважаемый народом, и на 8 июля привлекающий множество богомольцев из всех Кокшенских волостей.

²²⁴ - Странным представляется то, что епископ Арсений, наводивший справки о праведном Прокопии в Архангельской Консистории, по получении ответа от нее, не обратился за тем же в Новгородскую, между тем как знал, что угодник Божий явился еще тогда, как Верюжская Введенская церковь принадлежала к Новгородской епархии, где без всякого сомнения мог бы найти сведений о нем гораздо более. Ибо не без согласия же и ведома епархиального начальства мощи праведного Прокопия перенесены в церковь, и стали отправлять ему службу церковную и чествовать как несомненного угодника Божия. А все это происходило еще до причисления Верюжской церкви к Архангельской епархии. Да и Архангельские архиереи едва ли бы дозволили нетолько, по прежнему, отправлять службу угоднику, но даже строить во имя его церкви, если бы не имели к тому достаточного основания в распоряжениях владык новгородских. Опускание непоправимое!

²²⁵ - В Тотемский Суморин монастырь было тогда много приезжающих из других губерний по недавнему в нем обретеню мощей преподобного Феодосия, о чем печатным указом возведено было по всей России, и может быть еще и потому, что то был монастырь, куда издревле русский народ любит собираться на богомолье, хотя бы там и не было никаких мощей, и монастырь при городе, что давало богатым людям удобство к жизни. Напротив того мощи праведного Прокопия находятся за 200 верст от своего уездного города, в краю самом глухом и отдаленном. Как же бы о них узнал народ отдаленных губерний, когда не было о них никакой публикации, когда сам епархиальный епископ, известный своею любознательностью и ученостью, уже на четвертый год управления епархией, еще не видал их, и ничего не слыхал о них? А между тем этот отзыв Евгения едва ли не навсегда решил участь мощей праведного Прокопия.

²²⁶ - Верюжская Введенская церковь находится в стороне от больших дорог, и без мала в 500 верест от Вологды; народ тамошний доныне не имеет почти никаких сношений с ней, обращаясь за своими нуждами или в Устюг, или в Архангельск. Потому в Вологде и трудно было услышать что-либо о чудесах пр. Прокопия.

²²⁷ - Отношение Евгения епископа Вологодского к князю Голицыну 1811 года, августа 24, за № 152 на письмо князя от 7 августа.

²²⁸ - Первушин в 1816, а Свистунов в 1817 году.

²²⁹ - Местный обычай класть умирающих в передний угол комнаты, где находятся св. иконы.

²³⁰ - Сурский приход в 160 верстах от Малопинежского, ныне Архангельской губернии.

²³¹ - Кеврола на р. Пинеге, нынѣ заштатный город Архангельской губернии.

²³² - Этим и оканчивается сказание, сколько можно судить по рукописи, написанное при пресвитере Киприане, или им самим, или бывшим в то время при Преображенской церкви клириком Миною Афанасьевым, человеком бывалым и много видевшим, который прежде того «был в Русских местах, в разных монастырях, в Корнильеве, в Каменном и на Коряжме и в иных в дьячках и псаломщиках и клирошапех».

²³³ - Вологодские Епарх. ведомости 1764 г. № 1 стр. 18.

²³⁴ - Так как в дарственной грамоте о нем не упоминается, что без всякого сомнения было бы, если бы преподобный был жив. Грамоты эти обыкновенно писались так: се аз № №: дал есмь старцу №№: или кто иной по нем будет.

²³⁵ - Книга глаголемая: Описание о Российских святых XVIII века, в Московск. дух. академ., тоже в библиотеке Киевософ. собора; подлинник в библиотеке Филимонова под 12 июня; в полном месяцеслове Архимандр. Сергия.

²³⁶ - В древней рукописной книге, принадлежащей Заоникиевскому монастырю и заключающей в себе сказание о явлении иконы Богородицы, о бывших от нее исцелениях, о жизни и чудесах от гроба пр. Иосифа, службы и слова на дни

празднования им – путешествие Илариона со св. Космою описано так. И поидоша из церкви со святым и ядоша до деревни Дмитрикова то же веси и постояв мало под древом липою и рече ему св. Косма: сие место не угодно есть, но идем на иное место, есть место удобное Божией Матери и от того места отидоша. И дошедше в деревню Обухово и в той деревне стаха под древом березою. В то время вышла из дому своего некая жена, именем Варвара, яже бе ему сродница. И рече ему жена: Иларионе, пел ли ты молебное пение Василию великому? Святой же рече: Иларионе, помолчи мало, он же умолча. И нача та жена поносити Илариона неистово. И рече святой жено: жено, во истину от бе зумных еси безумная. Жена же глас слышавши, а святого невидящи, от страха побеже в дом свой. И святой рече ей: да простит тебе Господь Бог, и поидоша в путь свой до уреченного места, не дошед деревни Лусниково мало, бе бо в том месте малая поляна, мокротою исполнена и мелким лесом поросла и на том месте стаха под древом, древо же то зовомо ель.

²³⁷ - В описании чудес преподобного на 97 листе написано: 1742 года Заоникиевской.... Без всякого сомнения это описание какого-либо чуда, начатое, но почему-то неконченное, что показывает и место, оставленное для его вписания. Следующее затем чудо записано уже на другом листе.

²³⁸ - Князь Феодор Бельский был женат на княжне рязанской, родной племяннице Иоанна III.

²³⁹ - В рук. сборнике москов. дух. академии 1657 года под № 217 (святцы № 1 исчислены ученики блаженного Иринарха, затворника ростовского Борисоглебского монастыря, подвизавшиеся подобно ему в затворах: 1) Иоаким в Николаевском Шартомском монастыре, 2) Дионисий в Переяславль Залесском в Никольском монастыре, 3) схимонах Корнилий в Переяславском Борисоглебском монастыре и 4) Галактион в Вологде. Сии вси един образ имуще жития, железа тяжкая на себе ношаху и к стене цепями приковани бяху, пищею сухою питахуся, рыбы ж и масла ни скорому и мягких яств не прикасахуся. И житие их единому Богу. Людие мнози к ним приходяху и житие их ублажаху и пользу от них, сказывают,

велию приимаху, – говорит неизвестный, но почти современный писатель сборника. В житии пр. Галактиона нет и слова о том, чтобы он уходил куда либо из Вологды. Но житие писано спустя лет 15–20 после его кончины, когда многое могло уже изгладиться из памяти. В нем ничего не сказано даже о месте(пострижения и о сане преподобного. Что же удивительного после сего, если в нем не упомянуто об отлучке Галактиона из Вологды в Борисоглебский монастырь? Быть может это было еще до его пострижения, вскоре по кончине его супруги, о чем составители или не знали или забыли. Не в Борисоглебском ли монастыре он даже и пострижен? А тождество образа жизни Галактиона с Иринархом, какого не было в вологодских монастырях, показывает, что первый не чужд был последнему и у него перенял обычай приковывать себя на цепь, что даже не одобрялось в древности. (См. житие Симеона Столпника).

²⁴⁰ - На этого мироеда Нечая известно прошение его соседей, прихажан владычной слободы, поданное ими архиеписопу, в котором они жалуются на него за разные обиды и притеснения.

²⁴¹ - Курица – дерево, поддерживающее желоб, крыши и обыкновенно имеющее подобие крюка.

²⁴² - Деревянная церковь Знамения Божией Матери почему то построена была не над самою могилою пр. Галактиона и мощи его оставались в часовне, заменившей его келью до построения вместо деревянной каменной церкви, в которой гробница его привелась уже внутри, подле северной стены.

²⁴³ - Недавно в архив вологодской консистории найдены две отписки архиепископа Симона, относящиеся к освидетельствованию мощей пр. Галактиона. Хотя он и не решают вопроса, были ли мощи пр. Галактиона свидетельствованы, за то ясно показывают, какое великое уважение и благоговение имели к нему современные Симону вологодские граждане. Помещаем здесь одну из них. Отписка вологодского архиепископа Симона митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу в апреле 1673 года. Великому господину и государю моему преосвященнейшему Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому, Симон архиепископ вологодский,

святого твоего архиерейского благословения требуя и о твоём архиерействе Бога моля, низжайшее поклонение творю. Как тебя государя моего премилостивый Бог Своею благодатью в твоих архиерейских подвигах хранить? А аще волиш твое архиерейство и мне вспомануть и премилостивый Господь Бог наш, по Своей неизреченной благодати, моей грубости долготерпит: на Вологде, в дому премудрости Слова Божия, Апреля по 9-е жив, а впредь уповаю на Его щедроты. Челом бью на твоем государя моего жалованье, что о своем архиерейском благопробывании писанием возвещаешь и духовно своей любви к нам не умаляешь, наипаче простираешь. В нынешнем 181 (1673) году, апреля в 6-й день прислана ко мне на Вологду святейшего отца нашего патриарха грамота, а писана еще в январе месяце, о свидетельстве Галактиона, что на Вологде на посаде, а в грамоте написано: в прошлом де в 177 (1669) году послана ко мне блаженной памяти святейшего патриарха Иоасафа грамота о свидетельстве тогож Галактиона, и от меня до нынешнего 181 (1673) году января по 24 день о свидетельстве Галактиона не писывано. И в прошлом в 175 (1667) году будучи я на Москве и святейшим селенским и отцу нашему московскому патриархам п преосвященнейшим российским и иных государств архиереом и всему освященному собору предлагал жития вологодских новых святых да и того Галактиона, для свидетельства: и святейшии патриархи и преосвященнейшии архиереи и весь освященный собор. рассмотря о них новых святых ничево мне иново, толко поминование о них в обителях их велели творити. И для того против той грамоты от меня не писано. А писал я о сочинении нового жития и чудес того Галактиона о ведомости к тебе великому архиерею, да к преосвященнейшему Илариону митрополиту, да к духовнику Андрею Савичу. А ныне, по указу святейшего отца нашего патриарха и по грамоте о свидетельстве того Галактиона потщание творити стану, как вешний путь минется, незамотчав; а до того времени властей из монастырей за водами собирать нельзя; а что явится, и о том к святейшему отцу нашему патриарху отпишу. Здрав, государь мой, буди и Христо-дражательне и впредь меня писа нием

посещати не забуди. Да подаст нам Господь Бог милость свою ныне и в день судный, – Во второй отписке, к сожалению нецелой, на имя патриарха Питирима архиеп. Симон пишет между прочим: Били челом тебе великому архиерею тот же игумен Сергей с братьей и вкладчики, освященный чин попы и дьяконы и стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы и дворяне городовые, вологодские помещики и посадские и жилецкие всяких чинов люди и подали заручную челобитную, а в челобитной их написано: изволением де и благодатью Всемогущего в Троице славимого Бога, дивного во святых угодницех и прославляющего славящие Его, в вологодской архиепископии, близ града Вологды, в Галактионове пустыне, от честных мощей преподобномученика Галактиона многие чудеса от многих времен содеваются преславно и скорая недугующим православным людям, с верою теплою благоговейно притекающим, даруема помощь и доныне, якож не тайным быти сим делом Божиим не точью во граде вологодском, но и по окрестных пределах; да и к той же их челобитной разных чинов люди, сто одиннадцать человек руки приложили. (Вол. еп. вед. 1867 г. № 17).

²⁴⁴ - Сочинитель службы пр. Галактиону Иван Слободской в предисловии к ней говорит: лета мироздания 7205 (1397) преосвященный Гавриил, архиепископ вологодский и белоезерский со священным собором свидетельствовал мощей пр. Галактиона чудотворца, и обреете гроб его цел и тлением не объят. При том и аз грешный быв видети сподоблен, понеже бых тогда при нем преосвященном во услужении. А о телеси его преподобного мирови в явность не предложено или ради опасения гнева, что свидетельствовало было без благословенной святейшего патриарха грамоты, или за премену времени или за пресечение святейшему Адриану патриарху жизни сея смертною кончиною, или другого чего – не вем.

²⁴⁵ - Так как церковь находится на самом торговом тракте в Архангельск.

²⁴⁶ - В рукописном житии пр. Вассиана и в житиях святых российской церкви Муравьева (сент. изд. 1859 г. стр. 201) значится 30 лет, а у Филарета Черниговского 13 лет.

²⁴⁷ - Жернова были принесены преподобным на себе из селения Стрельны, находившейся в 20 верстах от его кельи; они существуют и доныне и в 1840 году при устройении огады около места убиения преподобного положены в основание ее – священником!, Алексием Кичановым.

²⁴⁸ - Приводим дословно сохранившееся в копии при Варницкой Воскресенской церкви, это прошение Рохлецова с архиерейской нанем резолюцией. Господину преосвященному Иосифу архиепископу Великоустюжскому в Тотемскому. Бьет челом богомолец твой, города Тотмы, старого посада, церкви Воскресения Христова священник Иоанн Рохлецов с приходскими людьми. В прошлом 7158 году января 16 дня преставися раб Божий священноиерей Максмы Макарьев сын Попов, который до преставления своего юродствовал сорок пять лет и погребен у той нашей церкви. По прошествии же не многих прешедших лет прослави его Бог многоразличными чудесы и с верою приходящим ко святому его гробу одержимыми скорбми неоскудное исцеление подавает, и оным его угодника чудесам в той Воскресенской церкви была роспись но оная волею Божию в 184 году церковь и находящаяся роспись чудесная сгорели. А что Государь после того пожарного времени, а именно в 188 году от него угодника Божия, было каких чудес и кому поимянно, какими скорбми одержимым, тому при сей челобитной ради подлинного свидетельства роспись. И в прошлых же, государь, годах ради от него угодника бываемых многих чудесах над мощми его построена и церковь во имя святой великомученицы Параскевы нареченный пятницы. Милостивый государь преосвященный Иосиф архиепископ Великоустюжский и Тотемский, пожалуй нас богомольца и сирот своих, благослови государь во оной церкви по обыкновении прочих угодников Божиих, также над мощами сего угодника Божия Максима построить гробницу и святым образом покрыти и вам свой святительский указ учинить. Государь святитель смилуйся пожалуй. К сей челобитной Воскресенской церкви священник Иоанн Рохлецов руку приложил. К себ челобитной по велению церковного старосты Ивана Горбунова Григорий Рохлецов руку приложил. 1715 года,

преосвященный Иосиф архиепископ Великоустюжский и Тотемский слушав сего челобитья указал в той церкви гробницу построить и святым образом наложить, против прочих угодников Божиих и молебствовать. Духовных дел судья Троицкого монастыря архимандрит Филарет.

²⁴⁹ - В рукописной книге, находящейся при устьчедумской церкви, сказано: «в Кожеозерский монастырь, в нем же храм неопалимые купины», но храм неопалимые купины устроен уже по учреждении в монастыре игуменства в 1608 году, а в это время Леонид был уже в Лузе.

²⁵⁰ - В русских святых Филарета (под 17 июля на стр. 109) сказано: «прожил около трех лет», а в подстрочном примечании прибавлено, что он был здесь Келарем и указано на статью «Кожеозерский монастырь» в Москов. ведом. за 1852 г. №№ 33 и 34. В этой статье свящ. Алек. Ивановского при перечислении игуменов Кожеозерских действительно говорится: Игумены Авраамий с 1608 г. по 1634 год, при нем Келарем был Леонид Устьнедумский. Но это очевидная погрешность автора. В 1508 году у Леонида была уже построена и освящена церковь на Лузе, а пред тем он прожил год в Моржевской пустыне и три года в Соловецком монастыре. В ист. цер. иерархии (ч. VI, стр. 581) и в Историч. словаре (1862 г. стр. 145) сказано: целый год, а в рукоп. книге Устьнедумской церкви – годишное время.

²⁵¹ - Моржегорский Николаевский монастырь близ Холмогор с 1682 году приписан к холмогорскому архиерейскому дому.

²⁵² - Строитель Корнилий Кочергин 1599–1623. Список иерар. и настоят. монаст. Строева, стр. 831.

²⁵³ - Рукописная книга Устьнедумской церкви.

²⁵⁴ - В рук. книге Устьнедумской церкви сказано: от правящего тогда престол великие церкви ростовские митр. Варлаама священство приемлет. Но Варлаам был хиротонисован в 1620 году, а с 1606 года ростовским митрополитом был Филарет, в 1609 году увиденный Переяславцами и Поляками в Тушино. См. Ист. цер. иерар. ч. VI стр. 583, Историч. словарь 1862 г. стр. 146 и рук. книгу Устьнедумской церкви.

²⁵⁵ - Рук. книга Устьнедумской церкви.

²⁵⁶ - Который дал место для построения монастыря.

²⁵⁷ - В историч. словарь о святых, в истории росс, иерерхии (ч. VI, стр. 583) и с русских святых Филарета (июль, стр. 110) освящение церкви показано 25 мая. Но в рукоп. книге Устьнедумской церкви не только ясно означено: мая в 23 день, но и присовокуплено: на память пр. отца нашего Михаила епископа Синадского, что по всем святцам 23 мая, а не 25, когда празднуется обртение главы Иоанна Крестителя.

²⁵⁸ - Пономарь Иван Яковлев 6 июля 1630 года прибывши Дедов остров, – находящийся в 7 верстах от Тотьмы на реке Сухоне – за грибами и ягодами, обрел на западной стороне его близ берега на дереве икону св. Троицы и Божией Матери с предстоящими апостолами Петром и Иоанном, пр. Сергием и учеником его Ионою, привезши ее в Тотьму, он показал блаженному Андрею и рассказал ему подробно как и где он нашел ее. Умирая блаженный Андрей завещавал Ивану отнести обратно эту икону на остров, построить на месте ее обретения часовню и в ней поставить ее, предсказывая, что на том месте будет поставлен монастырь. Но по смерти своего друга пономарь не спешил исполнить его завещания и как бы в наказание за то, сам должен был впоследствии исполнить пророчество блаженного о построении иноческой обители. Ибо посвященный в иерея к тотемскому собору, он вскоре овдовел и постригся в монашество в Заозерской пустыне под именен Ионы. Тотемский воевода боярин Феодор Абрамович Лопухин – его духовный сын – помог ему построить на Дедове сперва часовню для иконы, а потом и церковь во имя св. Троицы и украсив икону сребропозлащенной ризою с крестным ходом перенес ее на остров ко времени освящения церкви, а остроб отдал Ионе для построения обители. До построения цервви иеромонах Иона жил в пещере, выкопанной им близ часовни, а когда стали собираться к нему братия, тогда были построены кельи и все необходимое для общежития. Иона скончался и погребен в устроенной им обители. По штатам 1764 Дедовская пустыня назначена была к упразднению, но по прошению тотемских граждан оставлена была с одним белым

священником и причетником, а ныне приписана к Спасо-Суморину монастырю.

²⁵⁹ - На обороте челобитной помечено: 138 (1630) года июья в день дана благословенная грамота.

²⁶⁰ - Белавинское озеро в 60 верстах от Вологды, в окружности около 4 верст, в длину остров имеет 100 сажен, а в ширину 60.